АЛЕКСАНДР
ВАМПИЛОВ

ДОМ
ОКНАМИ
В ПОЛЕ

Восточно-
Сибирское
книжное
издательство

АЛЕКСАНДР ВАМПИЛОВ

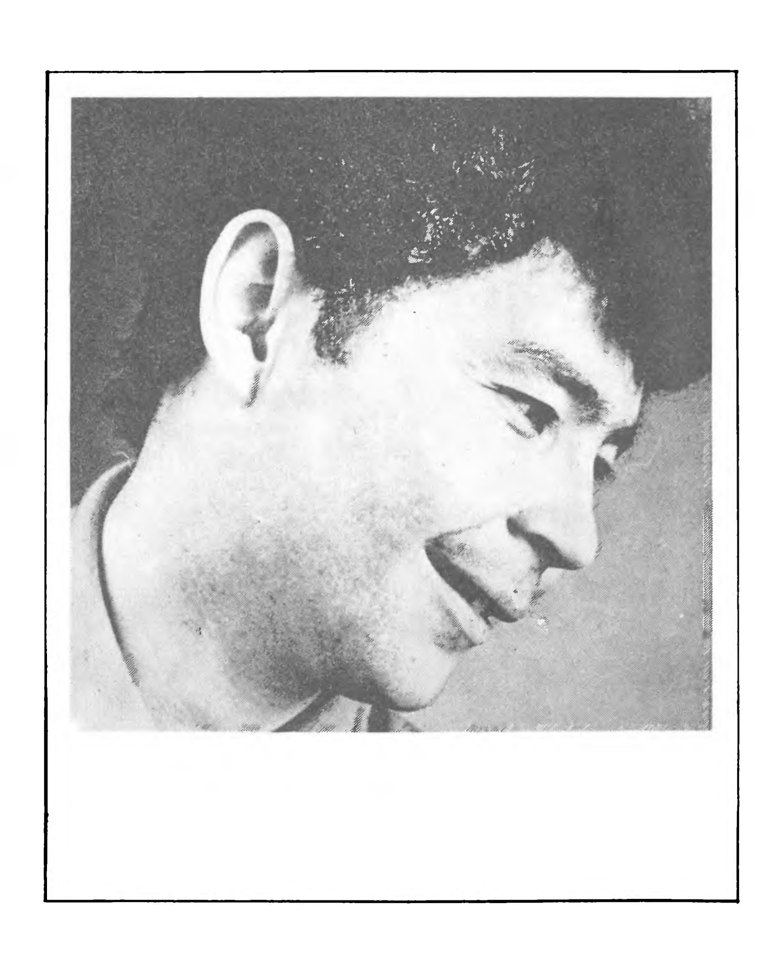
ДОМ ОКНАМИ В ПОЛЕ

АЛЕКСАНДР ВАМПИЛОВ

ДОМ ОКНАМИ В ПОЛЕ

АЛЕКСАНДР ВАМПИЛОВ

ДОМ ОКНАМИ В ПОЛЕ

Пьесы

Очерки и статьи

Фельетоны

Рассказы и сцены

ВОСТОЧНО-
СИБИРСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИРКУТСК 1981

Р 2
В 16

Вампилов А. В.

В 16 Дом окнами в поле.— Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1981.— 690 с., ил.
2 р. 40 к.

В 70600—65 / М141(03)—81 35—81 4702010200 Р2

ДУША ЖИВАЯ

1

Я не знал Александра Вампилова; разве что встречал его мельком в редакционных коридорах «Нового мира», куда он приносил показывать рукопись «Утиной охоты». И теперь внимательно вглядываюсь в его фотографию — почти мальчишеское, простое, скуластое лицо, копна густых волос, рот чуть приоткрыт в улыбке, рубашка простенькая, без галстука. А это писатель, из лучших драматических писателей нашего времени, трагически-случайно погибший накануне того дня, когда ему должно было исполниться 35 лет.

Русский гений издавна венчает
Тех, которые мало живут...

Отчего-то и до сих пор часто сбывается эта примета, подхваченная Некрасовым из народного присловья. А может, просто так кажется, потому что истинные таланты редки и ранний их уход поражает, как отвратительная несправедливость судьбы

Когда умирает настоящий писатель, даже если он умирает молодым, наследие его вдруг приобретает вид особой законченности. Становится очевидным, что автор был одержим одной мыслью, которую хотел прояснить до конца себе и всем; всю жизнь будто рассказывал одну сагу, лишь разбитую на отдельные сказания, со смешным и печальным вперемешку, но «всё об одном».

Первая большая пьеса Александра Вампилова «Прощание в июне» начинает тему, которая в самом общем виде может быть обозначена так: пеборет ли живая душа рутину жизни? И последняя пьеса, «Прошлым летом в Чулимске», в сущности, о том же. А между этими двумя вехами в разнообразных поворотах и ракурсах все тот же вопрос об энергии души, силе сопротивляемости злу и людской пошлости: это и в «Старшем сыне», и в «Провинциальных анекдотах», и — в своей трагической кульминации — в «Утиной охоте».

Вот почему сценическое наследство Вампилова — это не 5—6 собранных под одной обложкой пьес. Это театр Вампилова, свидетельство владевшей им, как художником, неотступной думы, воплотившейся в пестрых театральных лицах.

2

Биография автора «Утиной охоты» коротка и в главных фактах ныне общеизвестна. Родился в 1937 году в поселке Кутули-

ке Иркутской области в учительской семье. После школы будущий драматург переберется в Иркутск, чтобы продолжать ученье, и с юности обретет взрослую независимость.
Пробовать свои силы в сочинении рассказов и сценок Вампилов стал еще будучи студентом-филологом Иркутского университета. С 1958 года его охотно печатали в областной молодежной газете. В 1960-м он окончил университет, а уже в следующем, 1961 году, выпустил сборник юмористических рассказов «Стечение обстоятельств».
Потом писал пьесы. Пьесы не находили дороги на сцену. Начали их ставить незадолго до смерти Вампилова. Главное его признание и слава — посмертные. Он не дожил до того времени, когда стал одним из самых «репертуарных» драматургов в театрах нашей страны, когда пьесы его начали ставить во многих европейских столицах, на других материках. Вампилов утонул в Байкале в августе 1972 года: лодка, в которой он плыл, перевернулась, натолкнувшись на сплавное бревно, топляк.
Значение этой потери, острее понятое близко стоявшими к нему людьми, всей литературой сознавалось постепенно. И мало-помалу ярче обрисовывался не только общий смысл оставленного им русской сцене наследия, но и сам автор этих пьес — как человек, как личность. «Слушать его и говорить с ним было так легко и свободно, словно тобой в это время управляли какие-то посторонние добрые силы»,— вспоминает друг и сверстник Вампилова Валентин Распутин. Вообще, достаточно вслушаться в то, как говорят о Вампилове коротко знавшие его, чтобы стало ясно, каков он был человек. Ничего особенного как будто и не рассказывают, никаких «историй» и мифов, никаких запоздалых легенд вокруг чела его не сплетают, но в голосе вспоминающих столько дружеского тепла: лица их, кажется, светлеют при одном воспоминании о нем. И главное впечатление общее: правдивость и дар человеческой чуткости.

3

В ранних рассказах и очерках Вампилова, в большинстве своем печатавшихся в газете «Советская молодежь», есть подлинность и есть юмор. Темы их не бог весть как значительны: почти все о женщинах, о молодой влюбленности, случайных знакомствах на улице, в пути или на садовой скамейке — впечатления молодого, даже слишком юного наблюдателя. По большей части все это наброски, летучие зарисовки, эскизы, с характерной для юности смесью лирики и иронии. Но среди них уже попадаются по-чеховски тонкие сценки, исполненные уверенной рукой. Для Вампилова это период пробы сил, своего рода «период Чехонте». Автор сам сознавал, что проходит в газетных рассказах учебу, только еще разведывает путь, и оттого, наверное, украсил свою первую книжку псевдонимом А. Санин. Пьесы он будет подписывать собственным полным именем.
Вампилов начинал сочинениями, в которых самый благожелательный критик не нашел бы глубин мысли и обществен-

ного содержания, начинал с художническим простодушием. Ему просто интересно было живописать городскую улицу, комнату общежития, парк, вокзал; изображать влюбленных, их встречи, недоразумения, размолвки, позы и мины окружающих людей. Он шел не от общих идей, а от заразительной реальности. Идеи, нравственность, понимание жизни с постепенностью извлекались им из материи искусства, а не спускались ему готовыми — предпочтительный для живого творчества случай.

Наконец, он попробовал и сценический диалог. Одноактная пьеса Вампилова «Дом окнами в поле» написана пером тонким и легким. Объяснение перед отъездом, рвущееся с губ признание, так и не сказанные двумя людьми слова, решение остаться в последнюю минуту, сложность текущего за диалогом немого разговора желаний и чувств — все это, конечно, этюд, но этюд первоклассный к будущим большим пьесам. Из тех этюдов настоящих художников, что сами приобретают цену вне зависимости от созданной позднее картины.

Быстрое созревание таланта Вампилову обеспечила его незамороченность догмами, прирожденное умение без посредников заглядывать в лицо жизни. «Порой казалось,— замечал Распутин,— что у него какой-то особый строй мышления, потому что он подходил к сути разговора с той стороны, о которой отчего-то все забывали, он не удлинял, а углублял и расширял разговор, делал его как бы многомерным».

Вот эта непосредственность взгляда, дающая неожиданный результат, и сообщила дыхание жизни его пьесам. После Вампилова многие другие, притом известные сочинения, стали казаться искусственными, излишне «театральными», ориентированными на внешность и подобие жизни, а не на саму жизнь.

Когда появился Вампилов, фаворитами в театральном репертуаре были Виктор Розов, Алексей Арбузов, и их успех был заслужен. Сами эти драматурги пришли в театр как рыцари сценической новизны, ломая устоявшиеся шаблоны. После пьес конца 40-х и начала 50-х годов, таких, как «Великая сила» Б. Ромашова или «Зеленая улица» А. Сурова, эти драматические писатели казались (и были) вестниками нового, свежего содержания, прикосновенного к знакомой (в особенности у Розова) жизни, и смелой (в особенности у Арбузова) театральной формы.

Драматургия Вампилова, возникшая на их плечах, была и к ним полемична, как полемично всякое чреватое новизной искусство. Правда «Утиной охоты» оказалась жестче, резче, неоспоримее добросердечного правдоподобия пьес «В добрый час!» или «В поисках радости». А Сибирь Вампилова, Сибирь таежного Чулимска куда несомненнее условной Сибири «Иркутской истории». Как бы через головы ближайших предшественников Вампилов оглядывался на далекие вершины — Гоголя, Чехова, Шекспира.

Конечно, в молодом авторе еще не перебродили литературные влияния, и иногда нагляден хвостик театральных воспо-

минаний и «цитат»: то вдруг, как в «Случае с метранпажем», Хлестаков аукнется, то Епиходов мелькнет, а то пройдут отголоском и самые древние, еще от Плавта и Теренция, приемы комедии — «узнавание», любовь названого брата к сестре, как в пьесе «Старший сын». Для Вампилова еще не миновала пора ученья. Но проходил он его на самом высоком уровне и как достойный ученик классиков, потому что в главном был нов и современен.

И если уж искать духовного родства Вампилову в литературной современности, то его скорее можно обнаружить не в драматических жанрах, а в прозе 60-х годов, в прозе Абрамова, Белова, Можаева, Трифонова, Распутина и некоторые других авторов, сформировавшихся и выступивших в ту пору.

Но разделив с современной прозой силу ее непосредственной правдивости, уровень реальности, в ней достигнутый, драматургия Вампилова оставалась явлением ярко театральным.

4

Дар драматического писателя — из самых редких. Форма драмы ставит немало стеснительных условий. Надобен особый драматический слух, подобный музыкальному, и чутье, чтобы не просто переводить литературную речь в диалоги, но чтобы она лилась сверкающим, напористым потоком. Да еще — уменье привести на сцену героя, столкнуть его с другими лицами, и вовремя увести, чтобы актер не переминался праздно на подмостках, иначе заскучает зрительный зал. Важно и чувство сценического времени — искусство расположить пьесу с постепенным и неоспоримым нарастанием комизма или драматизма до фарсовой или трагедийной вершины. И мало ли еще условий, какие обязан принять в расчет драматург? Главное же, надо, чтобы пьеса дышала жизнью — подлинной, узнаваемой, а драматическое воображение автора открывало в узких границах одного театрального вечера новый характер, небанальный сюжет.

Все эти дары Талия и Мельпомена, выражаясь по-старинному, положили при рождении в колыбель Вампилову: он был драматическим писателем «милостью божией».

Маленькая пьеска «Двадцать минут с ангелом». А как точно нашел автор смешное и острое положение! Утреннее похмельное пробужденье в гостинице двух командировочных он довел до трагикомедии; легко и естественно поднял нашу мысль от житейского анекдота к философскому раздумью, и сюжет мастерски расположил: явил нечаянного благодетеля, создал парадоксальнейшую ситуацию, вывернул ее наизнанку и, казалось бы, все запутав, безупречно развязал узел.

В изображении современных будней у Вампилова нет уступок неправде: так жили, говорили, пили, ели, ссорились, любили, сходились и расходились люди его времени. И если он описывает типовой дом с зелеными балконами в новом микрорайоне областного города или террасу чайной в таежном поселке, разговоры, перебранки, любовные объяснения — можно не сомневаться: так оно все и было. И людей он не прикра-

шивает: честные, добрые, лживые, темные, великодушные, завистливые, смелые, трусливые — какие есть.

Вампилов — трезвый реалист, но не бытописатель. В его драматургии нет привкуса обыденности.

«Кино — это погоня, театр — это переодевание», — так оценил однажды различие двух родственников в искусстве Мих. Булгаков. И пусть это определение узко и неполно, но театру Вампилова тоже не чужда природа театра-зрелища, «переодевание», *маскарадность*. Студент Колесов из «Прощания в июне» переодевается в арестантскую робу, но, может быть, еще важнее его психологическое «переодевание» — из влюбленного энтузиаста в равнодушного циника. Внутренне переодеваются, выдавая себя не за тех, кто они есть, Бусыгин и Сильва в пьесе «Старший сын». И старик Сарафанов переодет: его выходной костюм — это мнимое служение в филармонии, занятия высокой музыкой, а действительная одежда — траурный фрак идущего за катафалком наемного музыканта.

Маскарад — житейское начало театра: радость маски, смена облика, розыгрыш, попытка вообразить себя другим. И в пьесах Вампилова жизнеподобие дополняется элементом игры: перед нами словно театр в театре. Розыгрыш лежит в основе фабулы «Старшего сына», недоразумение, помноженное на невежество и страх, рождает «Случай с метранпажем», бесконечные розыгрыши совершаются в «Утиной охоте». Зилов вечно играет — и заставляет жену проиграть вместе с ним, как реминисценцию прошлого, их молодую встречу, объяснение в любви. Он разыгрывает Ирину, которая намеревалась дать объявление в газету и ошиблась дверью. Он названивает по телефону в институт, куда поступает Ирина, то называясь проректором, то выдавая себя за своего приятеля Кузакова. И мрачный розыгрыш друзей Зилова с присланным на дом траурным венком — это вполне шутка в его духе, бумеранг его фантазии. Драматург строит систему зеркал — с двоящимся, уходящим в глубь перспективы отражением.

Но Вампилов театрален не только этим. Он любит психологическую эксцентрику на сцене, внезапный выход из ровных берегов быта. Когда Колесов рвет университетский диплом («Прощание в июне»), когда Калошин ложится в постель Виктории и вызывает врача-психиатра («Случай с метранпажем»), когда Хомутова связывают полотенцем («Двадцать минут с ангелом»), когда Васенька из ревности поджигает дом Макарской («Старший сын»), когда Шаманов дает Пашке пистолет и тот в самом деле стреляет в него («Прошлым летом в Чулимске»),— все это резко нарушает ровное правдоподобие, доводит ситуацию до точки кипения. Эксцентрика такого рода перескакивает через быт и заставляет светиться характеры.

5

Мы часто недооцениваем, как складываются и меняются поколения в нашей жизни, что каждое из них с собою несет, в чем их внутренняя несхожесть. А между тем, утверждают демографы, каждые 10—15 лет в жизнь входит, хотим мы

этого или не хотим, новая генерация людей со своими вкусами, надеждами, верованиями, увлечениями, со своими разочарованиями и кумирами.

Вампилов закончил Иркутский университет в 1960 году, к середине 60-х, по-видимому, вполне сложилась его творческая личность, и в драматургию он принес проблемы своего поколения.

В первой большой пьесе «Прощание в июне» (1964) главная тема Вампилова уже слышна, но как предвестье, обещание. Она еще не набрала силы, только прорезывается сквозь сюжет «студенческой комедии», то слишком замысловатой, то чересчур простенькой в стиле факультетского капустника. Тут густо эффектных положений, они набросаны щедро и неразборчиво: расстроившаяся свадьба, несостоявшаяся дуэль, герой, отбывающий пятнадцать суток на принудительных работах... Автор как бы не вполне верит, что сможет удержать наше внимание движением характера. А характер уже представлен им, и своя тема завязана судьбой молодого Колесова.

Талантливый студент — любимец курса, ловкий, дерзкий и находчивый с девушками, бесшабашный озорник, д'Артаньян, сорви-голова... Не лезет в карман за словом, очаровывает на ходу случайную незнакомку на автобусной остановке, является на свадьбу друзей через окно. И не теряется, когда его гонят из института: пристраивается садовником на даче у состоятельного гражданина Золотуева.

Этот Золотуев — вводное комическое лицо, но в замысле пьесы важнейшее. Нарушая все законы жанра, он произносит монолог на три страницы, не перебиваемый, хотя бы ради сценического правдоподобия, репликами собеседника вроде: «Ну, а дальше?», «Вот так история!», «Ну и ну...». Монолог этот — о беде старого взяточника, нарвавшегося на честного человека. Он все никак не может поверить, чтобы тот взяток не брал (все берут, важно в цене не промахнуться). Золотуев обижается, негодует на его показную честность и, даже отсидев положенный срок, уверен, что по недоразумению, и сокрушается одним: мало давал.

Но при чем тут пенсионер Золотуев, когда нас интересует залихватски смелый, честный и обаятельный парень Колесов? В Колесове кипенье сил молодых, неопасное озорство, а вообще-то он отличный малый, и, когда его вышибают из института, большинство студентов на его стороне.

Беда приходит к герою с другого боку, когда надо делать первый нешуточный жизненный выбор. Тут уж не кровушка по жилушкам переливается, дело серьезное: институт или любовь? Дело в том, что герой Вампилова любит Таню, дочь ректора своего института, и это мало нравится ее отцу.

Ректор Репников показан в домашнем быту — за столом, на котором красуется румяный, украшенный зеленью гусь. В импозантном ученом Репникове приоткрыты «золотуевские» черты. Он родня ему по символу веры (квартира, дача, машина — триада благополучия) и по убежденности, что все в жизни можно купить. Озабоченный тем, что его любимое чадо готово связать судьбу с авантюристом и хулиганом, Репников

предлагает Колесову сделку: его восстановят в институте, если он не будет встречаться с Таней.

«Честный человек — это тот, кому мало дают», — утверждал Золотуев. Колесов хочет учиться, хочет кончить институт, так что ректор искушает его не зря. И вот обаятельный герой наш Ромео, самоуверенный победитель и общий любимец, едва поразмыслив, соглашается.

Мораль Золотуева, отвергнутая человеком молодого поколения с презрением и насмешкой, оказывается все же проблемой. С жизнью не поспоришь... Это в книжках хорошо читать и в кино видеть, а тут, изволь, сам реши. Колесов и не замечает, как переходит в веру Золотуева: все продается и покупается, важна цена и цель... Оставить любимую девушку по сговору с ее отцом, понятное дело, и тяжело, и подловато. Но если диплом горит? Если судьба на кону?

В жизни каждого молодого человека настает момент, когда из тихой заводи семьи, дома, школы он выплывает в открытое море жизни и один раньше, другой позже встречает первое испытание совести, первый рубеж, пройдя который, случается, ты уже другой человек. Эта минута, этот критический миг притягивает внимание Вампилова.

Ведь Колесову было свойственно все, что подобает хорошей, честной юности: не паинька он, не подозрительный тихоня — живой человек. И что за беда, что рядом с романтикой души — недоверие к нравственным прописям, которыми вечно докучают старшие. Отсюда и озорство, молодечество. Отсюда и демонстративная практичность, показной рационализм, казалось бы, еще безвинный в молодом возрасте, но незаметно оправдывающий сделки с совестью.

«Меня привело к вам благоразумие. Будьте и вы благоразумны», — уговаривает ректор Репников своего студента. Слово «благоразумие» еще раз мелькнет, когда Колесов будет пытаться убедить Таню в неизбежности им расстаться.

Благоразумие победило, любовь погибла, а Ромео сломан.

Репников признается, что и у него в судьбе было нечто похожее на историю Колесова, когда он был молод и рвался в науку, — не оттого ли чуть презрительно взглядывает на него жена? Но его сломали, и он считает верным и справедливым, чтобы он сам теперь сломал Колесова. Итак, Репников — не бездарный же человек — был когда-то совсем таким, как Колесов. А может быть, Колесов станет в недалеком будущем таким же Репниковым? Мельница жизни перемалывала и не такие характеры.

Когда Колесов рвет свой диплом — это последняя вспышка внутренней честности. Но кто знает, хватит ли ему души на сопротивление более трудное, чем порыв?

В пьесе «Двадцать минут с ангелом» Вампилов показал, к чему в своей конечной логике может повести процесс начавшегося нравственного разрушения. Во всех постояльцах заштатной гостиницы «Тайга», кроме разве юной Фаины, есть нечто золотуевское. Золотуев не верил, чтобы нашлись люди, которые взяток не берут. Постояльцы «Тайги» не могут представить себе, чтобы кто-то просто так, «за здорово живешь» отдал свои деньги нуждающемуся в них незнакомому человеку.

«Интересно, почем нынче бескорыстие...» — замечает Ступак. В «спасителе» подозревают злоумышленника, шпиона, сумасшедшего: сознание подсовывает привычные стереотипы объяснений. Реплика Анчугина: «Скажи сначала, зачем приходил» — сниженный перифраз слов Великого инквизитора, обращенных к Христу, у Достоевского. Ни одна из готовых моделей (Журналист? Из органов? Фальшивомонетчик? Пьяный? Больной? Аферист?) решительно не подходит, а предположение, что человек может сделать добрый поступок «просто так», исключено заранее.

Вампилов ставит смелый эксперимент по установлению нравственного тонуса, того, что представляется «нормой» этим людям. В результате добро связано полотенцем по подозрению, и «спасаемые» готовятся вести в милицию откликнувшегося на их призыв о помощи «ангела». Непонятное пугает. Если бы агроном Хомутов прошел мимо, не откликнувшись на призыв о помощи, летевший из гостиничного окна, для Ступака, Угарова и Анчугина это показалось бы обычным, нормальным. Поступок, уличенный в бескорыстии, вызывает у них одно желание — кричать «караул!»

Итак, верить людям и вечно ошибаться или не верить им? Вампилов смотрит на жизнь прямо, честно, не отводя смущенно глаз в сторону. Поэтому его драматургия внутренне конфликтна. Лишенный мещанской заботы о внешнем благообразии, Вампилов откровенно показывает, какое значение имеет в жизни «интерес», проявления жизненной борьбы за успех, за карьеру, иногда просто за «кусок». «Не за красивые же глаза, сами понимаете...» — охотно объясняет один из его героев.

Временами может показаться, что жизнь в пьесах Вампилова предстает как косматое, неуютное, темное существо, в противоборстве с которым падают, ломаются или, напротив, выстаивают, побеждают его герои. «Мы одичали, совсем одичали»,— сокрушается скрипач Базильский в «Провинциальных анекдотах». И у критика К. Рудницкого было основание определить одну из основных проблем драматургии Вампилова словом «одичание»[1].

Но душевная омертвелость, дичь, грубый расчет, будь то вера взяточника Золотуева или непробиваемая нравственная тупость Анчугина и Угарова, не лишает Вампилова идеала, своей жизненной философии. Просто он болезненно чувствует **плотность жизни**, ее давление на каждый квадратный сантиметр души.

Эту плотность жизни мы явственно ощутим в бедности спектра жизненных интересов, однокрасочности быта. Даже собравшись за одним столом, герои «Утиной охоты» с трудом находят общие темы разговора, никаких застольных обычаев не могут вспомнить, а только так: «Поехали... понеслись... по первой... по второй...» И то, что Вера называет всех знакомых мужчин «аликами», знак потери индивидуальности, как и во всем: в манерах, разговоре, поведении. Плотность жизни —

---

[1] См.: Рудницкий К. По ту сторону вымысла.— Вопросы литературы. 1976. №10.

и при встрече с откровенным хамством, животной грубостью, оборотная сторона которых всегда трусость, паническая боязнь «начальства», как в «Случае с метранпажем». «Провинция» для Вампилова не столько географическое, сколько нравственное понятие: сфера жизни, куда будто не достают лучи просвещения, где зоологические интересы наглядны, а уловки лицемерия однообразны и простодушны; где смазаны яркие краски, где не верят в благородство и талант, а пуще всех людских достоинств уважают чин, должность и «кусок». Но Вампилов знает, что нравственное чувство в человеке способно противостоять безотрадным урокам жизни, а совесть, выгнанная с парадного хода, пробирается в душу с заднего крыльца.

6

Действие пьесы «Старший сын» (1965) начинается с грубоватого розыгрыша, недоброй мистификации. Двое подгулявших, промерзших молодых людей опоздали на последнюю электричку и ищут себе ночного пристанища. Недоверчивые жители предместья не расположены пускать к себе поздних гостей с улицы. «Человек человеку брат, ты, надеюсь, об этом слышал?» — эта формула почти ёрнически звучит в устах никудышника Сильвы.

Как известно, существует много хороших, идеальных лозунгов, заветов и правил. Но каждодневность не по лозунгам строится. Лозунг оставлен для торжественного собрания, его надевают, как парадное платье, по красным числам календаря. А частная жизнь, домашняя жизнь, семейное, дружеское общение, просто сфера неофициальных отношений идут сами по себе. Более того, чем идеальнее лозунг, тем нагляднее разрыв между ним и будничными обыкновениями жизни. На этом построена завязка пьесы «Старший сын».

Мысль выдать Бусыгина за старшего сына хозяина квартиры, в которую они случайно постучались, приходит молодым людям неожиданно — она навеяна демагогически, пародийно звучащей фразой о «страждущем брате». И вот уже Бусыгин, вошедший в роль пропавшего сына Сарафанова, выпивает, закусывает и отдыхает самозванцем в незнакомой квартире. Вязкую, тяжелую плотность жизни взрывает у Вампилова случай, парадокс, анекдот. Анекдот — испуг директора гостиницы перед столичным метранпажем, анекдот — благодетель, связанный людьми, которых он вздумал облагодетельствовать. Анекдот — и случай с Бусыгиным, навязавшимся в сыновья Сарафанову.

Анекдот подчеркивает неожиданность жизни, сообщает ей яркость красок. Невероятный случай подтверждает «свободу воли», невыявленную в буднях игру жизни. Ведь чинный порядок, механичность и изведанность проявлений равнозначны гибели индивидуальных, живых сил. В жизни слишком «плотной» и однообразной не чувствуется движения, перемен. И оттого случай, парадокс, анекдот, взрывающий быт, дают возможность заурядному, стертому материалу будней стать достоянием театра.

Жестокий розыгрыш в «Старшем сыне», казалось бы, удался Бусыгину и Сильве вполне. Но тут сюжет, начатый по внешности легкомысленно — шуткой, фарсом, делает крутой вираж. «Чему посмеешься, тому и послужишь»,— говорит пословица. Беззащитная, доверчивая душа старика Сарафанова защитила сама себя.

Можно подумать, что вся жизнь Сарафанова, какой она предстает в «Старшем сыне», это самообман, мираж. Оттого он так легко и попадается на розыгрыш Бусыгина, что всей предшествующей иллюзорностью своей жизни подготовил к этому себя. По свойствам его души Сарафанов не может лишь волочить существование сквозь будни. Ему непременно нужно жить какой-то мечтой, хотя бы домашним мифом, будто он работает в филармонии или вот-вот напишет ораторию, которая его прославит. Иначе бы бедность реальности, когда он принужден идти в поношенном черном костюме с кларнетом в руках за очередным покойником, задушила бы его.

И пусть наивна и чуть смешна страсть к творчеству, заставляющая Сарафанова верить в создание музыкального шедевра, в сочинении которого он, похоже, никогда не продвинется дальше первой страницы. Пусть чудачеством выглядит его цепляние за идеалы молодости, все равно великая сила старого музыканта в том, что он не хочет «зачерстветь, покрыться плесенью, раствориться в суете». Не за это ли ждет награда нового короля Лира? Когда младшие дети собираются его покинуть, старший сын возвращается к нему. Не свой, случайно явившийся сын, но сын несомненный.

Так вот что вышло из дурацкого розыгрыша Сильвы и Бусыгина! Выше правды ничего не бывает. Но добро в человеке для Вампилова — сила еще более могущественная. И в недрах обмана зреет новая правда. Важно не то, что Бусыгин обманул старика Сарафанова, назвавшись его сыном. Важно то, что он полюбил его как отца и стал близок ему как сын.

Вампилову дорог душевный идеализм — даже чудной, донкихотствующий, упрямый. Идеализм старика Сарафанова с его печальной тайной: «Я задержусь на работе... серьезная программа... Глинка... Берлиоз». Идеализм агронома Хомутова, готового отдать свои деньги тому, кто в них больше нуждается. Идеализм Валентины из пьесы «Прошлым летом в Чулимске», которая упрямо чинит калитку палисадника, пытаясь облагообразить клочок земли, на котором живет.

Тут один шаг до чудачества, мифологии сознания, охраняющего свою «идеальность» вопреки назиданиям жизни. Возникает даже сомнение — так ли уж надёжен этот упрямый старческий или младенческий идеализм, рискующий соскользнуть в «блаженное неведение». Вампилов честно и трезво показывает, что такие дорогие его сердцу герои, как Сарафанов или Валентина, имеют ту слабость, что готовы жить с закрытыми глазами: они не хотят видеть то, что противоречит их понятиям и желаниям, пока жизнь не обнажает этот разрыв.

Сила драматурга в том, что он стоит над своими героями: хочет видеть все резко и прямо и, однако, не теряет веры в людей и справедливость.

7

Оттого, что Вампилов чуток к добру, даже затаившемуся, стесняющемуся себя и почти случайному, он с таким огорчением и страхом смотрит на разрушение человеческой души. Колесов из «Прощания в июне» был первой пробой темы. Характеру еще не найдено было всех объяснений, герою — оправдательных аргументов и контраргументов. «Утиная охота» (1968) — самая горькая, самая безотрадная пьеса Вампилова, и характер Зилова — итог намеченного ранее.

Когда Вампилов писал «Утиную охоту», ему было 30 лет, и герою его, по ремарке автора, «около тридцати». Таким образом, Зилов оказался ровесником драматурга и, во всяком случае, принадлежал к одному с ним поколению.

«Писать надо о том, от чего не спится по ночам»,— любил, рассказывают его друзья, повторять Вампилов. По ночам не спится, конечно, не от умственных построений и логических отвлеченностей, какие можно рассудить и ясным утренним умом, а от чего-то лично важного. Герой «Утиной охоты» показан безжалостно, но изнутри, со всеми теми метаниями и проблемами, какие Вампилову знакомы не понаслышке.

Здесь снова в завязке пьесы злой розыгрыш. Друзья посылают Зилову на дом траурный венок и, пожалуй, не зря: переглядывая свою жизнь, он будто хоронит себя. Слов нет, приятели обошлись с ним безжалостно, но этот «черный юмор» спровоцирован им самим. Настроения изжитости всего, чем красна жизнь, прочно усвоены героем. «Брось, старик, ничего из нас уже не будет»,— говорит Зилов Саяпину. Он не оспорит и суждения Галины: «Тебе все безразлично, все на свете. У тебя нет сердца, вот в чем дело». И Зилов соглашается с женой: «Ты права, мне все безразлично, все на свете».

В глазах этого тридцатилетнего человека — небрежность и скука, уверенность в своей физической полноценности и ранняя душевная усталость. Будто от лет мальчишества он сразу вступил в старость души, миновав зрелость. Так кто же он такой — герой или ничтожество, палач или жертва?

Важно понять предысторию Зилова, оставшуюся за рамками пьесы,— иначе мы ничего не поймем в нем самом, не оценим верно и авторского отношения к нему. Каким был он в свои юные годы, неужели таким же вот сломанным и опустошенным, каким является теперь на сцене? Нет, в Зилове погублены или, в лучшем случае, временно занесены илом жизни силы незаурядные. Он не мелок: в нем угадывается запас сил, идей, характера, который он размотал и погубил. Человек острый, умный, независимый, он по всем параметрам души выше своего окружения — Кузакова, Саяпина или Кушака. Хочется думать, что в его прошлом — какие-то яркие убеждения, верования, быть может, и сладость действия. А сейчас у него чувство, что ему всё — всё равно, как будто из-под него выдернули его время.

Таким образом, за плечами Зилова смутно мотивированное автором, но несомненное разочарование, душевный слом, вследствие которого он готов перестать верить в добро, порядочность, призвание, труд, любовь, совесть. Им все изжи-

то: чувство к жене, привязанность к друзьям, интерес к работе. Даже новый дом, долгожданное новоселье, собравшее сослуживцев и друзей,— для него тоска: лишенный живого содержания, теплых красок, милых обычаев и простого веселья мир...

Слов нет, быт, которым живут в его кругу, тяжел и скучен, он подавляет своей изведанностью, цинизмом или лицемерием. Но сам Зилов, способный подняться над бытом,— его часть. Не он ли создает условия для своей гибели? Липовая статья на работе, уход жены, цинизм приятеля-официанта — все им же подогрето и спровоцировано. А все оттого, что он потерял (или не успел найти?) смысл, оправдание жизни. Другой бы прожил, о том не задумываясь, Зилов так не может. Но не найдя, ради чего жить, он теряет себя, становится пошловатым потребителем. Ему остаются разве что какое-то механическое изживание суток, редкие подстегивания себя, своего вялого душевного тонуса выпивкой и любовной интрижкой да еще мечта об утиной охоте.

Однако похоже, что сама охота — подмена деяний и страстей жизни. Зилов сродни тем охотникам, которые больше снаряжаются на охоту и рассуждают о ней, чем стреляют дичь. Есть соблазн трактовать образ утиной охоты у Вампилова как нечто возвышенно-поэтическое. В самом деле — природа, тишь, сосредоточенность души... Но оставлена ли здесь Зилову автором надежда на возрождение? «Знаешь, какая это тишина? — объясняет герой.— Тебя там нет, ты понимаешь? Нет. Ты еще не родился. И ничего нет. И не было. И не будет».

Объяснение сумрачное. Этими короткими фразами («И ничего нет. И не было. И не будет») будто гвозди заколачиваются, и вожделенная охота нема, как могила. Другой бы вспомнил по такому случаю — камыши, полет уток, зарю. Для Зилова — никаких примет живой эстетики природы, даруемой ею бодрости, подъема сил. Нет даже апелляции к прошлому, как в минуты поэтического забвения у толстовского Феди Протасова: «Это степь... Это десятый век... Это не свобода, а воля...» У Зилова же чаемая им тишина — беззвучие вечного забвения, немота почти потустороннего мира.

Настроение, прямо скажем, самоубийственное, и не зря Зилов пытается на глазах зрителя покончить счеты с жизнью. Он не выглядит в эти минуты героем. Нам не жаль его. Вернее, не так жаль, как дóлжно было бы жалеть человека обиженного, затравленного. Он собирается стреляться не оттого, что кто-то его обидел: больше всего он обидел сам себя. И когда он снимает с ноги сапог и нащупывает курок пальцами ноги, мы надеемся, что, может быть, это еще не всерьез, что это истерика, глупость. Но такая глупость и такая истерика, за которой долгая история погубления себя.

Он сам обрезал нити, соединявшие его с людьми, круг жизни постепенно сужался перед ним: к отцу, звавшему его проститься перед смертью, не поехал; жену оставил, безжалостно поиграв на прощанье в их общее прошлое, в ушедшую любовь; на службе легко согласился начинить дезинформацией подписанную им брошюру. И все оттого, что на все плевать, что трупные пятна поползли по душе, и при всем физическом

здоровье и мужской победительности траурный венок Зилову, кажется, ко времени.

Даже увлечение юной Ириной лишь ненадолго выведет Зилова из мертвой инерции. Потому что все для него стало лишь возбуждением нервов, щекотанием чувственности, жизненной игрой. Он всегда был в броне из иронии по отношению к приобретательству, мелким вожделениям таких людей, как Кушак. Но ведь и сам он, если сказать откровенно, заврался, залицемерился в отношениях с женщинами, как и во многом другом.

Жизнь бьет Зилова — смертью отца, уходом жены, равнодушием приятелей. И он, хоть и спазматически, будто в пьяной истерике, выкрикивает свои обличения лицемерию: «Кого вы тут обманываете? И для чего? Ради приличия? Так вот, плевать я хотел на ваши приличия».

Эти слова — прямое свидетельство, что герой так и не стал холодным циником, что не все доброе угасло в нем. Ужасно, ернически, истерично бунтует в Зилове сохранившаяся в нем тяга к правде — часть живой души.

Колесов из «Прощания в июне» еще с полной верой изобличал подлецов, Колесов еще сражался. В обличениях Зилова слышна надрывная нота — он, кажется, не верит ни в чох, ни в птичий грай. Он сознает, что снаружи помощь не придет. Стало быть, остается измениться изнутри, то есть сознать себя, и тем проложить путь к перемене... Горькая, тяжелая, правдивая пьеса, ведущая основную тему драматурга: как человеку не истрепаться, не выцвесть, не сломаться, вступая в многосложную жизнь. Как сохранить юность?

8

Есть такое житейское наблюдение: у каждого человека, помимо его бесспорного паспортного возраста, бывает еще какой-то стабильный возраст души. Одному всегда, даже в шестнадцать лет, можно дать все сорок пять по здравомыслию, другой и в шестьдесят сохраняет вечное мальчишество.

Следователь Шаманов из последней пьесы Вампилова «Прошлым летом в Чулимске» (1971), подобно Зилову, изношен, как старик, хотя ему едва за тридцать. Он живет лениво, будто в стоячей воде плывет. Все ему приелось, все прискучило: тайга, чалдоньи нравы, работа и бездомье.

То, что Шаманов так апатичен, спит на ходу,— не по возрасту ему и не по профессии. Он следователь, то есть привычный для литературы романтико-детективный герой. А здесь мы его встречаем заспанным, пристегивающим на ходу забытую было в чужой спальне кобуру с револьвером. Человек, в сущности, неплохой и честный, он уже склонен к компромиссам с житейской неправдой, инерция его закачала.

Подробности у Вампилова всегда важны. Шаманов говорит, появляясь из мезонина Кашкиной, что он отлежал руку Он отлежал душу — оттого так рассеян, неряшлив, равнодушен.

Но в отличие от предыстории Зилова, теряющейся в тумане, надломленность Шаманова строго мотивирована. Шаманов не захотел в трудном случае жертвовать профессиональной со-

вестью. Он не стал обелять сынка важного человека, наехавшего на пешехода, спорил, отстаивал свою правоту — и надорвался. Теперь ему кажется, что добиваться справедливости — «это безумие». Отсюда и его апатия, неряшливость, кратковременные вспышки энергии, гаснущие впустую. Не то что помочь, даже посоветовать что-то дельное старику-эвенку, пришедшему из тайги хлопотать о пенсии, он не может, кроме вялого: «Я тоже хочу на пенсию».

А возрождение героя возможно — возрождение любовью. Вот Шаманов понял, что его любит Валентина, и сам увлекся ею. И вроде снова хочется ему жить честно, и говорить правду в лицо, и всем помогать, и верить в добро, как в юности, как верит в него восемнадцатилетняя Валентина. «Все ко мне возвращается: вечер, улица, лес...» — реплика героя напоминает строку лирического стихотворения.

Подобно камертонному звуку, повторяется в пьесе мизансцена: Валентина чинит калитку палисадника перед чайной, оберегает газон с простенькими бледно-розовыми цветами. Все ломают калитку, топчут газон, ходят наискосок, как короче, посмеиваются над ней. «Детством занимаешься»,— бросает отец. А Валентина упорно чинит. За ней — победительная вера молодости в красоту и благообразие, в устранение непорядка, в возможность разумно устроить жизнь. И она не одна: похоже, что старик Еремеев, простодушный эвенк, с той же верою всю жизнь в тайге прожил.

Правда, свой слом есть и у Валентины, этого воплощенья нравственного здоровья. Когда она подумала, что Шаманов ее не любит да еще отец ладит выдать за другого, Валентина с отчаяния решается идти с Пашкой на танцы в Потеряиху. И тут она в первый раз не хочет чинить калитку: «Это напрасный труд... Надоело».

Конец пьесы не оставляет того чувства безысходности, какое было в «Утиной охоте». Шаманов решает ехать на суд, явки на который он по малодушию хотел избежать. Он еще поборется за справедливость! Валентина снова чинит калитку — это как знак возрождения жизни в ней.

Вампилова кровно занимало, почему люди, вошедшие в жизнь молодыми, здоровыми, нравственно сильными, далеко не достигнув вершины своей судьбы, ломаются и погибают. Как победить процесс нравственной эрозии, как удержаться в убеждениях честных и сильных? Ответ Вампилова обращает нас к себе самим, к тем неисчерпаемым резервам человеческой стойкости, какие есть в каждом человеке — лишь бы он не перестал верить, что может и должен жить достойно.

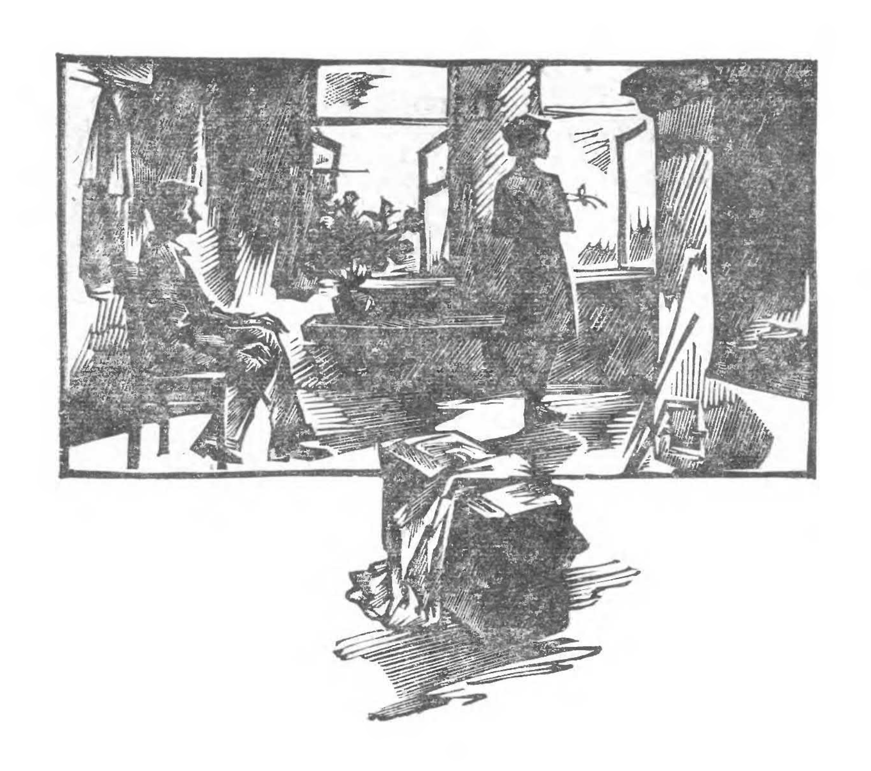
Вампилов правдив как художник, почти нигде не сглаживает углов, не припудривает, не выпрямляет жизнь. И кажется, вот-вот во взгляде его промелькнет усталость, выражение безнадежности. Но нет. Боязнь сделаться Зиловым, предупреждение Колесовым и Шамановым, как и с чего труха в человеке заводится, рождают призыв по-юношески верить в добро, иначе и жить нельзя.

С этой верой на дне души и жил драматург Вампилов.

Владимир Лакшин

ПЬЕСЫ

ДОМ ОКНАМИ В ПОЛЕ

Комедия в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Астафьева — заведующая молочной фермой.

Третьяков — учитель.

Хор за сценой.

Занавес открывается, и мы видим большую опрятную комнату — печь, стол, скамью. На лавке букет июньских цветов на стене ковер с изображением оленей. Здесь же несколько цветных фотографий из журнала «Огонек». Входная дверь слева, справа — дверь в спальню, прямо — два окна. У входной двери висит белый халат. Обстановка говорит о том, что в этом доме живет одинокая женщина. На дворе сумерки.

Астафьева появляется из спальни с бельем в руках. Задержалась у окна, подошла к столу, включила утюг. Астафьевой двадцать шесть лет, это привлекательная женщина. Перебирая белье, она с некоторой грустью задерживает в руках рубашку. Думает в это время, вероятно о том, что время, в сущности, летит так быстро. Вдруг выключила утюг, быстро подошла к окну. Наблюдает, ждет, взволнована.

Вот — увидела. Бросилась в спальню, вернулась, включила утюг, принялась гладить.

В эту минуту раздается стук в дверь.

Астафьева. Да-да! Пожалуйста!

Входит Третьяков, двадцати восьми лет. Симпатичен, толстоват и медлителен. Он с чемоданом, настроение у него растерянно-элегическое.

Третьяков. Добрый вечер, Лидия Васильевна.

Астафьева. Добрый вечер, Владимир Александрович.

Третьяков. Вот... Зашел, так сказать, откланяться...

Астафьева. А я думала, чего доброго, не попрощавшись уедете.

Третьяков. Ну что вы, как можно! Я с чемоданом с самого обеда. Обошел всю бригаду...

Астафьева. Ко всем, значит, зашли... Устали?..

Третьяков. Знаете, устал.

Астафьева. Устали... А тут еще к Астафьевой надо зайти. Вежливый вы, Владимир Александрович, через вежливость и страдаете...

Третьяков. Нет. Всех хотел видеть... Три года — все-таки не шуточки. Три года... И, знаете, только сегодня, в день отъезда, вдруг выясняется, что меня здесь все любят!

Астафьева. А почему бы вас, Владимир Александрович, не любить?..

Третьяков. Второгодники, оказывается, и те меня любят! Очень трогательно.

Астафьева. А что, вы хороший были преподаватель...

Третьяков. Говорят, чтобы добиться признания, надо умереть. Не обязательно. Можно просто уехать...

Астафьева. Хороший вы были преподаватель... Вот только чуткости вы мало проявляли и активности...

Третьяков. Откуда у меня активность, если я меланхолик?

Астафьева. Самодеятельность бы подняли, раз меланхолик...

Третьяков. Меланхолики ничего не поднимают. Им и так трудно... *(Садится.)* Через полчаса уходит автобус.

Астафьева. Спасибо, что зашли... Уважили.

Третьяков. Лидия Васильевна, разве я мог уехать, не повидавшись с вами?! К вам — последний визит. Для памяти...

Астафьева. Дом мой последний стоит. По пути...

На улице возникла песня. Она медленно приближается.

Третьяков. Да... Дом ваш последний. В хорошем он месте! Окнами в поле. И в лес. Уеду и буду вам завидовать.

Астафьева. Спасибо и на этом...

Третьяков. Вы, конечно, замечали, что я был к вам неравнодушен. Да, да! Да и вы, Лидия Васильевна... Скажете — нет? Помните май! Все могло быть по-другому... Ничего не было... Даже грустно. Вам не грустно?

Астафьева. К чему это вы говорите?..

Третьяков. Я уезжаю, могу я быть откровенным?

Песня совсем рядом.

Астафьева. Я помню май... Вы веселый были... Никогда я вас таким больше не видела.

Третьяков. Лидия Васильевна, скажите откровенно, на прощание — что было бы, если бы я тогда сел в ваш ходок?

Астафьева. Что ж... ничего. Поехали бы вместе...

Третьяков. Да... Я так и думал.

Астафьева. Я май хорошо помню... Вы пели, у вас ведь голос хороший, никогда бы не подумала...

Третьяков *(засобирался)*. Нет у меня никакого голоса... Пойду, Лидия Васильевна, я житель городской и не могу петь без аккомпанемента...

Астафьева. А из леса тогда мы за вами следом ехали... Вы видели?..

Третьяков. Да, да... Будем вспоминать...

Астафьева. А я думала, вы к нам в ходок сядете...

Хор останавливается под окном. Хорошо слышна мелодия, но слов не разобрать.

Третьяков. Так вот... Прощайте, Лидия Васильевна! Я думаю, мы еще встретимся. Мир тесен...

Подают друг другу руки.

Где-нибудь, когда-нибудь..., Счастливо оставаться... *(Отворил дверь.)*

Песня — громко.

Хор.

Несет Галя воду,
Коромысло гнется,
Стоит Ваня подле,
Над Галей смеется...

Астафьева *(вдруг)*. Постойте!

Третьяков *(прикрыл дверь)*. Да?

Слышна лишь мелодия.

Астафьева *(решительно)*. Я вас не пущу.

Третьяков. В чем дело?..

Астафьева *(лукавит с большим искусством)*. Сейчас я вас не пущу.

Третьяков. Почему, Лидия Васильевна?

Астафьева. Слышите?

Третьяков. Что?

Астафьева. Они остановились под окном.

Третьяков. Кто?

Астафьева. Вы что, не слышите?

Третьяков. Поют. Ну и пусть...

Астафьева. Садитесь, Владимир Александрович, послушаем... *(Приоткрыла дверь.)*

Хор.

Ой ты, Галя, Галя,
Дай воды напиться,
Может быть, я, Галя,
Не буду журиться...

Третьяков. Я опаздываю, Лидия Васильевна...

Хор.

Я не дам тебе воды,
Вода ключевая,
Ты не любишь меня,
У тебя другая...

Астафьева *(закрыла дверь)*. Славно поют!

Третьяков *(мягко)*. Это не имеет никакого значения. Я должен ехать. Даже если бы за окном был хор Пятницкого. Все равно. Даже тем более.

Астафьева. Сейчас я вас не пущу.

Третьяков *(в недоумении)*. Мне понятно ваше настроение... Я сам... Я тронут, но... мне некогда.

Астафьева. Вы уйдете...

Третьяков. Откройте же!

Астафьева. Но не сейчас...

Третьяков. Что случилось?

Астафьева. Сейчас десять часов вечера.

Третьяков. Ну и что?

Астафьева. Я говорила — вы нечуткий...

Третьяков *(задумчиво)*. Так... И неактивный?

Астафьева. Это уж само собой..

Третьяков. Так...

Подходит к Астафьевой.

Если я правильно понимаю, вы хотите, чтоб я ушел от вас утром?

Пытается обнять Астафьеву. Попытка, впрочем, довольно робкая.

Астафьева *(останавливает его)*. Вы ничего не поняли!

Третьяков *(обескуражен)*. Объясните! Сейчас мне уйти нельзя, утром — тоже... Когда в таком случае? Ночью? Днем? Завтра? Послезавтра?

Астафьева *(с достоинством)*. Вечером.

Третьяков. Но почему, Лидия Васильевна?! Вы, кажется, издеваетесь?

Астафьева. Десять часов вечера... Подумайте, что они скажут, если вы выйдете в такое время из моего дома?

Третьяков. Кто — они?

Астафьева. Вы что, не слышите?

Третьяков *(раздосадован)*. Ах вон что вас беспокоит! Что скажут?..

Астафьева. Да! Что скажут...

Третьяков. Они ничего не скажут, просто что-нибудь споют.

Астафьева. Сначала споют, потом начнут сплетничать. Вы что — не знаете?

Третьяков. Какие могут быть сплетни? Я уезжаю, зашел проститься. Разве из этого можно сочинить сплетню?

Астафьева. Вы-то уедете, а они останутся и будут думать...

Третьяков. Лидия Васильевна, пусть думают, нельзя же им все время петь.

Астафьева. Вам-то, вы уедете, а я... потом замуж не выйду.

Третьяков. Что?! Выходит, перед отъездом я должен выдать вас замуж?

Астафьева *(теперь она иронизирует)*. Тише, Владимир Александрович! Вы еще не в городе.

Третьяков. В городе мне, помнится, говорили: тише — вы не в лесу!

Астафьева. У нас уж так... Не взыщите!

Третьяков. Лидия Васильевна, не будем ссориться — откройте двери!

Смотрит на часы.

Астафьева. Не могу. Мы люди отсталые, с предрассудками...

Третьяков. Это вы-то! Ай-яй! Заведующая фермой, активист, передовая женщина! Вы меня удивляете.

Астафьева. Чему вы удивляетесь? У нас на ферме плохо с культурно-массовой работой. Разве не читали в газете?

Третьяков. Не читал.

Астафьева. Зря. Там и про вас сказано: «Куда смотрит интеллигенция?»

За окном пение смолкло, но заиграли на гармонике. Послышался шум прошедшей машины.

Третьяков. Автобус!

Астафьева. Но полянка-то еще не разошлась. Вот она рядом.

Третьяков *(с нетерпением)*. Черт возьми! Что же вы предлагаете?

Астафьева *(невинно)*. Хотите — чаем угощу?

Третьяков. Бездельники! Сколько можно петь и плясать!

Астафьева. Почему бы не поплясать? Только что отсеялись. Скоро сенокос.

Третьяков. Ну знаете, я в вас разочаровался. Мне о вас иначе говорили.

Астафьева *(кротко)*. А вам надо было проверить — так ли все, как говорили. Время у вас было...

Третьяков. Если вы считаете, что мне неприлично выйти в дверь, — выпустите меня в окно!

Астафьева. Ну да! На дворе луна, светло как днем! Не знаю уж, как в городе, а у нас через окно ходить не принято.

Третьяков. Неужели? Что же у вас принято в таком случае? Может быть, вылететь в трубу?

Астафьева. Попробуйте.

Третьяков. Не понимаю, чем вас смущает окно? Если увидят, скажете — вор. Дескать, учитель украл у вас шерстяную кофту.

Астафьева. Придумал!

Третьяков. Скажите что угодно, только отпустите наконец!

Астафьева *(мстительно)*. Не кричите на меня! Вы мне уже надоели. Как только они уйдут — пожалуйста, скатертью дорожка!

Третьяков. Спасибо. Автобус уйдет — где, интересно, я буду ночевать? Под сосной? Квартиру мою, между прочим, успели уже заколотить.

Астафьева. Если бы вы не кричали, а вели себя деликатно, я бы вам, так уж и быть, на лавке бы постелила.

Третьяков. Да? Вы очень любезны. Только я не желаю с вами больше разговаривать.

Сели в разных концах комнаты. Помолчали. На улице снова пение.

«Деликатно... Что же все-таки делать? Может, мне жениться на вас? Из деликатности...

Астафьева. Да я за вас никогда и не пошла бы.

Третьяков. Да ну? Вы же ко мне были неравнодушны. Скажете — нет? За вас вся деревня переживала...

Астафьева. Симпатизировала, пока не знала, какой вы есть.

Третьяков. Какой я есть?
Астафьева. Грубый, каких много...

Помолчали. Песня.

Третьяков. Где ваш муж, сумасшедшая вы женщина?
Астафьева. Нет у меня никакого мужа. И не надо!
Третьяков. Да где тот, что был? Неужели сбежал?
Астафьева. Разве похоже, чтобы от меня муж сбежал?
Третьяков. Нисколечко. Это верно. От вас, пожалуй, сбежишь...
Астафьева. Сама ушла. Мой муж был грубый человек...
Третьяков. Я понимаю, вроде меня?
Астафьева. Вначале маскировался, стишки писал, потом запил... А других, Владимир Александрович, женихов здесь не было...
Третьяков. Где он сейчас?
Астафьева. Уехал киномехаником.
Третьяков. Давно?

Песня удаляется от окна.

Астафьева. Пять лет прошло...
Третьяков. А мне говорили — четыре...
Астафьева. Ошиблись... *(Подходит к окну.)* Ну вот... Плен ваш кончился. Полянка расходится.
Третьяков. Действительно...
Астафьева. Зря горячились — успеете...
Третьяков. Простите меня...
Астафьева. Да нет, это вы меня извините. Все я придумала. Не боюсь я никаких разговоров, никакого мнения! Пошутила я, Владимир Александрович. На прощание. Взяла и пошутила — что мне?
Третьяков. Я же говорил, что вы издеваетесь...
Астафьева *(открывает дверь)*. Извините, что задержала...
Третьяков. Но... они... они, собственно, еще рядом...
Астафьева. Никак теперь вы боитесь, что люди подумают?
Третьяков. Нет... Но все-таки обидно. Ведь напрасно подумают, вот что обидно!

Астафьева. А вы огородом, огородом — незаметно... Идите, не то в самом деле опоздаете...

Третьяков. Я успею. Шофер знает, что я сегодня уезжаю, подождет...

Астафьева. Уезжайте, что вам здесь делать? Кого вам здесь любить, с кем разговаривать?! Отбыли свое — и уезжайте! Уезжайте в свой чудесный город! Он по вас скучает! Давно! И как только он там, горемычный, без вас? Я даже не знаю...

Третьяков *(задумчиво)*. Действительно... Как он там без меня, горемычный?..

Астафьева. Что и говорить! Вы проспали, все три года спали — и проспали! И видели во сне огни ваши голубые и проспекты! Что — я не знаю?.. Вы ходите там по мокрым улицам, все молодые, все гордые, и никто не знает, о чем вы думаете... А здесь — поле и лес, здесь все понятно, и вы — спите. И сейчас вы спите...

Третьяков. Нет, не сплю. Выспался. За три года выспался...

Астафьева. Вы шутите, вы всегда шутите, шутите и ждете отъезда... Вот вы его и дождались, отбыли свое, ну и прощайте!.. Зачем только вы сюда приезжали!.. Уходите.

Третьяков *(растерян)*. Минутку... Вы загибаете, уверяю вас... Летом в городе душно...

Астафьева. Зато — весело!

Третьяков. Летом город пуст...

Астафьева. В городе много развлечений!..

Третьяков. Ничего нового не придумали...

Слышится ворчание автобуса, затем — два сигнала.

Астафьева. На дороге. Вас кличет.

Третьяков. В ваши окна не видно дорог. Поле и лес, поле и лес... У вас зеленые глаза, вы наяда, сирена, от вас надо спасаться бегством...

Астафьева. Перешагнуть порог, чего проще...

На улице снова возникает песня.

Третьяков. «Перешагнуть порог...» Это сложная задача. Дураков полно по ту и по другую сторону порога...

Маленькая пауза.
Песня приближается Теперь это частушки.

Это точно, глупости человек делает перед порогом. И хорошо, когда ты подготовлен заранее. А если нет?.. Я три года преподавал в вашем селе географию. Преподавал географию и спал. Тихо, спокойно. И мне кажется, я не вовремя проснулся. Проснулся я перед порогом. Вы понимаете мои переживания?..

Песня остановилась под окном.

Астафьева. Они вернулись... Они остановились под окном!

Третьяков приоткрывает дверь.

Хор.
Я по улице иду,
Иду и примечаю,
На белы ставни погляжу —
Головкой покачаю...

Третьяков *(закрыл дверь).* Что же дальше?..

Астафьева. Что дальше?.. Вам лучше знать, что дальше...

Третьяков. Лидия Васильевна, порог этот — ваш... Я лунатик, в минуту я должен решить задачу, где почти все неизвестно. Я лунатик, снимите меня с крыши, посадите в автобус или...

Стук в дверь. Третьяков замолчал.

Астафьева *(подходит к двери).* Кто?

Дверь чуть приоткрывается, но никто не входит.

Женский голос *(за дверью; громко).* Лидочка! Ты учителя случайно не видела?.. Шофер его ищет, на станцию везти!

Астафьева смотрит на Третьякова вопросительно.

Третьяков. Скажите, что я здесь... Пусть... шофер зайдет.

Женский голос. По всей деревне ищет. Пропал педагог!

Астафьева *(громко).* Он здесь. Пусть сюда подъедут.

Женский голос. Нашлась пропажа!.. Подъедут, сейчас подъедут!

Третьяков. Наконец они перестанут петь..

Песня тотчас обрывается.

Астафьева. Наслушались... на всю жизнь...

Третьяков. Они пели неплохо, надо признаться...

Астафьева (*держится мужественно*). Без аккомпанемента.

Третьяков (*у окна*). В ваши окна не видно дорог... Там нынче покосы?

Показывает рукой.

Астафьева. За Марьиным логом...

Третьяков. Марьин лог... Из города едут сейчас на дачи... В поле и в лес...

Астафьева (*отлично держится*). Побалуются природой, отдохнут...

Слышно, как подъехала машина.

Третьяков. В город сейчас возвращаются сумасшедшие... Скажите, а вот приедет учитель вместо меня — его тоже здесь все полюбят.

Астафьева. А как же? Полюбим. Три года любить будем. Как полагается.

Третьяков. Мальчишка приедет, пижон с новеньким глобусом... Откроете мою квартиру, покажете мою школу и — полюбите... Грустная история.

Астафьева (*отчаянно*). Ничего. Переживем!

Третьяков. А мне не нравится. И мальчик этот с глобусом — не нравится... Забавно, но сейчас решается его судьба. Он в моих руках.

Голос шофера (*за дверью*). Как же понимать? Едет учитель или не едет?

Третьяков (*подошел к двери, открыл ее*). Кеша, прости меня, пожалуйста. Прости, что пришлось долго ждать.

Голос шофера. Ничего, Владимир Александрович, бывает хуже...

Третьяков. Сегодня я никуда не еду...

Голос шофера. Завтра рейса нет. Выходной.

Третьяков. Ну что ж, должен же ты когда-нибудь отдыхать.

Голос шофера. Обязан. Привет, Владимир Александрович.

Третьяков. До свидания.

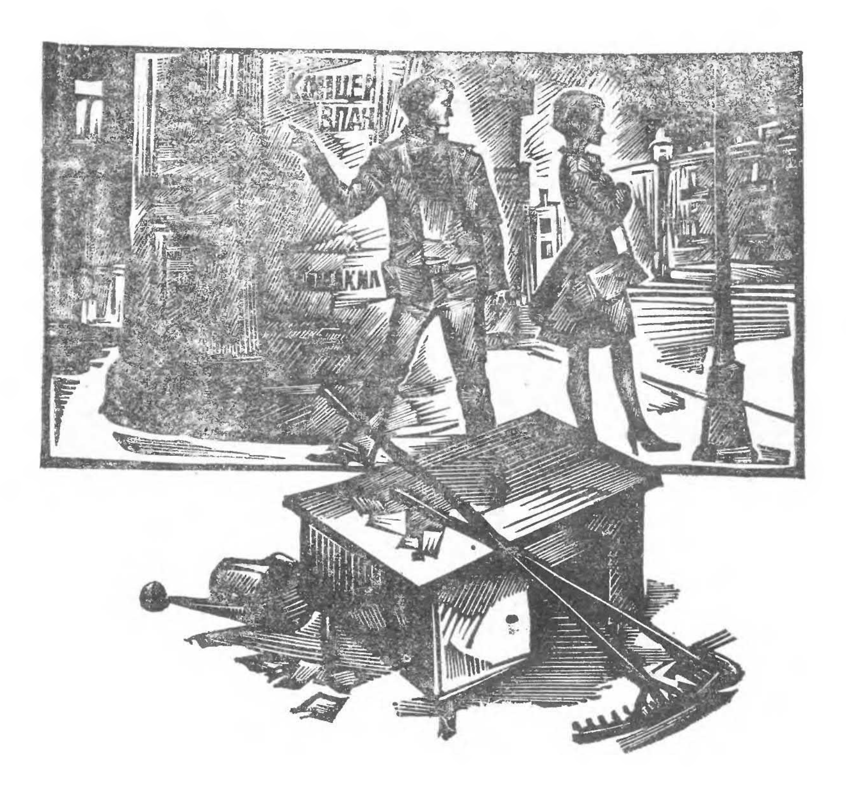
Дверь остается открытой. В отдалении еще раз раздается песня.

Астафьева. Опять! Вы слышите?.. Поют... ненормальные...

Третьяков. Плевать, конечно, но все-таки интересно, о чем они только что говорили!

Астафьева смеется.

Занавес

ПРОЩАНИЕ В ИЮНЕ

Комедия в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Колесов.
Букин.
Фролов.
Гомыра.
Репников.
Золотуев.
Таня.
Маша.
Репникова.
Веселый, Серьезный, Красавица — студенты.
Комсорг.
Строгая.
Милиционер.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

УЛИЦА.

Весна. Крашеный забор, большая доска с объявлениями, афишами. Угол старого двухэтажного дома, столб с табличкой «Остановка автобуса». Слышны гаммы: в старом доме кто-то учится играть на фортепиано.

Таня читает афиши. Появляется **Колесов.**

Колесов. Добрый вечер.

Таня *(не оборачиваясь)*. Добрый вечер.

Колесов. Давно нет автобуса?

Таня. Не знаю. *(Оборачивается.)*

Колесов. Ого... добрый вечер!

Таня. Что значит «ого»?

Колесов. Комплимент.

Таня. А-а... *(Поворачивается к афише.)*

Некоторое время оба молча читают афиши.

Колесов *(подходит к Тане)*. Девушка, куда вы едете, если не секрет?.. *(У афиши.)* В кино?.. Нет? Ну, значит, на концерт... Тоже нет?.. Куда же вы собрались? Неужели в театр?.. Все ясно. Куда — вы этого еще сами не знаете. А раз так, то идемте со мной.

Таня. Пристаете?

Колесов. Нет. Хочу вас пригласить...

Таня *(перебивает)*. Спасибо, но пригласите кого-нибудь другого... И вообще, у меня нет времени с вами разговаривать.

Колесов. Это неправда... Вы сколько раз прочли афиши? Скажите честно.

Таня *(не сразу)*. Три. Ну и что?

Колесов. Видите, вам скучно.

Таня *(пожала плечами)*. Просто я смотрю, куда завтра пойти.

Колесов. А сегодня? Куда вы хотите? На танцы? На концерт? На массовое гуляние?

Таня. Все это завтра. Почитайте. А в парке — через неделю.

Колесов. Чепуха! Мы откроем все это сегодня. Я вас приглашаю.

Таня. Куда вы меня приглашаете?

Колесов. На свадьбу. На первый случай я приглашаю вас на свадьбу.
Таня. На свадьбу? Прямо сейчас?
Колесов. Немедленно. Вас как зовут? У вас нет имени?

Молчание.

Таня. Есть. Да зачем оно вам?.. Я скажу, а вы, пожалуй, сразу и забудете.
Колесов. Почему?
Таня. Ну, вы так торопитесь. Конечно, вы все забываете.
Колесов. У меня хорошая память.
Таня. Не хвастайте.
Колесов. Нет, в самом деле, у меня приличная память. Хотите проверить?
Таня. Хорошо. Сейчас проверим... Отвернитесь!
Колесов. Отвернулся.
Таня. Так... А теперь скажите, кто приехал к нам на гастроли?
Колесов. Жанна Голошубова, эстрадная певица.
Таня. Правильно. А кто с ней?.. Так, не знаете... А запомнили ее портрет? Как она выглядит?
Колесов. Прекрасно выглядит. Улыбается.
Таня. Она вам нравится?
Колесов. Интересная женщина.
Таня. Вот и пригласите ее на свадьбу.
Колесов. А вы?.. Вы отказываетесь?
Таня. Вы это серьезно?
Колесов. Что?
Таня. Да вот приглашаете на свадьбу...
Колесов. С полной ответственностью. *(Смотрит на часы.)* Видите ли, женится мой друг, и на свадьбу я обещал прийти с самой симпатичной девушкой в городе. Я искал вас целый день, неужели вы меня подведете? Как?.. Нас ждут.
Таня. Нас?.. Ну, знаете, вы... И где же «нас» ждут?
Колесов. Чапаева, восемнадцать, комната сорок два. Ну?.. Соглашайтесь! Ручаюсь, скучно не будет.
Таня. Нет... И потом меня тоже ждут.
Колесов. Жаль... Ну что же... Придется пригласить артистку Голошубову... Счастливо оставаться.
Таня. Счастливо повеселиться.

Колесов (*пошел, вернулся*). Послушайте, давайте познакомимся. На прощание. (*Протягивает ей руку.*) Николай. Фамилия Колесов.

Таня (*подает ему руку*). Таня.

Колесов. И все же, Таня, зря вы от свадьбы отказываетесь. Пожалеете, Таня.

Таня. Ничего, переживу как-нибудь.

Колесов. Ну, смотрите. А то приходите, если надумаете. Комната сорок два — запомнили?

Таня. Как? Вы опять меня приглашаете? А с Голошубовой как же?

Колесов. Приглашаю и вас, и Голошубову. Что тут такого? (*На ходу.*) Места всем хватит — свадьба! (*Исчезает.*)

ОБЩЕЖИТИЕ.

В небольшой комнате вынесены кровати, сдвинуты столы. Свадебный ужин. Букин и Маша (жених и невеста), Фролов. Из гостей неумеренной непосредственностью выделяется однокурсник Букина по прозвищу Гомыра. Прочих, сидящих за столом, удобно назвать так: Комсорг, Веселый, Серьезный, Красавица. Разгар веселья.

Комсорг. Товарищи! Внимание, товарищи...

Гомыра (*перебивает*). Прошу слова! (*Поднимается.*) Тихо!.. Хочу сказать пару слов...

Букин (*поощрительно*). Давай, Боря, скажи. Вырази.

Гомыра. Сейчас, Вася, сейчас... Значит, так... Сегодня здесь в виде жениха и влюбленного человека сидит мой друг и геолог Вася Букин. Что я хочу сказать?.. Вася такой парень, что уж если чего надумал, то он идет прямым путем, честно и откровенно. Без козьей морды. На козью морду он не способен... И, между прочим, зря тут некоторые ухмыляются. С Васей я бывал во всевозможных маршрутах, кто-кто, а я знаю, какой Вася парень. По кустам он никогда не прятался, друзей в беде не бросал. Я это к тому говорю, что раз уж он попал в такую историю, то пусть он знает... (*Обращаясь к Букину.*) Короче, если что, то знай, Вася, у тебя есть друзья, которые не бросят тебя на произвол судьбы. У меня все. Выпьем.

Маша. Постойте. Что-то я его не поняла. (*Гомыре.*) Ты не мог бы выразиться яснее?

Букин. Все ясно, Маша. Он предлагает выпить за дружбу. Верно, Боря?

Гомыра. Вася, ты понял меня правильно.

Серьезный. За дружбу.

Все, кроме Маши и Фролова, выпивают.

Гомыра *(Фролову)*. А ты?.. Почему ты не пьешь? *(Букину.)* Вася, почему он не пьет?

Букин. Не волнуйся, он выпьет.

Комсорг. Товарищи! Прошу внимания...

Серьезный *(перебивает)*. Снова тост? Нет, так нельзя, только выпили — и снова. Дайте закусить.

Маша. В самом деле, мальчики. Ешьте. А то окосеете.

Веселый. А не спеть ли нам, ребята? По-моему, в самый раз. Такое что-нибудь, оригинальное.

Комсорг *(прорывается)*. Друзья! Послушайте, друзья! Сегодня мы отмечаем радостное для всех нас событие. Подумайте, всего у нас на пятом курсе биофака восемнадцать девушек, и, представьте себе, одиннадцать из них уже замужем. Сегодня мы выдаем замуж Машу — она двенадцатая, по-вашему, это не достижение? Вон у химиков, вы посмотрите, у них дела гораздо хуже. Да что говорить! От имени девушек нашего курса и от всей души я желаю молодым счастья и радости. И еще. Пусть этот Букин уважает Машу так же, как уважают ее у нас на курсе. Машенька, дай я тебя поцелую!

Комсорг и Маша целуются. Шум.

Гомыра *(взял в руку бутылку, разглядывает ее)*. Абрау-Дюрсо... Нежности какие...

Комсорг. И самое главное, товарищи! Сюрприз для молодоженов! В качестве свадебного подарка наш комитет и профсоюз выделяют молодым комнату в первом общежитии!

Одобрительные возгласы, звон стаканов, выкрики: «Горько! Горько!» Букин и Маша целуются.

Букин. Спасибо... Мы с Машей пьем за здоровье комитета и профсоюза. А также за рядовых членов, здесь присутствующих. За вас.

Серьезный. Послушайте, а где же Колесов?

Красавица. В самом деле, почему нет Колесова?

Маша *(засмеялась)*. Он придет, не волнуйтесь. Наверное, до сих пор носится по улицам.

Серьезный. С какой целью?

Маша. На нашу свадьбу он пообещал прийти с самой лучшей девушкой в городе.

Возгласы: «Пижон!», «Найдет!», «Приведет!», «Посмотрим!»

Веселый. Не оригинально.

Букин. Он зря старается. Я ему сразу сказал. Самая красивая девушка в городе уже здесь. Это моя невеста. *(Обнимает Машу.)*

Гомыра. Абрау-Дюрсо... До чего докатились, а?

Шум. Веселый что-то шепчет Красавице.

Красавица. Замолчите, это скучно.

Веселый. Я говорю, совершенно серьезно... *(Поднимается.)* Минутку внимания!

Серьезный. Опять? Нет, так невозможно. Вы навязываете бешеный темп.

Гомыра. Действительно, дайте человеку пожрать.

Веселый. Минутку внимания! Я к вопросу о самой лучшей девушке. Жених прав, ваш Колесов жестоко просчитался. Самые лучшие девушки собрались сегодня за этим столом. Давайте же мы выпьем за их здоровье, а Колесов тем временем пусть бегает по улицам. За вас, женщины!

Шум. Пьют все, кроме Гомыры, который демонстративно отставил от себя стакан.

Гомыра *(Фролову)*. Выпил?.. За женщин ты пьешь, а за мужскую дружбу, значит, не пьешь? Что ты этим хочешь сказать? *(Букину.)* Вася, что он этим хочет сказать?

Букин. Ты зря к нему придираешься. Не надо, Боря.

Шум. Фролов, доселе молчавший, поднимается. Наступает тишина.

Фролов. Я вижу, мне надо сказать несколько слов. Это просто необходимо... Люди здесь собрались в основном сведущие и, надеюсь, понимают, что сегодняшний вечер и для меня весьма знаменателен. Ни для кого здесь не секрет: пять лет я любил эту девушку и все пять лет она меня не любила. Маша, я не стал бы об этом говорить, но, по-моему, тут некоторые нуждаются в справке, так вот...

Мне не за что благодарить жениха, но, в конце концов, именно сегодняшний вечер освобождает меня от всех надежд, поверьте, за пять лет эти надежды мне изрядно надоели. Все должны знать: я пришел на свадьбу, чтобы искренне поздравить жениха и невесту и пожелать им самого хорошего. Желаю счастья.

Маша. Спасибо, Гриша...

Серьезный. Хорошо сказал.

Гомыра *(подозрительно)*. Красиво...

Букин *(Фролову)*. За твое здоровье.

Гомыра *(поднимается)*. А я предлагаю за геологов...

Букин. Подожди, старина. Сядь и закуси. Закуси, я тебя прошу.

Гомыра. Что такое геология?.. Знаете?.. Не знаете. Геология — это такая штука... это когда мы уезжаем, а вы остаетесь с нашими женщинами.

Букин. Не говори лишнего, прошу тебя.

Гомыра. Вася, заглянем правде в глаза. Мы с тобой уезжаем? Уезжаем. А они остаются. Что, неправда?.. Они ждут не дождутся, когда мы уедем.

Букин *(поднимается и усаживает Гомыру)*. Сядь, старина...

Серьезный. И веди себя приличнее.

Гомыра. Приличнее?.. Ну да, Абрау-Дюрсо, конечно, где уж нам... Ну ничего. Мы скоро уезжаем, а там медведи. Одни только белые медведи...

Веселый. Ребятишки! Давайте-ка что-нибудь споем, а?

Шум. Маша поднимается, отходит в сторону. За нею Букин.

Маша. Твой Гомыра мне надоел.

Букин. Не сердись, он остро переживает момент. Это у него чисто алкогольное. Я уверен, что впоследствии ты его полюбишь.

Маша. С чего ради? Почему я его должна полюбить?

Букин. Но ведь он мне друг, не просто так... И, видишь ли, сейчас ему кажется, что я лезу в петлю.

Маша. В петлю? А ты что на это скажешь?

Букин. Я? Лезу и радуюсь. *(Целует ее.)*

За столом оживление, шум.

Букин. Ну, а вообще как тебе это все... ну весь обряд в целом? Ничего?

Маша. Нормально... Совсем не то, что я себе когда-то представляла.

Букин. А что такое, разве не весело?

Маша. Могло быть и повеселее.

Букин. Ты так считаешь?

Стучится и входит Строгая.

Строгая. Добрый вечер. Я не стала бы вам мешать, но, как член студсовета, я должна вас предупредить: в общежитии ректор.

Веселый. Оригинально.

Красавица. По какому случаю?

Строгая. В частности ни по какому. Просто. Как правило, раз в семестр он нас навещает... Я не знаю, но мне кажется, надо его пригласить.

Букин. А кто против? *(Поднимается.)*

Комсорг. Сидите, жених. Я все сделаю. *(Уходит.)*

Маша *(Строгой)*. Садись, Алла. Гостем будешь.

Красавица. Садись сюда.

Строгая. Нет, что вы, девочки...

Голоса. Давай, давай. Присаживайся.

Гомыра дремлет.

Строгая. Я не знаю, я даже не думала.. Но, как член студсовета... *(Садится.)*

Букин. Итак, на свадьбе будет ректор. *(Маше.)* Ты рада?

Маша. Еще бы. Вот уж повеселимся.

Красавица. Колесов, видимо, уже не придет. Но это даже к лучшему.

Веселый *(ревнует)*. Странно. То вам жалко, что его нет, то опять хорошо, что его нет. Странно и таинственно... *(Всем.)* Ну, так как же, споем мы или нет? Романсик, а, какой-нибудь оригинальный?

Букин. Нет, никаких романсов. Есть пожелание что-нибудь повеселее. *(Поднимается.)* Одну минуточку... Предлагаю кое-что сверх программы. Новое в свадебном репертуаре. Букин прощается с Букиным. Минутку... *(Усаживает на свое место полуспящего Гомыру.)* Не похож, но дело не в этом. Представьте себе, что это Букин. То есть, что я сижу на месте и никуда не ушел. *(Идет к противоположному концу стола.)*

Строгая *(с подозрением)*. Интересно...

Букин *(со стаканом в руке)*. Дамы и товарищи! Друзья! Букина я знаю неплохо. Лично я знаком с ним вот уже двадцать четыре года. Если всю водку, которую мы с ним выпили вместе, поставить сейчас на стол, то, уверяю вас, мы пили бы здесь не один день и не два.

Веселый. Оригинально.

Букин. Я его прекрасно знаю. Он был веселый парень, честное слово, я никак не думал, что в ближайшее время ему взбредет в голову жениться. Этой глупости я от него просто не ожидал.

Строгая. Балаган.

Букин. Завтра же он выйдет на улицу, увидит там много красивых девушек, ему станет грустно, и он поймет, какой он дурак...

Веселый. Тоже оригинально.

Смех.

Строгая. Послушайте, это же не свадьба, это... я даже не знаю...

Гомыра *(внезапно очнулся. Маше)*. Женщина... Там одни медведи. Одни только белые медведи...

Маша *(Букину)*. Хватит. Убери от меня это чучело. И садись на свое место. Пока не поздно.

Букин. Ты хотела, чтобы было весело.

Маша. Теперь уж слишком весело.

Красавица *(Букину)*. Нет, продолжайте, это интересно.

Веселый. Давай дальше, это оригинально.

Букин. Одним словом, с Букиным все кончено. Пропащий он человек. На наших глазах он отправился в самый дальний и, я бы сказал, в самый рискованный маршрут... Подогнал ремни, сориентировался по азимуту — и привет! Курс — на семейную жизнь. Прощай, старина Букин! Счастливого тебе пути, и пусть лямки не режут тебе плечи. Горько!

Смех.

Гомыра *(поднимается)*. Вася! Друг!.. Все хорошо. Отлично. *(Мрачно.)* Но в этом деле замешана женщина.

Маша *(Букину)*. Послушай, может, хватит?

Букин *(уводит Гомыру на место)*. Все, Боря, номер окончен, садись на свое место.

Маша. Ему надо погулять.

Гомыра *(Маше)*. Женщина! Заглянем правде в глаза: все вы одинаковы. Стоит только нам уехать...

Букин *(трясет Гомыру)*. Помолчи, Вася, помолчи...

Строгая. Хамство.

Гомыра. Все вы одинаковы. Все!

Маша. Ну вот что... уходи отсюда.

Молчание.

Уходи.

Гомыра. Вася, мне предлагают удалиться...

Букин *(сдержанно)*. Помолчи, Боря... Сиди, но помолчи.

Маша. Сидеть он не будет. Он встанет и уйдет.

Фролов *(поднимается)*. Он не встанет. Ему надо помочь.

Строгая. Безобразие.

Фролов. Ему надо проветриться.

Гомыра. Ерунда! Мне просто надо выпить.

Фролов и Серьезный приближаются к Гомыре. Букин их останавливает.

Букин. Он останется.

Маша. Он уйдет.

Букин. Я прошу прощения. У тебя. У всех. Но он останется.

Гомыра. Вася, не унижайся. Если ты не против, я могу удалиться.

Букин. Сиди и помалкивай.

Маша. Тогда я уйду.

Букин. Садись, прошу тебя. Невеста ты или не невеста?

Маша. Пусть он уходит или... Пусть уходит.

Букин *(твердо)*. Он останется.

Маша. Как хочешь... *(Громко всем.)* Ну вот что, гости дорогие... Слушайте и не обессудьте. Свадьбу я объявляю недействительной.

Букин. Маша...

Красавица. Мария! Стоит ли?

Маша. Это шутка была, а не свадьба... Я *(показывает*

на Букина) и пьяница вот этот — мы пошутили. Вот и все. *(Быстро уходит.)*

Красавица выходит вслед за Машей.

Фролов *(Гомыре и Букину).* Развлекаетесь?.. Шуты гороховые.

Молчание.

Гомыра *(поднимается, идет к Фролову).* Вася, дай слово мне.

Букин *(кричит.)* Сядь, я тебе говорю!

Гомыра останавливается.

Фролов *(насмешливо).* Ну?.. Дуэли, вероятно, не будет? *(Постоял и вышел.)*

Букин. Дуэли не будет. Он прав. Прошу выпить и закусить.

Гомыра. Вася! Как же так? Разве это разговор?.. Это же... это Абрау-Дюрсо вместо серьезного разговора. Вася! Я не узнаю тебя.

Букин. Вполне естественно. Ты сегодня много выпил.

Гомыра. Ладно... пью последнюю. За цивилизацию. *(Пьет и выходит.)*

За Гомырой — Серьезный.

Строгая. Зачем вы пригласили этого хулигана?

Букин. Он мой друг... И он сегодня не в духе.

Красавица возвращается. Букин выходит.

Красавица. Отказаться от свадьбы, вы подумайте. Вот оно — настоящее легкомыслие.

Строгая. Я не знаю, конечно, и это не мое дело, но я должна сказать, что Машу я не понимаю. Фролов серьезный парень, давно ее любит, а Букин — откуда он взялся? Только познакомились и — готово! Да еще этот хулиган Гомыра. Прошлым летом, я слышала, у него увели невесту. Ну и что? Кто же тут виноват. Не все же подряд, правда же?

Веселый. Вот тебе и на. Так ничего и не спели.

Строгая. Нет, Машу я не понимаю.

Красавица. А впрочем, эти геологи ничего... Занятные ребята.

Веселый. А Колесов? Вы о нем уже забыли?

Красавица. Колесов? Да... Жаль все-таки, что он не пришел.

Входит Комсорг с магнитофоном в руках.

Комсорг. Товарищи! Ректор в соседней комнате. Сейчас зайдет.

Веселый. Нашел время.

Комсорг. Принесла музыку... А где остальные? Что случилось?

Веселый. Свадьба закончилась.

Красавица. Начался медовый месяц.

Комсорг. Неужели поссорились?

Строгая. Скандал, а не свадьба.

Комсорг. Как же так? Пригласили в гости ректора...

Строгая *(поднимается)*. Я как член студсовета... Мне неудобно, я ухожу. *(Уходит.)*

Комсорг. Он идет... Что же мы ему скажем?

Красавица. Не волнуйтесь, как-нибудь отбрешемся. Ему-то не все равно.

Стук в дверь. Комсорг открывает.

Репников *(входя)*. Разрешите?

Комсорг. Проходите, Владимир Алексеевич.

Репников. Добрый вечер.

Все. Добрый вечер.

Комсорг. Садитесь, Владимир Алексеевич.

Репников *(присматривается)*. Ну я, кажется, не вовремя... Где же гости?

Красавица. Гости?.. А они на улице... Гуляют.

Репников. Ага... *(Веселому.)* Вы, видимо, жених? *(Садится.)*

Веселый. Я?.. Ну да.. до некоторой степени...

Репников. Геолог? Слышал-слышал. Зашел поздравить. Поздравляю вас.

Веселый. Меня?.. Ну что ж, спасибо.

Репников. А невеста? Кто у вас невеста?

Комсорг. Она... она вышла...

Красавица. Маленькая неприятность. Пролила вино на белое платье.

Репников. Ну это пустяки.

Красавица. Разумеется, пустяки!

Входит Гомыра.

Гомыра. А если что не так, то дайте мне по морде... *(Заметив Репникова.)* Нет, я ничего... Ничего такого... Одни медведи, одни только белые медведи...

Репников. А что так невесело? Ни песен, ни танцев. Что, разве студенты разучились веселиться?

Красавица. Нет, что вы. Это у нас так... Затишье.

Веселый. А может, что-нибудь споем, действительно?

Комсорг, пробормотав «сейчас», включает магнитофон, негромко звучит музыка — нечто развеселое.

Гомыра *(Репникову)*. Задумал геолог жениться — и вот, как видите... Выпьемте, Владимир Алексеевич, за геологию. Вы знаете, геология — это такая тонкая вещь...

Репников. Что ж. Когда-то я тоже подумывал о геологии, но я домосед, и потому...

Гомыра. Вы сидите дома. И правильно, между прочим, делаете... А Вася геолог, да и молодой он еще.. Ничего, потом еще будет благодарить своего друга, увидите. А я и с самого начала был против...

Репников. Против чего?

Гомыра. Против всего. В основном против женского персонала... А вы разве не в курсе?

Репников Выходит, что нет. *(Всем.)* А что, собственнно, у вас здесь случилось?..

Молчание.

Красавица. Не сошлись характерами. Обычная история...

Репников. Обычная?.. На свадьбе стало ясно, что не сошлись характерами... любопытно...

Гомыра *(трезвея)*. Нет, если что, то Вася не виноват, имейте в виду. Из-за меня получилось...

Репников. Из-за вас?.. Из-за вас все может случиться, не сомневаюсь. *(Всем.)* Ну-с, расскажите-ка мне все подробнее.

Красавица. Да нет, в общем-то, все было тихо, благородно...

Комсорг. Владимир Алексеевич, мы их помирим.

Красавица. Помирим, конечно. И вообще ничего дурного тут не было.

Комсорг. И не будет...

Окно вдруг распахивается, в комнату прыгает Колесов, Репников сидит спиной к окну так, что Колесов его не узнает, а может быть, и не замечает. Колесов бросается к выключателю.
Темнота.

Колесов. Прошу прощения. Закройте дверь на ключ и сидите тихо. Если сюда постучатся — здесь живут девушки, они уже разделись и легли спать. Вам понятно?.. Двери не открывать ни в коем случае. Извините, что опоздал.

Репников. Что такое?.. Что здесь происходит?

Колесов. Ничего особенного. Меня ловит милиция.

Репников. Включите свет.

Колесов. Ни в коем случае! Здесь спят девушки, я, кажется, сказал. И выключите магнитофон.

С перепугу кто-то прибавил магнитофону звук. Все кричат.

Репников. Включите свет!

Колесов. Тише!.. Что это за бас у вас тут появился?

Репников. А я говорю, включите свет!

Колесов. А я говорю тебе — помолчи. Что с тобой? Ты что, темноты боишься?

Репников. Немедленно включите свет!

Колесов. Слушай, замолчишь ты или нет?

Комсорг. Коля, прекрати!

У выключателя слышна возня. Что-то падает. Шум, музыка.

Репников. Свет!..

Колесов. Гомыра, возьми своего друга, или...

Гомыра. Без рук, Коля! Без рук!

Красавица. Кошмар!

Комсоргу удается включить свет. Колесов и Репников держат друг друга за руки. За окном стоит милиционер. Пауза.

Репников. Ах, это вы?

Колесов. Владимир Алексеевич?

Репников *(Комсоргу о магнитофоне)*. Выключите. *(Комсорг выключает магнитофон. Милиционер в окне исчезает.)*

Колесов. Простите, Владимир Алексеевич, но в темноте...

Репников. Вы меня не узнали. Надеюсь.

Колесов. Честное слово...

Репников. Хорошо, это мы потом обсудим, расскажите-ка нам лучше, кто за вами гонится и почему?

Входит милиционер.

Милиционер. Здравствуйте. *(Подходит к Колесову, протягивает руку.)* Документы.

Колесов отдает ему документы.

Милиционер *(берет их, просматривает)*. По какому поводу пьянка?

Репников. Здесь, представьте себе, празднуют свадьбу.

Милиционер *(Репникову)*. Что у вас произошло с нарушителем?

Репников. Не беспокойтесь, мы здесь люди свои, разберемся сами.

Милиционер. Как хотите. Вы, как видно, преподаватель?

Репников. Да. А у вас что он натворил?

Милиционер. Дебош в гостинице. Ваш студент ворвался в номер артистки Голошубовой...

Колесов. В номер я постучался.

Милиционер. Ворвался и произвел там дебош.

Колесов. Я пригласил Голошубову на свадьбу, и она согласилась...

Милиционер. Причем нанес телесные повреждения музыканту Шафранскому.

Колесов. Этот тип ворвался в номер, стал кричать, оскорбил женщину, и меня он оскорбил. Я привел его в чувство...

Милиционер. Ударом кулака. Кроме того, пытался скрыться. Короче, копию протокола вы получите. *(Колесову.)* Пошли.

Колесов *(со вздохом)*. Пойдемте. *(Всем.)* До свидания. *(Репникову.)* До свидания, Владимир Алексеевич.

Колесов и милиционер уходят.

Репников. Хорош... В прошлом году биологи добивались свободного посещения. Если мне не изменяет память, Колесов возглавлял компанию... Боюсь, что он своего добился...

Молчание.

Красавица. Надо же...
Комсорг. Что же теперь будет?
Репников. Судя по всему, его будут судить.
Красавица. А надо же так: перед самыми госэкзаменами! Неужели из-за этого...
Репников *(перебивает)*. Он получит по заслугам. Не меньше. Но и не больше.

Появляется Букин.

Букин *(со вздохом)*. Здравствуйте...
Репников. Здравствуйте...

Небольшая пауза.

Букин *(развел руками)*. Виноват, каюсь... Прошу прощения... А что поделаешь? Да и кто тут больше всех пострадал? Я же и пострадал.
Репников. А почему вы, собственно?
Букин. Кто же еще?
Репников. А кто вы здесь такой, извините? Родственник невесты? Жениха?
Букин. Почему родственник?
Репников. Ну кто вы?
Букин. Как кто? Жених... к сожалению...
Репников. Жених?

Небольшая пауза.

Ну-ну, друзья. Спасибо вам за приглашение. Спасибо. Не могу остаться в долгу. Жениха и невесту приглашаю завтра к себе. К десяти часам... *(Остальным.)* И вы приходите.

Стук в дверь.

Красавица. Войдите.

Входит Таня.

Таня. Извините, я могу видеть Колесова?
Красавица. Кого?
Таня. Колесова.
Веселый. Э, зайдите, девушка, попозже. Суток этак через пятнадцать.
Репников *(поворачивается)*. Татьяна?

Загородная прогулка. Солнце. Молодые березы, древняя кладбищенская ограда, перед нею асфальт, вдали — новые

строения. Колесов, Золотуев и милиционер входят. В руках у Колесова лом, Золотуев с лопатой. Останавливаются.

Золотуев. Товарищ сержант, это же кладбище.

Милиционер. Ну и что?

Золотуев Как — что? Мне пятьдесят восемь лет, у меня жаба. Я таких шуток не понимаю. Я возражаю.

Милиционер *(расшатывает ограду)*. Возражай, пожалуйста.

Золотуев. Я против таких методов. Это незаконно. Мне полагается десять нормальных суток.

Колесов. Успокойтесь, сержант привел нас на экскурсию.

Милиционер. Слушай, хулиганы. Дело простое: будете разбирать ограду. Ломать ее и выкапывать столбы. А после перетащите все это туда *(показывает)*, подальше от дороги.

Золотуев. Господи, для чего же это?

Милиционер. Не ваше дело. Постановление горсовета.

Колесов. А в самом деле, что здесь намечается?

Милиционер. Трамвайная линия. Будете тут на трамвае кататься. Если, конечно, не сядете до той поры.

Золотуев. Старого человека вы заставляете разрушать кладбище! Разве это достойно?

Колесов. В самом деле, какая бестактность.

Милиционер. Приступайте.

Колесов *(Золотуеву)*. Живописный уголок, не правда ли? Вам здесь нравится?.. *(Милиционеру.)* Сержант, нам бы здесь местечко — тихо, по знакомству. А, сержант?

Милиционер. Сейчас здесь не хоронят. И давайте за работу. Приступайте. А я схожу тут... возьму папирос. Ваша норма — вон до того столба. И учтите, пока не сделаете — не уйдете.

Золотуев. Товарищ сержант, я все-таки протестую.

Милиционер. Протестуй, пожалуйста. *(Уходит.)*

Колесов. Какие у вас могут быть протесты? Пожили, похулиганили — хватит с вас.

Золотуев. Был бы ты мой сын! Эх, и вздул бы я тебя!

Колесов. А вы возьмите меня на воспитание.

Золотуев. Тебя? Ну что ты? Сторожем я могу тебя взять. Мне нужен сторож. На дачу.

Колесов. Нет. Лучше на воспитание. Вы сирота, я, между прочим, тоже сирота — двумя сиротами на свете будет меньше. У вас, стало быть, дача?.. Это интересно. А пенсия? Будет у вас пенсия?

Золотуев. Мне пенсия не нужна, у меня жаба.

Колесов. Дача и жаба. Нет, вы мне все больше и больше нравитесь... А интересно, за что вы страдаете?

Золотуев. За что?.. В том и дело, что неизвестно за что.

Колесов. Ну а все же?

Золотуев. Говорю, сам не знаю... Орхидею я у них выкопал — подумаешь, разорил!

Колесов Какую орхидею?

Золотуев. Обыкновенную. На площади выкопал орхидею. Цветок такой... Да разве это хулиганство?

Колесов. Это неслыханная наглость. На площади, под носом у милиции. Вы что, в другом месте не могли?

Золотуев. Не мог.

Колесов. А зачем вам орхидея?

Золотуев. Люблю цветы.

Колесов. А зачем же выкапывать? Сорвать ведь незаметней.

Золотуев. Люблю живые цветы.

Колесов. Кому-нибудь подарить хотели?

Золотуев. Сам хотел любоваться. Единолично.

Колесов. Ну да, у вас дача, а возле дачи, конечно, сад-огород... большой, интересно?

Золотуев. Послушай! Чего ты ко мне пристал?

Колесов. Вы меня заинтриговали. Хулиган — и разводите орхидеи. Игра природы. Почему не укроп, почему орхидеи?

Золотуев. У меня свой участок. На своем участке, молодой человек, я что хочу, то и ворочу. Хватит болтать, пошли работать. Слышал, что сержант сказал? На ночь я здесь оставаться не желаю.

Колесов. Почему? Что вам здесь не нравится, не понимаю?

Работают. Появляются Маша и Таня.

Маша. Привет, Коля. Ты живой?

Таня. Добрый день.

Колесов. Здравствуйте, здравствуйте.

Маша. Слушай, что нам сказали в милиции. В настоящее время, говорят, он находится на кладбище. Но это, говорят, по секрету, только вам. Ничего шутки, а? *(Золотуеву.)* Я вас приветствую!

Золотуев. Здрасте.

Колесов. Это Золотуев. Тоже хулиган. В общем, шайка-лейка.

Золотуев *(Тане)*. Идите сюда. Здесь можно сесть.

Маша. А где ваша охрана?

Золотуев. Конвой ушел куда-то.

Таня. Что же вы здесь делаете?

Колесов. Ломаем забор.

Таня. Зачем?

Колесов. Постановление горсовета. Этот свет расширяется, тот сокращается.

Маша. Красота!

Колесов. Садитесь, рассказывайте. Как свадьба? Где муж?

Маша. Где, в том-то и дело!.. Сбежала я от него, Коля, прямо со свадьбы.

Колесов. Как — со свадьбы? Почему?

Маша. Из-за Гомыры все началось. Они друг дружку любят, вот пусть Васька на нем и женится. Представляешь, комнату дали, а Васька в ней Гомыру поселил. Издевается... Тут еще Фролов вчера в общежитии. Хочу, говорит, поучиться у тебя жить. Теперь вместе ходят.

Колесов. Не огорчайся, старушка. Ты у нас невеста по первому разряду.

Маша. Нет, Коля, не нужна я ему, а раз так, то все... Были у ректора. Мне, Букину и Гомыре по выговору. Но это пустяки... Твои дела хуже. Мы ничего не могли сделать.

Колесов. Короче.

Маша. Тебя исключают из университета.

Колесов. Исключают? Сейчас?.. Есть приказ?

Маша. Приказа нет, но ректор говорит, что все решено.

Колесов. Так.

Маша. Артист этот, ты ему выставил руку, а он гитарист.

Колесов. Вот везет...

Маша. Он был у ректора, сказал, если тебя не накажут, то подаст на суд. Певичка эта, Голошубова, звонила декану.

Колесов. Так...

Маша. Ну она сказала, что ты вел себя прилично, в гости приглашал... Коля, мы к ректору всем курсом пойдем.

Колесов. Значит, уже и приказ?.. Да он что, озверел, что ли?

Маша. Полегче. Эта девочка, между прочим, дочь Владимира Алексеевича.

Колесов. Вы — дочь?

Таня. Что поделаешь.

Колесов. Час от часу не легче.

Маша. Но Таня, по-моему, на твоей стороне.

Таня. На чьей стороне, я еще не знаю.

Маша. Да ладно, будто я не сочувствую... Коля, может, не все еще потеряно... Ты не расстраивайся...

Колесов. Я не расстраиваюсь... Хотя мне кажется, что меня можно было и не исключать...

Маша. Мы всем курсом, и деканат за тебя заступается...

Колесов *(перебивает)*. Ладно.

Маша. Ну хорошо, пока. Побегу, у меня еще уйма дел, да еще вот новое — развод. Завтра пришлю тебе парней.

Колесов. Пусть принесут сигарет.

Маша. Хорошо. *(Уходит.)*

Таня. Я принесу вам сигарет, хотите?

Колесов. Папины сигареты? Спасибо, не надо.

Таня. Вы думаете, он не захочет поделиться с вами сигаретами?

Колесов. Не захочет.

Таня. Да нет, он не жадный. Послушайте, он так занят. Он всегда старается быть справедливым.

Колесов. Ну конечно! У него нет времени на то, чтобы быть справедливым. Очень его понимаю...

Таня. Ведь он не из мести, вы понимаете, что не из мести.

Колесов. Конечно. Месть — чувство, недостойное руководителя.

Таня. И все-таки отец добрый. Мне кажется, я говорила бы так, если бы и не была его дочерью.

Колесов. Таня, в своем папе вы не ошиблись. У вас хороший папа. Добрый, серьезный, авторитетный.

Таня. Если отец неправ, я защищать его не буду. Но мне хотелось бы выяснить... *(Молчит.)*

Колесов. Что выяснить?

Таня. Я с отцом поссорилась. Из-за вас.

Колесов. Напрасно. Ваш отец и я — люди взрослые. Между нами все может быть. Мы с ним, возможно, еще встретимся, побеседуем... А на вашем месте я бы плюнул на это дело и пошел бы в кино.

Таня. Легко так говорить, когда все ясно, а мне разобраться надо...

Колесов. Зачем, смешная вы девушка. Вот лежат за этой оградой. Они тоже хотели во всем разобраться. Уверяю вас, они так ничего и не поняли.

Таня. Так уж ничего?

Колесов. У каждого, наверное, было столько приключений... Да они просто не успели ничего понять.

Таня. Вы по себе мерите. Не все же торопятся, как вы. Другие думают, размышляют...

Колесов. Нет, Таня. Или жить, или размышлять о жизни — одно из двух. Тут сразу надо выбрать. На то и на другое времени не хватит. Так, помоему... Их жизнь *(показал рукой на ограду)* прошла, и разобраться в ней легче нам, живым. А уж нас рассудят другие. Со стороны как-никак всегда виднее.

Появляется Золотуев.

Золотуев Мне пятьдесят восемь лет. Я устал.

Колесов. Послушайте... Вот вы говорили, что вам нужен сторож.

Золотуев. А что?

Колесов. Я ищу работу.

Золотуев. Тебя не возьму, даже не думай.

Колесов. Почему? Вы же мне предлагали.

Золотуев. Я раздумал. Ты грубиян, а я этого не люблю.

Колесов. Грубиян? А вы какого сторожа хотели? С хорошими манерами? Из консерватории?

Золотуев. Зачем? Мне нужен человек скромный, работящий... Поливать грядки — образование тут ни к чему. Мне нужен сторож, который умеет держать в руках лейку и ножницы.

Колесов. Наши интересы совпадают. Я увлекаюсь садоводством. Соображаете, как вам повезло?

Золотуев. Не знаю, молодой человек, не знаю... Сержант идет!

Таня. Что ж... Я пойду.

Колесов. Извините, Таня. Но сами видите — не та обстановка. Возможно, еще увидимся. Поговорим.

Таня. Ничего вы мне не объяснили... Только еще больше запутали. До свидания.

Колесов. Счастливо, Таня... Не огорчайте папу.

Таня уходит. Появляется милиционер.

Милиционер. Так... Сачкуете! Я вам доверие, а вы мне...

Колесов. И мы вам доверие.

Милиционер. Я — доверие, а вы — саботаж?.. Вы — умные, а я — дурак?

Колесов. Виноваты, товарищ сержант, исправимся. Разрешите папироску.

КВАРТИРА.

Большая комната в доме Репниковых. Первый этаж. Два больших окна, красивые портьеры. Судя по обстановке, комната эта предназначена для приема гостей, а также для праздничных ужинов и обедов. Дело к вечеру.

Таня и мать накрывают белой нарядной скатертью стол, стоящий посередине. На Репниковой фартук, Таня одета по-домашнему.

Таня *(сервирует стол).* Вечно эти церемонии. Можно и на кухне пообедать — отлично.

Репникова. Воскресенье есть воскресенье. Не ворчи.

Репников появляется с букетом цветов и бутылкой вина. Он в отличном расположении духа.

Репников. Ну как? *(Останавливается.)* М-м... Запах божественный! Как он? Уже готов, не правда ли?

Репникова. Еще нет.

Репников *(бутылку поставил на стол, цветы пере-*

дал Репниковой). Как?! Но ведь прошло уже полтора часа!

Репникова: Еще минут пятнадцать.

Репников *(с ужасом).* Еще пятнадцать? А не пережарится? *(Направляется к двери, которая ведет, по-видимому, на кухню.)* А соус?..

Репникова *(не дает Репникову пройти).* Нет-нет, тебе там делать нечего.

Репников *(упирается).* Я взгляну, только взгляну...

Репникова. Иди в кабинет, жди в кабинете.

Репников. Тс-с... Шипит... как живой, шипит... Он готов.

Репникова. Иди-иди! *(Подталкивает его к другой двери.)*

Репников. Если через пятнадцать минут вы не подадите его на стол, предупреждаю вас, я умру. *(Уходит в кабинет.)*

Репникова *(взглянув на часы).* Да, с обедом мы сегодня подзатянули.

Таня. Ничего с ним не сделается.

Репников *(появляется в дверях).* А лук? Я не слышу запаха лука!

Репникова *(смеясь, закрывает дверь).* Ну прекрати, прекрати.

Таня. Вечно одно и то же.

Репникова Опять ворчишь? Не понимаю, чем ты недовольна.

Таня. Вечно объедимся, как не знаю кто, а потом весь вечер перевариваем...

Репникова. Не ешь, никто тебя не заставляет.

Таня. Не поешь у тебя — как раз. Один запах чего стоит. Да и папаша — всегда он раздразнит...

Репникова *(поставила на стол вазу с цветами).* Хороши... А вот, смотри, бутоны. Эти увянут, а бутоны только-только распустятся... Но и они увянут.

Таня. А, скорей бы все это заканчивалось! Все весной хорошо, кроме экзаменов.

Репникова. Вот. Всем скорей. Скорей бы весна, скорей бы экзамены, скорей бы лето. Скорей бы, скорей бы. А куда?.. К гипертонии? К склерозу?

Таня *(обняла мать).* Ты-то недовольна? Молодая, красивая... Жить надо, а не философствовать. Раз-

мышляй не размышляй — все равно ничего не поймешь. Только время упустишь.

Репникова. Что это? Откуда у тебя такие мысли?

Таня *(улыбнулась)*. Из учебника. Из политэкономии.

Репникова. Ну-ну, не морочь мне голову. Знаю я, из какого учебника... Видно, прав отец: парень этот — фокусник, да еще какой.

Таня. Мама, не суди человека, если ты его не знаешь.

Репникова. А что твой человек натворил в гостинице? А в общежитии?

Таня. Ничего страшного он не сделал.

Репникова. Такой успеет еще, сделает. Если не образумится. *(Идет на кухню. В дверях.)* Зови отца. *(Уходит.)*

Раздается звонок. Таня открывает дверь. Появляется Колесов.

Колесов. Здравствуйте, Таня.

Таня *(она растерянна)*. Здравствуйте.

Колесов. Не ожидали?

Таня *(не сразу)*. Вообще-то да, не думала...

Колесов. Правду сказать, и я на это не рассчитывал. Да вот. Чего только в жизни не бывает.

Таня. Опять что-нибудь случилось?

Колесов. Как же. Скандал на Панаме, на Занзибаре революция, пущены агрегаты Братской ГЭС — не слышали?.. А мы метем мостовую. Тут, на соседней улице.

Таня. Вас еще не отпустили?

Колесов. На полчаса. Под честное слово.

Таня. Проходите, присаживайтесь...

Колесов. Я, собственно... Я к Владимиру Алексеевичу.

Таня. Я так и подумала.

Колесов. Он дома?

Таня. Да.

Появляется Репникова с большим блюдом в руках. На блюде большой румяный, украшенный зеленью гусь.

Колесов. Добрый вечер.

Репникова. Зравствуйте.

Таня. Мама, это...

Колесов. Колесов.

Репникова. Да?.. Что ж, интересно познакомиться. *(Поставила блюдо на стол.)*

Колесов. Я, кажется, не вовремя, но...

Репникова. Почему же?.. Приглашаем с нами пообедать.

Колесов. Большое спасибо. Я уже пообедал.

Репникова. Вы присаживайтесь... Таня, усаживай гостя.

Колесов. Спасибо. *(Садится на краешек стула).*

Молчание. Таня тоже усаживается на стул недалеко от Колесова. Входит Репников. Не замечая вначале Колесова, он приближается к столу, потирая руки.

Колесов *(поднимается).* Здравствуйте, Владимир Алексеевич.

Репников *(не сразу).* Здравствуйте, молодой человек, здравствуйте.

Колесов. Прошу меня извинить, но обстоятельства заставили меня прийти к вам домой.

Репников *(не сразу).* Ко мне?.. Так... Любопытно...

Колесов. Я решился вас побеспокоить, потому что в университет я прийти не могу... ни завтра, ни послезавтра... Мне необходимо с вами поговорить.

Репников. Со мной?.. *(Тане и Репниковой.)* Ну коли так, оставьте нас наедине. У молодого человека ко мне разговор.

Репникова уходит на кухню. Таня задерживается.

(Строго.) Таня, прошу тебя.

Таня уходит.

Я вас слушаю.

За окном раздается легкий стук, на который Репников вначале не обращает внимания.

Колесов. С просьбой.

Тот же стук в окно.

Я прошу прощения за высокопарный тон, но я хочу сказать вам, что я давно и твердо решил посвятить себя науке и не хотел бы терять времени даром...

Портьера внезапно отодвигается, и в открытом окне появляется физиономия Золотуева.

Золотуев *(Репникову).* Я душевно извиняюсь, но

вашему гостю пора уходить. *(Колесову.)* Тебе пора.

Колесов *(подходит к окну, закрывает его своей спиной, шепотом Золотуеву).* Исчезните!

Золотуев исчезает.

Репников. Что за явление? Кто это?

Колесов. Да так, один дядя. Не обращайте внимания.

Репников. Но что ему надо?

Колесов. Беспокоится, как бы я вам не надоел. Он ужасно за меня переживает.

Репников. Так это ваш дядя?

Колесов. Да, это мой дядя.

Репников *(с неудовольствием).* Пусть он войдет, в таком случае.

Колесов. Да нет, пожалуй, не стоит. Он, знаете, человек необщительный, нелюдим, можно сказать, и вообще... Владимир Алексеевич! Дело в том, что вот уже два года я занимаюсь одним делом... Травами, возможно, вы об этом слышали.

Репников. Слышал. И что же?

Колесов. Получается, Владимир Алексеевич, в том-то и дело. Вы ученый и знаете, что значит для начинающего потерять год-два...

Репников. Так... Вы сказали — я ученый. Неплохо. Посещать мои лекции — я не ученый, а как просить — так сразу ученый.

Колесов. Владимир Алексеевич, дело в том... Мне кажется, то, что я делаю, имеет значение не только для меня...

В окне из-за спины Колесова снова появляется физиономия Золотуева.

Золотуев. Слушай! Мы злоупотребляем доверием! Сержант нам это не простит.

Колесов *(страшным шепотом, Золотуеву).* Сгиньте, я вам говорю!

Золотуев. Учти, мы останемся без каши.

Репников *(Колесову).* Послушайте! Что, наконец, все это значит?

Колесов *(рукой отталкивает Золотуева от окна).* А, пустяки. Он большой любитель поесть и поговорить об еде. Иногда, знаете, ни с того ни с сего...

Репников *(с раздражением)*. Ваша правда, дядя ваш человек со странностями. *(Закрывает окно.)*

Колесов. Владимир Алексеевич! В среду в университете начинаются зачеты...

Репников *(перебивает)*. Итак, Колесов, вы решили, что достаточно явиться ко мне домой и все готово — и я отменяю приказ и допускаю вас к экзаменам.

Колесов. Кажется, я совершил ошибку, что пришел к вам домой. Я пришел к вам с личной просьбой, еще раз извините, что побеспокоил.

Репников. Лихо, Колесов, работаете. На ходу подметки режете.

Колесов. То есть?

Репников. Восстановили против меня дочь и решили, что самое время прийти ко мне с личной просьбой.

Колесов. Вашу дочь я не восстанавливал. Мы с ней знакомы, и только.

Репников Очень сожалею, что вы с ней знакомы.

Колесов. Моя просьба ничего общего не имеет с этим обстоятельством.

Репников. Рассказывайте!

Колесов. Уверяю вас, я здесь не в качестве жениха.

Репников *(не сразу)*. Ей вы об этом говорили?

Колесов. Нет. Но она и не спрашивала.

Золотуев неожиданно появляется в другом окне.

Золотуев. Ты как хочешь, а я ухожу.

Колесов *(Золотуеву, тем же шепотом)*. Вон отсюда... Сумасшедший! *(Закрыл окно.)* Простите, Владимир Алексеевич... Видите ли... Я должен сознаться, дядя мой — хулиган...

Репников *(в большом раздражении). Все!* (Задернул *портьеру.)*

Колесов. Владимир Алексеевич! Я пришел сюда с надеждой, что вы меня поймете...

Репников. Все, Колесов. Разговор окончен! Вы не пришли сюда — нет, вы ворвались, по своему обыкновению! И не с просьбой, а с требованием! Да знаете вы, как называются подобные визиты?

Колесов *(тоже вспылил)*. Не знаю. Я пришел к вам с просьбой, но унижаться перед вами я не наме-

рен. И если вы меня не понимаете, то это вовсе не значит, что вы можете на меня кричать.

Репников. Так! Надеюсь, вы не будете меня душить. Здесь! В моем доме!

Входит Репникова.

Репникова. Нельзя ли поспокойнее?

Репников. Вот! Полюбуйся, пожалуйста! Очень любезный молодой человек! Бывший студент, ныне...

Колесов *(поклонился Репниковой)*. Хулиган.

Репников. Вот — полюбуйся.

Репникова. Что ж... Пусть хулиган — зачем же так волноваться? *(Берет Репникова под руку.)*

Репников. Считайте, что разговор окончен! И прошу вас, молодой человек, мой дом, меня и мою дочь оставить в покое.

Жена силой уводит Репникова на кухню.

Колесов *(пошел к выходу, остановился у зеркала)*. Жених... Неужели я похож на жениха?

Появляется Таня.

Скажите, Таня, похож я на жениха?

Таня. Нисколько! Кто же, действительно, так просит? Кто так разговаривает? Вы на петуха похожи! На драчливого петуха.

Колесов. Серьезно? А ваш отец принял меня за жениха.

Таня. Что ж... Это глупо с его стороны. Извините.

Колесов. Глупо?.. А почему? По-моему, наоборот, за всю свою жизнь он впервые выдвинул интересную гипотезу. *(В дверях.)* До свидания, Таня. Передайте вашему папе, что вы мне нравитесь. Это произведет на него впечатление. *(Уходит.)*

Появляются Репникова и Репников.

Репников. Ушел?

Таня. А что ему тут делать, в этом застенке?

Репников. Что? Что ты сказала? *(Репниковой.)* Ты слышала?

Репникова. Татьяна, что ты себе позволяешь?

Репников. Да понимаешь ли ты, что этот прохвост пришел сюда в расчете, что ты ему поможешь.

Таня. Ах вот как? Значит, ты отказал ему из-за меня?.. Говори! Из-за меня или нет?

Репников. Я отказал ему, потому что он нахал. И довольно! Я не желаю больше о нем слышать!

Таня. А я не желаю тебя видеть! *(Надевает плащ.)*

Репников. Можно узнать, куда ты собираешься?

Таня. Проветриться!

Репникова. Татьяна!

Таня. Что — Татьяна? Я не хочу, чтобы папа из-за меня делал подлости! Слышите! *(Уходит.)*

Репников. Какова?.. Его влияние! *(Вдруг кричит.)* Кто впустил в мой дом этого проходимца?!

Репникова *(пожала плечами)*. Я впустила. Открыла дверь, вижу — приятный человек... За что все-таки ты его так не любишь?

Репников. А за что мне его любить? За что?.. *(Ходит вокруг стола.)* Мне никогда не нравились эти типы, эти юные победители с самомнением до небес! Тоже мне — гений!.. Он явился с убеждением, что мир создан исключительно для него, в то время как мир создан для всех в равной степени. У него есть способности, да, но что толку! Ведь никто не знает, что он выкинет через минуту, и что в этом хорошего?.. Сейчас он на виду, герой, жертва несправедливости! Татьяна клюнула на эту удочку! Да-да! Он обижен, он горд, он одинок — романтично! Да что Татьяна! По университету ходят целыми толпами — просят за него! Но кто ходит? Кто просит? Шалопаи, которые не посещают лекции, выпивохи, которые устраивают фиктивные свадьбы, преподаватели, которые заигрывают с этой братией. Понимаешь? Он не один — вот в чем беда. Ему сочувствуют — вот почему я его выгнал! А не выгони я его, представь, что эти умники забрали бы себе в головы! Хорош бы я был, если бы я его не выгнал!.. Одним словом, он вздорный, нахальный, безответственный человек, и Татьяна не должна с ним встречаться! Это надо прекратить раз и навсегда, пока не поздно!

Репникова *(не сразу)*. А по мне так пусть. Пусть она любит проходимца, хулигана, черта рогатого — пусть.

Репников. Нашей дочери ты желаешь... Вот как?

Репникова. Так. И еще неизвестно, как лучше — так или по-другому.

Репников. Я тебя не понимаю.

Репникова. Что тут непонятного. У них так, у нас по-другому.

Репников. У нас? *(Осторожно.)* Что у нас?..

Репникова. У нас все прекрасно.

Репников. Тогда в чем дело? Изволь объясниться. Что, интересно, тебе не нравится?

Репникова. Ладно, мне все нравится... Садись, наконец, за стол, пока все окончательно не остыло.

Репников. Нет! Не сяду до тех пор, пока не узнаю, на что ты намекаешь. *(Усаживается.)*

Репникова. Успокойся. Ты лучший муж в городе... А я... я хорошая жена... Ешь... Говорю тебе, у нас все прекрасно. Живем душа в душу. Все нам завидуют.

Репников. Так... *(Поднимается из-за стола.)* Признаться, в последнее время я ожидал от тебя какой-нибудь глупости.

Репникова. «Последнее время». Всю жизнь ты ожидал от меня глупости. Всегда глупости, и больше ничего... Что — неправда? Всегда так было. Ты умилялся моей глупостью, воспитывал ее и вечно требовал от меня одной только глупости.

Репников. Если это так, то, вижу, я достиг успеха. Только непонятно, для чего она мне, твоя глупость, зачем она мне понадобилась.

Репникова. Для удобства. И чтоб хоть чем-нибудь питать свое тщеславие. Гением ты можешь выглядеть только рядом с такой дурой, как я... Что я такое, ты не скажешь? Пока она училась в школе, я была членом родительского комитета. Теперь она выросла, кто я теперь?

Репников *(не сразу)*. Ты жена ученого, и ты действительно хорошая жена. Разве этого мало?

Репникова. Да ведь ты не ученый, в том-то и дело. Ты администратор и немного ученый. Для авторитета.

Репников *(сильно уязвлен)*. Обо мне не напишешь мемуаров — это тебя раздражает?

Репникова. Нет. Но я оправдала бы себя, если бы

ты был ученый... Ладно, хватит об этом. И не беспокойся, тебе ничто не угрожает: я поняла все слишком поздно... Подумай лучше о дочери. Неужели ты не видишь, что она выросла и ей ничего уже нельзя запретить? И послушай! Что тебе надо от этого парня? Что ты в него так вцепился? Неужели нельзя отнестись к нему помягче?

Молчание.

Репников. Ладно. Я подумаю... Скажи только, что у нас все хорошо. Все так и будет. Скажи!

Репникова. Садись — ешь.

Репников. Хорошо... Но вначале я бы хотел услышать...

Репникова. Хорошо. Все хорошо. *(Целует его в щеку.)* Нормально.

Репников. Я не хочу ссор. Я хочу мира и согласия. Неужели я этого не заслужил? *(Глянул в окно. Неожиданно.)* Каков наглец. Полюбуйся. Он любезничает с ней под носом. Не нахал ли? Ну скажи мне, скажи. Ну разве можно рядом с нашей дочерью терпеть такого человека. Никогда.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

САД.

Весенний сад. Деревянный навес; под ним садовые инструменты, висит ружье. Тут же несколько корзин, одна из которых полна цветов — из ромашек. Новенькая дача видна наполовину. Колесов проходит с лейкой в руках. Он босиком, растрепан. Появляется Таня.

Таня. Руки вверх, ни с места! Вы окружены... Вот так сторож! Я спокойно пробралась в сад, а вы и ухом не ведете. Добрый день.

Колесов. Долго ты меня искала?

Таня *(подходит)*. Нет. Вы все очень толково объяснили. *(Осматривается.)* Сколько здесь цветов — надо же... Хозяин дачи — важный человек?

Колесов. Да, он важная птица.

Таня. Пионы, гладиолусы... *(Подходит к клумбам.)* А это что?

Колесов. Дельфиниумы. А это галантус. Красный подснежник. Француз по происхождению.

Таня. А здесь?

Колесов. А здесь будет трава.

Таня. Трава?

Колесов. Альпийская. Как раз я ее и приручаю.

Таня. А что она — капризничает?

Колесов. Да, здешнее солнце ее не устраивает. Но ничего — приручим... Взгляни на тот вон косогор... Вид, скажем прямо, довольно бледный. А теперь представь на этом месте такую вот *(показывает)* траву, альпийский луг. Как?.. Я бы разрешил тебе побегать по нему босиком.

Таня. Я бы с удовольствием.

Колесов. Что ж, это я тебе устрою. *(Уносит лейку под навес.)*

Таня. А это то самое ружье, с которым вы ходите вокруг дома?

Колесов. Точно.

Таня. Представляю... А знаете, на кого вы сейчас похожи?

Колесов. На кого?

Таня. На проходимца. Так вас называет отец. А мне нравится. Про-хо-ди-мец... Забавное слово, правда?

Колесов. Ничего себе. Выразительное... Как папа, что он поделывает?

Таня. Не знаю, сегодня я его не видела.

Колесов. Разве он куда-нибудь уехал?

Таня *(беспечно)*. Нет. Со вчерашнего дня я не была дома.

Колесов. Вот как?.. Где же ты ночевала?

Таня. Гуляла по городу.

Колесов. Всю ночь?

Таня. Да.

Колесов *(подходит к ней)*. Почему?

Таня. Потому... Домой идти не хотелось. И никуда не хотелось. Вот я и гуляла.

Колесов. Одна?

Таня. Ко мне приставали.

Колесов. Почему ты не ночевала дома?.. Почему ты всю ночь гуляла по городу? *(Обнимает ее.)*

Таня *(уклоняясь от объятий, не очень, впрочем, энергично).* Потому... *(Нестрого.)* Отпустите...

Колесов. Ни в коем случае...

Таня. Отпустите...

Колесов. Никогда в жизни... Смотри на меня. Отвечай... В тот вечер почему ты пришла в общежитие?

Таня. Потому...

Колесов. А на кладбище?.. А сегодня?..

Таня. Потому... Потому... Потому...

Поцелуй. Потом Колесов усаживает ее на скамейку.

Колесов. Итак, дома ты не ночевала... В первый раз?

Таня. Да, в первый раз.

Колесов. Ну что ж. В конце концов, не все же тебе ночевать дома.

Небольшая пауза.

Таня. Как здесь тихо... Вы здесь один?

Колесов. По-моему, самое время называть меня на «ты». Как?

Таня. Хорошо. Ты здесь один?

Колесов. Нет. Днем здесь бывает хозяин.

Таня. А вечером?

Колесов. А вечером я один... Приходи, если хочешь... Придешь?

Таня. Да.

Колесов. Когда ты придешь?

Таня. В девять, в десять... Когда будешь ждать.

Колесов. В девять. Но лучше — в восемь. *(Снова пытается ее обнять.)* А сейчас? Ты куда-то торопишься?

Таня. Домой. Утешить родителей. Представляешь, что там делается? Я думаю, они разыскивают меня через милицию.

Колесов. Что ж у вас случилось?

Таня. Отец на меня накричал, ну и вот... Раньше мы редко ссорились, а теперь каждый день скандалим... Это после вашего... *(поправилась)* твоего посещения.... Знаешь, оказалось, что мы друг друга не только не понимаем, но даже и не знаем как следует... Мне мать жалко... Да и отца жалко. В конце концов, не мать, а он всегда виноват, понимаешь?

Близко кто-то насвистывает.

(Вскочив на скамейку, смотрит.) Гости. По-моему, твои друзья.

Колесов *(привстал).* Вон как!.. Фролов и отставной муж Вася Букин. Теперь они уже вместе ходят. Друзья-соперники. Не понимаю, зачем им это надо?

Входят Фролов и Букин.

Букин *(напевает).* «Это ландыши все виноваты...»

Фролов. Привет наемникам капитала!

Колесов. Закрой калитку.

Букин *(напевает).* «Этих ландышей целый букет...» Красиво живешь!

Колесов. Приходится... Познакомьтесь — Таня.

Букин *(кланяется).* Василий.

Таня. Таня.

Фролов. Фролов.

Колесов. Дайте закурить. *(Закуривает.)*

Букин *(напевает).*

Это ландыши все виноваты,
Этих ландышей целый букет...
Хорошо погулять неженатым
На расцвете студенческих лет...

Фролов *(Колесову).* Дела таковы. Ходили всем курсом в деканат, в профсоюз, в газету, шумели, говорили о твоих талантах. Собрались к ректору, но перед распределением ряды дрогнули.

Колесов. Знаю.

Букин. Когда мы с ректором беседовали о моей женитьбе, знаешь, что он сказал? Он сказал: вы настолько развинтились, что просто грех кого-нибудь из вас не выгнать. Вы и ваш друг, то есть я и Гомыра, вы, говорит, отъявленные, а Колесов, так тот совсем конченый. Не поверишь, Гомыру и то напугал. Сидит, бедный, занимается. *(Тане.)* Вот какая жизнь. А у вас?

Таня У меня?.. У меня все прекрасно.

Букин. Счастливый человек. Вам сколько лет? Четырнадцать?

Таня. Шутите, шутите.

Букин. Нет, серьезно?

Таня. Если серьезно — девятнадцать.

Букин. Не может быть.

Фролов. Коля, не теряй надежды. Сегодня распределились. Завтра горстка храбрецов вместе с деканом двинет к ректору.

Колесо́в. Бесполезно... Зачеты вы уже сдали. Скоро экзамены.

Букин. «Мне семнадцать, тебе девятнадцать...» *(Взял ружье.)* Вот это фузея! Стреляет?

Колесов. Не знаю.

Букин *(напевает)*. «Не года, а жемчужная нить...» *(С ружьем в руках ходит по двору.)*

Таня *(идет следом за Букиным)*. Осторожнее. Это подснежники.

Букин. Ну? Надо понюхать.

Фролов *(Колесову)*. Получил назначение.

Колесов. Куда?

Фролов. В район. На селекционную станцию. Хочешь, возьму водовозом?

Колесов. Надо подумать... Подожди, на селекционную?.. У Маши, кажется, там родители?

Фролов. Совпадение.

Букин. Ну да, совпадение! Скрадывает мою жену. Очевидно.

Фролов. У Маши свободный диплом. Неизвестно, что ей взбредет в голову.

Букин *(Колесову)*. Понял? Это не Гриша, это черный ворон, который кружит, понимаешь, кру-жит... Коля, присматривай за мной. Как бы я его не подстрелил нечаянно.

Колесов. Слушай, ревнивец, вы еще не развелись?

Букин. Не разговариваем. Чтобы развестись, надо прилично друг к другу относиться.

Фролов. Он еще на что-то надеется.

Таня *(подходит к Колесову)*. Ну, я побежала?

Колесов. Я тебя провожу.

Таня *(Фролову и Букину)*. До свидания.

Колесов и Таня уходят. Букин с ружьем стоит посреди двора.

Фролов *(развалился на скамейке)*. Не понимаю, на что ты еще надеешься? Неужели ты думаешь, что она полетит с тобой на север? Она прекрасно

знает, что по дороге вы забудете ее где-нибудь в кабаке. Ты и твой лучший друг Гомыра.

Букин. Я понимаю, Гриша. Ты во что бы то ни стало хочешь разбить молодую семью.

Фролов. Твоя песенка спета. Через месяц я посажу тебя на самолет, и мы помашем друг другу на прощание. В это время Маша будет ждать меня на вокзале. Тебя это устраивает?

Букин. Не надо, Гриша. Я впечатлительный. Возьму и выстрелю.

Фролов. Ружье тебе идет, бандит.

Букин. «Это ландыши все виноваты...

Фролов. Мародер.

Букин. «Этих ландышей целый букет...

Фролов. Жизнерадостный погромщик.

Букин. Гриша, ты хорошо воспитан и знаешь, как себя надо вести. Во всех случаях жизни...

Фролов. Тебе это не нравится?

Букин. Почему же. Мне нравится. Я даже тебе благодарен. Ты всегда умел меня вовремя остановить. Поставить. Удержать... Я тебе просто завидую. Ты организованный человек, цельная натура. У тебя удивительный такт и большое чувство меры...

Фролов. Вот так всегда узнаешь со стороны, что ты неплохой человек.

Букин. С тобой никогда не наделаешь глупостей. В любом случае ты знаешь, как надо себя вести. Гриша, скажи, что делать, если тебе хочется выстрелить в человека?

Молчат. Игра принимает серьезный оборот. Фролов поднимается, подходит к Букину.

Вот что интересно. Ведь до этой самой минуты ты себе ничего такого даже и представить не мог.

Фролов. Дай сюда.

Букин *(отступил)*. Не подходи, Гриша. Я знаю, это самая глупая из моих шуток. Но ты не подходи. Скажи лучше, что делать.

Фролов. Отдай ружье, клоун.

Букин. Я клоун. Рядом с таким серьезным человеком, как ты, я шут. Но шуты — люди темные... Тебе никогда не приходило это в голову?

Фролов (*садится*). Поиграй, поиграй. Чем бы дитя ни тешилось...

Букин. Ты не поверишь, Гриша, а на меня иногда такая находит серьезность... Я дикий человек, и мысли у меня дикие. И вот я думаю, что бы со мной было, если бы не ты? Ведь только ты, благоразумный человек, знаешь, как надо жить. А я, человек неблагоразумный, живу не так, как хочу. Я живу так, как ты этого хочешь. И вот иногда, Гриша, мне тяжело на тебя смотреть...

Фролов. Что ты плетешь?

Букин. И хочется сделать по-своему.

Фролов. Поставь ружье.

Букин. И сегодня мы сделаем по-моему. Сегодня мы поступим благоразумно.

Фролов. Поставь ружье, если хочешь со мной разговаривать.

Букин. Мы будем стреляться. Как бы глупо тебе это ни показалось.

Фролов. Ах, дуэль. Во-от что... Иди-ка поспи. Дуэлянт!

Букин. Мужайся, Гриша. Сейчас мы пойдем за огород и бросим жребий.

Фролов (*весело*). Это что же, на двоих один мушкет?

Букин. Ничего, по очереди. Там ты забудешь, что это глупо.

Фролов. Ну а... секунданты? Кстати, сейчас они называются свидетелями.

Букин. Ты не отвертишься, даю тебе слово. Я даже струсить тебе не дам. (*Поднимает ружье.*)

Фролов. Да ты что?.. Что ты, взбесился?

Букин. Пошли!

Фролов. Подожди. Кого ты собираешься смешить?

Букин. Если ты будешь трусить, я прострелю тебе ногу.

Фролов. Если ты собрался острить, надо собрать публику. В наше время не каждый день стреляются.

Букин. Пошли!

Фролов. Слушай... Ты что — серьезно? А если мы друг друга покалечим? Подумай. Это же скандал, больница. И потом, ведь это позорное дело. Мы насмешим весь город...

Букин. Иди, я тебе говорю.

Идут по дорожке, которая ведет дальше в сад.

Фролов. Постой, Вася... Постой!

Останавливаются.

Слушай, давай подеремся, что ли. В конце концов, набьем друг другу морды! Зачем же крайности!

Букин. Не хнычь. Может быть, тебе повезет.

Фролов *(вдруг)*. Ну идем!

Уходят. Появляется Колесов. Осматривается. Садится на скамейку. Раздается автомобильный гудок. Входит Золотуев. На нем соломенная шляпа, белая с вышивкой рубаха. Бодр. Держится уверенно.

Колесов. Ну что, дядя, как коммерция?

Золотуев. Я не коммерсант, я цветовод-любитель. Прошу не путать. Я, если хочешь, землю украшаю. Обо мне даже в газетах писали.

Колесов. Это вы будете говорить, когда вас придут раскулачивать.

Золотуев *(усаживается на скамейку)*. Как придут, так и уйдут. Законы я знаю, не волнуйся. Я, брат, образован.

Колесов. Да?! И какое у вас образование?

Золотуев. Хорошее. Я его, образование, на Индигирке получил.

Колесов. Ну! Так это хорошее образование. Там ведь и до Калифорнийского университета рукой подать... За что вас туда, если не секрет?

Золотуев. За что, за что. Может, я сам не знаю. Сам до сих пор удивляюсь — за что.

Колесов. Зря удивляетесь. Удивительно, как вас оттуда выпустили.

Золотуев. Я тебя выгоню, имей в виду!

Колесов. Не говорите глупостей. Вам не обойтись без научного сотрудника... А быстро вы сегодня обернулись.

Золотуев. Спрос неплохой, но цены падают. Надо торопиться. *(Поднялся, идет по двору.)* Много нарезал? Всего две корзины? Да чем ты тут занимаешься?.. Кран тоже не починил. Да ты на сигареты и на те не заработал.

Колесов. Кстати, о сигаретах. Привезли? *(Протягивает руку.)*

Золотуев. Две корзины с самого утра! Учти, если и дальше так пойдет, я не заплачу тебе ни копейки! *(Бросил Колесову пачку сигарет.)*

Колесов. Пачка? И это все? *(Закуривает.)* Послушайте, дядя. Как вы со мной обращаетесь? Как разговариваете? И вообще где вы находитесь? В Аргентине? На собственной плантации?.. Не забывайтесь. Или вы хотите, чтобы ваша лавочка закрылась на учет?

Золотуев. Не пугай меня. Мне бояться нечего. Золото я не краду, валютой не торгую. Налоги плачу аккуратно. Обо мне не беспокойся, ты о себе побеспокойся... Мне нужны цветы, а ты что делаешь? С травами какими-то стал возиться. Нашел место! На кой черт мне твои травы?

Колесов. Жевать. Травы вам жевать надо.

Золотуев. Тьфу! Я даже в блатном мире такого грубияна не встречал. Недаром тебя выгнали из института.

Колесов. И потом, мы с вами договорились: день я работаю на вас, день — на себя. Вы что, мне не доверяете?

Золотуев. Не доверяю. Но ты не обижайся. Я никому не доверяю. Я — единственный человек, на которого я еще могу положиться.

Колесов. Это неправильно, дядя. Так нельзя... *(Не сразу.)* А что, дядя, была у вас семья?

Золотуев. Был я женат, и не единожды. Детей не было.

Колесов. Еще один нескромный вопрос — куда вам столько денег? Сколько их у вас, а вы все гребете, все хапаете, да еще трясетесь над ними — смотреть на вас тошно.

Золотуев. Зачем деньги — ну не глупый ли вопрос?

Колесов. Ведь у вас уже все есть: дом, дача, машина. Чего же вам еще, дядя? Ведь вы же старый человек.

Золотуев. Старый, а что из того? Покрутись с мое, покувыркайся, тогда не будешь спрашивать, зачем людям деньги. Кому дом, кому свобода, кому жар-птицу приобрести, а другому, бывает, и

ничего не надо, потому как он денежки так любит, за одно наличие... Всякое бывает. Знаю я, к примеру, случай один, старичка одного знаю, так ему, грешнику, чтобы совесть свою успокоить, человека купить надо... *(Неожиданно.)* Хочешь расскажу?

Колесов *(с неохотой)*. Валяйте, дядя, рассказывайте...

Золотуев. Ну слушай... *(Сначала спокойно, потом все более увлекаясь, держит монолог о взятке.)* Лет пятнадцать назад работал тот грешник в нашем городе в мясном магазине. Работа у него была интересная, он за прилавком стоял. Людей он не обижал и себя, конечно, не забывал. Время шло. Заходил в тот магазин покупатель, наезжали комиссии, ревизия налетала, а грешник все стоял за прилавком. Бывало, конечно, что и качнется, с кем не случается, качнется, но не падает — дело свое он знал, на ногах держался крепко. Долго бы он там простоял, если бы не объявился к нему тот самый человек. Объявился, поздоровался. Ревизор как ревизор. Моложавый такой, веселый. Стали бабки подбивать, и вышел у нашего продавца излишек. Небольшая была сумма, так себе. Говорить не о чем. А ревизор к нему с претензией: как же так, дорогой товарищ? Выходит, вы народ обманываете? Что теперь с этим излишком, как нам быть? Как, думает наш продавец, известно, как. И чтобы с ним, с излишком, не возиться, говорит ревизору: возьмите, говорит, его себе, будьте таким любезным. Обыкновенное дело. А тот ему отвечает: мало, говорит, что вы народ обвешиваете, вы, говорит, еще и взятку предлагаете. Ну, говорит, это вам так не пройдет... Ну, думает наш продавец, значит, мало дал. Значит, добавить надо. Ну и добавил. А ревизор ему на это: негодяй, говорит. Вы что, купить меня хотите? Ну, грит, на себя пеняйте. И ушел. Да еще дверью хлопнул. Ну, думает наш продавец, шутки в сторону. Опять мало. Нашел он того ревизора и дает ему с перепугу все, что у него было. Все карманы вывернул. Ну, грит, ешь!

Молчание.

Колесов. Ну?

Золотуев. Вот тебе и «ну»! *(Не сразу.)* Посадил он того продавца на десять лет за излишек и взятку по совокупности. Такие дела. Десять лет, сам понимаешь, прошли как в сказке... И вот выходит наш продавец на свободу. Садился — жена у него оставалась, интересная баба. На пятнадцать лет моложе его была. А вернулся — ни кола ни двора. Ни одной близкой души. Идет он по родному городу, в кулак свищет. А навстречу ему ревизор. И улыбается, как десять лет назад. С возвращением, грит, рад вас видеть. То-то рад, думает наш продавец, а уж я-то как рад тебя видеть, если бы ты только знал. *(Тут свой рассказ он начинает сопровождать изображением в лицах.)* Ну, говорит ему продавец, дело прошлое, скажи-ка ты теперь мне, дорогой товарищ, откровенно: сколько тебе тогда дать надо было? Какую сумму? Усмехается. Э, грит, много, у вас таких денег не было и не будет. А все ж таки, спрашиваю, сколько? Что вы, что вы, отвечает, эта сумма просто немыслима. А все ж таки? Тысячи, усмехается, много тысяч, никак не меньше двадцати. А если, спрашивает тут бывший продавец, добуду я эти деньги и вам их принесу, возьмете их сейчас? Странный, отвечает, вопрос. Зачем же, говорит, вам сейчас давать мне деньги, а тем более их у вас брать? А продавец ему свое. Я, говорит, вам эти двадцать тысяч предоставлю, а вы, грит, их у меня возьмите. А взамен, грит, мне ничего от вас не потребуется, кроме одного вашего слова. Как это? — спрашивает. Вот так, отвечает, я вам двадцать тысяч, а вы мне одно только слово, и даже без свидетелей... Какое же, спрашивает, слово? А такое, говорит, сволочь я, зря человека посадил. Вот, грит, какое слово. И я, грит, не я, если от тебя этого слова не услышу. Да, говорит ему ревизор, странный вы человек и шутки у вас странные. Прощайте, говорит. А продавец ему вслед: нет, до свидания, обязательно увидимся. На том и разошлись.

Молчание.

Колесов. И все? Вся история?

З о л о т у е в. Нет, не вся. Продавец нашел себе другое занятие, и снова завелась у него монета.

К о л е с о в. Он что, в самом деле собирается к этому ревизору?

З о л о т у е в. Еще как собирается.

К о л е с о в. Думает, возьмет ревизор?

З о л о т у е в. Двадцать тысяч! Кто же от них откажется? Кто? Я тебя спрашиваю! Кто откажется?

К о л е с о в *(пожал плечами)*. Честный человек.

З о л о т у е в *(вдохновляется)*. Где честный человек?.. Кто честный человек? Честный человек — это тот, кому мало дают. Дать надо столько, чтобы человек не мог отказаться, и тогда он обязательно возьмет! Возьмет! Ревизор возьмет! *(Забывается.)* Недолго ему осталось ждать! Еще полмесяца-месяц, и тогда хватит! Он все ему отдаст! Дом, машину, дачу! По миру пойдет! *(Кричит.)* Но он возьмет у него! Возьмет! Я говорю тебе, возьмет!

К о л е с о в *(поднялся)*. Дядя, да вы кошмарный старик...

Молчание.

Дядя, спокойнее, что это вы так раздухарились? Что с вами?

З о л о т у е в *(вдруг опомнился)*. А?.. Верно, чего это я?

К о л е с о в. Странно... Уж не вы ли тот самый продавец?

З о л о т у е в. Что ты, что ты... Упаси бог, не я! Знакомый мой, товарищ мой! Срок вместе отбывали. Друг, можно сказать... За друга переживаю... Да еще нервишки. Какие они в моем возрасте?

Выстрел.

З о л о т у е в *(вздрогнул)*. Что это?

К о л е с о в. Понятия не имею. Да... Ну а как ваша жаба?

З о л о т у е в. Жаба как жаба... Давит.

К о л е с о в. Ну, дай ей бог здоровья.

З о л о т у е в. Тьфу... Спасибо, сынок, и откуда только ты такой взялся!

Из сада появляется Ф р о л о в, за ним Б у к и н. В руках у Фролова ружье, у Букина убитая сорока.

(Колесову.) Что за люди?

К о л е с о в. Друзья.

Золотуев. Друзей нет, есть соучастники. Вы стреляли?

Букин. Ну, мы.

Золотуев *(смотрит на Фролова подозрительно)*. А что это вы вроде как не в себе?

Букин. Пролили кровь, раскаиваемся.

Колесов. Что за зверь?

Букин. Сорока.

Золотуев. За что вы ее, бедняжку?

Букин. Хлопнули свидетельницу.

Фролов. Кого-нибудь надо было убить.

Золотуев. Открыли пальбу. Кто вам разрешил? Идите в лес, там и стреляйте.

Фролов. Спасибо. На сегодня хватит. Мы неплохо провели время. Он хотел меня убить, но, к счастью, раздумал.

Букин. С чего это я взял, что я могу выстрелить?.. Я пережил в два раза больше. За тебя и за себя. А ты, Гриша, ты только за себя.

Фролов. Псих. Чтобы я когда-нибудь с тобой связался. *(Идет со двора, но сначала не в ту сторону.)*

Букин. Как бы он с перепугу не угадал под трамвай. *(Отдает Колесову ружье.)* Держи! Трудная у тебя работа. В субботу увидимся.

Фролов и Букин уходят.

Золотуев. Ну и друзья! Головорезы.

Колесов *(поднял сороку)*. Допрыгалась, дура. *(Унес ее под навес.)*

Золотуев *(кого-то увидел)*. Последнее время здесь шатается много незнакомых людей...

Колесов. Кого вы там еще увидели? *(Смотрит на калитку.)*

Золотуев. А незнакомых людей я не люблю.

Колесов. Ого!

Золотуев. Кто такой?

Колесов. Это ко мне. По личному вопросу... Дядя, вы свободны.

Золотуев. Имей в виду, мне это не нравится... Не забывай, ты кран хотел починить. *(Уходит в дом.)*

Появляется Репников.

Репников. Позволите?

Колесов. Проходите, Владимир Алексеевич. Проходите.

Репников *(проходит)*. Здравствуйте.

Колесов. Добрый вечер.

Репников. Удивляетесь, как я вас нашел?

Колесов. Удивляюсь.

Репников. Найти вас не трудно. В университете вы сделались знаменитостью.

Колесов. На это я не рассчитывал.

Репников. Хочу вас спросить. Можно?

Колесов. Пожалуйста, прошу вас.

Репников. Чем вы сейчас занимаетесь?

Колесов. Как видите, стерегу дачу.

Репников. Работаете сторожем?.. Зачем?.. В знак протеста? В насмешку? Потехи ради?

Колесов. Я устроился сюда не по идейным соображениям. Это место меня устраивает. Днем я занимаюсь делом, а ночью спокойно сплю. Воруют-то днем... Кроме того, Владимир Алексеевич, кто не работает — тот не ест.

Репников. А наука? Собираетесь вы быть ученым?

Колесов. Буду, Владимир Алексеевич.

Репников. Судя по вашему поведению — не скоро или никогда. По-моему, вы готовитесь в канатоходцы.

Колесов. Почему вы так думаете?

Репников. А вы как думаете, может ученый ходить на голове?

Колесов. Не знаю. Пока я не ученый, я сторож и метафоры вашей не улавливаю.

Репников. А вы не горячитесь. На этот раз мы поговорим спокойно. Можно?

Колесов. Как вы хотите.

Репников. Послушайте, Колесов, я признаю ваши способности. Но учтите, способных людей много. Очень много. Гораздо больше, чем ученых. Не правда ли?

Колесов. Владимир Алексеевич, к чему этот разговор?

Помолчали.

Репников. Прошлой ночью моей дочери не было дома. Вы не знаете, где она ночевала?

Колесов. У меня она не ночевала.

Репников. Скажите откровенно, в каких вы с ней отношениях?

Колесов. Мы в хороших отношениях. Она мне нравится.

Репников. И это все?

Колесов. Нет, Владимир Алексеевич, мне кажется, что и я ей нравлюсь.

Репников. Так вот... Вы оставите ее в покое.

Колесов. А почему?

Репников. А вы не знаете — почему?

Колесов. Не знаю.

Репников. Перестаньте, вы все прекрасно понимаете. Я недооценил вас. С такими, как вы, лучше сразу соглашаться... Послушайте! Не встречайтесь с ней, оставьте ее в покое. Она вам нравится, могу это допустить, но ведь вам нравятся все хорошенькие девушки, разве нет? Так почему же именно моя дочь? Вчера она ушла из дому, надо полагать, она здесь появится. Прошу вас... гоните ее от себя, исчезните, придумайте что-нибудь.

Колесов. Владимир Алексеевич, скажите... А не кажется вам несколько странным...

Репников. Что, Колесов?

Колесов. Да все. Все, для чего вы сюда явились? Не странно ли все это?

Репников. Нисколько. Я пришел сюда, чтобы избавить от вас свою единственную дочь.

Колесов. А вы уверены, что она этого захочет?.. Интересно бы узнать и ее мнение.

Репников. Вы старше ее, Колесов: ей девятнадцать лет. В ком же из вас искать мне здравый смысл, подумайте сами! *(Другим тоном.)* Я слышал, деканат еще раз собирается за вас ходатайствовать. Я возражать не буду... Получите диплом и уедете. По назначению... В Каменку на селекционную станцию, если угодно... Как раз то, что вам надо.

Небольшая пауза.

Что?.. Может быть, вы этого не хотите?

Молчание.

Колесов *(не сразу)*. Нет. Об этом я не думал.

Молчание.

(*Медленно.*) Но теперь я должен об этом подумать.

Репников. Меня привело к вам благоразумие. Будьте и вы благоразумны.

Молчание. Появляется Золотуев.

Так вот... Я буду ждать вашего звонка... До свидания.

Репников уходит. Золотуев проходит мимо Колесова, возвращается.

Золотуев. Кто это?

Молчание

Профессор! Кто у тебя был?.. Сидишь, бездельничаешь. Чем рассиживать, прополол бы лучше пару грядок.

Колесов. Плевать я хотел на ваши грядки.

Золотуев (*удивился*). Ты что, не хочешь у меня работать?

Колесов. А вы думали, ваши клумбы — предел моих мечтаний. Вы рехнулись, дядя.

Золотуев (*встревоженно*). Собираешься уходить?.. Ты что, обиделся?.. Слушай, я на тебя не жалуюсь. Живи. Грубиян ты, конечно, порядочный, но и работник тоже, и в цветах понимаешь. Если откровенно — ты большой специалист.

Колесов (*усмехнулся*). Признали? Оценили, паук вы этакий.

Золотуев. Куда же ты собрался?.. Что, выгодное предложение?.. Ладно! Возись ты со своей травой, черт с ней! Слышь, я прибавлю тебе стипендию... Семьдесят. Хочешь?

Колесов (*рассеянно*). Помолчите, дядя.

Золотуев. Семьдесят нынче иженеры получают. А, профессор?

Колесов. Помолчите, я вам сказал.

Золотуев (*предупредительно*). Размышляй, я тебе не мешаю. Но не делай глупостей. Не дури, работай у меня. (*Уходит, оглядываясь.*)

Колесов сидит на скамейке. Звучит музыка: мелодия песенки «Это ландыши все виноваты». Освещение меркнет и перемещается, в саду — темные длинные тени. Девятый час вечера. Появляется Таня.

Таня. Я опоздала... *(Подходит к Колесову.)* На пять минут... Прощается?

Молчание.

(Чувствует неладное.) Что с тобой?

Молчание.

Что-нибудь случилось?

Колесов. Скандал на Панаме, на Занзибаре — революция. Я все еще работаю ночным сторожем...

Таня. У тебя испортилось настроение?.. Почему? Скажи.

Колесов. Да... Я все скажу.

Таня. Подожди, я тебя перебью...

Колесов *(вскочил, ему под ноги попала лейка, он швырнул ее в сторону)*. Не надо меня перебивать!

Таня. Что с тобой?!

Колесов. Прости... И послушай. Ты ушла, а я здесь думал, и вот какое дело: нам надо остановиться... Я не Ромео. Мне только показалось, что я Ромео. Какой я к черту Ромео!.. В общем так: отбросим иллюзии, у нас с тобой ничего не выйдет... Все! Я не Ромео. У меня на это нет времени. Мне некогда, понимаешь?

Таня. Зачем ты мне это говоришь?

Колесов. Зачем говорю?.. Короче: нам надо остановиться. Вернее, нам не следует начинать. Днем я вел себя несколько развязно, так это... Это у меня привычка такая. Прошу прощения.

Таня. Нет... Ты меня разыгрываешь...

Молчание.

Колесов. Все. А если ты отнеслась ко всему этому серьезно — наплюй, переживи... Вот и все, что я тебе хотел сказать.

Таня. Все?

Колесов. Все. И на этом поставим точку. Встречаться больше не будем.

Молчание.

Таня. Мне уходить?

Колесов. А ты как считаешь?

Таня. Все, что ты говорил мне, это вранье. Лучше бы ты сразу сказал, что я тебе не нравлюсь.

Колесов. Вот-вот. Ты мне не нравишься.

Молчание. Таня уходит. Колесов смотрит вслед. Потом бредет по двору. В третий раз натыкается на лейку, хватает ее, размахивается, но опускает руку — жест скорее смешной, чем многозначительный. С лейкой в руке стоит посреди двора.

УНИВЕРСИТЕТ.

Выпускной вечер в университете. Терраса, за ней окна зала, закрытые шторами. На террасе несколько столиков. Входа три: два из зала и один с улицы. Из зала доносится смех. Шум, музыка.

За одним из столиков сидит Колесов. Перед ним бутылка вина, несколько стаканов.

Из зала выходят Букин и Гомыра. Останавливаются у двери, не замечая Колесова. Букин рассеянно насвистывает или без слов напевает песенку: «Это ландыши...»

Гомыра. Вася, ты извини меня за нахальство, но я хочу тебя спросить...

Букин продолжает насвистывать.

Я тебя всегда хорошо понимал, а теперь я тебя не понимаю.

Букин продолжает насвистывать.

Вася, я про женщину. После свадьбы ты про нее ни слова, я так понял, что ее не существует в природе. А сегодня, Вася... Ты извини меня за наглость, но мне показалось...

Букин *(негромко)*. Послушай... Убей меня, если хочешь, но я без нее жить не могу.

Гомыра *(не сразу, с искренним удивлением)*. Извини, Вася, если ты поставил вопрос так резко, значит... извини...

Заметили Колесова, подошли к нему.

Букин. А ты что один?

Колесов. Так, наслаждаюсь природой.

Молчание. Из зала доносится музыка.

Гомыра. Парни... Вася, Николай...

Букин. Что такое?

Гомыра. Ребята...

Колесов. Что, уже наклюкался? Успел?

Гомыра. Да нет, парни, не то. Мысль в голову ударила, быстро время летит... *(Другим тоном.)* Магазины-то закрываются.

Букин. Выпьем?
Гомыра. Не хочу.
Букин. Что такое?
Гомыра. Не поверите, не принимал сегодня ни грамма и сейчас не хочу. А что, ребята, может, я желаю воспоминания сохранить об этом вечере?

Голос Золотуева: «Профессор!» Появляется Золотуев. Одет торжественно, но вид у него растерзанный. В руках — портфель.

Золотуев. Племянник...
Колесов. Дядя?
Букин. Коля, айда с нами, отдашь дань геологам.
Колесов. Сейчас приду. Дядя, вы откуда?
Золотуев. Едва тебя нашел... Беда у меня, профессор. Не взял.
Колесов. Что такое? Что с вами стряслось?
Золотуев. Он не взял! Ревизор.
Колесов. Ах, да. Ревизор?.. Вон оно что... Не взял?
Золотуев. Не удостоил... Эх, племянник, жизнь разбита... Ты-то как? Чем занимаешься?
Колесов. Я? Да вот... веселюсь. Сдал экзамены, прощаюсь с университетом.
Золотуев. Получил, значит, образование?.. Как это ты? Сколько дал?
Колесов *(не сразу, негромко)*. Много дал... *(Золотуеву.)* Много, дядя, вам столько и не снилось... Прощайте, дядя. Идите себе.

Золотуев уходит. Появляются Фролов и Маша.

Маша *(о Колесове)*. Вон он где скрывается. *(Подходит.)* Что с ним делается, я не понимаю, все у него уладилось, все устроилось, все хорошо. *(Колесову.)* Ну-ка, отвечай, чем ты недоволен?

Колесов не отвечает.

Послушай, я вот все хочу тебя спросить, где эта девочка Таня? Почему ее не видно?
Колесов. А почему я должен знать, где она?.. Понятия не имею.

Небольшая пауза. Слышна музыка.

Фролов. Хороший вечер.
Маша. Да... Тишина и прохлада. Хочется сказать какую-нибудь глупость.

Фролов. В чем же дело?
Маша. Не умею. Чувствую, а сказать не умею.
Фролов (*Колесову*). Когда ты уезжаешь?
Колесов. Точно не знаю, чем скорее, тем лучше.
Маша. А я на днях. Я же домой еду.
Колесов. Знаю.
Маша. Вон и Гриша туда собирается, в наши места. Коля, может, мне выйти за него, и точка?
Фролов. Ты очень любезна.
Маша. А что? Серьезный, надежный, все понимает, любит. (*Фролову.*) Любишь ты меня или нет?
Фролов. Если в таком тоне, то нет.
Колесов. Опять ты замуж собираешься? Это не к добру... Пойти к геологам, авось рассмешат...
Маша. Еще как рассмешат.

Колесов уходит в зал.

Фролов. Маша, да или нет? Я пять лет жду ответа.
Маша. Я тебе уже говорила много раз.
Фролов. Но теперь ты можешь сказать «да».
Маша. Могу, Гриша. Но это будет такое «да», что... Уж не лучше ли «нет»?

Фролов и Маша возвращаются в зал. Из зала выходят Репников и Репникова.

Репников. Веселиться они еще не разучились, не правда ли?
Репникова. Не знаю. Я никогда не была студенткой. Скажи мне, сколько слов сказала наша дочь за последнюю неделю? Ты сосчитал? Это легко сделать. Все кончится тем, что она от нас сбежит.
Репников. Не понимаю, когда она успела так в него влюбиться?
Репникова. Вместо того, чтобы задавать такие глупые вопросы, подумал бы, как ей помочь.
Репников. Каким образом? Насильно ведь мил не будешь. С этим тоже надо считаться.
Репникова. Я слышала, его собираются оставить в аспирантуре. Все за, один ты против.
Репников. Ну уж нет! Хватит и того, что он закончил университет.
Репникова. Но признайся, аспирантуры он заслуживает. Все говорят, что заслуживает.
Репников. Послушай, эту историю знает весь город,

и считается, что инцидент исчерпан. А мы — на тебе — начнем все сначала. Подумай, какой тут может быть резонанс? Подумай обо мне. Немного.

Репникова. Не понимаю, что предосудительного в том, что ты оставишь в аспирантуре хорошего парня?

Репников. Да ведь ты его не знаешь как следует. А если он совсем не тот, за кого он себя выдает?.. И кроме того, это место уже обещано другому...

Репникова. Сделаешь, как я тебя прошу... Идем отсюда. Я озябла.

Возвращаются в зал. Появляются Веселый, Красавица, Комсорг, Серьезный, Строгая, Фролов и Маша... В руках у Веселого бутылка.

Веселый. Сюда, ребятишки, на свежий воздух.

Все проходят к столу.

Итак, друзья мои, разрешите провозгласить тост. (*Наливает вино в стаканы.*)

Красавица. Без тостов нельзя? Тосты, тосты, просто так и выпить уже нельзя.

Веселый. Почему нельзя? Можно. Выпьем просто так, за лыжный спорт в Африке. (*Гогочет.*)

Входит Букин, за ним Гомыра.

Букин. Чего это вам так весело? Чему вы так шумно радуетесь? Уж не тому ли, что вы больше не студенты? (*Наливает вино себе и Гомыре.*) Бедняги. Вас ждут железные объятия самостоятельной жизни. Веселитесь, но не забывайте, что вы на похоронах...

Серьезный. Что ж, неплохо сказано.

Маша. Ну конечно. Без скоморохов сегодня не обойтись.

Букин. Последний раз в сезоне. Так сказать, спешите видеть... Кстати, Маша. Мы вот-вот разъезжаемся... А ведь мы с тобой зарегистрировались. Вот что значит легкомыслие. Не обдумали как следует, не взвесили, раз, два — наставили штампов. А теперь — развод. Это же такая морока.

Маша. Никакой мороки. Надо подать заявление в загс — всего-то.

Букин. Всего-навсего?.. Скажите, какой прогресс. Надеюсь, ты подашь заявление?

Маша. Да, я собиралась зайти, да все как-то времени не хватало. Не волнуйся, завтра я это обязательно сделаю.

Букин. Я знал, что ты не будешь упорствовать.

Гомыра. Маша, мне надо с тобой поговорить.

Маша. Тебе?.. Со мной?

Гомыра. Конфиденциально. Я абсолютно трезвый, прошу заметить.

Красавица и Веселый *(произносят разом).* Что?!

Смех.

Гомыра. Я трезв как стеклышко. Прошу вас. *(Подает Маше руку.)*

Маша. Ну если так... *(Подает Гомыре руку, и они картинно удаляются.)*

Красавица. Вот так Гомыра.

Веселый. Оригинально.

Букин. Ну вот... еще один скандал. Прощальный. Весь вечер на манеже Вася Букин, комик-пародист... *(Фролову.)* Гриша, ты знаешь, о чем я сейчас жалею?.. Мне жалко почему-то ту самую сороку. Зачем мы ее убили? За что?.. При чем здесь сорока?

Фролов *(отшатнувшись).* Не знаю... И вообще, эта ваша неврастения... Прошу меня от нее уволить.

Из зала слышна музыка. Красавица и Веселый уходят в зал.

Пойду, пожалуй, в буфет.

Из другой двери из зала появляются Маша и Гомыра. Гомыра подводит к Букину Машу и проходит мимо.

Букин. Перед отъездом всегда хочется помириться. Так принято. У неврастеников.

Маша. Уйди.

Букин. Ну и жизнь... Никто ничего не понимает. Палеолит... Маша, я пересмотрел всю свою философию...

Маша. Молчи, идиот.

Букин *(просиял).* Ну вот!.. А при чем же здесь слезы?

Маша *(вытерла слезы).* Отстань. Это у меня алкогольное... Когда уезжаешь?

Букин. Третьего июля.

Маша. Меня возьмешь?

Букин. Там вечная мерзлота, предупреждаю.

Никого не замечая, Маша и Букин, обнявшись, уходят. Появляются Фролов и Колесов.

Фролов. Все! С меня, кажется, хватит. *(Колесову.)* Коля, хотел сказать, мне предложили аспирантуру. Это на твое место, и я должен тебе это сказать...

Колесов. Какой разговор? На здоровье, Гриша... Мне все равно.

Фролов. Правда?.. Я молчал, потому что собирался уезжать. Но теперь — кончено. Я остаюсь в аспирантуре. *(Уходит.)*

С улицы входит Таня. Подходит к Колесову, сидящему за столом.

Колесов *(холодно)*. Зачем ты пришла?

Таня. Поздравить тебя с окончанием... Поздравляю.

Колесов *(мрачно)*. Спасибо.

Таня. Извини, если не вовремя...

Колесов. Да нет, в самый раз... Самое время меня поздравить...

Таня *(не сразу)*. Ты уезжаешь?

Колесов. Да.

Таня *(не сразу)*. Я бы не пришла. Но я узнала, что ты уезжаешь...

Колесов. Папа тебе сказал?

Таня. Да.

Небольшая пауза.

Колесов. Ну, как поживаешь?

Таня. Если бы тебя это интересовало, ты мог бы позвонить.

Колесов. Один раз звонил.

Таня *(радостно)*. Ты мне звонил?

Колесов. Разговаривал с папой.

Пауза.

Таня. Твоя трава... подросла она? Помнишь, ты меня приглашал... Босиком по лугу.

Колесов. Луга еще нет... Но босиком уже можно.

Таня. А я даже сон такой видела: мы с тобой бежим по лугу.

Колесов. Бежим?.. В одну сторону, ты не заметила?

Таня. В одну. Конечно, в одну.

Колесов. Приятный сон... идиллический. *(Вдруг.)* Но зачем ты пришла — не понимаю. Я тебе все сказал, мы поставили точку, чего еще?

Таня *(с волнением)*. Ты уедешь... Но мне кажется, что мы с тобой еще встретимся. Пусть не скоро, пусть через год, через два... И ты не запретишь мне об этом думать!.. И когда встретимся, тогда... Скажи мне сейчас: может быть. Больше мне ничего не надо. Скажи мне: может быть.

Колесов *(взял ее за плечи)*. Ты бредишь... Через месяц эта сказка вылетит у тебя из головы.

Таня. Никогда!.. Как мне тебе это доказать?

Колесов *(забылся)*. Ты полоумная... *(Привлек ее к себе. Потом спохватился.)* Ты сама не знаешь, что ты говоришь. Знаешь, не мешало бы тебе быть благоразумнее.

Таня. Благоразумнее?

Колесов. Именно. Именно благоразумнее.

Таня. Что это? Что это ты себе выдумал? Какое такое благоразумие?

Колесов. Послушай. Знаешь, ты к кому пришла?

Таня *(улыбается)*. Знаю. К проходимцу.

Колесов. Хуже, в том-то и дело.

Таня. Ты не рад, что я пришла... Всегда я... всегда сама. Я нахалка, правда?

Колесов. Нет, ты молодец. Ты пришла вовремя... А прощать? Умеешь ты прощать?

Из зала выходит Репников.

Таня *(негромко)*. Явился... Давно его не видели.

Репников *(Тане)*. И давно ты здесь?

Таня. Недавно. Пришла поздравить некоторых знакомых.

Репников. Ну-ну. Есть с чем поздравить.

Колесов. Вот и я говорю, самое время нас с вами поздравить.

Репников *(отводит Колесова в сторону)*. Почему, черт возьми, вы устроили свидание?

Колесов. А потому, черт возьми, что мы давно не виделись. Целых три недели.

Репников. Но... Разве у нас с вами речь шла о трех неделях?

Колесов. Мы соскучились, понятно вам это? Мы,

может, вообще друг без друга не можем. По-моему, это дороже стоит. Вам не кажется?

Репников. Не шутите, Колесов, теперь вам это не идет...

Колесов. Почему вы так думаете? Разве я изменился?

Репников. Вы как думаете? Кто однажды крепко оступился, тот всю жизнь прихрамывает.

Колесов. В таком случае — вы мало дали. Вы дали мне диплом и требуете, чтобы мы не встречались всю жизнь.., Так вот... *(Вынимает диплом из кармана.)* Возьмите его обратно. *(Бросает диплом на стол.)*

Таня. Что? Что это значит?

Колесов. В тот день, когда ты приходила на дачу...

Репников *(кричит)*. Таня! Оставь нас вдвоем.

Таня. Нет, я не уйду отсюда.

Репников. Ты уйдешь. *(Колесову.)* Могу я поговорить с вами с глазу на глаз?

Колесов и Таня переглядываются. Таня уходит.

Колесов. Что ж, давайте поговорим. Я вас слушаю.

Репников. Вот вы меня ненавидите. А почему, собственно? Давайте разберемся... Когда я рвался в науку с таким же нетерпением, со мной случилось нечто похожее.

Колесов. С какой стати вы мне исповедуетесь?

Репников. А разве нам с вами нельзя немного пооткровенничать? Согласитесь, у нас с вами есть нечто общее. Присаживайтесь... И подумайте, имеете ли вы право меня ненавидеть... Откровенно говоря, со мной вам просто повезло.

Колесов. Да-а. С вами не пропадешь.

Репников. Пожалуй... Деканат предлагает оставить вас в аспирантуре.

Колесов. Так...

Репников. И знаете, что... я не возражаю.

Колесов. Ага... Решили, стало быть, добавить? И на каких условиях?

Репников. Татьяну забудьте, держите язык за зубами. Впрочем, вы сами понимаете. Мы будем молчать. И я и вы — оба, как миленькие. И заберите документ, он ваш... Все. Танцуйте, веселитесь. Увидимся. К сожалению. *(Уходит.)*

Входит Таня.

Таня. Не дрались.

Колесов. Поговорили.

Таня. И что?

Колесов. Меня хотят оставить в аспирантуре. Твой отец не возражает.

Таня. Ты в самом деле, ты остаешься... Правда? *(Не сразу.)* Что с тобой?.. Ты не рад?.. Ну что еще случилось?

Колесов. Сядем. *(Садятся.)*

Таня. Все идет к лучшему. На Панаме порядок, на Занзибаре давно республика...

Колесов. Я должен рассказать тебе, как я закончил университет. *(Молчание.)* В тот вечер, когда ты приходила ко мне на дачу, там был твой отец... Я должен был выбрать. Одно из двух.

Таня. Не понимаю.

Колесов. Именно так: одно из двух. Ты или университет. *(Молчание.)*

Таня. Я или университет?.. Чепуха какая...

Колесов. Так и было.

Таня *(помолчав)*. Но ведь не хочешь же ты сказать, что... диплом ты выменял у моего отца на меня?

Колесов. Говорю как есть.

Таня. Чепуха... Скажи, что это чепуха... Прошу тебя, скажи, что это чепуха.

Колесов. Я не мог иначе. *(Молчание.)*

Колесов. Я выиграл время: ты должна это понять.

Молчание.

Может, ты хотела, чтобы я всю жизнь был сторожем? Может, ты думаешь, что я сделал это ради собственного удовольствия?

Таня *(тихо)*. Значит, с папой вы поладили... А сейчас? О чем вы говорили с ним сейчас? Об аспирантуре?.. Значит, моя цена повышается... Жаль, что мой отец не академик... Ну ничего... И так неплохо, правда? *(Не сразу)*. А зачем ты сознался? Для чего? Или тебе это тоже пригодится?

Колесов. Перестань, выслушай меня!

Таня. Нет, я тебе не верю.

Колесов. Выслушай меня. Ты должна меня понять. Кто, если не ты?

Таня. Я все поняла. Ты сделал это не ради удовольствия, поняла. Ты не мог иначе, поняла... Ты выиграл время, теперь ты своего добьешься. Будет у тебя луг, будет все, как ты захочешь... Все будет по-твоему. Без меня.

Колесов. Будет луг — кто побежит по нему босиком? Не могу же я один... Меня же примут за сумасшедшего. *(Берет ее за плечи.)* Оставайся...

Таня. Нет, я тебе не верю. Откуда я знаю, может, ты снова меня променяешь. В интересах дела. Я так не могу. Прощай... Прощай... *(Уходит.)*

Колесов. Таня! *(Идет вслед за ней.)*

На мгновение дорогу Колесову загораживает Золотуев.

Вы что? Что вам надо?

Золотуев. Куда ты теперь? Давай-ка ты ко мне... Я ведь один, ты знаешь. Один, как перст. Дом на тебя запишу, дачу, машину...

Колесов. Подождите, дядя... *(Уходит.)*

Золотуев. Племянник! *(Уходит за Колесовым.)*

Из зала врывается шумная компания: Красавица, Веселый, Серьезный, Строгая, Комсорг, Гомыра, Букин, Маша. Музыка из зала звучит громче.

Веселый. Сюда, ребята!.. Вроде бы все?

Все хором. Горько! Горько!

Строгая. Нет ректора.

Гомыра. Ведут его, ведут... Горько!

Появляется Репников.

Репников. В чем дело?

Букин. Владимир Алексеевич. Помните нашу свадьбу?

Репников. Еще бы!

Букин *(всем)*. Так вот. Свадьба продолжается. Как видите.

Шум. Веселый смех.

Репников. Ах вот что! Значит, все благополучно? Я рад.

Букин. Представьте, мы выступаем в том же составе. Вот, все в сборе. Вас только и не хватало.

Веселый. А Колесов?

Серьезный. Да, пока еще Колесова нет. *(Смех.)*

Репников *(смеется вместе со всеми)*. Кстати о Колесове. Он остается в аспирантуре.

Шум. Одобрительные возгласы.

Маша. Где он, где? Надо его найти! Поздравить!

Серьезный. Где Колесов?

Появляется Колесов.

Колесов. Я здесь.

Серьезный. Я поздравляю. Это справедливо. Тебя сохранили для науки.

Комсорг. Коля, наш бывший курс... Ты что, недоволен? Что с тобой? Что случилось?

Букин. Скажи что-нибудь, вырази!

Колесов. Мне нечего вам сказать. Но мне надо кое-что сделать. *(Берет диплом, рвет его пополам. Бросает на стол.)*

Маша. Что ты наделал?

Колесов. Не волнуйтесь. Это мой диплом... Я за него заплатил. Вот и все... Прощайте.

И снова улица.
Обстановка первой картины: старый дом, забор, тротуар, афишная тумба. Поздний летний вечер.
Колесов у афишной тумбы. Прошелся по тротуару, вернулся к тумбе, в задумчивости осматривает афиши. Непонятно: то ли он ждет кого, то ли в этот вечер ему просто некуда пойти. Снова прошелся и опять вернулся к афишной тумбе. В старом доме вновь разучивают гаммы, которые теперь звучат много бойчее, чем ранней весной.
Появляется Таня. Проходит мимо.

Колесов *(останавливает ее)*. Девушка, куда вы торопитесь? *(Молчание.)* Домой? В парк? На концерт?

Таня. Простите, у меня нет времени. *(Хотела уйти, он снова ее остановил.)* Мне некогда.

Колесов. Жаль... Я хотел пригласить вас...

Таня *(перебивает)*. Пригласите кого-нибудь другого.

Колесов. Не могу. Приглашаю именно вас.

Таня. Меня один раз вы уже приглашали. Не помните?

Колесов. Помню... У меня приличная память. *(Молчание.)* Не пойдете?

Таня. Нет... Счастливо оставаться.

Стоят в трех шагах друг от друга.

Занавес

СТАРШИЙ СЫН

Комедия в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Бусыгин.
Сильва.
Сарафанов.
Васенька.
Кудимов.
Нина.
Макарская.
Две подруги.
Сосед.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Поздний весенний вечер. Двор в предместье. Ворота. Один из подъездов каменного дома. Рядом — небольшой деревянный домик, с крыльцом и окном во двор. Тополь и скамья. На улице слышны смех и голоса.
Появляются Бусыгин, Сильва и две девушки. Сильва ловко, как бы между прочим наигрывает на гитаре. Бусыгин ведет под руку одну из девушек. Все четверо заметно мерзнут.

Сильва *(напевает)*.

Ехали на тройке — не догонишь,
А вдали мелькало — не поймешь...

Первая девушка. Ну вот, мальчики, мы почти дома.

Бусыгин. Почти — не считается.

Первая девушка *(Бусыгину)*. Разрешите руку. *(Освобождает руку.)* Спасибо, что проводили. Здесь мы дойдем сами.

Сильва *(перестает играть)*. Сами? Это как понять?.. Вы сюда *(показывает)*, а мы, значит, обратно?..

Первая девушка. Значит, так.

Сильва *(Бусыгину)*. Слушай, друг, как тебе это нравится?

Бусыгин *(первой девушке)*. Вы нас бросаете на улице?

Первая девушка. А вы как думали?

Сильва. Да я был уверен, что мы едем к вам в гости!

Первая девушка. В гости? Ночью?

Бусыгин. А что особенного?

Первая девушка. Ночью в гости не ходят.

Сильва *(Бусыгину)*. Что ты на это скажешь?

Бусыгин. Спокойной ночи.

Девушки *(вместе)*. Приятного сна!

Сильва *(останавливает их)*. Одумайтесь, девушки! Куда спешить? Вы же сейчас с тоски выть будете! Образумьтесь, пригласите в гости!

Вторая девушка. В гости! Гляди-ка какой быстрый!.. Потанцевали, угостили вином и сразу — в гости! Не на тех напали!

Сильва. Скажи, какое коварство! *(Задерживает вто-*

рую девушку.) Дай хоть поцелую на сон грядущий!

Вторая девушка вырывается, и обе быстро уходят.

Девушки, девушки, остановитесь!

Бусыгин и Сильва следуют за девушками.
Появляется Сарафанов с кларнетом в руках. Навстречу ему из подъезда выходит сосед, пожилой человек. Одет он тепло, вида болезненного. По манерам — служащий средней руки, заготовитель.

Сосед. Здравствуйте, Андрей Григорьевич.
Сарафанов. Добрый вечер.
Сосед *(язвительно)*. С работы?
Сарафанов. Что?.. *(Поспешно.)* Да-да... С работы.
Сосед *(с насмешкой)*. С работы?.. *(Укоризненно.)* Эх, Андрей Григорьевич, не нравится мне ваша новая профессия.
Сарафанов *(поспешно)*. Что это вы, сосед, куда собрались на ночь глядя?
Сосед. Как — куда? Никуда. Давление у меня скачет, на воздух вышел.
Сарафанов. Да-да. Прогуляйтесь, прогуляйтесь... Это полезно, полезно... Доброй ночи. *(Хочет уйти.)*
Сосед. Подождите.

Сарафанов останавливается.

(Указывает на кларнет.) Кого проводили?
Сарафанов. То есть?
Сосед. Кто помер, спрашиваю.
Сарафанов *(испуганно)*. Тс-с!.. Тише!

Сосед прикрывает рот рукой, быстро кивает.

(С упреком.) Ну что же вы, ведь я же вас просил. Не дай бог, мои услышат...
Сосед. Ладно, ладно... *(Шепотом.)* Кого похоронили?
Сарафанов *(шепотом)*. Человека.
Сосед *(шепотом)*. Молодого?.. Старого?
Сарафанов. Средних лет...

Сосед долго и сокрушенно качает головой.

Извините меня, пойду домой. Продрог я что-то...
Сосед. Нет, Андрей Григорьевич, не нравится мне ваша новая профессия.

Расходятся. Один исчезает в подъезде, другой выходит на улицу.

С улицы появляется Васенька, останавливается в воротах. В его поведении много беспокойства и неуверенности, он чего-то ждет. На улице послышались шаги. Васенька бросается к подъезду — в воротах появляется Макарская. Васенька спокойно, изображая нечаянную встречу, идет к воротам.

Васенька. О, кого я вижу!

Макарская. А, это ты.

Васенька. Привет!

Макарская. Привет, Кирюшечка, привет. Что ты здесь делаешь? *(Идет к деревянному домику.)*

Васенька. Да так, решил немного прогуляться. Погуляем вместе?

Макарская. Что ты, какое гулянье — холод собачий. *(Достает ключ.)*

Васенька *(встав между нею и дверями, задерживает ее на крыльце)*. Не пущу.

Макарская *(равнодушно)*. Ну вот. Начинается.

Васенька. Ты мало бываешь на воздухе.

Макарская. Васенька, иди домой.

Васенька. Подожди... Давай поболтаем немного... Скажи мне что-нибудь.

Макарская. Спокойной ночи.

Васенька. Скажи, что завтра ты пойдешь со мной в кино.

Макарская. Завтра увидим. А сейчас иди спать. А ну пусти!

Васенька. Не пущу.

Макарская. Я пожалуюсь твоему, ты достукаешься!

Васенька. Почему ты кричишь?

Макарская. Нет, это наказание какое-то!

Васенька. Ну и кричи. Мне, может быть, даже нравится.

Макарская. Что нравится?

Васенька. Когда ты кричишь.

Макарская. Васенька, ты меня любишь?

Васенька. Я?!

Макарская. Любишь. Что-то плохо ты меня любишь. Я тут в кофте стою, замерзла, устала; а ты?.. Ну пусти, пусти...

Васенька *(сдается)*. Ты замерзла?

Макарская *(открывая ключом дверь)*. Ну вот... Умница. Раз любишь — надо слушаться. *(На пороге.)* И вообще: я хочу, чтобы ты меня больше не ждал,

не следил за мной, не ходил по пятам. Потому что из этого ничего не выйдет... А сейчас иди спать. *(Входит в дом.)*

Васенька *(приближается к двери, дверь закрывается).* Открой! Открой! *(Стучит.)* Открой на минутку! Мне надо тебе сказать. Слышишь? Открой!

Макарская *(в окне).* Не ори! Весь город разбудишь!

Васенька. Черт с ним, с городом!.. *(Садится на крыльцо.)* Пусть подымаются и слушают, какой я дурак!

Макарская. Подумаешь, как интересно... Васенька, поговорим серьезно. Пойми ты, пожалуйста, у нас с тобой ничего не может быть. Кроме скандала, конечно. Подумай, глупенький, я тебя старше на десять лет! Ведь у нас разные идеалы и все такое — неужели вам этого в школе не объясняли? Ты должен дружить с девочками. Теперь в школе, кажется, и любовь разрешается — вот и чудесно. Вот и люби кого полагается.

Васенька. Не говори глупостей.

Макарская. Ну хватит! Хороших слов ты, видно, не понимаешь. Ты мне надоел. Надоел, ясно тебе? Уходи, и чтоб я тебя здесь больше не видела!

Васенька *(подходит к окну).* Хорошо... Больше ты меня не увидишь. *(Скорбно.)* Никогда не увидишь.

Макарская. Совсем мальчик спятил!

Васенька. Встретимся завтра! Один раз! На полчаса! На прощанье!.. Ну что тебе стоит!

Макарская. Ну да! От тебя потом не отвяжешься. Я ведь вас прекрасно знаю.

Васенька *(вдруг).* Дрянь! Дрянь!

Макарская. Что?! Что такое?! Ну и порядки! Каждая шпана может тебя оскорбить! Нет, без мужа, видно, на этом свете не проживешь!.. Иди отсюда. Ну!

Молчание.

Васенька. Прости... Прости, я не хотел.

Макарская. Уходи! Баиньки! Щенок бесхвостый! *(Захлопывает окно.)*

Васенька бредет в свой подъезд. Появляются Бусыгин и Сильва.

Сильва. Как они нас, скажи?..

Бусыгин. Перекурим.
Сильва. А та́, белобрысая, ничего...
Бусыгин. Маловата ростом.
Сильва. Слушай! Она же тебе нравилась.
Бусыгин. Уже не нравится.
Сильва *(смотрит на часы, свистнул)*. Слушай, а сколько времени?
Бусыгин *(смотрит на часы)*. Половина двенадцатого.
Сильва. Сколько?.. Сердечно поздравляю, мы опоздали на электричку.
Бусыгин. Серьезно?
Сильва. Все! Следующая в шесть утра.

Бусыгин свистнул.

(Мерзнет.) Бр-р... Джентльмены!.. Провожание устроили! Обормоты!
Бусыгин. Далеко до дома?
Сильва. Километров двадцать, не меньше!.. И все эти скромницы. Какого черта мы с ними связались!
Бусыгин. Что это за район, я здесь никогда не был.
Сильва. Ново-Мыльниково. Глушь!
Бусыгин. Знакомых нет?
Сильва. Никого! Ни родных, ни милиции.
Бусыгин. Ясно. А где прохожие?
Сильва. Деревня! Все уже спят. Они здесь ложатся еще засветло.
Бусыгин. Что же будем делать?
Сильва. Слушай, а как тебя зовут? Извини, там, в кафе, я толком не расслышал.
Бусыгин. Я тоже не расслышал.
Сильва. Давай по новой, что ли..

Трясут друг друга за руки.

Бусыгин. Бусыгин. Владимир.
Сильва. Севостьянов. Семен. В просторечии — Сильва.
Бусыгин. Почему Сильва?
Сильва. А черт его знает. Пацаны прозвать прозвали, а объяснить не объяснили.
Бусыгин. Я тебя как-то видел. На главной улице.
Сильва. А как же! Я принимаю там с восьми до одиннадцати. Каждый вечер.

Бусыгин. Где-нибудь работаешь?

Сильва. Обязательно. Пока в торговле. Агентом.

Бусыгин. Что это за работа такая?

Сильва. Нормальная. Учет и контроль. А ты? Трудишься?

Бусыгин. Студент.

Сильва. Мы будем друзьями, ты увидишь!

Бусыгин. Подожди. Кто-то идет.

Сильва *(мерзнет)*. А ведь прохладно, скажи!

Сосед возвращается с прогулки.

Бусыгин. Добрый вечер!

Сосед. Приветствую.

Сильва. Где здесь ночной клуб? А, милейший?..

Бусыгин *(Сильве)*. Подожди. *(Соседу.)* Где автобус, скажите, пожалуйста.

Сосед. Автобус?.. Это на той стороне, за линией.

Бусыгин. Успеем мы на автобус?

Сосед. Можете. А вообще-то не успеете. *(Намеревается идти.)*

Бусыгин. Послушайте. Не скажете, где бы нам переночевать? Были в гостях, опоздали на электричку.

Сосед *(разглядывает их с опаской и подозрением)*. Бывает.

Сильва. Нам бы только до утра прокантоваться, а там...

Сосед. Понятное дело.

Сильва. Где-нибудь за печкой. Скромненько, а?

Сосед. Нет-нет, мужики! Не могу, мужики, не могу!

Бусыгин. Почему, дядя?

Сосед. Я бы с большим удовольствием, но ведь я не один живу, сами понимаете, в обществе. Жена у меня, теща...

Бусыгин. Ясно.

Сосед. А лично я — с большим удовольствием.

Бусыгин. Эх, дядя, дядя...

Сильва. Валенок ты дырявый!

Сосед удаляется молча и боязливо.

Чертов ветер! Откуда он сорвался? Такой был день и — на тебе.

Бусыгин. Будет дождь.

Сильва. Его только не хватало!

Бусыгин. А может быть, снег.

Сильва. Эх! Сидел бы я лучше дома. Тепло, по крайней мере. И весело тоже. У меня батя — большой шутник. С ним не соскучишься. Нет-нет да что-нибудь выдаст. Вчера, например. Мне, говорит, надоели твои безобразия. На работе, говорит, испытываю из-за тебя эти... неловкости. На, говорит, тебе последние двадцать рублей, иди в кабак, напейся, устрой дебош, но такой дебош, чтобы я тебя год-два не видел. Ничего, а?

Бусыгин. Да, почтенный родитель.

Сильва. А у тебя?

Бусыгин. Что — у меня?

Сильва. Ну с отцом. То же самое — разногласия?

Бусыгин. Никаких разногласий.

Сильва. Серьезно? Как это у тебя получается?

Бусыгин. Очень просто. У меня нет отца.

Сильва. А-а. Другое дело. А где ты проживаешь?

Бусыгин. В общаге. На Красного Восстания.

Сильва. А, мединститута?

Бусыгин. Его самого... Да, климат здесь неважный.

Сильва. Весна называется!.. Бр-р-р... К тому же я целый месяц не высыпаюсь...

Бусыгин. Ну хорошо. Ты зайди в этот подъезд, постучись к кому-нибудь. А я попытаюсь в частном секторе. *(Направляется к дому Макарской.)*

Сильва уходит в подъезд.

(Стучится к Макарской.) Алле, хозяин. Алле. *(Повременил и стучится снова.)* Хозяин!

Окно открывается.

Макарская *(из окна).* Кто это?..

Бусыгин. Добрый вечер, девушка. Послушайте, опоздал на электричку, замерзаю.

Макарская. Я не пущу. Даже и не думай!

Бусыгин. Зачем же так категорически?

Макарская. Я живу одна.

Бусыгин. Тем лучше.

Макарская. Одна я, понятно?

Бусыгин. Прекрасно! Значит, у вас найдется место.

Макарская. С ума сошел! Как же я могу тебя пустить, если я тебя не знаю!

Бусыгин. Велика беда! Пожалуйста! Бусыгин Владимир Петрович. Студент.

Макарская. Ну и что из этого?

Бусыгин. Ничего. Теперь вы меня знаете.

Макарская. Ты думаешь, этого достаточно?

Бусыгин. А что еще? Ах, да... Ну, не будем забегать вперед, но вы мне уже нравитесь.

Макарская. Нахал.

Бусыгин. Зачем же так грубо?.. Скажите лучше, как вы себя там чувствуете, в вашем пустом...

Макарская. Да?

Бусыгин. Холодном...

Макарская. Да?

Бусыгин. ...Темном доме. Не страшно ли одной?

Макарская. Нет, не страшно!

Бусыгин. А вдруг вы ночью заболеете. Ведь воды некому подать. Так нельзя, девушка.

Макарская. Не беспокойся, не заболею! И давай не будем! Поговорим в другой раз.

Бусыгин. А когда? Завтра?.. Навестить вас завтра?

Макарская. Попробуй.

Бусыгин. А я до завтра не доживу. Замерзну.

Макарская. Ничего с тобой не сделается.

Бусыгин. И все же, девушка, мне кажется, вы нас спасете.

Макарская. Вас? Разве ты не один?

Бусыгин. В том-то и дело. Со мной приятель.

Макарская. Еще и приятель?.. Нахалы все невозможные! *(Захлопывает окно.)*

Бусыгин. Ну вот, поговорили. *(Идет по двору; выходит на улицу, осматривается.)*

Появляется Сильва.

Ну как?

Сильва. Пустые хлопоты. Звонил в три квартиры.

Бусыгин. Ну и что?

Сильва. Никто не открывает. Боятся.

Бусыгин. Темный лес... Христа ради у нас ничего не выйдет.

Сильва. Загнемся. Еще полчаса — и я околею. Я чувствую.

Бусыгин.. А как в подъезде?

Сильва. Думаешь, тепло? Черта с два. Уже не то-

пят. Главное, никто разговаривать не хочет. Спросят только, кто стучит, и все, больше ни слова... Мы загнемся.

Бусыгин. М-да... А кругом столько теплых квартир...

Сильва. Что квартир! А сколько выпивки, сколько закуски... Опять же, сколько одиноких женщин! Р-р-р! Это всегда выводит меня из себя. Идем! Будем стучаться в каждую квартиру.

Бусыгин. Подожди, а что ты собираешься им говорить?

Сильва. Что говорить?.. Опоздали на электричку...

Бусыгин. Не поверят.

Сильва. Скажем, что замерзаем.

Бусыгин. Ну и что? Кто ты такой, какое им до тебя дело? Сейчас не зима, до утра протерпишь.

Сильва. Будем говорить, что отстали от этого... от скорого поезда.

Бусыгин. Ерунда. Этим ты их не прошибешь. Надо выдумать что-то такое...

Сильва. Скажем, что за нами гонятся бандиты.

Бусыгин смеется.

Неужели не пустят?

Бусыгин. Плохо ты людей знаешь.

Сильва. А ты?

Бусыгин. А я знаю. Немного. Кроме того, иногда я посещаю лекции, изучаю физиологию, психоанализ и другие полезные вещи. И знаешь, что я понял?

Сильва. Ну?

Бусыгин. У людей толстая кожа, и пробить ее не так-то просто. Надо соврать как следует, только тогда тебе поверят и посочувствуют. Их надо напугать или разжалобить.

Сильва. Бр-р-р. Ты прав. А для начала мы их разбудим. *(Двигается, чтобы согреться, потом поет и притопывает.)*

Когда фонарики качаются ночные
И вам по улицам нельзя уже ходить...

Бусыгин. Перестань.

Сильва *(продолжает)*.

Я из пивной иду,
Я никого не жду,
Я никого уже не в силах полюбить...

Голос соседа *(с верхнего этажа, он торжествует).* Эй, вы, артисты! А ну, проваливайте отсюда!

Сильва *(поднял голову).* Вам не нравится?

Голос соседа. Убирайтесь! У нас здесь своих хулиганов хватает!

Сильва. Заткнись, папаша!

Голос соседа. Негодяи!

Слышится стук захлопнувшегося окна.

Сильва. Слыхал?.. Тот самый дядя. Вишь, как преобразился.

Бусыгин. Да-а...

Сильва. Вот и верь после этого людям. *(Мерзнет.)* Б-р-р...

Бусыгин. Пошли в подъезд. Там хоть ветра нет.

Идут к подъезду. В это время в одном из окон вспыхивает свет. Приятели останавливаются и наблюдают.

Ты туда звонил?

Сильва. Нет. Смотри, кто-то одевается.

Бусыгин. Кажется, двое.

Сильва. Идут. Давай-ка это дело перекурим.

Бусыгин и Сильва отходят в сторону. Из подъезда выходит Сарафанов. Он осматривается и направляется к дому Макарской. Бусыгин и Сильва наблюдают.

Сарафанов *(стучится к Макарской).* Наташа! Наташенька!.. Наташенька!..

Макарская *(открыв окно).* Ну и ночь! Взбесились, да и только! Кто это еще?!

Сарафанов. Наташенька! Простите, ради бога! Это Сарафанов.

Макарская. Андрей Григорьевич?.. Я вас не узнала.

Бусыгин *(негромко).* Забавно... Нас она не знает, а его, стало быть, знает...

Сарафанов. Наташа, милая, простите, что так поздно, но вы нужны мне сию минуту.

Макарская. Сейчас. Открываю. *(Исчезает, потом впускает Сарафанова.)*

Сильва. Что делается! Ей двадцать пять, не больше.

Бусыгин. Ему шестьдесят, не меньше.

Сильва. Молодец.

Бусыгин. Так-так... Любопытно... Остался у него кто-нибудь дома?.. Жены, во всяком случае, не должно быть...

Сильва. Вроде там парень маячил.

Бусыгин *(задумчиво)*. Парень, говоришь?..

Сильва. С виду вроде молоденький.

Бусыгин. Сын...

Сильва. Я думаю, у него их много.

Бусыгин *(соображает)*. Может быть, может быть... Знаешь, что? Пошли-ка с ним познакомимся.

Сильва. С кем?

Бусыгин. Да вот с сыночком.

Сильва. С каким сыночком?

Бусыгин. С этим. С сыном Сарафанова. Андрея Григорьевича.

Сильва. Что ты хочешь?

Бусыгин. Погреться... Пошли! Пошли погреемся, а там видно будет.

Сильва. Ничего не понимаю!

Бусыгин. Идем!

Сильва. Эта ночь закончится в милиции. Я чувствую.

Исчезают в подъезде.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Квартира Сарафановых. Среди вещей и мебели старый диван и видавшее виды трюмо. Входная дверь, дверь на кухню, дверь в другую комнату. Закрытое занавеской окно во двор. На столе — собранный рюкзак. Васенька за столом пишет письмо.

Васенька *(читает вслух написанное)*. «...Я люблю тебя так, как тебя не будет любить никто и никогда. Когда-нибудь ты это поймешь. А теперь будь спокойна. Ты своего добилась: я тебя ненавижу. Прощай. С. В.»

Из другой комнаты появляется Нина. Она в халате и домашних туфлях. Васенька прячет письмо в карман.

Нина. Накатал?

Васенька. Твое какое дело?

Нина. А теперь иди вручи ей свое послание, возвращайся и ложись спать. Где отец?

Васенька. Откуда я знаю!

Нина. Куда его понесло ночью?.. *(Берет со стола рюкзак.)*

Васенька пытается отнять у Нины рюкзак. Борьба.

Васенька *(уступает)*. Возьму, когда ты уснешь.

Нина *(вытряхнула содержимое рюкзака на стол.)* Что это значит?.. Куда ты собрался?

Васенька. В турпоход.

Нина. А это что?.. Зачем тебе паспорт?

Васенька. Не твое дело.

Нина. Ты что придумал?.. Ты что, не знаешь, что я уезжаю?

Васенька. Я тоже уезжаю.

Нина. Что?

Васенька. Я уезжаю.

Нина. Да ты что, совсем спятил?

Васенька. Я уезжаю.

Нина *(присев)*. Слушай, Васька... Гад ты, и больше никто. Взяла бы тебя и убила.

Васенька. Я тебя не трогаю, и ты меня не трожь.

Нина. На меня тебе наплевать — ладно. Но об отце-то ты должен подумать?

Васенька. Ты о нем не думаешь, почему я о нем должен думать?

Нина. Боже мой! *(Поднимается.)* Если бы вы знали, как вы мне надоели! *(Собирает высыпанные на стол вещи в рюкзак, уносит его в свою комнату; на пороге останавливается.)* Скажи отцу, пусть утром меня не будит. Дайте выспаться. *(Уходит.)*

Васенька достает из кармана письмо, вкладывает его в конверт, конверт надписывает. Стук в дверь.

Васенька *(машинально)*. Да, войдите.

Входят Бусыгин и Сильва.

Бусыгин. Добрый вечер.

Васенька. Здравствуйте.

Бусыгин. Можем мы видеть Андрея Григорьевича Сарафанова?

Васенька *(поднимается)*. Его нет дома.

Бусыгин. Когда он вернется?

Васенька. Он только что вышел. Когда вернется, не знаю.

Сильва. А куда он ушел, если не секрет?

Васенька. Я не знаю. *(С беспокойством.)* А что такое?

Бусыгин. Ну а... как его здоровье?

Васенька. Отца?.. Ничего... Гипертония.

Бусыгин. Гипертония? Надо же!.. И давно у него гипертония?

Васенька. Давно.

Бусыгин. Ну а вообще он как?.. Как успехи?.. Настроение?

Сильва. Да, как он тут?.. Ничего?

Васенька. А в чем, собственно, дело?

Бусыгин. Познакомимся. Владимир.

Васенька. Василий... *(Сильве.)* Василий.

Сильва. Семен... В простонародье — Сильва.

Васенька *(с подозрением)*. Сильва?

Сильва. Сильва. Ребята еще в этом... в интернате прозвали, за пристрастие к этому...

Бусыгин. К музыке.

Сильва. Точно.

Васенька. Ясно. Ну, а отец вам зачем?

Сильва. Зачем? В общем, мы пришли это... повидаться.

Васенька. Вы давно с ним не виделись?

Бусыгин. Как тебе сказать? Самое печальное, что мы никогда с ним не виделись.

Васенька *(настороженно)*. Непонятно...

Сильва. Ты только не удивляйся...

Васенька. Я не удивляюсь... Откуда же вы его знаете?

Бусыгин. А это уже тайна.

Васенька. Тайна?

Сильва. Страшная тайна. Но ты не удивляйся.

Бусыгин *(другим тоном)*. Ладно. *(Васеньке.)* Мы зашли погреться. Не возражаешь, мы здесь погреемся?

Васенька молчит, он порядком встревожен.

Мы опоздали на электричку. Фамилию твоего отца мы прочли на почтовом ящике. *(Не сразу.)* Не веришь?

Васенька *(с тревогой)*. Почему? Я верю, но...

Бусыгин. Что? *(Делает к Васеньке шаг-два, Васенька пятится. Сильве.)* Боится.

Васенька. Зачем вы пришли?

Бусыгин. Он нам не верит.

Васенька. В случае чего — я кричать буду.

Бусыгин *(Сильве)*. Что я говорил? *(Он тянет время,*

греется.) Ночью всегда так: если один — значит, вор, если двое — значит, бандиты. *(Васеньке.)* Нехорошо. Люди должны доверять друг другу, известно тебе это? Нет? Напрасно. Плохо тебя воспитывают.

Сильва. Да-а...

Бусыгин. Ну отцу твоему, допустим, некогда...

Васенька *(перебивает).* Зачем вам отец? Что вам от него надо?

Бусыгин. Что нам надо? Доверия. Всего-навсего. Человек человеку брат, надеюсь, ты об этом слышал. Или это тоже для тебя новость? *(Сильве.)* Ты только посмотри на него. Брат, страждущий, голодный, холодный, стоит у порога, а он даже не предложит ему присесть.

Сильва *(до сих пор слушал Бусыгина с недоумением, вдруг воодушевляется — его осенило).* Действительно!

Васенька. Зачем вы пришли?

Бусыгин. Ты так ничего и не понял?

Васенька. Конечно, нет.

Сильва *(изумляясь).* Неужели не понял?

Бусыгин *(Васеньке).* Видишь ли...

Сильва *(перебивает).* Да что там! Я ему скажу! Скажу! Скажу откровенно! Он мужчина, он поймет. *(Васеньке, торжественно).* Полное спокойствие, я открываю тайну. Все дело в том, что он *(указывает на Бусыгина)* твой родной брат!

Бусыгин. Что?

Васенька. Что-о?

Сильва *(нагло).* Что?

Небольшая пауза.

Да, Василий! Андрей Григорьевич Сарафанов — его отец. Неужели ты до сих пор не понял?

Бусыгин и Васенька в равном удивлении.

Бусыгин *(Сильве).* Послушай...

Сильва *(перебивает, Васеньке).* Не ожидал? Да, вот так. Твой папа — его родной отец, как это ни странно...

Бусыгин. Что с тобой? Что ты мелешь?

Сильва. Братья встретились! Какой случай, а? Какой момент?

Васенька *(в растерянности)*. Да, в самом деле...

Сильва. Случай-то какой, вы подумайте! Надо выпить, ребята, выпить!

Бусыгин *(Сильве)*. Идиот. *(Васеньке)*. Не слушай его.

Сильва. Нет уж! Я считаю, лучше сказать сразу! Честно и откровенно! *(Васеньке.)* Верно, Василий? Чего тут темнить, когда все уже ясно? Нечего темнить, просто надо выпить за встречу. Есть у тебя выпить?

Васенька *(в той же растерянности)*. Выпить?.. Конечно... Сейчас... *(Оглядываясь на Бусыгина, выходит на кухню.)*

Сильва *(он в восторге)*. Сила!

Бусыгин. Ты что, рехнулся?

Сильва. Ловко ты к нему подъехал!

Бусыгин. Болван, как эта чушь взбрела тебе в голову?

Сильва. Мне?.. Это тебе она взбрела! Ты просто гений.

Бусыгин. Кретин! Ты понимаешь, что ты тут сморозил?

Сильва. «Страждущий брат!» Сила! Я бы никогда не додумался!

Бусыгин. Ну дубина... Подумай, дубина, что будет, если сейчас сюда войдет папаша. Представь себе.

Сильва. Так... Представил. *(Бежит к выходу, но останавливается и возвращается.)* Нет, выпить мы успеем. Папаша вернется через час, не раньше. *(Суетится перед выпивкой.)* Ну и папаша! *(Передразнивает.)* «Вы нужны мне сию минуту!» Гусь! Все они гуси. Твой, видать, был такой же, скажи?

Бусыгин. Не твое дело. *(Идет к двери.)*

Сильва. Постой, почему бы этому слегка не пострадать за того. Тут все справедливо, по-моему.

Бусыгин. Идем.

Сильва *(упирается)*. Ну уж нет! Выпьем, потом пойдем. Я тебя не понимаю, неужели за свою идею ты не заслужил рюмки водки?.. Тс-с! Вот она, наша выпивка. Идет. Приближается. *(Шепотом.)* Обними его, погладь по голове. По-родственному.

Бусыгин. Черт возьми! Надо же мне связаться с таким идиотом!

Входит **Васенька** с бутылкой водки, стаканами. Ставит на стол. Он смущен и растерян.

Сильва *(наливает)*. Да ты не расстраивайся! Если разобраться, у всех у нас родни гораздо больше, чем полагается... За вашу встречу!

Пьют. Васенька с трудом, но выпивает.

Жизнь, Вася, — темный лес, так что ты не удивляйся. *(Наливает снова.)* Мы сейчас с поезда. Он меня просто замучил и сам извелся: заехать — не заехать? А повидаться надо. Сам понимаешь, в какое время живем.

Бусыгин *(Васеньке)*. Сколько тебе лет?

Васенька. Мне? Семнадцатый.

Сильва. Здоровый парнюга!

Бусыгин *(Васеньке)*. Что ж... твое здоровье.

Сильва. Стоп! Не так пьем. Не интеллигентно. Нет ли чего закусить?

Васенька. Закусить?.. Конечно, конечно! Пошли на кухню!

Сильва *(останавливает Васеньку)*. Может, ему сегодня отцу не показываться, как ты думаешь? Нельзя же так с ходу, неожиданно. Мы посидим немножко и... придем завтра.

Васенька *(Бусыгину)*. Ты не хочешь его видеть?

Бусыгин. Как тебе сказать... Хочу, но рискованно. Боюсь за его нервы. Ведь он обо мне ничего не знает.

Васенька. Ну что ты! Раз ты нашелся, значит, нашелся.

Все трое уходят в кухню. Появляется **Сарафанов**. Он проходит к двери в соседнюю комнату, открывает ее, затем осторожно закрывает. В это время Васенька выходит из кухни и тоже закрывает за собой дверь. Васенька заметно опьянел, его обуяла горькая ирония.

Сарафанов *(замечает Васеньку)*. Ты здесь... А я прогулялся по улице. Там дождь пошел. Я вспомнил молодость.

Васенька *(развязно)*. И очень кстати.

Сарафанов. В молодости я, бывало, делал глупости, но я никогда не доходил до истерики.

Васенька. Слушай, что я тебе скажу.

Сарафанов *(перебивает)*. Васенька, так поступают только слабые люди. Кроме того, не забывай, остался только месяц до экзаменов. Школу тебе все-таки надо кончить.

Васенька. Папа, пока ты гулял по дождичку...

Сарафанов *(перебивает)*. И в конце концов, не можете же вы так сразу — и ты и Нина. Нельзя же так... Нет-нет, никуда ты не уедешь. Я тебя не пущу.

Васенька. Папа, у нас гости, и необычные гости... Вернее, так: гость и еще один.

Сарафанов. Васенька, гость и еще один — это два гостя. Кто к нам пришел, говори толком.

Васенька. Твой сын. Твой старший сын.

Сарафанов *(не сразу)*. Ты сказал... Чей сын?

Васенька. Твой. Да ты не волнуйся... Я, например, все это понимаю, не осуждаю и даже не удивляюсь. Я ничему не удивляюсь...

Сарафанов *(не сразу)*. И такие-то шутки у вас в ходу? И они вам нравятся?

Васенька. Какие шутки? Он на кухне. Ужинает.

Сарафанов *(внимательно смотрит на Васеньку)*. Кто-нибудь там ужинает. Возможно... Но знаешь, милый, что-то ты мне не нравишься... *(Разглядел.)* Постой! Да ты пьян, по-моему!

Васенька. Да, я выпил! По такому случаю.

Сарафанов *(грозно)*. Кто разрешил тебе выпивать?!

Васенька. Папа, о чем речь? Тут такой случай! Я никогда не думал, что у меня есть брат, а тут — пожалуйста. Иди взгляни на него, ты еще не так напьешься.

Сарафанов. Ты что, шельмец, издеваешься?

Васенька. Да нет, я говорю серьезно. Он здесь проездом, очень по тебе соскучился, он...

Сарафанов. Кто — он?

Васенька. Твой сын.

Сарафанов. Тогда кто ты?

Васенька. А! Разговаривай с ним сам!

Сарафанов *(направляется к кухне; услышав голоса, останавливается у двери, возвращается к Васеньке)*. Сколько их там?

Васенька. Двое. Я тебе говорил.

Сарафанов. А второй? Он тоже хочет, чтобы я его усыновил?

Васенька. Папа, они взрослые люди. Сам подумай, зачем взрослому человеку родители?

Сарафанов. По-твоему, не нужны?

Васенька. А, прости, пожалуйста. Я хотел сказать, что взрослому человеку не нужны чужие родители.

Молчание.

Сарафанов *(прислушивается)*. Невероятно. Свои дети бегут — это я еще могу понять. Но чтобы ко мне приходили чужие да еще взрослые! Сколько ему лет?

Васенька. Лет двадцать.

Сарафанов. Черт знает что!.. Ты сказал, двадцать лет?.. Бред какой-то... Лет двадцать... *(Задумывается поневоле.)* Двадцать лет... двадцать... *(Опускается на стул.)*

Васенька. Не огорчайся, папа. Жизнь — темный лес...

Из кухни вышли было Бусыгин и Сильва, но, увидев Сарафанова, отступают назад и, приоткрыв дверь, слушают его разговор с Васенькой.

Сарафанов. Двадцать лет... Закончилась война... Двадцать лет... Мне было тридцать четыре года... *(Поднимается.)*

Бусыгин прикрывает дверь.

Сарафанов *(вдруг рассердился)*. Да что вспоминать! Я был солдат! Солдат, а не вегетарианец! *(Ходит по комнате.)*

Бусыгин, когда это возможно, приоткрывает дверь из кухни и слушает.

Васенька. Я тебя понимаю.

Сарафанов. Что?.. Что-то слишком много ты понимаешь! С твоей матерью мы еще не были знакомы, имей в виду!

Васенька. Я так и думал, папа. Да ты не расстраивайся, если разобраться...

Сарафанов *(перебивает)*. Нет-нет! Глупости... Черт знает что...

Сарафанов находится между кухней и дверью в прихожую. Таким образом, у Сильвы и Бусыгина нет возможности бежать.

Васенька. Думаешь, он врет? А зачем?

Сарафанов. Он что-то напутал! Ты увидишь, что он напутал. Подумай! Подумай-ка! Чтобы быть моим сыном, ему надо на меня походить! Это первое.

Васенька. Папа, он на тебя походит.

Сарафанов. Что?.. Вздор! Вздор! Тебе просто показалось... Вздор! Стоит только мне спросить, сколько ему лет, и ты сразу поймешь, что все это чистейший вздор! Чепуха!.. А если уж на то пошло, сейчас ему должно быть...

Бусыгин высовывается из-за двери.

Двадцать... двадцать один год! Да! Двадцать один! Вот видишь. Не двадцать, и не двадцать два!.. *(Поворачивается к двери.)*

Бусыгин исчезает.

Васенька. А если ему двадцать один?

Сарафанов. Не может этого быть!

Васенька. А вдруг!

Сарафанов. Ты имеешь в виду совпадение? Случайное совпадение, верно?.. Ну что же, такое не исключено... Тогда... Тогда... *(Думает.)* Не мешай мне, не мешай... Его мать должны звать... ее должны звать...

Бусыгин высовывается.

(Его осенило.) Галина!

Бусыгин исчезает.

Что ты теперь скажешь! Галина! А не Татьяна и не Тамара!

Васенька. А фамилия? А отчество?

Бусыгин высовывается.

Сарафанов. Ее отчество?.. *(Неуверенно.)* По-моему, Александровна...

Бусыгин исчезает.

Васенька. Так. А фамилия?

Сарафанов. Фамилия, фамилия... Достаточно имени... Вполне достаточно.

Васенька. Конечно, конечно. Ведь прошло столько лет...

Сарафанов. Вот именно! Где он был раньше? Вы-

рос и теперь ищет отца? Зачем? Я выведу его на чистую воду, ты увидишь... Как его зовут?

Васенька. Володя. Смелей, папа. Он тебя любит.

Сарафанов. Любит?.. Но... за что?

Васенька. Не знаю, папа... Родная кровь.

Сарафанов. Кровь?.. Нет-нет, ты меня не смеши... *(Садится.)* Они, говоришь, с поезда?.. Ты нашел, что поесть?

Васенька. Да. И выпить. Выпить и закусить.

Бусыгин и Сильва пытаются ускользнуть. Они делают два-три бесшумных шага по направлению к выходу. Но в этот момент Сарафанов повернулся на стуле, и они тут же возвращаются в исходную позицию.

Сарафанов *(поднимается)*. Может, мне тоже следует выпить?

Васенька. Не робей, папа.

Бусыгин и Сильва снова появляются.

Сарафанов. Подожди, я... застегнусь. *(Поворачивается к Бусыгину и Сильве.)*

Бусыгин и Сильва мгновенно делают вид, будто они только что вышли из кухни. Молчание.

Бусыгин. Добрый вечер!

Сарафанов. Добрый вечер!

Молчание.

Васенька. Ну, вот вы и встретились... *(Бусыгину.)* Я все ему рассказал... *(Сарафанову.)* Не волнуйся, папа...

Сарафанов. Вы... садитесь... Садитесь! *(Пристально разглядывает того и другого.)*

Бусыгин и Сильва садятся.

(Стоит.) Вы... недавно с поезда?

Бусыгин. Мы... собственно, давно. Часа три назад.

Молчание.

Сарафанов *(Сильве)*. Так... Вы, значит, проездом?

Бусыгин. Да... Я возвращаюсь с соревнований. Вот... решил повидаться...

Сарафанов *(все внимание на Бусыгина)*. О! Значит, вы спортсмен! Это хорошо... Спорт в вашем возрасте, знаете... А сейчас? Снова на соревнования? *(Садится.)*

Бусыгин. Нет. Сейчас я возвращаюсь в институт.

Сарафанов. О! Так вы студент!

Сильва. Да, мы медики. Будущие врачи.

Сарафанов. Вот это правильно! Спорт спортом, а наука наукой. Очень правильно... Прошу прощения, я пересяду. *(Пересаживается ближе к Бусыгину.)* В двадцать лет на все хватает времени — и на учебу и на спорт; да-да, прекрасный возраст... *(Решился.)* Вам двадцать лет, не правда ли?

Бусыгин *(печально, с мягкой укоризной)*. Нет, вы забыли. Мне двадцать один.

Сарафанов. Что?.. Ну конечно! Двадцать один, разумеется! А я что сказал! Двадцать? Ну конечно же, двадцать один...

Сильва. Да вы не огорчайтесь. Ведь если разобраться, тут радоваться надо, а не огорчаться. Помоему.

Васенька. В самом деле, папа.

Сарафанов. Я — конечно... Я рад... *(Искательно.)* Мы все здесь рады, не правда ли?

Бусыгин. Конечно... Больше всех — я.

Сарафанов *(приободрившись)*. Васенька, есть у нас что-нибудь выпить? Дай нам выпить!

Васенька. Это можно. *(Уходит на кухню.)*

Молчание. Потом Бусыгин и Сарафанов, обращаясь друг к другу, начинают говорить одновременно. Затем они одновременно извиняются.

Бусыгин. Говорите...

Сарафанов. Нет-нет, говорите... *(Осторожно.)* Говори...

Входит Васенька, ставит на стол бутылки и стаканы, затем усаживается и, устроивши руки на спинке стула, роняет голову. Он пьян. Сарафанов торопливо наполняет стаканы.

Бусыгин. Я хотел сказать, что вот... Наконец-то наступил тот момент, о котором...

Появляется Нина.

Нина *(сердито)*. Вы дадите мне спать?.. Что это? Что здесь происходит?

Васенька *(приподнимает голову)*. Ты только не удивляйся... *(Роняет голову.)*

Появление Нины производит на Бусыгина и Сильву большое впечатление.

Нина. Что вы здесь устроили? *(Сарафанову.)* До сих пор по ночам ты пил один. В чем дело?

Сарафанов *(неуверенно)*. Нина, у нас большая радость. Наконец-то нашелся твой старший брат.

Нина. Что?

Сарафанов. Твой старший брат. Познакомься с ним.

Нина. Что такое?.. Кто нашелся? Какой брат?

Сильва *(подталкивает Бусыгина)*. Это он. Вот такой *(показывает)* парень.

Нина *(Бусыгину)*. Это ты — брат?

Бусыгин. Да... А что?

Сильва. Что тут особенного?

Васенька *(не поднимая головы, негромко, нетрезвым голосом)*. Да, что тут особенного?

Сарафанов *(Нине)*. Ты о нем не знала. К сожалению... *(Бусыгину.)* Я не говорил тебе. Откровенно говоря, я боялся, что ты меня... позабыл.

Васенька. Вот. Он боялся.

Бусыгин. Что вы, как я мог забыть...

Сарафанов. Прости, я был неправ.

Нина. Так. Давайте по порядку. Выходит, ты — его отец, а он — твой сын. Так, что ли?

Сарафанов. Да.

Нина *(не сразу)*. Ну что ж. Вполне возможно.

Васенька. Вполне.

Нина *(Бусыгину)*. А где, интересно, ты был раньше?

Васенька. Да, где он был раньше?

Нина *(легонько хлопнув Васеньку по голове)*. Помолчи!

Сарафанов. Нина! Нашелся твой брат. Неужели ты этого не понимаешь?

Нина. Понимаю, но мне интересно, где он был раньше.

Васенька *(приподняв голову)*. Не волнуйся. Нашу мать папа тогда еще в глаза не видел. Верно, папа?

Сарафанов. Помолчи-ка!

Нина. Да, давненько вы не виделись. А ты уверен, что он твой сын? *(Бусыгину.)* Сколько тебе лет?

Васенька засыпает.

Сильва. Взгляните на них. Неужели вы не видите?

Нина *(не сразу)*. Нет, не похожи.

Сильва *(Бусыгину, обидчиво).* По-моему, нас тут в чем-то подозревают.

Нина *(Сарафанову о Сильве).* А это кто такой? Тоже родственник?

Бусыгин. Он мой приятель. Его зовут Семен.

Нина. Так сколько тебе лет, я не расслышала?

Бусыгин. Двадцать один.

Нина *(Сарафанову).* Что ты на это скажешь?

Сарафанов. Нина! Нельзя же так... И потом, я уже спрашивал...

Нина. Ладно. *(Бусыгину.)* Как выглядит твоя мать, как ее зовут, где она с ним встречалась, почему она не получала с него алименты, как ты нас нашел, где ты был раньше — рассказывай подробно.

Сильва *(с беспокойством).* Как в милиции...

Нина. А вы что думали?.. По-моему, вы жулики.

Сарафанов. Нина!

Бусыгин. А что, разве похожи?

Нина *(не сразу).* Похожи. *(Бусыгину.)* Рассказывай, а мы послушаем.

Сильва *(Бусыгину, трусливо).* На твоем месте я бы обиделся и ушел. Прямо сейчас.

Бусыгин. Об отце я узнал совсем недавно...

Нина. От кого?

Бусыгин. От своей матери. Мою мать зовут Галина Александровна, с отцом они встречались в тысяча девятьсот сорок пятом году...

Сарафанов *(в волнении).* Сынок!

Бусыгин. Папа!

Сарафанов и Бусыгин бросаются друг к другу и обнимаются.

Сильва *(Нине).* Как?.. Кровь, она себя чувствует.

Сарафанов. Нина! У меня никакого сомнения! Он твой брат! Обними его! Обними своего брата! *(Бусыгину.)* Обнимитесь!

Бусыгин. Я рад, сестренка... *(Вдруг подходит к Нине и обнимает ее — с перепугу, но не без удовольствия.)* Очень рад...

Сильва *(завистливо).* Еще бы.

Сарафанов *(окончательно растроган).* Боже мой... Ну кто бы мог подумать?

Н и н а *(Бусыгину).* Может быть, довольно? *(Освобождается. Она весьма смущена.)*

С а р а ф а н о в. Кто бы мог подумать... Я рад, рад!

Б у с ы г и н. Я тоже.

Н и н а. Да... Очень трогательно...

С и л ь в а. Ура! Предлагаю выпить.

С а р а ф а н о в *(Бусыгину).* Есть предложение выпить. Как, сынок?

Б у с ы г и н. Выпить? Это просто необходимо.

Н и н а. Выпить? Вот теперь я вижу: вы похожи.

Все смеются.

С и л ь в а *(выпивает; Нине и Бусыгину).* Встаньте-ка рядом!.. Вот так! *(Поставил их рядом.)* Теперь возьмитесь за руки... Вот так! *(Сарафанову.)* Взгляните на них!

Нина освобождает руку. Она снова и чуть заметно теряется.

Что, не похожи?.. Ну!

С а р а ф а н о в. Э-э... да, конечно...

С и л ь в а. Просто плакать хочется! Какой случай, а?.. Выпьемте, товарищи!

С а р а ф а н о в Я счастлив... Я просто счастлив!

С и л ь в а *(Сарафанову).* За вас, за вашу дружную семью!

Б у с ы г и н. Твое здоровье, папа.

С а р а ф а н о в *(в волнении).* Спасибо, сынок.

Затемнение. Звучит веселая музыка. Музыка умолкает, зажигается свет. Та же комната. За окном утро. С а р а ф а н о в и Б у с ы г и н сидят за столом. Бутылка пуста. С и л ь в а спит на диване.

С а р а ф а н о в. У меня было звание капитана, меня оставляли в армии. С грехом пополам я демобилизовался. Я служил в артиллерии, а это, знаешь, плохо влияет на слух. Кроме того, я все перезабыл. Гаубица и кларнет как-никак разные вещи. Вначале я играл на танцах, потом в ресторане, потом возвысился до парков и кинотеатров. Глухота, к счастью, сошла, и когда в городе появился симфонический оркестр, меня туда приняли... Ты меня слушаешь?

Б у с ы г и н. Я слушаю, папа!

С а р а ф а н о в. Вот и вся жизнь... Не все, конечно, так, как замышлялось в молодости, но все же, все

же. Если ты думаешь, что твой отец полностью отказался от идеалов своей юности, то ты ошибаешься. Зачерстветь, покрыться плесенью, раствориться в суете — нет, нет, никогда. *(Привстал, наклоняется к Бусыгину, значительным шепотом.)* Я сочиняю. *(Садится.)* Каждый человек родится творцом, каждый в своем деле, и каждый по мере своих сил и возможностей должен творить, чтобы самое лучшее, что было в нем, осталось после него. Поэтому я сочиняю.

Бусыгин *(в недоумении)*. Что сочиняешь?

Сарафанов. Как — что? Что я могу сочинять, кроме музыки?

Бусыгин. А... Ну, ясно.

Сарафанов. Что ясно?

Бусыгин. Ну... что ты сочиняешь музыку.

Сарафанов *(с подозрением, с готовностью обидеться)*. А ты... как к этому относишься?

Бусыгин. Я?.. Почему же, это хорошее занятие.

Сарафанов *(быстро, с известной горячностью)*. На многое я не замахиваюсь, нет, мне надо завершить одну вещь, всего одну вещь! Я выскажу главное, только самое главное! Я должен это сделать, я просто обязан, потому что никто не сделает это, кроме меня, ты понимаешь?

Бусыгин. Да-да.. Ты извини, папа, я хотел тебя спросить...

Сарафанов *(очнулся)*. Что?.. Спрашивай, сынок.

Бусыгин. Мать Нины и Васеньки — где она?

Сарафанов. Э, мы с ней разошлись четырнадцать лет назад. Ей казалось, что вечерами я слишком долго играю на кларнете, а тут как раз подвернулся один инженер — серьезный человек, мы с ней расстались... Нет, совсем не так, как с твоей матерью. Твоя мать — славная женщина... Боже мой! Суровое время, но разве можно его забыть! Чернигов... Десна. Каштаны... Ты знаешь ту самую мастерскую на углу?.. Ну, швейную!

Бусыгин. Ну еще бы!

Сарафанов. Вот-вот! Там она работала...

Бусыгин. Сейчас она директор швейной фабрики.

Сарафанов. Представляю!.. И она все такая же веселая?

Бусыгин. Все говорят, что она не изменилась
Сарафанов. В самом деле?.. Молодцом! Да ведь ей сейчас не больше сорока пяти!
Бусыгин. Сорок четыре...
Сарафанов. Всего-то?.. И что... она не замужем?
Бусыгин. Нет-нет. Мы с ней вдвоем.
Сарафанов. Вот как?.. А ведь она заслуживает всяческого счастья.
Бусыгин. Моя мать на свою жизнь не жалуется. Она гордая женщина.
Сарафанов. Да-да... Печально, что и говорить... Нас перевели тогда в Гомель, она осталась в Чернигове, одна, на пыльной улице... Да-да. Совсем одна.
Бусыгин. Она осталась не одна. Как видишь.
Сарафанов. Да-да... Конечно... Но подожди... Подожди! Подожди, подожди. Я вспоминаю! Прости меня, но у нее не было намерения родить ребенка!
Бусыгин. Я родился случайно.
Сарафанов. Но почему она до сих пор молчала? Как можно было столько лет молчать?
Бусыгин. Я же говорю: она гордая женщина.
Сарафанов. Хорошо, что так случилось. Я рад.
Бусыгин. Кто мой отец? С этим вопросом я приставал к ней с тех пор, как выучился говорить.
Сарафанов. Тебе в самом деле так хотелось меня найти?
Бусыгин. Разыскать тебя я поклялся еще пионером.
Сарафанов *(растроган)*. Бедный мальчик! Ведь, в сущности, ты должен меня ненавидеть...
Бусыгин. Вас — ненавидеть?.. Ну что ты, папа, разве тебя можно ненавидеть?.. Нет, я тебя понимаю.
Сарафанов. Я вижу, ты молодец. Не то что твой младший брат. Он у нас слишком чувствителен. Говорят, тонкая душевная организация, а я думаю, у него просто нет характера.
Бусыгин. Тонкая организация всегда выходит боком.
Сарафанов. Вот-вот! Именно поэтому у него несчастная любовь... Жили в одном дворе, тихо,

мирно, и вдруг — на тебе! Сдурел, уезжать собирается.

Бусыгин. А кто она?

Сарафанов. Работает здесь в суде, секретарем. Старше его, вот в чем беда. Ей около тридцати, а ведь он десятый класс заканчивает. Дело дошло до того, что этой ночью я должен был идти к ней...

Бусыгин. Зачем?

Сарафанов. Поздно вечером он явился и объявил мне, что уезжает. Она прогнала его — это было написано у него на лице. А чем я мог ему помочь? Я подумал, что ее, может быть, смущает разница в возрасте, может, боится, что ее осудят, или, чего доброго, думает, что я настроен против... В этом духе я с ней и разговаривал, разубеждал ее, попросил ее быть с ним... помягче... Знаешь, что? Поговори с ним ты. Ты старший брат, может быть, тебе удастся на него повлиять.

Бусыгин. Я попробую.

Сарафанов. Я так рад, поверь мне. То, что ты появился, — это настоящее счастье.

Бусыгин. Для меня это тоже... большая радость.

Сарафанов. Это правда, сынок?

Бусыгин. Конечно.

Сарафанов. Дай-ка, я тебя поцелую. *(Поцеловал Бусыгина по-отечески в лоб. Тут же смутился.)* Извини меня... Дело в том, что я было совсем уже затосковал.

Бусыгин. А что тебя беспокоит?

Сарафанов. Да вот, суди сам. Один бежит из дому, потому что у него несчастная любовь. Другая уезжает, потому что у нее счастливая...

Бусыгин *(перебивает)*. Кто уезжает?

Сарафанов. Нина. Она выходит замуж.

Бусыгин. Она выходит замуж?

Сарафанов. В том-то и дело. Буквально на днях она уезжает на Сахалин. А вчера мальчишка заявляет мне, что он едет в тайгу на стройку, вон как! Теперь ты понимаешь, что произошло в тот момент, когда ты постучался в эту дверь?

Бусыгин. Понимал, когда стучался...

Сарафанов *(перебивает)*. Произошло чудо! Настоя-

щее чудо! И они еще говорят, что я неудачник!

Бусыгин. Значит, она выходит замуж... А за кого?

Сарафанов. Э, ее будущий муж — летчик, серьезный человек. На днях он заканчивает училище и уже назначен на Сахалин. Сегодня, кстати, она собирается меня с ним познакомить.

Бусыгин. Так... Сколько же Нине лет?

Сарафанов. Девятнадцать.

Бусыгин. Да?

Сарафанов. А что такое? Ей и не могло быть больше. Но она серьезная. Она очень серьезная. Я даже думаю, что нельзя быть такой серьезной. Конечно, ей доставалось. Она была тут хозяйка, работала — она портниха — да еще готовилась в институт. Нет, она просто молодец.

Бусыгин. Так... А почему же она не возьмет тебя с собой?

Сарафанов. Нет-нет, здесь, в этом городе, у меня все, я здесь родился и... Нет, зачем мне им мешать? Вот уже три месяца, как она встречается со своим будущим мужем, на днях они уезжают, а я его, представь, еще в глаза не видел. Каково это? Но что это я — все жалуюсь, хватит. Уже утро, тебе надо поспать. Ложись, сынок. Ничего, если ненадолго ты устроишься здесь, рядом с товарищем?

Бусыгин. Отлично.

Сарафанов. А потом, когда они поднимутся...

Бусыгин (*перебивает*). Ты не беспокойся.

Сарафанов. Ну, приятного тебе сна. (*Снова целует Бусыгина в лоб.*) Не сердись, сынок, я слишком взволнован... Спи.

Сарафанов уходит в другую комнату. Бусыгин бросается к Сильве, расталкивает его. Сильва мычит и отбивается.

Бусыгин. Вставай, Сильва! Вставай, тебе говорят.

Сильва (*просыпаясь*). Ну и жизнь.

Бусыгин. Вставай!

Сильва. Я целый месяц не высыпаюсь! Один только день и есть, чтоб поспать, воскресенье — и вот пожалуйста. Слушай, а сестричка твоя ничего себе, а? Я бы не стал сопротивляться.

Бусыгин. Вставай, не разговаривай. *(Бросает Сильве рубаху.)* Пошевеливайся!

Сильва поднимается.

Ты дрыхнул, а мы всю ночь играли друг у друга на нервах.

Сильва. Что?.. Они нас уже поняли... Нет? *(Быстро одевается.)* Все равно. Смех смехом, а дело такое. Подсудное. *(Сунул ноги в ботинки).* Помчались!

Бусыгин стоит в задумчивости.

Ну что ты?

Бусыгин. Этот папаша — святой человек.

Сильва. Да, здорово ты его напаял. Просто красиво.

Бусыгин. Нет уж, не дай-то бог обманывать того, кто верит каждому твоему слову. Идем.

Бусыгин и Сильва направляются к дверям. В это время из другой комнаты с подушкой в руках выходит Сарафанов.

Сарафанов. Сынок!

Бусыгин замирает на месте. Сильва останавливается на пороге.

Куда ты, сынок?

Бусыгин *(оборачивается к Сарафанову).* Я... Собственно, мы... Нам пора...

Сильва. Да-да, надо ехать. У нас ведь там эта... сессия на носу.

Бусыгин. Да... к сожалению...

Сарафанов. Как? Ты хочешь уехать?.. Прямо сегодня? Сейчас?

Бусыгин. Да, папа. Мы и так задержались. Пропустили много занятий, и вообще...

Сарафанов выронил из рук подушку. Поднимает ее.

Но ты не думай, закончится сессия — и я сразу же приеду...

Сарафанов *(опустившись на стул).* Нет-нет, я понимаю... Конечно... С какой стати? Чего я еще должен был ждать?.. Встретились, поговорили, чего еще?

Бусыгин. Я приеду... В конце июня я приеду... Ты слышишь?

Сарафанов молчит.

Ты что, не веришь?

Сарафанов. Почему? Я тебе верю, но... Неужели ты мог уехать не попрощавшись?

Бусыгин. Я, собственно... Я не хотел тебя будить. И, если откровенно, мне трудно с тобой прощаться. Я хотел без этого...

Сарафанов. Это правда?

Сильва. Что вы, он так нервничал.

Сарафанов (*приободрившись*). В самом деле?.. (*Поднимается.*) Ну что ж. Раз надо ехать, значит, что ж... Так, выходит, в конце июня?

Бусыгин. Да...

Сарафанов. Так это пустяки. Всего полтора месяца... А сейчас. Вам сейчас надо уходить? Сию минуту?

Сильва. Да, наш поезд уходит что-то около десяти.

Сарафанов. Ну что ж... (*Подает Сильве руку.*) До свидания. Рад был с вами познакомиться. В июне приезжайте вместе.

Сильва. Обязательно.

Сарафанов. Ну, сынок... Ничего не поделаешь, институт — дело серьезное... Жаль, конечно, но все же... Главное, встретились... (*Вдруг.*) Подожди. Я должен подарить тебе одну вещицу.

Бусыгин. Какую вещицу? Что ты, папа...

Сарафанов. Нет-нет! Это непременно! Это так себе, пустячок, но ты обязан его принять. Сейчас! (*Быстро идет в другую комнату; на пороге.*) Васенька! (*Уходит.*)

Небольшая пауза.

Сильва. Ну?.. Чего ты ждешь?

Бусыгин. Иди... Я уйду позже...

Сильва. Слушай! Напаяли мужика — хватит. Идем отсюда...

Бусыгин. Иди, я тебя не держу.

Сильва. А что ты хочешь? Что ты задумал, объясни. Может, я тоже рискну.

Бусыгин. Нет, иди лучше.

Сильва. А что такое?.. Если воровство, то я, конечно, пас. Воровство — это не мой жанр.

Бусыгин. Дубина. Он сейчас войдет, а нас нет. Можешь ты это себе представить?

Сильва. Ну и представил. Ну и что?

Бусыгин. Ты как знаешь, а я пока останусь. Ненадолго.

Сильва. Зачем?

Бусыгин молчит.

Смотри, старичок, задымишь ты на этом деле. Говорю тебе по-дружески, предупреждаю: рвем когти, пока не поздно.

Из соседней комнаты выходит Нина. Она в халате и с полотенцем на плече.

Нина *(Сильве)*. Доброе утро... *(Бусыгину.)* Ну, здравствуй... братец...

Бусыгин и Сильва здороваются.

Как спалось?

Сильва. Спасибо, хорошо.

Нина. А что это вы у дверей стоите?

Сильва. Мы?.. Да так, дышим тут, прохлаждаемся...

Нина. А вы откройте окно. Если не боитесь простудиться. *(Уходит.)*

Сильва. А?.. Видал? Глаза, волосы? А нога как сделана? Слушай! У нее же все есть.

Бусыгин. Есть, да не про твою честь.

Сильва. Может, ты из-за нее остаешься, а? Решил заняться? Учти, ты ей брат. Тебе нельзя. Вот мне — другое дело. Мне можно.

Входит Сарафанов. В руке у него табакерка.

Сарафанов. Вот, сынок. Это пустячок, серебряная табакерка, но дело в том, что в нашей семье она всегда принадлежала старшему сыну. Еще прадед передал ее моему деду, а ко мне она попала от твоего деда — моего отца. Теперь она твоя.

Небольшая пауза.

Бусыгин *(в замешательстве берет табакерку, кладет ее на стол)*. Спасибо, папа... Ты знаешь, я решил задержаться. На денек. А завтра улечу самолетом.

Сарафанов. А это возможно?

Бусыгин. А почему нет?

Сарафанов. Прекрасная мысль! Мы проведем вместе целый день... Сегодня воскресенье?. Ах, беда! К семи мне придется съездить в филармонию, но это ненадолго. Я там в первом отделении, это

час, ну полтора, не больше. Да, великое дело авиация, незаменимая вещь!.. *(Сильве.)* А вы, Семен? Надеюсь, вы тоже останетесь?

Сильва. Вы меня спрашиваете?.. Я, знаете ли...

Появляется Нина и проходит в другую комнату. Сильва провожает ее выразительным взглядом. Бусыгин тоже смотрит на нее.

Конечно! Куда он, туда и я. Мы с ним неразлучные.

Сарафанов. Вот и прекрасно. Я вижу, вы настоящие товарищи.

Из другой комнаты выходит Васенька. Он морщится, волосы у него всклокочены.

Сарафанов *(весело)*. Ага. Сарафанов-младший. Состояние плачевное.

Бусыгин. Первое похмелье.

Сарафанов и Бусыгин смеются.

Васенька. Вы уверены, что первое? *(Садится на диван, сидит, опустив голову.)*

Сарафанов. Выпей воды.

Сильва. Молока.

Бусыгин. Горячего чая.

Сарафанов. Хорошо еще, что сегодня ему не надо в школу.

Васенька. А я туда вообще больше не пойду.

Сарафанов. Опять ты за свое!

Васенька. Что — опять? Я сказал, что уеду, и уеду.

Бусыгин. На твоем месте я бы сначала доучился. В тайгу ты всегда успеешь. В это заведение прием идет круглый год.

Сарафанов. Насколько я понимаю, там нужны плотники и лесорубы.

Васенька. Ну и что? Преодолею трудности, буду стараться, старшие товарищи мне помогут.

Входит Нина.

Да вообще, не всем же учиться, кому-то и работать надо.

Нина. Куда он собирается?

Васенька. Не твое дело.

Сарафанов. Ну-ну. Тебе полезно знать мнение сестры. Она тебя в десять раз серьезнее.

Васенька. Папа, я — серость, это давно известно. Зато у тебя есть дочь. Она серьезная, умная, красивая...

Сильва. Это — без смеха.

Васенька. Кроме того, у тебя появился еще один сын, так что вы могли бы оставить меня в покое. Не мешайте мне быть серым.

Сарафанов. Вот и поговори с ним, попробуй.

Нина *(Бусыгину)*. Поздравляю тебя, ты попал в сумасшедший дом.

Бусыгин *(Васеньке)*. На твоем месте на этот раз я бы все-таки послушался отца. И сестренку.

Васенька. Ты вовремя нашелся. Будешь слушаться их вместо меня.

Бусыгин. Я уезжаю. К сожалению.

Нина. Уезжаешь?.. Когда?

Бусыгин. Завтра.

Сильва. Нас ждет институт, как это ни печально.

Нина. Да?.. А я-то думала...

Васенька. Она думала, он останется с папой. Нашла козла отпущения.

Сарафанов. Васенька, не устраивай скандала... А что касается Володи — летом он приедет меня навестить.

Нина. Выходит, ты здесь так, мимоходом...

Бусыгин. А ты, выходит, перед отъездом?

Сильва. Перед каким отъездом?

Васенька. У меня идея.

Сарафанов. Так. У моего младшего сына шевельнулся рассудок.

Васенька. Папе нужно жениться.

Сарафанов. Что ты сказал?

Васенька. Тебе надо жениться.

Нина смеется.

Сарафанов *(Нине)*. Прекрати. Он просто грубиян. Что в этом смешного?

Нина. На ком, Васенька?

Васенька. На Володиной матери. На ком же еще.

Сарафанов. Я вижу, ты совсем распоясался.

Нина *(насмешливо)*. А что, папа? Тут стоит подумать. *(Бусыгину.)* А что ты на это скажешь?

Бусыгин. Я?.. Даже не знаю, что сказать.

Сарафанов. Не обращай на них внимания. Я распустил их, как видишь.

Васенька. Ты напрасно сердишься. Я не предлагаю тебе ничего дурного. Даже наоборот...

Сарафанов. Помолчи-ка, шут гороховый. *(Сильве.)* Семен, как вам нравится это семейство?

Сильва. Исключительное семейство. *(На Бусыгина.)* Ему крупно повезло.

Сарафанов. Нина, Володя завтра уезжает, а я чуть задержусь на работе. *(Бусыгину.)* Сегодня у нас серьезная программа — Глинка, Берлиоз. *(Нине.)* Так что ты, вы то есть, постарайтесь прийти пораньше...

Нина. Хорошо.

Сарафанов. Ну, а пока... Который час... Десятый? Пора бы и позавтракать.

Нина *(подходит к окну, открывает его).* Да, но вначале здесь надо хоть немного прибрать. Подите все в ту комнату. *(Смотрит в окно.)* Васенька, иди полюбуйся, Наталья, при всем параде.

Сильва, Сарафанов и Бусыгин подходят к окну.

Сарафанов *(Бусыгину).* Это она.

Бусыгин. Что ж, она интересная.

Сильва. А кто такая?

Сарафанов. Соседка наша.

Нина. Краса родимого села. *(Васеньке.)* Ну что же ты сидишь? Иди к ней, попрощайся. Сегодня ты еще не прощался.

Васенька. Отстань.

Нина. Или ты уже отправил ей письмо?

Васенька. Отстань, говорю. Что тебе от меня надо?

Нина. Надо, чтобы ты не сходил с ума. Сначала думать надо, а потом уже с ума сходить!

Бусыгин. Разве? Уж лучше наоборот.

Нина. Да?

Бусыгин. Я так считаю.

Нина. И очень глупо.

Сарафанов. А по-моему, Володя прав. Думать, конечно, не лишнее, но...

Нина. Давайте, давайте, оправдывайте его, защищайте. Если хотите, чтобы он совсем рехнулся.

Васенька *(поднимается, Нине).* Думай сколько тебе

влезет, а я не хочу. Я с ума хочу сходить, понятно тебе? Сходить с ума и ни о чем не думать! И оставь меня в покое! *(Уходит в другую комнату.)*

Бусыгин *(Нине)*. Зачем же ты так?

Сарафанов. Напрасно, Нина, честное слово. Ты подливаешь масло в огонь.

Нина. Что он, на самом деле! Нашел перед кем унижаться.

Сарафанов. Ты неправа. Она девушка неплохая.

Бусыгин. Его можно понять. Она интересная...

Нина. Да? Ты так думаешь?

Бусыгин. А что? Внешне, во всяком случае, она весьма привлекательна.

Нина. В таком случае, у тебя дурной вкус. И отойдите от окна, я начинаю уборку. Расселась тут, выставилась... Оклахома!

Сильва. А лучше всего вот что: не думать ни о чем и с ума не сходить. Так оно спокойнее. По-моему.

Нина. Я объявила уборку. Слышали?

Сарафанов. Хорошо, хорошо. Идем, Володя.

Бусыгин. Ты иди, а я останусь. На минутку.

Сарафанов. Хорошо. *(Уходит в другую комнату.)*

Сильва *(у окна)*. А знаете, Нина, я с вами согласен. В этой Наталье нет ничего особенного.

Нина. Ладно, хватит. Все — в ту комнату. *(Уходит на кухню.)*

Сильва *(изображает восторг, щелкает пальцами)*. Огонь, а не сестричка. Дай-ка я помогу ей прибраться.

Бусыгин. Нет, мне надо с ней поговорить.

Сильва. Слушай! Ты же ей брат. Какие у вас могут быть разговоры?

Бусыгин. Семейные. Семейные разговоры. *(Подталкивает Сильву к двери.)*

Сильва *(упирается)*. А если я влюбился?

Бусыгин. Иди-иди. И придержи там отца.

Сильва. Кого?

Бусыгин. Ну, папашу. Неужели непонятно?.. Давай-давай. *(Вытолкнул Сильву, закрывает за ним дверь.)*

Появляется Нина с веником и тряпкой.

Я тебе помогу... Ты не против?

Нина. Помоги... Будешь пол мести. Умеешь?

Появляется Сильва.

Сильва. Я вам помогу.

Нина. Спасибо, но, по-моему, мы и вдвоем управимся.

Сильва. Нет, но, может быть, что-нибудь переставить, вынести...

Бусыгин. Ты только будешь нам мешать.

Сильва. Но, дети! Обратите внимание. *(Подводит Бусыгина и Нину к зеркалу.)* Вы так походите! Я говорю, плакать хочется.

Бусыгин. Иди-иди. *(Подталкивает Сильву.)* Можно мне поговорить со своей сестрой? *(Закрывает за Сильвой дверь.)*

Нина. Да нет, совсем мы не похожи. Ну просто ничего общего...

Бусыгин. Возможно...

Нина. Даже странно. От папы, конечно, всего можно ожидать, но такого... Кто бы мог подумать, что у меня есть брат да еще старший. Да еще такой интересный.

Бусыгин. А я? Разве я думал, что у меня такая симпатичная сестренка?

Нина. Симпатичная?

Бусыгин. Конечно!

Нина. Ты так считаешь?

Бусыгин. Нет, я считаю, что ты красивая.

Нина. Красивая или симпатичная, я что-то не пойму.

Бусыгин. И то и другое, но... мне надо с тобой поговорить...

Нина. Да?

Бусыгин. Значит, ты уезжаешь...

Нина. А что?.. Ну да, уезжаю. Отец тебе, наверно, объяснил.

Бусыгин. Так... Значит, уезжаешь... И что, выходит, насовсем?

Нина. Ну да. А что тебя волнует?

Бусыгин. Меня?.. Видишь ли, какое дело. Ведь отец человек немолодой, и не такой уж здоровый, и характер у него... В общем, отец есть отец, и если Васенька уедет, то... ты сама понимаешь...

Нина. Не понимаю...

Бусыгин. Но ведь он останется один.

Нина. Так... И что?

Бусыгин. Но ведь ты могла бы...
Нина. Взять его с собой?
Бусыгин. Ну, в общем... Или могла бы здесь остаться.
Нина. Вот как?.. Надо же, какой ты заботливый.
Бусыгин. А как иначе? Ведь он тебе не кто-нибудь — отец родной.
Нина. А тебе?.. И если ты такой заботливый сын, если на то пошло, это твой долг... Что?
Бусыгин. Нет, но... Но ведь я же... Я только вчера здесь появился. И потом, ты забываешь о моей матери.
Нина. А ты забываешь о моем женихе... *(Начинает уборку.)* Легко тебе быть заботливым. Со стороны... Никто его здесь не бросает, приедет к нам на свадьбу, помогать ему будем, письма писать, а впоследствии... Мы оставляем его здесь только на первое время. На год, ну, на полтора.
Бусыгин. У летчиков что, медовый месяц длится полтора года?
Нина. Тебе не нравится, что он летчик?
Бусыгин. Почему же? Мне нравится... Это замечательно... Неотразимо. «Не улетай, родной, не улетай».
Нина. Я не понимаю твоего тона... Сегодня я вас познакомлю. Он хороший парень.
Бусыгин. Я представляю. Наверное, он большой и добрый.
Нина. Да, ты прав.
Бусыгин. Некрасивый, но обаятельный.
Нина. Точно.
Бусыгин. Веселый, внимательный, непринужденный в беседе...
Нина. Да-да-да. Откуда ты все знаешь?
Бусыгин. Волевой, целеустремленный. В общем, за ним ты — как за каменной стеной.
Нина. Все верно. Волевой, целеустремленный. А чем это плохо? По крайней мере, он точно знает, что ему в жизни надо. Много он на себя не берет, но он хозяин своему слову. Не то что некоторые. Наврут с три короба, наобещают, а на самом деле только трепаться и умеют.
Бусыгин. Может, он у тебя вообще никогда не врет?
Нина. Да, не врет. А зачем ему врать?

Бусыгин. Да? Я хочу его видеть. Покажи мне его. Дай хоть краем глаза на него взглянуть.

Нина. Вечером увидишь.

Бусыгин. А днем нельзя? Я хотел бы рассмотреть его как следует. Никогда не врет — просто замечательно.

Нина. Послушай! Что ты против него имеешь? Он простой скромный парень. Допустим, он звезд с неба не хватает, ну и что? Я считаю, это даже к лучшему. Мне Цицерона не надо, мне мужа надо.

Бусыгин. А-а. Ну если так, тогда конечно. Тогда в самый раз.

Нина. Постой! Ведь ты его не знаешь?

Бусыгин. Ну и что? Зато я тебя знаю!

Нина. Знаешь? Меня? Когда это ты успел?

Бусыгин. Да вот сейчас.

Нина. Какой ты способный — надо же! Поговорил пять минут — и все понял!

Бусыгин. Понял, что тебе надо.

Нина. Ну что?

Бусыгин. Мужа. Ты сама сказала.

Нина *(рассердилась)*. Ну, знаешь ли! Это уже... ты.. Кто ты такой, чтобы говорить мне такие вещи?

Бусыгин. Какие вещи?

Нина. Ведь ты его в глаза не видел! За что ты на него накинулся? Да если хочешь знать, он ничем не хуже тебя! Нисколько!

Бусыгин. Не спорю.

Нина. Даже лучше!

Бусыгин. Не возражаю. Какое же сравнение. Конечно, он лучше.

Нина. Он шире тебя в плечах и выше. На полголовы выше!

Бусыгин *(развел руками)*. Тогда тем более.

Нина. Что — тем более? Ты нахал! Нахал и выскочка!

Бусыгин. Да?

Нина. И псих! Папа твой псих, и ты такой же.

Бусыгин. Спасибо.

Нина. Пожалуйста.

Пауза. Нина метет пол, Бусыгин протирает мебель. У стола случайно наталкиваются друг на друга и прекращают работу.

Ты обиделся?

Бусыгин. Да нет...

Нина. Я психанула... А ты тоже хорош...

Бусыгин. Да нет, зря я на него напустился, в самом деле.

Нина. Значит, мир? *(Протягивает ему руки.)* Я тебя обругала... Не сердишься?

Бусыгин *(привлекает ее к себе)*. Да нет же, нет...

Стоят лицом к лицу, и дело клонится к поцелую. Небольшая пауза. Потом враз и неожиданно отпрянули друг от друга. (Откашлявшись, весьма неестественно.)

Так как же с отцом, мы не договорили...

Нина *(имея в виду только что происшедшее)*. Ты странный какой-то...

Бусыгин. Послушай, сестренка. Надо что-то решать...

Нина. Очень странный...

Бусыгин. С отцом, я имею в виду... Почему — странный? Просто я не спал всю ночь, ничего странного...

Появляются Сарафанов и Сильва. Сильва наигрывает на гитаре.

Папа! Как ты себя чувствуешь?

Сарафанов. Прекрасно, сынок.

Сильва *(поет)*.

Эх, да в Черемхове на вокзале
Двух подкидышей нашли,
Одному лет восемнадцать,
А другому — двадцать три!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Двор. Домик Макарской, тополь, скамья, часть ограды, но улицы не видно. Макарская, сидя на скамейке, смотрит в сторону ворот.

Появляется Васенька. Останавливается в нерешительности, потом преувеличенно бодро направляется к воротам.

Макарская *(замечает его)*. Васенька!

Васенька замирает.

Подойди ко мне. Я тебя отшлепаю. За вчерашнее.

Васенька *(не оборачиваясь)*. Для этой цели поищите кого-нибудь другого.

Макарская. Да подойди, не бойся.

Васенька. У вас хорошее настроение, да? Вам хо-

чется поиграть? Роль мышки меня больше не устраивает.

Макарская. Иди сюда, дурачок.

Васенька (*не выдерживает, оборачивается и подходит*). Ну вот... Ты можешь мною позавтракать... Если хочешь.

Макарская. Какой ты смешной... Хочешь со мной в кино?

Васенька (*не сразу*). В самом деле?.. Когда?

Макарская. А что там идет? Есть что-нибудь приличное?

Васенька. Есть! Итальянский фильм. Он идет здесь, рядом.

Макарская. О чем?

Васенька. Называется «Развод по-итальянски».

Макарская. О разводе? Не пойду! Они мне на работе надоели. Три дела — два развода. Что ни день, то развод! Это что же, в Италии, значит, так же?

Васенька. Нет-нет! Там как раз все по-другому.

Макарская. А я тебе говорю, что я их насмотрелась! Наслушалась! Нахожусь под впечатлением. Замуж не собираюсь.

Васенька. Есть еще один... Но тоже о разводе. «День счастья».

Макарская. Почему же так называется?

Васенька. Там женщина ушла от плохого мужа к хорошему.

Макарская. Это ей только так кажется. Еще что-нибудь идет или все?

Васенька. Все.

Макарская. Тогда лучше по-итальянски.

Васенька. Иду за билетами?

Макарская. Иди, Кирюшечка, иди.

Васенька. Какой сеанс?

Макарская. Какой хочешь.

Васенька. Тогда на все подряд. На все сеансы. На сорок лет вперед. (*Уходит.*)

Макарская. Одичал мальчишечка.

Появляется Сильва.

Сильва. Здравствуйте, Наташа.

Макарская. Здравствуйте.

Сильва. Не помешаю?

Макарская. Вроде бы нет.
Сильва (*садится рядом*). Меня зовут Семеном.
Макарская. Неплохо. Откуда вы знаете мое имя?
Сильва. Не удивляйтесь. Я давно за вами наблюдаю.
Макарская. Даже?
Сильва. Вернее, любуюсь.
Макарская. И где вы меня видели?
Сильва. Никогда не скажу.
Макарская. Вот оно что... Так я сама вам скажу.
Сильва. Как? И вы меня видели?
Макарская. Вы где разводились?
Сильва. Что-что?
Макарская. Вы в каком суде разводились?
Сильва. Ну, что вы! Никогда этого не было. Я не люблю впутывать государство в свои личные дела. Зачем? У государства и так забот хватает.
Макарская. Я работаю в суде. Секретарем. Не там ли мы встречались?
Сильва. Не там. К счастью.
Макарская. Мне кажется, что все мужчины побывали в нашем суде. Такое впечатление.
Сильва. Надо же. Такая девушка — и на такой пыльной работе... Ваш домик?
Макарская. Мой.
Сильва. Живете одна, мне известно. Нескромный вопрос — почему?
Макарская. Почему живу одна? Нравится — и живу. А вы что же, недовольны?
Сильва. Нет, что вы! Наоборот. Романтично. Пригласите в гости.
Макарская. На каком основании?
Сильва. Я вам не нравлюсь?
Макарская. Вы? Ничего. Симпатичный нахал.
Сильва. Нахал, не возражаю. Но и нахалам тоже нужна любовь.
Макарская. Вот. Свет раскололся пополам: на женихов и нахалов. С женихами — скука, с нахалами — слезы. Вот и поживи!
Сильва. Чем вы занимаетесь вечером?
Макарская. Иду в кино. (*Поднимается, идет к дому.*)
Сильва (*идет за ней*). Кино... Хорошее занятие... А нельзя ли это самое кино перенести? На будущее.
Макарская (*на пороге*). А зачем?

Сильва. Как вы живете? Можно поинтересоваться?
Макарская.. Входите. Все равно ворветесь.
Сильва. Это действительно. *(Входит вслед за Макарской в дом.)*

Из подъезда выходят Нина и Бусыгин. Нина в плаще, с сумочкой.

Бусыгин. Нет-нет, иди одна. Лучше уж я пойду с отцом. Послушаю музыку. Глинку, Берлиоза...
Нина. Я тебе не советую.
Бусыгин. Почему?
Нина. Никакого Берлиоза ты не услышишь.
Бусыгин. Как же? Отец сказал...
Нина. Мало ли что он сказал. Вот уже полгода, как он не работает в филармонии.
Бусыгин. Серьезно?
Нина. И лучше, если ты об этом будешь знать.
Бусыгин. Где же он работает?
Нина. Работал в кинотеатре, а недавно перешел в клуб железнодорожников. Играет там на танцах.
Бусыгин. Да?
Нина. Но имей в виду, он не должен знать, что ты об этом знаешь.
Бусыгин. Понятно.
Нина. Конечно, это уже всем давно известно, и только мы — я, Васенька и он — делаем вид, что он все еще в симфоническом оркестре. Это наша семейная тайна.
Бусыгин. Что ж, если ему так нравится...
Нина. Я не помню своей матери, но недавно я нашла ее письма — мать там называет его не иначе как блаженный. Так она к нему и обращалась. «Здравствуй, блаженный...», «Пойми, блаженный...», «Блаженный, подумай о себе...», «У тебя семья, блаженный», «Прощай, блаженный...» И она права... На работе у него вечно какие-нибудь сложности. Он неплохой музыкант, но никогда не умел за себя постоять. К тому же он попивает, ну и вот, осенью в оркестре было сокращение, и, естественно...
Бусыгин. Погоди. Он говорил, что он сам сочиняет музыку.
Нина *(насмешливо)*. Ну как же.

Бусыгин. А что за музыка?

Нина. Музыка-то?.. Потрясающая музыка. То ли кантата, то ли оратория. Называется «Все люди — братья». Всю жизнь, сколько я себя помню, он сочиняет эту самую ораторию.

Бусыгин. Ну и как? Надеюсь, дело идет к концу?

Нина. Еще как идет. Он написал целую страницу.

Бусыгин. Одну?

Нина. Единственную. Только один раз, это было в прошлом году, он переходил на вторую страницу. Но сейчас он опять на первой.

Бусыгин. Да, он работает на совесть.

Нина. Он ненормальный.

Бусыгин. А может, так ее и надо сочинять, музыку?

Нина. Ты рассуждаешь, как он... И все-таки жалко.

Бусыгин. Чего жалко?

Нина. Жалко с вами расставаться.... Ничего не понимаю. Я так ждала отъезда, а теперь, когда осталось несколько дней... И с Васькой жалко расставаться. И с тобой. Хотя еще вчера я про тебя и знать не знала... Слушай, братец! Где ты пропадал? Почему ты раньше не появился?

Бусыгин. Но ты знаешь...

Нина. Нет бы раньше. Водил бы меня в кино, на танцы, защищал бы, уму-разуму учил. А то — на тебе, явился! В последний день, как нарочно. Это даже подло с твоей стороны.

Бусыгин. Что поделаешь?.. Оставайся, если хочешь. *(Поправляется с заметной поспешностью.)* Задержись, я имею в виду.

Нина. Зачем?

Бусыгин. Ну... в кино сходим, на танцы...

Нина. Ты же завтра уезжаешь.

Бусыгин. А я... я вернусь.

Нина. Нет, все уже решено.

Бусыгин. Где ты с ним встречаешься?

Нина. В центре, как обычно.

Бусыгин. Когда вы появитесь?

Нина. Мы идем в кино. Здесь будем часов в восемь... Ну хочешь, пойдем вместе?

Бусыгин. Что я там буду делать?.. Нет. Познакомимся с твоим летчиком вечером.

Нина. Надеюсь, он тебе понравится. Он хороший, он

так ко мне относится... Ты не думай, я и другим нравилась. Я сама его выбрала.

Бусыгин. Почему? Он лучше всех?

Нина. Он меня любит... Знаешь, увлечения есть увлечения, но в жизни хочется что-то раз и навсегда.

Бусыгин. Понятно.

Нина. Что тебе опять понятно?

Из домика слышится смех Макарской.

Бусыгин. Веселая женщина.

Нина. Даже слишком. Опять кого-то подцепила...

Бусыгин. Ты к ней чересчур строга. Она милая женщина.

Нина. Откуда ты знаешь, какая она?

Бусыгин. А я с ней знаком.

Нина. Да?

Бусыгин. Вчера, когда мы искали вашу квартиру, я с ней беседовал.

Нина. Вот как?

Бусыгин. Она мне понравилась.

Нина. Понравилась?

Бусыгин. А что?

Нина. Она?

Бусыгин. А почему бы и нет? Она славная...

Нина. Старуха.

Бусыгин. Блондинка. Мне нравятся блондинки.

Нина. Крашеная.

Снова слышится смех Макарской.

Бусыгин. Жизнерадостная. Я люблю жизнерадостных.

Нина. Терпеть ее не могу!

Бусыгин. Одинокая. Одиноких мне всегда жалко.

Нина. Ненавижу!

Бусыгин *(заигрался)*. А я, пожалуй, за ней-таки приударю.

Нина. Нет! Не смей к ней подходить!

Бусыгин. Ого!.. Послушай, это уже похоже на ревность.

Нина *(удивилась)*. Что?..

Бусыгин. Может, ты меня ревнуешь?

Нина *(испугалась)*. Ревную?.. *(Смутившись.)* Ну да... Конечно, ревную. А разве сестренка не может ревновать?

Бусыгин *(забывшись)*. Да какая сестра!.. *(Опомнился.)* Ну да, сестра — брата! Конечно, может. Если она его... Если она к нему хорошо относится...

Нина *(неуверенно)*. Ну, конечно...

Бусыгин. Это в порядке вещей. Вон на Кавказе, так там даже до резни доходит... Ну, ты иди, а то опоздаешь.

Нина *(очнувшись)*. Да! Давно пора... Пойду... *(Идет, но возвращается.)* Послушай, а на Кавказе не бывает так, чтобы сестренка влюбилась в брата?

Бусыгин. Влюбилась?.. Нет, так не бывает.

Нина. Что ты говоришь? *(Засмеялась.)* А я-то думала.

Бусыгин *(тоже смеется)*. По-моему, это невозможно.

Нина *(смеется)*. Невозможно?

Бусыгин. По-моему, нет.

Нина *(смеется)*. А жалко... *(Перестав смеяться.)* А с тобой, знаешь, не соскучишься.

Бусыгин. Со мной? Никогда.

Нина. Ладно, я ухожу... Часа в два разбуди отца. Еда на плите, разогреете. Да посмотри за младшим братом, как бы он не сбежал.

Бусыгин. Не сбежит. Мы с ним договорились.

Нина. Смотри, отец на тебя надеется... Счастливо. *(Подходит к нему ближе.)* А с этой *(жест в сторону Макарской)* ты все же не связывайся. Хорошо?

Бусыгин. Хорошо... Счастливо тебе...

Нина. Счастливо, братец. *(Уходит.)*

Бусыгин *(помахав ей рукой, негромко.)* Прощай, сестренка...

На пороге появляются Сильва и Макарская. Макарская смеется. Бусыгин стоит у ворот, им с крыльца его не видно.

Сильва. Итак, когда солнце позолотит верхушки деревьев.

Макарская *(в дверях, смеясь)*. Хорошо, хорошо... Счастливенько!

Сильва *(деловито)*. Значит, в десять.

Макарская. В десять, в десять... *(Исчезает.)*

Сильва сходит с крыльца, замечает Бусыгина.

Сильва. А, мсье Сарафанов! *(Подходит.)* Жизнь бьет ключом! *(Жест в сторону домика Макарской.)* Слыхал?

Бусыгин. Слыхал.

Сильва. А чего ты затосковал? В чем дело? Сын ты здесь или бедный родственник?
Бусыгин. Тебе не кажется, что мы здесь загостились?
Сильва. Да нет, все нормально. Мне здесь уже нравится. Тебе тоже здесь неплохо. Дела идут.
Бусыгин. Какие дела?
Сильва. Я имею в виду сердечные.
Бусыгин. Ничего такого нет.
Сильва. Рассказывай, будто я не вижу. У вас бешеный интерес. Причем взаимный. На вас просто нельзя смотреть — плакать хочется.
Бусыгин. Брось. Она выходит замуж.
Сильва. Слыхал, но...
Бусыгин *(перебивает)*. И на днях уезжает. Вот и весь интерес. Хорошо мы погостили, весело, но пора и честь знать. Собирайся.
Сильва. Куда?
Бусыгин. Домой.
Сильва. Погоди... Зачем? У меня же в десять свидание.
Бусыгин. Оно не состоится. Какого черта ты суешься куда не следует. Ты что, не видишь, что с пацаном делается из-за этой женщины?
Сильва. А я-то тут при чем?
Бусыгин. Не валяй дурака. И никаких свиданий. Все. Мы едем домой.
Сильва. Ни за что. Не могу же я обманывать женщину.
Бусыгин. Можешь. Иди попрощайся. Скажи ей, что, когда солнце позолотит верхушки деревьев, ты будешь уже далеко.
Сильва. Слушай, что ты опять придумал?.. Мы вернемся сюда ночью, а?
Бусыгин. Зачем?
Сильва. Не вернемся?.. Тогда ты поезжай, а я...
Бусыгин. Мы поедем вместе.
Сильва. Почему?.. Слушай. У тебя какие-то планы, я понимаю. Но я-то ничего не знаю. За что я должен страдать? Объясни — тогда другое дело. Ты держишь меня в полной темноте. Это некрасиво. Друзья та́к не поступают.
Бусыгин. Раз мы друзья, я прошу тебя как друга: едем. Ты сам сказал, что ты мой друг.

Сильва. Ну правильно, друг. Но нельзя же сено на мне возить. С сестрой мне нельзя, с другой мне тоже нельзя, как же мне жить дальше?

Бусыгин. Короче, вот: если когда-нибудь ты постучишься в эту дверь *(жест в сторону домика Макарской)*, это плохо для тебя кончится. Понятно?.. Ну что? Ты остаешься?

Сильва. Черт с ней. Не ссориться же нам из-за женщины. Едем... Эту большую глупость я делаю только потому, что я тебя полюбил. В интересах мужской дружбы.

Бусыгин. Ладно, ладно...

Сильва. Жди меня здесь, я заберу гитару.

Бусыгин. Я зайду тоже.

Сильва. Э, лучше ты этого не делай. Там папаша, разговоры. Опять на два часа.

Бусыгин. Он спит. Я напишу ему записку.

Неожиданно появляется Васенька.

Сильва. А, прилетел, голубь.

Васенька. А, выползли на солнышко!

Бусыгин. Откуда ты, старина?

Васенька. Какое вам дело, крокодилы?

Сильва. У тебя шикарное настроение. Выиграл в «замеряшки»?

Васенька. Отец дома?

Бусыгин. Он спит.

Васенька. Что поделываете?

Сильва. Кто что. Твой брат совершает благородные поступки, а я... мне выпить бы, что ли.

Васенька. Тогда идите домой. Там на кухне, за батареей, кое-что есть. Энзэ отца.

Сильва. Энзэ. А что именно?

Васенька. Не знаю. По-моему, калгановая. Устраивает?

Сильва. Калгановая? Ну, это не лучший из напитков... Но ничего, сойдет.

Бусыгин *(Сильве)*. Иди, я сейчас.

Сильва исчезает в подъезде.

Ну так как, братишка, договорились?

Васенька. Все железно.

Бусыгин. Я — другое дело, мне необходимо ехать..

Может, даже сегодня. А ты... Короче, я надеюсь, что ты меня не подведешь.

Васенька. Я остаюсь. Теперь это бесповоротно.

Бусыгин. Да нет, ты парень крепкий.

Васенька. Ну ладно, ты иди.

Бусыгин. Слушаюсь, братишка. *(Уходит в подъезд.)*

Васенька стучится к Макарской. Та появляется.

Макарская. Купил билеты?

Васенька. Еще бы! Знаешь, какая была свалка?

Макарская. Можно догадаться. Пуговицы-то где?

Васенька. Одна здесь, другая там!

Макарская. Давай хоть эту. Подожди. *(Уходит в дом.)*

Васенька достает из кармана запечатанный конверт, спички, сжигает конверт у крыльца ее дома.

(Появляясь.) Что ты делаешь?

Васенька *(весело).* Так. Жгу одно послание.

Макарская. Дай пиджак.

Какое-то время молча сидят на крыльце рядом. Васенька затих, замер и вдруг уткнулся головой в ее плечо.

Что это ты?

Васенька. Не знаю.

Макарская. Легче, легче!.. *(Подняла его голову снисходительным жестом.)* Разнежился мальчишечка!

Васенька. Прости. Это у меня... пройдет...

Макарская *(отдает ему пиджак).* Возьми. Когда эта пуговица оторвется, ты меня забудешь. Такая примета... Подожди, у тебя на какой сеанс билеты?

Васенька. На последний, на десять часов... А что?

Макарская. На десять? Ты с ума сошел?

Васенька. Но ты сказала — на какой хочешь.

Макарская. Только не на десять.

Васенька. Ты сказала...

Макарская. Васенька, голубчик, на десять невозможно.

Васенька. На какой хочешь. Ты сама сказала.

Макарская. Васенька! На десять я пойти не могу!

Васенька. Почему?

Макарская. Не могу, и все.

Васенька. Почему не можешь?

Макарская. Не могу — это значит не могу. Беги за билетами, если хочешь со мной в кино.

Васенька. Почему? Я должен знать.

Макарская. Должен знать? С чего это ты взял? И что это за манера все знать?.. И не смотри на меня так.

Васенька. Что случилось? У тебя свидание?

Макарская. Ты что, прокурор? *(Кричит.)* Да не смотри на меня так! Кто это тебе сказал, что ты можешь так на меня смотреть?

Васенька. У тебя свидание?

Макарская. Угадал, свидание! Ну и что?

Васенька. Зачем ты так сделала?

Макарская. Да уж так. Пока ты ходил за билетами, тут кое-что изменилось.

Васенька. Что?

Макарская. Говорят тебе, перестань допрашивать!

Васенька. Что изменилось?

Макарская. Мне понравился один парень, вот что. Получай уж все как есть!

Васенька. А где этот парень был раньше? Где?!

Макарская. Господи! Как ты мне надоел!..

Васенька. Зачем ты отправила меня за билетами, садистка?

Макарская. Да пожалела я вас. Папу твоего пожалела...

Васенька. Что-о?.. При чем здесь отец?

Макарская. А при том, что он вчера ночью сватать меня приходил.

Васенька. Врешь!

Макарская. И что это за семейка такая, господи! За такого-то, за идиотика, сватать! Это надо же додуматься!

Васенька *(хватает ее за руку).* Я... я убью тебя!

Макарская. Ты! Ха-ха! Напугал. Да ты мухи-то и той не обидишь! Не в состоянии. *(Выдергивает из его руки свою.)* И вот что, детка. Все. Концерт окончен. Иди и не придуривайся. Пока тебя не выпороли. *(Уходит, хлопнув дверью.)*

Из подъезда выходят Бусыгин и Сильва с гитарой. На их глазах Васенька обрывает пуговицу, пришитую Макарской. Пуговицу эту — оземь!

Бусыгин. Братишка, что с тобой?.. Что случилось?

Васенька стоит в оцепенении.

Кто тебя обидел?.. Она?

Сильва (*Васеньке*). Что бы я тебе посоветовал, старичок, так это махнуть рукой. На время. Ты любишь девушку — она крутит тебе динамо. Нормальное явление. А ты посмотри, что она будет делать, когда ты ее не будешь любить.

Бусыгин. Прекрати, что ты мелешь.

Васенька вдруг вбегает в подъезд.

Балбес. Что ты натворил, ты видишь?

Сильва. Слушай, ты чего это, а? Заболел? Что он тебе, действительно родной брат, что ли?

Бусыгин. Черт подери... Что же теперь делать?

Сильва. Что делать? Сматываться. Раз собрались.

Появляется Сарафанов.

(*Негромко.*) Проснулся, дождались.

Сарафанов. Володя!

Бусыгин. Что такое?

Сарафанов (*с отчаяньем*). Он собирает рюкзак! (*Исчезает в подъезде.*)

Сильва. Все. Пошли отсюда.

Бусыгин (*с досадой*). Я остаюсь.

Сильва. Ну вот, привет! (*Проводит большим пальцем по струнам гитары.*) Значит, все по новой?.. Слушай, эта песня мне надоела.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Квартира Сарафановых. Девятый час вечера. Бусыгин стоит у двери в соседнюю комнату. Сильва, лежа на диване, наигрывает на гитаре.

Сильва (*напевает*).

Ах, дети, дети, что вы, дети,
Зачем вы пьете кровь мою,
У нас таких законов нету,
Чтоб брат любил сестру свою...

Бусыгин. Перестань.

Сильва. По-моему, он давно дрыхнет.

Бусыгин. Нет, в том-то и дело. Он смотрит в потолок .(*взглянул на часы*) вот уже шестой час.

Сильва. Может, он умер?

Бусыгин *(приоткрывает дверь).* Послушай, старина, что ты там наблюдаешь? Что-нибудь забавное? Из жизни тараканов, а?.. *(Помолчав, закрывает дверь.)* Бесполезно.

Сильва. Тебе нравится сестра, почему ты должен караулить брата? Мне непонятно. Слушай, а кто будет тебе этот парень, если... Зять, что ли?

Бусыгин. Вроде так.

Сильва. Зятек, точно! *(Смеется.)* Я тебе уже завидую. А кто такой?

Бусыгин. Курсант. Отличник боевой и политической подготовки.

Сильва. Представляю, что здесь получится. Может, тебе лучше удалиться?.. Я понимаю, ты хочешь повидаться с сестрицей.

Бусыгин. Может быть.

Сильва. Ясно. Хочешь с ней поговорить. Как следует, а?

Бусыгин. Это не твое дело.

Сильва. А курсант? А там папаша подойдет. Будет у вас потеха. А я тут при чем? *(Бросает гитару, дотягивается до лежащего на трюмо семейного альбома Сарафановых и листает его.)*

Бусыгин. Можешь пойти в кино. Вот билеты. Он их выбросил.

Сильва. Ну? Чего только нет в этом доме. *(Берет билеты.)* Я подумаю. *(Листает альбом.)*

Бусыгин. Ты говорил с этой девицей?

Сильва. О чем? *(Показывает альбом Бусыгину.)* Смотри, папаша, оказывается, тоже был молодым.

Бусыгин. Сказал ты ей, что между вами все кончено?

Сильва. Нет, я же больше ее не видел.

Бусыгин. Мог бы сказать.

Сильва. Проживет без объяснений! Не маленькая. Я ее больше не знаю, как ты хотел... А скажи, она.. ничего себе, а?

Бусыгин. Не вздумай потащить ее в кино.

Сильва. Ну что ты! За кого ты меня принимаешь?.. С женщинами главное — не забывать, что на свете есть много других женщин... От этой я отказываюсь. В интересах мужской дружбы... А верно, в этом есть что-то приятное — пострадать за товарища. Я даже уважать себя стал. В самом

деле. Лежу вот и уважаю. *(Листает альбом, показывает Бусыгину.)* Твоя сестричка в ранней юности. Вот. Играет в классики. Взгляни. Полюбуйся.

Бусыгин. Видел.

Сильва *(листает дальше)*. А это? После выпускного бала. Они гуляют по улице. Малинник!.. Что? Она тут самая симпатичная. *(Листает дальше, застонал.)* М-м... Пляж! Это самое интересное... *(Показывает Бусыгину.)* Видел?

Бусыгин. К сожалению. Лучше бы мне этого не видеть.

Сильва. Как-то раз на пляже был такой случай. Тонула одна девица, я ее вытащил.

Бусыгин *(рассеянно)*. Ну и что?

Сильва. Ну и то. Тащил — не видел, а вытащил, глянул — несимпатичная. Не повезло. Мне бы *(щелкнул по фотографии)* такую спасти! Она тонет, а я ее спасаю, а? Неплохое начало, скажи?

Бусыгин. Слушай. Пошел бы ты лучше в кино.

Стук в дверь.

Войдите, дверь открыта.

Входит Кудимов, курсант авиаучилища. В руках у него букет цветов и две бутылки шампанского.

Кудимов. Добрый вечер.

Бусыгин. Добрый вечер.

Кудимов. Квартира Сарафановых?

Бусыгин. Да.

Кудимов. А Нина? Разве она еще не пришла?

Бусыгин. Еще нет.

Кудимов *(подходит к столу)*. Черт возьми! У меня не так уж много времени. *(Ставит бутылки.)* Мы потерялись в гастрономе. *(Берет со стола стакан. Энергичен.)*

Бусыгин *(вежливо)*. Вы здесь в первый раз?

Кудимов *(воткнув в стакан цветы)*. В первый раз, совершенно верно. *(Улыбается. Он и далее много улыбается. Добродушен.)*

Бусыгин. Ну и ничего... сориентировались?

Кудимов. А как же! *(Подмигнув.)* Знакомые места. *(Ставит стакан с цветами на стол.)* Ну что, парни, давайте знакомиться.

Бусыгин. Давайте.

Трясут друг друга за руки.

Кудимов. Михаил.

Бусыгин. Владимир.

Кудимов. Это ты?.. Все знаю... Сочувствую. Рад.

Бусыгин. Благодарю за чуткость.

Кудимов (*Сильве*). Михаил.

Сильва (*солидно*). Севостьянов. Семен Парамонович.

Кудимов. Парамонович? Комик!

Сильва. Комик? Простите, это вы о ком?

Кудимов. Артист! (*Хлопнул Сильву по плечу.*)

Сильва (*холодно*). Что за фамильярности вы себе позволяете?

Кудимов. Да ладно тебе!.. (*Смотрит на часы.*) Черт! В половине одиннадцатого я должен быть в казарме. Ну как, парни, выпьем или подождем Ниночку?

Сильва (*холодно*). Выпьем.

Кудимов. А где папаша?

Бусыгин. Кого ты называешь папашей?

Кудимов. Как — кого?.. Отца Ниночки, твоего отца!

Бусыгин. Ты с ним незнаком и уже называешь папашей... А впрочем... Он на работе.

Сильва. Вы присаживайтесь.

Кудимов. Черт побери! Почему ты говоришь мне «вы»?

Сильва. А почему вы говорите «ты»? Мне и моему другу. Это нас шокирует.

Кудимов (*весело*). Парни! Что за формальности! Мне эта субординация (*показывает*) во как осточертела! Давайте проще... Выпьем по этому поводу!

Кудимов и Сильва пьют.

Сильва (*Бусыгину*). Солдат всегда солдат. Его не переделаешь. (*Садится на диван, Кудимову.*) Прошу вас.

Кудимов. Да что вы, в самом деле! Парламент здесь, что ли?

Сильва. Навроде этого. (*Наигрывает на гитаре.*) А интересно, начальство разрешает вам жениться?

Бусыгин (*Сильве*). Перестань.

Кудимов. А почему нет? Я заканчиваю училище.

Сильва. А интересно...

Бусыгин (*перебивает*). Помолчи, я тебе сказал.

Кудимов. А чего? Пусть он хохмит. Я не против.

Входит Нина.

Нина *(Кудимову)*. Ага, ты здесь. *(Остальным.)* Привет. *(Проходит.)* Познакомились?

Сильва. Было дело.

Кудимов. Веселые ребята. Люблю веселых ребят... Ну, выпьем? Чтобы не терять время даром.

Сильва. Вот это правильно.

Нина. Не торопитесь. Подождем отца.

Кудимов. Подождем. Но через полчаса я ухожу.

Сильва. Вот жизнь. Регламент. Чуть что, опоздал — губа, и все такое. Тяжело, верно?

Кудимов. Я не жалуюсь.

Бусыгин. А что у вас полагается за опоздание?

Кудимов. Я никогда не опаздываю.

Бусыгин. Я так и думал.

Нина. В конце концов, не беда, если сегодня ты даже и опоздаешь. Один раз можно.

Кудимов. А зачем мне опаздывать?

Бусыгин. Да, а зачем ему опаздывать?

Нина *(Кудимову)*. Сегодня ты немного задержишься.

Кудимов. Зачем?

Нина. Просто так. Задержишься, и все.

Кудимов. Если необходимо — я готов, но просто так, извини, я не вижу в этом смысла.

Бусыгин. Правильно, курсант, не поддавайся. Дисциплина — прежде всего.

Кудимов. Дело не в этом. Я дал себе слово не опаздывать. А свое слово я уважаю.

Нина. Сегодня ты опоздаешь. Я так хочу.

Бусыгин. Не слушай ее, курсант. Главное — быть принципиальным.

Появляется Сарафанов. Он выглядит утомленным, но настроение у него лирическое.

Сарафанов. Добрый вечер, архаровцы! *(Замечает Кудимова.)* Извините.

Нина. Познакомься, папа...

Кудимов. Кудимов. Михаил.

Сарафанов *(церемонно, с подчеркнутым достоинством, слегка изображая блестящего гастролера, любимца публики)*. Сарафанов... Так-так... очень приятно... Наконец-то мы вас видим, так сказать,

воочию. Очень приятно. Садитесь, пожалуйста. *(Бусыгину.)* Васенька дома?

Бусыгин. Дома. Но он не в духе.

Сарафанов снимает шляпу, кладет ее на стол, в плаще опускается на стул. Нина уносит в прихожую его шляпу.

Сарафанов *(Кудимову).* Мой старший сын. Познакомились?

Кудимов. Да. Познакомились.

Возвращается Нина.

Сарафанов. Спасибо... *(Нине и Кудимову.)* Ну что ж, молодые люди, что ж... Вы давно все обдумали, решили, а мы... Мы принимаем так, как оно есть. Такова уж наша участь.

Кудимов *(наливает всем шампанского).* С вашего разрешения — за вас, за наше знакомство.

Все встают.

Сарафанов. Что ж. Я рад. Мы все здесь рады, верно, Володя?

Нина *(Бусыгину).* Ты рад или не рад?

Бусыгин. Твое здоровье, папа.

Кудимов. Ваше здоровье.

Сильва. Ваше здоровье.

Сарафанов. Спасибо, спасибо. Но у меня другой тост, друзья. Извините, но я сяду. *(Садится.)* Устал... Сегодня я устал. Как будто я пешком прошел через весь город... *(На мгновение смутился, потом — снова чуть рисуясь.)* Глинка, если вы знаете, любил кларнет и в своих сочинениях всегда уделял ему много места...

В то время как Сарафанов говорит, Кудимов пристально всматривается в его лицо.

Да... Так вот. Сейчас, когда я возвращался домой, я размышлял о жизни. Кто что ни говори, а жизнь всегда умнее всех нас, живущих и мудрствующих. Да-да, жизнь справедлива и милосердна. Героев она заставляет усомниться, а тех, кто сделал мало, ни даже тех, кто ничего не сделал, но прожил с чистым сердцем, она всегда утешит. Сегодня я хочу выпить за своих детей... *(Замечая пристальный взгляд Кудимова.)* Простите, отчего вы так на меня смотрите?

Кудимов. Извините, но мне кажется, я вас где-то видел. Не могу вспомнить, когда и при каких обстоятельствах, но я вас где-то видел.

Сарафанов *(с беспокойством)*. Возможно... Так вот, я хочу выпить за своих детей, за тебя, Володя... *(Нине.)* За тебя, за Васеньку. *(Кудимову.)* Это мой младший, он сейчас отдыхает. Итак, за вас, дети, за ваше здоровье, за ваше счастье...

Все, кроме Бусыгина, выпивают.

Бусыгин. Твое здоровье, папа. *(Выпивает.)*

Кудимов *(глядя на Сарафанова)*. Не могу вспомнить, где, но я вас видел. Это точно.

Нина. Ну видел, ну и что?

Кудимов. Но где?

Нина. Да не все ли равно?

Кудимов. Я буду мучиться, пока не вспомню. У меня всегда так. Ну где же, где?

Сарафанов *(с беспокойством, но и не без оптимизма)*. Я артист. Вы могли видеть меня на эстраде.

Нина. Папа музыкант, ты прекрасно об этом знаешь.

Сарафанов *(с большим беспокойством, но и надеждой)*. Возможно, в филармонии?

Кудимов. Нет-нет...

Сарафанов *(поспешно и категорически)*. Значит, в театре.

Нина. Боже мой, какое это имеет значение?

Кудимов. Минуточку, минуточку...

Бусыгин *(Кудимову)*. А ты не опоздаешь? Осталось восемнадцать минут.

Кудимов. Спасибо, за часами я слежу... Но я должен вспомнить...

Нина. Да хватит тебе! Так можно вспоминать до самой смерти.

Кудимов. Вспомнил!

Сильва. Наконец-то.

Кудимов. Я видел вас на улице!

Нина. Ну слава богу. Надеюсь, ты успокоился?

Кудимов. Ну, конечно! Ты сказала «до самой смерти», и я сразу вспомнил. *(Сарафанову.)* Я видел вас на похоронах.

Небольшая пауза.

Нина. На каких похоронах?

Кудимов. Черт! Как я мог забыть, ведь это было на прошлой неделе, и в руках у вас был этот самый кларнет!

Нина. Нет, ты обознался.

Кудимов. Ни в коем случае. Хоронили какого-то шофера, вы шли по улице Коминтерна часа в четыре дня.

Нина. А я говорю, ты обознался.

Кудимов. Да нет же, Нина! Хоть я видел только мельком, но у меня хорошая зрительная память.

Бусыгин. На этот раз она тебя подвела. Ты его с кем-то спутал.

Кудимов. Ничего подобного. *(Сарафанову.)* Вы были в плаще и в этой самой шляпе. Скажите!

Сарафанов. Э...

Бусыгин *(перебивает)*. Тебе показалось.

Кудимов. Да точно!

Бусыгин. Ты обознался.

Кудимов *(Сарафанову)*. Да скажите вы им.

Бусыгин. Папа, молчи. *(Кудимову.)* Ты обознался, неужели ты этого не понимаешь?

Кудимов. Да я даю вам честное слово!

Бусыгин. Послушай! Ты ошибся, это ясно всем, и тебе в том числе.

Кудимов. Нет, минутку!

Бусыгин. Сам понимаешь, что ошибся, и настаиваешь на своем. Нехорошо. Выходит, ты врешь..

Кудимов *(вскакивает)*. Что? Да я тебя за такие слова...

Сильва *(незаметно тянет Кудимова за ремень, пытается его усадить)*. Сиди и не кашляй.

Бусыгин *(поднимается)*. К тому же тебе пора в казарму. У тебя в запасе всего тринадцать минут.

Нина. Прекратите! Сейчас же прекратите!

Сарафанов. Да, ребята. Не надо скандалить...

Кудимов. Я разговариваю нормально и говорю правду, а если *(поворачиваясь к Бусыгину)* кому-то это не нравится, пусть он идет ко всем чертям.

Сарафанов. Что значит — кому-то? Он мой сын и брат моей дочери. И вы должны разговаривать повежливей.

Кудимов. Но вы-то? Почему вы молчите? Ведь это

вы были на похоронах. Скажите, в конце концов!

Сарафанов. Да, я должен признаться... Михаил прав. Я играю на похоронах. На похоронах и на танцах...

Кудимов. Ну вот! Что и требовалось доказать.

Сарафанов (*Бусыгину и Нине*). Я понимаю ваше поведение... Спасибо вам... Но я не думаю, что играть на похоронах позорно.

Кудимов. А кто об этом говорит?

Сарафанов. Всякая работа хороша, если она необходима...

Кудимов. Нет, вы не подумайте, что я вспомнил об этом потому, что мне не нравится ваша профессия. Где вы работаете — для меня не имеет никакого значания.

Бусыгин. Для тебя.

Сарафанов. Спасибо, сынок... Я должен перед вами сознаться. Вот уже полгода, как я не работаю в оркестре

Нина. Ладно, папа...

Кудимов (*Нине и Бусыгину*). А вы об этом не знали?

Сарафанов. Да. Я скрывал от них... И совершенно напрасно.

Кудимов. Вот что...

Сарафанов. Да... Серьезного музыканта из меня не получилось. И я должен в этом сознаться...

Кудимов. Ну что же. Уж лучше горькая правда, чем такие вещи

Бусыгин (*показывает Кудимову часы*). Десять минут. (*Сарафанову.*) Папа, о чем ты грустишь? Людям нужна музыка, когда они веселятся и тоскуют. Где еще быть музыканту, если не на танцах и похоронах? По-моему, ты на правильном пути.

Сарафанов. Спасибо, сынок... (*Кудимову.*) Вы видите? Что бы я делал, если б у меня не было детей? Нет-нет, меня не назовешь неудачником. У меня замечательные дети...

Из соседней комнаты выходит Васенька. Он в плаще, за плечами у него рюкзак.

Васенька. Ага... Большое оживление в семейной жизни... Что ж, продолжайте, я желаю вам всего хорошего.

Сарафанов. Васенька... Ты выбрал неподходящее время...

Васенька. Нет, папа, нет, дорогой. На этот раз меня не остановишь.

Бусыгин *(подходит к Васеньке с намерением снять с него рюкзак).* Послушай, старина, бросай мешок, не надо так спешить.

Нина *(подходит к Васеньке).* Раздевайся. *(Пытается снять с него плащ.)*

Васенька *(Нине).* Отстань. *(Вырывается.)* Что тебе надо? Чего тебе не хватает? Положись на папу, он все устроит.

Сарафанов. Васенька!

Васенька. Зачем ты ходил к ней ночью? Кто тебя просил?

Сарафанов. Васенька! Я хотел тебе добра.

Васенька. Сумасшедший! Было лучше, когда ты обо мне не заботился!

Нина *(кричит).* Замолчите!

Сильва *(взглянув на часы, поднимается).* Мне, право, неудобно... Лучше я пойду... У меня билетик в кино, я думаю, общество не возражает?.. *(Уходит.)*

Нина. Ну? Может, хватит? Или вы решили показать сегодня всю программу целиком?

Васенька. Прощайте! *(Идет к двери.)*

Сарафанов. Постой!

Бусыгин задерживает Васеньку.

Подожди. Я готов просить у тебя прощение, но я запрещаю тебе уходить.

Бусыгин *(Васеньке).* А как же наш уговор, старина?

Васенька *(вырывается).* Пусти! Оставайся с ним сам, если тебе хочется. Вы мне все осточертели! *(Бусыгину.)* И ты тоже! Пусти, тебе говорят! Я и видеть-то вас не могу!

Сарафанов *(вышел из себя).* Пусти его... Раз так, пусть он убирается. Силой мы его держать не будем.

Бусыгин отпускает Васеньку, и тот мгновенно уходит.

Ничего, ничего. Пусть-ка он один помыкается...

Нина. Закатили... Очень красиво. Концерт для кларнета с оркестром.

Сарафанов *(забегал по комнате).* Вот-вот. А теперь

твоя очередь. Выступай. Начинай. Пошли отца ко всем чертям. Не станешь же ты со мной церемониться!

Нина. Ну, начинается! *(Кудимову.)* Сейчас ты услышишь все, на что они способны.

Кудимов. Ничего, ничего... Я не обращаю внимания.

Сарафанов. Вот именно! Не обращайте внимания! Наплюйте! Делайте по-своему! *(Убегает в спальню.)*

Бусыгин *(Кудимову, шепотом).* Курсант, тебе пора.

Нина *(Бусыгину, кричит).* Перестань! Чего ты все суешься?

Кудимов. Нет. В самом деле. Мне пора. Я ухожу.

Нина. Нет. Оставайся. Здесь должен быть хотя бы один здравомыслящий человек.

Голос Сарафанова *(из спальни, он кричит).* Я здесь лишний, я знаю! Я прекрасно знаю!

Нина. Папа, сейчас тебе лучше помолчать...

Кудимов. Я очень сожалею, но мне действительно пора.

Нина. Нет, ты останешься.

Кудимов. Пойми меня правильно. У тебя каприз, а я дал себе слово...

Нина *(неожиданно сухо).* Да. Иди. А то, чего доброго, в самом деле опоздаешь.

Кудимов. Хорошо. Завтра увидимся. *(Уходит.)*

Нина выходит за ним.

Сарафанов *(появляясь).* Куда же он? Зачем? Я здесь лишний. Я! Я — старый диван, который она давно мечтает вынести... Вот они, мои дети, я только что их хвалил — и на тебе, пожалуйста... Получай за свои нежные чувства!

Появляется Нина, останавливается у дверей.

Да, я воспитал жестоких эгоистов. Черствых, расчетливых, неблагодарных.

Бусыгин. Успокойся, папа, по-моему, ты неправ.

Сарафанов. Да-да, я сделал свое дело, я их вырастил... *(горько)* теперь я свободен и на старости лет могу насладиться одиночеством...

Бусыгин. Ты не будешь один... Если ты не против, я останусь с тобой.

Небольшая пауза. Нина поднимает голову.

Сарафанов. Ты сказал...

Бусыгин. Да. Если ты останешься один, я перееду к тебе жить. Если ты захочешь... В вашем городе тоже есть мединститут.

Сарафанов *(растроганно)*. Сынок... Ты у меня один... Ты единственный. Что бы я делал, если бы не было тебя?

Бусыгин. Успокойся... По-моему, тебе надо прилечь, ты сильно переволновался. Пойдем, ты отдохнешь, успокоишься... *(Уводит Сарафанова в соседнюю комнату и возвращается.)*

Нина. Ты в самом деле хочешь здесь остаться?

Бусыгин. Да... А как быть? По-твоему, можно оставить его одного? *(Подходит к ней)*. Сильно ты из-за курсанта расстроилась?

Нина. Да уж. Показали вы... выступили... проявили таланты.

Бусыгин. Никто не хотел, чтобы ты расстраивалась.

Нина. А ты? Куда ты суешь свой нос? Почему ты сделал из него идиота?

Бусыгин. Он мне не нравится.

Нина. Ну и что? Не ты же замуж за него собираешься!.. Что тебе надо?.. *(Помолчав.)* Ну, допустим, допустим, он не самый умный, не самый красивый, если даже так — тебе-то что до этого?

Бусыгин. Да нет, он парень неплохой... Не в этом дело...

Нина. Так в чем дело? В чем?!

Бусыгин. Он мне не нравится потому, что мне нравишься ты.

Нина. Что?.. И поэтому ты устроил скандал?..

Бусыгин. Возможно.

Нина. Псих! Свалился на мою голову... Братец!.. Хороша семейка. Тебя тут только не хватало... Я знаю, это у вас фамильное. Фамильная шизофрения!

Бусыгин. Успокойся! *(Садится рядом с ней, слегка обнимает, утешает.)* Он парень хороший, но ты успокойся.

Нина. А если я его люблю? Тогда как?

Бусыгин. Тогда все в порядке. Завтра он тебя будет ждать.

Нина. Да, будет ждать.

Бусыгин. Ну и вот. И поженитесь. И уедете на Сахалин.

Нина *(не сразу, спокойно)*. Никуда я не уеду.

Бусыгин. Как же так?

Нина. Да так... Ты прав, отца нельзя оставлять. Сегодня я это поняла. И еще я поняла, что я папина дочка. Мы все в папу. У нас один характер... Какой, к черту, Сахалин!

Бусыгин. Так... А летчик? Согласится он?..

Нина. Не знаю я. Ничего не знаю... Может, согласится, а может, уедет. Встретимся — поговорим. Сейчас мне как-то все равно.

Бусыгин. Ну и не расстраивайся. Кому-кому, а тебе стоит только свистнуть, сбежится столько парней — тебе придется складывать их в штабеля.

Нина *(усмехнувшись)*. Ничего. Ты мне поможешь.

Бусыгин. Ну нет. С меня хватит... Если ты останешься здесь, я уеду.

Нина. Здравствуйте! Это почему же?

Бусыгин. Почему?.. Потому что... Потому что я идиот и не вижу из этого никакого выхода!

Нина. Какого выхода? Из чего?.. Да, ты ненормальный. Что верно, то верно. И ты всегда такой был? Или это с тобой недавно?

Бусыгин. Недавно.

Нина. И что случилось?

Бусыгин. Влюбился.

Нина. В кого?

Бусыгин. Как тебе сказать... Она принадлежит другому.

Нина. Отбей. У тебя должно получиться.

Бусыгин. Легко сказать.

Нина. А что тебе мешает?.. Ну? Что же ты молчишь?.. Я не знаю, кто она такая, но я *(с удивлением)* ей завидую. Иногда мне даже жалко, что ты мой брат.

Бусыгин. А я тебе не брат...

Нина. Что?

Бусыгин. Я тебе не брат.... И никогда не был твоим братом.

Нина *(поднимается)*. Врешь...

Бусыгин *(поднимается)*. Я не шучу. У меня нет и не было сестры.

Нина. Врешь... *(Отступает от него.)* Я тебе не верю.

Бусыгин. Но факт есть факт. Отца своего я не знал, а моя мать живет в Челябинске. Твой отец там никогда не был. Я обманул его.

Нина. Зачем?

Бусыгин. Все вышло совершенно случайно...

Нина. Ты... Почему ты до сих пор молчал?

Бусыгин. Твой отец принял меня за своего. И началось. Сначала он, потом ты. Я тут у вас совсем запутался...

Нина. Ты... Ты сумасшедший.

Бусыгин. Может быть, но я больше не хочу быть твоим братом.

Нина. Ты... ты авантюрист. Тебя надо сдать в милицию!

Бусыгин. Сдай, лучше сидеть в КПЗ, чем быть твоим братом.

Нина. Тебя надо гнать из дома... Тебя надо с лестницы спустить!

Бусыгин. Да?.. А когда я был твоим братом, я тебе нравился. Немного.

Нина. Молчи, бессовестный!.. Я не знаю, кто-нибудь когда-нибудь видел такого психа?

Появляется Сарафанов.

Сарафанов. Володя! Я все понял! Из этого дома надо уходить. Уходить, пока тебя не вынесли! *(С воодушевлением.)* Сынок! Я все обдумал. Мы едем в Чернигов!

Бусыгин в полной растерянности.

Сарафанов. Мы едем вместе! Сегодня! Немедленно! Едем, едем, едем!

Нина *(засмеявшись)*. Ты женишься, надо полагать?

Сарафанов *(кричит)*. Все может быть! Не вижу в этом ничего смешного! *(Бусыгину.)* Я думал об этом, в самом деле. Если твоя мать... Словом, я хочу ее видеть... *(Нине.)* Перестань! *(Бусыгину.)* Полюбуйся на нее! Для нее нет ничего святого. Я не могу здесь оставаться, ты сам видишь. Я собираю вещи, сейчас, сию минуту, немедленно. *(Идет в другую комнату, на пороге, обращаясь к Нине.)* Я возьму кларнет и ноты. Это все, что я отсюда возьму... Когда уходит поезд?..

Бусыгин. Н-не знаю...

Сарафанов. Не важно! Я собираюсь. Немедленно. *(Уходит.)*

Молчание.

Нина. Ну?.. Что ты собираешься делать?

Бусыгин *(растерянно).* Не знаю...

Нина. Теперь ты понимаешь, что ты натворил? Понимаешь? Нас он уже за детей не признает, а ты стал его любимчиком. Ведь он в тебе души не чает. Представляешь, что будет с ним, когда он узнает правду?

Бусыгин *(мечется).* Что же делать? Ничего ему не говорить?

Небольшая пауза. Смотрят друг на друга.

Нет! Так дело не пойдет! Главное — сказать ему, объяснить... Он мне не отец, но он мне... я его... Словом, если... *(понизив голос)* если ты уедешь, я и в самом деле перееду к нему. Конечно, если он меня поймет. Но как, как ему все объяснить?

Нина. Не знаю. Вы сумасшедшие, вы и разговаривайте. А я не знаю.

Появляется Срафанов. В руках у него чемодан и кларнет.

Сарафанов. Володя, я готов.

Бусыгин и Нина молча смотрят на него.

Нина. Собрался? Ничего не забыл? *(Смеется.)*

Сарафанов. Смотри на нее! Разве это дочь? Избавилась от отца и даже не скрывает удовольствия. *(Нине.)* Ну ничего. Ты меня еще вспомнишь! Боже мой, как все это нелепо! Подумать только, я мог остаться с ними! На всю жизнь! А ведь им нужен не я! Совсем другой человек! Всегда! С самого начала им нужен был другой! Ты понимаешь? Двадцать лет я жил чужой жизнью! Свое счастье я оставил там, в Чернигове. Боже мой! Почему я ее не разыскал? Как я мог! Не понимаю! Но теперь кончено, кончено! Я возвращаюсь, возвращаюсь!.. *(Бусыгину.)* Ты увидишь, твоя мать будет счастлива... *(чуть образумившись)* если захочет... Что?.. Ты мне не веришь?

Бусыгин. Нет, я верю, но... Зачем же так спешить?

Сарафанов. Нет-нет! Немедленно! Закончить все

разом! Разом — и конец! На вокзал! На вокзал!.. Ну что ты, сынок? Идем!

Нина *(неожиданно ласково)*. Не надо, папа. Успокойся. Ты зря так волнуешься... *(Усаживает его на стул.)* Сядь, успокойся.

Небольшая пауза.

Сарафанов *(садится, недоуменно)*. Что такое?.. Что случилось?.. Володя?.. Ты от меня что-то скрываешь?

Нина. Папа, я никуда не уеду. Я остаюсь.

На пороге появляется Васенька. Вид у него испуганно-торжественный. Все оборачиваются к нему.

(Васеньке.) Что случилось?.. Что?..

Небольшая пауза.

Васенька. Все. Я их поджег.

Бусыгин. Поджег?.. Кого?

Васенька. Ее и любовника.

Сарафанов. Боже мой!

Все, кроме Васеньки, бросаются к окну. На пороге появляется Сильва. Лицо у него в саже. Одежда на нем частично сгорела, в особенности штаны. Он слегка дымится. Молчание.

Сильва. Я крупно пострадал. Мне нужны брюки.

Появляется Макарская.

Сарафанов *(Макарской)*. Что случилось? Что?

Макарская. А вы не видите? Сегодня он грозился меня убить, и вот — пожалуйста!

Нина. Васенька — убить?..

Сарафанов. Неужели?

Макарская. Вот вам и неужели! Я сама думала — неужели, а он — вон как! Озверел!

Сарафанов *(Васеньке)*. Как ты мог?.. Как?

Макарская. Очень просто. Окно было открыто, он штору подпалил, а рядом ковер. Ну и пошло по всей комнате. Сжечь меня хотел.

Сильва *(Сарафанову)*. Дайте мне брюки. Взаймы.

Сарафанов. Брюки?.. Сейчас-сейчас... *(Уходит в спальню.)*

Бусыгин *(подходит к Сильве)*. Ну?.. Любовничек...

Сильва. Какая любовь? Я там с огнем боролся. В гробу бы я ее видел, такую любовь.

Макарская. Что?.. Вон ты как заговорил...

Сильва. А ты как хотела? Гори, если тебя поджигают, а я здесь при чем?

Бусыгин. Жалко, что твоя шкура так плохо подгорела.

Сильва. Да ты что, старичок? Что ты говоришь?

Бусыгин. А ведь я тебя предупреждал.

Сильва. Вот, значит, как... Все сынка изображаешь? Брата?

Бусыгин. Слушай. Беги отсюда, пока цел.

Сильва. В таком виде? Куда?

Макарская *(Васеньке)*. Ты в самом деле хотел меня сжечь?

Васенька *(неожиданно спокойно)*. Ничего не вышло. Как видишь.

Макарская *(с удивлением и с некоторым уважением)*. Бандит. В один день стал бандитом.

Сильва. Да не он это, где ему. *(Бусыгину.)* Гони брюки, слышишь? Смех смехом, а ведь я и привлечь могу. Как-никак поджог. *(В сторону Макарской.)* Она подтвердит.

Макарская *(Сильве)*. На меня не рассчитывай.

Сильва. Да? Может быть, ты ему спасибо скажешь за то, что он тебя поджег?

Макарская. Может, скажу. *(Васеньке.)* Спасибо не скажу, но скажу, что такого я от тебя никак не ожидала.

Сильва. Думаешь, это он? Ошибаешься.

Макарская *(Сильве)*. А тебя я видеть не хочу.

Сильва. Взаимно. *(Берет гитару.)* Я ухожу... Но одолжите брюки! До завтра!

Бусыгин. Обойдешься. Это тебе даже идет. Давай отсюда... Или ты хочешь, чтобы я тебя проводил?

Сарафанов появляется с брюками в руках.

Сильва *(в дверях)*. Ну, спасибо тебе, старичок, за все спасибо. Настоящий ты оказался друг... Я ухожу. Но вначале я должен открыть глаза общественности. Хату поджег он *(указывает на Бусыгина)*, а не кто-нибудь. И воду тут у вас мутит тоже он. Учтите, он рецидивист. Не заметили?.. Ну смотрите, он вам еще устроит. И между прочим *(Нине)*, он тебе такой же брат, как я ему,

племянница, учти это, пока не поздно. *(Сарафанову.)* А вы, папаша, если вы думаете, что он вам сын, то вы крупно заблуждаетесь. Я извиняюсь.

Сарафанов. Вон отсюда! Вон!

Сильва исчезает.

Сарафанов. Мерзавец!

Небольшая пауза.

Бусыгин. Но он прав.

Сарафанов. Кто прав?

Бусыгин. Я вам не сын.

Сарафанов. Что такое?.. Что это значит?

Бусыгин. Я вам не сын. Я обманул вас вчера.

Сарафанов. Володя! Что ты говоришь!..

Бусыгин. Поймите, я не хотел! Все вышло случайно. Вчера, когда вы *(в сторону Макарской)* к ней стучались, я узнал ваше имя и заметил вашу квартиру. С этого все и началось. Мы хотели согреться и уйти...

Макарская. Погоди! Это ты искал вчера, где переночевать?

Бусыгин. Да. Все вышло само собой. Утром, вместо того чтобы уйти...

Сарафанов. Это невозможно... Не верю. Не верю. Быть этого не может!

Бусыгин. Я надеюсь, что вы меня простите, потому что я... В общем, я рад, что попал к вам...

Сарафанов. Значит, ты мне... Выходит, я тебе... Как же так?.. Да нет, я не верю! Скажи, что ты мой сын!.. Ну! Сын, ведь это правда? Сын?!

Бусыгин. Нет...

Сарафанов. Кто же ты? Кто?!

Нина. Он — псих. Он настоящий псих, а мы все только учимся. Даже ты, папа, по сравнению с ним школьник. Он настоящий сумасшедший...

Васенька. Ну и дела...

Макарская. Да-а, история...

Сарафанов. Но я, я не верю! Не хочу верить!

Бусыгин. Откровенно говоря, я и сам уже не верю, что я вам не сын. *(Взглянув на Нину.)* Но факт есть факт.

Сарафанов. Не верю! Не понимаю! Знать не хочу!

Ты — настоящий Сарафанов! Мой сын! И притом любимый сын!

Нина (*Бусыгину*). Я тебе говорила... (*Сарафанову, весело.*) А я? А Васенька? Интересно, ты еще считаешь нас своими детьми?

Сарафанов. Нина! Вы все мои дети, но он... Все-таки он вас постарше.

Все смеются.

Макарская. Чудные вы, между прочим, люди.

Нина (*смеется*). Чудные — дом чуть не сожгли.

Макарская махнула рукой.

Сарафанов. То, что случилось, — все это ничего не меняет. Володя, подойди сюда...

Бусыгин подходит. Он, Нина, Васенька, Сарафанов — все рядом. Макарская в стороне.

Что бы там ни было, а я считаю тебя своим сыном. (*Всем троим.*) Вы мои дети, потому что я люблю вас. Плох я или хорош, но я вас люблю, а это самое главное...

Макарская. Извините, конечно. (*Бусыгину.*) Но я хочу спросить. У тебя родители имеются?

Бусыгин. Да... Мать в Челябинске.

Нина. Она одна? (*Смеется.*) Папа, тебя это интересует?

Бусыгин. Она живет с моим старшим братом.

Нина. А сам ты? Как ты сюда попал?

Бусыгин. Я здесь учусь.

Сарафанов. Где же ты живешь?

Бусыгин. В общежитии.

Сарафанов. В общежитии. Но ведь это далеко... и неуютно. И вообще, терпеть не могу общежитий... Это я к тому, что... Если бы ты согласился... Словом, живи у нас.

Бусыгин. Нет, что вы...

Сарафанов. Предлагаю от чистого сердца... Нина! Чего же ты молчишь? Пригласи его, уговори.

Нина (*капризно*). Ну с какой стати? Почему он должен жить у нас? Я не хочу.

Бусыгин. Я буду вас навещать. Я буду бывать у вас каждый день. Я вам еще надоем.

Сарафанов. Володя! Я за то, чтобы ты у нас жил, — и никаких.

Бусыгин. Я приду завтра.

Нина. Когда?

Бусыгин. В семь... В шесть часов... Кстати! Который час?

Нина. Половина двенадцатого.

Бусыгин. Ну вот. Поздравьте меня. Я опоздал на электричку.

Занавес

УТИНАЯ ОХОТА

Пьеса в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Зилов.
Кузаков.
Саяпин.
Кушак.
Галина.
Ирина.
Вера.
Валерия.
Официант.
Мальчик.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Городская квартира в новом типовом доме. Входная дверь, дверь на кухню, дверь в другую комнату. Одно окно. Мебель обыкновенная. На подоконнике большой плюшевый кот с бантом на шее. Беспорядок.

На переднем плане тахта, на которой спит Зилов. У изголовья столик с телефоном.

В окно видны последний этаж и крыша типового дома, стоящего напротив. Над крышей узкая полоска серого неба. День дождливый.

Раздается телефонный звонок. Зилов просыпается не сразу и не без труда. Проснувшись, он пропускает два-три звонка, потом высвобождает руку из-под одеяла и нехотя берет трубку.

Зилов. Да?

Маленькая пауза. На его лице появляется гримаса недоумения. Можно понять, что на том конце провода кто-то бросил трубку.

Странно... *(Бросает трубку, поворачивается на другой бок, но тут же ложится на спину, а через мгновение сбрасывает с себя одеяло. С некоторым удивлением обнаруживает, что он спал в носках. Садится на постели, прикладывает ладонь ко лбу. Весьма бережно трогает свою челюсть. При этом болезненно морщится. Некоторое время сидит, глядя в одну точку,— вспоминает. Оборачивается, быстро идет к окну, открывает его. С досадой махнул рукой. Можно понять, что он чрезвычайно недоволен тем, что идет дождь.)*

Зилову около тридцати лет, он довольно высок, крепкого сложения; в его походке, жестах, манере говорить много свободы, происходящей от уверенности в своей физической полноценности. В то же время и в походке, и в жестах, и в разговоре у него сквозят некие небрежность и скука, происхождение которых невозможно определить с первого взгляда.

Идет на кухню, возвращается с бутылкой и стаканом. Стоя у окна, пьет пиво. С бутылкой в руках начинает физзарядку, делает несколько движений, но тут же прекращает это неподходящее его состоянию занятие.

Звонит телефон. Он подходит к телефону, снимает трубку.

Ну?.. Вы будете разговаривать?..

Тот же фокус: кто-то положил трубку.

Шуточки... *(Бросает трубку, допивает пиво. Поднимает трубку, набирает номер, слушает.)* Идио-

ты... *(Нажимает на рычаг, снова набирает номер. Говорит монотонно, подражая голосу из бюро погоды.)* В течение суток ожидается переменная облачность, ветер слабый до умеренного, температура плюс шестнадцать градусов. *(Своим голосом.)* Ты понял? Это называется переменная облачность — льет как из ведра... Привет, Дима... Поздравляю, старик, ты оказался прав... Да вот насчет дождя, черт бы его подрал! Целый год ждали и дождались!.. *(С недоумением.)* Кто разговаривает?.. Зилов... Ну конечно. Ты что, меня не узнал?.. Умер?.. Кто умер?.. Я?! Да вроде бы нет... Живой вроде бы... Да? *(Смеется.)* Нет, нет, живой. Этого еще не хватало — чтоб я умер перед самой охотой!.. Что?! Не поеду — я?! С чего ты это взял?.. Что я, с ума сошел? Подожди, может, это ты со мной не хочешь? Тогда в чем дело?.. Ну вот еще, нашел чем шутить... Голова-то, да *(держится за голову)*, естественно... Но слава богу, пока цела... Вчера-то? *(Со вздохом.)* Да вот вспоминаю... Нет, всего я не помню, но... *(Вздох.)* Скандал — да, скандал помню... Зачем устроил? Да вот и сам думаю — зачем? Думаю, не могу понять,— черт знает зачем?.. *(Слушает с досадой.)* Не говори... Помню... Помню... Нет, конца не помню... Милиции не было?.. Свои?.. Ну, слава богу... Обиделись?.. Да? Что они, шуток не понимают?.. Ну и черт с ними. Переживут, верно? И я так думаю... Ну, ладно. Как же мы теперь? Когда выезжаем?.. Ждать?.. А когда он начался?.. Еще вчера? Что ты говоришь!.. Не помню — нет!.. *(Ощупывает челюсть.)* Да! Слушай, а драки вчера не было?.. Нет? Странно. Да, кто-то врезал. Разок... Да, по морде... Думаю, что кулаком... Интересно, кто, ты не видел? Ну, не важно... Да нет, ничего страшного. Удар вполне культурный...

Стук в дверь.

Дима! А что если он зарядил на неделю? Да нет, я не волнуюсь... Ну, ясно... Сижу дома. В полной готовности. Жду звонка... Жду... *(Положил трубку.)*

Стук в дверь.

Войдите.

В дверях появляется венок. Это большой дешевый с крупными бумажными цветами и длинной черной лентой сосновый венок. Вслед за ним появляется несущий его мальчик лет двенадцати. Он всерьез озабочен исполнением возложенной на него миссии.

Зилов *(весело)*. Привет!

Мальчик. Здравствуйте. Скажите, вы Зилов?

Зилов. Ну, я.

Мальчик *(поставил венок у стены)*. Вам.

Зилов. Мне?.. Зачем?

Мальчик молчит.

Слушай, парень, ты что-то путаешь...

Мальчик. Вы — Зилов?

Зилов. Ну и что?

Мальчик. Значит, вам.

Зилов *(не сразу)*. Кто тебя послал? А ну, сядь сюда.

Мальчик. Мне надо идти.

Зилов. Садись.

Мальчик садится.

(Разглядывает венок, поднимает его, расправляет черную ленту; надпись на ней читает вслух.) «Незабвенному, безвременно сгоревшему на работе Зилову Виктору Александровичу от безутешных друзей». *(Молчит. Потом смеется, но недолго и без особого веселья.)* Ты понял, в чем дело?.. Зилов Виктор Александрович — это я и есть... И видишь, жив-здоров... Как тебе это нравится?

Мальчик молчит.

Где они? Внизу?

Мальчик. Нет, они ушли.

Зилов *(не сразу)*. Пошутили и ушли...

Мальчик. Я пойду.

Зилов. Проваливай... Нет, подожди. Скажи. Тебе такие шутки нравятся? Остроумно это или нет?

Мальчик молчит.

Нет, ты скажи, послать товарищу такую штуку на похмелье да еще в такую погоду, разве это не свинство?.. Друзья так поступают, как ты думаешь?

Мальчик. Я не знаю. Меня попросили, я принес...

Маленькая пауза.

Зилов. Ты тоже хорош. Живым людям венки разносишь, а ведь наверняка пионер. Я бы в твоем возрасте за такое дело не взялся бы.

Мальчик. Я не знал, что вы живой.

Зилов. А если бы знал, не понес бы?

Мальчик. Нет.

Зилов. Спасибо и на этом.

Маленькая пауза.

Мальчик. Я пойду.

Зилов. Подожди, а что они тебе сказали?

Мальчик. Сказали, пятый этаж, двадцатая квартира... Сказали, постучать, спросить Зилова и отдать. Вот и все.

Зилов. Видишь, как просто. А сколько смеху... *(Вешает венок себе на шею.)* Разве не смешно? *(Подходит к зеркалу, картинно причесывается.)* Смешно или нет?.. Почему ты не смеешься... Наверно, у тебя нет чувства юмора. *(Оборачивается к мальчику, пожимает себе, как спортсмену-победителю, правую руку.)* Витя Зилов. ЭС-ЭС-ЭС-ЭР. Первое место... А за что?.. Что-то не очень, верно? *(Бросает венок, садится на постели так, что его лицо обращено к окну.)* А может, и в самом деле мы с тобой перестали понимать шутки?

Пауза.

Тебе надо идти?

Мальчик. Да... Надо уроки готовить...

Зилов. Да... Уроки — дело серьезное... А как тебя зовут?

Мальчик *(не сразу)*. Витя.

Зилов. Да? Оказывается, ты тоже Витя... А тебе не кажется это странным?

Мальчик. Я не знаю.

Маленькая пауза.

Зилов. Ну, ладно, Витька, иди занимайся. Заходи как-нибудь... Зайдешь?

Мальчик. Хорошо.

Зилов. Ну иди.

Мальчик уходит. Маленькая пауза.

Так... Значит, пошутили и разошлись.

Зилов сидит на своей тахте. Взгляд его устремлен на середину комнаты.

Звучит траурная музыка, звуки ее постепенно нарастают. Свет медленно гаснет, и так же медленно зажигаются два прожектора. Одним из них, светящим вполсилы, из темноты выхвачен сидящий на постели Зилов. Другой прожектор, яркий, высвечивает круг посреди сцены. При этом обстановка квартиры Зилова находится в темноте.

На площадке, освещенной ярким прожектором, сейчас возникнут лица и разговоры, вызванные воображением Зилова. К моменту их появления траурная музыка странным образом преображается в бодрую, легкомысленную. Эта же мелодия, но исполняемая в другом размере и ритме. Негромко она звучит в продолжение всей сцены. Поведение лиц, их разговоры в этой сцене должны выглядеть пародийно, шутовски, но не без мрачной иронии.

Появляются Саяпин и Кузаков.

Саяпин. Да нет, что ты. Не может этого быть.

Кузаков. Факт.

Саяпин. Да нет, он пошутил, как обычно. Ты что, его не знаешь?

Кузаков. Увы, на этот раз все серьезно. Серьезнее некуда.

Саяпин. Спорим, что он распустил этот слух, а сам сидит в «Незабудке».

Кузаков и Саяпин исчезают. Появляются Вера, Валерия, потом Кушак.

Валерия. Вы только подумайте, вчера он собирался на охоту, шутил... Еще вчера! А сегодня?!

Вера. Такого я от него не ожидала. Он был алик из аликов.

Кушак. Такое несчастье! Я бы никогда не поверил, но, знаете ли, последнее время он вел себя... Я далеко не ханжа, но должен вам сказать, что он вел себя весьма... м-м... неосмотрительно. К добру такое поведение не приводит.

Вера, Валерия и Кушак исчезают. Появляется Галина, за ней Ирина.

Галина. Я не верю, не верю, не верю... Зачем он так сделал?

Ирина. Зачем?

Галина *(Ирине)*. Скажи, он тебя любил?

Ирина. Я не знаю.

Галина. Мы прожили с ним шесть лет, но я его так и не поняла. *(Ирине.)* Мы будем с тобой дружить, будем?

Ирина. Да...

Обнимаются и обе плачут.

Галина. Я уезжаю... навсегда... Напишешь мне письмо?

Ирина *(сквозь слезы)*. Хорошо...

Галина исчезает. Появляются Кушак и официант.

Кушак *(Ирине)*. Очень, очень приятно...

Официант. Девушка, в таком состоянии одной вам быть нельзя.

Кушак. Да, но... Нет, конечно... И все-таки...

Официант. В шесть часов мы ждем вас в «Незабудке», договорились?

Ирина *(сквозь слезы)*. Хорошо...

Ирина, Кушак и официант исчезают. Появляется Кузаков.

Кузаков. Кто знает... Если разобраться, жизнь, в сущности, проиграна. *(Исчезает.)*

Появляется официант с подносом.

Официант. Итак, товарищи, скинемся. *(Ухмыляется.)* Нет, вы меня не так поняли. Скинемся на венок.

Бросая монеты на поднос, последовательно проходят Галина, Ирина. Бодрая музыка внезапно превращается в траурную. Прожекторы гаснут, музыка обрывается, в темноте слышен звон монет. Затем освещается вся сцена. Зилов сидит на тахте. Взгляд его по-прежнему устремлен на середину комнаты.

Поднимается. Идет на кухню, оттуда возвращается с бутылкой. Некоторое время стоит перед окном, насвистывает мелодию пригрезившейся ему траурной музыки.

С бутылкой и стаканом устраивается на подоконнике. Вертит в руках плюшевого кота, разглядывает его долго и внимательно, будто видит его впервые.

Поднимается, подходит к телефону, набирает номер.

Зилов. Магазин?.. Веру пригласите к телефону... Кто вызывает? Скажите, Зилов... Да, Зилов... *(Ждет.)* Занята?.. Понятно. *(Бросает трубку, возвращается к подоконнику, пьет пиво. Задумчив.)*

Свет на сцене гаснет, передвигается круг, и сцена освещается. Перед нами новая декорация.

Начинается его первое воспоминание. Уголок кафе «Незабудка». На виду одно небольшое окно. Два-три столика. Видна дверь на улицу. Зилов и Саяпин усаживаются за один из столиков.

Саяпин одного возраста с Зиловым, но уже лысеет и полноват. Вид у него весьма простодушный. Он любит посмеяться. Часто смеется некстати, иногда, даже себе во вред, не может удержаться от смеха.

Саяпин *(громко)*. Дима! Привет!.. Обрати внимание.

Появляется официант. Это ровесник Зилова и Саяпина, высокий спортивного вида парень. Он всегда в ровном деловом настроении, бодр, уверен в себе и держится с преувеличенным достоинством, что, когда он занят своей работой, выглядит несколько смешным.

Официант *(подходит)*. Привет, ребята.

Саяпин. Привет, Дима.

Зилов. Как ты, старина?

Официант. Спасибо, нормально. А ты?

Зилов. Неплохо.

Официант. Уже собираешься, а?

Зилов. Уже собрался.

Официант *(слегка подсмеиваясь)*. Уже собрался?.. Молодец.

Зилов *(с отчаянием)*. Еще целых полтора месяца! Подумать только...

Официант *(усмехнулся)*. Доживешь?

Зилов. Не знаю, Дима. Как дожить — не представляю.

Официант. А ты жди спокойно. Если хочешь, чтобы из тебя вышел охотник — не волнуйся. Главное — не волнуйся.

Саяпин. Слушайте! До вашей охоты еще полтора месяца, а до конца перерыва всего тридцать пять минут. *(Зилову.)* Мы зачем сюда пришли, забыл?

Зилов. Да, Дима, у нас полчаса. Надо выпить и закусить. Управимся?

Официант. Попробуем.

Зилов. Стало быть так: три салата, три шашлыка и выпить... *(Саяпину.)* Что он пьет?

Саяпин. По-моему, публично он вообще не употребляет.

Зилов. А винишко?

Саяпин. Смотри, обеденный перерыв, насчет этого он — сам знаешь...

Зилов *(официанту)*. Мы ждем шефа.

Официант. Ясно.

Зилов. Я думаю, он глушит водку. По ночам.

Саяпин. И правильно, между прочим, делает. Умеет человек. Все умеет.

Официант. Есть свежее пиво.

Зилов. Пиво не надо. Бутылку вина. Две бутылки. Гуляю.

Саяпин *(официанту).* Поздравь его. Получил квартиру.

Официант. Серьезно?

Зилов. Сам не верю.

Официант. А где?

Зилов. У моста.

Официант. Точно? Значит, будем соседями?

Зилов. Маяковского, тридцать семь, квартира двадцать.

Официант. Ну так отлично. Поздравляю, старичок. Молодец.

Зилов. Новоселье в восемь ноль-ноль. Сегодня. Я тебя жду.

Официант. Спасибо, Витя, но я не могу. Сегодня я работаю до одиннадцати.

Зилов. Подменись.

Официант. Бесполезно. У нас все в отпуске.

Зилов. Заболей.

Официант. Нет, старичок, так я не делаю. Извини.

Зилов. Жаль.

Официант. Извини, но сегодня — никак. Ничего не выйдет... *(Пишет.)* Два вина, три салата, три раза шашлык... *(Зилову.)* Но учти, с тебя полбанки.

Зилов. Какой разговор.

Официант уходит.

Саяпин *(об официанте).* Смотри, какой стал. А в школе робкий был парнишка. Кто бы мог подумать, что из него получится официант.

Зилов. Э, видел бы ты его с ружьем. Зверь.

Саяпин. Скажи-ка...

Зилов. Гигант. Полсотни метров влет — глухо. Что ты! Мне бы так.

Саяпин. Слушай, а шеф будет на новоселье?

Зилов. Да. И он за вами заедет.

Саяпин. Слушай, а что ему взбрело с нами обедать?

Зилов. А где ему обедать?

Саяпин. У него же дом рядом. Опять же без жены он, сам знаешь, ни шагу.

Зилов. А он жену вчера на юг отправил.

Саяпин. Вот оно что. То-то загулял мужик... Нет, что ни говори, он человек серьезный... Ну вот квартиры. Обещал — делает. Ты получил, и я получу. Говорят, у него там *(показывает)* рука. Это верно?

Зилов *(кого-то увидел)*. Стоп! Сядь сюда... *(Прячется.)* Так! Сюда!.. Сюда! *(Двигает Саяпина.)*

Саяпин *(оглядывается)*. В чем дело?.. Да это Верочка. Твоя любовь, если я не ошибаюсь. «Твоя любовь — не струйка дыма...»

Зилов. Сиди так... *(Прячется.)* Сегодня нам лучше не встречаться. И вообще она мне надоела.

Саяпин. Витя, бесполезно. Она тебя заметила.

Зилов *(садится на свое место)*. Черт. Ну и порядки в этих магазинах. Вечно она шатается в рабочее время... *(Машет рукой.)* Привет.

Появляется Вера. Ей около двадцати пяти. Она явно привлекательна, несколько грубоватая, живая, всегда в форме. Сейчас она в костюме продавца промтоварного магазина. А вообще она одевается красиво и носит неизменно роскошную прическу.

Вера. Привет, алики! Давно я вас не видела. *(Усаживается.)*

Официант приносит вино и салаты.

Так вы меня ждали?.. Чудненько.

Официант *(Вере)*. Привет, малютка.

Вера. Здравствуй, алик.

Официант *(Зилову)*. Еще раз шашлык, если я правильно понимаю?

Зилов. Да, будь другом.

Официант уходит.

Вера *(Зилову)*. Веселишься? Что, получил квартиру?

Зилов. Ну, получил.

Вера. Очень за тебя рада. А где ты пропадал?

Зилов. Дома, Верочка. Дома и на работе.

Вера. А если я соскучилась? Нельзя же пропадать целыми неделями.

Зилов. У меня срочные дела. Дела, дела. Днями и ночами.

Саяпин. У нас вся контора в отпуске. Вдвоем пластаемся.

Зилов. Да. Горим трудовой красотой.

Вера. Смотри, алик, я найду себе другого!

Зилов. Сама найдешь или тебе помочь?
Вера. Спасибо, сама не маленькая.
Саяпин. Слушай, что это ты всех так называешь?
Вера. Как, алик?
Саяпин. Да вот аликами. Все у тебя алики. Это как понимать? Алкоголики, что ли?
Зилов. Да она сама не знает.
Саяпин. Может, твоя первая любовь — Алик?
Вера. Угадал. Первая — алик. И вторая алик. И третья. Все алики.
Зилов *(Саяпину)*. Понял что-нибудь?
Саяпин *(кого-то увидел)*. Идет. *(Вере.)* Наше начальство. Не советую вам афишировать свои отношения. Очень строгий товарищ. *(Поднялся.)*
Зилов *(подхватил)*. Да, при нем полегче.
Вера. Ладно, ладно. Поняла.
Саяпин. Вы с ним друзья, и не больше. Ясно?..
Вера. Ясно, алик. Мы с ним одноклассники.

Саяпин уходит.

Увидимся вечером?
Зилов. Сегодня? Нет, Верочка, сегодня не выйдет.
Вера. Почему?.. Скажи откровенно.
Зилов. Ну, пожалуйста. У меня сегодня новоселье.
Вера. Новоселье... А почему бы тебе меня не пригласить?
Зилов. Тебя?.. Я бы с удовольствием, но жена, я думаю, будет против.
Вера. А почему? Ты встречаешь одноклассницу, приглашаешь в гости, что тут особенного?
Зилов. Думаешь, жена у меня дура.
Вера. А что, умная?.. Так познакомь меня с ней.
Зилов. Это зачем?
Вера. Хочу ума-разума набраться. Что, нельзя?
Зилов. Этого только не хватало. Не говори глупостей, завтра увидимся. Все.

Появляются Саяпин и Кушак. Кушак — мужчина солидный, лет около пятидесяти. В своем учреждении, на работе он лицо довольно внушительное: строг, решителен и деловит. Вне учреждения весьма не уверен в себе, нерешителен и суетлив. Будучи в гостях, постоянно выглядывает в окно, как, впрочем, почти все владельцы автомобилей.

Сюда, Вадим Андреич. Садитесь.
Кушак. Добрый день.

Вера. Здравствуйте.

Зилов. Ее зовут Вера.

Кушак. Очень приятно... Очень.

Официант приносит шашлык и удаляется.

Зилов (*взял в руки бутылку*). Под шашлычки. Не возражаете?

Кушак. М-м... Оно конечно — обеденный перерыв. (*Вере.*) У нас, знаете ли, насчет этого принципиально..

Вера. Ну ничего. В виде исключения — не повредит

Кушак. Вы думаете? Ну что ж, в виде исключения — почему же. И потом это ведь не водка...

Саяпин. Вадим Андреич, и причина крупная. Человек квартиру получил. Шутка ли.

Кушак. Да, и причина серьезная.

Зилов (*наливает всем вина*). Считайте, Вадим Андреевич, что это небольшая разминка. Перед вечером. Не забыли? Ждем вас в восемь, как договорились.

Кушак. Не знаю, право, идти ли мне. У меня, видите ли, и настроение неважное, и жена у меня отсутствует... м-м... в настоящее время.

Зилов. Вадим Андреич, вы же обещали.

Вера. А где, если не секрет, жена ваша?

Кушак. Она сейчас, видите ли, в Сухуми. Отдыхает.

Зилов. Она отдыхает, а вам что, нельзя?

Кушак. Действительно... но, с другой стороны, она там одна, а я в гости, видите ли, веселиться... Ведь это... м-м... неэтично вроде бы. Как вы думаете?

Вера. Вы хороший муж. Прямо — музейная редкость. Такому мужу куда угодно разрешается. В любую компанию.

Зилов. Она права. Решено, вы приедете.

Кушак (*Вере*). Значит, вы советуете пойти...

Вера (*многозначительно*). Обязательно. Другой на вашем месте и сомневаться бы не стал. Чепуха какая.

Кушак. Нет, нет, вы не подумайте, я далеко не ханжа, но... словом... Словом, я согласен. (*Собрался с духом, погрозил Вере пальцем.*) Смотрите, выходит, что вы меня... м-м... совратили...

Вера *(интригующе)*. Ну, до этого еще далеко, а было бы интересно... Было бы ничего...

Кушак *(туповато)*. Вы так думаете?

Вера. Да. Я так думаю. Верные мужья — моя слабость.

Зилов. А? Вадим Андреич! Берегитесь!

Вера *(Кушаку)*. Выпейте. И знаете, что? Я буду называть вас аликом. Не возражаете?

Кушак. Аликом?.. Но почему Аликом?

Вера. Вам не нравится?

Кушак. Я не знаю, право...

Вера. Ну, пожалуйста...

Кушак. Алик... Странно... Но для вас... Если вам нравится...

Вера. Давно бы так. *(Дотронулась пальцем до его носа.)* Алик.

Зилов с любопытством наблюдает за Верой и Кушаком. Кушак озирается.

Кушак. А знаете, здесь неплохо готовят. Я, признаться, давно здесь не бывал...

Вера. А вы заглядывайте. По вечерам здесь бывает музыка.

Кушак. Что, и сегодня будет?

Вера. Что будет?

Кушак. Музыка...

Вера. Обязательно. Но ведь сегодня вы идете на новоселье.

Кушак. А вы? Извините, разве вы не идете?

Вера. А меня туда не приглашают.

Кушак. Разве?

Вера. Нет, все правильно. На новоселье обычно собираются друзья, а мы с Виктором — так... Учились когда-то в одной школе, всего-то. Случайно встретились.

Кушак. Вот как?

Вера. Поэтому, какое же приглашение. Я и не напрашиваюсь.

Кушак. М-м...

Саяпин толкает Зилова в бок. Небольшая пауза.

Зилов *(Вере)*. Что ты выдумываешь? Я просто не успел тебя пригласить. Милости прошу.

Вера. Спасибо. Только, пожалуйста, не думайте, что я напросилась.

Кушак. Что вы! Кто так думает?

Саяпин. Никто.

Зилов. Да. Всем будет очень приятно. Очень весело. Короче, тебя там только и не хватало. Запиши адрес.

Свет гаснет, круг в темноте поворачивается, и снова зажигается свет.

Продолжается первое воспоминание Зилова.

Квартира Зилова. Зилов и Галина ждут гостей. Стол, вокруг которого хлопочет Галина, один стул, железная кровать, чемодан — вот и вся обстановка.

Галине двадцать шесть лет. В ее облике важна хрупкость, а в ее поведении — изящество, которое различимо не сразу и ни в коем случае не выказывается ею нарочно. Это качество, несомненно, процветавшее у нее в юности, в настоящее время сильно заглушено работой, жизнью с легкомысленным мужем, бременем несбывшихся надежд. На ее лице почти постоянно выражение озабоченности и сосредоточенности (она учительница, а у учителей с тетрадями это нередко). Сейчас она в темном платье, поверх которого надет фартук, на ногах — домашние туфли.

Зилов (*у стола*). Жратва, я тебе скажу, нешуточная. Никто из них не заслужил такой жратвы. Кроме начальства.

Галина. Все ничего. Но на что мы их усадим?

Зилов. Женщин на койку, я сяду на стул, остальные — на пол.

Галина. А начальство?

Зилов. На пол! Другой раз будут давать квартиру с мебелью.

Галина. Позор. Трое на кровати, стул, чемодан — пять мест. А будет? Раз, два, три... шесть человек.

Зилов. Семь.

Галина. Семь? Почему?.. Мы, Саяпины, Кузаков и Кушак — все. Кушак, ты говорил, без жены. Итого шесть. Шесть персон.

Зилов. Будет еще одна персона.

Галина. Вот как? А кто? Неужели этот твой ужасный Дима?

Зилов. Нет, сегодня он работает. А почему он ужасный?

Галина. Не знаю, но он ужасный. Один взгляд чего стоит. Я его боюсь.

Зилов. Ерунда. Нормальный парень.
Галина. Но кто же все-таки седьмой — интересно.
Зилов. Одна милая женщина.
Галина. Да?
Зилов. Разве я тебе о ней не говорил?
Галина. Представь — нет. Сюрприз.
Зилов. Совсем забыл. Ее зовут Вера. Она, насколько я знаю, ничего себе, интересная... В общем, Кушак от нее в восторге.
Галина. Понятно. В первый же вечер из нашей квартиры ты устраиваешь...
Зилов. Ну что ты. У него чистая любовь.
Галина. Чистая любовь, а жена будет сидеть дома?
Зилов. Его жена — старая ведьма. И между прочим, он просил меня поговорить с тобой. Я забыл.
Галина. О чем?
Зилов. Чтобы ты разрешила им здесь встречаться.
Галина. А если я говорю — нет?
Зилов. Поздно.
Галина. Я не хочу, чтобы у нас, в нашей квартире...
Зилов. Что с ней сделается, с квартирой, если бедняга Кушак,— между прочим, эту самую квартиру, ты знаешь, выбил нам он, а не кто-нибудь,— что с ней сделается, если он отдохнет здесь часок-другой, помечтает, скажет милой женщине пару глупостей, что от этого — потолок обвалится?
Галина. Мне это не нравится.
Зилов. Да нет, дело, конечно, не в квартире, надеюсь, ты так не думаешь. Просто я ему посочувствовал. И ты посочувствуй человеку, нельзя же быть такой бессердечной.
Галина *(готовит на столе еще один прибор)*. Да уж для друзей ты готов на все.
Зилов *(обнимает ее)*. Перестань. Дай лучше я тебе помогу.
Галина. У меня все готово.
Зилов. Отлично. Предлагаю выпить.
Галина. Вдвоем?
Зилов. По одной.
Галина. Нет, давай, как полагается. Дождемся гостей.
Зилов *(выбирает бутылку)*. Лучше, я думаю, водки. Для начала. *(Наливает.)*
Галина. Нехорошо. Придут гости, а мы с тобой косые.

Зилов. Велика беда.
Галина. Не напивайся сегодня, слышишь.
Зилов. Ладно, ладно.
Галина. Ну что же, за новоселье?
Зилов. Давай.
Галина. Вчера, когда переезжали, сажусь в машину и думаю: ну все. Привет вам, тети Моти и дяди Пети. Прощай, предместье, мы едем на Бродвей!
Зилов. Салют.

Они выпивают.

Галина. Мы здесь заживем дружно, верно?
Зилов. Конечно.
Галина. Как в самом начале. По вечерам будем читать, разговаривать... Будем?
Зилов. Обязательно.
Галина. Хуже всего, когда тебя нет дома и не знаешь, где ты.
Зилов. А мы здесь устроим телефон.
Галина. Не люблю телефоны. Когда ты говоришь со мной по телефону, мне кажется, что ты врешь.
Зилов. Напрасно. Напрасно ты не доверяешь технике. Ей как-никак принадлежит будущее.

Пауза. Галина подошла к окну.

Галина *(глядя в окно)*. Знаешь, сегодня я получила письмо. Совсем неожиданно. И, думаешь, от кого?
Зилов. Ну? *(Наливает себе рюмку.)* От кого же?
Галина. Представь себе, от друга детства. И как только он обо мне вспомнил — удивительно.

Зилов выпивает.

Наши родители дружили, а мы с ним были жених и невеста. А разъехались, когда нам было всего по двенадцать лет. *(Смеется.)* Он был очень смешной. Когда мы прощались, он заплакал, а потом сказал, и, знаешь, совсем серьезно: «Галка, укуси меня на прощанье».
Зилов. Ну и что? *(Наливает.)* Укусила ты его?
Галина. Да. За палец.
Зилов. Забавно. *(Выпивает.)*
Галина. Пишет, что у него не удалась семейная жизнь. Намерен век прожить холостяком.
Зилов. Что ж. Неплохая мысль.

Галина. Кто-то приехал. По-моему, к нам. По-моему, они. Ну, конечно, Саяпин, его Лерочка преподобная, а третий?

Зилов *(подходит к окну)*. Шеф. Его машина.

Галина. А Кузаков?

Зилов. Придет, куда он денется?

Галина. А милая женщина?

Зилов. Все в порядке. Она будет позже. *(Выходит в прихожую.)*

Галина надела хорошие туфли вместо домашних, сняла фартук, но подумала и надела его снова.

Зилов *(в прихожей)*. Прошу.

Входят Кушак, Саяпин и Валерия. Валерии около двадцати пяти. В глаза бросается ее энергичность. Ее внешней привлекательности несколько противоречит резкая, почти мужская инициатива. Волосы у нее крашеные, коротко подстриженные. Одевается модно.

Кушак *(преподносит Галине цветы)*. С новосельем. Сердечно поздравляю.

Валерия *(идет по комнате)*. Ну-ну, дайте взглянуть.

Саяпин. Годится, годится. Подходящая изба.

Кушак. Славная квартирка, славная. Желаю, желаю. От души...

Валерия проходит на кухню.

Голос Валерии. Холодная?.. Горячая?.. Красота!.. Газ? Красота!..

Валерия *(появляется)*. Так, та́к, так... А здесь? Восемнадцать квадратов?

Галина. Да... кажется.

Валерия. Красота!

Кушак. Квартирка чудная! *(Подошел к окну — взглянул на свою машину.)*

Валерия устремляется в другую комнату. Галина проходит за ней.

Саяпин *(с тоской)*. Нет, что и говорить, изба в порядке. *(Проходит в комнату.)*

Валерия *(из комнаты)*. Балкон?.. Юг?.. Север?..

Кушак. Ну что ж, квартира — дело большое. Еще раз поздравляю.

Зилов. Еще раз благодарю.

Голос Валерии *(из комнаты)*. Красота!

Кушак. Чудесно, чудесно... И что, все уже в сборе? *(Заглядывает в комнату.)*

Зилов *(закрыв дверь в комнату)*. Ее нет, но скоро появится, будьте уверены. Вы ее заинтриговали.

Кушак. Ты думаешь?

Зилов. Не скромничайте. Она на вас упала.

Кушак. Виктор! *(Озирается.)* Как ты выражаешься... И ты хочешь сказать...

Зилов. Хочу сказать: не зевайте.

Кушак. Но послушай, удобно ли мне... Посуди сам, здесь Саяпины, твоя жена. Этично ли это?

Зилов. Ерунда. Действуйте смело, не церемоньтесь. Это все делается с ходу. Хватайте быка за рога.

Кушак. Ай-ай-ай, не знал, не думал, что ты такой легкомысленный. Смотри, Виктор, ты меня... м-м... развращаешь.

Зилов. Давно хотелось сделать вам что-нибудь приятное.

Появляются Валерия, Саяпин и Галина.

Валерия. Мебель! Немедленно — мебель! *(Проходит в прихожую.)*

Кушак. Да, мебель необходимо... Но ничего, не все сразу, потихонечку, помаленечку. *(Подошел к окну — взглянул на свою машину.)*

Галина. А пока сидеть придется на кровати.

Из туалета слышится звук спускаемой воды, голос Валерии: «Красота», вслед за тем Валерия появляется.

Валерия. Ну, поздравляю. Теперь у вас будет нормальная жизнь. *(Саяпину.)* Толечка, если через полгода мы не въедем в такую квартиру, я от тебя сбегу, я тебе клянусь!

Кушак. М-м... Через полгода этот вопрос... м-м... утрясется. Будем надеяться.

Валерия *(театрально)*. О, Вадим Андреич! Я готова.

Зилов. На что?

Валерия. Я готова на вас молиться. Честное слово!

Зилов. Молись, дочь моя...

Саяпин *(поспешно)*. Так. Здесь будет телевизор, здесь диван, рядом холодильник. В холодильнике пиво и прочее. Все для друзей.

Звонок. Зилов выходит в прихожую. Маленькая пауза.

Зилов *(на пороге)*. Вадим Андреич! Встречайте.

Кушак направляется в прихожую.

Валерия *(Зилову).* А кто там?
Зилов. Знакомая Вадима Андреича. Одна милая женщина.
Валерия *(удивилась).* Какая знакомая?
Зилов. Молодая, интересная. *(Выходит в прихожую.)*
Валерия. Скажите, какой молодец.
Галина. Кто молодец?
Валерия. Вадим Андреич, конечно. Ему ведь сорок, наверно.
Саяпин. Сорок шесть.

Появляются Зилов, Вера и Кушак. В руках у Веры большой пакет.

Зилов. Прошу.
Кушак *(Вере).* Прошу вас.
Зилов *(всем).* Знакомьтесь...
Вера. Меня зовут Вера.
Валерия. Валерия.
Вера. Очень приятно.
Зилов. Моя жена.
Кушак. Хозяйка дома.
Галина. Галина.
Вера. Очень приятно. Поздравляю вас с новосельем. Вот... *(Протягивает Зилову большой пакет.)*
Валерия *(Зилову).* Что там? Что?
Зилов. Бомба, я думаю.
Валерия. Покажи, я умираю от любопытства.

Зилов вынимает из пакета большого плюшевого кота. Саяпин вдруг мяукнул довольно искусно.

Валерия *(испуганно).* Ой!

Все рассмеялись.

Напугали, честное слово. *(Берет кота в руки, разглядывает его.)* Ну и кот!
Кушак. Усы! Какие усы! А глаза! Как живые. *(Вере.)* Прелестный подарок.
Валерия *(передает кота Галине).* Очень симпатичный.
Галина *(Вере).* Большое спасибо.
Вера. Представьте, я дала ему имя.
Галина. Интересно, какое?
Вера. Я назвала его Аликом.
Зилов. О, боже мой...
Кушак *(укоризненно).* Верочка...

Валерия. Алик. Чудное имя. *(Галине и Зилову.)* Он принесет вам счастье.
Зилов. Уже чувствуется.
Кушак. А теперь наша очередь, не так ли?
Валерия. Толечка, волоки.

Саяпин выходит в прихожую, возвращается со свертками, начал было их разворачивать.

Валерия. Нет, пусть он сначала угадает.

Звонок.

Галина. Кузаков. *(Выходит в прихожую.)*
Зилов *(Валерии).* Что я должен угадать?
Валерия. Угадай, что мы тебе подарим?

Входят Кузаков и Галина. Кузакову около тридцати. Яркой внешностью он не выделяется. Большей частью задумчив, самоуглублен. Говорит мало, умеет слушать других, одет весьма неряшливо. По этим причинам в обществе он обычно в тени, на втором плане. Переносит это обстоятельство с достоинством, но и не без некоторой досады, которую хорошо скрывает.

Кузаков. Приветствую всех в новом помещении. *(Проходит, осматривает стол.)* Кажется, не опоздал.
Валерия. Нисколько. Дарим подарки.
Кузаков. Подарки?.. *(Валерии.)* А что ты на меня так смотришь? Думаешь, пришел с пустыми руками? *(Зилову.)* Витя! Пойдем, ты мне поможешь.
Зилов. Даже так?
Кузаков. Только так.
Валерия. Интересно.

Кузаков и Зилов выходят.

Один он не донесет, подумайте-ка.
Кушак. Верочка, садитесь, прошу вас.
Вера. Спасибо, алик.
Саяпин *(Валерии о свертках).* Ну что? Развернуть?

Кушак бросается к окну — взглянул на свою машину.

Валерия. Нет, нет. Посмотрим сначала, что он там выдумал.
Галина. Да будет вам. Давайте лучше к столу.

Стук дверей. Кузаков и Зилов вносят садовую скамейку. Все смеются.

Кузаков. Ну вот, пожалуйста. Из собственного гарнитура.

Валерия. Босяк.

Галина. Спасибо, Кузя. Лучше нельзя было придумать.

Зилов *(усаживается на скамейку)*. Модерн. *(Кузакову.)* Садись, бродяга.

Галина. Поставьте ее к столу. На нее сядут дамы.

Валерия. А вот теперь мы. Минутку внимания! *(Зилову.)* Догадайся, что мы тебе подарим.

Зилов. Не знаю. Подарите мне остров. Если вам не жалко.

Валерия. Нет, серьезно.

Зилов. Ну, не знаю.

Валерия. Вот что ты больше всего любишь?.. Ну что?

Зилов. Что я люблю?.. Дай подумать.

Валерия. Ну, жену, это само собой...

Галина. Да нет, давно не любит...

Вера *(усмехнулась)*. Может, любовницу.

Саяпин хохотнул.

Кушак *(удивленно)*. Верочка...

Валерия *(Зилову)*. Ну? Сообразил?

Зилов. Соображаю, не могу сообразить.

Валерия. Вот тупица. Ну что же ты любишь — в самом деле!

Галина. Он любит друзей больше всего.

Вера. Женщин. Подарите ему женщину.

Кузаков. Все чепуха. Больше всего на свете Витя любит работу.

Дружный смех.

Кушак *(первые слова — сквозь общий смех)*. Ну зачем же так?.. Деловой жилки ему не хватает, это верно, но ведь он способный парень, зачем же так шутить?

Валерия. Нет, от него ничего не добьешься. Ладно. Ты не знаешь, а мы знаем. Знаем, что ты любишь. *(Саяпину.)* Толечка, разверни.

Саяпин развернул сверток. В нем оказались предметы охотничьего снаряжения: нож, патронташ и несколько деревянных птиц, какие на утиной охоте используют для подсадки. Все это Саяпин показал присутствующим.

Зилов. Ба!..

Все смеются.

Саяпин *(Зилову)*. Держи.

З и л о в *(принимая подарки)*. Это — да, это — уважили. Как же я, дурак, не догадался?

Г а л и н а. Да, тут уж вы ему угодили.

З и л о в. Да-а. Вы правы. Утиная охота — это вещь. *(Надевает патронташ, увешивает себя деревянными утками. В этом наряде он остается до конца картины.)*

В а л е р и я. В сентябре придем на дичь, учтите.

Г а л и н а *(оживленно)*. Приходите. Но предупреждаю, дичь будет из магазина.

К у ш а к. Ну как же так?

Г а л и н а. А у него так. Главное — сборы да разговоры.

З и л о в. Э, не слушайте ее.

Г а л и н а. Что, неправда? Ну скажи, убил ты что-нибудь хоть раз? Признайся! Ну хотя бы маленькую, ну хоть вот такую *(показывает на пальце)* птичку?

К у з а к о в. Ну что ты ему показываешь? Он в такую *(показывает обеими руками)* не попадет, а ты что хочешь?

Все смеются.

З и л о в *(он доволен подарками и не обращает внимания на насмешки)*. Ладно, ладно. Поживем — увидим.

С а я п и н. Витя! Чтоб наверняка — стреляй по этим *(провел пальцем по деревянным уткам.)* Они не улетят.

З и л о в. Ладно. Что вы в этом смыслите?

Г а л и н а *(хлопнула в ладоши)*. Внимание. Гостей прошу к столу. Прошу!

Все усаживаются. Кушак подошел к окну — взглянул на свою машину.

В е р а *(Кушаку)*. Алик, что ты там все высматриваешь, а? Что ты там оставил?

К у з а к о в. Автомобиль. Всего-навсего.

К у ш а к *(смутился)*. Нет... то есть да. Именно — автомобиль.

В а л е р и я. Вадим Андреич, вы не беспокойтесь. Мы тут у окна, нам удобнее. *(Саяпину.)* Посматривай.

Все уселись, кроме Кузакова.

В е р а *(Кузакову)*. А вы? *(Подвинулась на скамейке.)* Садитесь, алик, не стесняйтесь.

Кузаков. Спасибо. *(Садится.)* Но вы ошиблись. Мое имя Николай, а вы назвали меня Аликом.

Вера. Ну, какая разница.

Кушак *(удивился).* Верочка?

Валерия. Совершенно верно. Он похож на кота. *(Кузакову.)* Не спорь, ты на него похож. Покажите-ка.

Галина показывает Кузакову плюшевого кота. Все смеются.

Копия.

Кузаков. Никакого сходства. Это провокация.

Зилов *(Кузакову).* Не спорь, старик; смирись. *(Взял в руки бутылку, наливает всем вина.)*

Кузаков. Хорошо. *(Вере.)* Но позже я потребую у вас объяснения.

Вера. Ладно, объяснимся.

Зилов. Итак, друзья... *(Взял в руки рюмку.)* Поехали?

Саяпин. Понеслись.

Валерия. Стойте! «Понеслись», «поехали»! Что вы, в пивной, что ли? Здесь новоселье, по-моему.

Зилов. Так, и что ты предлагаешь?

Валерия. Ну, есть же какие-то традиции, обычаи... Кто-нибудь знает, наверное...

Молчание. Зилов наливает всем вина.

Вера. Я могу сплясать на столе. Если хотите.

Кушак. Верочка! *(Зилову.)* Как она шутит... м-м... *(Вере.)* Неподражаемо.

Кузаков. Смутно вспоминаю. За четыре угла пьют четыре раза. По традиции.

Валерия *(передразнивает Кузакова).* «Смутно вспоминаю». Эх вы, обормоты. *(Кушаку.)* Вадим Андреич, вся надежда на вас.

Кушак *(поднимается).* Друзья! Не будем ломать голову. Вы люди молодые...

Валерия *(удивленно).* А вы? Вадим Андреич!

Вера. Да, алик, не прибедняйся, ты еще не так плох.

Кушак *(Вере и Валерии).* Благодарю вас, благодарю. Так вот, мы люди молодые, зачем нам дедовские премудрости? Просто. Поздравим наших хозяев с новосельем. Выпьем за новую квартиру.

Возгласы одновременно: «С новосельем!», «Салют!», «Спасибо!», «Ну-ну».

Зилов. Поехали.

Саяпин. Понеслись.

Громко звучит та же бодрая музыка. Свет гаснет и через несколько секунд зажигается снова, музыка звучит негромко. Окончание первого воспоминания сопровождается музыкой. Та же комната. Обстановка того же вечера. Гости прощаются. Зилов и Вера. Вера в плаще.

Вера. Твоя жена мне понравилась. Удивляюсь даже, как тебе удалось на такой жениться.

Зилов. Не знаю, Верочка, не знаю. Это было давно, шесть лет назад...

Вера. Представляю, сколько она натерпелась от тебя. Ты алик из аликов.

Зилов. Ладно. Позвони мне на работу. Завтра.

Вера. Позвоню... если будет время.

Зилов. Ну, как хочешь.

Вера. Этот бодрячок, он, кажется, на что-то надеется?

Зилов. Пусть надеется. Жалко, что ли?

Вера. Может, мне с ним пойти? Как? Ты не против?

Зилов. Ладно, не болтай. Он свое дело сделал, пусть теперь гуляет.

Вера. А то, может, пойти? Начальство все-таки.

Зилов. Послушай. Делай что хочешь. Ты сама все это затеяла.

Подвыпивший Кушак появляется в прихожей.

Кушак. Какой вечер! Волшебный, если так можно выразиться... Я благодарю судьбу...

Вера. А вы не судьбу, вы *(о Зилове)* его поблагодарите.

Кушак. Разумеется! Спасибо, Виктор, за гостеприимство и... за все...

Галина выходит из кухни.

И вам, Галина Николаевна, большое спасибо. Этот вечер я запомню на всю жизнь.

Вера. Я тоже.

Галина. Очень рада. Надеюсь, вы будете у нас бывать. Я буду рада.

Вера *(Галине)*. Счастливо вам. *(Зилову и Кузакову.)* До свиданья, алики.

Кузаков. До свиданья.

Кушак и Вера выходят.

Галина. Я вас провожу. *(Выходит.)*

Зилов *(Кузакову)*. Вот и прекрасно. Всем хорошо, все довольны. Приятный вечер.

Кузаков. Слушай, Вера — кто она такая и откуда?
Зилов. Что, понравилась?
Кузаков. Откровенно говоря, да.
Зилов. Ну так займись, в чем же дело.
Кузаков. Но я не пойму, при чем здесь Кушак? Что между ними?
Зилов. Между ними? Почти ничего. Одна только его пьяная фантазия.
Кузаков. И я так думаю.
Зилов. Говорю тебе, бедняга зря старается.
Кузаков. Так, так, значит, все это ее легкомыслие — показное.
Зилов. Ты думаешь?
Кузаков. А ты не видишь? Разве ты таких не встречал?
Зилов. Каких?
Кузаков. Да вот таких, как она. Они напускают на себя черт знает что, а на самом деле...
Зилов. Что на самом деле?
Кузаков. Да, Витя, мне кажется, она совсем не та, за кого себя выдает.
Зилов *(похлопал Кузакова по плечу)*. Старик, ты ошибаешься, как всегда.

Кушак появляется в прихожей.

Кушак. Виктор!.. М-м... Могу я с тобой поговорить?
Кузаков. Можете, можете. Я с ним уже наговорился. *(Зилову.)* До свиданья, Витя.
Зилов. Привет, Коля.

Кузаков уходит.

Так?
Кушак. Она... м-м... я от нее в восторге! Но... каким образом?
Зилов *(бесцеремонно)*. Вы что, не знаете?.. Обещайте, клянитесь, угрожайте. Как обычно...
Кушак. Но... м-м... в какой форме?
Зилов. Боже мой! Озолочу, женюсь, убью — что вы еще можете ей сказать? Действуйте.
Кушак *(бежит, но возвращается)*. А ты уверен, что.. м-м... Не выйдет тут что-нибудь скандальное?
Зилов. Вы как маленький, ей-богу.
Кушак. Нет, пойми меня правильно, я далеко не ханжа, но... Все-таки...

Зилов. Будьте мужчиной, и все будет в порядке.

Кушак уходит, Зилов один. Разглядывает подарки. Появляется Галина.

Галина. По-моему, я напилась.

Зилов. Конечно. Пьяная в лоскуты.

Галина. Серьезно? Что же гости подумали?

Зилов. А! Они мне надоели.

Маленькая пауза.

Галина. Слушай, слушай, что я тебе скажу.

Зилов. Ну.

Галина. Я хочу ребенка.

Зилов. Опять?

Галина. Пора нам с тобой, слышишь?

Зилов. Ты думаешь?

Галина. Никогда я его так не хотела... А ты? Что ты на это скажешь?

Зилов. Я? Ну если пора, в самом деле, то почему бы...

Галина. Нет, ты его не хочешь, я знаю.

Зилов. Да нет, с чего ты это взяла? Я не против... Ну чего ты расстроилась? Это же не проблема. Сказано — сделано.

Галина. Тебе он не нужен.

Появляется Кушак. Галина уходит в другую комнату.

Кушак *(он сильно раздосадован)*. Виктор! Виктор...

Зилов. Что такое!

Кушак. Но она... она исчезла!

Зилов. Да?.. Кто исчез? Женщина или машина?

Кушак бросается к окну — взглянул на свою машину.

Кушак. Женщина. Она сбежала... Что это значит?.. Как это называется?

Зилов. Динамо.

Кушак. Что?

Зилов *(с раздражением)*. Динамо. Это называется прокрутить динамо... Она вам провернула динамо. Не понимаете?

Кушак *(неожиданно трезво)*. Виктор... Ты меня разочаровываешь.

Веселая музыка превращается в траурную. Затемнение, во время которого возобновляется декорация начала пьесы. Зилов пьет пиво, сидя на подоконнике. Вдруг поднимается и швыряет плюшевого кота в угол комнаты.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Комната Зилова.
За окном по-прежнему дождь.
Зилов набирает номер по телефону.

Зилов. Скажите, там Кузаков у вас далеко?.. Его нет?.. Ладно. *(Нажимает на рычаг, набирает номер.)* Бюро информации? Дайте трубочку Саяпину... Нет? Не приходил? Ясно. *(Бросает трубку.)* Работнички... *(В задумчивости сидит у телефона.)*

Затемнение, во время которого круг снова поворачивается. Сцена освещается. Новая декорация. Воспоминание второе. Комната в учреждении. Одно окно. Два грубых шкафа, четыре стола. За одним из них сидит Саяпин. Появляется Зилов.

Зилов. Шеф озверел. *(Проходит, усаживается.)* Знаешь, что он придумал? Требует модернизацию, поточный метод, молодое растущее производство. Срочно.

Саяпин. Это он придумал еще на прошлой неделе... Ты что, не помнишь?

Зилов. А есть что-нибудь похожее?

Саяпин. Похожее?.. Есть фарфоровый завод. *(Достает из стола.)* Но он лежит у нас целый год.

Зилов. Дай взглянуть. Так... *(Листает.)* План реконструкции, поточный метод... То, что надо!

Саяпин. Но это проекты!

Зилов. А чья работа? *(Смотрит.)* Смирнов. Главный инженер. Знаю такого. Серьезный товарищ.

Саяпин. Но проекты нам не нужны. Нам нужны факты.

Зилов. Факты? А где мы их сегодня возьмем? А завтра? Стоп! Стоп!.. Стоп!.. Инженер излагает все в настоящем времени.

Саяпин. Ну и что?

Зилов. Как — что? Он излагает так, как будто все уже готово. Понятно?.. А сколько сей труд лежит у нас?

Саяпин. Примерно год.

Зилов. Прекрасно. Будем считать, что за год эти чудесные проекты осуществились. Мечта стала явью. Я подписываю. *(Расписывается.)*

Саяпин. Гениально, но... рискованно.

Зилов. Ерунда. Проскочит. Никто внимания не обратит. Кому это надо?.. Подписывай.

Саяпин. Я бы с удовольствием, но...

Зилов. Давай, давай. У нас замечательная работа, но, согласись, она несколько суховата. Немного смелости, творческой фантазии — это нам не повредит.

Саяпин. И все же придется проверить. Придется позвонить на завод, инженеру...

Зилов. Боюсь, что инженер нас разочарует. Старик, будем оптимистами.

Саяпин. Поговорим.

Стук в дверь. Зилов открывает.

Голос. Почта.

Зилов. Давайте.

Голос. Распишитесь.

Зилов бросает на стол пачку пакетов.

Саяпин *(разбирает почту)*. Тебе письмо.

Зилов. От женщины?

Саяпин. От Зилова А. Н. *(Бросает письмо через стол.)* Письмецо от внука получил Федот...

Зилов. От папаши. Посмотрим, что старый дурак пишет. *(Читает.)* Ну-ну... О, боже мой. Опять он умирает. *(Отвлекаясь от письма.)* Обрати внимание, раз или два в году, как правило, старик ложится помирать. Вот послушай. *(Читает из письма.)* «...на сей раз конец — чует мое сердце. Приезжай, сынок, повидаться, и мать надо утешить, тем паче, что не видела она тебя четыре года». Понимаешь, что делает? Разошлет такие письма во все концы и лежит, собака, ждет. Родня, дура, наезжает, ох, ах, а он и доволен. Полежит, полежит, потом, глядишь — жив, здоров и водочку принимает. Что ты скажешь?

Саяпин. Пенсионер?

Зилов. Персональный.

Саяпин. А сколько ему лет?

Зилов. Да за семьдесят. То ли семьдесят два, то ли семьдесят пять. Так что-то.

Саяпин. Старый. И в самом деле может помереть.

Зилов. Он? Да нет, папаша у меня еще молодец.

Саяпин. Все-таки ты взял бы да съездил.

Зилов. Когда?

Саяпин. Ну в отпуск, в сентябре.

Зилов. Не могу. Сентябрь — время неприкосновенное: охота.

Маленькая пауза.

Саяпин. Ну так как же со статьей? Что будем делать?

Зилов. По-моему, мы договорились: сдаем. Я подписал.

Саяпин. Тебе легко, а вот мне... Сейчас, когда стоит вопрос о квартире, сам понимаешь.

Зилов. Слушай, бросим жребий, и делу конец. Орел — сдаем, решка — признаемся, что никакой статьи у нас нет.

Саяпин *(вздохнул)*. Давай...

Стук в дверь.

Зилов. Прошу. *(Бросает монету.)*

Входит Ирина. Монета остается без внимания. Ирине восемнадцать лет. В ее облике ни в коем случае нельзя путать непосредственность с наивностью, душу с простодушием, так же, как ее доверчивость нельзя объяснить неосведомленностью и легкомыслием, потому главное в ней — это искренность. Но нельзя забывать и о том, что на наших глазах она делает в жизни свои первые самостоятельные шаги.

Ирина. Здравствуйте.

Зилов. Добрый день.

Ирина. Извините, это редакция?

Небольшая пауза.

Зилов. А в чем дело, девушка?

Ирина. Я хотела напечатать одно объявление...

Зилов. Объявление?.. Какое объявление?

Ирина. Понимаете, я потеряла одного человека, мы должны были встретиться...

Зилов. Садитесь, расскажите, не торопясь. *(Усаживает ее, подмигивает Саяпину.)* Думаю, что мы вам поможем.

Ирина. Правда?

Зилов. Постараемся.

Саяпин. Он сделает все возможное.

Ирина. Правда? Спасибо вам, большое спасибо...

Зилов. Пожалуйста. Но в чем дело?

Ирина. Понимаете, очень надо найти одного человека. Мы с ним сюда вместе ехали, в одном вагоне. Его Костя зовут, а вот фамилии не знаю...

Зилов. Дальше.

Ирина. Я его обманула. Но я не виновата, честное слово.

Зилов. Что же случилось?

Ирина. Понимаете, мы договорились с ним встретиться сегодня в двенадцать часов у почтамта. И надо же: как раз сегодня у нас сочинение.

Саяпин. Что, вступительное?

Ирина. Да, я поступаю в иняз. Если бы я знала, где здесь у вас главпочтамт, я бы сочинение раньше сдала. В общем, прибежала, а его уже нет...

Саяпин. И все?

Ирина. Так нехорошо получилось.

Зилов. Да, неслыханный обман. В нашем городе так не делают. Вы откуда приехали?

Ирина. Из Михалевки.

Зилов. Это где же такая?

Ирина. А это далеко. На севере.

Зилов. А зовут вас как?

Ирина. Ирина.

Саяпин. Хорошее имя.

Зилов. Ну и что, Ирина? Как же вы дальше будете жить?

Ирина. Если вы напечатаете объявление...

Зилов. Ну какое объявление?

Ирина (*живо*). Я уже обдумала! Можно так... «Костя! Я опоздала. Жди меня у главпочтамта в двенадцать часов пятого августа. Я все объясню. Ирина...» Можно так?

Саяпин. «Жди меня, и я вернусь, только очень жди».

Ирина. Неужели нельзя?.. Он прочтет. Он все газеты читает. На каждой станции газеты покупал. Он и сам стихи пишет.

Зилов. Э, так он поэт. Может быть, Константин Симонов?

Ирина. Шутите. Симонов старый и живет в Москве.

Зилов. Ничего подобного. Раньше жил в Москве, а теперь здесь.

Ирина (*удивилась*). Правда?

Зилов. Ну конечно. Ну ее, говорит, Москву, надоела. Шум, гам, суета, сколько, говорит, можно. Поживу, говорит, я где-нибудь в тишине. Да, да.

Ирина. Нет, он не Симонов. Он всего два стихотворения написал, а третье — прямо в вагоне.

Зилов. И посвятил его вам, не правда ли?

Ирина. Откуда вы знаете?

Зилов. Он посвятил вам стихотворение, и вы его за это полюбили. Разве не так?

Ирина. Полюбила?.. Нет, что вы...

Зилов. А разве вы его не любите?

Ирина. Ну, конечно, нет.

Зилов. Тогда зачем вам его искать?

Ирина. Чтобы объяснить. А то получится, что я его обманула.

Зилов *(Саяпину)*. Что ты на это скажешь?

Саяпин. Люби меня, детка, пока я на воле, люби меня, детка, пока твой...

Входит Кушак.

Кушак. Где статья? Чем вы занимаетесь? Вы по какому вопросу, девушка?

Зилов. Ее зовут Ирина. Она по личному вопросу.

Кушак. Только не говорите мне, что она ваша одноклассница.

Зилов *(разглядывает Ирину)*. Молчу. Если бы даже и сказал — никто бы мне не поверил.

Саяпин. Она ищет друга.

Кушак. Здесь? Среди вас?

Ирина. Нет, я хочу напечатать объявление.

Кушак. Объявление?.. У нас? С какой стати?

Саяпин беззвучно смеется.

Ирина. Но ведь это редакция.

Кушак. Редакция?.. *(Грозит Зилову и Саяпину кулаком.)* Вы ошибаетесь, девушка. Здесь не редакция.

Ирина. Как?

Зилов. Все в порядке, редакция рядом.

Ирина *(Зилову)*. Тогда зачем же вы так?.. Я не понимаю...

Кушак *(раздраженно)*. Что тут непонятного? Вам нужна редакция, а наше учреждение называется ЦБТИ. Центральное бюро технической информации, если угодно...

Ирина *(поднялась)*. Извините. *(Идет к двери.)*

Кушак *(провожая ее взглядом, смягчился)*. Ничего..

Очевидно, вас ввело в заблуждение слово информация. Желаю вам всего хорошего.

Ирина *(Зилову в дверях)*. Зачем же вы так?..

Зилов *(идет вслед за ней)*. Не волнуйтесь, Ирина, все будет хорошо. *(В дверях Кушаку и Саяпину.)* Минутку. *(Уходит.)*

Кушак. Вы думаете сдавать статью?

Саяпин. Думаем.

Кушак. Вижу я, о чем вы думаете. Здесь дом свиданий или учреждение? Сколько вас предупреждать?

Саяпин. При чем здесь я? Вы же знаете, я к женщинам почти равнодушен.

Кушак. Безобразие. В конце концов, всему бывает время и место. Предупреждаю в последний раз. И поторопитесь с работой. После обеда я отправлю ее в типографию. *(Уходит.)*

Саяпин. Ему — девочки, а мне — выговоры. *(Звонит по телефону.)* Редакция?.. Кузаков?.. Привет. Да нет, какие к черту шахматы, Зилов у тебя?.. Нет? Скотина!.. Да нет, не ты... Ну, если хочешь, ты тоже.

Входит Зилов.

Зилов. Ну, что ты про нее скажешь?

Саяпин. Слушай, иди-ка ты с ней вместе знаешь куда?

Зилов. Ну-ну? Куда — посоветуй. Я думаю, в кино. Для начала.

Саяпин. К черту! Он *(показывает на дверь кабинета)* требует статью. Что будем делать? Так он этого не оставит... Ты имей в виду, он имеет на тебя зуб — за новоселье. Ты что, забыл?

Зилов. Плевать. *(Надевает плащ.)* Такие девочки попадаются нечасто. Ты что, ничего не понял? Она же святая... Может, я ее всю жизнь любить буду — кто знает? *(Идет к двери.)*

Саяпин. Стой! Постой же, черт возьми!

Зилов. Ну? Короче. Меня ждет девушка.

Саяпин. Они требуют статью. Что будем делать?

Зилов. Опять статью! Будь она проклята! Спихнуть — и делу конец. Подписывай.

Саяпин. Я крупно рискую, сам понимаешь.

Зилов. Черт побери! В первый раз, что ли? *(Вспомнил.)* Постой! А жребий? Монета! Где она!

Оба ищут брошенную двадцать минут назад монету.

Как у нас было?

Саяпин. Орел — сдаем, решка — нет... Вот она... Решка. Смотри.

Зилов. Не повезло... Подожди, по-моему, ты перепутал. Решка — сдаем, орел — нет... Слушай. Давай-ка снова! Решка — сдаем, орел — нет. *(Бросает монету.)*

Саяпин. Орел.

Зилов *(с досадой)*. Черт возьми!.. Ну, ничего не поделаешь — судьба. Займемся этой дурацкой статьей завтра. *(Идет к двери.)*

Саяпин *(останавливает его)*. Тогда идем к нему вдвоем. Один я отдуваться не намерен.

Зилов. Вот еще кошмар... Слушай. Бог любит троицу. Бросим третий раз... Решка — признаемся, орел — нет. *(Бросает монету.)*

Саяпин. Орел.

Зилов *(с облегчением)*. Слава богу, хоть одно дело сделали. *(Идет к двери.)*

Телефонный звонок.

Саяпин *(в телефон)*. Да... Сейчас... *(Зилову.)* Стой. Тебя.

Зилов. Кто?

Саяпин. По-моему, жена.

Зилов. Идиот! *(Берет трубку.)* Что такое?.. В чем дело?... *(Закрыл трубку рукой.)* Будь другом, займи ее на минутку. Она ждет у входа. Да смотри, не хами. Ее спугнуть дважды два. Давай...

Саяпин выходит.

Ну что случилось? Увидеться?.. Сейчас?.. Это невозможно... Срочная работа. Отчет... Все в отпуске... Вдвоем тут пластаемся... Нет. Нет... Ну, что за спешка? Что с тобой?.. Да нет, что с тобой?.. Да нет, что случилось?.. Что?.. Ребенок?.. Ты уверена?.. Ну и прекрасно. Поздравляю... Сын, я уверен... А как же?.. Ну рад... Да рад я, рад... Ну что тебе — спеть, сплясать? Увидеться?.. Сегодня увидимся... Ведь не сию же минуту он у тебя будет... Что?.. Подожди! *(Видно, что на том конце броше-*

на трубка. Этим он несколько раздосадован.) Ну вот, уже разобиделась... *(Выходит.)*

Затемнение. Круг передвигается, сцена освещается. Зилов сидит в своей комнате у телефона. Зилов поднимается, ходит по комнате. У венка останавливается. Некоторое мгновение стоит перед венком.

Зилов. Пошутили, мерзавцы...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Комната Зилова. За окном идет дождь. Зилов разговаривает по телефону.

Зилов *(нетерпеливо)*. А я вам говорю, по этому телефону звонить бесполезно... Да, бесполезно. У вас там всегда одно и то же: переменная облачность, ветер слабый до умеренного. Что?.. Вы взгляните в окно... По-вашему, переменная облачность, а по-моему, ливень... Я хочу знать, когда он закончится... *(Примирительно.)* Кому же это известно? Господу богу?.. Тоже мне — покорители природы, не знаете, когда дождь закончится... Интересно, чем вы там занимаетесь?.. Что? *(Торопливо. Можно понять, что ему хочется поговорить.)* Минутку! Давайте с вами побалакаем, все равно от вашей работы никакого толку... Да вы, девушка, не сердитесь... Сорок лет? Ну что ж. Почему бы вам не вспомнить молодость? Мне?.. Да как вам сказать. «Я девчонка совсем молодая, а душе моей тысяча лет...» Слышали такую песенку?.. Что?.. Ах, вас вызывают... Жаль. Очень жаль. *(Положил трубку. Улегся на тахту. Лежит на спине, руки закинув за голову.)*

Затемнение. Свет на сцене зажигается. Начинается воспоминание третье.

Квартира Зиловых. Тахта, несколько стульев, на подоконнике подаренный Верой кот. Галина спит, сидя за столом, на котором горит лампа и лежит большая стопа тетрадей. Щелкнул дверной замок, Галина проснулась и подняла голову. Она в очках, которые сейчас сняла и положила на стол. Отвернулась к окну. Появляется Зилов.

Зилов. Привет.

Галина. Доброе утро. *(Погасила лампу на столе.)*
Зилов. А почему ты не спишь?

Пауза.

Что, много работы?.. *(Снимает пиджак, бросает его на тахту.)* Ты что, совсем не ложилась?.. *(Маленькая пауза.)* Нет, нет. Нельзя так много работать. Мы не лошади. *(Садится на тахту.)* Я падаю с ног. *(Зевает.)* Нет, из этой конторы надо бежать, бежать... Ну сама посуди, разве это работа?.. Знаешь, где я был?

Маленькая пауза.

Представь себе, в Свирске. Вчера после обеда — бах! Садись — поезжай. Куда? На фарфоровый завод. Зачем? Грандиозное событие: реконструировали цех. Изучить, обобщить, информировать научный мир. О чем? Заводик-то — ха! Промартель. Гиблое дело... Тоска... Нет, мне это не подходит. Я все-таки инженер, как-никак...

Маленькая пауза.

Я звонил тебе в школу, ты была на уроке... Нет, дома нам нужен телефон. Он просто необходим, согласись... Галка!..

Молчание.

Ты что, не хочешь со мной разговаривать?.. Странно...

Пауза. Он прилег на тахту.

Что случилось? Чем ты недовольна?.. Может, я в чем виноват, так скажи, сделай милость... Или, может, давно не получала писем? От друга детства, а? Не пишет, что ли?.. Тогда при чем здесь я?.. Я устал и хочу спать. Дай мне постель... Слышишь? Я спал всего два часа. На вокзале...

Маленькая пауза.

Нет, в чем дело? Может, ты мне не веришь?
Галина. Вечером тебя видели в городе.
Зилов. Что?.. Интересно... Кто это меня мог видеть?.. Меня, в городе, вечером... Чудеса!

Маленькая пауза.

А что ты называешь вечером? Если семь часов, то пожалуйста — я объясню.

Галина. Ни одному твоему слову не верю.
Зилов *(подумал и оскорбился)*. Ты это серьезно?
Галина. Не верю ни одному твоему слову.
Зилов *(спокойно)*. Напрасно. Жена должна верить мужу. А как же? В семейной жизни главное — доверие. Иначе семейная жизнь просто немыслима. Так кто же это видел меня вчера в городе? Вернее, якобы в городе и якобы меня?..
Галина. Это не имеет значения.
Зилов. Нет, мы все должны выяснить, чтобы у тебя не было подозрений. Кто и где меня видел?
Галина. В десять часов тебя видели в гастрономе.
Зилов. Кто?
Галина. Не все ли равно! Соседка тебя видела.
Зилов. Марья Васильевна?.. Она?.. Тогда все ясно. Она же близорукая. Подумай сама, она меня видела, а я ее нет. Да этого просто не могло быть. Старуха обозналась. *(Подходит к ней.)* Галка, ты стала слишком подозрительной. Соседям ты веришь больше, чем мне. Как тебе не стыдно. *(Пытается ее обнять.)*
Галина *(высвобождается)*. Ты, кажется, устал...
Зилов. Ну и что?
Галина. Ну вот, можешь меня не обнимать. Отдохни, раз устал.
Зилов. Ну не так уж я устал... *(Снова пытается ее обнять.)*
Галина *(отходит от него)*. Нет. Мне это неприятно. *(Не сразу.)* И у нас с тобой больше этого не будет.

Маленькая пауза.

Зилов *(забеспокоился.)* Что значит «не будет»?.. Что с тобой? Как ты на меня смотришь?.. Что такое?.. Так ты можешь смотреть на кого-нибудь другого, на насильника какого-нибудь. Я тебе муж как-никак... Ты даже собираешься родить мне ребенка.
Галина. Можешь не беспокоиться. Ребенка у нас не будет.
Зилов. Что?.. Что ты хочешь сказать?.. Ты была в больнице?

Маленькая пауза.

(Грозно.) Говори! Ты была в больнице?
Галина. Можно подумать, что ты этого не хотел.

Зилов *(расходится.)* Что ты натворила?.. Как ты могла!.. Почему ты это скрыла?.. Говори!.. Ты не смела распоряжаться одна, слышишь?.. Ты понимаешь, что ты делаешь? Понимаешь? Нет, этого я тебе не прощу!

Галина. Перестань паясничать.

Пауза.

Зилов. Это ужасно... Ужасно, что ты со мной не посоветовалась. *(Маленькая пауза.)* А что теперь? Теперь уже не вернешь... *(Подходит к ней.)* Ты-то как? Нормально?.. *(Маленькая пауза.)* Ну не грусти. Это дело мы поправим... Все будет хорошо, ты слышишь... В следующий раз ты шагу не сделаешь без моего совета. Да, да. Будешь находиться под моим наблюдением, не веришь?

Галина. Ни одному слову твоему не верю.

Зилов. Но почему?.. Ведь я же тебе верю.

Галина. А я тебе нет.

Зилов. Странно. *(Помолчал.)* Когда-то мы обещали друг другу верить, вспомни-ка. Друг другу, а не соседям... Может, этого не было? Или ты этого не помнишь?

Галина. «Когда-то...» Вспомнил. Мало ли что было когда-то.

Зилов. А разве что-нибудь изменилось?

Галина. Изменилось? Ну что ты. Просто все прошло.

Зилов. Слушай. Давай без паники. *(Хотел к ней подойти, она отступила. Он уселся на стул посреди комнаты.)*

Ну кое-что изменилось — жизнь идет, но мы с тобой — у нас с тобой все на месте. Во всяком случае, у меня к тебе все в целости-сохранности. Как шесть лет назад. Как в тот вечер. Надеюсь, ты его не забыла?

Галина. Сейчас утро, а не вечер. Брось. Ничего у нас не осталось.

Зилов. Да нет, все в порядке. А если что не так, все можем вернуть в любую минуту. Хоть сейчас. Все в наших руках.

Галина. Ничего мы не вернем.

Зилов. Не веришь?.. А вот мы сейчас посмотрим. Закрой глаза. *(Маленькая пауза.)* Ну ладно, можешь

смотреть. *(Осматривает комнату.)* Та-ак... Да, та была поменьше... Стол был здесь. *(Передвигает стол.)* Кровать — здесь. *(Передвигает тахту.)* Это *(взял с подоконника кота и бросил его под тахту)* не годится. Что еще? Вино — было вино... У нас нет вина?.. А жаль. Да! Цветы! Были цветы... Ты не помнишь, какие?.. По-моему, подснежники. Ну да, ведь был апрель. Апрель?

Галина. Прекрати. И не трогай этого. Лучше не трогай.

Зилов *(обиделся)*. Не трогай? Что ты этим хочешь сказать? Для меня тот вечер — святая вещь. Праздник. И мы его вернем, ты увидишь... Цветы!.. *(Схватил со стола медную пепельницу, показал ее Галине.)* Подснежники. Я пришел к тебе с подснежниками.

Галина. Ты что, издеваешься?

Зилов. Да нет же! Как ты не можешь понять?.. Сядь сюда!.. Ну сядь, я тебя прошу... Когда я вошел, ты сидела у окна. Здесь. Садись... *(Усаживает ее силой.)*

Галина *(поднимается)*. Оставь, пожалуйста.

Зилов *(снова ее усаживает)*. Ты смотрела в окно... Смотри в окно... Оно было раскрыто. *(Раскрывает окно, отступил в глубь комнаты.)* Так. Что еще было?

Галина. Прекрати ради бога.

Зилов. Нет, бога не было, но напротив была церковь, помнишь?.. Ну да, планетарий. Внутри планетарий, а снаружи все-таки церковь. Помнишь, ты сказала: я хотела бы обвенчаться с тобой в церкви... А я что тебе ответил?..

Маленькая пауза.

По-моему, я тебя поцеловал?.. Так мы и сделаем: ты сейчас скажи это, про церковь, а я тебя поцелую.

Галина. Оставь меня, пожалуйста.

Зилов. Да, не будем забегать вперед. Ты смотрела в окно. Смотри в окно. Когда я вошел, ты оглянулась... Итак, я вхожу. *(Изображает.)* Ты оглядываешься. Оглянись... Нет, ты должна оглянуться. Когда ты оглянулась и мы посмотрели в глаза

друг другу, я понял, что все случится в этот вечер. А ты?.. Ты ведь тоже это почувствовала... Ладно. Все по порядку и не отвлекаемся. Я вхожу, ты оглядываешься. *(Кричит.)* Вхожу!

Галина невольно оглядывается.

Э, нет, не годится. Ты смотришь на меня, как на насильника. А взгляд был нежный, уверяю тебя... Попытайся... Я вхожу. *(Изображает.)* Вхожу... *(Громко.)* Галка!

Галина оглянулась.

Да... Ну ничего. Сойдет... *(Играет.)* Я не опоздал?

Галина. Опоздал. Ты должен был явиться вчера вечером, а не сегодня утром.

Зилов. Боже мой! Пойми, что сейчас ты не здесь, а там. Там. Понимаешь? В тот вечер. Давай... *(Изображает.)* Я не опоздал?

Галина молчит. Зилов подошел к ней и передал ей пепельницу-цветы.

Галина *(иронически)*. Спасибо.

Зилов. Кого ты здесь высматриваешь, признавайся...

Галина *(не сразу и насмешливо)*. Здравствуй, Витя, бывал ли ты когда-нибудь в церкви?

Зилов. Да. Раз мы ходили с ребятами. По пьянке. А ты?

Галина *(насмешливо)*. А я с бабушкой. За компанию.

Зилов. Ну и как?

Галина *(насмешливо)*. Да ничего. Я хотела бы обвенчаться с тобой в церкви.

Зилов пытается ее поцеловать.

Не лезь, пожалуйста.

Зилов. Нет, нет. «Не лезь» — это не оттуда. Вспомни-ка, что ты тогда сказала...

Маленькая пауза.

(С горьким упреком.) Вот видишь, ты ничего уже не помнишь.

Галина. Я-то помню, представь себе... *(Вспоминает с легкой насмешкой.)* Представь себе, мы поднимаемся по ступеням, входим, а там тишина, горят свечи и все так торжественно...

Зилов. Точно! А потом я сел здесь. *(Садится.)* И спросил тебя... *(Изображает.)* Хозяйка дома?

Галина. Это было совсем не так. Тогда ты волновался...

Зилов *(играет)*. Хозяйка дома? *(Ждет, потом подсказывает.)* Нет, она на дежурстве... Ну!.. *(Играет.)* Хозяйка дома?

Галина *(задумчиво)*. Да... в тот вечер она была на дежурстве...

Зилов *(играет)*. Значит, сегодня ее не будет?

Он ее обнимает. Она его отстраняет, но весьма мягко. Она-таки увлекается воспоминаниями.

Значит, ее не будет?

Галина. Ну, допустим, не так. Я сказала тебе... *(Негромко, глубоким голосом повторяет те далекие слова.)* Пойдем куда-нибудь.

Зилов *(подхватывает)*. Нет.

Галина. Пойдем в планетарий. Мы ведь ни разу там не были.

Зилов. Нет.

Галина. Ну хочешь, я провожу тебя до общежития?

Зилов. Ты хочешь, чтобы я ушел?

Галина. Нет... Идем погуляем, прошу тебя... *(Отвлекаясь от воспоминаний.)* Ну что же ты? *(Подсказывает ему.)* Никуда я не пойду.

Зилов. Никуда я не пойду.

Галина. Почему?

Зилов. Потому что... *(Затрудняется.)* Потому что...

Галина *(нетерпеливо)*. Почему?

Зилов *(вспомнил)*. Потому что я тебя люблю.

Галина. А если мы немного погуляем, разве ты перестанешь меня любить?

Зилов *(неуверенно)*. Нет, но я этого не переживу...

Галина *(свободно)*. Пойдем, прошу тебя. Докажи, что ты меня любишь... *(Ждет, потом.)* Ну что же ты? *(Взволнованно.)* Говори же, говори!

Зилов *(фальшиво)*. Я жить без тебя не могу.

Галина. Не так! Совсем не так! Неужели ты не чувствуешь?.. Ну?

Зилов *(неуверенно)*. Милая...

Галина. Не то!

Зилов *(вопросительно)*. Любимая?..

Галина. Нет!

Зилов *(роковым голосом)*. Дорогая!

Галина *(с болью)*. Нет! Нет! Нет!.. Неужели ты не можешь?

Зилов *(крутится)*. Не волнуйся... Минутку, минутку... Сейчас все будет на месте... *(Наконец его осенило.)* Вспомнил! *(Взял ее за руку.)* Иди ко мне!

Галина *(освободила руку)*. Нет! Ты не сказал мне самого главного.

Зилов. Неважно. *(Пытается ее обнять.)*

Галина. Нет! Ты должен это вспомнить... Вспомни, прошу тебя!

Маленькая пауза.

(С отчаянием.) Вспомнишь ты или нет?

Пауза. Она ждет.

Зилов. Черт возьми! Мало ли что мог мужчина сказать в такую минуту!

Галина *(почти с ненавистью)*. Ты все забыл. Все!

Зилов. Ну хватит. *(Грубо.)* Иди сюда. *(Силой привлекает ее к себе.)*

Галина вырывается и медленно от него отступает. Молчание. Галина вдруг опускается на стул и плачет.

Зилов *(не сразу, с некоторым огорчением)*. Ну вот.. Вспомнили молодость.

Затемнение. Свет зажигается. Зилов, закинув руки за спину, лежит на тахте.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Зилов ходит по комнате. Постоял у окна. Подходит к телефону, набирает номер.

Зилов. Дима?.. Это я, Зилов... Этот дождь, по-моему, никогда не кончится... Он будет лить сорок дней и сорок ночей. А что? Однажды, говорят, так уже было... Дима! Что, если поехать сейчас?.. А что?.. В Ключах заночуем, а?.. Ну что нам топь?.. А если без коляски?.. Без коляски мы его перетащим, я ручаюсь... Никак? Скверно... Откровенно говоря, отвратительное настроение., Да одно к одному. А тут еще друзья меня порадовали... Еще не слышал?.. Ты знаешь, что они мне прислали?.. Венок... Венок!.. Ну, натурально — для гроба, для могилы... Пошутили, мерзавцы... Тебе смешно?.. А мне,

знаешь, не очень... Я человек впечатлительный, мне этот юмор теперь по ночам сниться будет.. Друзья! Разве это друзья? Это сасовцы какие-то... Слушай, а ты не знал про эту шутку?.. Ну слава богу, хоть один есть приличный человек. *(С беспокойством.)* Дима! Я тебя вчера случайно не задирал? Ничего?.. Слава богу... *(С волнением.)* Старина, ты прости за глупый разговор, но, скажи, старина, как ты ко мне относишься?.. *(Слушает.)* А я... Я так тебе скажу. После вчерашнего я остался один... Нет, чувствую, что один. И получается так, что ты — самый близкий мне человек... *(Принужденно смеется.)* Да нет, не в этом дело... В общем, слава богу, что мы едем с тобой на охоту... *(Обычным тоном.)* Да, я жду твоего звонка... Никуда не выхожу — жду. *(Положил трубку, пошел по комнате, остановился. Стоит лицом к окну.)*

Затемнение. Круг поворачивается, зажигается свет. Воспоминание следующее.

Бюро технической информации. Зилов и Саяпин. Саяпин что-то пишет.

Зилов. Шестой час. Шабаш. *(Складывает бумаги в стол.)* Остановись. Последнее время ты работаешь, как машина.

Саяпин. А что делать? Хорошо тебе рассуждать, ты человек с квартирой... Что ни говори, отдельная квартира — дело великое. Ну возьми хоть эту сторону. В чужой квартире все на виду, все на людях. Жена скандалит, а ты, если человек деликатный, терпи. А может, мне ее стукнуть хочется? Нет, действительно... Вот дадут квартиру, тогда мы еще посмотрим кто кого.

Зилов *(смеется)*. На новоселье я подарю вам боксерские перчатки.

Саяпин. Да, с квартирой ты человек свободный. Не нравится тебе эта контора — взял махнул в другую.

Зилов. Куда, например?

Саяпин. Ну на завод куда-нибудь или в науку, например. А что такого?

Зилов. Брось, старик, ничего из нас уже не будет.

Саяпин. Почему же?

Зилов. А потому, что ты, как говорит мой папаша, ленив и развращен.

Саяпин. А ты?

Зилов. Я? *(Усмехнулся.)* Впрочем, я-то еще мог бы чем-нибудь заняться. Но я не хочу. Желания не имею.

Саяпин. Лично мне и здесь неплохо, но жена...

Зилов. Нет, старик, наша контора для нас с тобой самое подходящее место. Дом родной.

Саяпин. Посмотрим. *(Убирает со стола бумаги.)* У тебя какая программа? Мы идем на футбол.

Зилов *(разваливается на стуле)*. Идите.

Саяпин. А пока *(достает из стола шахматную доску)* — успеем еще сгонять партию.

Зилов. Валяйте.

Саяпин. А футбол будет веселый. Наши и Красногорск. Не хочешь посмеяться? *(Набирает номер по телефону.)*

Зилов. Не занимай телефон. Я жду звонка.

Саяпин *(по телефону)*. Кузаков?.. Как настроение?.. Хочешь получить мат? Тогда иди, пока у меня есть время...

Зилов. Я жду звонка, слышишь...

Саяпин. Ты не забыл, я играю белыми... Ну, живее. *(Положил трубку.)* Кто тебе будет звонить? *(Расставляет шахматные фигуры.)* Не та ли девочка?

Зилов. Ну и что?

Саяпин. Я вижу, ты взялся за нее капитально.

Зилов. Она мне нравится.

Телефонный звонок.

(Снимает трубку.) Ира?.. Здравствуй, радость моя... Где ты?..

Саяпин. Любовь моя и радость, зачем ты не со мной...

Зилов. Я скучаю... Не веришь?.. Ну как я тебе докажу?.. Ну увидишь, как я похудел... Да, со вчерашнего вечера... А долго ли. Это все быстро делается... Ты где?.. Что?.. Из автомата?.. Тебе мешают?.. Кто тебе мешает?.. Пристают?.. *(Саяпину.)* Пацаны. Вот видишь, она чересчур хорошенькая... *(По телефону.)* Пошли их к чертовой матери. Пригрози милицией... И не смей им улыбаться, слышишь! В шесть я жду тебя в «Незабудке»... В «Незабудке» в шесть. Не опаздывай... Что?.. Ты не вздумай

с ними разговаривать. Ни в коем случае. *(Положил трубку.)* Скажи, как шпана обнаглела.

Саяпин. Я не могу понять — ты влюбился или ты над ней издеваешься?

Появляется Кушак. В руках у него небольшая брошюра.

Кушак. Вы что, посадить меня хотите?

Маленькая пауза.

Где вы взяли эту липу?

Маленькая пауза.

Кто из вас подсунул мне эту наглую дезинформацию?

Зилов. Шеф, что случилось?

Кушак. Ах, разумеется, вы ничего не знаете...

Зилов. Что, здесь *(показывает на брошюру)* есть какие-нибудь неточности?

Кушак. Неточности?.. Отлично сказано! Не думал, что вы такой скромный. Неточности! Да тут сплошное вранье! Ложь!

Зилов. А что именно?

Кушак *(тычет пальцем в открытую брошюру)*. Вот! Вот! Будто вы не знаете!

Зилов. Фарфоровый завод? Неужели?

Кушак. Никакой реконструкции там не было и нет!

Зилов. Что вы говорите?

Кушак. Здесь нет ни одного слова правды!

Зилов. Если так, то это действительно ужасно! Скандал! Как же это могло случиться? Будем выяснять, что ж делать?.. Сейчас... где у нас оригинал? *(Шарит в столе.)*

Кушак. Кто из вас этим занимался?

Маленькая пауза.

Зилов. Ну я.

Кушак. Зилов, вы не нравитесь мне все больше и больше.

Зилов. Что поделаешь. Может, мне сменить прическу?

Кушак. Не острите, Зилов. Все это не так весело, как вам кажется, я вас уверяю. Садитесь и пишите объяснительную. *(Саяпину.)* Вы тоже.

Саяпин. Я?

Кушак. Вы. Именно вы. Статью вы подписали оба. Оба будете отвечать.

Зилов. Он тут ни при чем.

Кушак. Так. Выходит, вы один тут виноваты?

Зилов. Выходит, так.

Кушак. Я так и думал... Благородно с вашей стороны, очень даже благородно. Прекрасно вас понимаю. Настоящие друзья только так и поступают.

Зилов. Нет, я понимаю, что я его подвел...

Кушак *(иронически)*. Ага, значит, вы его подвели. Значит, так: вас надо наказать, а его следует поощрить. Правильно я вас понимаю?

Зилов. Ну что ж, вполне логично.

Кушак. Так, так. Хорошо, у вас получается. Просто замечательно... Одно только нехорошо. Нехорошо, друзья мои, что других вы считаете глупее себя. Или это тоже хорошо?

Зилов. Это плохо.

Кушак. Плохо! Именно — плохо. Зачем вы его выгораживаете — это нам всем очень хорошо понятно. И мне в том числе... Так почему же, на каком таком основании я обязан быть глупее всех, вы не скажете? *(Зилову, в упор.)* Согласитесь со мной. Этот вопрос я должен был перед вами поставить. Рано или поздно.

Валерия появляется и останавливается у дверей. Они ее не замечают.

Зилов. Да, вопрос интересный...

Кушак. А дальше будет еще интересней. Скажите, вас устраивает работа в нашем учреждении?

Зилов *(не сразу)*. Да, вполне устраивает... А что, разве вопрос стоит так остро?

Кушак. Если ответственность за эту *(потряс в воздухе брошюрой)* вопиющую безответственность ляжет на вас одного — я вас уволю. *(Маленькая пауза.)* Как видите, друзья-приятели, вам придется сказать правду... Так кто же этим занимался? Вы один? Или вы оба?..

Небольшая пауза.

Саяпин. Я не в курсе этой статьи. Ее готовил Зилов. Я ему доверил.

Кушак. Так... *(Зилову.)* Ну, а вы теперь что скажете?

Зилов. Я уже сказал. Статью готовил я.

Кушак. В таком случае вопрос исчерпан. *(Саяпину.)*

Но выговор вы все-таки получите. Впредь никогда и ничего не подписывайте до тех пор, пока не прочтете внимательнейшим образом. Это азбучная истина. В свое время она была известна любому младенцу. Безобразие!

Валерия. Здравствуйте!

Кушак. Добрый день.

Валерия (*Кушаку*). Что они тут натворили, а? Халтурщики! Вадим Андреич, их не ругать, их бить надо. Жаль, я слабая женщина...

Кушак. Да, я вынужден вам пожаловаться. Они допустили серьезную ошибку в работе. Я бы сказал — непростительную ошибку.

Валерия. Вот как?.. Так взгрейте их как следует! Во всяком случае, мужа я прошу наказать со всей строгостью.

Кушак. Вашему мужу не хватает... м-м...

Зилов (*подсказывает*). Принципиальности.

Кушак. Вот именно!

Валерия (*мужу*). Обормот. (*Кушаку.*) Вадим Андреич, что бы вы с ними ни сделали — мне все доставит большое удовольствие.

Кушак. Мне очень жаль, но на этот раз действительно не обойтись без последствий.

Валерия. Вадим Андреич! У меня блестящая идея! Лучшего наказания ему не придумаешь! Вы дадите им выговор, что угодно — им все трын-трава. Даже если их прогнать с работы — все равно — их ничем не прошибешь. Кроме одного...

Саяпин. Что это, интересно?

Валерия (*Кушаку*). Сказать?

Кушак. Скажите, Валерия. У вас, слава богу, есть здравый смысл.

Валерия (*о Саяпине*). Его мы лишаем футбола! На сегодня. А?

Саяпин (*настроился на нужный тон*). Слушай!

Валерия. Да-да-да! Вместо футбола ты будешь сидеть здесь и будешь работать. Сверхурочно! Ты понял? А на футбол пойдем мы. Я и Вадим Андреич!

Зилов. Неплохо.

Валерия ((*Кушаку*). Как?

Саяпин (*в том же тоне*). Ну знаешь, ты тут не распоряжайся...

Валерия *(Кушаку)*. Решено?

Кушак *(деланно смеется)*. Забавно, конечно... но в то же время... Это вроде бы не мера...

Валерия. Решено! Вы ведь тоже болельщик?

Кушак. Я?.. Да я как-то не особенно, не заядлый, а так, знаете, умеренный...

Валерия. Тогда вы не представляете, что значит для него футбол! Идемте! Поверьте, это будет ему настоящим наказанием.

Кушак. Но я, право, не знаю...

Валерия. Вадим Андреич! С ним все ясно, он занят, они оба заняты, не пойду же я одна, в конце концов.

Кушак. Нет, я... ничего, но, подумайте, ведь это можно по-разному истолковать...

Валерия. Вадим Андреич! Какие толки! Что тут толковать? *(Мужу.)* А ну скажи, что ты думаешь.

Саяпин. Вадим Андреич, к сожалению, у нас командует она. Ее не свернешь...

Валерия *(взяла Кушака под руку)*. Вадим Андреич, мы опаздываем. А Зилову, знаете, задержите ему отпуск. На недельку. Если он вовремя не попадет на охоту...

Зилов. Это не твоя забота.

Валерия. Этого он не переживет, как видите. *(Увлекает к двери растерянного Кушака.)* Ладно, мы торопимся.

Кушак *(в дверях)*. Смотрите, Валерия. Если вы думаете, что теперь им все сойдет с рук,— вы ошибаетесь.

Валерия. Еще бы. Каждому — по заслугам. Так что не надейтесь. Дружба дружбой, а служба... *(Исчезает вместе с Кушаком.)*

Саяпин *(не без гордости)*. Видал?

Зилов. Да, с ней не пропадешь.

Саяпин. Подруга жизни.

Зилов. Да уж, подобралась у вас семейка. И ты-то молодец...

Саяпин. Старик, он тебя не уволит... Старик, пойми! У меня же квартира горела! На твоих глазах! Неужели не понимаешь?

Голос за дверью: «Телеграмма». **Зилов** выходит и тут же возвращается с телеграммой в руках. На ходу он раскрыл

телеграмму — и вдруг останавливается. Некоторое время стоит неподвижно.

Саяпин. Что случилось?

Зилов. Умер отец. *(Пауза. Садится на стул, опустил голову.)* На этот раз старик не ошибся.

Пауза.

Саяпин. Когда?

Зилов. Вчера, в шесть часов... *(Маленькая пауза.)* Батя, батя... Если бы я знал. *(Пауза. Поднимается, набирает номер по телефону.)* Галка... Умер отец... Да... Да... У тебя есть деньги?.. Неси какие есть. Я уезжаю... Сегодня... Сейчас... Да... Жду тебя в конторе. Жду... *(Положил трубку.)*

Саяпин. Успеешь?

Зилов. Должен успеть... Пять часов самолетом, на пароходе полсуток, а там на автобусе... Надеюсь, что успею.

Саяпин. Да-а... Теперь он тебя наверняка не уволит.

Зилов. Что?

Саяпин. Я говорю, такое несчастье — не уволит, не имеет права.

Зилов. Заткнись-ка, идиот.

Появляются Кузаков и Вера. Зилов сидит, опустив голову.

Кузаков. Привет, алики!

Маленькая пауза.

Что грустите, что невеселы, соколики, или выпить захотели, алкоголики? *(Проходит, садится за шахматную доску.)* Ну-с, гроссмейстер...

Саяпин. Подожди. Тут не до игры.

Кузаков. А что случилось?

Вера. Они разочаровались в жизни.

Кузаков. Что ж. Может, они и правы. Жизнь в основном проиграна.

Саяпин показывает Кузакову телеграмму.

Вера *(Зилову)*. Алик, что с тобой? Похмелье, что ли? Головка болит?

Зилов. Замолчи, дура.

Вера. Он действительно не в духе.

Зилов. Заткнись, тебе говорят!

Кузаков *(Вере)*. Оставь его.

Зилов *(Вере)*. Зачем ты сюда явилась? Чего тебе здесь надо?

Кузаков. Она пришла со мной.

Зилов. Водить по учреждениям ты мог бы найти что-нибудь поприличнее.

Маленькая пауза.

Вера *(Кузакову)*. Ну? Что ты ему на это ответишь?

Кузаков молча протягивает Вере телеграмму. Траурная музыка. Затемнение. Круг поворачивается. Музыка умолкает. Зажигается свет. Воспоминание продолжается. Кафе «Незабудка». Зилов и Галина останавливаются у входа в кафе.

Зилов. А теперь ты иди.

Галина. Не успеешь зайти домой?

Зилов. Зачем?

Галина. Собраться.

Зилов. Какие сборы? Я еду не на именины... Ну иди. Иди домой.

Галина. Все-таки, может быть...

Зилов. Что?

Галина. Может, мы поедем вместе?

Зилов. Нет, нет, решено, я еду один.

Галина. Я думала, так будет лучше.

Зилов. Как?

Галина. Если я поеду с тобой.

Зилов. Чем лучше?.. Тут ничем не поможешь... Сколько времени?

Галина. Без двадцати шесть.

Зилов. До свиданья. Мне пора на самолет. Я загляну сюда, мне надо немного выпить... До свиданья... *(Проходит в кафе, садится за столик.)*

Галина стоит у входа.

Дима!

Появляется официант.

Официант *(Галине)*. Привет, Галка. Проходи, гостьей будешь. *(Подошел к Зилову.)* Привет, Витя.

Зилов. Привет, Дима. Принеси, пожалуйста, водки.

Официант *(негромко о Галине)*. Витя, почему твоя жена со мной не здоровается?.. Мне, конечно, все равно, но невежливо как-то с ее стороны... Сколько водки?

Зилов. Двести.

Официант уходит. Галина подходит к столику.

Ты еше здесь?

Галина. Я посижу с тобой. *(Садится.)* Пока ты здесь.

Зилов. Я хочу быть один, ты понимаешь?

Галина. Я не понимаю. Мне казалось, что именно сейчас...

Зилов. Именно сейчас я хочу остаться один.

Маленькая пауза.

Галина. Да, я понимаю. Твоему отцу я была чужая... И тебе я давно чужая... Я тебе хотела сказать, давно хотела сказать. Я получаю письма...

Зилов. Какие письма?

Галина. Я получаю письма каждый день.

Зилов. Да?.. От кого, интересно?.. От друга детства, конечно?

Галина. Он меня любит.

Маленькая пауза.

Зилов. Ну, а как ты к нему относишься?

Галина. Я не знаю... Но так, как у нас, так больше невозможно.

Зилов. И ты решила сказать мне об этом именно сегодня?

Галина. Я тебе не нужна. Скажи правду.

Зилов. И тебе не совестно?.. У тебя переписка, шашни, черт знает что, и это ты преподносишь мне именно сегодня! В тот самый день, когда у меня умер папа... Ну спасибо тебе, утешила.

Маленькая пауза.

Галина. Наверное, я виновата, но я больше не могу... Прости, если виновата.

Зилов. Да нет, ты не стесняйся! Чего там? Продолжай! Расскажи, что там у тебя с ним, как. Рассказывай.

Галина. Мне нечего рассказывать.

Зилов. Нечего?.. Не знаю, не знаю. Не уверен. Ты молчала, значит, ты уже меня обманывала. Откуда же мне знать, что там у вас на самом деле?

Галина. Перестань, что ты выдумываешь.

Зилов. Я выдумываю? Ты сама сказала, что уже не знаешь, кого ты любишь.

Галина. Это неправда!

Зилов. Ты понимаешь, до чего ты дошла?! И чтобы такую женщину я привел на могилу своего отца? Никогда! Уходи, я не желаю тебя видеть!

Галина. Ты с ума сошел! Сам не знаешь, что ты говоришь...

Зилов. Уходи, я тебе говорю! И вообще, можешь не показываться! Можешь ехать к своему другу — пожалуйста! Желаю счастья!

Галина. Да что с тобой?.. Я не давала ему никакого повода. Я давно ему не отвечаю... Я написала ему всего два письма. Всего два письма. Как же ты можешь?

Зилов *(вдруг спокойно)*. Ладно... Я психанул, извини... Нервы сдают. Должна понять, в каком они у меня состоянии...

Галина. Я сама виновата. Ты меня прости...

Зилов. Ладно, ты не обижайся... Я ведь чувствовал, что мне надо остаться одному... *(Маленькая пауза.)* И все-таки ты иди домой, хорошо?

Галина *(поднимается)*. Хорошо.

Зилов. И не сердись.

Галина. Я не сержусь. Когда ты вернешься?

Зилов. Когда?.. Я думаю, через неделю-полторы.

Галина. Плохо, что я тебя не собрала. Ты даже без плаща.

Зилов. Ничего, обойдусь... *(Подходит к ней, поцеловал ее в щеку.)* До свидания.

Галина уходит. Пауза. Появляется официант.

Зилов. Сколько времени?

Официант. Без пяти шесть... Закусить ничего не надо?

Зилов. Нет... Дима, выпей со мной.

Официант *(садится)*. Спасибо, Витя, но на работе я — ни грамма. Это мой закон, ты знаешь. *(Не сразу.)* Ну как? Считаешь деньки-то? Сколько там у нас осталось?.. Мотоцикл у меня на ходу. Порядок... Витя, а лодку-то надо бы просмолить. Ты бы написал Хромову... Витя!

Зилов. Да?

Официант. Я говорю насчет лодки. Написать бы туда надо.

Зилов. Я уже все сделал. Лодка на воде.

Официант. Молодец.

Зилов. Да, ведь восемнадцать дней осталось. Пустяки... *(Молчит.)*

Официант. О чем грустишь?

Зилов. Несчастье, Дима, у меня.

Официант. А что такое?

Зилов. Старика еду хоронить...

Официант *(не сразу и сочувственно)*. Понятно...

Маленькая пауза. Зилов выпивает.

Дело печальное...

Зилов. Скверно, Дима... Хреновый я был ему сын. За четыре года ни разу его не навестил...

Официант. Н-да...

Зилов. Теперь вот повидаемся...

Официант. Далеко?

Зилов *(утвердительно качает головой)*. Боюсь, не успею... *(Не сразу.)* Сколько с меня?

Официант. Рубль шестьдесят.

Зилов *(достает деньги)*. Да. Я тебе должен три рубля...

Официант. Три двадцать, Витя.

Зилов. А, извини... Вот. *(Отдает деньги.)* Спасибо.

Официант *(поднялся, прикинул на счетах)*. Тридцать пять копеек с меня.

Зилов махнул рукой.

Благодарю.

У входа появляется Ирина.

Зилов *(официанту)*. Пока, Дима.

Официант. Пока. Держись, старик, не падай духом. *(Уходит.)*

Ирина *(подходит)*. Добрый вечер.

Зилов. Иди сюда. Садись.

Ирина садится, дурашливо сложила руки на столе, выпрямилась, подняла голову, все как за партой. Рассмеялась.

(Положил на ее руки свою ладонь.) Ну? Как ты себя вела?

Ирина. Я послушная девочка. Я вела себя, как ты велел.

Зилов. Ты умница. А та шпана?.. Ну, у телефона?

Ирина. Ой! Я еле от них убежала. Они сумасшедшие. Сначала они не выпускали меня из телефонной будки.

Зилов. Вот мерзавцы.

Ирина. Да нет, они сумасшедшие. Они меня не выпускают, а я им говорю, пустите, а то я вас обругаю. Потом один говорит, не ругайся, пойдем с нами, у меня, говорит, день рождения. Врет, наверное. Я говорю: я иду на свидание. А они, все равно, говорят, мы тебя проводим. Ну разве не сумасшедшие? *(Без паузы.)* А ты меня обманул. Ты не похудел. Нисколько. Но ты грустный.

Зилов. Я уезжаю.

Ирина. Когда?

Зилов. Сейчас. Попрощаемся, и на самолет.

Маленькая пауза.

Ирина. Обязательно надо?

Зилов. Обязательно.

Ирина. Тогда поезжай. А я тебя буду ждать. А долго ждать?

Появляется Галина. В руках у нее плащ и портфель. Она входит быстро, но сделавши несколько шагов к столику, где сидят Зилов и Ирина, останавливается. Маленькая пауза. Галина смотрит на них, они на нее. Рука Зилова все еще лежит на руках Ирины.

Галина подходит к ближайшему к стулу, оставляет на нем плащ и портфель. И вдруг быстро уходит.

Маленькая пауза.

Зилов. Долго. Целую неделю.

Ирина. Кто это?

Маленькая пауза.

Зилов. Это моя жена.

Ирина *(поражена)*. Жена?

Зилов. Да, я женат...

Пауза.

Так... Ты потрясена. Убита... Для тебя все кончено...

Маленькая пауза.

Ну?.. Можешь назвать меня мерзавцем, можешь встать и уйти. Делай что хочешь.

Маленькая пауза.

Все кончено, не правда ли?.. А? Что же ты молчишь?.. Ты не знаешь, что говорят в таких случаях? Пожалуйста, я тебя научу...

Ирина (*тихо*). Нет...

Зилов. Что — «нет»? Говорю тебе, я женат... Разве это ничего не меняет?

Ирина. Да, это ничего не меняет... Все равно...

Зилов (*садится с нею рядом, обнимает ее*). Радость моя! Ты белая, как стенка, успокойся, все это ерунда. Я женат, в самом деле, расписан, действительно, но мы с ней давно уже чужие люди, друзья. добрые друзья. Не больше.

Ирина. Это правда?

Зилов. Я мог бы все рассказать в первый день, но зачем, подумай?.. Ну что ты? Если бы я хотел тебя обмануть, я бы сегодня тебя обманул, сейчас. Сказал бы, что она моя сестра...

Ирина. Сначала я чуть не умерла... А потом почувствовала, что мне все равно — женат ты или нет. И мне стало страшно.

Зилов. Бедная девочка! Прелесть моя! Ты понятия не имеешь, какая ты прелесть...

Маленькая пауза. Зилов целует Ирине руку. Она унимает его, смущенно поглядывая по сторонам.

Ирина. Я хочу есть.

Зилов. Прекрасная мысль. Сейчас мы поужинаем. И выпьем чего-нибудь, верно? (*Громко.*) Дима!..

Ирина. А твой самолет?.. Ты успеешь?..

Зилов (*помрачнел*). Да, ты права... Я должен торопиться...

Появляется официант.

Официант (*Зилову*). Ты меня звал?

Зилов. Да... (*Маленькая пауза. Нерешительно.*) Что-нибудь поесть и вина... Немного.

Официант. Поесть — что именно?

Зилов (*Ирине*). Что ты желаешь?

Ирина. Что ты, то и я.

Зилов (*вдруг решительно*). Бифштексы. Что-нибудь холодное, вина бутылку и коньяку — двести. Все.

Ирина. Не опоздаешь на самолет?

Зилов. Я еду завтра. (*Официанту*). Ты все понял?

Официант. Все ясно.

Траурная мелодия, которая внезапно обрывается и после секундной паузы сменяется своим развязным вариантом. Круг поворачивается, музыка умолкает, зажигается свет. Зилов стоит посреди своей комнаты. Лицо его обращено к окну.

Зилов *(набирает номер по телефону)*. Общежитие?.. Будьте добры, позовите из сороковой комнаты Ирину... Что?.. А давно?.. С вещами?.. Поступила она в институт, вы не знаете?.. Сегодня?.. Минутку! У вас нет телефона приемной комиссии?.. Два двадцать один тридцать семь... Спасибо. *(Нажимает на рычаг, потом снова набирает номер.)* Два двадцать один тридцать семь... Приемная комиссия?.. Вас беспокоят из редакции. Кузаков... Да, Кузаков... у нас к вам просьба. К вам на первый курс поступала Рожкова Ирина Николаевна... Рожкова. Факультет английского языка. Что с ней — поступила или нет? Узнайте, пожалуйста... Да, срочно... Телефон? Пять двадцать сорок восемь... Минут через двадцать?.. Хорошо, я жду. *(Положил трубку. Сидит у телефона.)*

Затемнение. Сцена освещается. Воспоминание следующее. Квартира Зилова. На виду две комнаты, разделенные стеной и дверью. В одной комнате Зилов, сидя за столом, на котором у него весы, различные коробки, гильзы, занимается охотничьими приготовлениями. В этой комнате в глаза бросается ружье, деревянные утки, большая фотография Зилова, запечатленного на лоне природы, в охотничьем снаряжении и увешанного добычей. В другой комнате, где происходило новоселье, Галина занята сборами в дорогу. Здесь на видном месте новенький телефон.
Галина заканчивает сборы, закрывает чемодан, присаживается и сидит молча. Зилов выходит из своей комнаты.

Зилов. Собралась?.. Ну что ж. Присядем на дорогу. *(Садится.)* Ты подала телеграмму?

Галина. Да...

Зилов. Тебя встретят?

Галина. Да, встретят...

Зилов. А ты уверена, что они дома?

Галина. Они?.. Да, кто-нибудь из них всегда дома.

Зилов. Отдохни как следует. Пусть по грибы тебя сводят, по ягоды... Дядя твой не охотник?

Галина. По-моему, нет...

Зилов. А как там с охотой? Не знаешь?

Галина. По-моему, хорошо. Там прекрасный лес, озера... *(Вдруг.)* Поедем.

Зилов. Туда? На охоту?

Галина. Нет, я пошутила. Я тебя не возьму... Отдыхать так отдыхать.

Зилов. Верно, лучше мы разъедемся... Ненадолго.

Галина. Да, лучше разъедемся...

Зилов. Охота скоро начинается, так что бросаться сейчас на новое место не годится. Я ждал целый год и не могу рисковать.

Галина. Да... Зачем рисковать... *(Пауза. Поднялась.)* Знаешь, ты меня не провожай. Чемодан легкий... Я возьму такси.

Зилов. Как хочешь... Когда тебя ждать?

Галина. Ждать?.. Разве ты будешь меня ждать?

Зилов. А как же? Когда ты приедешь?

Галина. Приеду... когда-нибудь...

Зилов. Когда-нибудь? Что это значит?

Галина. Да нет, я пошутила. Приеду через месяц... Ну, давай прощаться.

Они целуются.

Счастливо тебе... Вспоминай меня. Иногда... Ну, привет.

Зилов. Привет... Будешь возвращаться, обязательно подай телеграмму. Слышишь?

Галина *(на пороге)*. Да, обязательно... *(Уходит.)*

Зилов *(на две секунды присел, задумался, потом прошелся по комнате, взглянул в окно, снова прошелся, потом, усевшись на тахту, набрал номер по телефону)*. Общежитие?.. Будьте любезны, пригласите из сороковой комнаты Ирину... Рожкову, Ирину Николаевну... Некому идти?.. Не может быть. Я звоню по делу из института... Проректор... Да, проректор... Будьте так любезны... Жду... *(Улегся на диван. Пауза. Чужим голосом.)* Товарищ Рожкова?.. Ирина Николаевна, если я не ошибаюсь... Вас беспокоит проректор... Видите ли, у нас тут возник один вопрос... Вы комсомолка?.. Нет?.. А почему?.. Это не объяснение... Может быть, вы в бога верите?.. Тогда во что же вы верите?.. А кто, по-вашему, должен знать? Я, что ли? Серьезней надо быть, товарищ Рожкова, серьезней... Ну хорошо, в институт мы вас все-таки принимаем, даем вам стипендию... повышенную. Да, повышенную. И знаете почему?.. За красивые

глаза... Они у вас голубые, если мне память не изменяет... *(Своим голосом.)* Здравствуй, моя радость... *(Смеется.)* Ну, конечно, я... Ты поверила?.. Ну не ругайся... Увидишь, все так и будет... Я дома... *(Деловито.)* Ты вот что. Давай быстренько ко мне... Прямо сейчас... Да... Я один... Один как перст... Она уехала... Пока на месяц... Никаких, я тебя жду... Очень просто. Я же тебе показывал... Да, второй от остановки... Зеленый балкон, совершенно верно. Этаж пятый, квартира двадцатая... Двадцатая... Жду... *(Положил трубку, прошелся по комнате, уселся на подоконник.)*

Появляется Галина.

Зилов. Что случилось?.. Что-нибудь забыла?

Галина. Нет, я вернулась, чтобы... Я хочу сказать тебе правду. Я уезжаю насовсем.

Зилов. Насовсем?

Галина. Да.

Маленькая пауза.

Зилов. «Насовсем» — это как понимать? Навеки, навсегда, так, что ли?

Галина. Так... Навеки, навсегда.

Зилов. Ты это серьезно?

Маленькая пауза.

И давно ты это надумала?

Галина. Да.

Зилов. Выходит, ты могла уехать — и ни слова?

Галина. Не смогла, как видишь.

Зилов. И ты уверена...

Галина *(перебивает)*. Меня ждет такси. Прощай.

Зилов. Подожди. Так такие дела не делаются. Собираешься навеки и даже не поинтересовалась, что я об этом думаю.

Галина. Прошу тебя, не надо больше никаких разговоров. Зачем? Мы уже все сказали... за шесть лет... Я больше не могу... Прощай.

Зилов. Нет, так не пойдет. «Навсегда», «навеки», «прощай» — это ты выбрось из головы. Ты едешь на месяц, ровно на месяц.

Галина. Я опоздаю на поезд.

Зилов. Плевать на этот поезд. Дай слово, что ты вер-

нешься. Иначе я тебя не пущу... Дай слово и оставь мне адрес, слышишь?

Галина. Какой тебе адрес?

Зилов. Какой?.. Твой, конечно. Адрес твоего дяди, какой еще?

Маленькая пауза.

Галина. Я еду не к дяде.

Зилов. Что?.. Куда ты едешь? К кому? К другу детства?

Маленькая пауза.

Галина. Да.

К нему?

Галина сидит, опустив голову.

Зилов *(закипает)*. Так вот оно что...

Галина. Брось. Хватит тебе прикидываться. Куда я еду, к кому — тебе это все равно. И не делай вида, что тебя это волнует. Тебя уже ничего не волнует. Тебе все безразлично. Все на свете. У тебя нет сердца, вот в чем дело. Совсем нет сердца...

Зилов *(трясет ее)*. А у тебя, дрянь такая, у тебя есть сердце? А? Где оно? Где оно, я тебя спрашиваю? Покажи мне его, если у тебя есть!

Галина. Пусти меня... Пусти.

Зилов. Ах, ты торопишься... Я понимаю, тебе не терпится наставить мне рога?.. Ну уж нет, черт возьми! *(Тащит ее в другую комнату.)* Не так-то это просто! *(В другой комнате усадил ее на стул.)* Сядь и не шевелись! Шлюха! *(Выходит на балкон, кричит.)* Эй, шеф!.. Шеф!.. Эй! Будьте любезны, позовите водителя!.. Когда появится, скажите ему, чтобы поднялся на пятый этаж... Будьте любезны...

Галина вдруг поднимается и выходит в первую комнату.

И пусть прихватит чемодан!.. Спасибо!.. *(Оборачивается, бежит к двери, но в это время Галина закрыла ее на ключ.)* Открой! *(Стучит.)* Открой немедленно! *(Разбегается, ударил дверь плечом. Безуспешно.)* Открой!.. Открой — хуже будет!..

Галина, опустившись перед дверью на пол, плачет.

(Мгновение постоял молча.) Открой, добром тебя прошу... Не доводи меня, пожалеешь.

Галина плачет громче.

(*Зилов некоторое время стучит, потом прекращает стучать. Постоял молча.*) Ну ладно, открой. Я тебя не трону... А этого друга, слышишь, я его убью... Открывай!.. Никуда ты не уйдешь... Это просто немыслимо.

Галина поднялась, вытерла слезы.

Не забывай, ты моя жена... Когда я услышал от тебя такое — удивляюсь, как я тебя не задушил. (*Помолчал.*) Послушай! Я хочу поговорить с тобой откровенно. Мы давно не говорили откровенно — вот в чем беда...

Галина тихо уходит.

(*Искренне и страстно.*) Я сам виноват, я знаю. Я сам довел тебя до этого... Я тебя замучил, но, клянусь тебе, мне самому опротивела такая жизнь. Ты права, мне все безразлично, все на свете. Что со мной делается, я не знаю... Не знаю... Неужели у меня нет сердца? Да, да, у меня нет ничего — только ты, сегодня я это понял, ты слышишь? Что у меня есть, кроме тебя?.. Друзья? Нет у меня никаких друзей... Женщины? Да, они были, но зачем? Они мне не нужны, поверь мне... А что еще? Работа моя, что ли? Боже мой! Да пойми ты меня, разве можно все это принимать близко к сердцу! Я один, один, ничего у меня в жизни нет, кроме тебя. Помоги мне! Без тебя мне крышка... Уедем куда-нибудь! Начнем сначала, уж не такие мы старые...

Появляется Ирина.

Ты меня слышишь?

Ирина останавливается.

Слышишь?

Ирина. Да...

Зилов. Я возьму тебя на охоту. Хочешь?

Ирина. Хочу.

Зилов. Вот и прекрасно... Знаешь, что ты там увидишь? Такое тебе и не снилось, клянусь тебе. Только там и чувствуешь себя человеком. Я повезу тебя на лодке, слышишь? Ведь ты ее даже не видела. Я повезу тебя на тот берег, ты хочешь?

Ирина. Да... *(Она, проникаясь его волнением, стоит перед дверью, не шелохнувшись.)*

Зилов. Но, учти, мы поднимемся рано, еще до рассвета. Ты увидишь, какой там туман — мы поплывем, как во сне, неизвестно куда. А когда подымается солнце? О! Это как в церкви и даже почище, чем в церкви... А ночь? Боже мой! Знаешь, какая это тишина? Тебя там нет, ты понимаешь? Нет! Ты еще не родился. И ничего нет. И не было. И не будет... И уток ты увидишь. Обязательно. Конечно, стрелок я неважный, но разве в этом дело?.. На охоту я не взял бы с собой ни одну женщину. Только тебя... И знаешь, почему?.. Потому что я тебя люблю... Ты слышишь?.. Открой же меня!

Ирина. Открыть?.. Разве ты закрыт?

Зилов толкнул дверь.

В самом деле. *(Повернула ключ.)*

Зилов распахнул дверь. Пауза. Зилов поражен, растерян.

Что ты так на меня смотришь?

Зилов. Черт возьми!.. Ты просто королева!.. Какое платье! Чудо! Где ты его взяла?

Ирина. Это?.. Но оно старое... Я вчера была в нем и позавчера...

Зилов. Не может быть... Все равно, сегодня ты особенная... Такую я тебя еще ни разу не видел.

Ирина *(рада)*. Это правда?.. А кто тебя закрыл?

Зилов. Закрыл?.. Ах, закрыл! Сосед... Взрослый человек и все придуривается.

Ирина. Ты в самом деле так меня любишь?

Зилов. Как?

Ирина. Так, как ты сейчас говорил.

Зилов *(обнимает ее)*. Ты что, сомневаешься?

Ирина. Нет... Как ты меня узнал? Неужели ты знаешь мои шаги?

Зилов. Конечно.

Ирина *(она счастлива)*. Даже не верится...

Зилов. Ну почему же? Я тебя ждал... Но если признаться честно, я увидел тебя с балкона.

Ирина. А твоя охота, она далеко?

Зилов. Что?.. Да, да, очень далеко. Безумно далеко.

Ирина. Отец тоже брал меня на охоту... Я поеду с тобой, что бы ни было. Поступлю или нет — все равно. А когда?

З и л о в. Что — когда?

И р и н а. Когда мы поедем на охоту?

Зилов вдруг начинает смеяться.

Почему ты смеешься?

Он смеется, не может ответить.

Что с тобой?.. Почему ты смеешься?

З и л о в *(сквозь смех)*. Нет, нет... Не обращай внимания... Это я так... Вспомнил кое-что... Сейчас... Сейчас... *(Перестал смеяться.)* Ну вот и все.

И р и н а *(испуганно)*. Ты не надо мной смеялся?

З и л о в. Ну что ты. Конечно, нет. Просто я вспомнил... Вспомнил один анекдот. Вчера в конторе рассказали. Неожиданно вспомнил. Бывает же так.

И р и н а. Расскажи.

З и л о в. Что рассказать?

И р и н а. Анекдот расскажи.

З и л о в. Да не стоит.

И р и н а. Нет... расскажи.

З и л о в. Ну хорошо... Муж уехал в командировку... Или нет, жена уехала в командировку... Да ну его к черту!

И р и н а. Нет... расскажи.

Зилов качает головой: нет.

Но почему?

З и л о в. Тебе нельзя. Этот анекдот нехороший. Мерзкий анекдот.

И р и н а. Когда же мы поедем на охоту?

З и л о в. Скоро. Скоро поедем.

Затемнение. Из темноты слышны телефонные звонки. Зажигается свет. З и л о в сидит у телефона. Телефон звонит.

З и л о в *(очнувшись, хватает трубку)*. Да... Да... Что? Взяла документы?.. Не прошла по конкурсу — вы это точно знаете?.. Минутку! Когда она взяла документы?.. Ясно... Нет, минутку! У меня к вам большая просьба... Скажите, вы ее знаете?.. Так вот, если случайно она еще к вам зайдет, передайте ей... ну вдруг!.. Передайте ей, что звонил Зилов... Зилов. И что он умоляет ее позвонить... Да, умоляет. Так и передайте... *(Положил трубку.)* Уехала...

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Квартира Зиловых. На столе огромный рюкзак и ружье в брезентовом чехле. За окном по-прежнему дождь. Зилов разговаривает по телефону. Сейчас он в свитере, в широких брюках, босой, на голове у него кепка. На тахте лежит телогрейка, на полу — охотничьи сапоги.

Зилов. Нет, я больше не могу... Знаешь, Дима, я плохой охотник, но видит бог, я неплохой товарищ, я бы не стал, как ты... Нет, ждать не буду... Не могу... Ладно... бог с тобой и с твоим мотоциклом... Да, прямо сейчас... Да, по дождю... Как-нибудь... До Ключей автобусом, а там пешком... Да так. Не знаешь, как ходят пешком?.. Правильно, значит, ты еще не забыл... Что? Лодка?.. Как всегда — пожалуйста... Ну моя, ну и что из этого? Пополам, как обычно... Да нет, лодки мне не жалко, зря беспокоишься... Минутку, Дима, минуточку!.. Я хотел тебя спросить... спросить... подожди... Да! Слушай, не ты ли это двинул мне вчера по скуле?.. Да вот никак не вспомню... Да нет, при чем тут подозрения, просто спрашиваю... Ну если б знал, не спрашивал бы... Ну извини, не придавай этому значения... Да так, интересно все-таки... Ладно, извини еще раз — не обижайся... Ладно, там увидимся... Увидимся... Привет. *(Положил трубку. Собирается. Сел, натягивает сапоги.)*

Стук в дверь.

Да!

Голос за дверью: «Телеграмма».

(Поднимается, входит в прихожую, возвращается, развернул телеграмму. Читает ее вслух.) «Дорогой Алик... Выражаем глубочайшее соболезнование по поводу преждевременной кончины нашего лучшего друга Зилова Виктора Александровича... Группа товарищей...» *(Пауза.)* Группа товарищей... Ну-ну... *(Медленно рвет телеграмму.)*

Звучит музыка — причудливое чередование траурной мелодии с ее веселой вариацией. В темноте круг поворачивается. Свет зажигается, музыка умолкает, начинается воспоминание последнее.

Кафе «Незабудка». Сдвинуты два стола.

Зилов и официант. Официант накрывает на стол. Зилов

сидит во главе стола. Он в черном костюме, торжественный и возбужденный.

Зилов. Ну так... И пару шампанского. А как же? Праздник у нас или нет?

Официант. Сколько будет человек?

Зилов. Семь. Семь персон.

Официант. Кто да кто?

Зилов. Все те же. Друзья! А кто еще?.. Откровенно говоря, я и видеть-то их не желаю.

Официант. Поссорился?

Зилов. Поссорился?.. Вроде бы да... А может, и нет... Да разве у нас разберешься?.. Ну вот мы с тобой друзья. Друзья и друзья, а я, допустим, беру и продаю тебя за копейку. Потом мы встречаемся и я тебе говорю: «Старик, говорю, у меня завелась копейка, пойдем со мной, я тебя люблю и хочу с тобой выпить». И ты идешь со мной, выпиваешь. Потом мы с тобой обнимаемся, целуемся, хотя ты прекрасно знаешь, откуда у меня эта копейка. Но ты идешь со мной, потому что тебе все до лампочки, и откуда взялась копейка, на это тебе тоже наплевать... А завтра ты встречаешь меня — и все сначала... Вот ведь как. А ты говоришь поссорился... Просто я не желаю их видеть.

Официант. Тогда зачем ты их пригласил?

Зилов. Да так, для души.

Официант. Не понимаю.

Зилов. Для полноты счастья. Сам подумай, какая разница: сегодня я гляжу на эти рожи, а завтра я на охоте.

Официант. Чудишь, старичок...

Зилов. Завтра мы отправимся пораньше, верно? Часиков бы в шесть, а, Дима?.. Если выедем рано, к вечеру будем на месте.

Официант. Успеем. Официально охота разрешается послезавтра.

Зилов. В том-то и дело. Значит, завтра надо быть там. А как же? Иначе мы пропустим первое утро.

Официант. Не волнуйся, мы успеем.

Зилов. Черт возьми! Какие-то сутки — и мы с тобой уже в лодке, а? В тишине. В тумане. Выпей, Дима. Выпей за первое утро.

Официант. Витя, не уговаривай. Я на работе.

Зилов. Да ведь последний вечер. Считай, что уже в отпуске.

Официант. Я сказал: нет. Мне отчитываться, деньги сдавать, и вообще ты мой закон знаешь.

Зилов. Да наплюй ты на свой закон. *(Подает официанту стакан.)* Одну. За первое утро.

Официант. Ни одной. Завтра — пожалуйста. Хоть сто порций.

Зилов. Ладно... Говоря по совести, этот кабак мне опротивел. Мы не увидим его целый месяц. И слава богу... Итак, за утиную охоту. *(Выпивает.)* У меня предчувствие, что на этот раз мне повезет.

Официант. Предчувствия — побоку. Если не можешь стрелять, предчувствия не помогут. Как мазал, так и будешь.

Зилов. Дима, ну сколько я могу мазать? Неужели и в этот раз?

Официант. Витя, я тебе сто раз объясняю, будешь мазать до тех пор, пока не успокоишься.

Зилов. Да что это такое? «Не волнуйся», «успокойся»! Дима, шутишь ты надо мной, что ли? Я понимаю, нужен глаз, рука, как у тебя...

Официант. Витя, глаз у тебя на месте, и рука нормальная, и все ты понимаешь, но как дойдет до дела — ты не стрелок. А почему? Потому что в охоте главное — это как к ней подходить. Спокойно или нет. С нервами или без нервов... Ну вот сели на воду, ты что делаешь?

Зилов (поднялся). Как — что я делаю?

Официант *(перебивает).* Ну вот. Ты уже вскакиваешь, а зачем? Ведь это все как делается? Спокойно, ровненько, аккуратненько, не спеша.

Зилов. А влет? Тоже не спеша?

Официант. Зачем? Влет — бей быстро, но опять же полное равнодушие... Как сказать... Ну так, вроде бы они летят не в природе, а на картинке.

Зилов. Но они не на картинке. Они-то все-таки живые.

Официант. Живые они для того, кто мажет. А кто попадает, для того они уже мертвые. Соображаешь?

Зилов *(легкомысленно).* Ясно... Выпью-ка я еще. За

то, чтоб не волноваться. *(Выпивает.)* На этот раз все будет вот так. *(Показывает большой палец.)* Ты увидишь...

Официант *(насмешливо)*. Ну посмотрим... Только бы погода не испортилась.

Зилов. Не может быть. Упаси боже.

Маленькая пауза.

Официант. Витя, у тебя, кажется, жена уехала? Точно?.. Говорят, ты остался один?

Зилов. А что? Ты насчет ключа?.. Я не один. Я живу с невестой.

Официант. С невестой? *(Ухмыльнулся.)* Неплохо сказано...

Зилов *(вдруг с раздражением)*. А что ты ухмыляешься? Может, ты с ней спал?

Официант *(озадачен)*. Да нет... Чего это ты?

Зилов. Я ничего. А ты не ухмыляйся, когда не следует... Невеста как невеста. Я на ней женюсь, понял?

Официант. Разве я против?.. *(Закончил работу, шагнул назад, одновременно взмахнул салфеткой.)* Порядок.

Зилов. Ты вот что. *(Вынимает деньги, дает их официанту.)* Ты неси сюда еще пару бутылочек. Раз в году я могу раскрутиться? Имею право?

Официант. Конечно, Витя. Хозяин — барин. Как обычно.

Появляются Вера и Кузаков. В руках у Веры несколько астр.

Кузаков. Привет, алики!

Зилов. Привет, привет...

Официант. Привет.

Зилов. Присаживайтесь.

Вера *(о Зилове)*. Смотри, какой он сегодня шикарный.

Кузаков. Красавчик.

Вера. Именинник.

Кузаков. Принц.

Зилов. Ладно, не болтайте. Садитесь за стол.

Вера *(передает цветы официанту)*. Алик, будь добр, поставь их в вазу.

Официант *(насмешливо)*. Слушаюсь. *(Уходит.)*

Кузаков *(Вере об официанте)*. Ты с ним знакома?

Вера. Знакома, к сожалению.

Зилов. Ты лучше спроси, с кем она не знакома.

Кузаков. Он мне не нравится.

Вера. Мне тоже, Коля. Но делать вид, что я его не знаю, зачем?

Зилов. Бросьте, он отличный парень. *(Кузакову.)* А ты, кажется, ее ревнуешь?

Кузаков *(привлек Веру к себе)*. Ты прав — ревную.

Вера. А что в этом плохого? *(Слегка обнимает Кузакова.)*

Зилов. Какие нежности, черт возьми... *(Кузакову, насмешливо.)* Слушай, ты на ней женись.

Кузаков. Знаешь, я так и сделаю.

Зилов *(удивленно)*. Серьезно?

Кузаков. А ты что-нибудь имеешь против?

Зилов *(насмешливо)*. Я против?.. Ну что ты. Наоборот. Благословляю.

Появляются Валерия, Саяпин и Кушак.

Саяпин. Привет, алики!

Все поздоровались. Официант принес цветы, вино и удалился.

Зилов. Милости прошу к столу. Рассаживайтесь. Сюда, Вадим Андреич.

Кушак. Да, пожалуй, я сяду здесь. *(Садится рядом с Зиловым.)* Рядом с отпускником.

Зилов. Ну вот, все в сборе. Сейчас придет моя невеста... *(Ждет замечаний.)*

Валерия. Невеста?

Зилов. А что?.. Может, вас это не устраивает?

Валерия. Ну, во всяком случае,— новость...

Вера. У тебя невеста?

Зилов. Да, невеста. Если уж у тебя есть жених, то почему бы...

Валерия *(перебивает)*. Ну хорошо, хорошо. Невеста так невеста. Но мне кажется, если ты нас пригласил, ты мог бы не пить заранее. Мог бы воздержаться.

Зилов. Так вот. Сейчас придет моя невеста и мы будем выпивать. Давненько мы с вами не выпивали, а, Вадим Андреич?

Кушак *(ему явно не по себе)*. В самом деле... *(Озирается.)* Но ведь я по этой части не особенно.

Зилов. Ничего не известно. По-моему, вы пьете дома. По ночам.

Валерия. Какая глупость. Вадим Андреич — единственный здесь мужчина, которого нельзя назвать пьяницей.

Саяпин. Братцы! Что я вижу! Гляньте на стол!

Зилов. В чем дело?

Саяпин. Крабы!

Валерия. Крабы?.. Красота! Роскошь!

Кушак. Действительно, крабы теперь большая редкость.

Появляется Ирина. Она веселая, в светлом платье.

Ирина. Добрый вечер.

Все поздоровались.

Зилов *(довольно мрачно)*. Где ты была? Ладно, иди сюда.

Ирина подходит.

(Всем.) Вот. Прошу любить и жаловать. Ее зовут Ирина. *(Ирине.)* Знакомьтесь. Это вот — Вадим Андреич.

Кушак. Очень приятно.

Зилов. Мой шеф. Руководитель, стало быть. Большой либерал.

Ирина слегка кланяется всем поочередно.

(Церемонными жестами представляет ей своих друзей.) Саяпин. Тоже крупный деятель... Его боевая подруга... Дальше... Кузаков. Жених, как я только что выяснил... *(О Вере.)* А это... ты сама видишь. Тоже, оказывается, невеста... Все они мои лучшие друзья.

Ирина *(мягко)*. Я очень рада.

Зилов. Они тоже очень рады. *(Всем.)* Или вы недовольны?

Маленькая пауза. Саяпин не удержался, прыснул.

Все довольны? Я так и думал. А теперь давайте выпьем. За утиную охоту.

Маленькая пауза. Зилов выпивает один.

Кузаков *(насмешливо)*. Ну и как? Хорошо прошла?

Зилов. Замечательно.

Кузаков. Ты что же, пригласил нас посмотреть, как ты напиваешься?

Зилов. Нет, зачем же. Я вас пригласил, чтобы посмотреть на трезвых людей.

Валерия. И долго ты намерен на нас смотреть?

Зилов. Уже налюбовался. Можете выпить. За охоту. Предупреждаю, пить вы сегодня будете только за охоту. Исключительно.

Маленькая пауза.

Кушак *(осторожно)*. Я понимаю, Виктор, охота — это твое хобби, но...

Зилов *(перебивает)*. Какое еще к черту хобби! Охота, она и есть охота. *(Фыркнул.)* Хобби! Чем говорить такие пошлости, выпьем лучше за открытие сезона.

Валерия *(Зилову)*. Послушай, со своей охотой ты совсем помешался.

Кушак. В самом деле, Виктор. Я полагаю, здесь у каждого свои увлечения, нельзя же так, ведь мы твои гости...

Зилов. Ерунда. Вы будете пить за охоту — и никаких. А если нет, то зачем вы здесь собрались?

Несмотря на выпитое, Зилов пока еще в трезвом уме и твердой памяти.

Кузаков. Не понимаю, чего ты добиваешься? Хочешь, чтобы мы ушли?

Саяпин. Да нет! Витя шутит. Как всегда. Вы что, его не знаете?

Зилов *(Ирине)*. Ты только посмотри на эту компанию. Посмотри, какие они все серьезные. Они не выпивают, не закусывают. У них другое на уме. Они пришли учить меня жить.

Вера. Мне это уже надоело.

Зилов. Надоело? Ну конечно! Ты ведь не привыкла к длинным разговорам.

Ирина *(она растерянна, негромко Зилову)*. Перестань...

Зилов. Подожди! Ты их не знаешь. Это такие порядочные люди, что им просто стыдно сидеть со мной за одним столом. *(Вере.)* Не правда ли, Ве-

рочка? Признайся, что ты умираешь от стыда. Ты ведь у нас невеста. *(Смеется.)*

Кузаков *(поднимается)*. Слушай! Сколько я тебя знаю, ты всегда был мелким шкодником. Что случилось? На этот раз, я вижу, ты размахнулся не на шутку. Чего доброго, ты устроишь здесь настоящий скандал.

Вера. А мы будем ждать? А может, лучше пойдем отсюда?

Зилов. Нет, зачем же? Не торопитесь, дайте нам на вас полюбоваться. Вы — такая замечательная пара. Вас же надо по телевизору показывать. Особенно невесту.

Кузаков. Ты еще не наговорился?

Зилов. Невеста! Вы меня не смешите. Спросите-ка, с кем она здесь не спала.

Ирина. Виктор!

Кузаков поднимается и направляется к Зилову. Саяпин поднимается и приближается к Зилову с другой стороны.

Вера *(вскакивает и кричит)*. Не трогайте его!

Кузаков и Саяпин останавливаются. Маленькая пауза.

Не будете же вы бить пьяного... И потом он... Он говорит правду.

Валерия *(Вере)*. Да как вы можете! Да он совсем обнаглел! Ему кажется, что он уже на болоте со своей двустволкой!

Кушак *(Зилову)*. Виктор! Ты забываешься. Ты не в лесу. В конце концов, здесь общественное место, семейные люди, девушки...

Зилов. Ах да! Конечно! Семья, друг семьи, невеста — прошу прощения!.. *(Мрачно.)* Перестаньте. Кого вы тут обманываете? И для чего? Ради приличия?.. Так вот плевать я хотел на ваши приличия. Слышите? Ваши приличия мне опротивели.

Ирина *(трясет Зилова)*. Виктор!..

Кушак *(негодует)*. Ну знаешь ли! Я далеко не ханжа, но это уже слишком! *(Поднимается.)*

Зилов *(Кушаку)*. Ну конечно! Вы пришли провести вечер — тихо, благородно, и вдруг такое безобразие. Так, что ли? Зачем вы пришли, скажите-ка лучше откровенно. Ну зачем?.. Молчите? А я вам скажу, зачем вы сюда пришли. Вам нужна девочка — вот зачем вы сюда пожаловали.

Кушак. Прекратите, хулиган!

Ирина. Виктор!

Появляется официант.

Официант. Витя, не шуми, старик, шуметь не разрешается...

Зилов *(вырывается, всем).* Хватит вам валять дурака! Сколько можно! Нужна девочка — так и скажите.

Валерия. Хам, да и только.

Зилов *(Кушаку).* Нужна, ну пожалуйста! Выбирай любую. Хоть эту *(показывает на Веру,)* хоть эту *(показывает на Валерию),* вы же друг семьи, так в чем же дело? Он *(показывает на Саяпина)* вам уступит. С удовольствием!

Ирина *(трясет Зилова).* Замолчи! Или я уйду.

Валерия. Хам. *(Саяпину.)* Чего стоишь? Не слышишь, нас оскорбляют!

Саяпин направляется к Зилову, но официант его останавливает.

Официант. Спокойно... У нас не разрешается.

Зилов *(Кушаку).* Ну что же вы? Выбирайте!

Ирина *(с отчаянием).* Я уйду, ты слышишь!

Валерия. Хам! *(Кушаку и Саяпину.)* Идемте отсюда!

Валерия, Кушак и Саяпин направляются к выходу. Вера и Кузаков за ними.

Зилов *(кричит).* Постойте!

Уходящие останавливаются.

(Зилов хватает Ирину за руку и быстро выводит ее из-за стола.) Вот вам еще одна! Еще одна! Берите ее! Хватайте!

Ирина *(кричит).* Виктор!

Зилов. Рекомендую! Восемнадцать лет! Прелестное создание! Невеста! Ну! Что же вы растерялись! Думаете, ничего не выйдет? Ерунда! Поверьте мне, это делается просто!

Официант. Спокойно, спокойно... *(Оттесняет Зилова к столу.)*

Ирина смотрит на Зилова с ужасом.

Кузаков *(Ирине).* Идемте с нами...

Зилов. Вот, вот. Возьмите ее с собой и убирайтесь... *(Кричит.)* Убирайтесь, я вам говорю! Вон отсюда!

Валерия *(на пороге)*. Придурок!

Саяпин. Браконьер!

Кушак, Вера, Кузаков, Валерия и Саяпин уходят. Официант усаживает Зилова за стол. Ирина стоит посреди комнаты. Она как бы в оцепенении.

Зилов *(вслед уходящим)*. Вот и прекрасно! Катитесь к чертям собачьим! Знать вас больше не желаю! Подонки!.. Алики! Чтоб вам пусто было! *(Наливает себе водки и залпом выпивает. Только сейчас он окончательно пьянеет. Обращаясь к Ирине.)* И ты убирайся вместе с ними.

Официант. Кого-кого, а девушку ты зря обижаешь. С такой милой девушкой я бы на твоем месте так не разговаривал.

Зилов. А ты еще кто такой?.. Ах, лакей... И ты туда же? Ну и хватай ее, если она тебе нужна. Мне плевать... Она такая же дрянь, точно такая же. А нет, так будет дрянью. У нее еще все впереди...

Официант *(обращаясь к Ирине, как бы извиняясь за себя и за Зилова)*. Отключился. Сам не знает, что говорит.

Зилов *(Ирине)*. Что́ ты так на меня уставилась? Что тебе надо? *(Официанту.)* Слушай ты, лакей! Убери ее отсюда. И сам уходи. Я хочу остаться один... Я вам не верю, слышите?

Ирина медленно, как во сне, идет к выходу и исчезает. Зилов уронил голову на стол.

Официант *(подходит к Зилову, толкает его в бок, поднимает ему голову.)* Я — лакей?

Зилов *(смутно)*. В чем дело?

Официант. Я спрашиваю: я — лакей?

Зилов. Ты?.. Конечно. А кто же ты еще?

Официант оглядывается, потом бьет Зилова в лицо. Зилов падает между стульями. Официант безо всякого перерыва начинает убирать со стола...

Появляются Кузаков и Саяпин.

Саяпин. Где он?

Официант *(показывает)*. Готов. И рогом не шевелит.

Саяпин. Герой.

Кузаков *(поднимает Зилова, Саяпину)*. Помоги.

Официант. Хорошо, что вы вернулись. Я с ним таскаться не собираюсь. По долгу службы. *(Уходит с подносом.)*

Кузаков и Саяпин усаживают Зилова на стул и приводят в чувство.

Кузаков. Очнись, скандалист.

Зилов *(смутно)*. В чем дело?

Кузаков. Пошли домой.

Зилов. Домой?.. Зачем? Что я там забыл?.. Нет, домой я не хочу. Никуда я не хочу. Я остаюсь здесь. Решено!

Саяпин *(громко Зилову на ухо)*. Уже ночь, чучело. Кафе закрывается. Ночь, понимаешь! Ночь!

Зилов. Ночь?.. *(Вдруг энергично.)* Где ночь? Где ты ее видишь. Ночью должно быть темно. А это что такое? *(Тычет пальцем в открытую дверь, через которую видна освещенная улица.)* Что это?.. Разве это ночь? Ну? Светло, как днем!.. Какая же это к черту ночь! Нет, мне это опротивело... *(Вдруг обмяк.)*

Кузаков. Пьян мертвецки... *(Зилову.)* Ты можешь передвигать ногами?..

Зилов. Пока — да. Но сначала выпьем. Выпьем и пойдем... *(Вдруг.)* Подождите! А где моя невеста?

Саяпин. Хватился!

Зилов. Где моя невеста? Где она? Верните ее! Верните! Мы обвенчаемся в планетарии...

На улице возникает шум и вид начинающегося дождя.

Саяпин. Дождь пошел.

Кузаков. А вот мы его по дождичку. Взяли.

Они поднимают Зилова со стула. Он сопротивляется.

Зилов. Куда вы меня ведете?

Саяпин. В планетарий. Сочетаться законным браком.

Зилов *(уперся)*. Не хочу.

Кузаков *(Саяпину)*. Подожди... *(Зилову, громко.)* Слушай, хулиган! Ты едешь завтра на охоту. Забыл?

Зилов. На охоту?.. *(Воспрянул.)* Черт возьми! Вы правы, надо торопиться. *(Поднялся, едва не упал.)*

Они его подхватили.

Саяпин. Труп. Берем его под руки.

Саяпин *(потирает руки.)* Покойничек! *(Смеется.)* У меня блестящая идея. *(Смеется.)* Завтра мы ему устроим!

Кузаков. Что устроим?

Саяпин. Вот такой *(показывает большой палец)* сюрприз! Он нам устроил сегодня, а мы ему устроим завтра! Покойничек. *(Хохочет.)* Пошли!

Берут Зилова под руки, уводят. Шум дождя усиливается.
Траурная музыка. Секундное затемнение, после чего, как в первой картине, последовательно зажигаются два прожектора. Первым, неярким, освещен Зилов, стоящий у дверей, так, как оставили мы его в начале этой картины. Вторым, ярким, прожектором в середине комнаты высвечен круг, на котором сейчас возникнут видения Зилова из первой картины.
Теперь эта сцена с начала до конца должна сопровождаться траурной музыкой. Поведение лиц и разговоры, снова возникшие в воображении Зилова, на этот раз должны выглядеть без шутовства и преувеличений, как в его воспоминаниях, то есть так, как если бы все это случилось на самом деле.
Из комнаты в свет яркого прожектора являются Кузаков и Саяпин.

Саяпин. Да нет, что ты. Не может этого быть.

Кузаков. Факт.

Саяпин. Да нет, он пошутил, как обычно. Ты что его не знаешь?

Кузаков. Увы, на этот раз все серьезно. Серьезнее некуда.

Саяпин. Спорим, что он распустил этот слух, а сам сидит в «Незабудке».

Появляются Вера и Валерия, потом Кушак.

Валерия. Вы только подумайте, вчера он собирался на охоту, шутил... Еще вчера! А сегодня?!

Вера. Такого я от него не ожидала. Он был алик из аликов...

Кушак. Какое несчастье!.. Я никогда бы этому не поверил, но, знаете ли... Последнее время он вел себя... Я далеко не ханжа, но я должен сказать, что вел он себя весьма... м-м... неосмотрительно. К добру такое поведение не приводит.

Все исчезают. Появляется Галина, за ней Ирина.

Галина. Я не верю, не верю, не верю. Зачем он так сделал?

Ирина. Зачем?

Галина *(Ирине)*. Скажи, он тебя любил?

Ирина. Я не знаю...

Галина. Мы прожили шесть лет вместе, но я его так

и не поняла. *(Ирине.)* Мы будем с тобой дружить, хорошо?

Ирина. Хорошо.

Обнимаются и обе плачут.

Галина. Я уезжаю... навсегда... Напишешь мне письмо?

Ирина *(сквозь слезы)*. Хорошо...

Галина исчезает. Появляется Кушак и официант.

Кушак *(Ирине)*. Очень, очень приятно.

Официант. Девушка, в таком состоянии вам нельзя быть одной.

Кушак. Да, но... Нет, конечно... И все-таки...

Официант. В шесть часов мы ждем вас в «Незабудке». Придете?

Ирина *(сквозь слезы)*. Хорошо...

Все исчезают. Появляется Кузаков.

Кузаков *(задумчиво)*. Кто знает... Если разобраться, жизнь в сущности проиграна... *(Исчезает.)*

В траурном шествии последовательно проходят Галина, Кузаков, Саяпин, Валерия, Кушак, Ирина, официант. Последним проходит мальчик, несущий венок. Оба прожектора внезапно гаснут, музыка обрывается. Две-три секунды на сцене темнота. Сцена освещается. Зилов один в своей комнате. Он стоит перед окном долго и неподвижно. За окном дождь. Он хотел закрыть окно, но вдруг распахнул его и высунулся на улицу.

Зилов *(кричит)*. Витька!.. Куда ты?.. А как уроки?.. Порядок?.. Ну молодец... Что? Не волнуйся, все как надо... Давай... Прощай, Витька. Прощай. *(Закрыл окно. Снял с головы кепку, бросил ее на пол. Подошел к телефону, набрал номер.)* Дима?... Знаешь, я не поеду... Да нет, хочу тебя предупредить: я вообще не еду... Раздумал... Да вот раздумал... У меня другие планы. Да, другое место... Нет, что ты. Где мне с тобой тягаться... Слушай, ты чем сейчас занимаешься?.. Да вот хочу тебя пригласить... На поминки... На мои... Да вот надоела. Или я ей надоел. Одно из двух... Короче, я приглашаю тебя на поминки. Ну да, по-соседски... Что, лень: перейти улицу? Выпить? Конечно. будет. А как же?.. Придешь?.. Все, договорились. *(Положил трубку, поднял ее снова, набрал*

номер.) Мне Саяпина... Привет, Зилов... Да, живой... Получил, спасибо. Очень смешно... И Кузаков там? Отлично... Молодцы. Я умираю со смеху... Конечно... Все правильно, ребята... Ну, так что ж? Приходите на поминки... Ну конечно. Уж доведем дело до конца... Вот я вам и говорю, приходите на поминки... Как — что делать?.. Выпьете, закусите — как водится... Да прямо сейчас... Идете?.. Вот и прекрасно. *(Положил трубку, уселся за стол, достал бумагу, ручку, что-то написал. Поднялся, взял ружье, вынул его из чехла, собрал, поставил его у стола. Развязал рюкзак, достал из него патронташ, вынул из него патрон, зарядил ружье — все это довольно торопливо. Уселся на стул, ружье поставил на пол, навалился грудью на стволы. Примерился к курку одной рукой, примерился другой. Поставил стул, уселся, ружье устроил так, что стволами оно уперлось в грудь, прикладом в стол. Отставил ружье, стянул с правой ноги сапог, снял носок, снова устроил ружье между грудью и столом. Большим пальцем ноги нащупал курок...)*

Раздается телефонный звонок. Он сидит неподвижно. Телефон звонит настойчиво и долго. Он поднимается и быстро подходит к телефону. Снимает трубку. Трубка у него в одной руке, в другой — ружье.

Зилов. Да... Говорите, я вас слушаю... Говорите! *(Чрезвычайно взволнованно.)* Кто это?.. Послушайте, мне не до шуток...

В дверях появляются Кузаков и Саяпин. Они появляются без стука. Вид Зилова с ружьем, в одном сапоге, тон его разговора их настораживает, и они, остановившись в дверях, ничем не выдают своего присутствия. Зилов стоит к ним спиной.

Кто это?.. Кто звонит? Отвечайте! *(Мгновение держит трубку перед глазами, снова подносит ее к уху, затем руку с трубкой медленно опускает вниз.)*

Так с ружьем и трубкой в руках некоторое время он стоит у телефона.

Не глядя, бросает трубку мимо телефона. Возвращается к столу, устанавливает на должном расстоянии сдвинутый недавно стул, и как только он на него усаживается, Кузаков набрасывается на него сзади и выхватывает из его рук ружье. Зилов вскакивает. Небольшая пауза.

Дай сюда! *(Бросается к Кузакову. Борьба.)*

Саяпин. Витя... Витя... Что с тобой?

Вдвоем они его одолели и усадили на тахту.

Кузаков *(с ружьем в руках)*. Псих. Нашел себе игрушку.

Зилов *(тяжело дышит)*. Нахалы...

Саяпин. И мы же — нахалы!

Зилов. Стучаться надо, черт вас возьми!

Саяпин. Озверел. *(Взял со стола записку, читает ее вслух.)* «В моей смерти прошу никого не винить...» Витя, да ты что, старик? С ума сошел, что ли!

Кузаков *(переломил ружье, вынул патрон, разглядывает его)*. Ты и в самом деле спятил.

Саяпин *(взял патрон, спрятал его в карман. Зилову)*. Да за такие вещи... *(Кузакову.)* А если бы мы пошли пешком, а? Что тогда? Неужели бы ты...

Зилов. Вы пришли раньше времени. Уходите.

Кузаков. Никуда мы не уйдем.

Саяпин *(садится)*. Мы тут у тебя посидим. Отдохнем, перекурим. Верно, Коля?.. Ну, дела. *(Кузакову.)* А ты еще говоришь, пойдем пешком. А я гляжу — такси, нет, говорю, давай прокатимся, как будто чувствовал.

Кузаков *(Зилову)*. Опомнись, милый мой, возьми себя в руки... Обуйся. Для начала. *(Пауза.)*

Зилов. Уходите.

Кузаков. Никуда мы не уйдем, даже не думай.

Зилов. Ну как хотите. Мне торопиться некуда.

Кузаков. Что случилось? Ты что, жизнь тебе не дорога?

Зилов. Только не надо меня уговаривать. Напрасный труд. Это дело я доведу до конца.

К этому времени в комнате чуть светлеет, и на полоске неба, видимой в окно, появляются редкие проблески синевы.

Кузаков *(подходит к телефону, поднимает трубку, набирает номер)*. Магазин?.. Веру позовите к телефону... Вера?.. Ты меня не теряй, я задержусь... Непредвиденное обстоятельство... Когда? Точно не знаю. Будь дома, хорошо?.. Счастливо... *(Положил трубку.)*

Саяпин. Витя, может, ты из-за венка расстроился, а?.. Витя?.. Неужели ты на нас обиделся?..

Зилов. Какого черта вы полезли в такси? Кто вас просил? Вы что, не могли пешком пройти четыре квартала?

Кузаков. Да что же все-таки случилось? В чем дело?.. Чем ты недоволен?.. Чего тебе не хватает? Молодой, здоровый, работа у тебя есть, квартира, женщины тебя любят. Живи да радуйся. Чего тебе еще надо?

Зилов. Мне надо, чтобы вы ушли.

Саяпин. Витя, что ты говоришь, соображаешь? Ведь мы же твои друзья, как же мы можем уйти? Покинуть тебя в такую минуту! Да ты что?

Зилов. Это дело я доведу до конца. И никто, черт вас подери, ни одна душа на свете мне не помешает. Вам ясно?.. Все. *(Пауза.)*

Саяпин. Ребята. Что же вы молчите?.. Поговорим о чем-нибудь, а? *(Маленькая пауза.)*

(Простодушно.) Витя, ты замечаешь, у тебя полы рассыхаются... Придется ремонтировать. *(Поднимается, подходит к кухонной перегородке и стучит по ней.)* Картон... Картон и штукатурка. Халтура... Плохо стали дома делать... *(Подходит к другой перегородке.)*

Зилов наблюдает за ним с возрастающим любопытством.

А тут? *(Стучит.)* То же самое...

Зилов. Ну-ну. Что же ты остановился? Давай, дружище, продолжай. Пройдись по комнатам, прикинь, что куда поставить.

Саяпин. Витя! Да ты что! Неужели ты думаешь, что я претендую...

Зилов. Претендуешь? Нет, старина, ты не претендуешь, ты пришел сюда за ключами. Так вот они. *(Вынул из кармана ключи, бросил их Саяпину.)* Бери... Бери, не стесняйся.

Саяпин. Старик, ты с ума сошел!

Кузаков. Перестань, ты его не так понял.

Саяпин. Да за кого ты нас принимаешь!

Зилов. Бросьте, ребята, не будем сентиментальничать, чего уж тут. Признайтесь, вам обоим это на руку. Разве нет? Так в чем же дело? Какого же черта вы здесь ждете? Дайте сюда ружье и уходите. Пока я не передумал.

Кузаков. Чего ты мелешь, опомнись. Кому она нуж-

на, твоя смерть, подумай сам. Ему она нужна?.. Мне?.. Да и тебе она не нужна. А если тебе не нравится твоя жизнь, ну и отлично, живи по-другому, кто тебе мешает?.. И не суди по себе, не думай о людях скверно.

Зилов. Ладно, хватит. *(Саяпину.)* Толя, гони этого праведника из своей квартиры.

Саяпин. Почему же, я разделяю...

Кузаков. А что касается венка, я готов просить у тебя прощения.

Зилов. Замолчи, я тебе не верю.

Кузаков. Я в этом не участвовал, но о венке я знал, и раз он здесь, значит, и я тут виноват.

Зилов. Не верю я тебе. Ты понял?.. Вот и уходи.

Кузаков. Не уйду. Я не уйду отсюда, пока это твое глупое самоубийство, эта дрянь не выйдет у тебя из головы. *(Появляется официант.)*

Официант. Привет... Чего базарите?

Саяпин. Вот, вот. Хорошо, что ты пришел. Ты посмотри на него и послушай, что он себе позволяет.

Официант. А где же поминки?

Зилов. Видишь ли, я не успел как следует подготовиться.

Официант. А где же выпивка?

Зилов. К тому же я здесь уже не хозяин.

Саяпин *(официанту показывает палец у головы)*. Не видишь? Взгляни. *(Передает официанту записку Зилова.)* И скажи ему пару слов...

Официант *(читает)*. «В моей смерти прошу никого не винить...»

Саяпин. Одна попытка уже была. На наших глазах.

Официант. Да?

Кузаков. В самом деле.

Саяпин Вот. *(Протягивает патрон.)* Из ружья.

Официант *(разглядывает патрон)*. Картечь... А пистоны у тебя ненадежные. Замени на простые, они безотказные.

Зилов. Спасибо за совет.

Официант *(присаживается)*. Смени обязательно. Дождь кончился. *(Взял в руки ружье.)* Через часок *(переломил ружье)* можно будет *(играючи, двумя движениями зарядил ружье)* отправляться. Понял? Кончай базар, через час я подъеду.

Зилов. Никуда я не еду. Я тебе уже сказал. *(Кузакову и Саяпину.)* Не беспокойтесь, ваше дело верное.

Саяпин. Витя! Хватит сходить с ума! Собирайся на охоту.

Кузаков. Обувайся. *(Взял в руки рюкзак.)* Надевай рюкзак. *(Саяпину и официанту.)* Выведем его на улицу. *(Кузаков и Саяпин подступают к Зилову.)*

Зилов. Не трогайте меня, не прикасайтесь.

Официант. Короче. Будешь шизовать или поедешь на охоту?

Зилов. Никуда я не поеду.

Официант. Ну что тебе сказать?.. Дурак. Больше ничего не скажешь. *(Поднимается.)*

Саяпин. Ты что, уходишь?

Официант. А что я могу сделать? Ничего. Сам должен соображать.

Зилов. Правильно, Дима. Ты жуткий парень, но ты мне больше нравишься. Ты хоть не ломаешься, как эти... Дай руку... Кланяйся там...

Официант. Ну пока, Витя. Жалко, что мы не едем вместе. Не вовремя ты расстроился... А то смотри, лучше будет — приезжай...

Зилов. Ладно, Дима, прощай.

Официант. Подожди, а где твоя лодка?

Зилов. Лодка у Хромого.

Официант. В сарае?

Зилов. Да, в сарае.

Официант. Значит, я...

Зилов *(хрипло)*. Бери.

Официант. Спасибо, Витя, а если что...

Зилов *(голос его дрогнул)*. Считай, что она твоя... Берите... Все берите...

Саяпин. Витя, ну что ты говоришь.

Зилов. Вы все уже поделили. Вы рады моей смерти.

Кузаков. Врешь!

Зилов *(вдруг со злобой)*. Я еще жив, а вы уже тут? Уже слетелись? Своего вам мало? Мало вам на земле места?.. Крохоборы! *(Бросается на них.)*

Кузаков. Врешь... Врешь... Врешь...

Официант. Спокойно. Возьми себя в руки!.. Ты можешь взять себя в руки?

Зилов *(вдруг перестает сопротивляться)*. Могу... *(Спокойно.)* Я могу... Но теперь вы у меня ничего не

получите. Ничего. *(Неожиданно берет у Саяпина ружье и отступает на шаг.)* Вон отсюда.

Официант *(удивленно)*. Серьезно?

Зилов *(спокойно)*. Уходите.

Официант. Брось, старичок.

Зилов. Убирайтесь.

Саяпин пятится к двери. Кузаков остается на месте. Он стоит перед Зиловым. За ним ближе к двери стоит официант.

(Кузакову.) Уходи.

Кузаков. Не уйду. Я сказал тебе, что не уйду, пока...

Зилов. Уходи...

Кузаков. Не уйду.

Зилов. Я буду стрелять. *(Направляет стволы на Кузакова.)*

Кузаков. Стреляй!

Официант. Ружье заряжено.

Зилов. Вот и прекрасно. *(Саяпин исчезает.)*

Официант. Давай-ка. *(Хватает Кузакова, выталкивает за дверь.)* Так будет лучше... А теперь опусти ружье...

Зилов. И ты убирайся. Живо!

Мгновение они смотрят друг другу в глаза. Официант отступает к двери.

Официант задержал появившегося в дверях Кузакова и исчез вместе с ним. Зилов некоторое время стоит неподвижно. Затем медленно опускает вниз правую руку с ружьем.

С ружьем в руках идет по комнате. Подходит к постели и бросается на нее ничком. Вздрагивает. Еще раз. Вздрагивает чаще. Плачет он или смеется, понять невозможно, но его тело долго содрогается так, как это бывает при сильном смехе или плаче. Так проходит четверть минуты. Потом он лежит неподвижно. К этому времени дождь за окном прошел, синеет полоска неба, и крыша соседнего дома освещена неярким предвечерним солнцем.

Раздается телефонный звонок. Он лежит неподвижно. Долго звонит телефон. Звонки прекращаются. Звонки возобновляются. Он лежит не шевелясь. Звонки прекращаются.

Он поднимается, и мы видим его спокойное лицо. Плакал он или смеялся — по его лицу мы так и не поймем.

Он взял трубку, набрал номер. Говорит ровным, деловым, несколько даже приподнятым тоном.

Дима?.. Это Зилов... Да... Извини, старик, я погорячился. Да, все правильно... Совершенно спокоен... Да, хочу на охоту... выезжаешь?.. Прекрасно... Я готов. Да, сейчас выхожу.

Занавес

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ АНЕКДОТЫ

Трагикомическое представление в двух частях

Кто что ни говори, а подобные происшествия бывают на свете, — редко, но бывают. Н. В. Гоголь

АНЕКДОТ ПЕРВЫЙ. ИСТОРИЯ С МЕТРАНПАЖЕМ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Калошин — администратор гостиницы «Тайга».
Потапов — командированный, по профессии метранпаж.
Рукосуев — врач, приятель Калошина.
Камаев — молодой человек.
Марина — жена Калошина.
Виктория — девушка, устраивающаяся на работу.

Одиночный номер провинциальной гостиницы. Кровать, стол, два кресла, тумбочка, на тумбочке репродуктор и телефон. Дальняя стена закрыта яркими дешевыми портьерами.

Щелкает дверной замок и в комнате появляется Виктория, миловидная девушка лет двадцати. На ходу она снимает плащ и туфли, открывает шкаф и, невидимая за дверцей шкафа, мгновенно переодевается. Теперь на ней легкий халат и домашние туфли.

Она подходит к стене и раздвигает портьеры. За ними открывается окно, в которое видны светящиеся окна на противоположной стороне улицы, а рядом, прямо под окном, горит обратная сторона неоновой вывески «Гостиница «Тайга». Мгновение Виктория смотрит в окно, потом оборачивается, идет по комнате, закрывает дверь на ключ, берет со стола книгу, открывает ее. Не отрываясь от книги, приближается к кровати, сдергивает с нее покрывало, сбрасывает с ног туфли. Прилегла на кровать.

В это время раздается нетерпеливый стук в дверь. Виктория вскакивает, надевает туфли, набрасывает на кровать покрывало, поправляет прическу.

Стук повторяется. Виктория открывает дверь. В дверях появляется Потапов, небольшой сухощавый мужчина лет сорока. На нем серые брюки, светлая рубаха, галстук и дешевый вельветовый пиджак. Этот скромного вида человек сейчас явно раздосадован.

Потапов. Здравствуйте! У вас радио работает?

Виктория. Радио?

Потапов (*нетерпеливо*). Радио!

Виктория. А что такое?

Потапов. Работает или нет?

Виктория включает радиоприемник, раздается голос комментатора, ведущего футбольный репортаж. Потапов входит в комнату и крадется к радиоприемнику.

Голос комментатора. ...у Хусаинова, он передает его Янкину, Янкин переходит на правую половину поля...

Потапов останавливается рядом с радиоприемником, слушает.

...его атакуют, он передает... но нет, пас неточен, и вот уже атаку начинает Шалимов... Шалимов передает мяч... но нет, снова неточно, и мяч снова у Хусаинова...

Виктория. Футбол, а я-то думала...

Потапов. Тише!

Голос комментатора. Хусаинов обыгрывает Шалимова...

Виктория. Вы меня напугали...

Потапов (*строго*). Тихо!

Голос комментатора.

...его атакуют два защитника.

Виктория. Да вы присаживайтесь...

Голос комментатора. Хусаинов посылает мяч на штрафную площадку, а там...

Виктория. Садитесь...

Потапов *(свирепо)*. Вы можете помолчать?

Голос комментатора. ...там никого не оказалось, увы, никого, кроме защитника команды «Торпедо»... А вот и свисток судьи... Итак, первая половина игры закончилась безрезультатно... Ноль-ноль. Ноль-ноль. Команды отправляются на отдых, отдохнем, а через пятнадцать минут встретимся снова, чтобы узнать, кто же победит в этом увлекательном, напряженном поединке.

Голос диктора. Передаем легкую музыку.

Музыка.

Потапов *(опускается в кресло)*. Если в этот раз они проиграют — я... Я за себя не отвечаю!

Небольшая пауза.

Виктория *(осторожно)*. Можно мне что-нибудь сказать?

Потапов. Что... *(Вдруг очень вежливо.)* Извините меня! Я, это самое, сам не знаю, как... футбол, сами понимаете...

Виктория. Не понимаю. Смотреть на него — еще туда-сюда, а так — не понимаю.

Потапов. Простите за беспокойство.

Виктория. Да ладно уж, ничего...

Потапов. Видите ли, я сосед ваш, мой номер рядом, сидел у себя, слушал, и раз — радио испортилось — на самом интересном. Я — в коридор, туда-сюда. Двенадцатый час — у всех уже темно, а у вас свет. Как я сюда ворвался, и сам не заметил. *(Пятится к двери.)* Еще раз извините.

Виктория. Подождите.

Потапов останавливается.

Куда же вы? Где же вы дальше будете слушать?

Потапов. Не знаю. Поищу где-нибудь...

Виктория. А то забирайте мой приемник, утром вернете.

Потапов. Разрешаете?

Виктория. Забирайте.

Потапов. Большое вам спасибо. *(Взял радиоприемник.)* Извините еще раз, спокойной ночи.

Потапов уходит, но, как только Виктория снова приготовилась лечь, опять раздается стук в дверь — на этот раз деликатный. Виктория открывает дверь.

Входит Потапов. При этом дверь в коридор остается открытой.

Потапов. Простите, но в моем номере он не работает. *(Передает Виктории радиоприемник.)*

Виктория. Вот беда-то.

Потапов. Очевидно, испортилась проводка.

Виктория. Ну и что теперь?

Потапов. Ума не приложу. Большое вам спасибо... *(Мнется.)* Пойду искать кого-нибудь...

Виктория. Ладно уж. *(Включила радиоприемник.)* Садитесь, слушайте.

Потапов. В самом деле?

Виктория. Ну а что. Будете рыскать по всей гостинице.

Потапов. Но ведь вам спать надо.

Виктория. Да ничего. Я ложусь поздно. *(Придвинула кресло к радиоприемнику.)* Устраивайтесь поближе.

Потапов. Ну спасибо, девушка. *(Усаживается.)* За вашу доброту дай вам бог хорошего жениха.

Виктория. Благодарю.

В дверях появляется Семен Николаевич Калошин. Ему около шестидесяти, он лыс, кругл и вальяжен. Он невысок ростом, но держится очень прямо. При этом голова его почти постоянно откинута чуть назад, брови чаще всего чуть сдвинуты, а глаза обычно слегка прищурены. Благодаря всему этому общий вид его довольно внушителен, а людей выше его ростом для него не существует.

Одет он в хороший темный костюм, который сидит на нем, впрочем, довольно мешковато.

Прежде чем заговорить, он критически осматривает присутствующих.

Калошин. Товарищи, одиннадцать часов. Посторонних прошу покинуть помещение.

Небольшая пауза.

Виктория. Здесь посторонних нет, здесь все свои. Товарищ живет рядом.

Потапов. Да, мой номер за стеной.

Калошин. Не имеет значения. Согласно распорядку после одиннадцати все расходятся по своим номерам.

Виктория. Да, но тут такое дело...

Калошин (*перебивает*). Дела, товарищи, будете обделывать завтра. А сегодня прошу вас по своим номерам.

Потапов. Послушайте...

Калошин (*перебивает*). Не знаю, товарищи...

Виктория (*перебивает*). Хорошо, хорошо. Он уйдет.

Калошин. Давайте, товарищи, давайте.

Виктория. Уйдет, сейчас уйдет.

Калошин. Предупреждаю, я проверю. (*Уходит.*)

Виктория. Лучше с ним не спорить.

Потапов. Да, придется уходить.

Виктория. Нет, вы меня не поняли. Закройте свой номер на ключ и возвращайтесь.

Потапов. Знаете, лучше с ним не связываться.

Виктория. Закроемся, радио сделаем потише — обойдется. Идите, закрывайте номер.

Потапов. Ну что ж... (*Выходит и тотчас возвращается.*) Закрыл.

Виктория. А все почему? У нас двери были открыты. (*Убавляет звук радиоприемника.*) Дерут такие деньги, да еще им на цыпочках ходи.

Потапов. Вы в командировке?

Виктория. Я — нет. Я здесь одну ночь, завтра в общежитие уйду. Я на строительство приехала, на работу. А вы?

Потапов. Я здесь в командировке. (*Усаживается.*)

Виктория. Откуда вы?

Потапов. Из Москвы.

Виктория. Ладно, вы слушайте, а я буду читать. А дверь мы... (*Подошла к двери, хотела ее запереть.*)

Но дверь внезапно раскрылась, и на пороге возник Калошин.

Калошин (*миролюбиво*). Так. Хотели закрыться...

Виктория. У него радио испортилось...

Калошин (*многозначительно*). Я понимаю...

Виктория. Он футбол послушает и уйдет.

Калошин (*игриво*). Футбол, говорите?

Потапов. Футбол, совершенно верно.

Калошин (*весело*). Футбол?

Виктория. Ну конечно.

Калошин. Так, так. Значит, футбол?

Потапов. Да футбол же. Неужели вы не понимаете?

Калошин. Я понимаю. Я все понимаю. Я, товарищи, уже не маленький.

Потапов. То есть? Что вы этим хотите сказать?

Калошин. Да то. Сами понимаете что.

Потапов. Да что именно?

Калошин. Да то, товарищи, что дураков вы здесь не ищите.

Потапов. То есть?

Виктория. Ну?.. Ну что скажете?

Калошин. А вы что скажете?.. Футбол?

Потапов. Да, футбол.

Калошин. Ну вот, опять футбол!.. А закрываться для чего, разрешите вас спросить? Если футбол, то для чего тогда двери на ключ закрывать?

Виктория. Я не могу... Да от вас закрылись, от вас! Чтоб не лезли здесь, не мешались...

Калошин *(перебивает)*. «Не мешали?» Вот и я так думаю, чтоб не мешали. Кому же нравится, когда мешают?

Потапов. Да вы... Да с вами просто нельзя разговаривать!

Калошин. Разговаривать со мной можно. Но вы, товарищи, разговаривать не умеете. К сожалению. *(Официально.)* Поэтому прошу вас в свой номер.

Потапов. Хорошо. Я уйду, но...

Виктория *(перебивает)*. А вы не уходите. *(Калошину.)* Вы уходите. *(Открывает дверь.)* Пусть он уходит.

Калошин. То есть как?

Виктория. Вот так. Уходите, и все. Как-нибудь без вас обойдемся. Здесь я хозяйка.

Калошин. Что?

Виктория. Да ничего. Никто вас сюда не звал с вашими разговорчиками.

Калошин. Да вы что? Вы что, уважаемая, законов не знаете?

Виктория. Не знаю.

Калошин. Не знаете? Так могу вам разъяснить.

Потапов. Послушайте...

Калошин *(перебивает)*. И вы не знаете? И вам могу разъяснить.

Виктория. Ну?

Калошин. Вы зарегистрируйтесь сначала, а потом уж закрывайтесь. Потом — пожалуйста. Милости просим. Не знали? Допустим, что не знали. Будете знать. А сейчас прошу вас из женского номера.

Виктория. Нет! Я не могу...

Потапов. Хорошо. Я уйду. Но вы... вы извинитесь. Перед девушкой извинитесь.

Калошин. Это за что, интересно?

Потапов. За оскорбление. Неужели вы не понимаете, что вы ее оскорбили?

Калошин *(сердится)*. Во-первых, извиняться буду не я, во-вторых, извиняться будете вы, и притом не перед ней, а перед вашей законной супругой. А пока прошу вас пройти в свой номер. По-хорошему.

Музыка в радиоприемнике умолкает. Включается стадион. Шум стадиона.

Потапов. Нет, хватит. Теперь я отсюда не уйду.

Виктория. Правильно.

Калошин. Уйдете.

Потапов. Нет, не уйду. *(Усаживается в кресло рядом с радиоприемником.)*

Голос комментатора. Итак, наш микрофон установлен на стадионе «Динамо», где на кубок страны встречаются две столичные команды — «Спартак» и «Торпедо»...

Калошин. Это вы так думаете, что не уйдете, а на самом деле вы не только уйдете, но вполне еще и выскочить можете.

Шум стадиона.

Потапов. Нет, не уйду. Делайте что хотите, зовите милицию, а я... Я буду слушать репортаж.

Голос комментатора. Первая половина матча, как вам известно, закончилась ничейным результатом и...

Калошин *(подошел, выключил радиоприемник)*. Все.

Потапов. Не мешайте, я вам не советую. *(Включил радиоприемник.)*

Голос комментатора. ...нападение и защита...

Потапов. Не трогайте!

Калошин *(тащит Потапова к двери)*. Добром не хотите... Слов не понимаете...

Потапов. Не смейте. *(Упирается.)*

Виктория *(помогает Потапову)*. Не имеете права!

Потапов. Отпустите!

Возня у двери, в результате которой Калошин взашей выталкивает Потапова за дверь.

Стоят друг против друга, один по ту сторону порога, другой — по эту. Оба тяжело дышат.

Калошин. Предупреждал?.. Предупреждал...

Потапов. Вы мне за это ответите!

Виктория. Вы ответите!

Потапов. Даю вам слово, так я это не оставлю.

Калошин. Давай, давай...

Потапов. Вы меня попомните...

Виктория. Попомните!

Потапов. Я вам обещаю. *(Уходит.)*

Калошин. Давай, давай... Видали мы таких... донжуанов...

Виктория. Уходите.

Калошин. Да погоди ты... *(Идет к креслу, уселся.)* Уф...

Виктория *(с презрением)*. Что, притомились?

Калошин. А ты думала...

Виктория. Довольны?... Эх вы, пожилой, можно сказать, человек...

Калошин. Так вот и зарабатываешь свой хлеб...

Виктория. Как только не стыдно...

Калошин. Досталась мне работенка. Вот уж действительно — наградили меня должностью. С этажа на этаж — целый день, целый день! Да еще со скандалами... Нет, ты скажи мне, скажи, ну, как с вашим братом, с приезжим, работать? Как? С вами по-хорошему — вы не понимаете, начинаешь с вами по закону — вы в бутылку. Ведь он мне руку чуть не выставил.

Виктория. А вы? Как вы его толкнули?

Калошин. Пусть знает.

Виктория. А если бы он об стенку ударился?

Калошин. Ничего бы ему не сделалось. Почесался бы и дальше. Невелик барин.

Виктория. Откуда вы знаете?

Калошин. Вижу. Тут вашего брата пятьсот человек, если каждый будет свою амбицию показывать, что же такое получится?.. Ну чего он взъерепенился? Разве нельзя было по-хорошему? Он что, не знает, как это делается?

Виктория. Что делается?

Калошин. Ну тебе еще, скажем, простительно, по малолетству, а он-то о чем думал?

Виктория. Вы сами виноваты. Чушь всякую стали городить. Он вас не трогал. Он только что болельщик, а так человек воспитанный, из Москвы приехал...

Калошин *(живо)*. Откуда?

Виктория. Из Москвы.

Калошин *(тень сомнения)*. То есть как — из Москвы?

Виктория. Да так, что из Москвы... А что? Струсили?

Калошин. Ерунда... Подумаешь, из Москвы. И в Москве шантрапы хватает.

Виктория. А если он начальник, тогда как?

Калошин. Да ты что, не знаешь его, что ли?

Виктория. Конечно, нет.

Калошин. Не врешь?

Виктория. Говорю вам, не знаю. *(Злорадно.)* А вдруг начальник?

Калошин. Он?.. Ерунда. Учителишка или около того.

Виктория. А вдруг?

Калошин *(забеспокоился)*. Чего «вдруг»? Какое «вдруг»? Вельветовый пиджачок, галстучек барахольный — видать птицу по полету.

Виктория. По одежде, значит, встречаете?

Калошин. А ты думала? На этой работе глаз — первое дело. Если бегать каждому в анкету заглядывать — без ног останешься.

Виктория. А что — одежда? Есть большие люди, а одеваются скромно, и мне кажется...

Калошин *(поднялся)*. Крестись, если кажется. А мне голову не морочь. *(Подходит к телефону, набирает номер.)* Я устал, меня там, поди, уже жена ищет... Кажется ей... *(Положил трубку, набирает номер снова.)* Нет, не в добрый час я связался с гостиницей, не в добрый час. Предлагали же мне спокойную работу, так нет же, погнался я за

дурными деньгами... *(В трубку.)* Регистратура?.. Администратор говорит... Посмотрите там, кто у нас проживает в двести одиннадцатом номере... Двести одиннадцать. Потапов?.. Кто он такой, откуда?.. Из Москвы?.. А кто таков?.. Как, как?.. Метранпаж?.. Это что такое?.. *(Отвлекся от телефона, Виктории.)* Что такое метранпаж?

Виктория *(искренне).* Не знаю.

Калошин *(в трубку).* Выясните, кто такой метранпаж... Срочно... Он как вселился — по брони или... по командировке... А куда прибыл? В какую организацию?.. Не записано?.. Сколько раз вам указывалось, чтобы анкеты заполнялись от корки до корки... Безобразие... Он когда вселился?.. Сегодня?.. Кто же он такой? Я спрашиваю, что это обозначает? Что такое метранпаж?.. Что? Никто не знает?.. Как же так?.. Срочно выясните... У него?.. Нет-нет, у него не спрашивать... Если он к вам подойдет — разговаривайте вежливо... *(Бросил трубку.)* Метранпаж... Что это?

Виктория *(не без коварства).* Метранпаж... По-моему, это из ОБХСС.

Калошин *(испуганно).* Но-но! Скажешь тоже... Метранпаж... Слово-то какое-то... Черт знает, что за слово!.. Может, по профсоюзу?

Виктория. А вдруг он депутат?

Калошин. Но-но-но! Поосторожнее... В «люксе» бы поселился, и это... предупредили бы нас. Всегда предупреждают.

Виктория. Ну и что, что всегда. А он взял и так приехал, без предупреждения. Посмотреть, что вы тут вытворяете.

Калошин. Но-но-но-но-но! Ты, знаешь, говори, да не заговаривайся!.. Метран-паж... паж... Паж? В царское время при дворе чего-то такое было, а? Было?

Виктория. Да вроде было.

Калошин. Черт его знает... *(Набирает номер по телефону, в трубку.)* Ресторан?.. Музу Ханановну... А кто это? Слушай, друг, не знаешь ты случайно, что такое метранпаж?.. Ну да, откуда тебе... где тебе, говорю... Калошин... Погоди... Там жена моя еще не ушла?.. Работает?.. Да нет, не надо. Уж

она-то подавно не знает... Ладно... *(Бросил трубку.)* Никто не знает! И что за учреждение такое? Темнота, невежество... Вот же предлагали мне кинохронику, ведь вполне же культурное предприятие, так нет же... *(Набирает другой номер.)* Андрей Васильевич?.. Добрый вечер... Калошин... Извините, что так поздно, но... Да по делу, то есть нет, не по делу... По делу, Андрей Васильевич... Андрей Васильевич, будьте так любезны, объясните вы мне, неучу, кто такой метранпаж... Ме-тран-паж... Не встречали? Да вот тут случай небольшой... Нет-нет, ничего особенного. Извините... Извините... Спокойной ночи. *(Опустил трубку.)* В двух институтах обучался. Невежа! Вот ведь! На кинохронике так там наверняка каждый гардеробщик скажет, а тут? *(Набирает номер; в трубку.)* Регистратура?.. Ну что? Выяснили?.. Кто такой метранпаж?.. Что?.. Из газеты?.. Кажется? А точно вы не могли узнать?.. Там редактор есть, корреспонденты, а это, это кто?.. Не узнали, так какого же черта... Выясняйте... Немедленно! *(Бросил трубку.)* Кажется, из газеты.

Виктория. Из газеты?

Калошин *(трусит и не скрывает, что трусит)*. А из какой газеты?.. Из «Труда»? Или из «Известий», чего доброго?.. А вдруг он над всеми газетами сразу? Что же тогда будет, а? Что же он тогда со мной сделает? Ведь тогда он... Ведь он что захочет, то и сделает... Посадит на ладошку, дунет— и полетишь! Да еще, может, так полетишь, что нигде и не сядешь, не приземлишься никогда, а так и будешь вечно летать по воздуху!

Виктория. Ага, запрыгали.

Калошин. Где он?.. Извинюсь! Сию минуту извинюсь! *(Быстро выходит.)*

Из коридора слышен стук в соседнюю дверь и голос Калошина: «Товарищ Потапов...» Стучит очень деликатно. «Товарищ Потапов... Товарищ... Э-э... метранпаж...»

Калошин *(появляется в комнате)*. Где он? Куда ушел? Куда?

Виктория. Я не знаю. Может, в милицию.

Калошин. Что же делать?

Виктория. Вот уж не знаю. Вы кашу заварили, вы и расхлебывайте.

Калошин. Так что же это выходит?.. Если он... да еще и в милицию...

Виктория. Так вам и надо. Лично мне вас ни капли не жалко.

Калошин. А за что? Что я ему сделал?.. Почему он молчал? Почему не назвался? Разве так можно? Я ведь тоже человек — не овца какая-нибудь. Покрутись-ка здесь целый день, побегай-ка. У меня склероз, гипертония, мне до пенсии три года. Я вообще немного нервный. Я, может... *(Остановился, как бы ухватывая идею, заговорил решительно.)* Ну нет! Всякое со мной бывало, но до суда еще никогда не доходило. И не дойдет! *(Энергично, но просительным тоном.)* Дочка! Будь добра, беги-ка ты, разыщи его!.. Слышишь?

Виктория. С чего ради я побегу?

Калошин. Найди его! Поговори с ним! Скажи, что касается, мол, администратора, землю, скажи, грызет, дрожит, мол, на глаза попадаться, и вообще, скажи, что-то, мол, не в себе... Ну! Не в службу, а в дружбу!

Виктория. Какая это у нас с вами дружба? Бегите сами, а мне спать пора.

Калошин. Дочка! Мне позвонить надо, иди, я тебя очень прошу! Ведь я по-хорошему хочу. Я извиняться буду. Перед ним... и перед тобой! Перед тобой хоть сейчас!

Виктория. А! Нужны мне ваши извинения.

Калошин. Отблагодарю, дочка... Скорей, а? Моя судьба сейчас, может, от секунды зависит! *(Хватается за телефон.)*

Виктория. Ладно. Да не думайте, что ради вас. Звоните и уходите отсюда. Я спать хочу. *(Уходит.)*

Калошин *(набирает номер)*. Врешь... врешь... врешь... Голыми руками меня не возьмешь! *(В трубку.)* Катя? Это Калошин... Супруг дома? На дежурстве?.. Все, Катя, потом, потом! *(Нажимает на рычаг, набирает две цифры; в трубку.)* «Скорая помощь»?.. Мне Рукосуева!.. Да, да! Бориса Петровича! *(Ждет.)* Врешь — не возьмешь... *(В трубку.)* Борис?.. Это Семен... Борис, спасай!.. Меня спа-

сай!.. Меня!.. История... В гостинице... Нарвался... Я нарвался!.. Вези меня в больницу!.. Здоров, но мне нужна справка... Что вроде бы я... не в себе, вроде бы!.. Не в себе, говорю, понимаешь?.. Псих я, понимаешь? Припадочный я!.. Да нет же! Здоров я!.. Здоров, говорю!.. Ну как будто бы!.. Милицию, кажись, вызвали... Судом пахнет... Судом, говорю, пахнет! Понял? Выезжай сию минуту!.. Что?.. Машины нету?.. А скоро?.. Скорей, Борис, скорей!.. Горю!.. Гибну!.. Век буду благодарить. Жду!.. В гостинице... второй этаж... двести десятый... Борис! Борис! Погоди... Что такое метранпаж?.. Ме-тран-паж!.. Не знаешь? Что? В постель?.. Понятно... Борис! Борис! Погоди! *(Понизил голос.)* Может, мне пока здесь... это самое... попсиховать?.. Ну это... пошуметь, побуянить?.. Не очень? Так... Значит, не очень?.. Понимаю... Ну я тут так — по-тихому... В постель?.. Ясно... Скорей! Давай скорей! *(Бросил трубку, вытер пот со лба.)* Врешь! *(Набрал номер; в трубку.)* Регистратура?.. Не выяснили?.. Это я уже слышал! Я вас спрашиваю, какую должность занимает?.. Бросайте все! Выясняйте немедленно!.. Там жена моя не приходила?.. Когда подойдет, скажите ей — пусть едет домой... Да, без меня... Задержался по важному делу... Да, может не ждать... Не ждать!.. Когда узнаете, что такое метранпаж, позвоните в двести десятый номер... Пост! Пост какой занимает? Да чтоб в точности! *(Бросил трубку.)* Врешь... Кто бы ты ни оказался, все равно, брат, Калошина голыми руками ты лучше не бери. Калошин хоть и не метранпаж, но тоже и не водовоз какой-нибудь... *(Снимает с себя пиджак, галстук, башмаки, ложится на кровать и забирается под одеяло. Поднимается, разбрасывает снятую одежду по номеру, чуть подумав, расстегивает ворот, выпускает рубаху поверх штанов.)* Такую вам, уважаемые, видимость устрою, такое вам покажу представление, что и не возгордитесь и не возрадуетесь! *(Снова ложится. Но тут же садится на постели и внимательно рассматривает номер: что бы такое еще придумать. Достает оч-*

ки, надевает их, берет с тумбочки книгу и, раскрыв ее, ложится.)

Появляется Виктория.

Виктория *(на пороге).* Его нигде не... не... *(Полагая, что она попала не в ту комнату.)* Извините! *(Выскочила и закрыла дверь.)*

Калошин. Не нашла... Ну ничего, товарищ метранпаж! Теперь неизвестно еще, кто у кого будет прощения просить...

Виктория снова, на этот раз осторожно, открывает дверь.

(Спокойно.) Вам кого?

Виктория в полном недоумении снова закрывает дверь.

(С удовлетворением.) Не узнает.

Виктория входит в третий раз.

Вы ко мне?.. Ну так проходите.

Виктория. Что это?

Калошин. Вы проходите, не стесняйтесь.

Виктория. Что это значит?

Калошин. Вы о чем?

Виктория. Что вы делаете?

Калошин. Я?.. Лежу, как видите.

Виктория. Да, но... Что это значит?

Калошин. Ничего. Лежу, и все... Решил немного отдохнуть, полежать, почитать книжечку. Что ж тут удивительного.

Виктория. Но это... это... Очень даже странно!

Калошин. Об чем разговор, не понимаю.

Виктория. Это же просто... просто... я даже не знаю...

Калошин. А что такое? Что вас волнует, не понимаю. Если вы насчет того, что я ваше место занял, то так и скажите. Я подвинуться могу.

Виктория. Что?

Калошин. Могу подвинуться. Пожалуйста.

Виктория. Да вы что, на самом деле?.. Вы хулиганите или вы рехнулись?

Калошин. Нет, зачем же? Я невелик барин, не метранпаж какой-нибудь, могу и подвинуться. *(Подвинулся.)*

Виктория *(негромко).* Сошел с ума... *(Громче.)* Что с вами?.. Как вы себя чувствуете?

К а л о ш и н. Спасибо, хорошо. Самочувствие отличное, перехожу на прием.

В и к т о р и я *(негромко)*. Рехнулся! *(Громче.)* Я вызову врача, хорошо?

К а л о ш и н. Замечательно.

В и к т о р и я *(подходит к телефону, стоит спиной к Калошину. Набрала номер, негромко)*. «Скорая помощь»?

Калошин сел на постели, прислушивается к разговору.

Приезжайте в гостиницу... Тут с человеком плохо...

По-моему, он сошел с ума... Приезжайте!.. Номер двести десятый...

Чего нет?.. Машины?.. Скоро будет?.. Хорошо... *(Положила трубку.)*

Калошин улегся.

(Оборачиваясь к Калошину, тоном, каким разговаривают с детьми.) Ну вот. Скоро он приедет.

К а л о ш и н. Кто приедет?

В и к т о р и я. Врач приедет.

К а л о ш и н. А зачем он приедет?

В и к т о р и я. Зачем? *(Осторожно.)* Да так просто. В гости.

К а л о ш и н. В гости?.. Ну что ж, пусть приезжает. А я пока почитаю, не возражаете? *(Раскрывает книгу, читает вслух.)* «С утра покинув приозерный луг, летели гуси дикие на юг...»

Раздается стук, и тут же дверь открывается. Появляется М а р и н а — жена Калошина.

Марине чуть за тридцать, она довольно привлекательна, но грубоватая и чрезмерно крашенная женщина. На ней плащ, яркие чулки, модные туфли. На голове кружевная наколка, которую официантки носят во время работы. При ее появлении Калошин приподнимается, но тут же ложится снова.

Пауза, во время которой никто из присутствующих не знает, как следует себя вести и что следует сказать.

К а л о ш и н *(не найдя ничего лучшего, продолжает читать стихи)*. «А позади за ниткою гусиной спешил на юг... э-э... косяк перепелиный...»

М а р и н а. Это как же понимать?

К а л о ш и н. Э... что?

М а р и н а. Как это понимать?

Калошин *(неуверенно).* Я думаю, так надо понимать, что дело к осени...

Марина. Чем же вы это здесь занимаетесь, а? *(Кричит.)* Чем занимаетесь, я спрашиваю! Отвечайте, бесстыдники!

Виктория. Подождите...

Марина *(перебивает).* Это как же называется?

Виктория. Да подождите вы кричать...

Марина *(Калошину).* Как это называется? Это важное дело называется? Важное дело?

Калошин. Да... дело серьезное.

Марина. Серьезное?

Виктория. Послушайте...

Марина. Стыд-то какой — надо же!

Виктория. Послушайте меня! Он же ненормальный!

Марина. Что-о?

Виктория. Ненормальный, говорю. Он с ума сошел.

Марина. А ты и рада? Вместо того, чтоб надавать ему по роже...

Виктория *(перебивает).* Да не кричите вы, вам говорят! У него с головой не в порядке!

Марина. А у тебя с головой в порядке? Связалась со стариком, бесстыдница!

Виктория. Перестаньте! Сначала разберитесь...

Марина. Молчи, вертихвостка!

Виктория. Слушайте!

Марина. Молчи!

Виктория. Послушайте!

Марина. Замолчи, негодяйка!

Виктория *(вышла из себя).* Сама вы негодяйка!

Марина. Мерзавка.

Виктория. От мерзавки слышу!

Марина. Да я тебе сейчас все космы выдергаю!

Виктория. Раскричалась тут, испугался ее кто-то!

Калошин. Давайте, давайте, давайте...

Виктория. Чего вы раскричались? Вы кто такая?

Марина. Я?! Я кто такая?

Виктория. Ну вы, вы! Кто вы? *(Калошину.)* Кто она? Жена, что ли?

Калошин *(мужественно).* Она?.. Не знаю... Первый раз ее вижу.

Марина ахает и замирает на некоторое время, раскрыв рот и выпучив глаза.

Виктория. Вот и нечего кричать. Сначала надо разобраться, а потом...

Марина *(подступая к Калошину)*. Ты... ты... да ты что, бессовестная твоя рожа? Ты что говоришь, ты соображаешь или нет?

Виктория. Вот и именно, что не соображает.

Марина. Кто я такая?.. Ну!

Калошин. Вы?.. Вы... э...

Марина *(подступая ближе)*. Кто я?

Калошин *(отодвигаясь)*. Ты?.. Ты... э-э-э...

Марина. Ну? *(Выхватила из его рук книгу.)* Не узнаешь?

Калошин *(струсил)*. Узнаю, узнаю!.. *(Спохватился.)* Кажется... э... где-то видел, но... *(Виктории.)* Но кто такая — не припомню.

Марина. Что-о? *(Замахивается на него книгой.)*

Калошин. Вспомнил, вспомнил!

Марина. Ну? Кто я тебе такая? *(Снова замахивается.)* Отвечай!

Калошин. Жена, моя жена! *(Виктории.)* Она очень похожа на мою жену.

Марина. Похожа?

Калошин. Как две капли воды! *(Виктории.)* Но моя жена не дура...

Марина. Что-о?

Калошин. Нет-нет! Моя жена умная женщина...

Виктория *(Марине)*. Кто же вы на самом деле? Жена или нет?

Марина. Говори, злодей!

Калошин *(твердо)*. Это не моя жена.

Виктория. Ну? Теперь вы понимаете?

Марина. Да ты что, старый черт, смеешься надо мной?

Калошин. А вы не шумите. Шуметь и скандалить — это вы можете. Грубости и разные неприятные слова — это вы тоже хорошо знаете. А вот что такое метранпаж — это вам известно?

Марина. Слушай, Семен! Ты это брось! Ты мне идиота не разыгрывай.

Виктория. А он и не разыгрывает. Он забрался на кровать, когда меня не было в номере.

Марина. Что-о? Да за кого вы меня принимаете?

Виктория. Да говорят вам, он свихнулся! Неужели вы до сих пор не видите?

Марина. Вижу, не волнуйся! Я его, паршивца, насквозь вижу! С ума он сошел, надо же! Так я вам и поверила!

Виктория. Нет, с вами бесполезно. Вот приедет врач...

Марина. Что, что?

Виктория. Я говорю, приедет врач, тогда...

Марина *(перебивает)*. Ты врача вызвала?

Виктория. Конечно.

Марина *(Калошину, панически)*. А ну поднимайся!.. Поднимайся, и чтоб духу твоего здесь не было! Вставай немедленно!

Калошин. Нет, нет! Ни в коем случае.

Марина. Ты что же, подняться не можешь?

Калошин. Не могу.

Марина. Стыд-то какой! До врача дошло, надо же! Нашел себе дело на старости-то лет, да еще с больным сердцем! Тьфу! Бесстыжие твои глаза.

Калошин. Я не могу...

Марина. Поднимайся как хочешь! Не хватало еще, чтобы тебя видели в этой кровати! Поднимайся сию же минуту!

Калошин. Нет, нет... нельзя!.. Невозможно... Вы знаете, кто я? Я букашка, жучок я, божья коровка. Если я сейчас поднимусь — меня ветром унесет!

Марина *(пытается его поднять)*. Вставай, мошенник!

Калошин *(вцепился руками в кровать)*. Нет, нет, нет...

Марина *(Виктории)*. А ну помоги!

Виктория. Да не трогайте вы его.

Марина. Поднимайся, Семен! Хуже будет...

Калошин. Хуже не будет!

Марина. Издеваетесь?.. Мало вам всего, так вам еще меня осрамить надо? Опозорить по всему городу?.. Ну уж нет! Ничего не выйдет. Уж я-то найду на вас управу! *(Подошла к телефону, набрала номер.)* Думаете, я одна и надо мной издеваться можно?.. Ошибаетесь. *(В трубку.)* Муза?.. Это Марина... Муза, посмотри, Олег еще там?

Калошин *(привстал)*. Какой Олег?

Марина *(в трубку)*. Да он обычно за крайним столи-

ком сидит... Позови... *(Калошину.)* Пеняй теперь на себя.

Калошин. Кто такой Олег?

Марина *(вызывающе)*. Да так, один знакомый. *(В трубку.)* Олег?.. Это Марина... Олег, поднимись-ка в двести десятый номер... Скорей. *(Бросает трубку.)*

Калошин *(с возмущением)*. Ты вызвала его сюда?

Марина. Что, не нравится?

Калошин *(с большим возмущением)*. Его — сюда?

Марина. Что? Я гляжу, тебе лучше стало?

Калошин *(спохватился, спокойно)*. Значит, ты позвала его сюда. *(Ложится.)* Вот и хорошо... Веселее будет.

Виктория. Представляю. А может, здесь без него обойдется?

Марина. А это уже не твое дело. Он мой друг, понятно вам? Между прочим, между мужчиной и женщиной я больше обожаю дружбу. Не то что некоторые. *(Калошину.)* С этого дня он будет ходить к нам в гости, так и знай.

Стук в дверь. Калошин вздрагивает.

Марина *(открывает дверь)*. Заходи, Олег.

Появляется Камаев, молодой человек лет около тридцати. Он здоров, румян и неплохо одет. За норму поведения им принята некая развязная галантность. В руках у него сверток — явно бутылка.

Камаев. Всеобщий привет.

Марина. Проходи, Олег... Знакомься. Это вот, с журналом, мой муж.

Камаев. Муж? Двадцать копеек!

Марина. Он самый.

Камаев *(озадачен)*. Ну что ж... Очень приятно... *(Поклон.)* Камаев... Преподаватель... Вы... вам нездоровится?

Марина. Он немного устал.

Камаев. Ну что ж... значит, надо немного отдохнуть... *(Калошину.)* Это ваша дочь?

Марина. Да нет, это хозяйка номера.

Камаев. Да? Очень приятно. *(Поклон.)* Олег... Камаев. Преподаватель.

Виктория. Уже слышали.

Камаев. А почему девушка такая сердитая?

Марина. А ты не понимаешь?

Камаев. Я не понимаю. Я человек веселый, я... А что, собственно, я должен понять?

Марина. Представь себе, я им помешала.

Камаев. Что-что?

Марина. Я им помешала.

Камаев. Им? *(Удивляется, смотрит сначала на Викторию, потом на Калошина.)* Не может этого быть...

Марина. Ты что, мне не веришь?

Камаев. Нет, это серьезно?

Марина. Олег, ты просто ребенок.

Виктория. Может, хватит?

Камаев *(Виктории и Калошину)*. Ну я вас поздравляю! *(Калошину.)* Поднимайтесь, по этому поводу надо выпить.

Марина. Представь себе, он не может подняться.

Камаев. Да?

Марина. Тебе придется ему помочь.

Камаев. Не может подняться? Что ты говоришь! *(Разглядывает Викторию.)* Я тебя поздравляю...

Калошин *(негромко, но еле сдерживаясь)*. Ну подождите...

Марина. Что ты сказал?

Калошин. Подождите, детки, дайте только срок, будет вам и белка, будет и свисток.

Камаев. Что такое?

Марина. Представь себе, он прикидывается сумасшедшим.

Камаев. Да?.. Это зачем же?

Марина. Выкручивается, ясное дело.

Виктория. Он не прикидывается, он сумасшедший. А вы...

Марина *(перебивает)*. А ты помолчи. *(Камаеву.)* Послушал бы ты, что она здесь заливала. Доказывала мне, что он лег в постель, когда ее не было в номере. Ты представляешь?

Камаев смеется.

Виктория. Нет, я больше не могу... К черту! *(Садится в кресло спиной к присутствующим.)* Разбирайтесь сами.

Калошин. Подождите, детки...

Марина. Вот, возьми его.

Калошин. ...дайте только срок...

Марина. Ведь кто его не знает — и поверить может. Псих и псих.

Камаев. Да я вижу, вы тут весело время проводите.

Виктория. Что и говорить!

Камаев. Что ж. Я к вам присоединяюсь. Но поначалу надо немного выпить.

Марина. Нет, сначала надо его поднять.

Камаев. Зачем? Пусть отдыхает.

Марина. Нет, нет! Вот-вот сюда заявится врач.

Камаев. Ну и что?

Марина. Как — что. Представляешь, какие будут разговоры, если...

Камаев. Уже понял.

Марина. Ведь по всему городу пойдет, а зачем нам это надо?

Камаев. Да, это никому не надо. (*Калошину.*) Она права, придется вам подняться.

Калошин. Подождите, детки...

Камаев. Ждать нет никакого смысла.

Калошин. ...дайте только срок...

Камаев. Хоть вы и сумасшедший, но неплохо бы вам подумать сейчас о своей репутации.

Калошин. ...будет вам и белка, будет и свисток!

Камаев. Поторопитесь. Пока здесь все свои и инцидент пока имеет частный характер. Но как только сюда войдет кто-нибудь посторонний... Подумайте, как вы будете выглядеть в общественном мнении.

Марина. Ладно, хватит с ним разговаривать. Бери его и поднимай.

Калошин (*вцепился в кровать*). Нет, нет!.. Не трогайте меня... Я букашка, я мошка, но я... я ужалить могу! Лучше не трогайте.

Марина (*Камаеву*). Бери его за шиворот, и никаких.

Камаев. Ну зачем же так? (*Калошину.*) Мы и сами в состоянии, мы люди интеллигентные, не правда ли?

Калошин. Мы мошки, мы букашки...

Камаев. Перестаньте. Вы человек цивилизованный и не хуже меня знаете, что значит моральное разложение. Поднимайтесь.

Марина. Олег, ты провозишься.

Камаев. Прошу вас. Не принуждайте меня к физическому воздействию. Я человек воспитанный, но...

Калошин *(вдруг садится на постели, с тихой яростью)*. Если ты человек воспитанный... *(громче и выше тоном)* если ты человек цивилизованный... *(пронзительным голосом и потрясая в воздухе кулаками)* если ты человек интеллигентный!.. тогда, *(остановился, опустил кулаки, потом — с просьбой, отчаянной, но одновременно и смиренной)* тогда скажи мне, что такое метранпаж?

Небольшая пауза.

Виктория *(поднимается)*. Нет, я больше не могу. *(Камаеву.)* Отвечайте, если знаете. На этом он и помешался.

Камаев. На чем?

Виктория. На метранпаже!

Камаев. Это как же?

Виктория. А вот так. Ко мне в номер зашел человек, а он его отсюда вытолкал.

Камаев. Так...

Виктория. А потом спохватился. Вытолкал, а кого вытолкал — неизвестно.

Камаев. Так.

Виктория. Кто такой? Позвонил в регистратуру, а там ему и говорят: метранпаж. А кто такой метранпаж — никто не знает.

Камаев. Так, так...

Виктория. Кто такой, откуда? Может, это шишка какая-нибудь? Тут уж он по-настоящему сдрейфил. Куда ни позвонит — никто не знает. Сказали — из газеты, а в точности неизвестно. Тут он и вовсе.

Камаев. Так...

Виктория. Ну и вот. И тронулся. С перепугу...

Марина. Врет она.

Камаев *(Марине)*. Подожди. *(Виктории.)* Значит, никто не знает, кто такой метранпаж?

Виктория. В том-то и дело! Если знаете — объясните ему! Вдруг это ему поможет.

Камаев *(забавляется)*. Навряд ли. Боюсь, как бы ему не стало хуже...

Калошин, до сих пор жадно прислушивающийся к разговору теперь не может скрыть своего волнения и испуга.

Оскорбить метранпажа, знаете...

Виктория *(с нетерпением)*. Да кто он такой?

Камаев. Н-да... *(Калошину.)* Вы его не били?

Калошин *(вне игры)*. Нет! Нет!

Камаев. Признавайтесь честно, здесь все свои. Было рукоприкладство?

Калошин. Н-ничего такого! Клянусь!

Виктория. Он его вытолкал.

Камаев. Вытолкал?.. Это нехорошо... А не выража лись?

Калошин. Как?

Камаев. Употребляли нецензурные выражения?.. Не матерились?

Калошин. Ни разу!

Виктория. Он назвал его донжуаном.

Камаев. Метранпажа — донжуаном?.. Н-да, это уже... Это совсем нехорошо.

Виктория. Да кто же такой метранпаж?

Марина. Кто?

Виктория. Знаете вы или нет?

Калошин *(дрожит)*. Что такое метранпаж?

Камаев. Я вижу, к вам вернулся рассудок. Тем хуже для вас. В вашем положении лучше оставаться сумасшедшим.

Калошин *(тяжело дышит)*. Что такое метранпаж?

Камаев. Метранпаж — это... это... Да, дорогой мой, плохи ваши дела.

Виктория. Да не тяните вы!

Камаев. Метранпаж — это, друзья мои, не что иное, как человек из министерства. Большой человек...

Небольшая пауза.

Да, друзья мои, это так, ничего не поделаешь...

Стук в дверь. Калошин вздрагивает и опускается на постель. Стук в дверь повторяется. Марина осторожно приоткрывает дверь и выглядывает в коридор.

Марина. Борис?.. Это ты? *(Открывает дверь.)*

Появляется Рукосуев, человек одного с Калошиным возраста. Он в белом халате, в очках, в руках у него белый ящичек.

Нам повезло. Это Борис, его старый друг.

Камаев. Камаев... Преподаватель.

Рукосуев *(проходит)*. Ну? Где наш больной? В постели? *(Чуть насмешливо.)* Стало быть, дело серьезное... *(Садится на постель.)* Семен, ты что это, голубчик? *(Калошин лежит неподвижно.)*
Что с тобой стряслось?

Марина. Да ты не волнуйся, он больше притворяется.

Рукосуев *(изображая удивление)*. Притворяется?.. Для чего же притворяться?

Марина. Да вот. Натворил здесь делов, вот и крутится теперь.

Рукосуев. Семен... Семен!

Марина. Ты что, оглох?

Рукосуев. Семен!

Марина трясет Калошина. Он стонет.

Марина. Хватит придуряться!

Рукосуев *(чуть посмеивается)*. Семен, это уже лишнее.

Марина. Хватит, говорю, придуриваться. Это же Борис, ты что, не видишь?.. Оглох он, что ли?

Рукосуев. Семен... Это ты, брат, уже через край...

Камаев. Ну артист...

Виктория. Поднимайтесь, хватит вам паясничать.

Рукосуев. Семен... *(Берет руку Калошина, слушает пульс.)* Что с тобой?

Марина. Отвечай, шут гороховый!

Рукосуев *(вдруг серьезно, с тревогой)*. Подождите!

Марина. Надо же, до чего обнахалился...

Рукосуев *(строго)*. Тихо! *(Пауза.)* Ему плохо!

Марина. Что?

Рукосуев. Он без сознания.

Камаев. Вы серьезно?

Рукосуев. Никаких шуток. *(Достает из ящичка шприц и прочее.)*

Марина. Как же так?

Рукосуев. Тише! *(Измеряет Калошину давление.)* У него сердечный приступ.

Марина. Ну вот... Доигрался...

Рукосуев делает Калошину укол. Все молчат. Рукосуев снова прослушивает у Калошина пульс и сердце.

Виктория. Ну что?

Марина. Как он?
Рукосуев. Тише... Он... Да, он умирает.
Марина (*громко*). Умирает?

Калошин стонет.

Семен!

Калошин (*вдруг*). Что ты сказала?.. Борис? Это ты? Это ты сказал?
Марина. Семен!
Калошин. Я слышал... Она сказала, что я помираю... Это правда?
Рукосуев. Спокойно, Семен. Ничего не говори.
Калошин. Нет, это правда... Я и сам чувствую, что помираю...
Марина (*плаксиво*). Семен, дорогой!
Калошин. Не притворяйся, Марина... Всю жизнь притворялась, хватит.
Рукосуев. Семен! Тебе нельзя разговаривать.
Калошин. Борис, не обманывай... Мне конец... Ты сам сказал...
Марина. Семен, не надо! Я не хочу...
Калошин. Врешь.
Марина. Семен...
Калошин. Все шесть лет...
Марина. Молчи, Семен...
Калошин. Ты ждала этого часа..
Марина. Тебе нельзя разговаривать...
Калошин. Вот и радуйся.
Рукосуев. Тише, Семен, тише.
Камаев. Доктор, я полагаю, посторонним здесь делать нечего...
Калошин. Он еще здесь? (*Приподнял голову.*) Ты еще здесь?
Камаев. Вы мне?
Калошин. Вон отсюда, сутенер!
Рукосуев. Спокойнее, прошу тебя!
Калошин. Вон отсюда!
Марина. Семен...
Калошин. И ты, змея... вон отсюда!
Рукосуев. Тише, тише!
Калошин (*Марине и Камаеву*). Вон отсюда! Я желаю помереть среди порядочных людей!

Камаев выходит.

Марина. Семен...
Калошин. Вон!
Рукосуев *(выводит Марину)*. Выйди, выйди. Так будет лучше. *(Закрывает дверь.)* Семен, я запрещаю тебе разговаривать.
Калошин. Ничего... Я и так долго молчал...
Рукосуев. Тебе нельзя волноваться. Успокойся. *(Прослушивает у Калошина пульс.)*

Раздается стук. Виктория подходит к двери.

Калошин. Кто это?
Рукосуев. Не открывайте.
Калошин. Может, это метранпаж?
Рукосуев. Никому не открывать.
Калошин. Почему? Пусть он заходит... Метранпаж так метранпаж. Все равно... Плевать я на него хотел... Приехал тоже... Как он приехал, так порядочные люди не приезжают. Так воры приезжают и аферисты. *(Стук повторяется.)*
Калошин. Откройте... Я ему скажу кое-что... на прощанье. Пусть знает...
Рукосуев. Успокойся, Семен.
Калошин. Хоть он и метранпаж, а помирать-то и ему придется.
Виктория *(у дверей)*. Это не метранпаж, это ваша жена.
Калошин. Ее не пускайте. Житья мне не давала, так пусть хоть даст помереть по-человечески.

Звонит телефон.

Виктория *(подходит, берет трубку)*. Метранпаж — это из типографии.
Калошин. Из типографии?
Виктория. Наборщик.
Калошин. Наборщик? *(Небольшая пауза. Затем начинает смеяться, но тут же стонет.)* Наборщик! *(Смеется и стонет.)* Мышь типографская... Тля!.. Букашка!.. А ведь как напугал... До смерти напугал...
Рукосуев. Перестань, Семен! Тебе нельзя шевелиться.
Калошин. Ну не идиот ли я?.. Слова перепугался, звука... скрипа тележного... Стыд... Позор...
Рукосуев. Помолчи, я тебя прошу.

Калошин. Да так, видно, мне и надо... Как был невежа, так невежей и помираю...

Рукосуев. Лежи спокойно... *(Делает Калошину укол.)* Воды! *(Виктория подает стакан с водой.)*

Калошин. Зачем?.. Помираю я, Борис, чего уж тут... Сердце... Чувствую, как оно останавливается...

Рукосуев *(подает Калошину лекарство)*. Выпей.

Калошин. Напрасно это... Все напрасно...

Рукосуев. Пей, Семен.

Калошин. Нет, Борис. Видно, от судьбы не уйдешь...

Небольшая пауза. Стакан с водой Рукосуев поставил на тумбочку.

Давно, когда я еще баней заведовал, сказал мне один грамотный человек. С вашим характером вы, говорит, далеко пойти можете, но, говорит, учтите, погубит вас ваше невежество. Так оно и вышло... Хотел я от судьбы уйти: следы заметал, вертелся, петли делал, с места на место перескакивал. Сколько я профессий переменил? Кем я только не управлял, чем не заведовал?.. И складом, и баней, и загсом, и рестораном. И по профсоюзу, бывало, и по сапожному делу, и по снабжению, и по спортивному сектору — в каких только сферах я не вращался? С кем только дела не имел? И с туристами, и с инвалидами, и со шпаной, бывало. Большим начальником, правда, никогда не был, но все же... Одно время был я даже директором кинотеатра... И везде, бывало, что-нибудь да получится. То инвентаря, бывало, не хватит, то образования... Всякое со мной случалось, но ничего, везло мне все же. Хлебнешь, бывало, а потом, глядишь, снова выплыл... Судьба только меня и остановила. Сколько ни прыгал, а досталась мне в конце концов эта самая гостиница. И метранпаж в результате... *(Чуть передохнул.)* Начальства я, Боря, всегда боялся... Ничего я на свете не боялся, кроме начальства Больше скажу: я так его боялся, что когда сделался начальником, я самого себя стал бояться. Сижу, бывало, в своем кабинете и думаю — я это или не я. Думаю — как бы мне самого себя, чего доброго, под суд не отдать... После привык, конечно, но все равно. По сути дела,

так всю жизнь и прожил в нервном напряжении. Дома, бывало, еще ничего, а придешь на работу — и начинается. С одним одно из себя изображаешь, с прочими — другое, и все думаешь, как бы себя не принизить. И не превысить. Принизить нельзя, а превысить и того хуже... День и ночь, бывало, об этом думаешь. Откровенно, Борис, тебе скажу, сейчас вот только и дышу спокойно... Перед самой смертью.

Рукосуев. Да подожди ты, Семен...

Калошин. Нет, Борис, моя песенка спета... Кончено...

Снова стучат. Виктория снова подходит к двери.

Увидишь жену мою... первую жену, Клаву... Дочь мою увидишь — передай им, что помирал, мол, о них думал...

Виктория приоткрыла дверь и шепчет что-то, очевидно, Марине.

Рукосуев. Закройте дверь.

Калошин. Эх, Борис! Только и было жизни, что в молодости... Помнишь, на реке работали?.. Буксир был «Григорий Котовский», помнишь?.. А «Лейтенант Шмидт»? *(Плачет.)* Помнишь...

Рукосуев. Помню, помню. Ты только не волнуйся.

Калошин. А «Иван Тургенев»? *(Плачет.)* Эх, Борис... Пропала моя жизнь... пропала... А кто виноват?.. Метранпаж виноват? *(Стук в дверь.)* Жена новая виновата?

Рукосуев. Никто не виноват, лежи спокойно. *(Пытается завладеть рукой Калошина.)*

Калошин *(убирает руку)*. Нет, Борис. Сам я виноват... Сам во всем виноват.

Снова стук в дверь.

Виктория *(у двери)*. Жена ваша просится.

Калошин. Впустите ее.

Рукосуев. Нет, нет.

Калошин. Пусть войдет... Что она мне сделала? Ведь я знал, все знал... Только вид делал, что не знаю... А ей что? Она молодая, красивая, ей жить хочется. Ведь она меня в два раза моложе, я ей, можно сказать, жизнь испортил... Пусть войдет, проститься нам надо. *(Виктория впускает Марину.)*

Марина. Семен!.. Как он?.. Семен, как ты?

Калошин. Марина, бог с тобой, прощаю я тебя... И ты меня прости. И не поминай лихом... Похорони меня и выходи замуж... Ничего. Выходи, пока не поздно...

Марина *(удивилась и растрогалась)*. Семен! Да что же это ты?

Калошин. Да вот за него и выходи, за этого... Если он тебе нравится. *(Марина заплакала.)* Да пусть он войдет.

Марина *(плача, открывает дверь)*. Олег!.. Иди сюда, Олег... *(Камаев появляется в дверях.)*

Калошин. Войди.

Камаев входит, останавливается рядом с Мариной.

Ну что, Борис?.. Погляди на них...

Марина *(в голос)*. Семе-ен!.. Век тебя не забудем...

Калошин. Ну и бог с вами... Живите.

Камаев *(ошеломлен)*. Что?

Калошин. Женитесь, говорю... Разве ты не хочешь?

Камаев. Я?.. Нет, я... Признаться, я об этом не думал.

Марина *(перестала плакать)*. Как — не думал?.. Ты всегда говорил...

Камаев. Разве я говорил?

Марина. Ну как же, Олег...

Камаев. Значит, говорил. Но еще не думал.

Марина. Да ты что, Олег? Выходит, ты меня обманывал?

Камаев *(пришел в себя)*. Совсем нет, но... Нельзя же так. Человек умирает, а мы про женитьбу... Нехорошо.

Калошин. Ничего... Дачу отдадите Клаве, а квартиру себе берите. Да живите дружно. За деньгами не гоняйтесь, за чинами тоже... Главное, чтобы совесть была чиста...

Рукосуев. Подожди, Семен... *(Пытается взять руку Калошина, чтобы прослушать пульс.)*

Калошин *(убрал руку)*. Хватит, Борис... Мое дело ясное... Мне конец... Сердце... Вот-вот оно разорвется... *(Камаеву.)* А метранпаж — это не из министерства, запомните... Это из типографии, наборщик...

Камаев. Что вы говорите?

Калошин. Учиться надо, молодой человек.

Рукосуев наконец завладел рукой Калошина, прослушивает пульс.

Если бы я мог прожить еще одну жизнь... Разве бы я так ее прожил?

Рукосуев. Подожди-ка...

Калошин. Марина... Плиту мне положите... Небольшую... она недорого стоит. *(Марина снова заплакала.)*

На плите напишите...

Рукосуев. Подожди-ка... Ничего не понимаю...

Калошин. Хотя... Не надо ничего писать. Только фамилие, имя, отчество, год рождения и...

Рукосуев *(возбужденно).* Семен! Ты... У тебя... Ну конечно! У тебя приличный пульс...

У тебя вполне приличный пульс!.. Минутку! Посмотрим давление... *(Измеряет Калошину давление. Пауза.)*

Семен! Тебе лучше.

Калошин. То есть как?

Рукосуев. Так! Считай, что ты выкарабкался.

Камаев *(Рукосуеву).* Серьезно?

Рукосуев. Какие могут быть шутки? Он будет жить.

Марина. Семен...

Калошин. Жить?.. *(Садится.)* Н-но как же так?

Рукосуев. Будешь жить, Семен... Ты что, недоволен?

Калошин. Но как же?.. Что же это получается?

Камаев. А что вас смущает? Живите на здоровье. Вам крупно повезло.

Марина. Живи, Семен, к-конечно...

Калошин. Но что же я теперь... как?

Камаев. А в чем, собственно, дело? Если вас смущает ваше завещание, так вы... вы не стесняйтесь. Пусть все будет по-старому. У меня, например, никаких претензий.

Марина. Вот как?

Камаев. Да. *(Калошину.)* Откровенно говоря, мне даже так больше нравится.

Марина. Но ты... ты всегда говорил...

Камаев. Что я говорил? Послушай, что за навязчивая идея? Даже неловко, честное слово. Человек жить остался, радоваться надо, а ты что? Нет, я этого не понимаю.

Виктория. Я не могу...

Марина *(Камаеву)*. А я тебя, кажется, поняла.

Рукосуев. Семен, что с тобой?.. Ты что, не рад?

Марина. Так вот нет же! Не бывать по-старому!.. Семен! Прости меня! *(Приближается к Калошину.)* Прости, Семен... Я... Если ты... Я останусь с тобой! А он... этот... Я знать его не хочу!

Камаев. И слава богу.

Марина. Семен! Прости...

Рукосуев *(Калошину)*. Да очнись ты!

Марина. Семен! Посмотри на меня! Скажи что-нибудь...

Стук в дверь.

Виктория. Кто там еще?.. Я не могу...

Стук повторяется.

Войдите. *(Появляется Потапов. Он сильно возбужден.)*

Потапов. Можете меня поздравить. Они выиграли... А что тут у вас происходит?.. Здесь в коридоре вся гостиница собралась.

Калошин. Вся гостиница?.. *(Энергично.)* К черту гостиницу! Я начинаю новую жизнь. Завтра же ухожу на кинохронику.

Виктория. Нет, я больше не могу!

Занавес

АНЕКДОТ ВТОРОЙ. ДВАДЦАТЬ МИНУТ С АНГЕЛОМ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Хомутов — агроном.
Анчугин — шофер } командированные
Угаров — экспедитор } из города Лопацка.
Базильский — скрипач, прибывший на гастроли.
Ступак — инженер } молодожены.
Фаина — студентка }
Васюта — коридорная гостиницы «Тайга».

Двухместный номер той же гостиницы. В комнате беспорядок, на столе пустые бутылки. Шторы закрыты, комнату освещает дешевая люстра.

Из соседних номеров доносятся звуки: пассажи, исполняемые на скрипке, и время от времени женский смех.

На одной из постелей сидит Угаров. Он только что проснулся и теперь сидит понуря голову. Его гнетет похмелье. Он поднимается, шарит в тумбочках и под столом. Он уже одет, но на ногах у него один ботинок.

Угарову лет тридцать с лишним, он проворен, суетлив, не лишен оптимизма, который сейчас, правда, ему трудно проявить.

Он осматривает бутылки. Видно, что они пусты. С отвращением пьет воду из графина. Напился. Отдышался. Шарит по карманам. В карманах ни гроша, это становится понятным. Идет по комнате, открыл шторы. За окном, оказывается, белый день.

Угаров *(громко)*. Подъем!

Анчугин просыпается, приподнимает голову, тупо смотрит на Угарова.

Анчугин угрюм, медлителен, тяжеловат на подъем. Энергия дремлет в нем до поры до времени.

Угаров. С добрым утром!

Анчугин *(сообразив, где он и что с ним, собственно, происходит)*. Выпить. *(Протянул руку в сторону стола.)*

Угаров. Выпить?.. Сколько хочешь. *(Подает Анчугину графин с водой.)*

Анчугин *(отстранил руку Угарова с графином)*. Выпить.

Угаров. Не хочешь? А чего ты хочешь? *(С горькой усмешкой.)* Водки, пива или, может, коньяку?

Анчугин. Водки.

Угаров *(помолчал)*. Так. Водку, значит, предпочитаешь.

Анчугин. Нету? Ничего?.. *(Поднимается, осматривает пустые бутылки.)* А деньги есть?

Угаров *(бросает Анчугину его пиджак)*. Обследуй.

Анчугин *(шарит по карманам, трясет пиджак)*. Тишина... А у тебя?

Угаров. Ни копейки... Слушай, а где мой ботинок? Ты не знаешь? *(Ходит по комнате, ищет ботинок.)* Где он делся?.. Ты его не видел?..

Молчание.

А есть у нас в этом городе знакомые?

Анчугин. У меня — никого.

Угаров. И у меня. Я здесь в первый раз. *(Маленькая пауза.)* Надо соображать. Хотя бы три рубля.

Анчугин. Три шестьдесят две.

Угаров. А закусь?

Анчугин *(помолчав)*. А где их взять?

Угаров. На заводе?

Анчугин. Правильно, на заводе. А то где?

Угаров *(рассуждает)*. Нежелательно... Первый раз. Служебные отношения, сам понимаешь...

Анчугин. Звони.

Угаров. Вот положение... Ну ладно. *(Придвинул к себе телефон. Колеблется.)* Нарушаю этикет.

Анчугин. Хрен с ним, с этикетом.

Угаров. Нежелательно... У нас ведь как? Экспедитор дает, а экспедитору никто ничего не дает — закон... Ну ладно. *(Набирает номер.)* Молчит... *(Достает записную книжку.)*

Анчугин *(поставил бутылки рядом)*. Тридцать шесть копеек.

Угаров. Полста семь—пятнадцать, начальник сбыта. Строгая женщина... *(Набирает номер.)* Не отвечает.

Анчугин. Тридцать шесть, а бутылка пива — тридцать семь. Не получается.

Угаров. Полста семь — пятнадцать, начальник сбыта. *(Набирает номер.)* Фарфоровый?.. Почему у вас контора не отвечает? Серьезно? *(Положил трубку.)* Вот, Федор Григорьевич, сегодня воскресенье... выходной...

Молчание, а за стеной — скрипка.

Анчугин. Да... Оригинальный случай...

Угаров. Слушай! Где же мой ботинок? Украли его, что ли?

За стеной скрипка активизируется.

Анчугин. А этому *(жест головой в сторону стены)* горя мало. Пилит и пилит.

Угаров. А что ему делать? Артист. Обеспеченный человек.

Анчугин. Надоел.

Женский смех.

Вот еще тоже. Кобыла.

Угаров. А тут парочка поселилась. Молодые. Весе-

лые... И водки им не надо. *(С надеждой.)* Федор Григорьевич! А кто пил с нами вчера?

Анчугин. Не помню. *(Пауза.)* Беда... Отправили меня с тобой на мою голову. Я три месяца не пил, а ты, змей, за три дня всего меня испортил.

Угаров. Да ладно, Федор Григорьевич, этим ты себе не поможешь. Где денег-то взять?

Анчугин. Где их возьмешь.

Угаров. Занять.

Анчугин. У кого?

Угаров. В том-то и вопрос. Думать надо. Соображать.

Анчугин. Не могу я думать, у меня голова болит.

Молчание. Слышна скрипка.

(Вдруг вскакивает.) Замолчит он или нет? *(Хотел ударить кулаком по стене, но Угаров его удержал.)*

Угаров. Спокойно, Федор Григорьевич, так ты себе тоже не поможешь.

Анчугин. Душу он мне выматывает.

Угаров. У него работа такая, зачем шуметь. Наоборот, артистов уважать надо. Они большие деньги заколачивают. *(Изображает игру на скрипке.)* Туда провел — рубль, обратно — опять же рубль. *(Неожиданно.)* Даст он нам трояк или нет?

Анчугин. Он?

Угаров. А что тут такого? Так, мол, и так, не одолжите ли до завтра. Сегодня даем телеграмму — завтра получаем. А? Давай, Федор Григорьевич.

Анчугин. А почему я? Почему, к примеру, не ты?

Угаров. Ну, Федор Григорьевич. Я же твой начальник как-никак.

Анчугин. Какой ты начальник. *(Помолчал.)* Не пойду.

Угаров. Федор Григорьевич! Ты посмотри на меня. Куда ж я пойду? Я же без ботинка!.. Ведь в таком виде нельзя появляться в обществе. Неприлично...

Анчугин. Не пойду.

Угаров. Ладно. Ты иди к молодоженам, а музыканта я беру на себя, так уж и быть... Ну?.. Они сюда на машине прикатили — богатые, вдвоем опять же — добрые. Ты постучись, извинись, как полагается, поздоровайся. Мужа вызови в коридор.

Анчугин. А кто он такой?

Угаров. Он? Да вроде бы инженер. Вызови его в ко-

ридор... Хотя — нет, не вызывай, проси при женщине, при женщине лучше...

Анчугин. Учи ученого. *(Поднимается.)* Хрен с ним, к инженеру — попробую. *(Уходит.)*

Угаров *(набирает номер телефона).* Товарищ скрипач?.. *(Этак непринужденно.)* Доброе утро... Ну и как?.. Как вам спалось?.. *(Сбавил тон.)* Виноват... Соседи ваши... Мы в основном, видите ли, по промышленности... Да нет, по номеру соседи, по гостинице... Да, да... Вот вы играете, а мы с другом слушаем и буквально наслаждаемся... Что?.. Вчера-то?.. Да, да. Было, было! *(Хихикает.)* Не говорите... *(Оправдывается.)* Это гости, знаете ли, гости... Они, все они... Люди, сами понимаете, простые, бесхитростные, чуть что — петь, плясать... Я с вами согласен. Совершенно верно... Приму к сведению... В чем дело?.. Дело, знаете ли, щекотливое, вопрос, можно сказать, обоюдоострый... Короче? Хорошо. Можно покороче... Не дадите ли вы нам взаймы — немного? Вы извините, конечно, но завтра мы получаем сумму... Что? Понятно... *(Видно, что разговор окончен. Бросил трубку.)* Жлобина!

Стук в дверь. Входит Васюта со шваброй в руках. Васюта — пожилая, усталая женщина, с резким рассерженным голосом.

Васюта *(осматривает комнату).* Убирать будем?

Угаров. Можно. А можно и не убирать. Все равно.

Васюта. Который день пьете? *(Прибирает номер.)*

Угаров. Который?.. Третий, Анна Васильевна. Третий, с твоего разрешения.

Васюта. В честь чего пьете? На что? На какие такие капиталы?

Угаров. На свои, Анна Васильевна, на трудовые.

Васюта. Господи! Что люди с деньгами делают! Видеть этого не могу.

Угаров. Это вы о чем?

Васюта. О том. Я вот, к примеру, по копейке собираю, никак внучку одеть не могу, а вы на водку — сотнями, сотнями фугуете. Зло меня берет. *(Прибирается в шифоньере.)* Это что? Господи! Срам, да и только!

Угаров. Что, Анна Васильевна?

Васюта. Да где же это видано, чтобы ботинок-то в урну класть.

Угаров. Что вы говорите! Как же он туда попал?

Васюта. Вот и я говорю — как?

Угаров. Как?.. Самому удивительно.

Васюта. Чистый срам... *(Пауза. Убирает комнату.)* А вот пока не забыла. От администрации вам напоминание: за номер не плачено за трое суток, да графин разбили третьего дня. Приготовьте денежки...

Угаров. Анна Васильевна! Ты меня убиваешь.

Входит Анчугин.

Анна Васильевна, Анна Васильевна... Я понимаю, внуки, они заботу требуют, но бывает так, что и не выпить нельзя. Вот ты, Анна Васильевна *(об Анчугине)*, на него посмотри... Посмотри.

Васюта *(отвлекается от уборки)*. Ну?.. Чего я на нем не видела?

Угаров. Ведь он человек нездоровый. Больной... *(Врасплох.)* Анна Васильевна, голубушка! Спаси. Дай три рубля до завтра.

Васюта *(быстро)*. Нет, нет. Не дам. *(Расстроилась.)* Ни стыда у вас, ни совести! Сотнями швыряете, а просите — у кого? Нет! Нет! И не говорите и не думайте! *(Уходит.)*

Анчугин. Удавится — не даст.

Пауза.

Угаров. А как соседи?

Анчугин. Кто? *(Показывает.)* Они?.. Держи карман шире. Парень-то не дурак, образованный. У нас, говорит, свадебное путешествие, большие расходы, извини, говорит, друг, и закрой дверь с той стороны. Отрубил. *(Жест в сторону стены.)* А этот?

Угаров. Отказал — то же самое.

Анчугин. Это дело гиблое. Никто не даст. *(Сел на постель, держится за голову.)* Не могу я. Черепок раскалывается...

Женского смеха больше не слышно. Слышна скрипка. Анчугин поднимается и колотит кулаком в стенку. Угаров его удерживает.

Угаров. Не скандаль, Федор Григорьевич. Что толку?

Анчугин. Мозги он мне сверлит, зараза.

Быстро стучит и входит Базильский, весьма горячий человек, со смычком в руках. Ему лет около пятидесяти.

Базильский. Что это значит? Зачем вы стучите в стену?

Анчугин. Ваша музыка мне надоела.

Базильский. О! Так я вам помешал? Извините! Я мешаю вам орать, реветь, рычать, простите великодушно.

Угаров *(снисходительно)*. Ну на первый раз, я думаю...

Базильский. Виноват, виноват! А вчера вы даже визжали. Вот вы *(показывает на Анчугина)* именно визжали. Это-то как вам удается — не понимаю.

Угаров. А вот так — получается.

Базильский. А теперь еще стучат в стену? Не слишком ли это, друзья мои?

Анчугин. Ваша музыка нам надоела. *(Помолчал.)* На нервы действует.

Угаров. Да, товарищ скрипач. У нас нервы не железные.

Базильский. Нервы? Разве у вас есть нервы?

Угаров. А то как же? У вас нервы есть, а у нас, выходит, нет?

Базильский. Представьте — не подозревал. *(Ходит по комнате.)* И сию минуту, представьте, не разумею, откуда у вас нервы и зачем вам нервы. *(Останавливается.)* А если они у вас есть, какого же черта вы стучите в стену?

Анчугин. Ваша музыка нам осточертела.

Угаров. Здесь вам не Дворец культуры, здесь гостиница, здесь люди отдыхают, между прочим.

Анчугин. Все. И больше чтоб — ни звука. Ясно?

Угаров. Вот придем к вам на концерт — там играйте, пожалуйста, а тут...

Базильский *(психанул)*. Что? Вы — на мой концерт?.. Зачем?.. За-че-ем?

Угаров. Как это — зачем? Послушать. Получить удовольствие.

Базильский. Удовольствие?.. Не пугайте меня, черт подери! Не надо! *(Бегает по комнате.)* Сто лет не ходили и еще сто лет не ходите — ради бога! Вы в балаган отправляйтесь, в кабак! Туда, туда — прямиком.

Угаров *(несколько озадачен).* Что вы против нас имеете?

Базильский. А ко мне — нет! Ко мне — не надо! У меня не смешно! Не смешно! И никаких удовольствий! Лучше я буду играть в пустом зале! И не мешайте мне работать, черт вас возьми! *(Уходит стремглав.)*

Маленькая пауза.

Анчугин. Заводной мужик.

Угаров. Видно, народ на него не ходит — деньга не идет.

Анчугин. Деньга есть. Жмется.

Вновь слышна скрипка.

Угаров *(осматривает бутылки).* Тридцать шесть копеек. Даем телеграмму?

Анчугин. Кому?

Угаров. Надо подумать. Подать в управление — протянут дня три, наверняка. Жене — не поймет. Остается матери... ей...

Анчугин. Мать — конечно. Мать не подведет.

Угаров *(пишет в записную книжку).* «Лопацк. Перова, два. Угаровой. Срочно сорок. Белореченск, главпочтамт. До востребования. Целую. Виктор». *(Считает количество слов.)* Раз, два, три... По три копейки... Уложились.

Анчугин *(держится за голову).* Три рубля — всего и надо-то. А я когда в геологии работал, три рубля мне было — раз плюнуть. Плюнуть и растереть. *(Презрительно.)* Три рубля! *(Помолчал.)* А ведь без них подохнуть можно.

Угаров. Да не ной ты, Федор Григорьевич. Придумаем что-нибудь. В лесу мы живем, что ли. Неужели на свете нет добрых людей? Найдем. *(Поднимается, распахивает окно.)* Смотри, сколько народу. Полная улица...

Анчугин *(подходит к окну).* Ну?.. Вот и попроси у них. *(Помолчал.)* Чего не просишь? Проси...

Оба смотрят в окно.

Все они добры, когда у тебя деньги есть. А когда — нет?.. Вот я тебе сейчас покажу. *(Кричит в окно.)* Люди добрые! Граждане! Минуту внимания!

Угаров. Что ты? Зачем?

Анчугин *(Угарову)*. Гляди, что получится. *(Кричит.)* Люди добрые! Помогите! Тяжелый случай! Безвыходное положение!

Угаров. Чего ты хочешь?

Анчугин *(Угарову)*. Погоди. *(Кричит.)* Граждане! Кто даст взаймы сто рублей?

Угаров *(смеется)*. Не шути, Федор Григорьевич, милиция такие шутки не любит.

Анчугин. Гляди на них. Смеются... *(Кому-то на улице.)* Ну, чего лыбишься? *(Угарову.)* Вишь, расплылся на сытый желудок... А другие будто и не слышат... А толстяк, гляди, даже ходу прибавил.

Угаров смеется.

Вот так. Вот они, твои люди добрые.

Оба отходят от окна.

Деньги, когда их нет,— страшное дело.

Помолчали.

Угаров. Смех смехом, а где же, действительно, взять три рубля?

Анчугин. Фуфайку мою толкнуть? Новая.

Угаров. Или часы. Черт с ними.

Анчугин. Часы теперь не в цене. Фуфайку — это вернее.

Стук в дверь.

Угаров. Да! Заходите.

Входит Хомутов. Ему лет сорок. Одет он опрятно, держится скромно, даже неуверенно. Бывают мгновения, когда на него нападает внезапная задумчивость, рассеянность, невнимание к собеседнику. Но, впрочем, отвлечься от разговоров у него почти не будет возможности.

Хомутов. Добрый день.

Угаров. Здравствуйте.

Хомутов. Скажите, это вы просили денег?

Молчание.

Ну вот сейчас, из окна... Вы?

Анчугин. Ну и что?

Хомутов. Так вот я... Если деньги вам необходимы, то...

Угаров. Что?

Анчугин. Может *(усмехнулся)*, хочешь нам дать денег?

Хомутов. Да. Могу вам помочь.

Молчание.

Анчугин. А по шее ты получить не желаешь?

Хомутов. По шее?.. За что?

Анчугин. Ну так. Для смеха.

Хомутов *(улыбается)*. По шее не хочу.

Угаров. А что вы, собственно, хотите?

Хомутов. Хотел вам помочь. Но я вижу, что вы пошутили... Что ж. Возможно, это смешно... Извините. *(Идет к двери.)*

Анчугин. Подожди. А зачем ты приходил?

Хомутов *(остановился)*. Я же говорю: собрался вас выручать.

Анчугин *(усмехнулся)*. Хотел нам дать денег?

Хомутов. Да.

Маленькая пауза.

Угаров. Вы что, шутите?.. А может, издеваетесь?

Хомутов. Да нет, выходит, вы надо мной подшутили...

Угаров. Нам, знаете ли, не до шуток, мы сегодня не завтракали еще...

Хомутов *(не сразу)*. Я не понимаю, вам деньги нужны или нет?

Угаров *(Анчугину)*. Он предлагает на троих.

Хомутов. Ничего подобного.

Анчугин. Тогда не придуривайся. Говори, зачем пришел.

Хомутов. Я хотел вас выручить, но я не настаиваю. *(Идет к двери, но в это время Анчугин его окликает.)*

Анчугин. Слушай, друг... *(Подошел к Хомутову.)* Слушай. Полезай ты хоть в самую свою душу, разве ты вырвешь оттуда хотя бы три рубля? Нет?.. То-то...

Хомутов. Товарищи! Вы меня удивляете и обижаете даже... *(Достает деньги.)* Вот. Держите...

Угаров. То есть?

Хомутов. Держите, держите.

Угаров. В каком смысле? *(Деньги берет.)*

Хомутов. Берите, берите, пользуйтесь, что вы, действительно. Надеюсь, и вы меня выручите, если

придется... *(Задумчиво.)* Всем нам, смертным, бывает нелегко, и мы должны помогать друг другу. А как же иначе? Иначе нельзя... *(Маленькая пауза.)* Ну хорошо. Раз уж вы так щепетильны — вот мой адрес. *(Подошел к столу, написал адрес.)* Вот адрес. Вернете, если вы иначе не можете. Но предупреждаю, можете и не возвращать...

Угаров. Как — не возвращать?

Хомутов. Так, не возвращать. Счастливо вам. До свидания. *(Уходит.)*

Молчание. Потом Угаров боязливо считает деньги,

Анчугин. Сколько?

Угаров. Сто! *(Бросает деньги на стол. Пауза.)* Слушай, мне это не нравится... *(Небольшая пауза.)* Тут что-то не то... У меня такое впечатление, что нас сейчас будут бить... А, Федор Григорьевич?

Анчугин *(считает деньги).* Сто...

Угаров. Слушай, вроде я его где-то видел. Ты не видел?.. А вчера его здесь не было?.. Нет?.. Вроде — нет...

Анчугин. Погоди-ка. *(Быстро уходит.)*

Угаров *(садится у стола перед деньгами).* Не было печали... *(Оглядывает комнату, быстро и как-то воровато прибирает постели, наводит в комнате порядок, деньги прикрывает газетой.)* Черт знает что... *(Размышляет. Открывает дверь, заглядывает в коридор. Потом — громко.)*
Анна Васильевна!..

Васюта появляется, останавливается в дверях.

Анна Васильевна, вы умная женщина, а вот скажите... Вот, допустим, приходит к вам незнакомый человек, здоровается честь по чести, разговаривает, потом ни с того ни с сего достает пачку ассигнаций и говорит: «Вам надо сто рублей — держите». И уходит. Может такое быть? А?

Васюта. Глупости... Чего звали? Денег не дам, не просите.

Угаров. Спасибо, Анна Васильевна. Все. Вы — умная женщина. Дай вам бог здоровья, живите еще сто пятьдесят лет.

Васюта. Делать вам, пьяницам, нечего. *(Уходит.)*

Угаров прикрывает дверь, подходит к столу, снова считает деньги, просматривает их на свет. Появляется Хомутов, ведомый Анчугиным.

Анчугин. Вот. *(Указывает Хомутову на деньги.)* Забирай ссуду. Ну тебя к черту.

Хомутов. Но ведь я их вам отдал, ведь это некрасиво. И потом они вам нужны, зачем же...

Угаров *(перебивает)*. Послушайте, вас как — совсем отпустили или так... Ненадолго?

Хомутов. Откуда отпустили?

Угаров. Ну... Из дома...

Хомутов. На неделю, какое это имеет значение.

Угаров. На неделю да еще без присмотра. Непорядок.

Хомутов. Эти деньги... Как вам сказать... Словом, у меня есть деньги, а эти — они мне не нужны.

Анчугин. А может, денежки вовсе и не твои, а?

Хомутов. А чьи они, по-вашему?

Угаров. Я извиняюсь, но они у вас не фальшивые?

Хомутов. Да что такое, товарищи! Это же глупо, наконец. Я же от души, поймите!

Анчугин. Скажи откровенно: Лензолото или Мамслюда?

Хомутов. Не понимаю.

Анчугин. Откуда аванс, подъемные то есть? Лензолото? Или Мамслюда?

Хомутов. Какое Лензолото? Какая Мамслюда? Бог с вами!

Угаров. Так... А между прочим, вы в бога верите?

Хомутов. В бога?.. Нет, но...

Угаров. Но? В секте случайно не состоите?

Хомутов разводит руками.

А кто вы, собственно, такой? Где работаете?

Хомутов. Я?.. Ну агроном я.

Анчугин. Агроном?

Хомутов. Агроном.

Анчугин. Сеем, значит, пашем.

Хомутов. Сеем, пашем.

Анчугин. Колхоз, конечно, миллионер?

Хомутов. Миллионер, да...

Анчугин. Рабочей силы, конечно, не хватает.

Хомутов. Рабочей силы?.. Да, не хватает. Ну и что?

Анчугин. Так сразу бы и говорил. Дом, конечно, срубите, корову дадите, а?

Хомутов. Да нет же! Просто даю. Выручаю. Почему же вы мне не верите?

Маленькая пауза.

(Вдруг.) Скажите, у вас родители живы?

Угаров. А что? Почему вы спрашиваете?

Хомутов. Да так, интересно...

Анчугин. Из милиции, что ли? *(Достает документы.)* Тогда — на, смотри.

Угаров. А может, из органов? А какой интерес? Мы люди маленькие — он шофер, я экспедитор. Какой интерес?

Хомутов. Ерунда. Еще раз повторяю. Просто даю... Бескорыстно... Не возьмете?

Анчугин. Воздержимся.

Угаров. Я чувствую, возьми я эти деньги — и на мне потом долго будут возить воду.

Анчугин *(отдает Хомутову деньги)*. На. Пересчитай.

Хомутов *(положил деньги в карман)*. Я вижу, простое человеческое участие вам непонятно. К сожалению... Что ж. До свидания. Не поминайте лихом. *(Идет к двери.)*

Анчугин *(останавливает Хомутова, положил ему руки на плечи, получается — обнял)*. Послушай, друг, ну не морочь ты нам голову. Объясни хоть на прощанье, признайся. А то ведь я и спать не буду, ну в самом деле. Сто рублей просто так, за здорово живешь — ну кто тебе поверит, сам посуди...

Хомутов *(не сразу)*. Я хотел вам помочь.

Анчугин. Врешь. *(Вдруг скрутил Хомутову руки.)* Полотенце!

Угаров полотенцем связывает Хомутову руки.

Хомутов *(ошеломлен)*. Товарищи!.. В чем дело? Товарищи! *(Пытается освободиться.)*

Анчугин. Не дергайся... Расскажи все по порядку.

Хомутов. Товарищи! Что вы делаете?..

Угаров. Спокойно... спокойно.

Возня. Вторым полотенцем они привязывают его руки к спинке кровати.

Вот так... Поговорим спокойно, в деловой обстановке.

Анчугин. Рассказывай.

Хомутов. Развяжите меня. Сейчас же развяжите.

Анчугин. Скажи сначала, зачем приходил.

Хомутов. Я все сказал. Не понимаю, что вам от меня надо.

Угаров. Это мы вас спрашиваем: что вам от нас надо?

Анчугин. Откуда гроши, рассказывай. Где ты их взял?

Хомутов. Товарищи, но ведь это насилие, настоящее насилие. Развяжите меня, слышите.

Анчугин *(под носом у Хомутова покрутил своим кулаком).* Если ты хлопочешь пенсию, то смотри, я могу тебе помочь.

Хомутов. За что?.. За то, что я хотел вас выручить?

Анчугин *(вдруг дружески).* Ну хватит, кирюша. Хватит темнить. *(Сел рядом с Хомутовым. Доверительно.)* Слушай, ты можешь на нас надеяться.

Угаров. Целиком и полностью.

Анчугин. Не продадим, будь спокоен... Скажи-ка, деньжата-то ворованные, верно?

Угаров. Ну украл, ну что особенного, подумаешь — редкость.

Анчугин *(с надеждой).* Украл?

Хомутов *(обозлился).* Да! Да! Да! Украл! Это вас устраивает? Украл! Это вы понимаете?

Молчание.

Анчугин *(зло).* Зачем же ты людям нервы трепал, а? Богородицу из себя выламывал, доброго человека! Приятно тебе было, а?

Хомутов *(растерянно).* Но ведь вы же сами хотели.. Вы даже добивались, чтобы я сказал вам, что деньги ворованные. Чего же вы нервничаете?

Угаров *(с сожалением).* Не крал он, видно, что не крал. Другое... А что?

Анчугин. Минутку. *(Из пиджака Хомутова достает документы, протягивает их Угарову.)* Посмотрим, что ты за птица.

Угаров *(читает.)* «Хомутов Геннадий Михайлович... Агроном».

Анчугин. Агроном?

Угаров. Агроном. И фамилия как у агронома.

Анчугин. Слушай, агроном, откуда же у тебя столь-

ко лишних денег?.. Вот мы отведем тебя в ОБХСС, пусть-ка они поинтересуются...

Угаров *(не сразу)*. А может, вы оттуда и есть?

Анчугин. Откуда деньги? *(Подступает к Хомутову.)* Скажешь или нет?

Угаров. Не надо, Федя, не надо! Хуже будет. *(Удерживает Анчугина.)*

Хомутов. Развяжите или вы за это ответите.

Анчугин. Я тебе сейчас... *(Вырывается.)*

Угаров. Слушай... Давай-ка его развяжем. Мало ли что? Пусть идет себе подальше...

Борьба между Угаровым и Анчугиным

Анчугин. Нет... Он мне расскажет... Разъяснит по-человечески...

Угаров. А я тебе говорю... отпустим...

Анчугин. А я говорю — нет.

Они таскают друг друга по комнате.

Угаров. Отпустим...

Анчугин. Не выйдет...

Хомутов. Прекратите, товарищи, прекратите!.. Остановитесь.

Борьба продолжается, но поскольку силы у них оказываются равными, оба устают и падают на кровать.

Анчугин *(тяжело дышит. Угарову)*. Фраер... Барбос...

Угаров *(тяжело дышит)*. Дурак ты, Федор Григорьевич...

Анчугин. Молчи, паразит.

Угаров. Нарываешься сам не знаешь на что... *(Поднимается и делает попытку развязать Хомутова.)*

Анчугин бросается на Угарова. И снова они сидят на кровати.

Дурак, дурак и есть.

Хомутов. Ну, а теперь?.. Может, вы меня развяжете?

Угаров. Действительно, что нам с ним делать?

Анчугин. Ничего... Так он у меня не уйдет.

Угаров. Что делать, тебя спрашивают.

Маленькая пауза.

Анчугин. Позвать кого-нибудь. Людей позвать. Пусть рассудят. *(Поднимается, стучит в одну стену, потом в другую, выходит в коридор. Возвращается, распахнув дверь, стоит у порога.)* Проходите, граждане. Помогите, если можете.

Входят Базильский и Ступак со своей женой Фаиной. Ступак — упитанный молодой человек лет тридцати. Держится уверенно. Фаине лет двадцать, не больше. У Базильского в руках смычок и скрипка — по рассеянности. Васюта появляется вслед за ним.

Базильский. В чем дело?

Ступак. Что случилось?

Васюта. Это еще что такое?

Анчугин. Садись, Анна Васильевна, и слушай. Садитесь, граждане. *(Угарову.)* Введи в курс.

Угаров. Уважаемые соседи! Вы видите перед собой человека, который буквально за полчаса истрепал нам все нервы.

Базильский. Покороче.

Хомутов. Развяжите мне руки.

Ступак. А почему он связан? Он что, преступник?

Угаров. Может, и преступник, а может, и почище преступника. Так вот, поднимаемся мы сегодня, извиняюсь, с похмелья.

Анчугин. В общем, дело такое. Тут я давеча шутки ради крикнул в окно, мол, граждане, займите сто рублей.

Ступак. Мы слышали. По-моему, эта шутка возмутительная.

Базильский *(Анчугину, нетерпеливо)*. Продолжайте.

Анчугин. Ну пошутил, и забыли мы это дело. Тут вваливается этот гусь...

Угаров. Буквально нам незнакомый.

Анчугин. И говорит: «Это вы просили деньги?»

Угаров. Деньги нам нужны, конечно. Перехватить у соседей рубля три, ну десятку — это понятно...

Анчугин. А этот достает сотню, сто рублей то есть...

Васюта. Господи!

Анчугин. Достает и говорит: «Нужны, так берите. пользуйтесь».

Ступак. Не может быть.

Анчугин. Оставляет здесь эту сотню и уходит. *(Хомутову.)* Так или нет?

Хомутов. Рассказывайте дальше.

Анчугин. Ну я его, конечно догоняю, волоку сюда, как, что, почему — растолкуй нам честно. Сто рублей — не шутки...

Угаров. А он нам — мораль. Помочь, говорит, хотел, от души, говорит, от всего сердца. Ну вот и бьем-

ся мы тут с ним, а он на своем — просто, говорит, даю, бескорыстно... Что же это такое, а? Рассудите, люди добрые.

Ступак. М-да... Интересно...

Угаров. Может, мы не понимаем, действительно. Он шофер, я добываю унитазы для родного города — может, мы жизни не понимаем?

Васюта. Да он, поди, пьяный.

Анчугин. Трезвый он. Ни в одном глазу, в чем и дело.

Угаров. Вот вы, товарищ скрипач, вы человек серьезный, поговорите с ним как следует.

Хомутов. В самом деле, объясните им, втолкуйте...

Базильский. Скажите, а все, что они тут расписали...

Хомутов. Да, так и было.

Базильский. Но... Что же, сто рублей? В самом деле?

Хомутов. Да. Сто рублей.

Ступак. И как же — бескорыстно?

Хомутов *(с досадой)*. Да. Бескорыстно.

Ступак. Интересно... Интересно, почем нынче бескорыстие...

Базильский *(Хомутову)*. Подарить этим молодцам сто рублей?.. Загадочно...

Угаров. То-то и дело, что загадочно.

Ступак *(Базильскому)*. Ну это вы напрасно. Что тут таинственного? Жулик. Жулик, и только.

Фаина *(мужу)*. Зачем же ты так? Ведь неизвестно...

Ступак *(перебивает)*. Что неизвестно? Неизвестны мотивы, недаром же он их скрывает. Такую шутку может выкинуть только аферист, пройдоха, заведомо несерьезный человек. Словом, жулик.

Васюта. Позвать администратора?

Базильский. А может быть, врача? *(Хомутову.)* Вы уверены, что вы здоровы?..

Хомутов. Я здоров. А вот с вами что, товарищи? Неужели все вы этого не понимаете? У одного человека ни копейки, у другого червонцы. Одному деньги необходимы, а другой их копит. Так вот, второй дает первому, делится с ним, помогает. Что же тут особенного? Это же так просто.

Ступак. Это ерунда. Идеализм, но скорей всего, жульничество.

Хомутов. Послушайте, все мы больше всего заботимся о себе. Но при этом нельзя, поверьте мне,

нельзя вовсе забывать о других. Приходит час, и мы дорого расплачиваемся за свое равнодушие, за свой эгоизм. Это так, уверяю вас...

Ступак. Бред. И притом религиозный. Бред и вранье.

Хомутов *(Ступаку)*. Да-а, я вас понимаю. Сами вы, как видно, никому не поможете. Так хотя бы поймите другого, того, кто помогает. *(Всем.)* Неужели не понимаете?

Угаров. Здесь не такие дураки, как вы думаете.

Ступак. Возможно, вы ищете популярности? Наживаете моральный капитал? Тогда понятно.

Базильский. Непостижимо! В этом городе никто, кроме старух и вундеркиндов, не посещает концертов. А интеллигентные люди вместо того, чтобы заботиться о культуре, пьют водку и стараются во что бы то ни стало удивить белый свет. Зачем вы это делаете? Для чего? Этим самым вы развращаете публику, понимаете вы это?.. Нет, не верю я в вашу доброту! Это чертовщина какая-то — наверняка! Не удивительно, если завтра эта история попадет в газету.

Ступак. Может, вы журналист и добываете себе фельетон? А может — новый почин?

Фаина *(мужу)*. Перестань.

Хомутов. Вот уж в самом деле: сделай людям добро, и они тебя отблагодарят.

Ступак. Бросьте эти штучки. Кто вы такой, чтобы раскидываться сотнями? Толстой или Жан Поль Сартр? Ну кто вы такой? Я скажу, кто вы такой. Вы хулиган. Но это в лучшем случае.

Васюта. Да откуда ты такой красивый? Уж не ангел ли ты небесный, прости меня, господи.

Базильский. Увы, с ангелом у него никакого сходства. *(Хомутову.)* Вы шарлатан. Или разновидность шарлатана.

Хомутов. Ну, спасибо. Буду теперь знать, как соваться со своим участием.

Ступак. Бросьте. Никто вам здесь не верит.

Маленькая пауза.

Фаина *(всем)*. А что, если в самом деле?.. Если он хотел им помочь. Просто так...

Ступак *(кричит)*. Не говори глупостей!

Фаина *(ужаснулась)*. Почему ты на меня кричишь?

Ступак. Потому что — не лезь куда не следует!

Фаина *(Хомутову)*. Слышите, я вам верю. Верю, что вы делаете это просто так...

Ступак. Дура! Просто так ничего не бывает. И никогда! Запомни это!

Угаров. Это уж факт, девушка. Просто так ничего не бывает.

Фаина *(всем)*. Вы так думаете?

Васюта. А то как еще?

Фаина *(Базильскому)*. И вы так считаете?

Базильский. Как я считаю, что я считаю — это еще ничего и никогда не изменило. *(Встал в стороне, скрестив руки на груди.)*

Ступак *(Фаине)*. Не суйся тут со своей наивностью! *(Сбавил тон.)* Прошу тебя.

Фаина. Значит, все, что ни делается, — все не просто так?

Васюта. Все, милая, все — даже и не сомневайся. И помощь и участие — все теперь не просто. Уж любовь, и та...

Фаина. Что — любовь?

Васюта. Что — любовь? А то, милая, что любовь любовью, а, сама знаешь, с машиной-то, к примеру, муж лучше, чем без машины.

Ступак *(кричит)*. Замолчите!

Васюта. А что, разве неправду говорю?

Фаина садится на кровать рядом с Хомутовым.

Ступак *(Васюте)*. Чего вам тут надо?

Васюта. Да я не вам говорю — ей. Пусть знает свое место. Вам же на пользу.

Ступак. Заткнитесь вы, старуха!

Васюта. А вы чего орете?

Фаина. Чего он орет?.. Да машина-то не его. Машина-то моя.

Анчугин *(Хомутову, с угрозой)*. Смотри, агроном. Смущаешь ты людей...

Ступак *(Фаине)*. При чем здесь машина? Как тебе не стыдно? *(Всем.)* Товарищи! Что здесь происходит? Это просто чудовищно! Мы же все перегрыземся. И все из-за него! Из-за него! Он провокатор! Он всех нас оскорбил! Оклеветал! Наплевал нам в душу! Его надо изолировать. Немедленно!

Анчугин. Пусть скажет сначала, зачем приходил.

Все, кроме Фаины, подступают к Хомутову.

Угаров. Откуда деньги?

Анчугин. Зачем давал? За что?

Базильский. Вы можете наконец назвать истинную причину?

Ступак *(кричит)*. Говорите, черт возьми!

Маленькая пауза.

Хомутов *(страдальчески)*. Я хотел им помочь.

Гул возмущения. Все, кроме Фаины, кричат и говорят разом: «Псих!», «Пьяница!» «Жулик!», «Врешь!», «Покалечу!»

Базильский. Маньяк! Уж не воображаете ли вы себя Иисусом Христом?

Фаина *(встает между Хомутовым и надвигающейся на него компанией)*. Остановитесь! *(Кричит.)* Опомнитесь!

Все останавливаются.

Хомутов. Чего вы от меня добиваетесь? Чего хотите?.. Сказать вам, что я зарезал?.. Ограбил?.. Убил?

Ступак. Не исключено. Я даже уверен, что мы раскрыли преступление. Позвонить в милицию — и делу конец. *(Подходит к телефону.)*

Базильский. Нет, нет. Звоните в больницу. Это мания величия. Определенно. Он вообразил себя спасителем.

Молчание.

Ступак *(набирает номер)*. Справочное? Номер психбольницы... Спасибо. *(Набирает номер.)*

Хомутов *(хрипло)*. Хорошо. Развяжите... Я все объясню.

Маленькая пауза. Анчугин развязывает Хомутова.

(Медленно.) Вы меня убедили, вы сможете сделать со мной что угодно... Но я не намерен сидеть в сумасшедшем доме. Мне некогда... Я приехал сюда на неделю... *(Помолчав.)* В этом городе жила моя мать... Она жила здесь одна, и я не видел ее шесть лет... *(С трудом.)* И эти шесть лет... я... я ни разу ее не навестил. И ни разу... Ни разу я ей не помог. Ничем не помог... Все шесть лет я собирался отправить ей эти самые деньги. Я таскал

их в кармане, тратил... И вот... *(Пауза.)* Теперь ей уже ничего не надо... И этих денег тоже.

Васюта. Господи!

Хомутов. Я похоронил ее три дня назад. А эти деньги я решил отдать первому, кто в них нуждается больше меня... Остальное вам известно.

Молчание.

Теперь, надеюсь, вы меня понимаете.

Маленькая пауза.

Анчугин. Браток... Так что же ты раньше не сказал?

Хомутов. А кому захочется в этом-то признаваться?

Васюта. Господи, грех какой...

Угаров. А мы-то, а?.. Нехорошо вышло.

Базильский *(Хомутову)*. Простите, если возможно...

Угаров *(Васюте, негромко)*. Вина...

Васюта исчезает.

Базильский *(удивляется)*. Это ужасно, ужасно. С нами что-то приключилось. Мы одичали, совсем одичали...

Анчугин *(садится рядом с Хомутовым)*. Прости, друг. Не серчай.

Угаров. Если б знали, какой разговор...

Ступак. Извините, разумеется. Но получается, что мы с вами квиты. Сегодня я в первый раз поссорился со своей женой. *(Фаине.)* Перестань дуться. Как видишь, у товарища несчастье. *(Подходит к Фаине.)* Ну, извини меня. *(Хотел взять ее за руку.)* Ну не дуйся.

Фаина *(убрала свою руку.)* Не трогай, пожалуйста.

Ступак. Да?.. Даже так?

Фаина молчит.

А ну идем! *(Пошел к двери, остановился.)* Или ты намерена здесь оставаться?

Фаина. Да, намерена.

Ступак. Да?.. Ну как хочешь. *(Выходит.)*

Базильский *(Хомутову)*. Прошу вас, не думайте, что мы уж такие отпетые... Это было что-то ужасное, наваждение какое-то, уверяю вас... Мы должны были вам верить — конечно! Мы были просто обязаны...

Появляется Васюта с вином, Угаров немедленно начинает наполнять стаканы.

Анчугин *(Хомутову).* Пойми, браток. Деньги, когда их нет,— страшное дело.

Васюта. Бог с ними, с проклятыми. Где деньги, там и зло — всегда уж так.

Угаров *(Хомутову).* Что поделаешь... *(Со стаканом в руке.)* За вашу маму... Так сказать, за помин души... Извините. *(Выпивает.)*

Анчугин *(Хомутову).* Так это... не горюй. Выпей, брат, вина.

Анчугин, Васюта и Хомутов медленно выпивают.

Фаина. И мне дайте. *(Выпивает.)*

Молчание. Базильский, стоя у дверей, не знает, что делать — уйти или остаться.

Угаров. А вы, товарищ скрипач, присаживайтесь. *(Помолчал, потом, обращаясь ко всем.)* Ну что же теперь поделаешь?

Хомутов *(встрепенулся).* Да нет, товарищи, ничего, ничего. Жизнь, как говорится, продолжается...

Пауза.

Анчугин *(запел).*

Глухой неведомой тайго-о-ою...

Угаров *(Базильскому).* Подыграйте, товарищ скрипач.

Анчугин *(продолжает).*

Сибирской дальней стороной
Бежал бродяга с Сахали-и-ина
Звериной узкою тропой...

Анчугин и Угаров повторяют две последние строки вместе. Базильский вдруг подыгрывает им на скрипке. Так они поют: бас, тенор и скрипка.

Занавес

ПРОШЛЫМ ЛЕТОМ В ЧУЛИМСКЕ

Драма в двух частях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Шаманов.
Пашка.
Помигалов.
Дергачев.
Еремеев.
Валентина.
Мечеткин.
Кашкина.
Хороших.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Утро.

Летнее утро в таежном райцентре. Старый деревянный дом с высоким крыльцом, верандой и мезонином.

За домом возвышается одинокая береза, дальше видна сопка, внизу покрытая елью, выше — сосной и лиственницей. На веранду дома выходят три окна и дверь, на которой прибита вывеска «Чайная». Перед мезонином небольшой балкончик, и дверь на него чуть приоткрыта, внизу окна закрыты ставнями. На одной из ставен висит бумажка, должно быть, распорядок работы чайной. Здесь же, на веранде, стоит несколько новеньких металлических столов и стульев. Слева от дома — калитка и скамейка, а дальше высокие ворота. Начинаясь за воротами, вверх к дверям мезонина ведет лестница с перилами. На карнизах, оконных наличниках, ставнях, воротах — всюду ажурная резьба. Наполовину обитая, обшарпанная, черная от времени, резьба эта все еще придает дому нарядный вид.

Перед домом — деревянный тротуар и такой же старый, как дом (ограда его тоже отделана резьбой), палисадник с кустами смородины по краям, с травой и цветами посередине. Простенькие бледно-розовые цветы растут прямо в траве, редко и беспорядочно, как в лесу.

Палисадник расположен так, что для посетителей, направляющихся в чайную с правой стороны улицы, он выглядит некоторым препятствием, преодолеть которое должно обойдя его по тротуару, огибающему здесь половину ограды палисадника. Труд этот невелик — в обход шагов десяток, не более того, но по укоренившейся здесь привычке посетители, не утруждая себя «лишним шагом», ходят прямо через палисадник. Следствием этой манеры является неприглядный вид всего фасада: с одной стороны из ограды выбито две доски, кусты смородины обломаны, трава и цветы помяты, а калитка палисадника, которая выходит прямо к крыльцу чайной, распахнута и болтается косо на одной петле.

У крыльца на веранде лежит человек. Устроился он в углу, незаметно. Из-под телогрейки чуть торчат кирзовые сапоги — вот и все. Сразу и не разглядишь, что это человек. Первоначальная тишина и неподвижность картины нарушаются лаем собак где-то по соседству и отдаленным гудением мотора. Потом щелкает заложка большой калитки, и появляется Валентина.

Валентине не более восемнадцати лет, она среднего роста, стройна, миловидна. На ней ситцевое летнее платье, недорогие туфли на босу ногу. Причесана просто.

Валентина направляется в чайную, но на крыльце неожиданно останавливается и, обернувшись, осматривает палисадник. Бегом — так же как и поднялась — спускается с крыльца. Она проходит в палисадник, поднимает с земли вынутые из ограды доски, водворяет их на место, потом кое-где расправляет траву и принимается чинить калитку. Но тут калитка срывается с петли и хлопает о землю. При этом человек, спя-

щий на веранде и ранее Валентиной не замеченный, неожиданно и довольно проворно поднимается на ноги.
Валентина слегка вскрикивает от испуга.
Перед Валентиной стоит старик невысокого роста, сухой, чуть сгорбленный. Он узкоглаз, лицо у него темное, что называется прокопченное, волосы седые и нестриженые. В руках он держит свою телогрейку, а рядом с ним лежит вещевой мешок, который он, очевидно, подкладывает под голову. Его фамилия Еремеев.

Еремеев. Ты — почему?

Валентина молчит. Испуг еще не прошел, и она смотрит на Еремеева широко раскрытыми глазами.

Почему? Зачем кричать?

Валентина. Ой, как вы меня напугали...

Еремеев. Напугал?.. Почему напугал? Я не страшный.

Валентина. Нет, вы страшный, если неожиданно... *(Улыбается.)* Извините, конечно...

Еремеев *(улыбается)*. Зачем бояться? Зверя надо бояться, человека не надо бояться.

Валентина. Уже не боюсь... *(Снова возится с калиткой.)* Помогите, пожалуйста.

Еремеев спускается с крыльца.

Подержите мне ее... Вот так...

Вдвоем они наладили калитку.

Ну вот, большое вам спасибо... Я вас разбудила?

Еремеев *(кивает)*. Разбудила. *(Кашляет.)*

Валентина *(поднимается на крыльцо)*. Как же вы здесь спали?.. Холодно же. Да и жестко, наверно... Постучались бы.

Еремеев. Зачем стучаться? Зимой надо стучаться.. Ты Афанасия знаешь?

Валентина. Афанасия?.. А вы к нему?

Еремеев быстро кивает.

Так он сейчас придет. Сюда.

Еремеев. Сюда?

Валентина. Должен прийти. Он сейчас здесь работает, чайную ремонтирует... Да вы лучше к нему сходите. Вон их дом *(показывает)*, два окна... Знаете?

Еремеев. Сейчас придет — тут его подожду.

Валентина. Как хотите... *(Ключом открывает дверь*

чайной.) Да вы садитесь, чего зря стоять. Присаживайтесь.

В это время с громким стуком распахивается дверь на балкончике мезонина: Валентина, которая в это мгновение заходит в помещение чайной, на секунду замирает на пороге. На балкончике мезонина появляется Кашкина. Прищурясь, она смотрит на улицу.

Кашкиной двадцать восемь лет, не меньше, но и не больше. Она привлекательна. Недлинные прямые волосы, до сего момента непричесанные. Чуть близорука и впоследствии появится в очках. Сейчас она босая, в домашнем халате.

Кашкина *(негромко).* Ну вот... День будет солнечный — опять.

Валентина исчезает в помещении чайной и поспешно закрывает за собой дверь. Еремеев присел на стул, сидит неподвижно.

Послушай, почему мне так не везет? *(Обращается к кому-то, находящемуся в комнате, но говорит, не оборачиваясь, глядя на улицу.)* В мае здесь стояла замечательная погода, помнишь? Так вот. Я ухожу в отпуск — начинается дождь. Приезжаю в город — там идет дождь. Еду к тетке, ну, думаю, наконец, позагораю. Заявляюсь — и там дождь. А за день до моего приезда было солнце. *(Расчесывает волосы.)* Возвращаюсь сюда, выхожу на работу, и вот пожалуйста: прекрасные деньки. Ужас какой-то... *(Приостанавливает руку с расческой.)* Послушай, ты ждал меня хоть немного?.. Или вовсе не ждал? *(Мгновение ждет ответа, потом продолжает расчесывать волосы, усмехается.)* Ладно, можешь не отвечать. Не затрудняй себя. Это я так спросила, от нечего делать... А все же денек сегодня будет чудесный. Послушай-ка! Идем сегодня на танцы... А почему бы и не пойти?.. Ну да, сейчас ты скажешь, что это безумие, что для танцев ты уже устарел,— я уже знаю, что ты скажешь... Что?.. Молчишь. Значит, все правильно... Ну ладно, я ведь только предлагаю... Заварить тебе чаю?.. *(Ждет ответа, потом оборачивается.)* Чаю тебе заварить?.. Неужели уснул?.. Успел уже... *(Помолчав.)* Ну и спи. *(Не без горечи.)* Спать — на это ты способен. Это единственное, что тебе еще не надоело... Ну и ладно. Ну и спи себе. *(Уходит с балкончика.)*

С правой стороны улицы появляется Мечеткин. Ему около сорока лет. Он в новом сером костюме, в потешной зеленой шляпе, при галстуке. Держится он до странности напряженно, явно напуская на себя начальственную строгость, руководящую озабоченность. Старается говорить низким голосом, но часто срывается на природный фальцет. Он приближается к ограде, вынимает из нее одну доску, пытается протиснуться, но безуспешно — мужчина он, что называется, в теле. Вынимает другую доску и проходит через палисадник, оставляя за собой открытую калитку. При его появлении Еремеев поднимается и собирает свою постель: складывает в мешок телогрейку.

Мечеткин. Что такое?.. *(Строго.)* Ты что тут делаешь?

Еремеев молчит.

А?.. Спал, что ли?

Еремеев *(кивает головой, улыбается)*. Отдыхал маленько.

Мечеткин. Отдыхал, значит?.. *(Язвительно.)* Ну и как отдохнул?

Еремеев *(простодушно)*. Хорошо отдохнул.

Мечеткин. Так, так... Ну, а кто тебе разрешил?.. А?.. Я вопрос задаю, кто тебе разрешил здесь спать?.. *(Стучит в дверь.)*

Еремеев молчит. Валентина появляется на пороге. На ней белый фартук.

(Приподнял свою шляпу, заговорил любезно.) Работникам общепита...

Валентина. Доброе утро.

Мечеткин. Ну и как оно... Как дела? Как настроение?

Валентина. Спасибо, хорошо.

Мечеткин. Впечатление производите положительное...

Валентина *(смеется)*. Неужели?

Мечеткин. Определенно, определенно...

Валентина. Вы, Иннокентий Степанович, я гляжу, сегодня в хорошем настроении...

Мечеткин. А где же буфетчица? Еще не пришла? *(Смотрит на часы.)* Опять она задерживается.

Валентина. Не волнуйтесь, сейчас придет. Садитесь. обождите минутку... *(Исчезает.)*

Мечеткин *(прошелся по веранде)*. Так, так... А ведь ты мне так и не ответил. Кто разрешил тебе здесь спать? А? Гостиница тут, что ли?

Еремеев. Ночью пришел, из тайги пришел.

Мечеткин. Видать, что из тайги... А зачем? По какому поводу?

Еремеев. По делу пришел.

Мечеткин. По делу, говоришь?.. Знаем мы ваши дела. Налижетесь, понимаете ли, и все дела. А пришел — так иди в гостиницу. На общем основании.

Еремеев. Зачем в гостиницу. У меня друг есть. Афанасий. Будить его не стал.

Появляется Хороших, женщина лет сорока пяти. Она моложава на вид, энергична, в движениях смела и размашиста. Одета щеголевато.

Мечеткин *(Еремееву)*. Будить не стал, скажи, какой стеснительный?.. Вот друг, понимаете.

Хороших *(Мечеткину)*. Дай пройти. Чего опять разоряешься? *(Еремееву.)* Никак Илья?

Еремеев. Илья, Илья...

Хороших. Здравствуй-ка, Илья!

Еремеев. Здравствуйте, здравствуйте!

Хороших *(проходит в помещение чайной, на пороге)*. Здравствуй, Валентина.

Мечеткин *(разглядывает свои часы)*. Так, так...

Хороших появляется и открывает ставни одного из трех окон. В этом окне оказывается витрина буфета, весы, бутылки на полке и прочее.

Между прочим, уже десять девятого.

Хороших. Ну и что?

Мечеткин. Опаздываете, Анна Васильевна. Раньше вставать надо.

Хороших. Тебя я не спросила. *(Исчезает за дверью. Тут же появляется в буфете за окном, Еремееву.)* Давненько ты здесь не заявлялся.

Еремеев. Давно, давно.

Мечеткин *(Хороших)*. Имейте в виду, дисциплина у нас для всех существует. Положение общее.

Хороших. Да отстань ты, дай с человеком поговорить.

Мечеткин. Смотрите, Анна Васильевна. Вы ведь не в первый раз, вы систематически задерживаетесь, так что имейте в виду... Мне две яичницы, простоквашу, хлеб и стакан чаю... Имейте в виду, на вас и так сигналы поступают...

Хороших. Да иди ты со своими сигналами. Ты лучше скажи мне, когда ты женишься?

Мечеткин. То есть?.. Что вы этим хотите сказать?..

Хороших. А то сказать, что давно тебе пора. Уж я жду, жду...

Мечеткин. Гм... А ваше-то, между прочим, какое до этого дело?

Хороших. Да как же. Женился бы, так, слава богу, сюда перестал бы ходить. Дома бы питался. Вот бы удружил так удружил. Зато жене твоей я бы не позавидовала.

Мечеткин. Анна Васильевна!.. Вы забываетесь, между прочим.

Хороших *(пишет на бумажке. Громко)*. Валентина! Две яичницы! *(Подает Мечеткину хлеб и талоны.)* Ешь да помолчи немного. *(Еремееву.)* А ты, Илья? Завтракать будешь?

Еремеев. Спасибо, спасибо.

В буфете раздается телефонный звонок.

Хороших *(поднимает трубку)*. Столовая слушает... Доброе утро... Открылись... Ремонт? Идет ремонт, заканчиваем... Нет-нет, полный день работаем, до десяти... Да вот, вдвоем пока управляемся, остальные в отпуске... Когда пожелаете, вам мы всегда рады... Доброго здоровья. *(Положила трубку. Еремееву.)* Ты когда пришел?

Еремеев. Ночью пришел.

Хороших. Спал где же?

Мечеткин. Тут и спал. Вот еще тоже. Тут люди питаются, понимаете ли... *(Проходит в чайную.)*

Хороших. А че же ты не постучался? Или забыл, где живем?

Еремеев. Не забыл.

Хороших. Так че же ты? Разве в доме места мало?.. А тут нынче у нас, наоборот, тесно. Видишь, на веранде пока обходимся. Ремонт у нас.

Мечеткин *(появляется с едой на подносе)*. Тоже безобразие. Ремонтируетесь крайне медленно.

Хороших. Да помолчи ты, окаянный.

Мечеткин. Меню однообразное. Котлеты вчерашние.

Хороших. Ну как ты, Илья, так один и живешь?

Еремеев. Один, один.

Хороших. Как же так, в тайге-то? Старый ты стал, тяжело, поди, одному?

Еремеев. Старый, старый.

Хороших. А вон и дружок твой ковыляет. Идол безобразный.

Появляется Дергачев. Ему около пятидесяти. Он высок ростом, широкоплеч, кудряв, словом, мужик еще видный. Одно нехорошо: левая нога в колене у него не сгибается — протез. При ходьбе он заметно припадает и резко взмахивает правой рукой. В левой руке он держит ящичек со столярным инструментом. Он хмур и небрит. Проходит через палисадник по пути, проделанному Мечеткиным. При виде Еремеева он оживляется.

Дергачев. Э, кого я вижу. *(Подходит, инструмент оставил на стуле. Одной рукой трясет руку Еремеева, другой хлопает его по плечу.)* Здорово, брат, здорово.

Еремеев. Здорово, Афанасий... Здорово... *(Смех и кашель.)*

Дергачев. А я, брат, думал, тебя уже и на свете нету...

Хороших. Во. Обрадовал человека.

Дергачев. Постарел, брат, постарел, но молодец — долго живешь.

Еремеев. Долго живу, долго... *(Смеется.)*

Дергачев. Ну и правильно. Нашего брата, охотника, задаром со света не сгонишь, так или нет?

Хороших. Что верно, то верно.

Дергачев. Молодец, Илья.

Хороших. Илья, ты когда жену похоронил? Прошлым летом или позапрошлым?

Еремеев. Два лета прошло...

Хороших. С тех пор, значит, один... Старику-то мыслимо ли?

Дергачев. Да-а, одному-то там неинтересно.

Еремеев. Неинтересно...

Небольшая пауза.

Дергачев. Анна...

Хороших не отвечает.

Анна... Ну.

Хороших. Че — ну?

Дергачев. Ну... Или не понимаешь?

Хороших. Да че ну-то?.. Павел там проснулся?

Дергачев. Встал твой Павел. Рожу свою бреет. Нахальную...

Хороших. Нахальную? А ты на свою посмотри. Он свою хотя бы бреет...

Дергачев *(перебивает)*. Об нем сейчас говорить не будем.

Хороших. Ниче, сам начал...

Дергачев *(внушительно)*. Анна! Насчет Павла разговор закончен. Пусть он уматывает. Отпуск у него закончился, дальше терпеть не буду. *(Помолчав.)* И на этом точка. *(Небольшая пауза. Мягче.)* Сейчас разговор другой... Ко мне друг пришел, слышишь?

Хороших. Не слышу. И не желаю слышать.

Дергачев *(не сразу)*. Ну...

Хороших молчит.

Ну!

Хороших. Да че ну-то? Ну да ну! Поехал ты, что ли?

Дергачев. Ну!

Хороших. Счастливого пути, ежели поехал.

Дергачев. Кому говорят! *(Грохнул ладонью по столу.)*

Мечеткин *(вздрогнул)*. А?

Дергачев *(Хороших, спокойнее)*. Принимай гостя.

Мечеткин. Опять скандалишь?

Дергачев. А ты не суйся!

Мечеткин *(поднимается)*. Безобразие. В общественном месте орут, понимаете, как в загоне... *(Подходит к буфету.)*

Хороших *(Дергачеву)*. На самом деле. Я тебе не лошадь.

Дергачев. Принимай гостя...

Хороших. Твой гость, ты его и принимай.

Еремеев. Афанасий... Зачем шумишь, Афанасий? Не надо шуметь...

Дергачев. Погоди; Илья...

Валентина появляется с подносом, прибирает на столе, за которым сидел Мечеткин. Обратила внимание на палисадник, отставила поднос, спустилась вниз. Снова возится с досками и калиткой.

Мечеткин. Отпустите-ка мне конфет. Этих... *(Показывает.)* Двести грамм.

Дергачев. Ну смотри, Анна.

Хороших *(рассчитываясь с Мечеткиным)*. Ниче-ни-

че, обойдетесь. Я не миллионщица и растрату делать не желаю.

Мечеткин *(жует конфету)*. Растрату, между прочим, никто не желает делать, а приходит ревизия и выясняется...

Хороших. А ты не каркай.

Мечеткин. Я не каркаю, я предупреждаю.

Хороших *(Дергачеву)*. Зря рассиживаешься. Дело бы делал. Начальство вон с утра уже названивает. У меня этот твой ремонт в печенках уже сидит.

Дергачев. Смотри, Анна. С утра сегодня выпрашиваешь.

Хороших. Ниче-ниче. Ни грамма сегодня не получишь, ни капли. *(Мстительно.)* И на этом точка. *(Громко.)* Валентина!.. Где ты? *(Выходит из буфета, но тут же возвращается.)* Где она?

Валентина. Я сейчас.

Гремит засов, открываются ворота, и появляется Помигалов, отец Валентины. Из ворот он выкатывает мотоцикл. Помигалову за пятьдесят лет. Он среднего роста, суховатый, но крепкий мужчина с решительными, спокойными движениями, твердым взглядом. Одет в робу и кирзовые сапоги.

В открытые ворота видна часть двора, навес, поленница под навесом, тын и калитка в огород — всюду порядок.

Помигалов *(всем)*. Доброе утро.

С ним здороваются.

(Закрывает ворота. Громко, на ходу, не глядя в сторону чайной.) Валентина! В обед подметешь двор, натаскаешь воды. Борова покорми да выпустить его не забудь.

Валентина *(возится с калиткой)*. Папа! Иди-ка сюда.

Помигалов. Чего тебе?

Валентина. Иди помоги.

Помигалов *(разглядел, чем занимается Валентина, махнул рукой)*. А! Некогда мне.

Валентина. Да на секунду! Тут только придержать надо.

Помигалов. Кому это надо? *(Ведет мотоцикл в сторону.)* Брось. Детством заниматься... *(Отдает Валентине распоряжения.)* За боровом присмотри. Да про баню не забудь. Будешь воду носить, смотри, чтобы куры в огород не попали. *(Исчезает.)*

Слышится треск мотоцикла. Треск удаляется.

Хороших. И действительно, Валентина. Твой он, что ли, палисадник этот?.. А главное — даром ведь упрямишься: ходит народ поперек и будет ходить.

Дергачев. А ты бы ее не учила. Не твое дело. Нравится девке чудить, пусть она чудит. Пока молодая. Верно, Илья?

Еремеев. Верно, верно. Однако, добрая девушка.

Мечеткин *(жует)*. Вот еще тоже. Не палисадник, а анекдот ходячий. Стоит, понимаете, на дороге, мешает рациональному движению.

Хороших. Валентина! Скоро ты?

Валентина. Сейчас... Готово... (*Ей удалось-таки наладить калитку.*) Иду!

Мечеткин *(поднялся)*. И вообще. Будут у вас здесь продолжаться безобразия — я вас на весь район разрисую. Имейте в виду. *(Уходит.)*

Валентина проходит в чайную. Появляется в буфете раза два-три вместе с Хороших — заносят ящики.

Еремеев. Человек ушел — большой, однако, начальник.

Дергачев *(с пренебрежением)*. Кто? Этот?.. В райздраве он бухгалтером. Да статейки в газету пописывает.

Еремеев. Строгий, однако.

Дергачев *(усмехнулся)*. Не говори... Седьмой секретарь.

Еремеев. Секретарь?

Дергачев. Да, прозвали так. Седьмой секретарь, иначе его тут не величают.

Хороших появляется в буфете одна. Валентина выходит на веранду, вытирает со стола, за которым завтракал Мечеткин.

Илья, у тебя деньги есть?

Еремеев. Деньги? Есть маленько.

Хороших *(Дергачеву)*. Не совестно тебе?

Дергачев. А тебе не совестно?

Хороших. Илья! Не вздумай ему ставить.

Дергачев. Не твое дело. Давай, Илья, не слушай бабу.

Хороших. Илья!

Еремеев *(в замешательстве)*. Так нехорошо... Так тоже нехорошо... *(Улыбается.)* Тогда надо немного выпить.

Хороших. У-у! Все вы заодно. Алкоголики. *(Достает бутылку, со стуком ставит ее на стойку.)* На, подавись.

Дергачев *(не сразу, спокойно, но внушительно).* Давай стаканы и поднеси нам по-человечески.

Хороших. Еще чего? И не подумаю... Сам возьмешь, ниче с тобой не сделается.

Дергачев. Ну!

Валентина. Я подам, тетя Аня...

Хороших. Нет. Обойдутся. У нас тут самообслуживание.

Еремеев хочет взять бутылку.

Дергачев *(останавливает его).* Сиди, Илья. *(Хороших.)* Неси ее сюда.

Хороших. Счас, тороплюсь. *(Помолчав.)* Не дождешься, я те говорю.

Дергачев. А я говорю, неси ее сюда.

Наверху открывается дверь мезонина, появляется Шаманов. Шаманову тридцать два года, роста он чуть выше среднего, худощав. Во всем у него — в том, как он одевается, говорит, движется — наблюдается неряшливость, попустительство, непритворные небрежность и рассеянность. Иногда, слушая собеседника, он, как бы внезапно погружаясь в сон, опускает голову. Время от времени, правда, на него вдруг находит оживление, кратковременный прилив энергии, после которого, впрочем, он обычно делается особенно апатичным. Появляясь, он надевает на руку часы и осматривается. В этот же момент из мезонина раздается голос Кашкиной.

Голос Кашкиной. Подожди.

Шаманов *(с некоторым нетерпением).* Да?

Голос Кашкиной. Завтракаем вместе?

Они разговаривают негромко, но внизу их, конечно, слышно. Валентина, услышав их голоса, меняется в лице, движения ее становятся напряженными, неестественными.

Шаманов *(с досадой).* Я не против, но я... Меня там машина должна ждать.

Хороших *(Дергачеву, смеясь).* Сиди, сиди. Долго-то все равно не высидишь.

Голос Кашкиной. Подожди, я уже собралась.

Валентина *(на которую сильно действуют голоса наверху, пытаясь не подать вида и скрыть свои чувства, обращается к Хороших).* Будет вам, тетя Аня! *(Снова намеревается подать бутылку.)*

Хороших *(жестом предупреждает намерения Вален-*

тины). Ты че? Нет у тебя своего дела? *(Кивком головы и глазами указывает наверх.)* Слышишь, что ли?

Валентина вспыхнула, вздрогнула, как от удара.

(Ядовито.) Пошевелись. Люди завтракать идут.

Шаманов *(заговорил потише).* Я буду внизу. *(Шагает вниз, лестница под ним заскрипела. Он останавливается, затем ступает осторожнее.)*

Голос Кашкиной. Все. Я иду.

В ответ на ее слова Шаманов начинает спускаться быстрее, но при этом старается сохранить ту же осторожность, для чего ему приходится чуть согнуться.

В этот момент Валентина уходит в помещение чайной. Из мезонина появляется Кашкина. Сейчас на ней светлая юбка, белая блузка, босоножки. В руках — сумочка.

Кашкина *(наблюдая, как Шаманов крадется вниз, негромко, насмешливо).* Держите вора!

Шаманов останавливается и выпрямляется.

Держите его, он украл у меня пододеяльник.

Хороших *(Дергачеву).* Да хоть целый день просите, мне-то от этого...

Шаманов *(Кашкиной).* Слушай, что за шутки?

Кашкина. Никакие не шутки. Ты крадешься как вор.

Шаманов. А ты как хотела? Чтобы мы в обнимку выходили?

Кашкина. Послушай. Скоро три месяца, как ты ходишь по этой лестнице, неужели ты думаешь, что в Чулимске остался хотя бы один человек, который тебя тут не видел.

Шаманов. Ну и что? Может, нам теперь рассветы встречать здесь, на крыше?

Кашкина. Ну что ты — рассветы, где уж нам?.. Ладно уж, давай как поспокойнее. Спускайся. Сначала ты, а потом я.

Шаманов. Черт подери! *(Делает два-три шага наверх. С досадой и иронией.)* Руку, мадам, здесь такая шаткая лестница. *(Берет Кашкину под руку.)* Прошу вас. Наплюем на предрассудки, раз уж вы без этого никак не можете.

Хороших *(Дергачеву).* Ну? Может, вы теперь ее и пить не будете?

Дергачев, грозно насупившись, сидит неподвижно.

Кашкина. Ладно, ладно. Иди... Иди, я забыла деньги... Да! Ты тоже кое-что забыл... *(Достает из сумки пистолет в кобуре.)* На, и больше никогда не оставляй у меня эту штуку.

Шаманов *(берет пистолет.)* Мерси.

Кашкина возвращается в мезонин. Шаманов цепляет кобуру с пистолетом за ремень под пиджаком, поворачивается и спускается по лестнице шумно, без всякой предосторожности.

Хороших *(подняла вверх палец)*. Половина девятого. Следователь от аптекарши спускается. *(Исчезает, появляется в дверях, ставит бутылку на стол, подает стаканы, тарелку с закуской.)* Больше не получите. *(Уходит в чайную.)*

Шаманов появляется и, снова становясь осторожным, тихонько закрывает за собой калитку. Чуть выждав, неслышно удаляется в сторону.

Дергачев *(разлил в стаканы)*. Ну, Илья... За встречу.

Еремеев моргает, суетливо кивает головой. Оба выпивают.

Хороших *(появляется в буфете)*. Илья, а дочь твоя где же? Где проживает?

Еремеев. Дочь?.. В Ленинграде была. Не знаю, где...

Хороших. Че, и писем не пишет?

Еремеев. Не пишет...

Хороших. Вот беда-то...

Дергачев. Да, брат, неважные твои дела.

Еремеев. Неважные, неважные. Оленя нет, зверя в тайге мало стало, руки стали болеть — совсем неважные. *(Неожиданно)*. Не знаешь, пенсию не дадут?

Дергачев. Пенсию?.. Погоди, а сколько же тебе лет?

Еремеев *(поспешно)*. Шиисят пять уже было, давно было. Уже семисят четыре.

Хороших. Семьдесят четыре? Ну, Илья, ты даешь! Девять лет, как пенсия полагается!

Еремеев. Полагается. Зангеев Петька давно получает.

Хороших. А ты че думал?.. Ну, Илья, голова два уха. Дурень ты! Шляпа! Чего же ты ждешь?.. Дуй в райсобес!

Дергачев. Погодите вы в райсобес. Разбежались... Ты с Петькой не равняйся, у него зарплата была. Он от лесничества всю жизнь работал.

Хороших. А Илья? Не работал, что ли?

Еремеев. Работал. У геологов работал, проводником работал. Сорок лет работал.

Дергачев. Работать-то работал, а документы у тебя есть?

Еремеев. А?

Дергачев. Документы, говорю. Трудовая книжка?.. Справки, что ты у геологов работал?.. Есть у тебя?

Еремеев молчит.

Хороших. Неужто нету?

Дергачев. Нет?.. А раз нет — значит, пенсию не жди. Без справок ты ее не получишь. Даже и не рыпайся.

Из мезонина выходит Кашкина, спускается вниз.

Еремеев. Как же, Афанасий? Я работал, у геологов работал...

Хороших. О чем же ты думал? Собирать надо было документы-то. А теперь где те геологи?

Дергачев. Ищи-свищи.

Из калитки выходит Кашкина, здоровается со всеми, проходит к буфету.

Хороших. Долго, барышня, спишь. Все, поди, сны досматриваешь?

Кашкина. Ладно, Анна Васильевна, не острите. Есть простокваша?

Хороших. Простокваша есть, а булочки вчерашние. Свежих сегодня не будет.

Кашкина. А сигареты?

Хороших. Нету, милая. Не получала.

Кашкина. Весело живем.

Хороших *(громко)*. Валентина! Одну простоквашу!

Еремеев. Я работал, сорок лет работал...

Дергачев. Документов нет — и разговору нет.

Еремеев. Я работал. Ты, Афанасий, знаешь...

Дергачев. Я-то знаю...

Еремеев. Со мной пойдешь, расскажешь... Разве не поверят?

Дергачев. Илья, Илья. Глупый ты человек. Тебе пенсия оттуда *(показал пальцем в небо)* причитается, а здесь, брат, ты не жди. Здесь тебе не отломится.

Хороших. Да постой ты его расстраивать. Сперва надо ком все разузнать.

Валентина появляется в буфете со стаканом простокваши. Она и Кашкина кивают друг другу довольно официально. Кашкина взяла булочку, простоквашу, расплатилась и уселась за столик справа, в углу. Дергачев разливает по второй.

Илья! Не пил бы ты больше, а шел бы лучше в собес или куда там... *(Дергачеву.)* А тебе то же самое: не грех бы и остановиться, об работе подумать.

Шаманов появляется оттуда, куда он исчезал — с левой стороны улицы. Валентина незаметно для присутствующих исчезает из буфета.

Шаманов. Доброе утро.

Дергачев. Здравствуйте.

Хороших. Владимир Михалыч... Ждем вас, ждем. *(Обернувшись.)* Валентина! Одну яичницу.

Шаманов. Да... И чаю там или компоту...

Хороших *(пишет)*. Чай, компот. Больше ничего не надо?

Шаманов. Нет, Анна Васильевна, пожалуй, больше ничего.

Хороших. Вот и правильно. Не то что эти. *(Кивает в сторону Дергачева и Еремеева.)*

Шаманов. А что такое?

Хороших. Не видите? Ни свет ни заря уже запузыривают.

Шаманов. Ага... Уже, значит, начали... Не рано ли?

Дергачев. Вы как знаете, а нам не рано.

Шаманов. Думаете, не рано?

Дергачев. В самый раз.

Шаманов. В таком случае, Анна Васильевна... Стаканчик вина.

Хороших *(укоризненно)*. Владимир Михалыч...

Шаманов. Винца, винца, не более того... *(Кашкиной.)* Зина, может быть... *(Показывает — не выпить ли ей с ним за компанию.)*

Кашкина отрицательно качает головой. Шаманов взял вино, хлеб, подсел к Кашкиной.

Дергачев. Так-то, брат Илья. В собес ты, конечно, сходи, но на пенсию, между нами говоря, не рас-

считывай. А покамест выпьем. За любовь без обмана.

Кашкина *(подняла стакан с простоквашей)*. Я к вам присоединяюсь.

Шаманов молча поднимает свой стакан. Все выпивают.

Хороших. Владимир Михалыч, тут такое дело, вы в курсе, наверно.

Шаманов. Что, Анна Васильевна?

Хороших. Да вот человек тут, Еремеев Илья, за пенсией пришел. Вот вы рассудите, ему семьдесят четыре года, он у геологов всю жизнь проводником работал...

Еремеев. Работал.

Хороших. Работал, а документов не имеет. Ни справок у него, ни трудовой книжки — ничего нет. Вот как ему насчет пенсии? Что делать?

Шаманов. А где же документы?

Еремеев молчит.

Это вы Еремеев?

Еремеев *(не сразу)*. Еремеев, Еремеев...

Хороших. Эвенк по национальности...

Еремеев (кивает). Эвенк.

Хороших. Только что фамилия русская. Крещеный он.

Еремеев *(поспешно)*. Крещеный, крещеный...

Хороших. Да какие ж с него документы? Ведь он человек простой — неученый, таежный житель. Кабы ему раньше знать про эти документы...

Шаманов. Но паспорт-то у него, надеюсь, есть?

Еремеев. Есть. Есть паспорт.

Шаманов. Что ж, в таком случае надо взять с места работы справки и...

Хороших. Да где ж он их возьмет? Геологи-то разъехались давным-давно. Где они теперь? Кто по городам, а кто, поди, уже и помер.

Шаманов. Я не знаю, но существуют же отчеты всевозможные, архивы... Придется вам в это дело углубиться.

Кашкина. Кому углубиться?.. Ему углубиться?

Шаманов. Ничего не поделаешь, придется поездить, похлопотать.. Вы в исполком сначала сходите, может, там что-нибудь посоветуют.

Дергачев. Все без пользы.

Хороших. Это как же — без пользы? Мыслимо ли? Да ведь он и просить бы не стал и не пришел бы, если бы не нужда. Старик он, в тайге один остался...

Кашкина (*Шаманову*). Неужели ничего нельзя сделать?

Шаманов. Не знаю... Я тоже хочу на пенсию.

Валентина появляется с яичницей для Шаманова. Ставит ее перед ним, не глядя ни на него, ни на Кашкину.

Шаманов (*машинально*). Спасибо. (*Отодвигает от себя тарелку с яичницей.*)

Кашкина (*возвращая тарелку на место*). Недожаренная. То, что ты любишь. (*В отличие от Шаманова, внимательно глядя на Валентину.*) Наша кухня делает успехи.

Валентина старается не обнаружить своих чувств, но уходит в чайную слишком порывисто.

Дергачев. Давай, Илья. (*Разливает.*) Живы будем — не помрем.

Еремеев (*не уловив смысла*). Помрем, помрем.

Хороших. Эй вы, хватит вам распивать. Ты, Илья, иди в исполком, а ты работай начинай. Утра девять часов, людей бы постеснялся.

Дергачев. Неймется тебе, да? (*Поднялся.*) Смотри, Анна, выпросишь ты сегодня... (*Еремееву.*) Идем отсюдова. (*Взял недопитую бутылку, стаканы, ящик с инструментом, прошел в помещение чайной.*)

Еремеев идет за ним.

Шаманов. Ты не опоздаешь на работу?

Кашкина. Не волнуйся... А твоя машина? Что-то ее не видно.

Шаманов. Должна подойти.

Хороших выходит из буфета в помещение чайной.

Кашкина. Куда ты едешь?.. Что там новенького, хорошенького?

Шаманов. Одно и то же... Грабанули киоск с водкой в Потеряихе, в Табарсуке тракторист избил жену.

Кашкина. За что он ее?

Шаманов. Избил?.. Как нам оттуда сообщили: «За нетактичное поведение».

Кашкина. За что? *(Смеется, потом.)* Наверно, из ревности. *(Со вздохом.)* Боже, бывает же такое.

Шаманов. Безумие... *(Вздох.)* И когда все это кончится...

Кашкина. Ну, знаешь, если бы все были такими благоразумными, как ты...

Шаманов. И прекрасно. Тогда, может быть, меня отпустили бы на пенсию.

Из помещения чайной доносится голос Хороших: «Хватит, говорю, распивать!» Потом она появляется в дверях, закрывает их плотней, и последующий разговор Кашкиной и Шаманова сопровождается скандальным гомоном, доносящимся из-за дверей.

Кашкина. Не подерутся они там?

Шаманов. Очень может быть.

Кашкина. Знаешь, почему у них так?

Шаманов *(равнодушно)*. Почему?

Кашкина. Она его любит...

Шум за дверью усиливается. Голос Хороших звучит пронзительно, но слов разобрать невозможно.

Он ее — тоже. Они любят друг друга, как в молодости.

Шаманов. Только бы они друг друга не убили. Последнее время они что-то чересчур усердствуют.

Кашкина. Это потому, что здесь Пашка. Ты знаешь, что Афанасий ему не отец?

Шаманов. Слышал.

Кашкина. Но когда Афанасий уходил на фронт, она была ему не жена. Только невеста.

Шаманов. Ну и что?

Кашкина. Пашка родился сразу после войны, а Афанасий — он был в плену, потом на севере, вернулся только в пятьдесят шестом году... Ты подумай. До сих пор он не может ей простить, до сих пор страдает. Разве это не любовь? Ну скажи... Ты как думаешь?

Шаманов. Не знаю. Я в этом плохо разбираюсь.

Небольшая пауза. За дверью скандал поутих, доносятся лишь отдельные выкрики. Что именно выкрикивают — не поймешь.

Зина, что ты от меня хочешь?

Кашкина. Я?
Шаманов. Да, ты. Что ты от меня хочешь?
Кашкина. А как ты думаешь?
Шаманов. Чтоб я на тебе женился.
Кашкина. Возможно... Но главное не в этом.
Шаманов. Не знаю. У меня такое впечатление, что ты хочешь от меня чего-то невозможного.
Кашкина. Боюсь, что так оно и есть.
Шаманов. Зина, я сделаю все, что ты захочешь. Но если у меня чего-то нет, значит, нет. Нельзя же, в самом деле, требовать от меня того, чего у меня нет.
Кашкина. Ну спасибо тебе. Умеешь ты высказываться деликатно... Ну да ладно... Какие у тебя планы на вечер?
Шаманов. Планы?
Кашкина. Послушай, идем сегодня на танцы.
Шаманов. На танцы?
Кашкина. Ну почему нет? Что же вечером делать?
Шаманов. Зина, ты меня удивляешь. Какие танцы, что ты? На танцах в последний раз я был в тысяча девятьсот...
Кашкина. Ладно, можешь не продолжать.
Шаманов. И потом, к счастью, сегодня здесь не танцы, а кинофильм. И я его, слава богу, уже видел.
Кашкина. А я не про ДК говорю, я предлагаю пойти в Потеряиху...
Шаманов. Куда?
Кашкина. Или в Ключи. Там сегодня танцы.
Шаманов. В Потеряиху? В Ключи?.. Ты шутишь, правда же?
Кашкина. Ну почему? До Ключей семь, а до Потеряихи всего пять километров. Отличная прогулка.
Шаманов. Пять туда и пять обратно. (*Ужасаясь.*) Десять километров.
Кашкина. А тебе не стыдно?
Шаманов. Ну в ДК — еще куда ни шло, но в Потеряиху! Зина, это безумие.
Кашкина. Ладно, ладно. Никто тебя туда не тащит. Просто я подумаю, чем заняться сегодня после работы. Ладно... Что я тебя хотела спросить... Да. Что бы ты сделал, если бы я тебе изменила?

Шаманов. Ты уверена, что хотела спросить именно это?

Кашкина. Да, именно. Если бы я тебе изменила, сделал бы ты что-нибудь вообще, а если бы сделал, то что именно?

Шаманов *(со вздохом)*. Что бы я сделал?.. Ну известное дело. Я бы тебя застрелил. Или бы задушил. Ты что предпочитаешь?.. В свою защиту я бы сказал, что ты замучила меня нелепыми вопросами. Суд бы меня оправдал. А вообще я хочу на пенсию.

Кашкина *(не сразу)*. А знаешь, эта шутка похожа на правду.

Шаманов. Какая шутка?

Кашкина. Да вот про пенсию. Мне кажется, это и на самом деле твое единственное желание.

Шаманов. Конечно.

Кашкина. Одного я только не пойму: как ты дошел до такой жизни... Объяснил бы наконец.

Шаманов пожал плечами.

Голос Дергачева *(он поет)*.

Это было давно,
Лет пятнадцать назад...

Кашкина. Ну серьезно. Сколько мы знакомы? У ведь я про тебя ничего почти не знаю. А что знаю, услышала от других людей, не от тебя. Знаешь, даже немного обидно... Да нет, не беспокойся, пожалуйста, ничего я от тебя не требую... Но я хотела бы тебя понять.

Шаманов. Зачем, Зина, зачем понять?

Кашкина. Зачем?.. Да хотя бы, чтобы не задават тебе нелепых вопросов. В самом деле, ну почему бы тебе не рассказать мне про свою городскую жизнь?

Шаманов. Ни в коем случае. Стоит рассказать, и вопросов у тебя появится еще больше, и они будут еще нелепее. Уволь, Зина... Не обижайся, но у меня нет никакого желания исповедоваться.

Кашкина. Ладно, ладно, никто тебя не заставляет... *(Не сразу.)* Но ты не думай, что я про тебя ничего не знаю. Кое-что мне все-таки известно.

Шаманов. Тем лучше.

Голос Дергачева.

Это было давно,
Лет пятнадцать назад,
Вез я девушку тройкой почтовой...

Кашкина. Говорят, ты был совсем другим человеком, не таким, как сейчас... Жена, говорят, у тебя была чья-то там дочь, и очень красивая. И вообще сначала ты процветал. Так говорят... *(Не сразу.)* В общем, в городе я встретила одну знакомую, Ларису, из облздрава — знаешь такую?

Шаманов. Не помню.

Кашкина. Не помнишь?.. А она тебя помнит. Оказывается, ты разъезжал в собственной машине. Никогда бы не подумала... Лариса, она так сказала: «У него было все, чего ему не хватало — не понимаю». И еще она сказала: «Он бы далеко пошел, если бы не свалял дурака...»

Шаманов усмехнулся.

Это ее слова. *(Чуть жеманно, подражая голосу своей городской знакомой.)* «Что с ним тогда стряслось — не понимаю». *(Тихо.)* А я тебя понимаю. *(Сразу как бы извиняясь.)* Мне кажется, я понимаю, в чем дело.

Шаманов *(вяло)*. В чем дело?

Кашкина. Год назад чей-то сынок на машине наехал на человека. Было такое?.. Ну вот. И тебе поручили это дело. Верно?.. Лариса говорит, что того сынка, ну этого, который наехал на человека, она тоже знает. *(Снова подражая голосу Ларисы.)* «Старушка, с одной стороны, дело было темное, а с другой стороны, дело было абсолютно ясное, никто не думал, что он захочет его посадить. Никто от него этого не ожидал». Ты ее не припоминаешь — Ларису? У нее глаза чуть такие *(показывает)*, крашеные волосы — черные, и — что еще?.. Да! Ногти! Ничего не скажешь, ногти у нее чудные. Ну что, ты ее не припоминаешь?

Шаманов. Не знаю. У них там у всех чудные ногти... Не помню.

Кашкина. Странно... Так вот, никто не ожидал, что ты захочешь его посадить, а ты вдруг захотел. Но у тебя ничего не получилось. Суд перенесли, след-

ствие передали другому, но ты, говорят, на этом не успокоился. *(Подражая Ларисе.)* «Он уперся как бык... не знаю уж, кем он себя вообразил, но он тронулся, это точно. Он ушел от жены, нигде не показывался, одеваться стал кое-как, короче, он совсем опустился...» Так это было?

Шаманов. Вот видишь, все ты про меня знаешь, не понимаю, на что ты обижаешься.

Кашкина. Неужели это был ты?.. *(Не сразу.)* Я думаю, ты добивался справедливости.

Шаманов. Допустим. И что из этого?

Кашкина. Но ведь это здорово.

Шаманов. Ты думаешь?

Кашкина. Разве это плохо?

Шаманов. Не хорошо и не плохо. Это безумие. Твоя Лариса права.

Кашкина. Моя?

Шаманов. Я ее не понимаю. Но добиваться невозможного — в самом деле сумасшествие... Между прочим, суд состоится на днях... Я получил повестку.

Кашкина. Да?

Шаманов. Да! Кое-кто в городе ждет, что я примчусь туда и буду на этом суде выступать.

Кашкина. А ты?.. Не собираешься?

Шаманов. Ни в коем случае. С меня хватит. Биться головой об стену — пусть этим занимаются другие. Кто помоложе и у кого черепок потверже.

Кашкина. Да-а, ты был другой человек, теперь я вижу.

Шаманов *(вялый жест)*. Какой бы я ни был, мое выступление ничего не изменит. Ничего ровным счетом. А раз так — значит, оно никому не нужно.

Кашкина. Ты в этом уверен?

Шаманов. На девяносто девять процентов.

Кашкина. И все-таки... Один процент остается.

Шаманов. Один против девяносто девяти — это шанс для умалишенных. Вот и пусть их — дерзают. И закончим этот пустой разговор.

Кашкина. Как хочешь...

Голос Дергачева.

Это было давно,
Лет пятнадцать назад...

Кашкина. Знаешь, что сказала эта Лариса, когда узнала, что ты здесь? *(Подражая Ларисе.)* «Что же, деревня, говорят, успокаивает, он правильно сделал, что туда уехал».

Шаманов. Ерунда. Мне просто было некуда податься.

Кашкина. Она передавала тебе привет. *(Подражая Ларисе.)* «Сердечный привет, надеюсь, он еще не постригся в монахи».

Шаманов *(рассмеялся)*. Вспомнил! У нее здесь *(показывает)* железная коронка.

Кашкина. Точно!

Шаманов. Когда она смеется, эта коронка чуть дребезжит.

Оба смеются.

Кашкина. Точно!

Шаманов. До сих пор дребезжит?

Кашкина. До сих пор.

Шаманов. Ну да, глаза чуть такие. *(Показывает. Одобрительно.)* И надо сказать, она...

Кашкина *(перебивает)*. Да-да, она ничего. Даже очень ничего.

Шаманов. Вспомнил, вспомнил. *(Перестав смеяться, неожиданно.)* Подлая баба. Но неглупая.

Кашкина. Долго же ты ее вспоминал... Ну да ладно. *(Поднимается.)* Пора в свою аптеку. Мой зав — вон она, уже делает мне ручкой из окошечка. Пойду... Когда увидимся?.. За ужином?

Шаманов. Не знаю, Зина. К вечеру вернусь... Куда я денусь? *(Поднялся, пошел к буфету.)*

Появляется Пашка — сын Хороших и пасынок Дергачева. Идет он напрямик: вынимает из ограды палисадника доску, ногой толкает калитку. Калитка снова повисла на одной петле. Пашке двадцать четыре года, в деревне он в гостях, на нем ярко-красная экстравагантная куртка, но одновременно и грубые рабочие башмаки. Парень он крупный, неуклюжий. Взгляд чуть исподлобья, говорит басом. Вообще склонность идти напролом хорошо согласуется с его внешностью.

Пашка. Здрасте.

Кашкина. Добрый день.

Шаманов кивает ему. Пашка проходит к буфету.

(Уходит через палисадник по пути, проделанному Пашкой Шаманову.) До вечера. *(Исчезает.)*

Шаманов. Счастливо. *(У буфета протянул руку в ок-*

но, достал оттуда телефон, снял трубку.) Дайте милицию...

Пашка у буфета. Стучит пальцами по витрине.

Дежурный?.. Это Шаманов... Жду машину в Табарсук... Скоро?.. А когда?.. Скажи ему, пусть он подъедет к чайной... Жду его здесь... Скажи, пусть поторопится. *(Поставил телефон на место, отошел от буфета, уселся за столик, но не за тот, за которым сидел с Кашкиной, а за другой, у крыльца — подальше от буфета.)*

В буфете появляется Хороших.

Пашка *(стучит)*. Ма-ать!
Хороших. Явился...
Пашка. Дай-ка «Беломору».
Хороших *(дает ему папиросы)*. Дров наколол?
Пашка. Наколол.
Хороших. Баню сегодня протопишь.
Пашка. Пусть инвалид протопит.
Хороших. Я говорю, ты протопишь. Понял?
Пашка. Ладно, там видно будет. *(Уселся прямо на подоконник-прилавок, закурил.)* Денек сегодня будет... Законный денек.
Хороших. Не твой денек, Павел... Куда уселся? Слазь отсюдова. *(Сталкивает его с подоконника.)*
Пашка. Да погоди ты, мать. Дай покурить спокойно.
Хороших *(не сразу)*. Че, скажешь, покурить сюда пришел?
Пашка. А че еще? Дашь выпить — и выпить могу.
Хороших. Я вот те выпью. Еще чего не хватало.
Пашка. Да не надо, не надо. Я и без того заведенный.
Хороших. Заведенный. Уезжать тебе надо, Павел.
Пашка. Ну во-от. В гости, называется, приехал. К матери родной... Гонишь, что ли?
Хороших. Не гоню, а пора тебе. Отпуск кончился. Отгулял свое. Как бы тебя с работы не выгнали.
Пашка. Не выгонят, не беспокойся. Это я у вас тут не котируюсь, а там — не беспокойся...

Хороших вздохнула шумно и горестно.

(Негромко.) Где она?
Хороших. Послушайся, Павел, матери — уезжай. Пустое твое дело.

Пашка. Обижаешь, мать. Помочь бы могла.

Хороших. Эх, Павел. Никому ты тут не нужен, кроме меня. Чем тебе поможешь?

Пашка. А не поможешь, значит, не мешай.

Появляется Валентина с подносом и тряпкой. Прибирает на столе, за которым сидели Шаманов и Кашкина.

Здравствуй, Валентина.

Валентина. Здравствуй. *(Направляется в помещение чайной, но Пашка загораживает ей дорогу.)*

Пашка. Погоди...

Она старается пройти — безуспешно.

(Схватил ее за руку.) Ну че ты как неродная...

Валентина. Пусти.

Пашка. А выйдешь вечером?

Валентина. Нет.

Пашка. Точно не выйдешь?

Валентина пытается освободить руку — напрасно.

А ты не торопись, ты подумай...

Валентина. Я тебе уже сказала... Пусти.

Хороших *(строго)*. Павел!

Пашка *(понизив голос, глухо)*. Я тебе скажу, Валя... Зря ты вертишься. Никуда ты от меня не денешься.

Валентина *(с отчаянием)*. Пусти!

Шаманов. Послушай-ка. Нельзя ли полегче?

Пашка *(оборачивается)*. Че такое?

Валентина освободилась, быстро зашла в чайную.

Шаманов. Я говорю, нельзя ли полегче — с девушкой?

Пашка. А че такое?.. Че тебе не нравится?

Шаманов не отвечает.

Пашка *(садится против Шаманова)*. Нет, серьезно, чем ты недоволен?

Хороших. Павел!

Пашка. Я разговариваю с девушкой, а ты че? Недоволен, что я с ней разговариваю?

Шаманов. Я-то доволен. Девушка недовольна.

Пашка. А че ты за нее волнуешься? Кто ты ей такой, с какого боку.

Хороших. Павел! Как с людьми разговариваешь?

Пашка. Нормально, как мне еще разговаривать? По-иностранному, что ли?.. А то я могу. *(Лицом и корпусом подался к Шаманову.)* Хау ду ю ду — это по-английски, а по-русски это значит — не суйся не в свое дело. Правильно?

Шаманов. Да нет, милый мой. Слабоват ты в английском. Хау ду ю ду — значит не валяй дурака, веди себя приличнее.

Пашка *(хмыкнул одобрительно)*. Ниче...

Хороших. Так его, Владимир Михалыч, покрепче его понужните, чтоб он понимал.

Пашка *(поднимается)*. Ниче, ниче. Чувствуется, что поговорил с образованным человеком. *(Нагнулся к Шаманову, глухо.)* Но учти, следователь. К Валентине ты больше не касайся. Ни под каким видом... Я тебе серьезно говорю. *(Отходит от столика Шаманова.)*

В буфете за спиной Хороших появляется Еремеев. Он протягивает Хороших деньги.

Хороших. Нет, нет. Сказала, ни грамма — и точка.

Еремеев. Маленько, однако, налей.

Хороших. Отойди, Илья. Выйди из буфета. *(Выталкивает Еремеева.)* Сказала — нет...

Дергачев появляется и подталкивает Еремеева с другой стороны.

Дергачев. Не твои деньги, не имеешь права.

Хороших. Нет, я вам говорю. Не получите!

Дергачев *(грозно)*. Обслужить клиента, и никаких!

Пашка *(подходит к буфету. Хороших)*. Чего он там разошелся?

Еремеев выбирается из буфета.

Хороших. Выйди, Афанасий. Не получишь больше — все равно.

Дергачев. Ну, Анна, на себя пеняй...

Пашка. Эй ты, деятель...

Дергачев повернулся, только сейчас он заметил Пашку.

Выйди из буфета. По-хорошему.

Дергачев. А-а, щенка своего позвала. Поможет, думаешь?

Хороших. Выйди, Афанасий. А ты, Павел, помолчи...

Дергачев *(Пашке)*. Заткнись, не то...

П а ш к а. Ну че?..

Дергачев стучит кулаком по прилавку.

Тише, тише. А то, смотри, руку зашибешь.

Х о р о ш и х. Молчи, Павел!.. Афанасий, перестань!.. Господи, господи... Налью я тебе — только перестань! Налью, слышишь?

П а ш к а. Куда лить-то? Хватит с него, налил с утра пораньше.

Д е р г а ч е в. Ну, щенок... *(Быстро выходит из буфета.)*

Х о р о ш и х. Афанасий! *(Устремляется вслед за Дергачевым.)*

Д е р г а ч е в появляется, приближается к Пашке, берет его за грудки.

П а ш к а *(хватает его за руки)*. Ну и че?.. А дальше че... Ну?

Д е р г а ч е в. Я покажу тебе... Я научу тебя... Крапивник!

Х о р о ш и х появляется, пытается разнять Пашку и Дергачева, которые топчутся по всей веранде. При этом сила явно на стороне Пашки, он лишь защищается. Пытаясь их разнять, к Хороших присоединяется Шаманов. Е р е м е е в появляется, сокрушенно качает головой. В дверях чайной появляется В а л е н т и н а, останавливается на пороге.

Д е р г а ч е в. Я покажу вам!.. Я вам устрою!..

П а ш к а. Мать, убери его от меня!

Х о р о ш и х. Афанасий!.. Павел!

Ш а м а н о в *(кричит)*. Остановитесь!

На секунду они останавливаются.

Уведите его домой. Он пьян.

Х о р о ш и х *(подталкивает Дергачева и Пашку к крыльцу)*. Опомнитесь! Афанасий... Павел! Веди его домой...

П а ш к а. Да пошел он... Сама с ним возись!

Х о р о ш и х. Помоги мне, Павел... Уведем его, слышишь... Ради бога, Павел...

Д е р г а ч е в. А ну отцепитесь!.. Я научу вас свободу любить...

П а ш к а. Ладно, кончай... Повоевал — хватит... Пошли.

Пашка потащил Дергачева через палисадник. Хороших идет за ними. У дыры они возятся, затем Пашка вынимает еще одну, третью доску и выталкивает Дергачева из палисадника. Исчезают все втроем. Е р е м е е в идет следом, но палисадник обходит.

Шаманов. Веселенькое утро, ничего не скажешь...

Шум и голос Хороших: «Не трогай его! Не трогай его!» Затем шум удаляется и умолкает.

Валентина спускается в палисадник, подбирает доски и начинает восстанавливать ограду. Шаманов сначала рассеянно, потом внимательнее наблюдает за Валентиной. С момента ухода Пашки, Дергачева, Хороших и Еремеева прошло не менее полминуты.

Валентина...

Валентина прекратила работу.

Вот я все хочу тебя спросить... Зачем ты это делаешь?

Валентина (*не сразу*). Вы про палисадник?.. Зачем я его чиню?

Шаманов. Да, зачем?

Валентина. Но... Разве непонятно?

Шаманов качает головой: непонятно.

И вы, значит, не понимаете... Меня все уже спрашивали, кроме вас. Я думала, что вы понимаете.

Шаманов. Нет, я не понимаю.

Валентина (*весело*). Ну тогда я вам объясню... Я чиню палисадник для того, чтобы он был целый.

Шаманов (*усмехнулся*). Да? А мне кажется, что ты чинишь палисадник для того, чтобы его ломали.

Валентина (*делаясь серьезной*). Я чиню его, чтобы он был целый.

Шаманов. Зачем, Валентина?.. Стоит кому-нибудь пройти, и...

Валентина. И пускай, я починю его снова.

Шаманов. А потом?

Валентина. И потом. До тех пор, пока они не научатся ходить по тротуару.

Шаманов (*покачал головой*). Напрасный труд.

Валентина. Почему напрасный?

Шаманов (*меланхолически*). Потому что они будут ходить через палисадник. Всегда.

Валентина. Всегда?

Шаманов (*мрачно*). Всегда.

Валентина. А вот и неправда. Некоторые, например, и сейчас обходят по тротуару. Есть такие.

Шаманов. Неужели?

Валентина. Да. Вот вы, например. Вы всегда обхо дите по тротуару.

Шаманов *(искренне удивился)*. Я?.. Ну, не знаю, не замечал... Во всяком случае, пример неудачный. Я хожу с другой стороны.

Валентина. С другой стороны, но и с этой вы тоже ходите. И всегда вокруг.

Шаманов. Да? Ну, значит, мне просто лень нагибаться. Мне лучше обойти, чем нагибаться... *(Не сразу.)* Нет, Валентина, ты зря стараешься.

Валентина. Неправда... *(Двумя-тремя жестами закончила с оградой.)* Вот и все. Много ли здесь труда — и все на месте. И ограда целехонька. *(Живо.)* Ну неужели вы не понимаете? Ведь если махнуть на это рукой и ничего не делать, то через два дня растащат весь палисадник.

Шаманов. Так оно и будет.

Валентина. Неправда! Увидите, они будут ходить по тротуару.

Шаманов. Ты возлагаешь на них слишком большие надежды.

Валентина. Да нет же, они поймут, вы увидите. Должны же они понять — в конце концов. Я посею здесь маки, и тогда...

Шаманов *(перебивает)*. Нет, Валентина, напрасный труд. *(Подошел к буфету, извлек оттуда телефон, снял трубку.)* Дайте милицию... *(Ждет, потом Валентине.)* А ты не пробовала прибить доски гвоздями?

Валентина *(улыбается)*. Пробовала. Две доски сломали пополам.

Шаманов. Вот видишь. Говорю тебе, это напрасный труд. *(По телефону.)* Дежурный?.. Следователь Шаманов... Послушай, там Комаров далеко?.. Дай ему трубку... Здравствуй, Федя... Шаманов... Из чайной... Что там у вас? Когда будет машина?

Валентина принимается за калитку.

Вот я и звоню: когда она будет?.. Когда?.. А побыстрее нельзя?.. Мне все равно, но если ехать, значит, нечего тянуть резину, уже одиннадцатый час... К начальнику?.. А что такое?.. Вызывают в город?.. Знаю, получил повестку... Ну да, тот самый процесс... Да, послезавтра. А мне все равно — хоть сегодня — я не еду... Зачем? Там уже

все решено, а с меня хватит... Все. Я не любитель красивых жестов... Говорю тебе: нет... Да, можешь сказать ему, что я отказываюсь... И вообще я хочу на пенсию... Да, так ему и передай... Так... А чем он недоволен?.. Пистолет?.. Да *(хлопнул себя по бедру)*, у меня. А что такое?.. Ну и что?.. Я вернулся ночью, когда я его мог сдать?.. Ничего, переживет... Что? Сдать его сейчас?.. Ну да... охота мне сейчас тащиться... Не пойду... Нет, я не против дисциплины, просто мне лень туда идти... Ладно, пусть он успокоится, убивать я никого не собираюсь... *(Слушает, потом.)* Какие еще слухи?.. Так, так... Понятно. Общественность интересует, где я ночую... Беспокоится?.. Встревожена? Надо же. У меня такое впечатление, что общественность это волнует больше, чем меня самого... Ну вот что. Я, конечно, польщен вниманием, но где мне ночевать — эту заботу я попросил бы доверить мне лично. Как-никак сам я в этом больше разбираюсь...

Тут Валентина опустила голову ниже.

(Заметил это и далее разговаривает, глядя на Валентину.) Я не понимаю, у нас милиция или монашеский орден?.. Послушай, хватит на эту тему. Здесь рядом девушка, и я не могу сказать тебе всего, что я об этом думаю... Девушка?.. Да, интересная... по-моему, да... Здешняя. Да, как ни странно... Успокойся, старина. Ты ей в отцы годишься... Ты прав: еще совсем зеленая... И наш разговор ее смущает... Ну, привет... Да, жду машину. *(Поставил телефон на место.)*

Пауза. Шаманов, пройдясь по веранде, подходит к крыльцу. Валентина налаживает калитку.

(Наблюдает за ней снова, на этот раз с большим интересом.) Валентина...

Валентина подняла голову. Небольшая пауза.

Послушай... Оказывается, ты красивая девушка...

Калитка, которую Валентина придерживала, падает на землю.

Не понимаю, как я раньше этого не замечал.

Валентина снова берется за калитку.

Да брось ты эту калитку... *(Не сразу.)* Ах, какая ты упрямая. *(Спускается с крыльца.)* Ну что там?.. Помочь тебе?

Валентина. Если хотите... Подержите ее. Да, так...

Шаманов. Держу... *(Не сразу.)* Не опускай голову, ты же не видишь, что ты делаешь.

Валентина наладила калитку, выпрямилась. Небольшая пауза. Валентина — в палисаднике, Шаманов стоит против нее по другую сторону калитки.

Валентина. Спасибо... С этой калиткой не так-то просто... Другой раз легко, а сегодня что-то не получается...

Шаманов. Да, в самом деле... Странное сегодня утро... Вижу тебя целый год и только сейчас разглядел по-настоящему. И я должен тебе сказать...

Валентина *(тихо)*. Не надо.

Шаманов. Ты лишаешь меня слова? Почему?

Валентина. Потому что вы надо мной смеетесь.

Шаманов. Смеюсь? Нисколько. Я говорю серьезно... Ты красивая, Валентина. Что в этом смешного?.. *(Не сразу.)* Ну вот, и уже покраснела... Нет, нет, не опускай голову, дай я на тебя полюбуюсь. Я давно не видел, чтобы кто-нибудь краснел.

Далее — она хотела выйти, но он прикрыл калитку.

Подожди... подожди, Валентина... Удивительное дело. Мне кажется, что я вижу тебя в первый раз, и в то же время... *(Неожиданно.)* Послушай!.. Да-да... *(Не сразу.)* Когда-то, давным-давно у меня была любимая... И вот — удивительное дело — ты на нее похожа. *(Не сразу.)* К чему бы это? А, Валентина?

Небольшая пауза.

Сколько тебе лет?.. Семнадцать?.. Восемнадцать?

Валентина. Да.

Шаманов. А почему ты не в городе?.. Твои сверстники, по-моему, все уже там.

Валентина. Да, многие уехали...

Шаманов. А ты? Почему ты осталась?

Валентина. Осталась... А разве всем надо уезжать?

Шаманов. Нет. Совсем нет... Но раз ты осталась, значит, у тебя есть на то причины.

Валентина. Значит, есть...

Шаманов. А в чем дело?.. Я слышал, отец тебя не пускает. Это правда?.. Или — что тебя держит?

Валентина. Вам неинтересно...

Шаманов. А все же, в чем дело?.. *(Не сразу.)* Что с тобой?.. Ну-ну, если это тайна, я не спрашиваю... Это тайна?

Небольшая пауза.

Валентина, ты замечательная девушка. Все у тебя на лице — все твои тайны. Ты не уехала, потому что ты влюбилась... Разве нет?.. А в кого, интересно?.. Не скажешь?.. Ну еще бы! *(Любуется ею, потом, усмехнувшись.)* Глянула бы ты на себя со стороны... *(Не сразу.)* Ах, Валентина, грустно мне на тебя смотреть. Грустно, потому что меня уже никогда не полюбит такая девушка, как ты.

Валентина *(у нее вырывается то, что она могла бы сказать ему в любую минуту)*. Неправда!

Шаманов. Что неправда? *(С любопытством.)* Кто ж интересно, может на меня позариться?.. Что-то не вижу я желающих... Может, ты кого знаешь?

Валентина *(тихо)*. Все знают... Кроме вас.

Шаманов. Вот как?

Валентина. Вы один здесь такой: ничего не видите... *(Неожиданно громко, с отчаянием.)* Вы слепой! Слепой — ясно вам?

Небольшая пауза.

Шаманов *(никак не ожидал этого признания и явно им озадачен: с удивлением)*. Ты это серьезно?.. *(Не сразу, с растерянностью.)* Ты уверена, что... *(Остановился.)*

Валентина *(с напряжением, изо всех сил стараясь улыбнуться)*. Слепой... Но не глухой же вы, правда же?

Шаманов *(не сразу)*. Да нет, Валентина, не может этого быть... *(Засмеялся.)* Ну вот еще! Нашла объект внимания. Откровенно говоря, ничего хуже ты не могла придумать... *(Открыл калитку, сделал шаг и... погладил ее по голове.)* Ты славная девочка, ты прелесть, но то, что ты сейчас сказала, — это ты выбрось из головы. Это чистейшей воды безумие. Забудь и никогда не вспоминай... И во-

обще: ты ничего не говорила, а я ничего не слышал... Вот так.

Валентина *(негромко, с усилием)*. Я не сказала бы никогда. Вы сами начали.

Шаманов *(довольно сухо)*. Я пошутил.

Валентина отступает на шаг, затем быстро выходит из палисадника.

Постой... *(Идет за ней следом.)* Валентина!

Она исчезает, оставляя за собой открытой калитку своего дома.

(Постоял-постоял, а потом поднялся на веранду и уселся на стул. Некоторое время сидит, вытянув ноги и запрокинув голову.) Ну вот... Только этого мне и недоставало.

Кашкина и Пашка появляются одновременно, она с левой стороны, он — с правой. Столкнувшись у палисадника с Кашкиной, Пашка останавливается и, резко повернувшись, уходит обратно. Кашкина, на этот раз обойдя палисадник, поднимается на веранду.

Кашкина. Где ж твоя машина?.. *(Иронизирует.)* Бедненький, сидишь тут в одиночестве, скучаешь, и развлечь тебя некому. Все куда-то разбежались...

Шаманов глянул на нее мрачно.

(Другим тоном.) Наше окно напротив, так что извини...

Шаманов. Сколько угодно. Тем более: глазеть в окно — в этом все ваше дело.

Кашкина. Не все, допустим, но когда есть на что посмотреть... А было на что посмотреть.

Шаманов. Что ж, значит, не зря вы сегодня пришли на работу.

Кашкина. Успокойся, никто этого не видел, кроме меня. Я одна наблюдала.

Шаманов. Ну?.. Надеюсь, тебе хорошо было видно?

Кашкина. Прекрасно. Вот только не слышно ничего...

Шаманов. А что тебя интересует? Я охотно перескажу.

Кашкина. Как это вы вдруг... разговорились?

Шаманов *(насмешливо)*. Да так, очень просто. Я сделал ей комплимент, она... Да, вот так, слово за слово, незаметно. Кое-что выяснилось...

Кашкина. А раньше ты этого не замечал?

Шаманов *(не сразу).* А что ты раньше замечала?

Кашкина *(не сразу).* Ну выяснилось, а дальше? Как это тебе понравилось?

Шаманов. Мне-то?.. *(Все так же насмешливо.)* А что мне? Она меня заинтриговала. Да, а ты как думаешь? Она милая девушка — разве нет? И я жалею, что не замечал этого раньше... Да, вот так. Раньше не замечал, зато сегодня... как бы тебе это выразить... Она явилась неожиданно, как луч света из-за туч. Нравится тебе такое сравнение?

Кашкина: Неплохо.

Шаманов. Кроме того, она напоминает мне мою первую любовь — не веришь?.. Это совершенно серьезно... А в довершение ко всему — вот, оказывается, она в меня уже влюблена... Ну что? Как, по-твоему, все это называется?

Кашкина. Я не пойму, над кем ты сейчас издеваешься?

Шаманов *(тем же тоном).* Судьба — другим словом все это не назовешь. Судьба. И она говорит мне: дерзай, старик, у тебя еще не все потеряно. Вот, она говорит, тебе тот самый случай — лови, другого уже не будет... *(Помолчал.)* Да вот так.

Кашкина. И что дальше?

Шаманов. Дальше?.. Известное дело. Я благодарю судьбу, плюю на предрассудки, хватаю девчонку и — привет. Я начинаю новую жизнь. Тебя это устраивает?

Кашкина. А тебя?

Шаманов *(другим тоном, с раздражением).* Зина, у тебя политика такая или ты действительно дура?.. Ну в самом деле! Мы с тобой знаемся, мне кажется, уже тыщу лет, а ведь ты совсем меня не понимаешь — ну совершенно! *(Расходится.)* Да нет, ты извращаешь каждое мое слово, каждый звук, каждую букву! Начни я за здравие, ты тут же начнешь за упокой, заикнись я про Фому, ты обязательно свернешь на Ерему. Черт знает что! Ну скажи на милость, ну чего ты сюда прибежала? Зачем? Что такого ты здесь увидела? *(Вскочил.)* Ну в самом деле! Ну откуда берутся у тебя эти дикие мысли, эти нелепые подозрения? Ну скажи, ну что, что, что может быть у меня с этой

девчонкой? Ну? Чем, черт меня подери, похож я на влюбленного? Ну чем, я тебя спрашиваю! Похож я на него хоть чем-нибудь?.. *(Перевел дух.)* Боже мой... Что за дурацкое утро! Что сегодня с вами? Что вам от меня надо?.. Я ни-че-го не хочу. Абсолютно ничего. Единственное мое желание — это чтобы меня оставили в покое. Все! И ты тоже. Ты — прежде всех!.. И вообще, с какой стати ты меня терроризируешь, по какому праву? Я не желаю больше этого терпеть, не же-ла-ю, ясно тебе?

Кашкина. Ясно... Но почему ты так разнервничался?

Шаманов. Уйди, Зина.

Кашкина. Что с тобой?.. На тебе лица нет... Ты не болен?

Шаманов. Уй-ди... Я хочу, чтобы меня оставили в покое. Сейчас. С этой самой минуты.

Кашкина. Ладно, я уйду, но...

Шаманов *(перебивает)*. Уйди. *(Внезапно угас, опустился на стул. Негромко, полностью равнодушным голосом.)* Уйди, я тебя прошу.

Кашкина уходит с недоумением и обидой. Пауза, во время которой Кашкина заходит во двор, появляется на лестнице и исчезает у себя в мезонине.

Появляется Пашка. Поднимается на веранду, некоторое время молча стоит перед Шамановым.

Ну?.. Что скажешь?

Пашка. Разговор у нас уже был... Может, ты меня не понял?.. Про Валентину понял ты или нет?

Шаманов. Пока нет. Еще не понял.

Пашка. Брось, не прикидывайся... Втихаря к ней подбираешься, по-интеллигентному?.. А я тебе прямо говорю, и притом последний раз говорю: увижу тебя с ней — обоим не поздоровится... Худо будет. Говорю тебе честно. *(Молчит.)*

Шаманов. Все?.. А теперь иди... *(Не сразу.)* Иди, иди. Погуляй, остуди голову... *(Небольшая пауза.)* Предупреждаю тебя, сегодня у меня отвратительное настроение.

Пашка. Это ты брось. Я тебе серьезно говорю: последний раз предупреждаю. А там... *(Глухо.)* Убью, понял?

Шаманов *(усмехнулся)*. Убьешь?

Пашка. Убью. И не посмотрю, кто ты есть и че , тебя там на ремне прицеплено. Убью.

Шаманов. Да неужели?..

Пашка. Думаешь, пушки твоей постесняюсь?

Шаманов. Убьешь?

Пашка. Плевал я на твою пушку.

Шаманов *(не сразу)*. А что пушка?.. Вот она. *(Достал кобуру с пистолетом, вынул пистолет, положил его на стол и отодвинул от себя, ближе к Пашке.)* Убьешь?

Пашка усмехнулся, взял пистолет, осмотрел его, вынул обойму, вставил ее обратно.

Что? Все в порядке?

Пашка подбросил пистолет на руке

Стрелять-то умеешь?

Пашка усмехнулся.

А то ведь еще не убьешь — напугаешь только или, чего доброго, покалечишь... Или убьешь?

Пашка. Возьми. Надо будет, обойдусь и без него. *(Протягивает пистолет Шаманову, но тот его не принимает. Пистолет остается у Пашки.)*

Шаманов. Зачем же без него?.. Каким образом? Поленом, что ли? Или топором?.. Нет, милый мой, поленом вульгарно, поленом я не согласен... У тебя в руках неплохая машина. Старенькая, правда, но все же... Может, попробуешь?

Пашка. Брось, следователь. Кончай. Мне не до шуток, учти это.

Шаманов. Мне тоже не до шуток.

Пашка. Держи. *(Снова протягивает Шаманову пистолет.)* Я тебя предупредил, ты меня понял. Разойдемся добром... Слышь? *(Глухо.)* Шуруй по чердакам. Знай свое место... И учти, этот разговор последний. Если увижу...

Шаманов *(перебивает)*. Ты увидишь... Сегодня же ты увидишь.

Пашка. Брось.

Шаманов. Мы встречаемся здесь. В десять вечера... Мы с ней давно встречаемся. Ты опоздал.

Пашка. Заткнись...

Шаманов. Ты зря стараешься. Ты ей не нужен.

П а ш к а *(кричит)*. Заткнись, тебе говорят!
Ш а м а н о в. Ты ей не нужен.

Пашка отступает от Шаманова, сжимая в руке пистолет.

Она любит меня... Тебе не видать ее... идиот, как ты не понимаешь... никогда не видать... *(Вцепившись руками в подлокотники стула, кричит истерически.)* Стреляй!

Пашка нажимает на собачку — ясно слышен стук бойка. Осечка. На лице у Шаманова — ужас, потом недоумение. Пашка роняет пистолет.

(Приходит в себя, но разжать пальцы, которыми несколько секунд назад он схватился за подлокотники, ему не сразу удается. Но вот он овладел руками. Ладонью провел по лбу и по глазам.) Подними пистолет.

Пашка поднимает пистолет

Положи на стол.

Пашка положил пистолет на стол.

Уходи.

Пашка, чуть пошатываясь, будто пьяный, спускается с веранды. Он уходит. Шаманов хотел подняться, но безуспешно. Ноги его не держат. Через мгновение появляется Е р е м е е в. Что-то бормоча и охая, он усаживается на нижней ступеньке крыльца.

Е р е м е е в. Ох-хо-хо...
Ш а м а н о в. Что, дед? Как твои дела?
Е р е м е е в. Дела, ядрена бабушка. Человеку не верят, бумагам верят.

Шум подъезжающей машины.

Работал, сорок лет работал...

Ш а м а н о в *(поднимается)*. Сочувствую тебе, дед. Помочь ничем не могу. *(Прячет пистолет.)*

Звук машинного тормоза, мужской голос: «Ну че, поехали?»

Сейчас поедем! *(Берет со стола салфетку, достает ручку, быстро пишет и складывает салфетку вчетверо.)* Дед, у меня к тебе просьба. Будь добр, передай эту бумагу Валентине. Знаешь Валентину?

Еремеев кивает. Шаманов отдает ему записку. Появляется К а ш к и н а. Услышав голос Шаманова, она останавливается на пороге.

Шаманов. Отдашь ей. Только сразу, как она придет. Договорились?

Еремеев кивает.

Да смотри, другому кому не отдай.

Еремеев. Хорошо, хорошо.

Шаманов *(себе).* Ну вот... *(Еремееву.)* Спасибо, дед. *(Быстро сходит с крыльца, исчезает.)*

Шум отъезжающей машины. Кашкина спускается вниз.

Кашкина *(покружив несколько перед Еремеевым, вступает с ним в разговор.)* Ну и как? Что у вас новенького?.. Были в райсобесе?.. Что там сказали? Дадут вам пенсию?

Еремеев качает головой.

А почему?

Еремеев. Ох-хо, бумаги надо. Ты грамотная, сама, однако, знаешь... *(Живо.)* Из города приехала?

Кашкина. Я?.. Да, из города...

Еремеев *(с надеждой).* Карасева знаешь?.. Начальником партии работал... Не знаешь?

Кашкина пожала плечами.

Эдельмана знаешь?

Кашкина качает головой.

Быкова, однако, тоже не знаешь...

Кашкина. Нет, нет, откуда же? Город ведь большой.

Еремеев. Где найдешь? Как найдешь?

Кашкина. Но почему? Если они там, если не разъехались...

Еремеев *(махнул рукой).* Здесь не найдешь, там совсем не найдешь.

Кашкина. Зря вы так. Вы не торопитесь, не падайте духом раньше времени... Что это у вас? *(Показывает на записку, которую Еремеев держит в руке.)*

Еремеев. А?.. Бумага. Девушка придет, отдать надо. Парень просил.

Кашкина *(не сразу).* А все-таки вы надежды не теряйте. Я про пенсию говорю... Я тут с одной женщиной беседовала. Вам надо к ней зайти... Она вас проконсультирует и... В общем, вы к ней зайдите.

Пойдете по этой улице, спросите райздрав, вам покажут. А в райздраве спросите Розу Матвеевну... Она вас ждет.

Еремеев *(засуетился)*. Райздрав, говоришь? Ждет, говоришь?

Кашкина. Да, но как же вам быть? Ведь вам сейчас бумагу надо отдать... Надо?

Еремеев. Надо, надо.

Кашкина. Ну вот. И к Розе Матвеевне надо. Тоже сейчас... Что же делать?

Еремеев *(расстроился)*. Что же делать?

Кашкина. Вот задача. Что же придумать?

Еремеев. Что же придумать?..

Кашкина. Ладно! Идите, так уж и быть. А бумагу давайте сюда. Я передам.

Еремеев *(очень доволен)*. Спасибо, спасибо... *(Отдает Кашкиной записку.)*

Кашкина. А кому передать?

Еремеев. Валентину знаешь?

Кашкина. Ну а как же?

Еремеев. Она придет, ей отдай.

Кашкина. Ну-ну, хорошо.

Еремеев *(пошел, остановился)*. Роза, говоришь?

Кашкина. Роза Матвеевна, не забудьте.

Еремеев *(снова приостановился)*. Бумагу Валентине отдай. Другому не отдай.

Кашкина. Ладно, ладно.

Еремеев уходит.

(Подходит к буфету, достает телефон, поднимает трубку.) Дайте райздрав... *(Ждет, потом.)* Роза, ты?.. Привет... Роза, у меня к тебе просьба. Сейчас к тебе придет один старик... Эвенк, очень старый. Он насчет пенсии. Не удивляйся. Ему надо помочь, если можно. Ну я не знаю. Ты сама подумай. Может, санаторий, может, дом престарелых... Во всяком случае, выслушай его, посоветуй что-нибудь, посочувствуй... Да, надо. Ладно. Посочувствуй старому человеку — это само по себе неплохо. Согласна?.. Ну пока. *(Убрала телефон, подошла к столику, уселась, на мгновение задумалась, потом решительно развернула записку, последние слова которой прочла вслух.)*

«...здесь.. в десять вечера... *(Медленно складывает записку.)*

Появляется Хороших.

Хороших. Господи... Стыд и стыд. *(Кашкиной.)* Видала, поди... Сцепились-таки, разбойники. У меня сердце чуяло. *(Зашла в чайную, появилась в буфете.)* Да, видно, не уйдешь: двум медведям в одной берлоге не место... *(Не сразу.)* А ты чего не на работе? Зинаида?.. Или не слышишь?

Кашкина. Что вам, Анна Васильевна?

Хороших. А где Валентина?.. *((Громко.)* Валентина!.. Где она?.. Буфет нараспашку, касса открытая, она че думает?.. Давно здесь сидишь? Не видала ее?

Кашкина. Нет, Анна Васильевна.

Хороших. Сроду без спросу не уходила, че это с ней? *(Громко.)* Валентина!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Вечер.

Конец того же дня. От дома и от палисадника — длинные вечерние тени. Солнце близится к закату. Из помещения чайной время от времени раздается визг ножовки, стук молотка — там идет работа.
Валентина стоит на веранде перед палисадником.
Хороших в буфете. Она щелкает на счетах, что-то записывает.

Голос Дергачева *(он поет).*

Это было давно,
Лет пятнадцать назад,
Вез я девушку тройкой почтовой..

Хороших. На твоем месте, Валентина, я отсюда давно уехала бы. Слышишь?.. Целый день молчком, не надоело тебе? *(Не сразу.)* Ну действительно! Сестры у тебя выучились, по Иркутскам живут да по Красноярскам, а ты чем хуже? Ведь ты, поди, и в городе ни разу не была. Это в твои-то годы... Павел вон рассказывает: в городе и работать можно и учиться — все условия. Ему вон и квартиру обещают, несмотря что холостой... *(Помолчала.)* Отца твоего могу понять. Его хозяй-

ство не пускает. И деньга леспромхозовская. *(Значительно.)* Тебя не понимаю. *(Вдруг запальчиво.)* Слушай! Докуда это будет продолжаться? Думаешь, заступился он за тебя, значит, что ж?.. Да ничего это не значит! Так просто, для порядка и вовсе не ради тебя. Не замечал он тебя и не замечает Скажи, не так?

Валентина. Так, тетя Аня, так.

Хороших. У него жена в городе! Знаешь ты про это?.. А Зинаида? Или ты не видишь?

Валентина. Вижу, тетя Аня.

Хороших. Так из-за кого же ты переживаешь — подумай! Не стыдно тебе?

Валентина. Нет... Не стыдно... Я никому не навязываюсь. А из-за кого переживаю — мое дело... И вы мне не запретите. Не то что вы, а если хотите знать, даже он сам не может мне запретить. Это мое дело.

Хороших энергично разводит руками, выражая тем крайнюю степень удивления и отчаяния что-либо доказать. Обе некоторое время молчат.

Хороших *(негромко, примирительно, с горечью).* Что мне с Павлом делать? Как быть?.. Упрямый он. И дурной сделался... Упрямый он всегда был. Я мать ему, но выходка у него не моя... Бывало, че увидит, ну пропало. Вынь да положь. Лет до десяти, пока я одна была, баловала я его. *(Вздохнула.)* Потом отошла ему лафа. *(Не сразу.)* Не даст он нам покою... Слышишь, Валентина. Не отстанет он от тебя.

Небольшая пауза. Мечеткин появляется с левой стороны, минуя палисадник, подходит к буфету.

Что делать — не знаю. Кажется, сама бы сейчас взяла и сбежала куда глаза глядят.

Мечеткин. Почему, Анна Васильевна? Я извиняюсь, что вмешиваюсь, но разве плохо вам здесь живется?

Хороших. А что хорошего-то? Какое здесь житье?.. Ну нам еще, старикам, ну ладно, а для молодежи? Добра-то в нашем Чулимске. Одно комарье. Куда ни повернись — тайга в любую сторону на сотни верст. Другой раз как подумаешь — душно

делается... Глядите, Илья, на что уж таежный житель, и тот не выдерживает...

Мечеткин. Глупо вы, между прочим, рассуждаете. Две котлеты, две простокваши и чай... Глупо и в корне неверно. И все ваши несчастья, между прочим, заключаются в том, что вы не выписываете ни одной газеты.

Хороших. Действительно.

Мечеткин. А то бы вы знали, что через несколько лет через нас пройдет железная дорога.

Хороших. Обслужи его, Валентина. *(Громко.)* Валентина!

Валентина оборачивается.

Очнулась? Дай ему котлеты.

Валентина уходит в чайную.

(Как бы про себя.) Как в воду опущенная.

Мечеткин. А что с ней?

Хороших. А я знаю? *(Усмехнулась.)* Тоже, поди, газеты не выписывает.

Из чайной выходят Дергачев и Еремеев. Дергачев несет стремянку. Еремеев — несколько брусков. Все это они складывают на веранде в углу.

Дергачев. Отдохнем, Илья. *(Садится на ступеньку крыльца.)*

Еремеев рядом. Валентина появляется, подает Мечеткину котлеты. Тот принимается за еду. Валентина уходит в чайную. Кашкина вышла на балкончик и тут же исчезла.

Мечеткин *(жует, обращаясь к Еремееву)*. Слышал я, ты пенсию хлопочешь?

Еремеев *(машет руками)*. Обратно ухожу, в тайгу ухожу.

Мечеткин *(обращаясь к остальным)*. Вот друг. За пенсией явился. Без документов.

Хороших. Ну и что? Работал же человек. Если он не знал про бумаги про эти, виноват он, что ли?

Мечеткин. Кто же виноват? Жил, понимаете, беззаботно, как птичка божья, а?.. Ну вот, а теперь будь любезен, расплачивайся за собственное легкомыслие. *(Жует.)* У тебя дети есть?

Хороших. Дочь у него. А что толку? Уехала — и с концом.

Мечеткин. Совершеннолетняя?
Хороших. Хватился. За сорок, поди, не меньше.
Мечеткин. Вот народец. А раньше у них и того хуже было. Раньше они стариков вообще бросали. Сами, понимаете, на новое место, а стариков не берут. Продуктишек им оставят на день, на два, а сами ходу. *(Еремееву.)* Был такой обычай.
Хороших. Ты обычаем ему не тычь, скажи ему лучше, что ему делать. *(С насмешкой.)* Ты у нас парень авторитетный, вес имеешь, законы знаешь— вот и давай.
Мечеткин *(не замечая насмешки, раздувается).* Г-м. Что ж... Могу дать ему добрый совет.
Хороших. Ну?
Мечеткин. Пусть в суд подаст.
Еремеев *(испуганно).* Почему в суд?
Мечеткин. На дочь свою, на алименты. Разыщут твою дочь, будешь с ней судиться.
Еремеев. Зачем суд? Почему дочь? Нет, нет! Не надо!
Мечеткин *(всем).* Струсил. Вот друг. *(Еремееву.)* Чего испугался? Судить будут заочно, притом в твою же пользу. И притом...
Еремев *(перебивает).* Нет, нет! Обратно ухожу, в тайгу ухожу.
Хороших. Нет, Илья, ты послушай. *(О Мечеткине.)* Дурак дураком, а дело говорит.
Мечеткин *(оскорбился).* Анна Васильевна! Вы забываетесь.
Хороших *(Еремееву).* Ты пойми, ведь дочь твою найдут.
Еремеев *(дрогнул).* Найдут, говоришь?
Хороших. В чем и дело. Помогать она тебе должна. А не захочет, ну тогда ее судом заставят.
Еремеев *(качает головой).* Нет, нет! В тайгу ухожу.
Дергачев Ну и правильно. Научат они тебя: с собственной дочерью судиться. А ты не слушай. Ты век не судился, и не твое это дело.

Кашкина появляется на своем балкончике.

Твое дело свободное. Закон — тайга, прокурор — медведь. Собирайся, брат, до дому.

Еремеев (закивал). До дому, до дому.

Дергачев. И вот, Илья, я с тобой пойду.

Хороших насторожилась.

Еремеев. Ты пойдешь?

Дергачев. А что? Или не возьмешь?

Мечеткин (*с осуждением*). Вот друзья, вот, понимаете. (*Поднимается.*)

Дергачев (*Еремееву*). Забыл, как вместе промышляли?

Еремеев. Давно, однако, было... До войны, однако.

Дергачев А ты не бойся. От тебя я не отстану. Уж как-нибудь. (*Поднимается, уходит в чайную.*)

Еремеев идет за Дергачевым. Мечеткин, намереваясь пройти через палисадник, подходит к калитке, но в это время его окликает Кашкина.

Кашкина Иннокентий Степаныч!

Мечеткин. А? (*Оборачивается.*)

Кашкина. Который час?

Мечеткин. Э-э... Двадцать минут девятого.

Кашкина. Спасибо. (*Поворачивается, чтобы уйти*).

Мечеткин. Зинаида Павловна! Извините, есть один разговор.

Кашкина. Да?

Мечеткин. Нет, нет! Разговор серьезный, вопрос обоюдоострый. Я должен поговорить с вами, как член месткома.

Дергачев выходит из чайной с ножовкой в руках. Взял брусок, начал пилить.

Кашкина. Так что? Мне к вам спуститься или вы ко мне подниметесь?

Мечеткин. Вам — как можно? Я поднимусь. (*Направляется во двор, потом по лестнице наверх.*)

Хороших. Ты чего старика дразнишь? Какой ты ходок? Какая такая охота?

Дергачев. Дело мое. Тебя не спрашивают.

Хороших. С ума сошел? Здесь маешься, а там...

Дергачев (*перебивает*). Все лучше, чем здесь. Пойду — и никаких. И давай без шума. Хватит.

Мечеткин поднялся с Кашкиной, она усадила его на балкончике.

Хороших (*насмешливо*). Станете соболей добывать —

припаси уж и на мою долю, не забудь... *(Без насмешки.)* Забудешь?.. А было что дарил.

Дергачев. Было, да прошло. *(Уходит в чайную.)*

Хороших вытирает платком глаза. Из чайной слышен стук — Дергачев работает.

Кашкина *(вся в себе).* Я вас слушаю.

Мечеткин. Видите ли, Зинаида Павловна... Вопрос, с одной стороны, узко личный, а с другой стороны, должен вам сказать...

Кашкина О чем это вы? Говорите прямо.

Мечеткин. Поймите меня правильно. Лично я против вас и против товарища Шаманова ничего не имею.

Кашкина *(рассеянно).* Ага... Понятно... Ну и что?

Хороших выходит из буфета в чайную.

Мечеткин. Все бы ничего, но сигналы, Зинаида Павловна. Сигналы поступают. Надо же как-то реагировать... *(Хлопнул себя по щеке — убил комара.)* Что будем делать?

Кашкина *(себе).* Что делать?.. Что делать?.. *(Мечеткину.)* Вы водку пьете? Давайте выпьем водки.

Мечеткин. А?

Кашкина. Хотите выпить?

Мечеткин. С вами? *(Остолбенел от внезапно открывшейся перед ним возможности.)* Если вы не шутите...

Кашкина. У вас есть деньги?

Мечеткин Е-есть...

Кашкина. Так в чем же дело? Жмите вниз, несите бутылку. Потом рассчитаемся... Что такое? Может, вы непьющий?

Мечеткин. Н-нет, я употребляю... В отдельных случаях.

Кашкина. Тогда чего вы стоите?

Мечеткин двинулся, но в противоположную от лестницы сторону.

Вы куда?.. Что это с вами? Вы случайно не алкоголик?

Мечеткин. Ни в коем случае.

Кашкина. Так что с вами такое?

Мечеткин. Ничего, Зинаида Павловна! Побежал за водкой.

Кашкина. Подождите... Что-то мне расхотелось пить.

Мечеткин *(не сразу, драматическим тоном)*. Все ясно. Это был минутный каприз, я так и знал.

Кашкина. Что-о?

Мечеткин. А может... сбегать все же?

Кашкина. Нет, не надо.

Мечеткин. Зинаида Павловна! Поймите меня правильно. Я не по легкомыслию, я, Зинаида Павловна, серьезно... Я жениться могу.

Кашкина. Что-что-что? *(Машет руками — отгоняет комаров.)*

Мечеткин *(упавшим голосом)*. Женюсь...

Кашкина рассмеялась.

Зинаида Павловна...

Она смеется.

Зинаида Павловна. Вы забываетесь...

Кашкина *(сквозь смех)*. Иннокентий Степаныч, золото... Ну могла ли я надеяться, что кто-нибудь меня сегодня рассмешит?

Мечеткин. Вот, значит, как? Значит, вы меня разыграли. Я к вам всей душой, а вы ко мне, извините?

Кашкина. Да нет же, просто мы друг друга не поняли... Спасибо вам за ваше предложение, но... Уверяю вас, зря вы так обиделись. Ну подумайте, гожусь я вам в невесты?

Мечеткин *(неуверенно)*. А что, Зинаида Павловна?

Кашкина. Ну что вы? Вы такой принципиальный, такой положительный, а я?.. Вспомните-ка, зачем вы сюда пришли. Вспомнили?.. Скажите, вы были женаты?

Мечеткин. Ни разу.

Кашкина. А я и замужем побывала. Видите... Нет, Иннокентий Степаныч, увы, я вам не пара. Вам надо искать невесту достойную вас. Достойную, вы понимаетете?.. Что требуется от невесты? Прежде всего невинность. Вы согласны?.. *(Задумчиво.)* Ума не надо. Забота, преданность — все это лишнее. Опыт — ни в коем случае. Главное — невинность... Вам все понятно? Ищите девушку.

Мечеткин. Легко сказать, если они все разбежались.
Кашкина. Все ли?
Мечеткин. Поголовно, Зинаида Павловна. Труба у нас с этим вопросом. Прямо катастрофа.
Кашкина. Плохо ищете.
Мечеткин. Плохо? Да я все места прочесал. Все учреждения. Не в школу же мне идти, сами понимаете... *(Не сразу.)* Кого вы имеете в виду? Даже не знаю.
Кашкина. Подумайте.

Мечеткин думает, потом разводит руками.

Боже мой, да тут она, под самым вашим носом.
Мечеткин *(удивился)*. Валентина?
Кашкина. Неужели она вам не нравится?
Мечеткин *(не сразу)*. Но она... ей... Мне, Зинаида Павловна, уже сорок лет.
Кашкина. Вот и прекрасно.
Мечеткин. Я, извините, лысый. *(Снимает шляпу, показывает лысину.)*
Кашкина. Ерунда. Просто у вас открытый лоб. Очень выразительный.
Мечеткин. Но она такая э-э... миниатюрная, а я, извините.
Кашкина. Что вас смущает? Полнота мужчине не вредит. Она придает ему импозантность.
Мечеткин. Как вы сказали?
Кашкина. Импозантность. Разве не так?
Мечеткин. Слово красивое.
Кашкина. Вы себя явно недооцениваете.
Мечеткин. Вы думаете...
Кашкина *(перебивает)*. Я уверена. Вы тут первый жених. Это вам каждый скажет.
Мечеткин. А Пашка?
Кашкина. Он ей не нравится.
Мечеткин. А вам не кажется, что она посматривает на э-э... на другого?
Кашкина. Вам показалось. И нечего вам рассуждать, надо действовать. Поговорите с ней, пригласите ее погулять, у вас есть лодка, покатайте ее на лодке, побеседуйте с ее отцом, вы местный житель, он человек патриархальный, да ма-

ло ли что? За счастье, Иннокентий Степаныч, надо драться. Зубами и ногами. Ясно вам?

Мечеткин *(вдохновился).* Я вас понял.

Кашкина *(как бы спохватываясь).* Извините, что-то у меня голова разболелась. *(Исчезает в мезонине.)*

Мечеткин *(не сразу, но решительно).* Зубами и ногами! *(Спускается по лестнице, появляется внизу. Прошелся несколько раз по веранде, остановился у буфета. Постучал пальцем по витрине.)* Анна Васильевна!

Появляется Хороших.

Будьте любезны э-э... порцию котлет.

Хороших *(взяла у Мечеткина деньги, выдала ему талон, громко).* Валентина!.. Одни котлеты. *(Исчезает.)*

Мечеткин уселся за столик. Валентина появляется с котлетами.

Мечеткин *(принимает тарелку, отставил ее в сторону).* Валентина... Дело не в котлетах. Дело в том, что мне надо решить с тобой один вопрос... *(Хлопнул себя по шее — убил комара.)* У твоего отца на лодке какой мотор? «Москва»? А у меня, между прочим, «Вихрь». На десять лошадей больше. Но вопрос не в том... Когда ты заканчиваешь работу?

Валентина *(пожала плечами).* Через час примерно. А что?

Мечеткин. Ну вот, перенесем этот разговор на после работы.

Валентина. Можете сейчас сказать... *(Отгоняет руками комаров.)*

Мечеткин Нет, Валентина. Разговор будет серьезный. Вопрос довольно обоюдоострый. Нет, не сейчас.

Валентина *(пожала плечами).* Как хотите... *(Уходит в чайную.)*

Мечеткин *(проводил Валентину взглядом, потом).* Зубами и ногами... *(Придвинул к себе тарелку, принялся за еду.)*

С этого момента медленно, как это бывает в природе, наступает вечер. Освещение, таким образом, убывает постепенно, незаметно для глаза. Приближающийся треск мотоцикла. Ме-

четкин поспешно доедает котлету. Мотоцикл замолк, у своих ворот появляется Помигалов.

(Приподнимает шляпу, которая во время еды была у него на голове.) Лесорубам, передовикам производства!

Помигалов. Добрый вечер.

Мечеткин *(поспешно спускается с крыльца и помогает Помигалову вкатить во двор мотоцикл)*. Отличная машина. Но я, между прочим, нацелился на «Запорожца». *(Закрывает ворота.)* Федор Игна́тьевич, как у вас со временем?.. Видите ли, есть один разговор.

Помигалов Разговор?.. Что ж, выкладывай.

Мечеткин Разговор серьезный, вопрос обоюдоострый...

Оба исчезают во дворе. Валентина появляется, прибирает на столе.

Появляется Пашка. Сейчас он с ружьем за плечами. Одет он в робу защитного цвета, обут в резиновые сапоги. На поясе ремень, на котором болтаются два рябчика. Негромко насвистывая, он поднимается на веранду.

Пашка *(подходит к Валентине, демонстрируя рябчиков)*. Трофеи... Мало их стало... Возьми, если хочешь.

Валентина Не надо. *(Убила комара на своей руке.)*

Пашка. Поговорим. Валя.

Маленькая пауза.

Когда я отсюда уезжал, ты вот *(показывает)* была. Совсем пацанка, я и не смотрел на тебя... Да и смотреть не на что было... За шесть лет, Валя, я кое-что повидал. И геологию тебе, и службу, и стройки разные, и городской жизни попробовал...

Валентина. Не много ли?

Пашка. Я, Валя, везде нужен. Не об этом речь... Вот, говорят, в гостях хорошо, а дома лучше. Может, правда? Может, хватит мне шататься? Здесь дом, хозяйство, леспромхоз — работы навалом. Шофера здесь, говорят, неплохо заколачивают... Может, закрыть гастроли и приземлиться на лоне природы? Может, так, Валя?.. *(Ждет, потом.)* Че молчишь? Совета у тебя спрашиваю.

Валентина. Твое дело. Что я тебе посоветую?

Пашка *(глухо)*. Следователя ждешь?

Валентина качает головой: нет, никого я не жду.

Врешь.

Валентина пытается уйти.

(Не пускает ее.) О чем с ним говорила? Утром.

Валентина молчит.

Я все знаю.

Валентина. Ты что, подслушивал?

Пашка. Зачем? У меня нет такой удачи — подслушивать... У нас с ним разговор был. *(Помолчав.)* Он сказал, что ты будешь его ждать. Здесь. В десять часов... Нет, что ли? Че так смотришь?.. Брось, Валя, не прикидывайся. Он сказал, что вы с ним давно встречаетесь.

Валентина. Не ври, Павел.

Пашка. Я вру?

Валентина. А то нет. Ты меня выпытываешь. Не мог он так сказать.

Пашка. Сказал.

Валентина качает головой.

Давно встречаемся. Так и сказал.

Валентина *(качает головой, потом как бы про себя)*. Разве что снова пошутил.

Пашка. Разговор был серьезный.

Валентина Ты его не знаешь. Шутит он или серьезно — сразу у него не поймешь... Ну зачем ему выдумывать чего не было.

Пашка. Не было?

Валентина *(с сожалением)*. Да, не было.

Пашка. Точно не было?

Валентина *(запальчиво)*. Было, не было — тебе-то что? Было бы, если бы он захотел! Так и знай.

Маленькая пауза.

Кашкина появляется и спускается вниз. В руке у нее хозяйственная сумка.

Пашка. Не хочу знать, Валя. Ничего не хочу знать. *(Глухо.)* В Потеряихе сегодня танцы...

Валентина. Нет...

Пашка. На руках тебя понесу. До самой Потеряихи.

Валентина. Нет. *(Мягче.)* Я не пойду... Не могу я с тобой пойти, пойми.

Пашка *(качает головой)*. Я тупой, Валя, я не пойму.

Кашкина *(поднимается на веранду)*. Добрый вечер. *(Пашке о рябчиках.)* Ах, какая роскошь! Молодцом, молодцом. Поздравляю... Это куропатки?

Пашка. Рябчики.

Кашкина. Рябчики? Ах, какая роскошь! И они что, прямо в лесу... летают?

Пашка. Эти свое уже отлетали.

Кашкина. Ужасно... У-у, какие брови! Вы посмотрите, какие красные.

Пашка. Самец.

Кашкина. А ведь я никогда не ела рябчиков.

Пашка *(протягивает ей рябчиков)*. Ну вот попробуйте.

Кашкина. Ну что вы, я не для того сказала.

Пашка. Берите, берите.

Кашкина. Нет, нет. Вас ждут с добычей...

Пашка *(перебивает)*. Держите, нас много, нам все равно не хватит, а одной вам в самый раз.

Кашкина. Нет, нет. *(Со значением.)* Я ужинаю не одна, у меня будет гость, так что...

Пашка. Берите, вам говорят. На двоих, по штуке на каждого — тоже ничего. *(Сует Кашкиной рябчиков.)*

Во время разговора Валентина стоит перед палисадником, глядя прямо перед собой.

Кашкина *(принимает рябчиков)*. Спасибо. Но я за них заплачу. *(Роется в сумочке.)*

Пашка. Это вы бросьте. Или так берите, или...

Кашкина. Ну спасибо... А ведь я шла за этими дрянными котлетами. *(С восторгом.)* Ах, какой у меня сегодня будет ужин! Настоящий сюрприз. Мужчины любят рябчиков, неправда ли?

Пашка. А как же. Особенно, если... *(Жестом обозначает выпивку.)*

Кашкина. Да! Сегодня это просто необходимо. Валентина, что там у вас есть, какое вино?

Валентина не отвечает.

По-моему, вермут. *(Поморщилась.)* Нет! Не годится. Иду в магазин. *(Спускается с крыльца, подходит к калитке палисадника.)*

Валентина. Обойдите кругом.

Кашкина останавливается и подчеркнуто вопросительно смотрит на Валентину.

Обойдите, пожалуйста, кругом.

Кашкина. Ах да! Извини, все время забываю... Пожалуйста. *(Обходит палисадник.)* Это мне ничего не стоит. *(Исчезает.)*

Пашка *(подходит к Валентине)*. Валя...

Валентина поворачивается и быстро уходит в чайную. Пашка, чуть помедлив, спускается с крыльца и уходит. На этот раз — минуя палисадник.

Со двора выходят Мечеткин и Помигалов с канистрой в руке.

Мечеткин. Значит, если я вас правильно понял, вопрос упирается в личную инициативу.

Помигалов. Назови, как хочешь, а тут не я главный. Сам знаешь, как нынче водится.

Мечеткин. Ясно, Федор Игнатьевич. Если вы не возражаете, первую встречу я назначил сегодня.

Помигалов. Уже назначил? Гляди, какой шустрый.

Мечеткин. Оперативность, Федор Игнатьевич... Если вы не возражаете.

Помигалов *(усмехнулся.)* Возражать не имею права. *(Насмешливо.)* Но смотри у меня.

Мечеткин. Что вы, Федор Игнатьевич!

Помигалов. А то ведь у меня дробовик близко. В сенях висит. А меня ты знаешь.

Мечеткин. Что вы! Кто ж вас не знает? Да я разве позволю? Нахальство, Федор Игнатьевич, совсем не в моих интересах.

Помигалов Ну-ну. Действуй. Вдруг да — мало ли что. А пока топай.

Мечеткин. До свиданья, Федор Игнатьич. *(Приподнял шляпу.)* До свиданьица. (Уходит.)

Помигалов *(громко)*. Валентина!

Валентина выходит из чайной, спускается с веранды, подходит к отцу.

Валентина. Ты куда собрался?

Помигалов *(кивая головой в сторону, куда ушел Мечеткин)*. Видала?.. Говорит, свидание тебе назначил.

Валентина. Глупости, папа. Он просто хотел о чем-то поговорить.

Помигалов *(усаживается на скамейку)*. Он свататься приходил.

Валентина *(улыбнулась)*. Свататься?.. *(Усаживается рядом с отцом.)*

Помигалов. А ты думала?

Валентина. Не смеши, отец.

Помигалов *(не сразу)*. А я тебя не смешу. Я серьезно говорю... Скажи-ка мне, тебе сколько лет?

Валентина. А ты не знаешь?

Помигалов. Ты не знаешь. Все еще детством занимаешься. А ведь тебе уже немало. Тебе, Валентина Федоровна, замуж пора.

Валентина *(легко)*. Правда?

Помигалов. А ты как думала? Самое время. А где твои женихи? Ну где? Эти, что тут крутятся, это не женихи, я тебя в сотый раз предупреждаю. Не дай бог с которым увижу — из этих.

Валентина *(прижалась к отцу)*. Постой, папа! Что-то не то ты говоришь. То за порог не выпустишь, а то сразу замуж.

Помигалов *(строго)*. А ты слушай. Пришло время, и говорю. Женихов не вижу. Это — первый. Один. И свататься пришел. Сам пришел, по чести, по-хорошему. И что? А я уважаю.

Валентина *(чуть от него отодвинулась)*. Папа... Ты взаправду, что ли?

Помигалов. А что?.. Старый, скажешь? А я тебе скажу — как смотреть. Мать твоя, покойница, меня на пятнадцать лет была моложе. И что?.. А на сестер оглянись. Ну пошли они за молодых, и что вышло? Одна теперь без мужа мается, другая — неизвестно, как. Отца родного позабыла. А нам наука. Кеха, может, и не первого разбору жених, зато...

Валентина. Папа! Ну что ты говоришь? Ведь он смешной. Да и вообще! Я и слушать-то тебя не хочу.

Помигалов. Нет, ты послушай. Человек сватается — значит, он требует к себе отношения. Просмеять его недолго, а я считаю, не смеяться надо, а задуматься. Не такой он и смешной. Трудится

честно, не пьет, не дерется, и дом у него, и скарб, и деньги есть. *(Как бы предупреждая возражение.)* Да, Валентина Федоровна, и деньги! Потому, если у человека есть деньги, значит, он уже не смешной. Значит, серьезный. Нищие нынче из моды вышли. Даже по городам пошло: и свадьбу надо, и кольцо, и сберкнижку. И что? А я приветствую.

Валентина *(поднимается)*. Папа... ты... Ты куда-то собирался. Иди куда собирался.

Помигалов *(поднимается, внушительно)*. Неволить не могу. А подумать — подумай... Об городе не мечтай. Помни: пока я жив, твой дом здесь. Вот он стоит. *(Показал.)* Советская, тридцать четыре. Отсюда и располагай. *(Пошел, остановился.)* Загони кур, телка накорми. И чтоб к одиннадцати дома была.

После его ухода Валентина снова опускается на скамейку. Солнце уже заметно скрылось, и с этого момента на дворе начинает заметно темнеть.

В буфете появляется Хороших, а с улицы Пашка — одновременно. Пашка одет так, как он был одет утром. Он направился было к Валентине, но Хороших его окликнула.

Хороших Павел!.. Пойди сюда.

Пашка *(подходит, не сразу)*. Ну, мать, че скажешь?

Хороших *(не сразу, мягко)*. Собирайся, Павел. Надо тебе ехать... Уезжай.

Павел *(не сразу)*. Все?

Валентина поднимается и выходит во двор.

Хороших. Не гоню я тебя. Прошу... Сделай, Павел, для матери.. Пожалей меня.

Пашка. Так... *(Грубо.)* А меня кто пожалеет?

Из чайной выходит Дергачев, в руке у него ящик с инструментами.

Дергачев *(на пороге)*. Живей, Илья, живей. Приберут, не наше это дело.

Еремеев появляется и идет следом за Дергачевым.

Хороших *(с наигранной бодростью)*. Эй, работники! Куда вы? Дело сделано — садитесь, так уж и быть.

Дергачев *(на ходу)*. Благодарим. Мы по воздуху погуляем. *(Еремееву.)* Живей, Илья.

Оба проходят через палисадник, исчезают.

Пашка. До магазина подались. *(Не сразу.)* Опять ты перед ним стелешься?

Хороших *(не сразу).* Я перед ним всю жизнь стелюсь. Понятно тебе?

Пашка. Брось. Сколь вас вижу, вечно вы как собаки лаетесь.

Хороших. Верно. Как собаки. При тебе. А без тебя — это ты врешь.

Пашка *(не сразу).* Вон, значит, как. При мне, значит...

Хороших *(резко).* Завтра же уезжай.

Небольшая пауза. Хороших быстро прибирается, запирает кассу, словом, собирается уходить.

Пашка. Спасибо, мать... Приласкала ты меня, приголубила...

Хороших выходит из буфета, появляется на веранде, закрывает буфет снаружи, потом — двери в чайную.

Мать, а кто виноват?

Валентина появляется и останавливается у скамейки.

Кто виноват, мать?.. Говори... Откуда я взялся? Ты меня родила или не ты?

Хороших. Замолчи!

Пашка. Кто ждал твоего Афанасия?

Хороших *(кричит).* Замолчи!

Пашка. Кто его не дождался?

Хороших. Замолчи!

Пашка. Ты или я?

Хороших. Замолчи! Будь ты проклят... *(Ищет оскорбления, потом.)* Крапивник!

Молчание.

(Приходит в ужас от того, что она только что произнесла.) Паша... сынок... *(Плачет.)* Прости меня... *(Идет к Пашке, но он ее останавливает.)*

Пашка *(глухо).* Ладно, мать... Иди... Иди, мать.

Хороших плачет.

Хороших. Прости, сынок, и...*(Сквозь слезы.)* Уезжай, сынок... Уезжай от греха подальше... *(Уходит через палисадник, утирая глаза платком.)*

Пашка медленно прошел до крыльца, уселся на ступеньку. Небольшая пауза. Валентина подходит к Пашке.

Пашка *(с горечью).* А говорят, дома лучше. Не соответствует... *(Вдруг хватил кулаком о перила.)*

Пауза. Пашка сидит, понурив голову.

Валентина. *(подходит к нему ближе и осторожно касается его плеча).* Павел... Павел... Я пойду... На танцы...

Пашка *(поднял голову).* Пожалела?.. Не надо.

Появляется Кашкина.

Валентина. Я переоденусь, и мы пойдем... Сейчас. *(Быстро уходит домой.)*

Кашкина *(растерянно).* Уже закрыли?.. Вот несчастье. Вспомнила, что у меня нет лука. Скажите, можно их приготовить с чесноком? Без лука?

Пашка. Все равно.

Кашкина. Спасибо... *(Заходит во двор, появляется наверху на лестнице, но пройдя ее наполовину, останавливается и садится на ступеньки, поставив рядом свою сумку. Небольшая пауза. Поднимается и решительно спускается вниз. Ее сумка остается на ступеньках лестницы.)*

Голос Кашкиной *(во дворе).* Подожди, Валя!.. Постой! Послушай меня. Не ходи. Не делай этого... Подожди, выслушай меня.

Голос Валентины. Я вам, кажется, не мешаю. Что вам от меня надо?

Валентина появилась и резко захлопнула за собой калитку. Она в сиреневом платье, в руке у нее синяя кофта.

Валентина *(подходит к Пашке, останавливается перед ним; улыбается).* Ну вот. Я собралась.

Пашка поднялся, некоторое время смотрит на нее, потом вдруг подхватывает ее на руки.

Нет! Нет!.. *(Мягче.)* Я сама пойду.

Пашка ее отпускает.

(У палисадника. Медленно, в задумчивости дотрагивается рукой до калитки.) Ну вот... Снова все поломали...

Пашка. Че? Снова за ремонт? *(Смеется.)* Ну, Валюша, подписалась ты с этим палисадником!.. Ладно. Дай я его налажу. *(Направляется к калитке, но Валентина жестом его останавливает.)*

Валентина. Не надо.

Пашка. Да я его мигом.

Валентина. Нет. Это напрасный труд. Надоело... Идем... *(Проходит напрямик, через палисадник. Пашка — за ней.)*

Пашка *(на ходу)*. В Потеряиху... Или в Ключи?

Валентина. Все равно.

Оба исчезают... Кашкина выходит со двора, делает несколько нерешительных шагов вслед за ними, останавливается.

К этому времени уже наступили сумерки. Небо еще синее, но на земле исчезли тени, и стелется мрак. Еще хорошо различаются фигуры, но лица можно уже не узнать.

Кашкина поднимается на веранду и тихо садится в углу за столик. Пройдет четверть минуты, прежде чем появится Мечеткин.

Мечеткин, минуя палисадник, подходит к крыльцу. Можно заметить, что он прифрантился: сорочка белеет под темным пиджаком. Воображая из себя незаурядного кавалера, он присаживается на перила, достает белый платок, сначала эффективно им обмахивается, затем громогласно в него сморкается.

Мечеткин *(задушевным голосом)*. Замечательная погода. В начале августа, между прочим, обычное явление... Листал я сегодня одну книженцию. Так, вместо отдыха. И вот попалось мне там одно стихотворение. Лирическое, между прочим... Такое... *(Мнется, напрягает память)*. Одну минуту.

Кашкина *(безразлично)*. Не трудитесь вспоминать.

Мечеткин. Простите... *(Поднимается на веранду.)* Это вы?.. Извините, но здесь должна быть...

Кашкина. Ее здесь нет.

Мечеткин. Нет?

Кашкина. И не будет.

Мечеткин. Как же? Она должна быть...

Кашкина. Не будет... Можете ее не ждать.

Мечеткин. Почему же? У меня назначено. Я подожду. *(Усаживается на перила.)* Надеюсь, я вам не помешаю. *(Обмахивается платком.)*

Кашкина. Зря ждете. Идите лучше домой.

Мечеткин. То есть?.. Что вы этим хотите сказать?

Кашкина *(с раздражением)*. Я говорю, отдыхайте. Идите домой.

Мечеткин *(задет ее тоном)*. Между прочим, Зинаида Павловна, вы этого не решаете: сидеть мне или идти домой. Это вопрос узко личный.

Кашкина. Ну и болван же вы, Мечеткин.

Мечеткин *(поднимается)*. Болван?.. Зинаида Павловна, вы забываетесь.

Появляется Шаманов. Он идет быстро, почти стремительно. Взбегает на веранду.

Шаманов *(Кашкиной)*. Зина?.. *(Прошелся по веранде, смотрит по сторонам, вернулся к Кашкиной.)* Мне надо с тобой поговорить.

Мечеткин. Не буду мешать. Но учтите, Зинаида Павловна, я вашу аллегорию понял. *(Уходит.)*

Шаманов. Зина... Я должен перед тобой извиниться. За утрешнее. Я был к тебе несправедлив. Прости, ты оказалась права. Ты знаешь меня лучше, чем я сам. Ты самая умная женщина на свете.

Кашкина *(с горькой усмешкой)*. Вот как?

Шаманов *(подсаживается к Кашкиной, берет ее за руку)*. С первого дня, сколько мы друг друга знаем, ты понимала меня с полуслова. *(Смеется.)* Да! Ведь утром я говорил тебе совсем не то! Ты удивляешься?.. Зина! Я сам удивляюсь. Но такой уж сегодня день — утром одно, а вечером совсем другое. Странный день. Но, честное слово, он стоит всех моих дней в Чулимске. Ты тыщу раз права: разве я жил здесь, разве можно назвать это жизнью? Я спал, спал на ходу, я дрыхнул все эти четыре месяца... Слушай. Это было недавно. Утром я проснулся и увидел свои руки. Они лежали у меня на груди — мои собственные руки, и вдруг — ты слышишь? — они показались мне чужими. Представь себе это? Сначала руки, а потом весь я: все тело и даже мысли показались мне не моими. Все будто бы принадлежало другому человеку! Сейчас я думаю об этом с ужасом, а тогда — и вот в чем главный-то ужас! — тогда мне было все равно. Так все равно, что я даже не почувствовал, что я дошел до ручки. Понимаешь ты меня, Зина? Как я жил, дальше так жить было нельзя. И вот сегодня... *(Поднялся.)* Удивительный сегодня день! Ты можешь смеяться, но мне кажется, что я и в самом деле начинаю новую жизнь. Честное слово! Этот мир я обретаю заново, как пьяница, ко-

торый выходит из запоя. Все ко мне возвращается: вечер, улица, лес, — я сейчас ехал через лес, — трава, деревья, запахи — мне кажется, я не слышал их с самого детства... *(Сел, снова взял ее за руки.)* Пойми меня. Ведь только сейчас я вижу тебя по-настоящему... Ты самая добрая, самая умная, самая красивая женщина на свете. Ты прекрасная женщина. Я хочу, чтобы ты меня поняла. Я хочу, чтобы ты меня простила. Я хочу тебя спросить... Где Валентина?

Кашкина *(не сразу)*. Она... Они ушли на танцы.

Шаманов. С кем?

Кашкина. С Пашкой.

Шаманов. Не может быть...

Кашкина. Твоя записка... Она попала ко мне... Валентина не видела...

Шаманов. Что?.. И ты могла...

Кашкина. Я хотела ей сказать...

Шаманов. Ну?

Кашкина *(безнадежно)*. Что ты назначил ей свидание, она этого не знает.

Шаманов. Когда она ушла?

Кашкина. Полчаса. Минут двадцать назад.

Шаманов. Куда? В Ключи?.. В Потеряиху?

Кашкина. В Потеряиху.

Шаманов. Врешь.

Кашкина не отвечает. Шаманов молча смотрит ей в глаза, потом сбегает с крыльца и быстро уходит налево, в сторону, противоположную той, куда ушли Валентина и Пашка.

Кашкина *(поднимается, быстро идет к крыльцу, останавливается, кричит)*. Они пошли в Потеряиху!... Володя!

Пауза. Потом Кашкина заходит во двор, медленно поднимается к себе в мезонин.

Затемнение. Пауза. Потом — не менее полминуты — нарастающий треск дизеля, дающего Чулимску освещение. Далее — треск дизеля становится ровным, приглушенным. Им сопровождается вся последующая картина.

Ночь...

Электрическая лампочка, приделанная под карнизом веранды, освещает палисадник, часть веранды, крыльцо и площадку перед крыльцом. Вверху, плотно занавешенное, тускло светится окно мезонина.

Тень мелькнула в окне мезонина.

Со двора выходит Помигалов, садится на скамейку, которая находится в полутьме. Долго ничего не происходит и ничего не слышно, кроме далекого ровного рокота дизеля. Потом с той стороны, где находится дом Хороших, раздается голос Дергачева.

Голос Дергачева *(напевает).*

Это было давно,
Лет пятнадцать назад.
Вез я девушку тройкой почтовой...

Помигалов поднимается и уходит во двор.

Это было давно,
Лет пятнадцать назад.

Наверху в окне снова мелькнула тень.

Голос Дергачева.

Вез я девушку тройкой почтовой...

Кашель Еремеева. Кашкина выходит на балкон. Потом появляется Хороших.

Кашкина. Анна Васильевна?.. Это вы?..

Хороших останавливается.

Не спите?

Голос Дергачева.

Это было давно,
Лет пятнадцать назад...

Хороших. Уснешь тут, как же... Голова — кругом. Кассу закрыла или так оставила — не помню. *(Не сразу.)* А ты чего не спишь?

Кашкина *(не сразу).* Бессонница... Который час?

Хороших. Второй. Четверть второго.

Обе молчат. Кашкина уходит к себе.

Голос Дергачева.

Это было давно...

Хороших поднимается на веранду, появляется Помигалов.

Помигалов *(приближается к веранде).* Анна, ты, что ли?

Хороших *(испуганно.)* Я!.. Я, Федор Игнатьич... *(Как бы оправдываясь.)* Кассу, кажись, не закрыла, пришла проверить... А ты чего?

Помигалов. Парень твой дома или нет?

Хороших. Кто? Пашка-то?.. А я и не знаю... Он на сеновале ночует.

Помигалов. Где Валентина?

Хороших. Не знаю, Федор... Почем же мне знать?.. Может, на танцах? Наши, чулимские, в Ключи ушли. Еще не возвращались.

Помигалов. По танцам она не ходит, тебе известно.

Хороших. Где она — не знаю...

Маленькая пауза.

Помигалов. А то смотрите... *(Заходит во двор, тут же распахивает ворота, выкатывает мотоцикл на улицу, влево.)*

Через мгновение треск мотоцикла раздается и удаляется. Почти в это же время с противоположной стороны улицы раздаются голоса Пашки и Валентины. Хороших открывает чайную и входит туда, но не закрывая за собой дверь и не зажигая света.

Голос Валентины. Уйди.

Голос Пашки. Стой... Ну постой же! Ну послушай, че скажу...

Голос Валентины. Уйди.

Голос Пашки. Не будь дурой, Валя... Ну до этого — ну ладно, ну а теперь-то чего?

Появляются: Пашка пятится перед Валентиной. Валентина идет прямая, глядя мимо Пашки.

Кофту возьми. *(Сует ей кофту, она ее не берет.)*

Кофта падает ей под ноги. Валентина на нее наступает. Пашка поднял кофту, накинул ее Валентине на плечи.

Валентина *(сорвала с себя кофту, остановилась с презрением, не оборачиваясь)*. Ко мне больше не подходи. Уезжай отсюда... *(С угрозой.)* Не уедешь — отцу расскажу.

Идет к своему двору.

Пашка устремляется за нею, но появляется Хороших и окликает Пашку.

Хороших. Павел!

Пашка останавливается и поворачивается к Хороших. Валентина у ворот своего дома в полутьме останавливается в нерешительности, а через мгновение безвольно опускается на скамейку.

В продолжение последующего разговора Пашка и Хороших не замечают присутствия Валентины.

Ты че наделал?

Пашка (*бодро*). Все, мать. Завилась веревочка... Она моя.

Хороших (*угрюмо*). Нет, Павел...

Пашка. Брось, мать. Это пустяки, это по первости.

Небольшая пауза.

Хороших. Дурак... Она тебя возненавидела.

Пашка. Молчи, мать. Все будет в норме.

Хороших. И я бы тебя возненавидела... Я бы тебя... (*Подходит к Пашке.*)

Наверху появляется Кашкина, прислушиваясь, спускается вниз.

Пашка (*пятится*). Спокойно, мать...

Хороших (*наступает*). Я бы тебе...

Пашка (*пятится*). Мать, мать...

Хороших. Слышал, че она тебе сказала?.. Завтра чтоб духу твоего здесь не было. Федор, он шутить с тобой не будет.

Пашка. Не боюсь я его... Делайте, чё хотите! Никого не боюсь!

Хороших (*толкает его*). Уходи, Павел!

Оба исчезают. Кашкина появляется со двора.

Кашкина. Валя...

Валентина (*не сразу*). Чего вам?

Кашкина. Суди, как хочешь... Вот записка. (*Подает Валентине записку, та ее принимает.*) Тебе... От Владимира... Он написал ее утром. Я ее перехватила.

Валентина (*не сразу*). Что там написано?

Кашкина. Он ждал тебя здесь. В десять вечера... Он любит тебя...

Пауза.

Валентина сидит неподвижно, глядя прямо перед собой.

Появляется Шаманов, подходит к скамейке.

Небольшая пауза. Кашкина, как стояла, не поворачиваясь, пошла по улице и исчезла в темноте.

Шаманов *(мягко)*. А бог все-таки существует... Слышишь, Валентина? Когда я сюда подходил, я подумал: если бог есть, то сейчас я тебя встречу... Кто докажет мне теперь, что бога нет? *(Сел рядом с ней, с чувством.)* Я искал тебя... Ты слышишь?.. С десяти часов, где я только ни побывал... И чего я только не передумал... Валентина.... Ведь утром я сказал тебе совсем не то...

Валентина, закрыв лицо руками, внезапно разражается рыданиями.

(Поднимается со скамейки.) Валентина... Что с тобой!

Она рыдает.

Что случилось?.. Что случилось?..

Рыдания.

Успокойся... Успокойся.. *(Дотронулся рукой до ее плеча.)* Что бы ни случилось — успокойся...

Из темноты появляется Пашка и неслышно приближается к скамейке.

Послушай меня... Что бы ни случилось — скажи слово, и я увезу тебя отсюда... *(Взял ее за плечи.)* Хочешь, я тебя увезу?

Она прервала рыдания и впервые посмотрела ему в лицо.

Да, Валентина. Ты не знаешь, чем стала ты для меня за эти несколько часов... Понимаю, ты можешь мне не поверить... Но ты не знаешь, что со мной произошло. Я объясню тебе. Если можно объяснить чудо, то я попробую...

Пашка. Зря стараешься.

Шаманов оборачивается.

Все, следователь. Твое дело — сторона... Ты опоздал.

Небольшая пауза. В это время раздается нарастающий треск мотоцикла. Пашка и Шаманов стоят, готовые броситься друг на друга.

Треск мотоцикла приближается.

Валентина *(вдруг поднимается, кофтой вытирает слезы)*. Едет отец. Уходите.

Маленькая пауза.

П а ш к а. Уходи, следователь... Не мешайся не в свое дело.

В а л е н т и н а. Уходите оба.

Треск мотоцикла рядом, луч фары выхватывает всех троих из полутьмы. Затем мотоцикл глохнет, и к скамейке быстро подходит П о м и г а л о в.

П о м и г а л о в *(всем, грозно).* Ну?

Все молчат.

(Валентине.) Где ты была?.. С кем?

Ш а м а н о в. Со мной. Она была со мной... Мы были в Потеряихе.

П а ш к а. Врешь! *(Помигалову.)* Я с ней был! Я! Он врет.

Ш а м а н о в. Она была со мной.

Пашка бросается на Шаманова, но Помигалов его осаживает.

П о м и г а л о в. Стой!.. *(Валентине.)* Кто с тобой был?

П а ш к а *(Валентине).* Скажи!

П о м и г а л о в. Говори! *(Указывает на Пашку.)* Этот?

В а л е н т и н а. Нет.

П о м и г а л о в *(указывает на Шаманова).* Он?

В а л е н т и н а. Нет.

Небольшая пауза.

Не верь им, отец. Они ждали меня здесь. Я была с Мечеткиным... Успокойся...

Молчание.

Они здесь ни при чем, пусть они не врут... И пусть. пусть они больше ко мне не вяжутся.

Молчание.

Идем, отец... Идем домой..

Отдаленный стук дизеля прерывается и медленно умолкает. Лампочка под карнизом тускнеет и гаснет. Все погружается в полную темноту.

Утро следующего дня.

Половина десятого утра. На веранде все, кроме Валентины и ее отца.
Х о р о ш и х в буфете. За ближайшим к буфету столиком сидит П а ш к а. У его ног стоит большой чемодан.

Шаманов и Кашкина сидят за средним столиком, заканчивают завтрак.
За соседним столиком Мечеткин обставлен едой со всех сторон.
На ступеньках крыльца рядом сидят Дергачев и Еремеев. Еремеев укладывает свой мешок. Дергачев ему помогает. Некоторое время все молчат.

Мечеткин *(обращаясь не то к Шаманову, не то к Кашкиной)*. Этот самый дом *(стучит пальцем по столу)* строил купец Черных. И, между прочим, этому купцу наворожили *(жует)*, наворожили, что он будет жить до тех пор, пока не достроит этот самый дом. *(Пауза. Ест.)* Вот, понимаете, до чего суеверие доходило. Когда он достроил дом, он начал его перестраивать. *(Жует.)* И всю жизнь перестраивал...

Дергачев. Зря ты, Илья. Остаться тебе надо.

Еремеев *(качает головой)*. Тайга меня ждет. Ягода ждет, шишка ждет. Белка — тоже ждет... Зимой, однако, приду.

Дергачев. Смотри, Илья... Места для тебя всегда хватит.

Шаманов *(поднимается, подходит к буфету. Взял телефон, снял трубку)*. Дайте милицию... Начальника... Добрый день. Шаманов... Скажите, есть у нас сейчас машина?.. Нельзя ли подбросить меня к самолету?.. В город... Да, хочу выступить на суде... Да, завтра... Нет, я решил ехать... Нет, я поеду... Мне это надо. И не мне одному... Да... Спасибо...

Со двора выходит Валентина.

Хорошо... Спасибо... До свиданья. *(Положил трубку.)*

Все повернулись к Валентине.
Тишина.
Строгая, спокойная, она поднимается на веранду. Вдруг остановилась, повернула голову к палисаднику. Не торопясь, но решительно спускается в палисадник. Подходит к ограде, укрепляет доски.

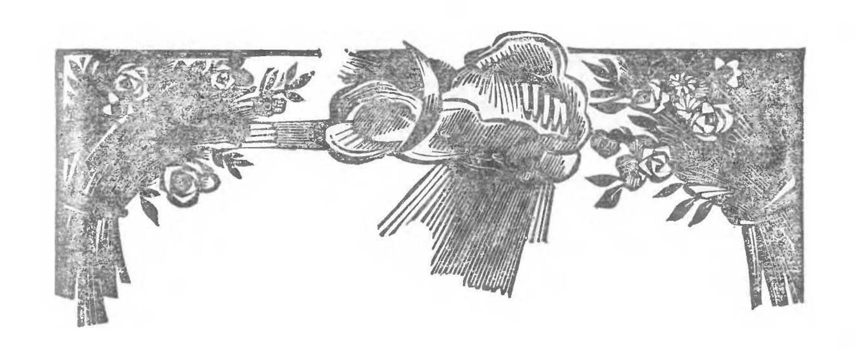
Ворота распахиваются, появляется Помигалов с мотоциклом. Он останавливается и, как и все, молча наблюдает за Ва-

лентиной. Валентина перешла к калитке палисадника. Налаживает калитку, и, когда, как то случается часто, в работе ее происходит заминка, сидящий ближе всех к калитке Еремеев поднимается и помогает Валентине.

Тишина.

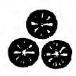
Валентина и Еремеев восстанавливают палисадник.

Занавес

РАННИЕ СТРАНИЦЫ

ОЧЕРКИ И СТАТЬИ

МЕЧТА В ПУТИ

В наружности этого человека я предполагал найти что-нибудь от суровых героев Джека Лондона или глубокомысленного Шерлока Холмса, а мне протянул руку юноша, среднего роста, простой, обыкновенный, с бесхитростной улыбкой.

— Владимир Бутырин.— И не без удовольствия добавил: — Студент юридического факультета.

В университет ведут разные дороги. Путь, который из-

брал Владимир Бутырин — путь призвания, окрепшего в практической деятельности.

Еще учась в школе, Владимир мечтал стать юристом, но он знал, что прежде нужно глубже узнать жизнь, лучше постичь труд. На Ангаре, у Братска, кипела грандиозная стройка. Комсомолец Владимир Бутырин понял: именно там бьется пульс большой, трудовой жизни.

Осенью 1956 года парень, только что закончивший школу, приехал в Братск. Профессии не было никакой, зато большое желание взяться за работу. Стал учеником слесаря, а скоро и слесарем. Отлично справлялся со своим делом.

Весной 1957 года в котлован правобережной перемычки потребовались люди. Выбрали самых инициативных, самых достойных. Среди них — Владимир. Он с энтузиазмом занимался тем делом, какого требовала растущая стройка: был слесарем, бурильщиком, плотником.

Как-то вечером Владимир с группой товарищей возвращался на автобусе с работы. Здесь же ехал некто подвыпивший и возбужденный. Сначала он бил кулаком в грудь себя, но «увлекшись», стал бить и напуганных пассажиров и пассажирок. Немым свидетелем таких сцен Владимир не умел и не мог быть. Укрощенный буян был взят и доставлен в милицию, где снова бил кулаком, но теперь уже исключительно в собственную грудь.

Тем же вечером в общежитии бурильщиков состоялся разговор, который имел важные последствия.

Владимир говорил:

— Вы посмотрите, на танцплощадке появляются пьяные, развязные парни, и они себя там недурно чувствуют. Они даже задают тон. Как вы на это смотрите? С этим мириться нельзя.

Было решено вступить в бригаду содействия милиции. Владимир стал организатором, начальником штаба БСМ.

Как-то вечером к танцплощадке подвалили человек десять крепко выпивших парней. Они толкались, оскорбляли прохожих, изъяснялись ругательствами, куражились.

Вход на танцплощадку им преградили бригадмильцы.

Начался разговор. Те, на которых не действуют убеждения, оказались в этот вечер в милиции.
Владимиру подбрасывают записки мрачного содержания: «Берегись!», «Если не порвешь связь с БСМ, составишь компанию Бобровникову». Комсомолец Бобровников — бригадмилец, зверски убитый хулиганами зимой 1955 года. Но нельзя запугать человека, убежденного в правоте своего дела. Бригада во главе с Владимиром продолжает действовать...
Уезжая из Братска, Владимир оставлял там только друзей.
...И вот университет. Вступительные экзамены сданы успешно. Поездка на сельхозработы, новые товарищи, учеба. Владимир сразу активно включился в общественную жизнь. Он вступил в десятый отряд народной дружины, избран членом студсовета первого общежития, участвует в выпуске факультетской газеты.
Мечта Владимира Бутырина — осуществляется, мечта уже в пути. Он стал студентом. Он будет юристом.

«ТИХИЙ» УГОЛОК

Привыкли считать, что пасека — самый спокойный уголок в колхозе, место тихого отдыха, приют седобородых. Но это мнение само обрастает бородой. В жизни мало тихих уголков, а для того, кто молод, их вообще не существует.
Прошло уже два месяца занятий в Заларинской школе пчеловодов, когда к директору вошел парень в солдатской форме и с чемоданчиком в руках. Снял шапку и сообщил, что приехал учиться на пчеловода. Парень был настойчив, и его приняли. В учебе он быстро нагнал своих новых товарищей, вскоре был признан одним из лучших.
Александру Мотовилову везло. Он учился делу, которое нравилось ему с каждым днем все больше. И главное...
Саша стоял у стены, скрестив руки на груди, и задумчиво смотрел на танцующих. Он не умел танцевать. Надо было уйти, но уходить не хотелось. Время от времени он наблюдал за быстрой черноглазой девушкой, которую в этот вечер нельзя было увидеть неулыбающейся. И когда Саша вдруг увидел ее перед собой, он

мысленно выругал себя за то, что не умеет танцевать.

— Почему вы не танцуете?

— Не умею. Если бы кто поучил...

— Пойдемте.

И они пошли... Танцевать Саша так и не научился. Ему больше нравилось бродить с Любой по вечерним улицам. Весна была во всем: и в зеленеющих рощах, и в шуме только что выставленных ульев, и в ее улыбке, и в его застенчивости.

Встречались они редко. Люба занималась в другой группе, Саша пропадал на пасеке.

В марте 1958 года Александр и Любовь Мотовиловы приехали в колхоз «Годовщина Октября» Куйтунского района. Колхоз помог им стать на ноги. Не терпелось попасть к пчелам. В мае приняли пасеку. Она оказалась слабой, больной, насчитывала всего 37 ульев. Работавший до них Грибачев, пчеловод без выучки, без опыта, основательно запустил дела. А когда-то здесь было сто с лишним ульев, были хорошие медосборы и заправлял всем хозяйством дед Григорий Секирка. Дед ушел, чувствуя, что ему уже не справиться с этой большой пасекой. Случилось так, что Александр на два месяца должен был уехать из Кукдуя. Люба осталась одна.

Июль — месяц конца роения пчел и начала медосбора. Послеобеденный час. Жара. Беспомощно повисли зеленые руки берез.

Старик Секирка приходит на пасеку и, заглянув в какой-нибудь улей, насмешливо щурится и спрашивает:

— Ну, а с этим ульем ты что будешь делать?

— А что вы мне посоветуете?

Дед ухмыляется в свою подстриженную бороду.

— Где уж мне советовать. Я факультетов не проходил. Это ты мне скажи.

— По-моему, улей надо подсилить новым роем. Окрепнет.

Дед пристально смотрит на Любу и вдруг сердится:

— Под-си-лить! Выучилась... Выбросить его надо! Понятно? Вы-бро-сить!

Старик машет рукой, хватает свою трость и пылит по дороге плохо поднимающимися ногами.

Люба плачет и делает по-своему. Впоследствии этот

улей становится одной из самых сильных семей на пасеке.

Лето 1959 года. Пасека выросла, окрепла. От каждой пчелосемьи получено около 50 килограммов меда.

Люба и Александр заканчивают работу. Надо торопиться. Дела у них не только на пасеке. Александра избрали секретарем колхозной комсомольской организации. Надо забежать на ферму к дояркам, переговорить о создании комсомольско-молодежной бригады, предупредить о том, что завтра в клубе лекция. Люба теперь руководит колхозной самодеятельностью — дела тоже важные.

От села к пасеке бороздит дороги дед Секирка. Он смирился, подобрел, подолгу рассказывает о пчелах, советует, радуется успехам.

— Здорово, хозяева,— говорит он, присаживаясь на колодину,— опять старый трутень пожаловал. Не прогоните?

Мотовиловы подсаживаются к старику. Разговор почти всегда об одном.

Зимний вечер. Александр недавно вернулся с комсомольского собрания, где обсуждались обязательства, которые взяли на себя каждая доярка, каждый механизатор. Сам Мотовилов заявил, что собирается увеличить пасеку за семилетие до 200 пчелосемей. Дни Александр проводит в зимовнике пчел, а вечером склоняется над книгой.

— Как выйдут пчелы из зимовки? — задумчиво говорит Люба.

— Скорей бы весна.

Весна придет и принесет с собой массу забот, без которых немыслимо человеческое счастье.

ОТ ГОРИЗОНТА К ГОРИЗОНТУ

За Тулуном километров пять дорогу сопровождают пестрые от проталин поля, стелются зеленые ковры озими.

Но вот справа мелькнуло село Ермаки, к дороге тотчас же сбежались полчища сосен, берез, осин, и Братский тракт уже стиснут зелеными лапами тайги. Если где-нибудь сквозь прозрачный апрельский березняк и покажется вдруг чистый холм, то это не поляна. Это трас-

са, вырубленная строителями просека, по которой трехсотметровыми шагами железобетонных опор от Братска до Иркутска шагнет ЛЭП-500.
В четырех километрах от села Буслайки валит лес комсомольско-молодежная бригада Владимира Стукалова. В бригаде двадцать два человека. Все прибыли сюда в начале зимы, после демобилизации из армии. За зиму многие стали отличными пильщиками.
От ствола к стволу идут пильщики Анатолий Шевчук, Дмитрий Макаренко, Константин Мирошников, Иван Сморкалов. Стучит дизель, поют электропилы, и нет-нет да ухнет вдруг покоренная лесина. Этими звуками живет и дышит сейчас тайга.
Бригада Стукалова — передовая и не без основания взяла на себя ответственность добиться звания коммунистической.

«Как бы здесь не одичать»

Прямо на трассе, на отвоеванной у тайги земле, люди выстроили два дома. Во все их окна заглядывает чащоба темными, враждебными глазами.
Дело к вечеру. Лесорубы возвращаются домой. Здоровые веселые парни. У умывальника толкучка, смех и довольно-таки звучные дружеские шлепки по голым спинам. Вытянули по спине и Сашу Якубинского.
— Мальчики,— говорит Саша, потирая ушибленное место,— к чему эти сентиментальности? Вы же взрослые люди.
Саша говорит всегда с расстановкой, не повышая голоса, плавным, назидательным тоном. Он здесь всех старше, ему уже тридцать с лишним. Его жизненный путь в прошлом делал непозволительные зигзаги, но теперь окончательно выпрямился. Он строил ЛЭП-220, а после окончания ЛЭП-500 готов перейти на строительство новой трассы. От прошлого остался только назидательный тон. Но в общем Саша человек дельный и, за что его здесь любят, веселый.
— Дети, не надо так галдеть... Ведь вот же Коля почему-то серьезный человек — не кричит, не толкается,— продолжает Саша, растираясь полотенцем,— он понимает, что бригадир должен быть человеком внушительным.

— Коля, что ты такой кислый? Что с тобой?.. Тебя обнесли в котлопункте?

Бригадир действительно не в духе, он машет рукой и шагает навстречу входящему в общежитие прорабу Лыско.

— Николай, знаю,— предупреждает его Лыско, — знаю: опять не хватило троса. Но что я поделаю?

— Черт знает что! На месяц нам полагается триста метров, а они дают нам тридцать! Что это? Насмешки? Мы что, ремнями должны бревна цеплять? А ведь у Ковригина на складе есть трос.

— Добьемся, добьемся, не шуми,— говорит Лыско и вдруг громко объявляет: — Ребята, кино приехало!

— Какое?

— «Война и мир».

Это сообщение производит на лесорубов большое впечатление. И в самом деле, оно необычно. В 1960 году кинопередвижка появилась здесь в четвертый раз. По этому торжественному случаю на 63-й километр прибыл председатель постройкома Пивоваров, который тотчас же пообещал, что отныне фильмы пойдут здесь четыре раза в месяц. Ему не поверили.

Кто-то из парней, который, видимо, просто не выбрал еще времени для прочтения «Войны и мира», спрашивает: — Кто написал — Алексей Толстой или Лев Толстой?

— Как бы возле тебя не одичать, — ухмыляется Саша.

...Это правда, здесь много неполадок. Кино — редкость, библиотеки нет в помине.

В Тулуне, говорят, много хороших коллективов художественной самодеятельности. Почему бы райкому комсомола не организовать концерты для лэповцев на трассе от Тулуна до Тангуя?

Лэповцы справедливо жалуются на работу отдела рабочего снабжения и его руководителя Закаменных. В Тулуне орс организовал четыре магазина. А зачем они в Тулуне? Эти магазины должны быть на трассе. В автолавках, которые появляются у общежитий рабочих раз-два в неделю, отсутствуют товары широкого потребления. Чтобы купить белье или сапоги, надо ехать в Тулун...

«Война и мир» имела у лэповцев большой успех. Уже легли в постели, потушили свет, а все говорят о героях Толстого.

— Симпатичные люди, но одно нехорошо — тунеядцы. Это сказал парень с крайней койки, «старый», заслуженный лэповец. Он блестящий бульдозерист. Днем он выдал две нормы, завтра собирается выдать больше. Никто ему не возражает. Таков беспощадный приговор, вынесенный князьям Болконским и графам Безуховым их потомками, живущими в 1960 году.

Трасса ждет монтажников

Шофер Олег Ремидовский и прораб М. Лыско вспоминают. И невозможно не вспоминать. Уж очень знакомыми местами ведет дорога.

Лыско и Ремидовский вместе работали на ЛЭП-220. А эта линия, вот она — слева от дороги, рядом с просекой для ЛЭП-500. Олег приехал в Сибирь из Ленинграда в 1955 году. В пятьдесят шестом женился и теперь коренной лэповец.

Таких, как Ремидовский, на трассе много. Это квалифицированные строители. И у Ремидовского не было никакой специальности. ЛЭП сделала его монтажником, бетонщиком, лесорубом, шофером.

Не совсем благополучно обстоит дело с подготовкой новых кадров строителей. Те, кто пришел на ЛЭП осенью 1959 года, овладели только профессией лесорубов. Некоторые молодые лэповцы обнаруживают опасное убеждение в том, что «в тайге специальности не получишь».

Руководителям и комсомольской организации стройки следует самым серьезным образом пересмотреть вопрос о технической учебе молодежи. Тулунскому райкому комсомола, постройкому, товарищам-снабженцам следует напомнить: больше внимания строителям трассы. ЛЭП-500 — стройка не последняя. Кадры строителей надо беречь.

...Дорога снова вплотную прикоснулась к трассе, которая широкой полосой врезается в тайгу и чистым просветом в горизонте пропадает за дальним холмом.

ВЕСНА БЫВАЕТ ВСЮДУ

День сверкнул холодным солнцем и незаметно растаял. Посинели сугробы, и из тайги в село поползла тем-

нота. Наступил вечер, скучный, длинный, ничем не отличающийся от прочих зимних вечеров. Был канун нового года, но и по этому случаю тайга и даже улица села сохраняли хмурое равнодушие.

Тоня Морозова возвращается домой из соседнего села. Тоня — фельдшер, в соседнем селе она делала прививки.

Она идет уже по своей улице, но кругом тихо, как на дороге, которая осталась позади. Только сиротливо скрипят шаги. Ничего праздничного в ее настроении нет. О празднике она забыла и думает только о том, что было с ней днем.

В каждом доме ее встречали приветливо, кто-нибудь из ребятишек обметал с ее валенок снег, но когда в руках у нее появлялся шприц, она ловила на себе тревожные, недоверчивые взгляды.

В этом селе не знали фельдшера Морозову.

— Тебе сколько лет? — спрашивает ее полная молодая колхозница — хозяйка крайнего в селе дома.— Ты умеешь ли?

Глядя прямо в прищуренные глаза женщины, Тоня говорит:

— Прививку сделать необходимо.

— Понятно, необходимо, — продолжает колхозница, — да ты-то сможешь ли?

— Смогу.

— Сможешь? Ну ладно. Беда с тобой... Петька, снимай рубаху, будешь подвергаться... Ну смотри, девка!

От таких слов легко расплакаться, нагрубить, выбежать из избы, но Тоня только дольше копается в своей сумке, чтобы успокоиться.

— Вера Андреевна не это вводила. Другое лекарство было — желтое,— вдруг снова начинает мать.

— Тогда нужно было другое, а теперь — это.

— Ну-ну... Смотри, девка!..

Тоня снова копается в сумочке.

Дома ее встречает Тая Гончарова, ее подруга.

— Почему так долго?

— Подожди, Тая.

Тоня, не раздеваясь, садится на стул.

— Что с тобой?

— Они мне не верят. Не верят, понимаешь? Как работать, как жить? «Вера Андреевна не так делала, у Ве-

ры Андреевны не те лекарства, Вера Андреевна, Вера Андреевна!» Как же после нее работать?
— Перестань, Тоня. У Веры Андреевны все было точно так же, когда она сюда приехала.
— Нет, я не могу. Знаешь, Тая, я уеду. В Ярославской скоро зацветет сад. Мать давно зовет меня. Отец сердится, ему уже шестьдесят пять лет. Я уеду.
— Никуда ты не уедешь.
— Нет. Это тебе нельзя бежать — ты комсомольский секретарь. И я не сбежала бы, но я не могу...
— Ну, хватит. Сегодня праздник — будем петь, смеяться, пойдем в клуб. До Нового года осталось полтора часа. Собирайся.
— Никуда я не пойду,— тихо говорит Тоня.
За дверью слышится шум, мужчина лет тридцати в дохе и с кнутом без стука вваливается в комнату. Лицо у него испуганное и огорченное.
— Товарищи девушки, дело-то в чем... Жена это самое... Поедемте, товарищи девушки.
— Что с вашей женой?
— Больна она...
Тоня слышала, что в Пуляевщине должна родить женщина.
— Вы откуда?
— Из Пуляевщины. Скорей, товарищи девушки!
— Рожает ваша жена? — спросила Тоня.
— Рожает...
Успели вовремя. От Тониной хандры не осталось и следа. Через два часа счастливый отец, все еще бледный и возбужденный, долго и несвязно благодарил:
— Спасибо... Вот ведь вы откуда приехали, чтобы у нас здесь все честь по чести... Спасибо...
Домой вернулись в четвертом часу. Спать не хотелось. До утра девушки разговаривали. Вспоминали далекий Майкоп, медицинское училище, весенние сады. Но больше говорили о том, что только что произошло.
— Ты знаешь, что я надумала? — сказала Тоня.— Надо открыть здесь ясли...
— Ты же собиралась уезжать,— перебила ее Тая. — В Ярославской у тебя сад вот-вот зацветет, там скоро весна. Ты же говорила, что не можешь здесь...
— Когда это? — притворно удивилась Тоня и добавила: — Весна и сюда придет...

— До отхода поезда осталось пять минут...

Это сказано без сожаления, сонным, равнодушным голосом из репродуктора. А девушке в розовом плаще хочется плакать.

Еще сейчас она видит лица подруг, перебирает протянутые со всех сторон руки и говорит быстро, сбивчиво, со всеми сразу. Руки такие горячие, лица такие знакомые. А через пять минут — все будет незнакомо и неизвестно. Девушку провожают. Подруги только что пели, смеялись, но сейчас грустны и серьезны. Все они — вчерашние студенты — теперь разъезжаются на работу. Особенно грустно уезжать первой. Чтобы не заплакать, девушка быстро и сбивчиво говорит. А тут еще дождь мелкий, противный, бесконечный, как сама разлука.

И голос проводника сердитый, требовательный:

— Пассажиры, пройдите в вагон.

Никто, кажется, не слышит.

— Пройдите в вагон,— повторяет Сталина, обращаясь прямо к девушке. «Пора бы им уже целоваться»,— думает она. И на самом деле девушки целуются и всхлипывают...

У вагона крутится субъект без чемодана. Свой равнодушный взгляд он не спускает с подножки. Явный «заяц». Попади он в вагон — обязательно влезет на багажную полку или угрюмо остановится в тамбуре, готовый к высадке на любой станции.

Только что сошел дядя, недовольный тем, что нельзя курить в вагоне, открывать двери в тамбуре на ходу, недовольный, наконец, тем, что станция Нюра находится перед Тулуном, а не наоборот. Трудно угодить такому человеку. В купированный вагон, где проводником Тамара Колотыгина, ломился на предыдущей станции мужчина средних лет. Солидный, с прекрасным чемоданом. Предлагал сто рублей за место в купе. Был назван спекулянтом. Остался недоволен, потребовал бригадира поезда. Бригадир был в дальнем вагоне, и Тамара пригласила Сталину. Сталина подтвердила недовольному мнение, сложившееся о нем у Тамары. Убедили. Пассажир успокоился и про себя решил заказывать место в купе заранее.

В купированных вагонах поезда Иркутск — Красноярск, обслуживаемых бригадой Ивана Семеновича Дербенева, на каждом столике стоят цветы. Они приобретены девушками-проводниками. Но попадаются иногда пассажиры, убежденные в том, что сорить в вагоне их законное право и чуть ли не священная обязанность. Конечно, убраться в вагоне проще, чем привести в порядок совесть такого пассажира, но проводники спокойно таких уговаривают. До Зимы, где поезд мчит электровоз, в вагоне в десять раз чище, и недаром, встречаясь в Тулуне с парнями, подвешивающими контактную сеть, девушки справляются об окончании работ на участке Зима — Тайшет. Обещают к первому октября. Девушки на них надеются. Так же, как и большинство строителей-электрификаторов, проводники из бригады Дербенева пришли на железную дорогу из школы и работают здесь год-два, а некоторые пережили свою первую поездку совсем недавно.

Для Сталины Овчинкиной и Галины Софиной еще недавно гудки электровоза были далекими, чужими звуками. Девушки ходили из Смоленщины в Баклаши в школу, слушали мерные голоса железной дороги и не знали еще, что через два года голоса эти будут близкими, родными. Сталина вспоминает свою первую поездку проводником. В вагоне пригородного поезда было тесно и шумно. Сталина стояла в тамбуре робкая, неумелая, скорее похожая на скромного пассажира. Теперь...

Поезд вздрагивает и тихо идет вдоль вокзала. Девушка машет подругам маленькой желтой сумочкой. Небрежно засунутый в сумочку билет падает под ноги. Нечаянно наступивший на билет парень загоняет его в угол тамбура. Девушка проходит в вагон и тихо садится к окну. Подходит ревизор, высокий мужчина в очках с усталыми глазами.

— Ваш билет?

Билет лежит в тамбуре. Девушка лихорадочно обшаривает свою сумочку. Испуганные, виноватые глаза. Билета нет. Кто поверит ей, что он был? Что делать? Сталина обращается к ревизору.

— У ней был билет.

— Тогда где же он? Может быть, у вас? И у вас нет? Где же он?

Ревизор пожимает плечами.
— Поищите, я сейчас вернусь,— говорит он, обращаясь к Сталине.
Сталина метет в тамбуре. Билет лежит маленький, незаметный. Сталина довольна, девушка благодарна. Поезд мерно отстукивает свой веселый, легкий ритм...
— Граждане пассажиры, на вашу станцию прибывает поезд номер шестьдесят один. На этот раз поезд обслуживает примерный коллектив — бригада Дербенева. Граждане пассажиры, приготовьтесь занять ваши места!

Я С ВАМИ, ЛЮДИ

— Об этом нелегко рассказывать. Прошлое у меня такое, что о нем трудно вспоминать. В нем мало хорошего и нет ничего счастливого.
Это говорит Александр Навалихин, плотник и художник СМП-267. Он ставит перед собой пепельницу и, глядя в окно, за которым целый день идет дождь, рассказывает.
Ему было шестнадцать лет. Он шел по вечерней улице с девчонкой, провожал ее из кино. На окраине города тихо. Только в дальнем палисаднике захлебывалась переборами счастливая гармоника.
Навстречу шел человек. Шел пошатываясь, балансируя в воздухе руками. Остановился и ни с того ни с чего длинно и грязно обругал Сашину девчонку. Кровь бросилась в лицо мальчишки. Он подошел к пьянице вплотную и потребовал замолчать. Но это только распалило последнего. Тогда Саша молча ударил по ухмыляющейся красной роже. Началась драка. Девчонка убежала. Пьяница — мужик здоровый, руки у него тяжелые, безжалостные. Тонкие мальчишечьи руки быстро шарили на земле камень.
Возвращались из кино Сашины приятели. Пьяница был крепко побит. Хрипло ругаясь, он убежал в темноту улицы. Перед дракой пьяный снял пиджак и бросил под ноги.
Так Саша оказался перед судом. Его осудили на 5 лет.
С поезда, остановившегося в Минусинске, сошел молодой человек, одетый по-осеннему, небритый, без вещей. Быстро, нигде не останавливаясь, он зашагал по

улицам ночного Минусинска. Из плотного морозного тумана выплывали черные деревянные дома. Гулко скрипело под сапогами. Миновав несколько улиц, молодой человек побежал. Через пять минут он трясущейся от холода и нетерпения рукой распахнул калитку чистенького дворика с черным угрюмым домом посредине и бросился к окну.

Стучал он долго. Наконец, дверь скрипнула, кто-то вышел в сени.

— Вам кого?

— Откройте! Навалихина мне... Я сын его. Пять лет не видел.

— Навалихин здесь не живет.

— Откройте!

Дверь чуть подалась и вдруг распахнулась рывком, хлопнув внешней ручкой о стену. Луч карманного фонарика медленно обшарил всю фигуру молодого человека. Потом дверь так же внезапно захлопнулась.

— Таких не пускаем,— послышался голос из сеней,— беги на вокзал, загнешься.

Молодой человек зашагал обратно. Ногой двинул калитку.

— Постой! — послышалось сзади.— Вернись!

Он, чуть помедлив, вернулся к порогу.

— Проходи. Был в твоей шкуре, а потому... Ну, проходи, проходи.

Молодой человек вошел в дом и безвольно опустился на первую табуретку.

— Где мой отец?

— Нет здесь его. И когда мы купили дом — тоже не было.

Мужчина, который открывал дверь, был средних лет, невысокий, глаза навыкате. За столом, отставив недопитый чай, сидела худенькая женщина. Пристальным, полуиспуганным взглядом она изучала незнакомца.

— Откуда? — спокойно спросил хозяин.

— Из тюрьмы.

— Вижу. Из какой?

— Не все ли равно?

— Ладно. Куда завтра?

— Искать отца.

Отогревшись и поужинав, Навалихин сел у открытой

печки и, прищурившись, стал смотреть на тлеющие красно-синие угли.

— Кто такие?

— Я служащий, она домохозяйка,— растягивая слова, ответил хозяин.— А что?

— Говоришь, был в моей шкуре. А теперь?

— А теперь я служащий, а она домохозяйка,— загромыхал хозяин,— и вот что, парень, завтра же мотай отсюда по холодку. Лучше будет. И советую тебе с этим делом заканчивать.

Утром хозяйка дала Навалихину телогрейку, шапку, и, простившись, он снова вышел в морозный туман.

— Я знал, что некоторые «завязывают» — кончают преступную жизнь и живут по-новому, по-хорошему. Были и в тюрьме у нас об этом разговоры. Но таких я видел первый раз. Тот хозяин, видно, в прошлом был из матерых. И в то же время было ясно, что переменился он совсем, навсегда. Я много о нем думал и сам решил «завязать». Но это было тогда не убеждение. Это было только отчаяние и усталость от своей беспутной, горькой жизни.

Отца и сестру я нашел в Барнауле. Приехал с подарками. А подарки-то были ворованные. Отца убедил, что работаю честно. А через несколько дней попался с кражей.

И снова суд.

К мысли покончить с моей темной жизнью я возвращался тогда все чаще. Особенно не давал мне покоя тот новый хозяин отцовского дома. Со мной он разговаривал грубо и даже брезгливо. А ведь тоже бывший вор. Я почувствовал в его перемене решимость и убежденность. Все чаще думал о честной жизни. Все бессмысленнее мне казалось то, что я, еще молодой человек, живу за чужой счет, прячась и озираясь. И я решил жить по-новому.

Они сидели на только что поваленной лесине, отдыхали, курили. Весенний день перевалил за первую половину. Был слышен шорох скользившего на землю наста. Тракторная колея наполнилась водой.

Навалихин забавы ради затесывал желтую спину длинной ровной сосны. На конце этого ствола сидел Зяблик, щуплый заросший человек лет сорока. Зяблик ко-

лючим взглядом следил за медленно переступающим к нему вдоль ствола Навалихиным. Недавно Навалихин нарисовал пьяницу Зяблика в стенгазете, а теперь забыл об этом.

— Пусти,— спокойно попросил Навалихин.

Зяблик не шевельнулся. С ненавистью глядя прямо в глаза, Зяблик говорил:

— Садись, отдохни. Много работаешь. Лучше всех хочешь? Цветы хочешь выращивать? Ну, мы тебе покажем цветы! Мы тебя научим.

— Вам меня учить нечему. Вы сами ничего не понимаете.

— Слышали? — сказал Зяблик.— В люди лезет.

Все слышали. Здесь были сторонники и Навалихина, и Зяблика.

— Ты догадался: хочу стать человеком. Мне совестно, что я долгое время походил на тебя.

Наступает молчание.

— Что же это такое! — взвизгнул Зяблик.— Бей его!

Зяблик бросился на Навалихина, но его удержал за ворот Кренев, большой, благодушный и неизменно справедливый парень. Те немногие, кто не уважал Кренева, боялись его.

— Спокойно,— сказал Кренев,— не прыгай, Зяблик. И не лезь больше к нему.

Зяблик тихо сел на место, но как только Кренев отпустил его, снова бросился к Навалихину. На этот раз в руке у него был нож. Они покатились по земле.

Никто не успел вмешаться. Зяблик размахнулся, ударил в грудь, но Навалихин молниеносно среагировал — рука с ножом попала между ребрами и рукой Навалихина. Тут же Зяблик вскрикнул, нож выпал из едва несломанной руки. Навалихин молча поднялся и швырнул нож далеко в желтый сосняк.

— И вот я здесь, в строительно-монтажном поезде. Приехал весной. «Как меня встретят? Подаст ли кто-нибудь руку?» — думал я. Уже несколько лет я увлекаюсь рисованием. Меня рекомендовали как художника. Прихожу в отдел кадров. Встречает меня парторг Журавлев. «Художник нам нужен, но еще больше нужны нам сейчас плотники».

Пришел в бригаду. Поработал день, другой и понял, что мне верят. Понимаете, мне верят! Сейчас у меня

здесь много друзей. Настоящих, искренних. Они знают обо мне все. Я переполнен благодарностью. Мне хочется сказать знакомым и незнакомым, всем, кто живет и работает в наше чудесное время: «Я виноват перед вами, люди. Ваше доверие, ваше великодушие бесценны. Хотя бы часть их я оправдаю честным трудом».

ВЕСЕЛАЯ ТАНЬКА

В бригаде монтажников Кузьмы Хищенко она всеобщая любимица и самый веселый человек. Оттого весь день на стройплощадке слышно:

— Танька.

— Танька-а...

— Танька!

У Таньки большие зеленые, какие-то постоянно счастливые, вызывающе счастливые глаза. Такие глаза говорят о том, как нелепы старость, болезни, ложь. «Да и бывает ли все это»,— говорят Танькины глаза. Ходит Танька легко и гордо, как и должен ходить по земле человек. Как-то работавший рядом с ней штукатур, пожилой, хмурый, все о чем-то вздыхающий дядя, сказал:

— Веселая твоя, девка, звезда...

Где горит эта звезда, счастливая ли она и существует ли вообще — сама Танька этого не знала. Сама Танька сильно сомневалась в ее существовании. Но почему-то все Танькины новые знакомые были уверены, что такая звезда есть, и горит она так же весело и ярко, как живет на белом свете сама Танька...

Как все шестиклассницы, она мечтала стать артисткой. И как девяносто девять из ста шестиклассниц артисткой она не стала. Танька не кончила даже средней школы. Мать и два брата не возражали против того, чтобы она училась. Просто братья были маленькие, а мать была больна. Танька получила паспорт и сразу же стала штукатуром.

Раз, вернувшись с работы, она застала дома незнакомого парня. Он и Танькин брат Володя сидели за столом и выпивали. Прямо с работы, оба немытые. Парень все смешил брата, смеялся сам, зубы сверкали на чумазом лице. Весельчак. Танька узнала, что парень

этот — приятель брата, слесарь. Но внимания на этот раз не обратила на него никакого.

Потом он ушел служить, писал брату письма, а через год вдруг вернулся. В первый же день надел костюм, выпил и — к Поздняковым, к дружку. Перед дверьми столкнулся с Танькой. В коридорных сумерках выделялись руки, лицо и ноги в домашних туфлях.

— А... Это ты? — задумчиво сказал он, глядя на повзрослевшую Таньку.— Так...

На этот раз она посмотрела на него внимательно, но промолчала.

Он стал приходить каждый вечер, сначала будто бы к брату, потом к ней. Таньке он понравился: простой, веселый и, кажется, влюбленный в нее, в Таньку.

Апрель в Усолье — еще не весна, а только весенний воздух, а только почерневший под заборами снег и серые скользкие тротуары. Под окнами по старым усольским улицам свистят на ветру голые акации. Танька бежит домой. В лицо запахи дыма, бензинной гари и запах подтаявшей на дорогах земли. Неизвестно отчего Таньке весело. Вот еще за угол — и дома. Возбужденная быстрой ходьбой, весенним ветром, веселая, радостная, Танька шибко распахнула дверь.

За столом сидели Сухоруковы. Отец и мать. Отец высокий, седой, степенный. Мать большая, толстая, с пристальным острым взглядом. Рядом Танькина мать и брат Володя. Выпивали. На Таньку уставились все разом. Сухоруков даже повернул к порогу стул.

Танька побледнела. Сватать пришли! Еще утром приходил Владимир. Нарядный, в новой каракулевой шапке, белое кашне, блестящие новенькие полуботинки, думала, отчего такой нарядный... Шептал что-то матери. Вот прислал теперь... сватать.

Танька растерянно, широко открытыми глазами смотрела на седую голову Сухорукова. А видела только светлое пятно, да и оно расплывалось. Танькина мать улыбалась и плакала. Брат Володя заиграл на гармонике. Танька хотела бежать, ноги будто отнялись. Ее привели к столу, усадили.

— Это,— показывая на родителей Владимира, сказала Танькина мать,— теперь отец тебе, а это... теперь твоя мама...

Сказала и закрыла лицо платком...

Усолье есть новое, и есть Усолье старое. Новое из кварталов с домами-громадами, а между ними старое — деревянные домики с резными и крашеными наличниками, с черемухой и акациями под окнами, с лохматыми псами по дворам. Танька жила в новом квартале, а вышла замуж — ушла к Сухоруковым на старую улочку.

Была и свадьба. Родня сидела на свадьбе по разным сторонам стола. Поздняковы — по одну, Сухоруковы — по другую. Танька весь вечер видела хмурый, колючий взгляд матери Владимира.

А потом Танька поняла, что свекровь ее невзлюбила. Стала свекровь придираться по пустякам, выговаривать за немытые кастрюли, пошла, как водится, по соседям рассказывать, какая непутевая у нее невестка. Сам Сухоруков оказался добрый, заступался за Таньку. А Владимир молчал, словно не его это дело.

— Володя, за что она так? — спросила раз Танька Владимира. И услышала в ответ:

— Значит, так надо...

Прошла после свадьбы только неделя, а Владимира будто подменили. Стал попивать, грубый стал...

Танька вернулась с работы и сразу же засобиралась к своим. Мать увезли в больницу, ребятишки остались одни, постирать надо было, помыть.

— Куда так торопишься? — спросила свекровь.

— В больницу, к маме.

— К маме, говоришь. А ты посуду вымой да мужа дождись. Может, он тебя не пустит...

Танька не стала больше разговаривать и хлопнула дверью.

Вернулась она поздно, в одиннадцать часов. Владимир как раз умывался, на Таньку даже не обернулся. А она зачерпнула в ковш чуть-чуть воды и, смеясь, плеснула ему на спину.

— Нагулялась? — мрачно спросил он.

Улыбка замерзла на Танькином лице, она тихо села на лавку.

— Домой ходишь... Врешь! К мальчикам из своей бригады ты бегаешь.

Свекровь только этого и ждала...

И так часто.

Раньше Танька ходила в клуб, в хореографический

кружок. Запретили. Танька любила свою мать, своих братьев. Были этим недовольны.

Сухоруковы не любили художественной самодеятельности, не любили общественных поручений, комсомольской работы. Они любили себя, свой домишко, Владимир любил еще выпить.

И душным июльским вечером Танька ушла от Сухоруковых. Было чего-то стыдно, было обидно, месяц Танька не находила себе места. Но назад не вернулась. Владимир приходил к Поздняковым, выпивший, с бутылкой водки в кармане. Приходил мириться. Брат Володя выставил его за дверь.

Танька кончила учкомбинат и стала сварщицей. Пошла в хореографический кружок. Но Сухоруковы не забывались. О Владимире она часто думала и робела при мысли о встрече с ним.

Как-то у клуба встретился Таньке Владимир. Она возвращалась с занятий хореографического кружка. Владимир старался подойти вплоть.

— Вернись! Говорю тебе, вернись.

В его голосе не было ничего, кроме злобы.

И Танька, не говоря ни слова, быстро пошла дальше, мимо пьяного, чужого, не нужного ей человека.

Танька шла новым кварталом, мимо светлых окон, за которыми жили, наверное, счастливые люди. Они должны быть счастливыми, раз живут они в таких красивых новых домах. Так думала Танька...

Владимир, говорят, недавно женился. Он, говорят, взял девчонку со своей улицы.

ПРИНИМАЙ, СЕРЕБРЯНЫЙ КОНВЕИЕР!

Саяны видны здесь с любого пригорка: за щетинистыми горбами сопок — множество воздушных замков из синевы и белизны. Это на юге. А в другие стороны, куда ни глянь — лес, лес, лес...

Но чтобы понять, сколько в этом краю леса, надо забраться на одну из сопок. Тогда перед глазами, разметав косматые волны, захлестывая воображение своей безбрежностью, предстанет зеленый океан.

Лес, лес, лес... Клад, который не надо искать. Сокровище, название которому — Сибирь.

Леса надо много, лес нужен везде. Потому без отдыха,

без устали несут его таежные реки на своих гладких покорных спинах.

По всему району разбросаны лесопункты Тулунского лесного хозяйства. Здесь, у Саян, их несколько. Аршан, Ишедей, Икейский. Отсюда по рекам Икей и Ия лес идет щедрым плановым потоком к Тулуну.

Поток этот не должен прерываться. Сибирь строится. Нужен лес.

Урочище Нижний Бурбук — просто тайга. Из Икея туда ведет тридцатикилометровая дорога. Четыре раза в сутки мчит по этой дороге автобус. Работают в две смены.

...Длинный июньский день чуть только переполз за половину — едет вторая смена. Две малых комплексных бригады. Быстро потолковали с Алексеем Ивановичем, мастером, разошлись.

А ну, как сегодня? Николай Герасимов, бригадир, шагает к своему трактору. Мастак Иван! Валит — в самый раз. Хлысты смотрят прямо в сторону погрузки, по ходу. Знай цепляй! Трактор затрещал, затрясся вроде бы от нетерпения. Начали!

Нужен лес. Там, за тридцать километров, ждет его река — серебряный конвейер. Начали!

Прицепщик Николай Дмитриев опять же парень старательный. Все бегом, все бегом.

Лес добрый. Больше всего сосна и лиственница. Но почва — никуда! Слабый, вконец вязкий таежный суглинок. Подцепил четыре хлыста — под гусеницами месиво из земли, травы и веток. И вроде место не низкое. Газанул. Бесполезно. Трактор сел уже по самый радиатор.

Николай глушит мотор. Такая вдруг досадная тишина. Прыгает на землю. Вместе с бензиновой гарью запах истерзанной гусеницами черемши. Николай бежит к другому трактору, заводит его. Дмитриев входит в кабину застрявшего. Пошел! Хлысты, цепляясь за пни, волокутся к МАЗу.

Кругом не видно живого места. Все черно. Земля изрыта, вспахана, покарябана.

Нужен лес. Река не ждет. Река простаивает.

Наконец! У мачты набралась пачка хлыстов для МАЗа. Начали грузить. Мачта — столбы, блоки, трос. Погрузка крупнопакетная. Работяга-трактор волочит трос, ле-

сины отрываются от земли, подкатывает МАЗ. Трактор сдает назад. МАЗ загружен. Двадцать два кубометра леса готовы в дорогу.

Бригадир малого комплекса тракторист Николай Герасимов в мае отличился. Стрелевал и погрузил 1774 кубометра леса вместо 1248 плановых. И у других, в бригадах Белых, Галинского, Гладких, тоже было хорошо. Икейский лесопункт вместо плановых 4000 сдал 6605 кубов леса. В июне план прибавился, но дела идут неплохо.

МАЗ метров четыреста на дорогу тянет трактор. Николай махнул шоферу рукой: быстрей поворачивайся. Шофер Павел Ульяженко знает не хуже других, как ждет леса река. Но за самым участком, на бревенчатом мосту МАЗ буксует вдруг самым бессовестным образом. Отказывается переезжать задними колесами большое скользкое бревно. Выручил МАЗ, идущий навстречу. Остальная дорога сносная — сухая, песчаная. Налево и направо метров триста пни и березки — здесь лес уже взят.

Надо скорей. Шофер молчит. За спиной двадцать два куба, а дорога — вон она — заколесила.

Мелькнули за редким соснячком дома лесопункта, поворот, снова поворот, и вот уже заблестела впереди река Икей.

Торжественно по деревянному настилу МАЗ плывет к самому берегу. Встречает его бригада Михаила Максимова. Отсюда с нижнего склада Икейского лесопункта отправляют лес в большую, полезную людям жизнь. Здесь его раскряжевывают, чистят, спускают в воду. МАЗ останавливают, и трактор-толкач в минуту освобождает его от хлыстов. Чистят лес ловко, одним точным ударом топора сбивая толстые суки. Надо видеть, как это делает Александр Курочкин, парень молодой, но проработавший штабелевщиком уже пять лет.

Потом моторист Павел Дрылов режет каждую лесину на бревна, девушка-бракер пишет на них свои цифры и — счастливого пути! Нужен лес. И лес идет!

ДЕНЬ-НОЧЬ, ДЕНЬ-НОЧЬ...

День за днем, ночь за ночью, беспрерывно, до победного конца звучит на полях рокот моторов — суровый

марш урожая. Четкий и властный его ритм слышен сейчас повсюду.

За Алятами, Артухой, за Индоном — тайга и Саяны. Перед темной могучей пастью тайги здесь дерзко желтеют поля. Полосатые — скошенные, в копнах, сверкающие стерней — убранные, живые лоснящиеся — ждущие свой черед.

Черед их пришел.

Посторонитесь, березы!

У тракториста болят руки. Ночами перед коротким, незаметным, как приход осени, сном у тракториста Семена Брыжеватого болят руки. Виноваты березы. Зелеными прохладными островами, поодиночке — щербатые и белоногие — стоят они в пшенице по всему полю. Литовкой все не обкосишь. По-осеннему меланхолически свесили березы ветви. Рубить надо березы... В шесть часов утра на улице Хандагая затрещат мотоциклы и укатят за село. Протрещат они на Чертовом мосту над Индоном, провизжат на подъеме и заглохнут у Моховой пади. А потом заворчат тракторы. В поле за Чертовым мостом, в Моховой пади, на Клеверище земля щедра, да вот беда: много берез и потайные пни. Но может ли утаить поле что-нибудь от человека, который убирает на нем девятый урожай? Поле, знакомое наизусть, покорное, лижет комбайн золотыми волнами. Николай Баганов, хозяин СК-3, намерен нынче скосить двести и подобрать четыреста гектаров зерновых. Николай работает на повышенных скоростях, чему научился у бывшего здесь в прошлом году оренбургского механизатора Афанасьева.

Рядом в поле за Чертовым мостом кружат агрегаты Ивана Горохова и Бориса Петеля.

До обеда поле будет скошено, и штурвальный Роман Очередной разглядит все потайные пни на первом из срезанных им массивов.

После обеда СК-3, покачиваясь, проплыл через лощину, заставленную стогами. Перед холмом, за которым начинается Моховая падь, на минуту остановился. Высунулся Баганов, показал ребятам рукой: «Здесь?» «Здесь! Здесь!» — замахал Горохов. И комбайн пошел в гору. Когда массив был разрезан, наскочил ветер, ис-

пуганно зашумели березы, заволновалось поле, и Моховая падь оскалилась двумя-тремя потайными своими пнями. Семен завел трактор.
Внизу комбайн проходил в тридцати метрах от речки. За елями, за кочками в воде отражаются темно-зеленые тени тальника, светлые клочки неба. Хорошо сейчас освежить лицо, руки, грудь, сесть на кочку и с толком выкурить папиросу.
Каждый раз, как комбайн приближается к Индону, семнадцатилетний Роман надеется: вот Семен остановит трактор, сбегаем к воде. Но Семен не останавливается. Агрегату Бориса Петеля есть задание: срезать на этом трудном поле за пять дней сто гектаров пшеницы. А скосят они больше.
Ветер стих, присмирели деревья, чуть колышется в воде отражение тальника. Семен не останавливается. Посторонитесь, березы!

Внуки вышли за околицу

Артуцкие деды крепки, как крепки еще старые, ими же построенные дома. В начале века, переселившись из Белоруссии, они настроили вдоль таежной речки целую улицу добротных, вечных домов. Они сеяли здесь хлеб, родили детей, прогнали кулаков, снова сеяли хлеб, создали коммуну, создали колхоз, и снова они сеяли хлеб.
Дед Скакунов, участник крестьянской коммуны двадцать шестого года, убирает урожай шестьдесят второго. Дед подвозит к комбайнам горючее. Сегодня он сердит. На поле сошлись три комбайна, одному всех не обвозить — за горючим ездить десять километров, до Бабагая, тракторист запалил его лошадь, не сегодня-завтра начнется дождь, лучшего комбайнера Тущенцова «перегнали» в Шангино — неправильно и т. д. Дед суетится, дает советы, ругается.
— Почему так? Тущенцова турнули в Шангину, а здесь — одне ребятишки. Гляди, какая гвардия. Тракторист — парнишка, комбайнер — парнишка, штурвальный вот, гляди, совсем пацан.
— Разве это плохо, Трофим Потапович?
— Разве плохо? — соглашается вдруг дед.— Петька, паршивец, на прясле сидел-сидел — и на тебе: в прош-

лом годе прицепщиком, нынче уже тракториста достиг. А лагун он у меня помял. Трактором помял. Этот вот штурвальный Мазур, сколь ему? Шестнадцать есть — хорошо, а то и этого нет. Алещигов, Кеша Грачев, Ефременко. Вот они, паршивцы! И все перебывали на курсах в Заларях или в Кутулике...

Выросли, Трофим Потапович, ваши внуки. Выросли, выучились и вышли в поле.

Кружат комбайны за околицей. Солнце жжет из последних своих сил. Неподвижны хлеба, неподвижен лес, над головой твердая ровная синева. И только комбайны кружат за околицей.

Рая Снегурская на копнителе. Окончено семь классов, молодость начинается со страды. Весь день перед глазами поле и солнце. Весь день вытирает девчонка локтем пыль с лица, с непобедимых своих веснушек.

К вечеру агрегатами Ивана Сорокина и Алексея Обухова было скошено пятьдесят гектаров.

Солнце садилось. Закричал, требуя машину, комбайн. По дороге дед пропылил в Бабагай за горючим. И вечер, прохладный синий вечер, коснулся воспаленных губ страды.

Перо и грабли

В Алятах, в клубе рязанская девчонка выводит на большом листе бумаги плакатным пером: ...на подборке валков 16—17 га... сменную выработку жаткой 22—25 га». Написанное она присоединяет к нескольким другим листам с диаграммами, плакатами. Все это будет наклеено на стены сушилок, токов, ферм.

Со связкой книг, с рулоном она выходит на улицу, стоит на крыльце. Через пять минут на лошади, в ходке, к клубу подъезжает другая девчонка. Она бросает вожжи, бежит к первой. Быстро-быстро они говорят. Атаман, тишайшая каряя лошадь, стоит покорно, хвостом отгоняя с крупа зеленых мух.

Потом библиотекарь алятского клуба Светлана Лисовская и секретарь колхозной комсомольской организации Римма Клюева садятся в ходок и едут каждая по своим делам. В Высотском Римме надо провести собрание, прочитать обращение райкома партии. Светлане в Высотском надо побывать у «передвижника»,

штурвального Федотова — сменить книги, на ток привезти лозунг. Потом в Халты, в Мардай, в Большеусовск...

Едут по улице. Слева озеро, забытое, без единой лодки. На том берегу березы пышны и приземисты, как далекие рязанские липы. Выехали за село, новый горизонт развернулся большим хлебным полем.

...Далеко сияют
розовые степи,
Широко синеет
тихая река.

У дороги в пыли, в грохоте, сотрясаясь от напряжения, трактор протащил С-6. За ним струился блестящий на солнце валок. Подруги проводили комбайн долгим взглядом.

Ах, перо не грабли,
Ах, как не ручка...

Но в ходке лежат обязательства, лозунги, стенды, Горький, Гоголь, Фадеев. Библиотекарь смотрит на часы: в Высотском ждут, нельзя опоздать. И секретарь вожжой подбадривает Атамана.

Ждут их и в Халтах, и в Мардае, ждут в Большеусовске.

Гимн хорошей погоде

Над землей идут облака. Белые драгоценные над желтоголовой роженицей — землей.

— Еще десять дней этой благодати, и дело будет сделано,— глядя на них, сказал комбайнер Борис Петель.

Днем и ночью у телефонов дежурные гидрометслужб.

— Легкая облачность...

И слышат в ответ:

— Спасибо.

Здесь, в чистых тихих комнатах,— горячее дыхание страды. В Заларях молодой техник-метеоролог Светлана Воробьева отвечает комбайнерам, агрономам, председателям:

— Будет хорошая. Должна быть...

Идут над землей облака — белые паруса страды. Под ними по желтым полям идут комбайны, и солнце сторожит священный этот пейзаж.

— Еще десять дней...

Рев моторов, горючее, охрипшие бригадиры, тока, крики комбайнов, короткие сны, пни, березы, пыль, телефонные перестрелки, сводки, транспортеры, зерно, зерно...

Еще десять дней...

НА ПУТИ К ЧУНСКОМУ СОКРОВИЩУ

Этот район сказочно богат. Необыкновенно, колоссально богат. Весь он от начала и до конца состоит из несметного зеленого своего богатства.

Лес — состояние этого края.

Еще недавно все было здесь неподступно, непролазно, нетронуто. Теперь Чунский район — край контрастов и неожиданностей: новостройки проникли в самое сердце тайги. И тайга добреет к человеку.

По Чуне — серебряному конвейеру — идет лес вниз, туда, где реку пересекает железная дорога Тайшет — Лена.

На левом берегу Чуны растет поселок Лесогорск, рядом строится деревообрабатывающий комбинат. Здесь будет вход в кладовую сокровищ Чунского края. Здесь человек получит все, что ему причитается от тайги. Получит свежими, драгоценными строительными материалами. Материалами, которые так нужны для ваших будущих домов и квартир.

— Когда получит? — спросит нетерпеливый читатель.— Когда будет построен Чунский комбинат?

Ты, читатель, хочешь знать, когда будут пущены все шестнадцать рам комбината, когда вступят в строй древесноволокнистый цех, два деревообрабатывающих и все остальные цехи? Не спеши, читатель, получишь ответ. Нам не хочется тебя обманывать. Поэтому — запасемся терпением. Пройдем по строительным объектам, поговорим с рабочими, мастерами, инженерами, полистаем отчеты, наряды, объяснительные записки. Полистаем и еще много разных бумаг. И ты, читатель, увидишь все сам.

1. Математика разгильдяйства

Это не высшая математика. И мы, читатель, вполне с этим разберемся.

С 1954 года по 1961 комбинат строился СМУ Братскгэсстроя. Хочется, но нельзя назвать эти годы славными страницами строительства комбината и Лесогорска. Плохое снабжение, недостаток рабочей силы, медленные темпы, невысокая организация труда, низкое качество выполненных работ, недоделки и переделки сопровождали стройку все эти годы.

В январе 1961 года строительство комбината было передано Новочунскому СМУ треста Иркутскпромстрой.

Проходит год. Но страница, которую мы перелистываем, к сожалению, мало чем отличается от предыдущих. Стройку в этом году сопровождают плохое снабжение, недостаток рабочей силы, невысокая организация труда, низкое качество работ, переделки и томительно медленные темпы. Словом, СМУ Иркутскпромстроя досталось от СМУ Братскгэсстроя все, кроме новой вывески и нового руководства.

Тяжки грехи, которые приняло на себя Новочунское СМУ по наследству. Этим летом на промплощадке рухнул построенный Братскгэсстроем и принятый от него Иркутскпромстроем фибролитовый цех. Под его предательски хрупкими конструкциями погребено 97 000 государственных рублей. То там, то там на стройплощадках сказываются некачественные работы СМУ Братскгэсстроя.

Но мы, читатель, со вниманием посмотрим последнюю страницу стройки.

Трудно строить в тайге комбинат. Не хватает стройматериалов, оборудования, машин — подводит снабжение. Недостает рабочей силы. Эти две причины отставания строительства очень серьезны, хотя и не так объективны, в чем нас обычно стараются убедить. Два этих обстоятельства предъявляются обычно как объяснение всех срывов и неудач.

Но только ли снабжение и только ли недостаток рабочих рук причиной тому, что девятимесячный план строительства промышленных объектов ЛПД выполнен на семьдесят процентов, план по вводу в эксплуатацию строительных объектов — только на 32 процента, а план строительства жилья — на пятьдесят девять процентов? Давайте посмотрим, нельзя ли тем же количеством рабочих рук, стройматериалов и механиз-

мов, которыми располагало СМУ эти девять месяцев, строить быстрее и дешевле?

Можно, конечно. И для этого даже не надо было ничего изобретать. Просто для этого надо было немного улучшить организацию труда, повысить производственную дисциплину, ответственность за работу. Говоря откровеннее, нельзя было допускать на стройке столько разгильдяйства.

Жилстрой. 23 октября. Строительство необходимейших Лесогорску детских яслей. Над входом лозунг фантастического содержания: «Сдадим детясли к 25 октября!» Этот срок — последний из многочисленных невыполненных обещаний. Почему так тянут с яслями? Масса причин, в том числе образчики чистейшего разгильдяйства. Полы в яслях должны быть покрыты линолеумом. Строители заливают 400 кв. метров бетоном. Потом линолеума вдруг не оказывается, бетон ломают, выбрасывают, полы стелют деревянные. За то, чтобы залить и сломать бетон, рабочим выплачивается около 400 рублей, плюс стоимость цемента, плюс драгоценное время. Неужели заранее нельзя было поинтересоваться — все ли на складах есть для того, чтобы выполнить работу без переделок?

На строительстве яслей отделочные работы будут закончены лишь через месяц. Ясли будут готовы, но кто примет их без канализации и водопровода? И то и другое может быть только на будущий год, потому что в Лесогорске нет еще ни одной водонапорной башни.

На строительстве детского сада размеры сделанных уже ниш для радиаторов не соответствуют размерам самих радиаторов. Переделкой двое рабочих будут заняты примерно полтора месяца. И это потому, что рабочие чертежи принимаются и утверждаются с закрытыми глазами.

А сколько рабочих рук высвободилось бы из домашнего плена со сдачей детского сада и яслей?

На жилучастке два двухквартирных дома, готовые, целый месяц ждут сдачи только потому, что нет двенадцати килограммов белил. Можно поверить, что трудно достать водопроводные трубы, но, может быть, с белилами все-таки проще?

Пять новых жилых домов давно уже ждут тепла. Дело за Сантехмонтажом.

И это, читатель, не досадные частности. Из досадных частностей никогда не получается отрадного общего. Мы, читатель, думаем, как бы поделикатнее назвать начальника стройучастка товарища Новикова Н. К., под руководством которого на строительстве пожарного депо и сушилки был допущен брак, устранение коего стоит в общей сложности около 4000 рублей. Мы думаем, как бы не сказать чего грубого по тому поводу, что Новиков, укативши в отпуск, из отпуска не возвращается (а он не сдал работу, бросил участок) и в письмах издалека требует прислать ему трудовую книжку.

Будем деликатны, читатель, но Новиков все-таки разгильдяй.

Не так уж хорошо руководил работой начальник строительства Колычев А. Д. Это мы вынуждены признать в связи с тем, что на его участке обрушилось два воздвигнутых им пожарных водоема емкостью 150 куб. каждый. Их восстановление обойдется (видимо, государству) в 1500 рублей.

На стройке трудно найти объект, на котором продолжительное время работа шла бы без простоев. Бетонный завод, например, за два месяца простоял 126 рабочих часов. Причины разные. Происхождение многих простоев — разгильдяйство.

Шесть раз за девять месяцев останавливалась ТЭЦ, шесть раз, следовательно, останавливались все объекты, где необходима энергия. Останавливалась ТЭЦ из-за неисправности насосной станции. Устранение неисправности не требует чрезвычайного труда: надо только удлинить самотечные линии, чтобы они время от времени не «заливались». Лучше бы это сделать своевременно, летом. Неплохо, в конце концов, это сделать сейчас, пока не появился лед. Тогда, может быть, ТЭЦ не будет останавливаться зимой.

О том, почему в Новочунском СМУ не хватает рабочих, мы поговорим подробнее в следующей статье. Здесь следует лишь сказать, что их недостаток — не стихийное бедствие. Хватает стройке рабочих или не хватает — это зависит от того, как ведет стройка свое хозяйство.

А теперь, читатель, вернемся к вопросу, заданному в самом начале статьи.

Когда будет построен Чунский комбинат?
Восемь лет назад, когда комбинат начал строиться, целиком сдать его предполагалось в 1962 году. Теперь строительство его решено закончить в 1964 году. Сейчас введено в эксплуатацию пятнадцать процентов мощности ЛДК: работает четыре рамы — половина первого лесоцеха.
Если стройка будет двигаться вперед нынешними темпами, то в 1964 году комбинат построен не будет.
Когда же Чунский ЛДК будет пущен полностью?
Мы не обращались с этим вопросом к начальнику Новочунского СМУ Симоненко А. А. Но мы уверены, что сейчас Симоненко на этот вопрос как следует не ответит.
Дело в том, читатель, что сейчас нет человека, который смог бы как следует ответить на этот вопрос.
Деловой, без примеси фантастики ответ мы услышим тогда, когда на стройке по-настоящему поправятся дела.

2. Интервью с беглецами

Поезда спешат на Коршуниху. Поезда уходят на Москву. По ночам они почти встречаются на станции с романтическим именем — Сосновые Родники.
На этой самой станции, читатель, глубокими ночами ждут прихода поездов сердитые люди. Сердитые люди с чемоданами.
Они уезжают со строительства Чунского ЛДК. Со строительства, на котором не хватает половины рабочих рук. Они уезжают семьями и в одиночку. Уезжают на запад и на восток.
Что это? Мутный поток дезертирства?
Кто эти люди?
Хлюпики? Неженки? Маменькины сынки?
Терпенье, читатель, терпенье. Мы уже договорились не делать опрометчивых выводов. Потолкуем с этими людьми, поинтересуемся, что привело их на бойкую эту станцию. Вернемся в общежития, где они жили, побываем в магазинах, где они покупают сыр и папиросы. Еще раз пройдем по строительным объектам, зайдем в клуб. И в контору, читатель, в контору.
Словом, с необходимой нам обстоятельностью займем-

ся изучением причин рекордной текучести кадров в Новочунском СМУ и ЛДК.

В СМУ систематически задерживается выдача рабочим заработной платы.

Составление и утверждение «Формы 2» — документов, необходимых для выдачи зарплаты,— затягивается на неделю и более. Низкая организация труда, недоделки, простои, переделки, несвоевременная сдача выполненных работ, прочие неполадки слишком усложняют взаимоотношения заказчика (ЛДК) и подрядчика (СМУ). Утверждение документов для выдачи зарплаты становится многодневной юридической операцией. Деньги выплачиваются через семь-десять дней после положенного срока. Это обстоятельство, читатель, необходимо учесть при обвинении людей с чемоданами в дезертирстве.

На стройке велика нужда в квалифицированных рабочих. Учеба организована слабо, проработав несколько месяцев, молодые рабочие не приобретают иногда никакой специальности. В СМУ немал процент самоучек, людей, работающих не по специальностям, специалистов, не справляющихся со своими обязанностями. На бетонном заводе девушки-мотористки Мария Зыкова и Валентина Чаюк второй год мечтают о повышении квалификации. У Валентины — среднее образование, у Марии — семь классов, но они — самоучки в самом сокровенном смысле этого слова, бетон делается здесь на глазок. Лаборантка бетонного завода Лидия Подолякова, завидев как-то логарифмическую линейку, спросила: «Что же это такое?» И удивлению ее не было предела.

Потому так сердиты люди с чемоданами.

Продукты в лесогорских магазинах бывают с большими перебоями, продуктов не хватает. После получек лесогорцы совершают дерзкие набеги на магазины соседних сел, которые снабжаются другими орсами. Пешие и автобусные их походы за мукой и мясом в Чуну, в Новочунку, в Сосновые Родники стали уже знаменитыми. Лесогорцы прославились, но они предпочли бы славе собственное приличное снабжение.

В радиусе пятнадцати километров здесь функционирует почему-то три разных орса: орс Чунского леспромхоза, орс Баяндаевского леспромхоза и орс Новочунского

леспромхоза. Лесогорск снабжается орсом Баяндаевского леспромхоза, который обслуживает наибольшее количество сел. И потому, видимо, не хватает продуктов. Из Иркутска продукты поступают в тайшетскую торгово-закупочную базу урса, а там продукты распределяют и везут в Чуну в три разных места. Очень это неудобно. Если одному из орсов понадобится третья часть вагона свежей рыбы, он ее не получит до тех пор, пока два другие орса не изъявят желания получить остальные две трети вагона этой рыбы.

Есть предложение: объединить три орса в один. Тогда в Тайшете придется меньше делить и взвешивать и реже строчить накладные: вагон рыбы из Иркутска пойдет прямо в Чуну. К тому же, чем меньше снабженческих ступеней, тем больше продуктов будет приходить на место.

Таким образом, сократятся штаты и будет восстановлена справедливость: все села Чунского района будут снабжаться одинаково.

И еще: ликвидируется привычка надевать штаны через голову.

И вообще, читатель, много у них диковин.

Недавно в Лесогорске состоялась выездная сессия районного суда. Судили начальника участка Сантехмонтажа Подолянова И. П. В декабре прошлого года Подолянов оформил платежную ведомость на 23 рабочих. Пять человек в этом списке были лишними. Эти люди на участке не работали. Подолянов включил в отчетность дом № 5 на втором квартале, хотя работы были окончены и дом этот был сдан только в марте этого года. Начальник Новочунского СМУ Симоненко наряд на дом № 5 подписал.

За счет расхождения сметной и фактической стоимостей работ Подолянов присвоил себе 772 рубля. В ведомости он расписался за пять вымышленных им тружеников собственноручно. Во время разоблачения в марте этого года у него было изъято 534 рубля наличными. (Надо отдать должное бережливости Подолянова.)

Стройка была возмущена этой комбинацией. Негодовали рабочие, техники, инженеры. А начальник СМУ Симоненко не был возмущен. Он диабазом встал на защиту Подолянова.

На суде Подолянов во всем сознался, во всем покаялся. Ждали приговора сурового и назидательного.
Не дождались. Это было трогательно, даже нежно. Вора слегка пожурили и отпустили: «Иди, голубчик, и сделай ты такую милость: не грабь больше. Нехорошо грабить. Некрасиво». По решению суда Подолянов в течение года будет выплачивать из своей зарплаты начальника участка 20 процентов. И только.
Таково решение выездной сессии Чунского районного суда. Сессия, кстати сказать, состоялась почему-то в рабочее время. Как-то взглянет на ласковый этот приговор облсуд?
Людям, которые ночью садятся в поезд на станции Сосновые Родники, это тоже интересно. Они сердятся. Они сердятся за то, что вовремя не получают зарплату, за то, что в магазине нет товаров первой необходимости, что в Лесогорске нет яслей, детского сада, бани, за то, что в общежитиях пустуют красные уголки, не бывает газет, радио, а из настольных игр — одни карты. За то, что в СМУ пять месяцев не было ни одного рабочего собрания, они тоже сердятся.
Сердятся и «дезертируют» в Братск, в Железногорск, в Усолье и Шелехов.
Нет слов, среди отъезжающих попадаются и белоручки, и пьяницы, и шабашники. Но что ты скажешь, читатель, если за три месяца СМУ приняло 169 человек, а выбыло из СМУ — 327? Сколько среди выбывших белоручек? Не сто же человек!
До конца года — два месяца. Скоро в Лесогорске сдадут, наконец, несколько новых общежитий — для новых рабочих. Руководство стройки обязано в кратчайший срок организовать труд и организовать быт так, чтобы люди, которые сходят на станции Сосновые Родники, были на стройке хозяевами, а не гостями. И чтоб не было на этой станции сердитых людей с чемоданами.

КОЛУМБЫ ПРИШЛИ ПО СНЕГУ

Это так и есть. Ровесники Иркутского моря собираются в школу. Старик Пурсей — навсегда в воде, в сегодняшних статьях о Братске читаем: «На том месте, где сейчас расположен поселок Постоянный, еще

несколько лет назад здесь шумела непроходимая тайга...» Это так и есть.

Это так и будет. Участь Толстого мыса решена. Белый снег доживает здесь последнюю свою зиму, метели отплясывают здесь на своих последних праздниках, никогда уже не вернется ушедшая отсюда кабарга. Сдал свои ключи филин — бывший комендант Толстого мыса.

В начале декабря прошлого года на вершину диабазовой твердыни взошли люди. Они подняли флаг строительства третьей на Ангаре колоссальной Усть-Илимской ГЭС. Знаменосцы, колумбы Толстого мыса. Первые бригадиры первых бригад строителей провели здесь уже почти всю зиму.

Сначала семеро из Братска, потом из Воробьева, Эдучанки, Коршунихи, потом — отовсюду. Надо было срочно строить жилье для себя и для тех, кто приезжает. А приехали они почти на голое место. Было только село Невон, перезаселенное топографами, буровиками и геодезистами, был Постоянный — три домика на Тонком мысе. Трудная, баснословно временная дорога по Ангаре не позволила сразу же двинуть сюда технику и стройматериалы, колумбы превращались в робинзонов. Острый плотницкий, изначальный топор на время стал здесь главным и чуть ли не единственным орудием труда.

Бригадир плотников Павел Ступак, прибывший на Толстый мыс с десятью демобилизованными солдатами, рассказывает, как вывел свою бригаду на снег, как поделили они между собой три топора и принялись за первые палатки.

Была у них еще одна пила. Вручая ее, Ступак сказал:
— Володя, Миша и ты, Володя. Вот вам инструмент, вот — тайга. Приступим к мирному, сознательному труду...

В тот день солдаты умотались вконец. А ночевали в общежитии буровиков, где спали на полу, так, что если одному ночью надо было выйти, вставать приходилось всей бригаде.

И сейчас, когда строители ушли жить в собственный палаточный городок, нет во всей тайге дома гостеприимнее общежития буровиков на Тонком мысе. У печки — железной бочки, поставленной на ящик с пес-

ком,— днем и ночью греются мастера, шоферы, нормировщики, техники и выбредшие из тайги колумбы из колумбов — топографы.

Буровики, топографы и геодезисты объединены в комплексную исследовательскую партию (КИП-I). Они работают здесь давно и будут работать еще долго. Работы, которые выполняет КИП-I, имеют первостепенное значение. Створ будущей ГЭС определен, утвержден, и теперь партия занята подготовкой технического проекта гидростанции. Идет уточнение инженерно-геологических условий для строительства.

Недавно наледи и повышение уровня Ангары согнали буровиков со льда, где они вели колонковое бурение. Они определяли глубины съемов в будущем котловане, уточняли физико-технические характеристики диабаза. На берегах буровики изучают основания плотины, ищут песок и диабазовые карьеры.

КИП-I заканчивает изыскания под рабочие чертежи автодороги Братск — Усть-Илим, весной должна быть сдана документация по трассе ЛЭП-220 (из Братска). В створе плотины, на островах, на улицах будущего города стучат буровые установки — идет разведка. Топографы режут тайгу острыми метровыми просеками. Следы их лыж в глубоком белом снегу станут скоро дорогами и трассами. Эти люди, живущие в зимовьях и бороздящие тайгу вдвоем и в одиночку, издалека представляются суровыми и многоопытными медвежатниками. А они молодые. А среди них — девушки. Рабочие — Николай Овсюков, Иван Мельник, Федя Аскеров, Михаил Пашаев. Техники — Валентин Марко, Галина Утина. Все молоды.

На Постоянном, в общежитии у железной печки, просмоленные ветераны тайги не спеша, как мокрые свои портянки, разматывают бесконечные рассказы о бесконечной тайге.

Рассказы их слушают вчерашние солдаты, теперь — буровые рабочие.

Строители, которые будут сейчас сюда приезжать, не будут ночевать на полу. Палаточный городок растет на глазах, построена столовая, строится баня, складские помещения. В палаточном городке есть уже магазин. Участок СУДР-3 на Толстом мысе и в Невоне — это сто строителей. Есть среди них «старые волки», которые

строили палатки в Братске, есть «волки и молодые» — демобилизованные солдаты, за несколько дней сделавшиеся плотниками из шоферов, бульдозеристов, крановщиков.

«Старые волки» в Братске жили в благоустроенных квартирах, получали твердые и хорошие оклады, и вот они начинают жить с начала. Таковы Георгий Притула, Максим Ушацкий, Александр Ведерников, Анатолий Субботин, и много здесь их, «презревших грошевой уют».

В Братске в отделе кадров Усть-Илимской ГЭС женщин до некоторых пор на Толстый мыс решили не пускать «ка-те-го-ри-чес-ки».

История о том, как кладовщик орса на Толстом мысе Аня Ступак приехала к мужу из Братска, могла бы быть лирическим повествованием о любви, но история эта могла бы быть и рассказом о дерзкой для женщины мужественности. Сначала муж, бригадир-плотник Павел Ступак, в письмах наказывал жене жить в Братске, ждать, когда построят жилой поселок. Но Аня собиралась в дорогу. Павел должен был пообещать ей, что она приедет, когда он построит времянку. Но Аня уже все обдумала. Соседи засуетились. Им захотелось с первого этажа на второй, с третьего этажа — пониже. Аня просто-напросто сдала ключ и ордер в ЖКО и улетела в Нижнеилимск. Там в аэропорту дезертиры из Невона объявили ее сумасшедшей. Она приехала февральским вечером. Бригадир только что отправил в Братск письмо, в котором сообщал жене, что начал времянку. Бригадир рубил дрова у палатки. Он удивился и открыл перед женой двери палатки, где жили пятнадцать солдат. Фанерой отгородили угол, в нем и поселилась семья Ступак. Сейчас они перешли в палатку для семейных, где «квартиры» отгорожены одна от другой прессованной бумагой.

Среди строителей много парней из Воробьева, Ершова, Каранчанки, Сизова, Невона — всех ангарских и илимских деревень. На стройке местных зовут «бурундуками». «Бурундуки» — отличные плотники, в КИПе — они неутомимые топографы.

Строительных бригад на Толстом мысе пять: Павла Ступака, Михаила Дедова, Георгия Притулы, Иннокентия Перетолчина, Андрея Перевалова. В декабре на

Эдучанке на строительстве базы бригады соревновались за право попасть на Толстый мыс. Здесь собрались лучшие.

По ледяной дороге, которая просуществовала так недолго, на стройку пришли машины. Их водители — участники сложнейших ледовых походов Александр Струшинский, Владимир Агафонцев, Георгий Ахрименкс — с нетерпением ждут новой дороги.

Новой дороги ждет вся стройка. Сейчас это главное — дорога.

ДОРОГА

Алексей Тищенко, моторист с Эдучанки, получил бульдозер и был направлен на трассу в мехколонну Николая Юдина. Мехколонна, ломая тайгу уже в двадцати километрах от Эдучанки, пробивала дорогу на Толстый мыс.

В первый же день Тищенко было поручено тащить по возникающей перед ним дороге будку, в которой ночевала бригада. Это была времянка на санях с печкой из железной бочки, с мизерным окошком, заставленная кроватями в два этажа. Будка прошла по тайге от самого Братска километров двести. Тищенко посадил ее на пень и развалил в первый же день.

Трактор, будку и Тищенко мы заметили метров за триста. Но по этой невероятной дороге наш газик колотился до него еще минуты две. Издалека мы увидели, что стены будки расползлись, пол рухнул и на снег вывалились шмутки.

Тищенко увидел нас тоже и заходил вокруг будки. Ему не терпелось оправдываться.

— Обормот! — сказал Каменев, начальник участка.— Вот обормот!

Мы спрыгнули с машины Каменев, прораб строителей Шупинский и я, корреспондент.

— Что ты сделал? — спросил Каменев Тищенко.

Выпучив глаза, размахивая руками, Тищенко стал кричать в свое оправдание:

— Я один был! Я не виноват... Одному нельзя...

— Я виноват? — Каменев пошевелил скулами.

— У меня глаз на спине нету. Правильно — нет? — Тищенко спрашивал меня.

— Я виноват? — сказал Каменев.— У тебя все из рук валится, а виноват — я?..
— Одному разве положено будку таскать? Правильно — нет? — кричал Тищенко.
— Молчи! — сказал Каменев и быстро повернулся к Шупинскому.— Поезжай — привези всех. Чинить, скажи, надо — ночевать негде будет.
И мы поехали вниз, в падь, где трещали бульдозеры. Машина спотыкалась, как пьяный на лестнице, подобранный по дороге железный крюк бешено плясал и гремел в кузове. Ели преждевременной темнотой наваливались на дорогу, над ними кувыркались первые звезды. Через полкилометра мы наткнулись на бульдозер. Шупинский отрыл дверцу и крикнул подходившему бульдозеристу:
— Кому вы будку тащить доверили?
— А что?
— А то, что — иди посмотри на нее. Садись!
Бульдозерист прыгнул в кузов, мы поехали дальше. Мы собрали всех, бригадир был впереди. Он ломал сухую лесину, она тихо стонала и вдруг с треском выстелилась на снегу. Бригадир отвел бульдозер в сторону, выключил мотор, стало тихо, вывороченный пень осьминогом чернел на снегу, ошеломляюще пахло землей, закат бледными губами коснулся оцепеневших стволов, мы закурили.
— Ты кому будку доверил? — спросил Шупинский бригадира.
— Сломал?..
— Пополам,— сказал Шупинский.— Нашли кому доверить!
— Что я пасти его буду?..— И бригадир виртуозно выругался.
Возвращаясь, мы увидели костер, он бился у будки на дороге, как раненая жар-птица. Машина прыгнула, все скатились со скамейки.
— По этой дороге, — смеясь, сказал бригадир,— три года, как дятел, не проживешь. Два и — хорош.
Будку осмотрели молча; Тищенко стоял в стороне у костра.
— Это он уже вторую,— сказал Каменев.— Черт его знает, что за парень!

— Зачем же сюда послали? — спросил Николай Юдин, бригадир.
— Попросился,— ответил Каменев.— Как ночевать будете?
Я подошел к Тищенко, он ковырялся в костре осиновым сучком.
— Как не повезет, так уж одно к одному,— заговорил он.
— Ты откуда?
— Из Чернигова,— ответил он,— слыхал такой город?
Я бывал в Чернигове, и мы одновременно вспомнили каштаны на улице Шевченко и ласковую реку Десну.
К костру подошли все, Каменев, протягивая к огню руки, говорил:
— Вы сейчас против Банщикова. Дальше речка Каменная, а там Бадарма. До Толстого мыса километров полста...
— Ого! Еще пахать да пахать! — сказал Миша Филиппов, бульдозерист.
Совсем стемнело. В костер подбросили, он яростно прыгал в темноту, но, непобедимая, она была натянута над нами ,как черная палатка. Кругом колыхались промасленные красномедные телогрейки бульдозеристов. Шупинский в очках у костра выглядел странно.
— Ну, — сказал Каменев и пошел к машине, — пока.
— Про горючее не забудьте, Виктор Сергеевич! — крикнул Юдин.
— Не забуду. А с этим,— Каменев махнул рукой в сторону Тищенко,— как договорились.
Каменев и Шупинский уехали, кто-то завел бульдозер, забрался в снег и покатил на будку огромный сугроб. Брешь в стене, щели были таким образом закрыты; Толя Рыжбов, вальщик, напилил сухих дров.
Вошли в будку и затопили печку. На печку поставили ведро со снегом, стали чистить картошку.
Тищенко сидел на пороге, не раздеваясь. Он сидел неподвижно, глядя прямо перед собой. Он курил и молчал. Снег в ведре растаял, по очереди умывались у ржавого рукомойника, бригадир чистил кастрюлю.
— Нет, ребята,— вдруг сказал Тищенко,— я вам сани приволоку.
Рыжбов, вальщик, рассмеялся и рассказал, как Тищенко утром, толкая лесину, неожиданно выпрыгнул из

трактора и побежал в сторону. Бульдозеристы хохотали.
— Я посмотреть выскочил...— сказал Тищенко.
— Посмотреть, по какой дороге бежать? — не унимался Рыжбов.— Он прыгал, как заяц...
— Я поскользнулся...
— Э, да ты не кованый.
— Правильно, Тищенко, трактор железный, его разогнуть можно, а ты, брат, с непривычки не выдержишь...
Парни развеселились. Тищенко смеялся вместе с ними. но через силу. Поспела картошка, открыли консервы, пристроились вокруг столика, от порога подвинули бочку с капустой. Печка порозовела, Леня Юревич сбросил рубаху, любовно потрогал свои мускулы, пошел крутить ветхий приемник.
— Ребята, я вам утром кушать сготовлю,— сказал Тищенко.
Миша Филиппов, в тельняшке, ловкий, опрятный, закурил и, вытянув ноги вдоль скамейки к печке, заговорил, улыбаясь и глядя в пустоту:
— Прихожу на вокзал в городе Великие Луки, подхожу к кассе .спрашиваю билет до Усть-Илима. «Куда?»— «До Усть-Илима». Шарилась она, ребята, в своих справочниках минут десять. «Нет,— говорит,— такой станции. Братск,— говорит,— есть, Усть-Илима нет».— «Ну, ничего,— говорю,— девушка, как-нибудь доберусь». Три года прошло, и вот, вроде бы недалеко осталось...
Они стали стелить постели, а Тищенко пошел за дровами.
— Как теперь Тищенко? — спросил я Юдина.
— Парень он, может, хороший,— ответил он,— но здесь этого маловато...
И они стали ложиться. Тищенко вошел с дровами.
— Ложись,— сказал бригадир, веселый, стремительный волжанин.
— Нет,— сказал Тищенко,— я не лягу. Я буду топить всю ночь. Я сломал будку — буду топить... Я этот пень объехать хотел...
— Ну тебя к черту! — серьезно сказал Гоша Погодаев, «бурундук».— Уже ты надоел.
Задули коптилку и уснули колумбы тайги, побывавшие на Чукотке, в Тикси, на Лене, в Якутии — нет

в Сибири места, где они не бывали, а вы будете там уже после них.

Утром у Тищенко с бульдозера сняли нож и отправили его из тайги.

Я уехал с машиной, доставившей в мехколонну горючее. День оказался солнечным, дорогой вроде трясло меньше, чем вчера, мелькали за окном сосны — гитарные струны. Один раз мы остановились, чтобы убрать с дороги кедр, по которому переехал трактор.

ПРОЛОГ

Невидимым стал пар над наледями. Тонкий мыс, палатки, свежие срубы тонут, тонут в мутных весенних сумерках.

С буровым рабочим Толей Сизых я стою над Ангарой, у столовой в Постоянном. Столовая — кухня на два стола, за одним из которых мы только что съели по куску жареной колбасы и выпили по кружке чаю. Постоянный — столовая, домишко на две семьи, пилорама и общежитие буровиков, развеселое общежитие с раскладушками от самого порога. В окнах его мягкий, как воспоминание о детстве, свет керосинки. Громко ахнула дверь, в сумерках к нам подошел топограф Федя Аскеров. После работы Федя успел скатать в Невон, в магазин. Он подошел к нам, капризный и мечтательный.

— Я шатун,— сказал Федя,— я пашу с утра до вечера... по тайге в снегу вот по это место. Я шатун.

— Пройди,— сказал Толя,— пройди.

— Ты «бурундук»,— сказал Федя,— ты ничего не понимаешь. Я хочу чаю.

Федя вошел в столовую, мы молчали, сосны обступили нас, немые, затаившиеся. Ночь прятала их в свой черный мешок. Мы вслушивались в сиротливую трескотню пээски в палаточном городке, за Тонким мысом. В могучей, непуганой ночи, в холодном сердце тайги мы слушали это робкое и дерзкое соло как обещание, как вступление, за которым, как огромный оркестр, грянет небывалая стройка.

Внизу белеет река. Укрощенная в Братске, но здесь свободная и разнузданная, как зверь, вырвавшийся из клетки и забывший о ней.

Ночью, весной шестьдесят третьего года, с Толей Сизых я стою над Ангарой у Толстого мыса. Мы думаем о будущем, мы думаем о прошлом.

...Здесь были колумбы, бандиты, богомольцы, авантюристы, мыслители и революционеры.

И вот сюда пришли строители.

Уже был создан план ГОЭЛРО, а купец Яков Андреевич Черных был еще жив. Жив и богат, хотя скрывал и то и другое. Последние годы бывший хозяин илимской тайги жил трусливо, но с надеждами. Он ждал своего часа, своего обновления, потому что был невежда и оптимист. В Иркутске, куда бежал в девятнадцатом году и где прятался в домишке на берегу Ангары в конце Амурской улицы, он набил тайники белой мукой, сахаром и прочим, что запас на черный свой день. Муки было семьдесят кулей. Купец не рассчитал. Он умер от разрыва сердца, не съевши и десятой доли запасов.

История илимского края — это история о том, как купец Черных обворовывал тайгу. А обворовывал он умело. Он был самоучка, самородок, все взял сам.

Яков Андреевич был небогатый мужичок из Игнатьева, но был он нагл и крепок. И в одну прекрасную ночь внизу на Ангаре, в Кежме, сгорела лавка купца, а товары из лавки исчезли. Через некоторое время в Нижнеилимске объявился новый купец Яков Андреевич Черных. До и после этого Яков Андреевич для отвода глаз таскался по селу с ящичком, прикидывался крохобором, коробейником. Но недолго. Развернулся он быстро. В обороте у него было шестьдесят четыре миллиона рублей. Конторы он имел в Братске, в Киренске, в Тулуне, в Иркутске, сплавом торговал по Витиму и Ангаре, возил белку на Иртыш, на Ирбитскую ярмарку. Записался купцом второй гильдии, хотя был купцом самой что ни на есть первой.

Старухи в Нижнеилимске помнят его отлично. С виду это был обыкновенный, классический купец: русая борода с проседью, черная поддевка, широкое лицо, бесстыжие глаза. Яков Андреевич всю жизнь был снедаем безграмотностью, страхами, суеверием. Как-то ему сказали, что он останется жив до тех пор, пока будет строить дом. Свой дом в Нижнеилимске он перестраивал бесконечно, всю жизнь. Конечно же, Яков Андреевич

был тщеславен, и знаменитая на всю тайгу скупость не помешала ему, когда пообещали медаль, дать на строительство школы десять тысяч рублей...

В свои конторы, на заводы Черных норовил брать людей грамотных, не брезговал и политическими ссыльными.

Один из них, Максим Дмитриевич Дудченко, принятый на лосиновый завод, возглавил там революционную борьбу. В то время Яков Андреевич плохо спал и лихорадочно перестраивал свой дом. Но происшедшей в стране революции купец должного значения не придал.

На Ангаре появились колчаковцы. Разрозненные и потрепанные, их отряды метались из села в село. Они нервничали и расстреливали напропалую. Дудченко скрылся в тайге. В России участь контрреволюции уже была решена, а на Ангаре все еще бесчинствовал Яков Андреевич, и прапорщик Рубцов порол в Невоне Антипиных и Анучиных.

В Нижнеилимске Рубцов, поручик Вейс и бандит Абрам Перец выслеживали большевиков. Им повезло. Дудченко вышел из тайги. Он пришел ночью за хлебом, за одеждой, он хотел вымыться в бане. Выдали его купцы, приятели Якова Андреевича, — Володин и Сизых. Каратели расстреляли Дудченко восемнадцатого мая в 1919-м.

Лиственницы, сорок лет назад посаженные в память о борце и герое, выросли, и, если в классах нижнеилимской школы открыть окна, слышно, как шумят они на ветру — зеленые знамена жизни и неистребимой весны. Яков Андреевич после прихода партизан бежал, прихватив с собой, как в сказке, шкатулку с золотом.

Бежал навсегда из обворованной тайги.

* *

В общежитии буровиков укладывались спать демобилизованные солдаты. Среди коек шарашился топограф Федя, трезвеющий и мрачный. Он называл себя шатуном, говорил о бесконечном, слепящем глаза белом снеге. Он говорил, что нигде на всей земле нет такого белого снега. Потом он уснул.

Белый снег! Мы взорвем твою тишину грохотом на-

ших заводов, ревом наших турбин, мы исполосуем твою бесконечность сотнями дорог. Покорный, неприметный, ты будешь скрипеть под нашими сапогами.

ПЛЮС-МИНУС РЕКОНСТРУКЦИЯ

Критическая статья о Хайтинском фарфоровом? С какой стати? Разве завод не выполняет план? Разве завод не реконструируется? Разве мало у завода проблем, забот, трудностей? Разве нужны еще критические статьи?

Завод план выполняет. Перевыполняет. Обязуется увеличить количество изделий. Реконструируется. Забот много. Трудностей много.

Критическая статья нужна.

Ученицу ФЗО Аню Казакову поставили на выборку изделий из сушил «Дорст». Аня поработала здесь полмесяца и стала проситься на другое место. Она просилась несколько раз, но ее не заменяли. А перевели ее только тогда, когда однажды она упала на рабочем месте.

Дело в том, что температура воздуха на рабочем месте у сушил «Дорст» более 40 градусов жары.

У сушил «Дорст» в формовочном цехе работает тринадцать человек в смену, у больших сушил, где температура превышает 25 градусов, в смену работает 100 человек. Поточная линия позволяет выборщицам отлучиться со своего рабочего места лишь через два часа и лишь на десять минут.

Вот почему Аня Казакова просилась на другое место. Реконструированный формовочный цех работает уже больше полугода. Больше полугода он работает без вентиляции. Чем бы ни оправдывалось заводское руководство — планом ли, реконструкцией ли,— ему уже не доказать своей невиновности: около 600 смен у сушил с недопустимой температурой провели рабочие завода.

Корреспондент был изумлен холодным благодушием заводских руководителей. Ни мастера, ни завпроизводством завода не знали, какова температура воздуха

у сушил «Дорст». Забора воздуха на исследование в 1963 году здесь не производилось. Когда корреспондент поинтересовался количеством градусов у сушил у начальника формовочного цеха Загудаева, он услышал в ответ: «Не знаю. Не мерил».

Нельзя не заметить, что сказано это было с достоинством человека, исполняющего свой долг. Ему, видите ли, это совсем неинтересно. «Не мерил, и все тут. И не обязан мерить».

Две недели назад в цехе к сушилам «Дорст» подведена временная, приточная, аварийная вентиляция. Воздух по этому приспособлению подается непосредственно с улицы. Если на улице пасмурно — хорошо, если жаркий день (бывает ведь и плюс 30) — воздух к сушилам идет жаркий. Но и это — долгожданное облегчение.

Смонтированные в ноябре прошлого года сушила «Дорст» дали возможность намного увеличить количество выпускаемых изделий. Открылась перспектива выполнять и перевыполнять. Но вентиляцию завод обязан был пустить одновременно с сушилами. Производительность труда не должна быть обратно пропорциональной условиям труда.

На Хайтинском заводе грубо нарушены допустимые нормы запыленности и загазованности рабочих участков. Вот некоторые цифры из документов последнего медицинского обследования цехов, которое состоялось на заводе в декабре 1962 года. У конаковских бегунов, например, запыленность равна 1095 миллиграммам на литр, в термическом цехе на обдувке изделий — около 50 мг на кубический метр и т. д. Предписанием декабрьской медицинской комиссии администрации завода предложено было закрыть конаковские бегуны или герметизировать их работу. Прошло больше полугода, конаковские бегуны спокойно функционируют, пыль осталась во всей неприкосновенности.

В топельном корпусе, где рабочие катают вагонетки, средняя концентрация газа значительно превышает предельно допустимую. Воздушная среда на участке, где работают пульфонщицы, зимой содержала концентрацию свинца, в среднем в 150 раз превышающую допустимую. Приняты меры, которые уменьшили содержание свинца лишь частично.

Заводская поточная линия, частичная автоматизация трудовых процессов вызывают большое напряжение рабочих на участках, где царит ручной труд.

Дробильное отделение производит впечатление музея, открытого к столетию завода. В первозданной пыли рабочие орудуют здесь старорежимной лопатой. Промывка сырья ведется самым примитивным способом. Правда, основатели завода поливали камень из ведра, а хайтинцы уже возвысились до шланга.

Реконструируетесь? Делайте это лучше. Приобретите прежде, например, промывочную машину — она дешевле гидравлического пресса, который вы уже приобрели и который дорогим безработным простаивает у вас несколько месяцев.

В термическом цехе, на глазуровке две девушки целый день макают изделия в чан с раствором из цинка, извести, каолина, кварца и шпата. Никто не поверит, что этот процесс не поддается механизации. Никто не поверит, что нельзя заменить ржавый растрепанный трос или выдать наборщицам из бригады Негодяевой рукавицы, чтобы они не вредили себе рук.

Производство фарфора — сложное дело. Но не настолько, чтобы труд на некоторых участках завода мог быть тяжелым самопожертвованием.

*

Завод не останавливается. Завод работает 365 дней в году. Три смены в воскресенье, в праздники. Такова специфика производства. И здесь необходимы четкое расписание рабочих смен, соблюдение нужных интервалов между трудом одного рабочего, своевременные выходные дни. Почему, например, бывает так, что бригада В. Негодяевой (термический цех), отработав смену с 8 часов до 14, снова выходит в цех в 12 ночи тех же суток? Почему у многих рабочих в течение одного-двух месяцев накапливается два-три неиспользованных выходных дня?

Начальник формовочного цеха, завпроизводством убеждали вашего корреспондента в том, что рабочие не использовали свои выходные, потому что они не хотели их использовать. Рабочие в беседе с корреспондентом этого не подтверждают. К примеру, у литейщиков за три недели мая был только один выход-

ной. А никто из них не прочь был отдохнуть как полагается.

Но не будем забивать статью подобными фактами, пусть они останутся в записной книжке воспоминанием о том, что на Хайтинском фарфоровом заводе когда-то были неполадки такого рода.

Факты неминуемо ведут к выводам, но мы позволим себе заменить вывод маленьким психологическим отступлением.

В беседе с рабочими (в разных цехах) ваш корреспондент заметил какую-то натянутость и уклончивость в ответах на его вопросы. Это перестало быть загадкой после таких примерно разговоров: «Вам скажи, а вы — Эпельману (директору)». «Вы уедете, а мы останемся...» «Другого завода в Хайте нет — вот в чем дело...

Они боятся начальства? Побаиваются. В Хайте, действительно, нет другого завода.

Учащаяся ФЗО Люся Цымбал просилась у начальника формовочного цеха Загудаева перед праздником в Зиму, домой, где у нее две маленьких сестренки, горько пьющий отец и мать на работе. Люсе прислали письмо, в котором просили приехать и помочь по дому. Прислали телеграмму, в которой сообщали, что в Зиме болеет сестренка. Начальник цеха прочел и не отпустил. Телеграмма не была заверена. За апрель у Люси накопилось два неиспользованных выходных дня. Девушку полагалось отпустить. Начальник был неумолим. Тогда Люсе прислали отчаянную телеграмму: «Умерла». Сестренка, правда, не умерла, и, конечно, не следует посылать таких телеграмм. Но Люсе надо было уехать.

Начальник цеха мог быть и сговорчивей. Не слишком ли тверда хватка его ежовых рукавиц?

Есть, нежно выражаясь, невнимание к нуждам рабочих. Есть, говоря откровеннее, равнодушие, есть пренебрежение. Доказательства — прежде всего условия труда на заводе, то есть то, о чем написана статья.

В беседе с секретарем заводской комсомольской организации Н. Быстровой подтвердились самые худшие предположения вашего корреспондента. Заводской

комсомол не занимается острейшими проблемами производства. Рейдовые бригады, организованные недавно, «Комсомольский прожектор», в лучшем случае, следят за дисциплиной, за качеством изделий, за общежитием, и только.

Почему начальник цеха ни разу не полюбопытствовал, какова температура у сушил «Дорст», объяснить еще можно. Но почему этим не интересуется «Комсомольский прожектор» — понять трудней.

Но понять можно. «Прожектор» живет в завидном, идиллическом согласии с администрацией. Что не всегда правильно. Что совсем неправильно, когда администрация в своем стремлении выполнить и перевыполнить забывает о тех людях, чьими руками это делается.

ГОЛУБЫЕ ТЕНИ ОБЛА́КОВ

История одной поездки

Мы сидим на лайнице осклизлой и темной от давности доски, с которой здешние бабы полощут белье. Нагретая июнем илимская вода проносит мимо нас запахи горящего где-то смолья, ноздреватого хлеба, который, видимо, пекут в деревне Игнатьевской.

Река делает петлю вокруг того места, где давно еще утвердился Нижнеилимск. Янтарные волны, не торопясь, намыли в узком месте петли очень лиричные плесы, и мы видим, как на песке балуются пацанята.

Солнце вдруг специально для нас выхватывает из леса далекую опушку, одинокую и зеленую, на самом краю обрыва. На ней бы хорошо было выспаться, сморившись от тяжелой работы, или прийти туда суматошной компанией в субботу.

Мы хорошо понимаем, что еще не однажды вспомним эту речку, опушку, теплый холодок Илима на ступнях ног. И даже будем тосковать об этом дне, потому что он никогда не повторится и в нем поселятся воспоминания.

И мы начинаем тревожиться не ясно и радостно. Пристаем к ветхому деду в солдатской гимнастерке, рыбачившему по соседству.

— Дед, а дед, у тебя какая фамилия?
Дед подозрительно щурится и молчит.
— Да ты не бойся, дед. Мы хотим запомнить тебя.
— А, к лешему меня запоминать, ребятки. Стар я, да со старика что возьмешь...
И он еще что-то бормочет про себя или про нас. И когда мы уже совсем было пошли, дед говорит:
— Ох, и рыбнадзор нынче строгущий стал. Того и гляди...
Он печально смотрит на нас львиными, пустыми глазами, соображает:
— Дак, немудрено. Два мотора «Москва» на лодке-то...
— У кого?
— Да, у рыбнадзора.
Дед снова что-то бормочет и отворачивается, чтобы с удовольствием посокрушаться в одиночку о строгости рыбнадзора.
А мы идем к Николаю Ивановичу Хомякову, этому самому рыбнадзору, и предвкушаем услышать от него всякие истории о браконьерах, в которых обязательно есть и туманы в рассветном тальнике, и глухая резвость играющей рыбы, и колоритные, здоровенные дяди, со звериной хитростью и жестокостью пытающиеся обмануть и два всесильных мотора «Москва», и Николая Ивановича, неутомимого защитника водной живности от верховий Илима до низовий Ангары.
Но Хомякова мы не застали, потому что возле Невона браконьеры глушили рыбу, и Николай Иванович улетел на место преступления. Потом мы многих спрашивали о Хомякове: и в Кеуле, и в Тушаме. и в Невоне. Нелестность отзывов всегда убеждала, что у рыбы, кочующей по Илиму и Ангаре, есть справедливый, не знающий усталости друг...
Смущенные яркой грустью июньского дня и его кратковременностью и чтобы не остаться в долгу перед будущими воспоминаниями, мы ходим и спрашиваем. Говорили с Колесниковым. директором здешнего зверкоопромхоза. Завтра уходит обоз на Катангу, по вьючной тропке к Илимской конторе пойдут на долгие месяцы в тайгу Ваня Русанов, Вася Непомнящих и Федя Брылев. На заимках поягодничают до морозов, а там уж и за настоящее дело. Агафья еще с ребята-

ми пойдет, жена Степана Прокопьева, ждущая его там, в конторе. Земляничные поляны, горелые пни, брусничник около тихого ключа, глянцевитый жар от лошадей. сладкий сон на ночевках-станках, роса на смазанных дегтем сапогах, веселые кольца собачьих хвостов и охотничье одиночество, наполненное светлыми мыслями о красоте земли,— все эти воображения радостью обожгли сознание. А тут еше Николай Шалаев, конюх в красной ковбойке, с корнями вен на больших руках, рассказывает:

— Я-то бывший черемховский. Всамделишнюю тайгу не знал в свое время. И в первый же раз, как повел обоз, попал в историю. Возвращаюсь, значит, с конторы. Сам на Пирате впереди, остальные лошадки сзади постукивают. А был со мной еше щенок — кобелечек. Дурачок, совсем еще дурачок. И вот, значит, к речушке к одной спускаюсь, а Пират мой как вкопанный останавливается. И кобелечек все к лошадям жмется. Я давай Пирата настегивать, а он зубы на меня скалит. Вот незадача. А потом присмотрелся — мать честная. На бережку, как четыре копны, четыре медведя сидят и меня разглядывают. Я съежился, ружьишко тогда плохонькое было, да и медведей, кроме как на картинках, не видел. Думаю, что сейчас седеть начну. А кобелечек мой нахальства набрался да давай на этих носорогов лаять. Еше побежал к ним, да они так на него цыкнули, что он без памяти обратно ко мне. Медведи немного посидели и подались потихоньку восвояси. А я галопом верст семь нажимал. Как только лошадок не повредил — все удивляюсь...

Спасибо, конюх Николай Шалаев, спасибо, директор Колесников, за еще одну пахучую, солнечную дольку прекрасного, из которых слагаются дни и из которых мы составляем наши лучшие воспоминания.

...Потом мы плыли по Илиму. Из-за швартовой планки катера нас все время обкатывали холодные ветреные брызги.

Моторист, капитан и электросварщик Петя Куклин что-то громко кричит нам, но дизель раздражающе громок, и поэтому ничего не слышно. Беззвучно смеется Юра Слободчиков, кладовщик из Речтранса. Он плывет с нами, чтобы встретить теплоход «Лермон-

тов» и поискать там безбилетников. Правда, на трассе Нижнеилимск — Илим их не попадается, но форма! У Юры доброе, как солнце, лицо, он могуч и проживет, наверное, сто лет. Мы все хотели спросить его, чего это он завяз на складе при таких-то плечах и щеках! Но опять мешал дизель.

А на угоре, в соснах, странная деревушка. Молчаливая и грустная, как одинокая женщина. Петя говорит, сбросив обороты, что из деревушки люди перебрались поближе к крупным селам, поближе к колхозам.

Мы молча поднимаемся на угор, идем по заросшим подорожником улицам, заглядываем в пустые глазницы окон. Немного неуютно. Резко пахнут цветы низкого незнакомого кустарника.

И все-таки даже в печальной заброшенной деревушке можно рассмеяться. Нам днем еще рассказывали о Кирьяне Павловиче Воробьеве. Он, последний житель Симахино, прослышал, что односельчане переехали в большой город. Дед Кирьян надел новую рубаху, смазал не жалеючи сапоги и решил поискать бывших соседей в Москве. И прямо у вокзала ошеломил прохожего вопросом:

— А где тут наши симахинские живут?

Вообще-то дед Кирьян — фантазер. В войну он был сапером, но перед сельчанами ему нравилось быть летчиком. Он говорил так:

— Лечу это я над своей деревней, вижу: баба моя белье полощет. Хотел приземлиться поговорить про жизнь, но правительство не разрешило садиться. Так и пролетел дальше.

Эх, дед Кирьян! Послушать бы твои россказни в такой вечер, похохотать, прослезиться от махорочного дыма, а потом потихоньку бы пойти босиком по теплой пыли деревенских дорог...

На другую сторону нас перевозили Вовка и Гришка, два припоздавших рыбака с посиневшими коленками. И лодка с плоскими бортами напоминала пирогу, и дальняя луна была у самого ее носа, и от стареньких рубашек Вовки и Гришки пахло парным молоком, рыбой, сном.

— До свидания, Вовка и Гришка!

До свидания, белый июньский день!

В Кеуль — две дороги. Одна гладка, холодна, мощенная золотом и серебром, эпически широкая дорога сквозь тайгу. Темные, тяжелые сопки громоздятся по обеим ее сторонам, мелькают веселые острова с березами, раскидистыми, как дубы, осинками, стройными, как танцовщицы. Дорога эта — Ангара.

Другая — прямая, необъятная и непроходимая, когда ветер и дождь. Маленькие здешние самолеты летают только в отличную погоду.

Третьей дороги в Кеуль нет.

Наш «антон» приземлился прямо за огородами, по лужайке подрулил к новому домику, взревел, замер — и мы прыгнули на траву. Нам быстро объяснили, что домик, обшитый свежим тесом,— аэропорт, а улочка, тайгой прижатая к реке Кеуль,— старое кержацкое село.

Что ж, здравствуй, Кеуль! Будем знакомы! Ты хорош уже тем, что мы с тобой никогда не виделись.

Здравствуй, Кеуль! Нет, положительно ты хорош. Крепки серые вековые твои дворы, румяны новые твои срубы, затейливы резные наличники на твоих окнах, что уставились на мир с наивным, святым удивлением.

На улице возилась ребятня, и ласковые, томные от жары собаки рассиживали у ворот на шикарных своих хвостах.

Мы кое-как выяснили, что все взрослое население на том берегу Ангары огораживает загон для колхозного стада. Дома почему-то оказались здоровенный колхозник Гаврила Анкудинов и его сын Володя, охотник. Нам где-то надо было устроиться. Анкудиновы посоветовали пойти к бабке Наталье, тоже Анкудиновой, но в родне с Гаврилой и его сыном не состоящей.

К бабке повел нас Володя, красивый парень, разговорчивый, ловкий, с победительной бесконечной усмешкой на губах.

— Возьми постояльцев,— сказал бабке Володя,— серьезные люди.

Бабка, скособенясь, снизу вверх взглянула на нас быстро-быстро. Бабка сказала:

— Кто их знает... Серьезные или какие. Никто не знает. Не беру я постояльцев. Брала, а больше не беру.

Володя снисходительно (к бабке, к нам, к целому миру) стал объяснять ей, что мы не жулики. Она минуту не соглашалась, потом отвернулась от нас, пошла на кухню и на ходу выронила:

— Оставайтесь. Куда пойдете? Все на городьбе.

Володя усмехнулся и ушел, мы стали приставать к бабке с расспросами, она отвечала охотно и обстоятельно. Ей восемьдесят три года, у нее три дочери, они вместе с детьми живут по разным местам — в Тушаме, в Ангарске, одна живет здесь, в Кеуле, но другим домом и заходит редко. Бабка живет одна и хозяйничает одна. Всю жизнь прожила в этом доме, всю жизнь занималась скотом, огородом и рыбалкой. Сети ставит с детства и по сей день ставит. У нее своя лодка и полный амбар снастей.

— Как же ты одна со всем управляешься? Не трудно тебе?

— Так и маюсь,— просто, не жалуясь, ответила она. — Живу и маюсь,— сказала она с удовольствием.

Немного погодя выяснилось, что у бабки Натальи уже живет постоялец — рабочий из геологической партии. которая вся квартирует в Кеуле и тут же, по берегам, ищет уголь и бокситы.

Оказалось, что Вася Сизых, бабкин постоялец, в этот день уволился и уезжает в Кежму — туда, откуда приехал месяц назад. За свои двадцать пять лет он объездил чуть ли не весь Красноярский край, бывал и в других местах, по леспромхозам, у геологов, у плотников — нигде ему не нравилось, нигде не сиделось.

Он вошел в избу, высокий, с огромным кудрявым чубом, в темно-синем плаще до пят, поздоровался и тут же спросил, не уезжаем ли мы в Кежму: он искал попутную лодку. Мы ответили, что только что приехали, и он мгновенно потерял к нам всякий интерес. Он сел за стол у окна, положил на руки небритый, сверкающий, как мокрая трава, рыжий подбородок и, выпучив глаза, закручинился тупо и беспробудно.

— Уезжаешь?

Он не ответил.

— Что тебе здесь не понравилось?

— Погнался, дурак, за длинным рублем,— заговорил Вася покаянно.

— Ну, а здесь какой рубль оказался?

— Ну его к черту, Кеуль этот! — закричал вдруг Вася с воодушевлением.
— Куда же ты сейчас?
— В Кежму! — сказал он полувосторженно.
— Тебе и в Кежме будет худо,— сказала ему строго бабка Наталья,— в Кеуль захочется.
Вася взглянул на нее испуганно.
— Ну! Придумала, ворона! — сказал он, но моментом успокоился и уже мечтательно произнес: — В Кежме лучше.
К вечеру мы узнали о Кеуле уже многое.
На тот берег упало малиновое покрывало заката, вода в реке потемнела, далеко моторки запели, как туча комаров,— пришел вечер, раздумчивый и спокойный, как старость бабки Натальи. Моторками через полчаса был усеян весь берег. Лодки здесь в каждом доме. В лодках здесь ездят больше, чем ходят пешком. Скромные колхозные угодья: немного пашни, покосы, загоны для скота — все это находится по берегам и на островах. Сегодня колхозники огораживали узкую полоску вдоль того берега. Туда за четыре километра привезут коров, и они будут жить там, пока не съедят всю траву. На дойку будут ездить из села, через реку. Пастбище огораживают, чтобы коровы не разбрелись,— медведь ходит здесь всюду.
В зените лета ночи здесь незаметные, вовсе не темнеет. Почему-то не спалось, да еще рядом с бабкиной избой, у магазина, девки собрались в очередь за дешевыми туфлями. «В жизни раз бывает восемнадцать лет»,— выли девки. На сундуке храпел Вася, кудрявый дезертир. Попутной лодки он так и не нашел.
Утром нас разбудил бригадир криком в соседское окно:
— За реку! На городьбу!
Утро вдруг оказалось пасмурным, нудил едва заметный дождь. Бабка зажарила нам тайменя, выдала кринку молока и подалась по хозяйству.
По меже, по бабкиному огороду мы спустились к серой скучной реке, там была уже вся деревня. На берегу мы познакомились с Георгием Сусловым, начальником геологической партии. Георгий молод, но суров и серьезен не в меру и, видно, мужик толковый. Он взял нас в свою лодку, и мы поехали за Ангару, к рабочим-

геологам, что бьют на том берегу шурфы.
Парни живут в палатке у самой воды, их трое — Илья Антонов, Толя Матюшков, Юра Миронов. В деревне часто бывать не приходится, они свыклись с пещерной своей жизнью, на вещи смотрят с трезвым оптимизмом, шутят непрерывно, напропалую. Это им необходимо в первобытной их жизни.
Мы навалились на них со своими извечными вопросами, пошли смотреть шурфы, потом курили у костра. День разгуливался, с запада поперли белоснежные, непорочные облака. В лесу какая-то птаха твердила одно и то же — что-то бесхитростно меланхолическое.
— Когда она спит? — сказал Толя.— Вот всю ночь так и весь день, без обеденного перерыва. На прогрессивку.
И тут, раздвинув тяжелую портьеру тальника, к костру вышла Валя. Валя Карнаухова, коллектор. Она возвращалась от дальних шурфов, спортивные брюки и плащ на ней наполовину вымокли. Она раскраснелась — быстро шла, и глаза ее блестели восторженно. Рослая, стройная, Марьяна, амазонка! Валя в прошлом году закончила десятилетку и осталась в Кеуле, в своем селе, в своей тайге...
Уезжали мы на лодке, был пышный июньский день, голубые тени шли по Ангаре плавучими островами.
Село удалялось от нас, кивая нам старой деревянной церквушкой на горе, белой фермой, трепещущей лентой горной речки. Село удалялось, становилось воспоминанием надолго, а может быть, навсегда.
И вот исчез за зеленой сопкой Кеуль — столица задумчивости и белоснежных облаков.
Путь наш был на Усть-Илим.

Электрик Костя говорил о любви. Он говорил о ней со вкусом и с большим воображением. Не так давно, по нечаянности, Костя лишился трех передних зубов и поэтому немного шепелявил. Это в известной мере портило его лиричный рассказ, но палатка слушала, затаив дыхание.
— Как получается в действительности, ребята. Я одинок, как телеграфный столб, и, естественно, мечтаю о нежных женских руках. Пусть они будут даже без маникюра. И вот сегодня из соседнего селения я привожу

в палаточный городок девушку. Это очень симпатичная девушка, в красивой красной юбке и белой-белой кофточке. Я привожу ее на мотоцикле и всю дорогу чувствую затылком облако ее дыхания. Плавлюсь от нежности и хочу что-нибудь сказать запоминающееся, хочу понравиться. Но молчу. Ибо знаю, что в красном уголке она будет танцевать не со мной. Видите, какой у меня длинный нос? Из-за него придется весь век прожить холостяком, потому что я не представляю, как бы меня целовала существующая в мечтах жена. Мне грустно. И я отвезу обратно в соседнее селение после танцев симпатичную девушку. И опять буду молчать...

Палатка от некоторых ярких деталей Костиного рассказа погромыхивала легким хохотком, но, в общем-то, в палатке хозяйничала вечерняя грусть. Опиумная сладость ее закрывала парням глаза, непонятной и острой тоской сжимала сердце.

А по улицам далеких городов шли веселые и прекрасные девушки, вернее, какая-то одна, рожденная одиночеством, а потому самая прекрасная Девушка, ее следы оставались на неверном песке пляжей, терялись на одиноких тропинках черемуховых рощ.

А в красном уголке — музыка. Счастливцы из мужского монастыря «Палаточный городок» танцуют современные танцы с принцессами и королевами: с продавщицей из магазина, с хрупкой девочкой из бухгалтерии участка и еще с несколькими инфантами из местной столовой.

У всех у этих «титулованных» особ есть уже свои короли и принцы, потому остальное население монастыря мрачно возлежит в брезентовых кельях или, отрешившись от собственного «я», счастливо глазеет на современные танцы.

Легче семейным. Около их палаток дымят очаги, плачут и смеются ребятишки. На девственной земле Усть-Илима возделаны огороды с луком и редиской, а последней и возвышающей деталью этой идиллии являются жены. Жены бульдозеристов, трактористов и плотников. Их простоволосые и в платочках головы, молодые лица, обожженные солнцем и жаром очагов, напоминают о вечности и обыкновенной красоте земли. Легко еще вечерами диабазовому великану — Толсто-

му мысу: он многие века захлебывается от прозрачной любви Ангары.

Одиночество и тоска по нежности уходят вместе с ночью, растекаются по низинам зыбкими полосами тумана. Днем главная любовь — трасса. Непокорную, неверную, невероятно упрямую — ее нельзя не любить. Обернувшись комариной злобой, непроходимым болотом, фантастическим буреломом — трасса всегда проверяет, насколько глубока и верна любовь к ней.

О, трасса может быть спокойной! Доказательством верности ей — янтарные мозоли на руках парней, губы, пахнущие ветром и жаркие от нераздельной любви, спины, глянцевеющие от силы и пота, наконец, одиночество — это тяжелая дань за право быть первым. Но вечерами люди думают о земной любви, оставшейся в зеленых городах и синих деревнях. Думает Толя Яковлев, прошедший одиночество многих таежных кочевок ,веселый острослов и затейник, вечерняя грусть сильнее могучей воли Вани Тюрина — она отрывает его от учебников, по которым Ваня второй раз собирается поступить в институт, придумывает будущую любовь Толик Корнейчук, еще по-мальчишески румяный и вспыльчивый.

Усть-Илим жаждет любви. Жаждет нежности.

Мужество там прописано.

Командировка кончалась, времени, как всегда, казалось, не хватает, в последний вечер мы гонялись по палаточному городку за героями наших будущих очерков. Мы жаждали подробностей, уточнений, дополнительных сведений.

— Я забыл тебя спросить, Миша, где и как ты познакомился со своей женой?

Миша, конечно, отвечал:

— А это еще зачем?

И тогда начинались разные уловки, уговоры, хитрости, начиналась потная охота за сюжетом, погоня за откровениями сквозь дебри психологии... Иногда, чтобы что-нибудь узнать о Мише, приходится много рассказывать про себя.

Мы устали в этот душный вечер.

Грустно скользнув по воде бледно-оранжевым шлей-

фом, закат утонул в Ангаре, за палатками тайга застыла сплошной черной стеной, прогромыхал мотоцикл — грустный комик Костя увез в Невон свою любимую, которая весь вечер танцевала с другим, заныла, запричитала чья-то гитара, а мы уснули, сунув под подушки свои драгоценные блокноты. Но блокноты наши никому не нужны в этой усталой палаточной Севилье...

В прошедшую ночь в невонском аэропорту ночевало семь пассажиров. Утром все они сидели в небольшой комнатке, молчаливые и нелюбезные от нетерпения. Начальник аэропорта, маленький, не по летам быстрый и верткий человек (из местных, невонских), вошел и объявил, наконец, что будет «антон» — улетят все вчерашние пассажиры и два новых. Мы бросились за билетами. Напрасно. Начальник сказал, что полетим не мы, а только что подошедшие из Невона муж, жена и ребенок. У ребенка, сказал нам начальник, корь, у родителей — аппендицит.

— У него аппендицит?

— У него,— ответил начальник.

— И у ней?

— И у ней.

Мы, конечно, не возражали. Хотя были несколько удивлены таким дружным натиском недугов на такую румяную семью.

«Антон» улетел. В аэропорт на попутном ЗИЛе приехали ребята с трассы и палаточного городка. Им надо было лететь в Братск на слет ударников коммунистического труда. Среди них наши знакомые Ваня Тюрин и Александр Иванович Нестеренко — лесорубы, бригадир плотников Иннокентий Перетолчин, завскладом Аня Ступак.

Утро было отличное, но к обеду стало душно, воздух остановился, свежесть от реки не доходила до нас, комары озверели, через полчаса ударила гроза. Мы узнали, что аэропорт работает до десяти вечера, и еще надеялись улететь.

В тот день мы не улетели. Можно и не продолжать эти дорожные жалобы, но в невонском порту мы попали в историю, настолько распространенную на наших дорогах, что ее хочется рассказать.

Шел дождь, и из Нижнеилимского аэропорта нашему начальнику пришло разрешение закончить на сегодня

работу. Начальник выдал нам раскладушки, быстро собрался и уехал на рыбалку. В аэропорту осталась диспетчер, молодая женщина, которая жила за стеной с маленькой дочкой.

А через полчаса кончился дождь, трава мгновенно высохла, стало безоблачно, было четыре часа дня — самолеты могли ходить. Снова появилась надежда улететь, и мы постучались к диспетчеру. Мы просили связаться с Нижнеилимском — авось, оттуда придет «антон» и тогда улетим мы и улетят делегаты, которые рискуют опоздать на свой слет.

Диспетчер, ее зовут Лида, выслушала нас молча, с большим участием. За день мы успели познакомиться. Лида казалась нам (да она такая и есть) очень чутким, внимательным к людям человеком.

— Только позвонить,— просили мы застенчиво,— пусть нам откажут, разрешите нам успокоиться.

И тут добрая, чуткая женщина Лида произнесла эту грубую, тяжелую, как диабаз, фразу:

— Не положено.

Мы затихли. Мы по опыту знали, что в таком случае надо притихнуть и как ни в чем не бывало почитать газету. Надо экономить нервы, время — мы это знали. Ни в коем случае нельзя задавать вопросов.

Но в наших мыслях шевелился еще легкомысленный оптимизм. И мы заговорили. Осторожно, даже робко:

— Но ведь это ваша работа. У вас есть ключи от диспетчерской, и вы отлично владеете рацией. Почему же нельзя?

— Не положено,— отрезала Лида и снова перестала походить на саму себя.— Без разрешения начальника — не положено.

Дальше разговор пошел обыкновенный. Мы убеждали, просили, приводили примеры, спрашивали, что бы стала делать Лида, если бы случилось какое-нибудь ужасное происшествие и срочно понадобился бы самолет и т. д., и т. п. Мы были красноречивы и убедительны. «Человек человеку,— говорили мы,— друг, товарищ и брат». Мы говорили. А Лиде не надо было говорить. У ней было одно неотразимое, неподвижное, как стена, слово «не положено».

— Я вас понимаю,— сказала она, когда, изможденные и онемевшие, мы попадали рядом со своими рюк-

заками, — я очень хочу вам помочь. Но — не положено.
Погода была прекрасная.
На следующее утро пришел «антон».
Последнее видение Усть-Илима: серые кубики палаточного городка, богатырская гранитная грудь Толстого мыса, «Три лосенка» — три острова перед створом будущей плотины и во все горизонты — зеленый океан.
Снова был Нижнеилимск — пыльная столица рыбаков и охотников, был день — жаркий нежный выдох всесильного лета, была дорожная томительная суета, звенела розовая натянутая струна возвращения...
Вечером того же дня в Иркутском аэропорту мы приняли парад элегантных городских тополей.

БИЛЕТ НА УСТЬ-ИЛИМ

— Есть много других городов, есть много других женщин, улыбок, деревьев, фонарей. На свете есть много-много другого.
— Мне не надо другого. Мне нужен мой город, моя улица, моя женщина.
— Где все это? Может быть, ты знаешь?

(Из разговора)

Осень первая

Кленовые скрипучие ковры под ногами, остекленевший синий воздух, скучный горький запах костров, что жгут в огородах. Великолукский тихий вокзал, неожиданно, громко стучащие поезда.
Куда?
Ленинград, Минск, Смоленск, Москва, Москва, Москва...
— Девушка, мне бы билет.
— Куда?
— До Усть-Илима! Это, девушка, в Сибири, на Ангаре.
Девчонка шарится в справочниках. Как карты, веером летят страницы. Такая озабоченная девчонка. Нагадай, мне нагадай!
— Нет такой станции. Братск есть, Усть-Кут есть. Усть-Илима нет.
— Поищи-ка, поищи. Там ГЭС начинают строить. Не-

ужели не слышала!? Темнота. Воспитательная работа у вас отстает.
— Такой станции нет.
— Да не сердись. На нет и суда нет. Как-нибудь доберусь.
Дома.
— Прощай, батя. Еду покорять Сибирь.
— Всю?
— Зачем! Речку там одну запрудить надо. Ангару.

Осень вторая

Дороги на Усть-Илим нет. От Игирмы до Илимска дороги тоже нет. Дикий, как медведь, Семеновский хребет. У будки тлеет осиновый костер.
Какое сегодня число? Второе, а может быть, шестое. Зачем делать дорогу, если по ней никто не ездит? Есть ли еще на земле люди, или на земле остались одни медведи? Где-то есть. В Москве, например, на Казанском вокзале.
Мотор! Точно мотор! Чего доброго, проскочит. Ну нет, на этой автостраде мои порядки...
— Здорово, человек!
— Привет! Бульдозер-то с дороги убери.
— Не спеши, парень. Скажи-ка ты мне, какое сегодня число.
— Первое число. Давай дорогу!
— Первое? Не может этого быть! А месяц какой?
— Не дури, дай проехать.
— А какой нынче год, не скажешь?
— Ну тебя к чертовой матери! — обозлился шофер.
— Вылазь, парень. Не пущу я тебя. Пойдем в будку чай пить.
В будке, от скуки прибранной, за дощатым, заставленным консервами столом Миша Филиппов говорил проезжему шоферу:
— Надо же — первое октября 1961 года! Кто бы мог подумать!
Шофер сыто усмехался, рассказывал о Коршунихе, о своем отпуске, который он провел в Заларях, и все, что он знал из текущей политики.
— Чудак ты, парень,— говорил Миша, глядя на шофера ласково,— честное слово, чудак.

Шофер был первый человек, которого Миша видел за полтора месяца, когда он на Семеновском хребте остался один пробивать трассу Игирма — Илимск.

Весна первая

Распорядилась весна, а Нижнеилимский районный исполнительный комитет подтвердил ее распоряжение. «С 15 апреля проезд через Илим воспрещается» — было напечатано в газете. Было и предупреждение: у Макарово провалилась леспромхозовская машина.

В тайге рождались запахи, снег дряхлел на глазах, к вечеру блестела измазанная солнцем река. На 15 апреля у Миши Филиппова, бригадира бульдозеристов, была назначена женитьба. Весна обставила это событие яркими романтическими декорациями: Миша жил на правом берегу Илима в Игирме, Галя — его невеста — на левом, в Макарово. Дорога опасная и единственная через Илим, по которой заказал ездить исполком. Миша две недели не был в Макарово. Там ждали...

У Меледина, директора леспромхоза:

— Дело, Миша, дело. Хватит шататься холостяком. Одобряю, но кто же согласится ехать?

— Перетолчин.

— Согласится?

— Сразу же.

— Потонете...

— Какой же интерес...

— Езжайте, что с вами делать!

— Спасибо.

— Осторожнее, хулиганы!

В Макарово ехали засветло. Третьим ехал сват бульдозерист Михаил Шустов, хромой, гоношливый, в леспромхозе — первый звонарь. В предвкушении выпивки он был невероятно оживлен, врал и острил напропалую.

— Жениться,— говорил он,— надо ездить на бульдозере. Уважения больше, и задний ход хороший.

Доехали без приключений. Миша с силой радостно распахнул дверь, в избу вкатился Шустов, забормотал пословицы и поговорки, перездоровались. Миша вошел в комнату.

Галя, серьезная, бледная, в белой кофточке, стояла у окна.
— Ну что,— сказал Миша,— выйдем к обществу. Женитьба так женитьба!..
Вот так ночь! Хрустящая, хрупкая апрельская ночь. Праздничные тещины слезы, звезды — свадебные подарки, веселая дорога. В кабине невеста. Жених и пляшущий сват в кузове. В Игирму!
Сват, что ты в жизни понимаешь! Послушай меня. За этой девчонкой я ехал пять тысяч километров. Ровно пять тысяч, понял ты или нет? Откуда я знал, что она здесь. В том-то и дело! Откуда? Но там, куда я не поехал, там ее нет! Понятно это тебе? А-а! Молчи уж ты, пьяница! Что дорога? Хорошая дорога! Отличная дорога! Молчи! Нет здесь никакой дороги. Кто нам ее здесь приготовил? Сами построим. Мы с тобой и построим. И город построим. Сообрази — сами и построим. И поведу я тебя, алкоголика, на бульвар кофе пить. Черный кофе — сообрази! Очень культурно...
Ух, ты! Держись, сват!
Глухой выстрел — в ночь. В кабине вскрикнула невеста.
Под задними колесами треснул лед.
Шофер Петро Перетолчин через пять минут, высунувшись из кабины:
— Было бы смешно, ребята. И свадьба и поминки — заодно.

Весна вторая

На них была вся надежда. В палатках у Толстого мыса их ждали зимовщики, робинзоны, островитяне. На стройку можно было попасть только самолетом. Машины и стройматериалы должны были пройти по этой новой, первой дороге.
Они начали от Эдучанки в феврале. До того, как растает снег, по новой дороге должны были пройти автоколонны.
Итак, Миша Филиппов вышел на финишную прямую. До Усть-Илима было девяносто километров. Девяносто километров тайги, холода, пота.
Шесть бульдозеров с утра до поздней ночи ревели в илимских чащобах, сосны стонали и падали в белый

снег. За ними была уже дорога, по ней уже колотилась машина с горючим, с продуктами. Спали ребята в будке, которую волокли за собой на деревянных санях.

Ночью у Мирюнды. До Толстого мыса двадцать километров. Будка надоела, они сидели у костра, курили, разматывали длинные армейские истории. Искры кружились над ними и превращались в звезды.

Тормошили Толю Рыжбова, вальщика. Что за привычка у парней — скулить там, где надо посочувствовать или, в крайнем случае, помолчать. Толя получил из дома письмо. Он давно не получал писем. От жены. И вот привезли это, написанное мужским почерком: «Писем не пиши, мы поженились и счастливы». В тайге лучше не получать таких писем. А парни:

— Слушай, Толя. Ты этому кенту телеграмму отправь. Поздравительную.

Толя человек веселый, Толя не сердится.

— Рядовой Рыжбов,— говорит он,— остался ни при чем. Что здесь особенного?

К костру по просеке кто-то подходил. Узнали Лешу Юревича, он уезжал за горючим. А еще — кто там? Еще?

— Галка! — Миша поднялся, пошел навстречу. — Точно! Явилась?

— Явилась,— отвечала Мишина жена.

— Почему пешком?

— Машина села. Километров семь отсюда.

Закатили роскошный ужин. Стол был заставлен картошкой, капустой и консервами двух сортов. За ужином Николай Юдин, бригадир, произнес:

— Вот это я понимаю, вся семья Филипповых в сборе.

Галя через два месяца должна была родить.

Назавтра она стирала на всю бригаду, готовила обед, ужин, и так две недели, пока не вышли к Толстому мысу.

Это был знаменитый вечер. Вдруг из своих чащоб они услышали стук пээски, увидели редкие огни, серую равнинность Ангары.

Усть-Илим! Прораб Сопрыкин Олег Викторович обещал шумные восторги и шампанское. Миша въехал в палаточный городок первый. Всей семьей. Вышли ребята, кричали, какой-то чудак палил в воздух из двустволки.

Шампанского не было.

БЕЛЫЕ ГОРОДА

Парням стучит третий десяток, а что они видели? Жизнь у них вышла такая, что, кроме Братска, они ни в одном городе не бывали.

Хорошо родиться где-нибудь в Мелитополе, в безмятежном южном городке, провести детство в яблонях и полусне, коллекционировать марки, презирать девчонок, учиться играть на кларнете, стать пловцом-разрядником. Хорошо быть смешным и легкомысленным, в белом городе шататься с друзьями по улицам бесцельно и беспечально, провалиться на экзаменах, побродить по другим городам, поссориться с приятелями, влюбиться, помрачнеть, задуматься, послать все к черту и вдруг уехать в Сибирь, на стройку. Хорошо ехать в Сибирь бывшим футболистом, ценителем сухих вин, остряком и сердцеедом. Из окна вагона смотреть на живописный осенний тлен и думать свою думу. Угадать в темную глухариную тайгу, в суровые морозы, к суровому бригадиру, выстоять, перековаться и зажить по-новому. Не жизнь, а роман!

Совсем другое дело, если ты родился в Сибири, вырос в Сибири, работаешь в Сибири. Да все это в одном и том же районе. И только когда тебе пошел третий десяток, ты переехал в другое место. Это совсем иное дело.

Не бывали парни в городах, не было у них дальних дорог и крупных разочарований. Но их юность, полная удивления и беспокойства, заслуживает очерка, повести или даже романа, как юность всех тех, кто строит города и дороги. Они видели главное и поняли главное, не затрачивая на это времени и километров.

Леня Дорофеев и Гоша Садовников никогда уже не наведаются в родное село. Не пройдут за огородом, где пацанами таскали огурцы, не распахнут, облаянные забывшими их собаками, знакомых калиток, не сядут на старое зашарканное крыльцо. Их детство осталось на дне моря...

В сорока километрах от Братска вверх по Ангаре было такое село — Наратай. На острове, наполовину заросшем сосняком, десятка три дворов, начальная шко-

ла да магазинчик. Все это давно перевезли на новое место, в Калтук, вверх по Оке. Над островом сомкнулись зеленые волны Братского моря. Но Леня помнит каждую жердь в гнилых заплотах Наратая.

В селе жили рыбалкой, охотой, немного сеяли, держали коров. Берега, левый и правый, были непролазной тайгой; студеные ангарские туманы пеленали этот остров, глухой и беспомощный; в грозу и метели здесь жить было страшно; самолет над селом пугал старух, был таинственным видением другого мира. В селе все куда-то собирались уезжать, вдовы сходились на Марихином дворе, выли песни, мужики вечерами сидели на крыльце магазина, судачили, иногда плясали подгорную по единственной улице — туда и обратно. Первый радиоприемник появился в сорок восьмом году вместе с первым учителем. Братск тогда еще не был Братском, а от Заярска приезжали только на лодках работники сельпо да один-два браконьера.

Но, как сказки, рассказанные нам в детстве, никогда не будет забыт Наратай. От него навсегда остался запах пыли и молока за прошедшим по улице стадом, восторженная тишина летних вечеров, черные головы подсолнухов на вызолоченном закате, сугробы, блестящие от просыпанных в них звезд, осенью — багровая агония осин на левом берегу.

Леня и Гоша — давние друзья. Как-то осенью ребята навострились за брусникой, а Гоша должен был сидеть дома и ждать, пока мать вернется с картошки и даст надеть ему чирки. Приятели подождали-подождали да подались. Друг появился в минуту нестерпимой обиды. Леня Дорофеев вернулся и отважно просидел с Гошей до самого вечера. После они выручали друг друга не раз, но это само собой, как продолжение того дня, что в детстве они провели в ожидании чирков.

Пацаны посещали школу, причем учились хорошо — все, что рассказывал учитель, было удивительно. После уроков играли в лапту мячом из трута — губчатых наростов на березовых пнях. Таким мячом больно ушибали спины и разбивали носы.

* * *

Время отыскало этот забытый богом уголок. Под ухом у оглохшей деревни время рявкнуло взрывами строи-

тельства дороги Тайшет—Лена, на правом берегу Ангары появились люди с кирками, от первых взрывов в Наратае задрожали стекла.

Старухи затосковали, старики подозрительно переглядывались, бывшие фронтовики сели в лодки и погребли к правому берегу. Дорога строилась прямо вдоль Ангары в шестистах метрах от Наратая. Пацаны стали сбегать с уроков, угоняли лодки, бродили по свежим путям, вдыхали запах шпал — излюбленный запах бродяг и неудачников. Дорога еще строилась, а уже замышлялись побеги и путешествия.

Приход в эти края новейшей истории был провозглашен гудком первой маневрушки летом сорок девятого года. Одновременно ее голос прозвучал призывным горном для Лени Дорофеева, который как раз в это время гнал домой корову. Корова удивилась, подумала и откликнулась густым баритональным мычанием.

Дорога Тайшет — Лена была лишь началом больших строительных эпопей.

В новейшей истории Наратаю отводилась роль Помпеи, разумеется, без жертв и неожиданностей. Заговорили о Братске, о невиданной стройке, что вот-вот должна грянуть у Падуна. Из Заярска приехал продавец и рассказал, что на Ангаре появились уполномоченные, что соображают, куда и как переносить деревню. При упоминании об уполномоченных, которых здесь никто не видел с сорок первого года, старые наратайские браконьеры тонко усмехались. Все больше говорили о затоплении. Половина Наратая в затопление не верила. А старик Василий Федорович Дорофеев совсем расстроился.

— С ума народ сошел! Взбесился! На Ангаре пруд прудить! — И сердито хохотал.

Старик сцепился с первым же уполномоченным.

— Я век здесь изжил,— говорил он,— знаю, какие наводнения бывают. Не поеду, даже не говорите. Никуда не поеду!

Ах, дед, дед !И через пять лет на новом месте, в Калтуке, ты бормотал грустное и смешное:

— Я вот зиму перезимую и домой поеду. Не будет там никакой воды — помяните мое слово.

И даже когда вода поднялась в Оке, у Калтука, не видевши Братска, он ничего не понял. Он стоял на берегу,

скрестив руки, величественный и неправдоподобный, как морской царь Нептун.

— Спадет. На горах лед размыло...

Братск вытеснил мальчишечьи мысли о побеге. Кто видел Братск, тот не захочет суетиться по вокзалам. У Падуна Леня и Гоша встретили бывших жителей всех городов, которыми грезили в детстве. Но они не успели к Падуну. У Падуна Ангара уже двигала турбины. У Ярмоша, начальника отдела кадров, они просились на Усть-Илим.

— Там нет жилья. Нужны плотники.

Кто же еще плотники, если не они, уроженцы несуществующего села Наратай?

— Будете жить в палатках, предупреждаю.

На Усть-Илим они успели.

На стройке их зовут «бурундуками». В Братске, в Коршунихе, в Чуне, на ЛЭП и здесь, на Усть-Илиме,— всюду местных, сибирских, зовут «бурундуками». С первого взгляда это прозвище кажется несколько оскорбительным, но только с первого взгляда. Обижаться не следует. Будешь обижаться — назовут еще как-нибудь.

— Бурундук — приятный зверь, красивый, а что? — рассуждает Иосиф Кирсанов, вальщик.— Ничего нехорошего я про него не слышал, пожалуйста.

Мы сидим на нарах в подслеповатой будке. В открытую дверь видна трасса — шестидесятиметровая просека. На ней медные, как купальщики, лежат рядами сосновые стволы. Если пройти по просеке пять километров — выйдешь к Толстому мысу. По тайге, исписанной бульдозерами, по гладкому, нарядно отполированному диабазу дойдешь до створа будущей плотины. Створ узнаешь по черному пятну штольни у осин на правом берегу. Прямо перед тобой будет остров, высокий и стройный, как теплоход, и серебряная щетка шиверы. Толстый мыс величественнее Пурсея: под мощными соснами богатырская гранитная грудь и легкая, как ветер, трава среди камней у воды.

Трассу на Братск ведут от Толстого мыса пять бригад лесорубов, среди них бригада Утина, где работают Гоша Садовников и Леня Дорофеев, «бурундуки». Мы

сидим в темной будке в короткие послеобеденные минуты, курим и разглагольствуем. Здесь бригадир, властный и шумный Саша Утин, братья Кирсановы и вальщик из бригады Васиченко Эрик Данило. Он шел к своим на Мирюнду, завернул воды напиться. Эрик рассказывает о себе, о своих причудливо длинных дорогах. Прежде чем попасть на Усть-Илим, он побывал на Алтае, в Белоруссии, на Лене, на Байкале — где он только не был!

— Что же ты искал? — спрашивает Эрика Гоша Садовников.

— Смотрел, как живут люди.

— Ну и как они живут?

— Люди везде живут одинаково,— сказал Эрик,— это надо понять.

— А мы,— сказал Леня Дорофеев,— не были даже в Тайшете.

— Серьезно? — спросил Утин, а все молчали. Сытый комар медленно подался с руки Иосифа и тупо прожужжал в дверь.

— Побываете еще.

— Побываем,— сказал Леня.

— В Крым надо ехать,— сказал Данило,— в отпуск. Города там белые, мошки никакой.

Разговор этот происходил в тайге у Толстого мыса, где будет город, и белые улицы, и сады, где сейчас нет ничего, кроме палаточного городка, и где глухарей бьют с крыльца будки, в которой спят и обедают.

АНГАРСКИЕ НЕФТЯНИКИ НА ФИНИШНОЙ ПРЯМОЙ

У Нины Тарасенко, штукатура из бригады Василия Даниловича Мандрицкого, субботний день был расписан давно. Прежде всего — на субботу была намечена свадьба Люды Рукосуевой. Подруги, все из одной комнаты, шесть человек, ждали этого дня, пожалуй, с тем же нетерпением, что и Люда. Затевались подарки ,сочинялись тосты, планировалось шампанское и танцы. Сразу после работы намечалось торжественное посещение ЗАГСа.

Ничего из этого не получилось. Утром Мандрицкий объявил, что бригада останется работать во вторую смену. Нина и шесть подруг Люды Рукосуевой выслушали бригадира спокойно, без удивления и досады. И вот десятый час они белят и белят стены цехов новой установки, десятый час они выкладывают плитками пол горячей насосной, носят раствор. Люда сейчас в ЗАГСе. Свадьба не отменяется, потому что Люду отпустили с работы только для того, чтобы свадьба состоялась.

Потому, что жениха, демобилизованного солдата, освободили от работы лишь на день.

Потому, что завтра, в воскресенье, бригада снова выйдет в свой цех.

Потому, что жениха, демобилизованного солдата, кое время сейчас на Ангарском нефтеперерабатывающем заводе.

А время таково: к Пленуму ЦК КПСС завод должен провести пусконаладочные работы на новой установке, которая увеличит производительность НПЗ почти вдвое. К Пленуму ЦК КПСС завод должен ввести в строй весь сложный комплекс оборудования, обеспечивающий работу новой установки.

Потому на пятки строителям-отделочникам, электрикам, киповцам наступают сейчас эксплуатационники. В горячей и холодной насосных, в этих двух огромных цехах, заканчиваются отделочные работы. Здесь красят, белят, выделывают полы кафелем бригады Мандрицкого и Сударкина. Под потолком, в серых спецовках, измазанных известкой, похожие на стрижей, орудуют кистями девчонки, подруги-комсомолки, вчерашние фэзэошницы. Их здесь двадцать пять человек, была своя бригада, но сейчас, в это штурмовое время, их объединили со старшими, девчонки работают теперь в двух бригадах.

Бригадами руководит прораб Павлючков Иван Тимофеевич, коренной ангарчанин, человек опытный и серьезный. По новому цеху он ходит по-хозяйски, говорит медленно, веско, как бы подбрасывая слова в воздух и сжимая их потом в своих каменных ладонях.

— Что строим... Здесь, к примеру, пройдет человек несколько раз в день. А цех будет работать...

Эксплуатационники заняты ревизией арматуры, теплообменников, ревизией насосов и их обкаткой. Испытанием трубопроводов. Недавно сформированы бригады. Их пять, все молодежные.
Павел Клинов, бригадир, еще молод, ему 30 с лишним лет, а про него здесь говорят: «Сам Клинов в годах, а бригада — молодежь». Восемь парней из бригады Клинова, действительно, почти мальчишки. Вот они — Душейко, Прокопьев и остальные — вскрывают насос, осматривают его, убирают ржавчину, регулируют. Для комсомольца Виктора Душейко эта работа привычная. По специальности он слесарь, недавно демобилизовался, в конце месяца он ждет пополнения из Грузии, где служил. «Европа плюс Сибирь» — так он пишет однополчанам об Ангарске.
К новой установке подступают уже операторы. Они, лучшие из них, приходят с действующих установок НПЗ. И это тоже молодежь. Михаил Лимонов, Гакиль Алтынбаев, Юрий Хомкалов, Евгений Кулев.
В щелочном отделении новой установки кавардак. Здесь сошлись монтажники и операторы, киповцы и электрики. Все они посредством громких разговоров вступают в сложные производственные конфликты. Они спорят, ругаются, просят, убеждают, приказывают и отчаиваются. Цель у всех одна — вовремя сдать установку.
Главный инженер второго участка СМУ-3 Петр Алексеевич Лесовой «сцепился» с мастером электриков Василием Петровичем Шишневым. Кое-как поладили. Лесовой говорит:
— Ругаемся, каждый — свое, а дело идет, и дело общее. То, что вы видите сейчас в этих цехах,— это итог. Это результат трехлетней работы. В декабре будут ее плоды.
В конторе завода ажиотаж. Когда идет наступление, штаб лихорадит. Здоровой, творческой лихорадкой. В работе, в движении — все. Мы мало надеялись на то, что на НПЗ можно встретить человека с такой тихой профессией — архивариус. С архивариусом, комсомолкой Светланой Стрельченковой, трудно было поговорить. Заводской архивариус рвет и мечет. Посетитель за посетителем. Инженер за инженером. Чертежи, схемы, документация. Точность, четкость, темп.

В кабинете директора завода журналисту трудно пробыть более десяти минут. Более десяти минут журналисту быть в кабинете директора просто не удобно. Дела, дела. Посетители, посетители. У Александра Иосифовича Левина, директора, мы буквально вырвали несколько слов.

— В конце декабря,— сказал директор,— мы получим продукцию новой установки. Между окончанием строительных и монтажных работ и получением продукции полагается интервал в два летних месяца. Мы пустим установку зимой, через полмесяца после ухода с нее строителей.

НПЗ взял хороший темп. Все, с кем встречались мы на заводе, производят впечатление бегунов, вышедших на финишную прямую. Прораб Павлючков, инженер Лесовой, бригадир Клинов, директор, бригадиры, девчонки-отделочницы, электрики, слесари — все устремлены сейчас к долгожданной ленточке. И финиш все ближе и ближе.

В этом темпе весь завод. В этом темпе Нина Тарасенко, девочка из таежного села Каменка, и шесть подруг, не пришедших на свадьбу Люды Рукосуевой. В этот темп включится каждый, кто перешагнет заводские ворота.

Нина рассказала нам, что у тракториста Тарасенко пять дочерей. Одна из них, Лена, уже приезжала к Нине в гости. Со старшей сестрой (старшей сестре семнадцать лет) Лена была на НПЗ.

Ей здесь понравилось.

КАК ТАМ НАШИ АКАЦИИ?

Мимо нашей школы проходит Московский тракт, а дальше за Нижней улицей, за огородами, за лугом — железная дорога. Десять лет назад, когда мы отсиживали свои последние уроки, машины по тракту шли реже, а составы на подъеме против больницы ползли медленно с неровным стуком. Теперь без машины не обходится ни одной минуты, а поезда летят легко между серыми опорами электросети. Прогресс. Технический прогресс.

Акации, которые мы сажали десять лет назад, теперь выросли, шумят между школой и трактом, и дождь смывает с них дорожную пыль. А наша школа, деревянная, двухэтажная, все та же, разве перекрашенная и в который раз отремонтированная.

Июньским утром, после выпускного бала, мы высыпали на улицу как-то вдруг и все разом. Ночью мы выпивали со своими учителями, много торжественно курили, танцевали, и подрались, и признались в любви, и прохвастались, кто куда и зачем уезжает,— и вдруг, конечно, уж по какому-то сигналу, — все вышли на улицу. Солнце еще не взошло, на лугу за Нижней улицей белел туман, мимо школы по тракту старик Камашин, угрюмый пастух, гнал свое стадо. И мы, сонные, куражливые, в белых рубахах, в новых шевиотовых костюмчиках, оказались вдруг посреди стада. Коровы стали разбредаться, Камашин защелкал кнутом; нас это происшествие рассмешило, сонливость, помню, прошла, мы погуляли по улице, потом разошлись, а через месяц-другой разъехались, и многие из нас никогда уже не возвращались в село под названием Кутулик.

Мы не сбежали, не дезертировали. Просто все десять лет, пока мы учились в школе, мы собирались уехать из нашего поселка. К этому готовили нас история и география, физика и литература. Физика манила нас в города, география подбивала на бродяжничество, литература, как полагается, звала к подвигам. Подвигов мы не совершили, но, кому удалось, побродяжили, служили в армии, учились в институтах, стали строителями, учителями, пилотами, буровыми мастерами, офицерами. Мы работали, переженились, росли на производстве, проштрафились, остепенились, повысили квалификацию — чего только не случилось с тех пор, как мы закончили школу. Не так уж далеко от Кутулика за это время выросли города юности — Усолье, Ангарск, Братск, Шелехов, Байкальск. В этих городах мы и живем, а еще — в Новосибирске, в Москве, в Бодайбо, а кое-кто даже в городе Брагине. О старом добром Кутулике мы вспоминаем вдруг, нечаянно, столкнувшись друг с другом где-нибудь на углу или на вокзале. Например, на Тверском бульваре в кафе «Эльбрус». Командированные один из Братска, дру-

гой из Усолья, сидят два кутуликских парня, беседуют. Оба не были в Кутулике лет пять, но характер разговора чисто светский.

— Нинку Иванову знаешь?

— Ну, ну?

— Вышла замуж.

— Что ты говоришь!

— Серьезно.

Так нам становится известно, что Нинка вышла замуж, что старик Камашин умер, что закрыли газету и открыли парикмахерскую, что начали строить новый клуб, что речка высохла, а степь за школой распахали до самого леса. Из газет мы узнаем, что наш хлебный район снова выполнил план хлебозаготовок. Первые годы мы появлялись здесь чаще, приезжали летом на каникулы, в отпуск, собирались иногда по нескольку человек. Тогда с неисправимым самодовольством носили мы по родному селу какой-нибудь обыкновенный гэвээфовский кивер, какие-нибудь погоны или просто рубаху в клеточку. В клубе танцевали по-новому, танго и фокстроты; именно мы привезли сюда узкие штаны, привычку курить сигареты вместо папирос, роковые романсы Лещенко, светлые кепи, словом, весь этот брючно-танцевальный ренессанс.

Не думаю, что манеры, завезенные нами из города, обновили жизнь нашего поселка.

Съезжаясь в Кутулике, мы всегда много и охотно дурачились. Слесарь, курсант летного училища, студент первого курса, собравшись вместе, не прочь, например, забраться в чужой огород за огурцами, подпереть чью-то дверь, вечером перекатить телегу с картошкой из одного двора в другой и еще что-нибудь в этом жанре.

Если я не ошибаюсь, валять дурака вообще было излюбленным нашим развлечением, в этом есть, я бы сказал, даже особый какой-то кутуликский стиль, какая-то традиция, своя какая-то поэзия. Послушайте нас, когда мы вспоминаем наш Кутулик, послушайте наши разговоры. Какое удовольствие, например, доставит истинному кутуликчанину воспоминание о том, как однажды с друзьями-приятелями он усыпил два десятка кур, разложив их рядком через весь двор,

а потом, постучавшись к хозяину, прятался в посыни.

Усыпление проделывалось следующим способом: куриная голова пряталась под крыло, а затем бедную птицу крутили некоторое время в воздухе. Лишь через пять минут после описанной процедуры курица освобождала голову, поднималась и ковыляла по двору, точно пьяная. Лунной ночью, поднятый с постели, изумленный хозяин наблюдал, как его куры одна за другой воскресают из мертвых.

Я понимаю восторг, ужас и счастье двенадцатилетнего пацана, когда он, побросав наворованные огурцы, скрывается от погони, несется, исчезает в темную ночь. Но двадцатилетний курсант, бегущий из чужого огорода,— явление не только ненормальное и антиобщественное, но и загадочное явление.

В самом деле, что это? Столь долгое детство?

Может быть. Вполне может быть. Детство, проведенное в Кутулике, проходит не скоро. Во всяком случае, шутку с курами мог придумать, пожалуй, человек, взбесившийся от скуки.

Родители тянутся вслед за детьми.

Ближе к детям. В города юности.

Поезда, в которых мы носимся по своим делам, в Кутулике почему-то не останавливаются. Мы стоим у окна — не чужие все-таки. Из вагона наш поселок, растянулся вдоль речки,— как на ладони. Элеватор, на горке в сосновом лесу РТС, обмелевший пруд, переделанный из церкви кинотеатр «Звезда», синий домик почты, двухэтажная агрошкола, клуб, райисполком, школьный сад... В эти пять минут, пока поезд проносит нас мимо, мы, как полагается, взгрустнем, вспомним друзей, рыбалку, футбол и наши туманные первые романы. Мы долго смотрим на школу и даже вытянем шею: как там наши акации? Какие ученики сейчас у наших учителей? Если такие же оболтусы, какими были мы, значит, живется нашим учителям нелегко.

Заметили вы, как со временем наши учителя вырастают в нашем сознании?

В наших воспоминаниях они становятся все лучше и лучше, не правда ли? То же и мы для них. «Вы? — сказала мне недавно одна из моих прежних учите-

лей.— Какое сравнение! Вы были ангелами...» Итак — Нижняя улица, огороды, огороды, а вот и крайний домик, где со своей многочисленной семьей живет немой Сережа. Все знакомо. До последней жердочки. Все по-старому. Заброшенная каменоломня, Маров лог, Каменный ложок, блокпост... Проехали. Кутулик не стал городом юности, не стал избранником времени, как Ангарск или Шелехов. Как-то геологи искали здесь нефть, но не нашли и съехали в новое место. И на секунду у нас появится, может быть, настроение, похожее на чувство вины.

А в чем мы виноваты?

В Черемхово в вагон входит землячок, и начинаются воспоминания о том, какому испытанию подвергли мы однажды старушку Марову, выясняя, глухая ли она в самом деле или все прикидывается.

Недавно я бродил по нашему поселку, смотрел, узнавал, раздумывал, старался понять, что произошло здесь в мое отсутствие. Новости я услышал еще на станции. Выстроен новый клуб, строится несколько двухэтажных жилых домов, открыли газету...

Знакомых я встретил немного. Одноклассников — никого, кроме одного пилота, который заехал сюда на собственной машине с женой и дочкой — в отпуск, навестить мать. Друзей, из тех, с кем учился в школе в одно или приблизительно в одно время, повидал двоих. Эти двое здесь живут. Один работает в клубе, другой — лесозаготовитель. Признаться, в Кутулике они остались не из патриотизма, не из горячего желания, а в силу некоторых обстоятельств и определенных свойств собственного характера. Не то чтобы они неудачники или считают себя таковыми, нет. Но кругом думают, да и сами они сознают, что они тут застряли, так сказать, упустили возможность.

Они странным образом сохранили в себе любовь к анекдотическим выходкам, к тридцати годам причудливо донесли привязанность к шалостям, которые так уместны в четырнадцать лет и так рискованны в двадцать восемь. Один из них, разумеется не без юмора, сказал мне, показывая на саженцы тополей, выстроившиеся вдоль главной улицы: «Вот, парень, хорошее дело. Вырастут тополя — пригодятся. Идешь по улице,

навстречу кредитор — раз, встал за дерево. Идешь дальше — другой! Раз! Снова за дерево».

Итак, детство наше продолжается.

Новый клуб — это, несомненно, событие. Клуб в райцентре — средоточие интеллектуальной жизни, что ни говорите. На месте нового я помню старый, бревенчатый. Послевоенный. Тот, с кинокартинами по частям, с могучими докладами, с вдовами, с чечеткой, с драками и неминуемым вальсом «На сопках Маньчжурии», исполняемым баянистом Семененко. Потом — наш клуб, с духовым оркестром, с драмкружком и полонезом Огинского, а позже — с блюзами по щербатому полу. Помню, как всегда и неудержимо нас тянуло в клуб, какими необыкновенными людьми мы считали всех баянистов и худруков, которые менялись тогда чаще, чем времена года. Это были бедовые ребята. Они приезжали в Кутулик на товарных поездах, ослепляли публику невиданной галантностью, неслыханной игрой на баяне, сатирическими куплетами, пропивали иногда часть реквизита и исчезали, как в сказке.

Новый — каменный, вместительный, с роскошным фойе и хорошим зрительным залом. В такое помещение сейчас не постеснялся бы въехать московский театр «Современник». Но помешение — только декорации, в которых должен произойти спектакль, так сказать, прекрасный, но еще необжитый остров. Работа, кажется, понемногу начинается, но пока в новом клубе довольно тихо.

Вот мы сидим в пустом новом клубе, одноклассник-пилот, два приятеля, я и случившийся тут на каникулах незнакомый мне студент-медик. Десять лет назад пилот играл здесь в духовом оркестре, и тот из моих друзей, что работает в клубе, принес пилоту «тенор», сам взял трубу, вдвоем они сыграли краковяк, какой-то бравурный марш и похоронный — ради шутки. Студент-медик поиграл на пианино и пропел несколько песенок Окуджавы. Он хотя и не грубо, но явно щеголял здесь этими песенками. Я спросил его, что сейчас поделывают бывшие его одноклассники. Он ответил, что работают, учатся, почти все разъехались.

Недавно райком комсомола организовал мероприятие,

полное надежд и устремления в будущее. В Кутулик приезжал декан сельхозинститута и прямо здесь вместе с местными учителями принимал вступительные экзамены. Что и говорить, тут, в районе, молодые, умелые и современные, в лучшем понимании этого слова, молодые люди нужны так же, как нужны они в городах юности. Район не производит угля, электричества, но он производит хлеб, и хлеба этого ради существует поселок Кутулик.

Уезжая, я думаю о своих школьных друзьях. О тех, кому сейчас под тридцать, кому поручаются сейчас важные, а через день-два будут поручены еще более важные дела. Думаю о тех, кто навсегда по-сыновнему связан с этой скромной судьбой под названием районный центр.

Мысленно я обращаюсь к ним:

— Вот как там, мальчики, наши акации?

ПРОГУЛКИ ПО КУТУЛИКУ

Прогулка первая. Сентиментальная

В Кутулике, возможно, вы никогда не бывали, но из окна вагона вы видели его наверняка. Если вы едете на запад, через полчаса после Черемхово справа вы увидите гладкую, выжженную солнцем гору, а под ней небольшое чахлое болотце; потом на горе появится автомобильная дорога и на той стороне дороги — березы, несколько их мелькнет и перед самым вагонным окном, и болотце сделается узким лужком, разрисованным руслом высыхающей речки. От дороги гора отойдет дальше, снизится и превратится в сосновый лес, темной стеной стоящий в километре от железной дороги. И тогда вы увидите Кутулик: на пригорке старые избы с огородами, выше — новый забор с будкой посредине — стадион, старую школу, выглядывающую из акаций, горстку берез и сосен за серым забором — сад, за ним — несколько новых деревянных домов в два этажа, потом снова два двухэтажных дома, каменных, побеленных, возвышающихся над избами и вы-

деляющихся среди них своей белизной,— райком и Дом культуры, потом — чайная, одноэтажная, но тоже белая и потому хорошо видимая издалека.

Что дальше? Мосты, переулки, бегущие вниз с пригорка: Больничный, Цыганский, Косой; улица Первомайская у блокпоста, выходящая прямо к полотну; еще два-три заметных строения — каменные и побеленные — комбинат бытового обслуживания и церковь, переоборудованная в кинотеатр. Дальше — Бараба: избы, палисадники, огороды. И вот уже снова сосновый лес и автомобильная дорога, та самая, которую мы видели перед Кутуликом,— Московский тракт.

Таков внешний вид Кутулика, и если добавить сюда то ,что по дороге останется от вас по левую руку: лес, а в нем островками строения — больница, Заготскот, нефтебаза и станция,— портрет выйдет достаточно определенный, и в нем, думаю я, без особого труда можно различить лицо райцентра. Деревянный, пыльный, с огородами, со стадом частных коров, но с гостиницей, милицией и стадионом, Кутулик от деревни отстал и к городу не пристал. Словом, райцентр с головы до пят.

Райцентр, похожий на все райцентры России, но на всю Россию все-таки один-единственный.

В Кутулике у меня прошли детство и школьные годы. Вышло так, что давно уж я здесь не живу, а приезжаю сюда, получается, редко и ненадолго. Вот и сейчас: не был три года, а приехал на неделю.

После школы, помню, уезжал я без сожаления, рвался в город, но все же, когда был студентом, приезжал сюда чаще — каждое лето. Затем друзей и знакомых я находил здесь все меньше и меньше, почти все мои сверстники давно разъехались по городам, иные, что постарше или помоложе, меня уже забыли, иные сами изменились до неузнаваемости, и вот уже поневоле я чувствую и сознаю здесь свое одиночество.

Но, отдаляясь, не чаще ли я стал возвращаться сюда в своих мыслях?

Я вылез из кабины попутной машины возле школьного сада, прямо против своего бывшего дома. Было шесть вечера, было жарко, но на траве уже не так, как в машине и на тракту. Через старые ворота я вошел в большой двор, по углам которого стояло четыре до-

ма. Двор был пуст, только куры копошились в дальнем его углу и у крыльца с перилами мотоцикл мерцал на солнце бежевыми крыльями и тусклыми от пыли ободами. Этот двор назывался школьная ограда, а в домах, где в каждом было по два, по три крыльца и по стольку же квартир, всегда жили учителя, уборщицы и истопники.

Еще из нашей машины я заметил, что огород у нашего дома разгорожен и растет в нем, как мне показалось, лишь пырей и крапива. Так оно и было. Но из машины я не заметил главного: двери и окна были заколочены. В доме никто не жил.

Я к нему подошел, на крайнем окне доска была оторвана, из щели потянуло на меня осенним, почти лесным запахом плесени. Я зашел с другой стороны, со стороны огорода, и остановился против своих окон.

Здесь по-прежнему стояла одна старая лиственница, и, помню я, от этого, от ее тени в одной из наших комнат всегда было немного темней. Лиственница жива, за нее все еще можно привязать бельевую веревку, можно забраться по ней на крышу и серы, наверное, еще можно наковырять.

А барак и в самом деле отслужил свое. Построен он из здоровых лиственничных бревен, но так давно, что не только бревна прогнили, но прогнила уже и тесовая обшивка, сделанная много позже. Правда, обшивка вся уже рассыпается и внизу, и вверху, а бревна гнилые только внизу, у земли, а наверху они еще хоть куда, ядреные и годные, пожалуй, и для новой постройки.

Когда-то в этом бараке был пересыльный пункт, и здесь ночевали этапные по дороге в Александровский централ. Значит, в этом доме у них был один из последних ночлегов в пути.

Нет, никаких решеток и даже следов от них я никогда не видел. Видимо, был в свое время барак переоборудован, я помню его уже покрытым тесом и крашенным в цвет желтых березовых листьев. На моей памяти в нем всегда жили учителя.

Я представил себе летний вечер, каким он был здесь лет двадцать назад: открытые настежь окна, в доме движение и голоса, горшки гераней, выставленные на

завалинку, большую огуречную гряду, маки, подсолнухи в дальнем конце огорода, изгородь из осиновых тычек, в воздухе видимое глазами струящееся от нагретой изгороди тепло и жужжанье пчел.

Сейчас я стоял как раз на том месте, где в это время мы разводили тогда небольшой огонек. На солнце он был бледный, и, если не было дыму, с другого конца огорода его можно было и не разглядеть. Из кирпичей была устроена простенькая тяга, и ужин готовился тут, чтобы ночью в комнатах не было жарко, и дров сюда надо было меньше, хватало щепок, которые мы, ребятишки, собирали у новой в те времена школы. Из комнат слышен был голос матери, по-учительски громкий и отчетливый, или репродуктор, круглый, черный, из огорода казавшийся дырой в белой стене, распевал:

Где ж вы, где ж вы, очи карие...

А сейчас окна заколочены, и от них меня отделяет густая метровая крапива. Можно было обойти ее, оторвать от окна пару досок и заглянуть внутрь, но мне не захотелось. Я снова вышел в большой двор и уселся там на скамейке соседнего дома. Захотелось увидеть кого-нибудь из знакомых, но я решил никуда не заходить, а подождать, когда кто-нибудь появится.

Долго никого не было. Прошел поезд, из школьного сада налетел ветерок, дохнул черемухой и исчез. Отсюда была видна дальняя Берестенниковская гора, по ней, как струйка желтого дыма, поднималась к горизонту дорога. Ее вид взволновал меня, как в детстве, когда эта дорога казалась мне бесконечной и обещала множество чудес. Передо мной, за железной дорогой тянулась другая гора, Иванова, сплошь укрытая сосной и березой. Продолговатые рябые облака стояли над ней высоко и неподвижно.

Все кругом было настолько привычно, что мне на мгновенье показалось, что я вовсе отсюда не уезжал.

Нет, что и говорить, нигде на свете небо не бывает таким ясным, и нигде, если долгая непогода, оно не томит так своей безысходностью. Травы пахнут здесь

сильней, чем где-либо, и нигде и никогда я не видел дороги заманчивей этой вот, что по дальней горе вьется среди берез и пашен.

В газетах да и в журналах мне попадались стихотворные и прозаические высказывания о том, что землю можно любить всю сразу от Карельского перешейка до Курильской гряды, все реки, леса, тундры, города и деревни будто бы возможно любить одинаково. Тут, как мне кажется, что-то не то. Как, например, мне любить Курильскую гряду, если я ее никогда не видел?

Наконец скрипнула дверь, из соседнего дома вышла маленькая черноволосая женщина с ведром в руке. Я узнал ее сразу, поднялся и пошел к ней навстречу. Это была тетя Зина, давнишняя школьная уборщица. Я рос на ее глазах, мы рядом жили. Она заметила, что я к ней иду, остановилась и, заслонясь от солнца ладонью, смотрела на меня. Мне показалось, что она совсем не изменилась, а когда я видел ее последний раз — лет семь назад или десять? «А,— сказала она и назвала меня именем моего брата, хотя, я думаю, она меня узнала, а спутала лишь имена,— давно приехал?»

Она говорила, слегка подергивая головой (это у нее всегда было), быстро и таким тоном, как будто мы с ней виделись не далее, как вчера. Вблизи я разглядел: нет, сильно постарела, конечно, постарела. Да ведь и лет ей сейчас много, пожалуй. Мы успели сказать всего несколько слов, когда на тракте вдруг раздался грохот.

Тетя Зина встрепенулась и, снова прикрыв ладонью глаза, стала смотреть на ворота. Я оглянулся и увидел, как с мягкой дороги, расплескивая воду, на тракт въехала водовозная бочка. Тащила ее понурая клячонка, а впереди, задом едва касаясь бочки, мостился старик-водовоз. Бочка загремела по тракту дальше, в ограду не заехала.

«Куда это он? — заволновалась тетя Зина.— Куда он, черт полосатый?»

Я хотел возобновить разговор, но из этого мало что выходило. Бочка с водой не шла у нее из головы. Я сказал ей, что, дескать, я пока пошел, что буду еще

здесь и, стало быть, еще увидимся. И направился в школу. Тетя Зина успела мне сказать, что там сейчас идут последние экзамены.

Прогулка вторая. По асфальту

Кутулик подрос и похорошел. Появилась совсем новая улица, за школьным садом достраивается несколько двухэтажных жилых домов. За райкомом разбили новый сквер, у стадиона — сквер, на главной улице подрастают молодые тополя. Вырастить их было непросто, тополя высаживались здесь много раз, и много раз ничего не выходило. То стадо их вытаптывало, то козы уничтожали, то еще что-нибудь. Вообще-то в сибирских селах нет привычки сажать деревья на улицах. Объясняется это отчасти тем, что поначалу сибирские деревни со всех сторон окружены были лесом, какие еще нужны были деревья? Избы украшались лишь небольшими палисадниками с черемухой, рябиной, кустами малины, и было хорошо. Но впоследствии, когда лес вокруг постепенно был вырублен и на его месте появились поля и поскотины, села обнажились, и вид их сделался и унылым, и легкомысленным каким-то. Палисадники с кустарниками уже не спасают эти села ни от пыли, ни от беспризорности вида.

Итак, в Кутулике зашумели тополя. Тут же, на главной улице, произошла перемена, которой кутуличане придают немалое значение. Старые тротуары исчезли, и заменил их асфальт, этот пресловутый синоним всего городского, этот первейший признак сближения города и деревни. По мне, хороший деревянный тротуар лучше, но в Кутулике тротуар был старый, часто прерывался, асфальт к тому же практичнее, так что... Словом, асфальт так асфальт, не в этом дело.

Сегодня суббота, прохожие, как я замечаю, одеты чисто, нарядно. Все девушки модницы. Да что девушки, а парни? Они одеты в белые рубахи и в эти свои повсеместные испанские штаны с широченной опушкой, узкие в коленях и разогнанные книзу до ширины флотских брюк. Когда несколько таких ребят молча стоят

где-нибудь возле чайной, то кажется, что они собрались сюда, чтобы сплясать болеро, и ждут только, когда ударят кастаньеты и гитара. Гитара, впрочем, тут, при них, но носят они ее с собой больше для антуражу или для того, чтобы, копируя нынешних менестрелей, которые поют теперь по радио, стучать пятерней по неизменным трем аккордам. «Парня в горы зови, тяни... там поймешь, кто такой». Словом, парни — модники, как везде сейчас. Волосы они здесь, правда, еще не красят, но, кто знает, и это, быть может, привьется впоследствии. Надо заметить, что ребята эти не бездельники какие-нибудь, а служащие, десятиклассники, студенты на каникулах, механизаторы даже. Теперь мода такая, и они, так сказать, на уровне.

В этот день испанские штаны небольшими группами шествовали по направлению к стадиону. Оказывается, там второй день шли районные футбольные состязания.

Стадион, теперь огороженный, с приличным полем, со скамейками для зрителей, в былые времена был горбатым пустырем с одними лишь футбольными воротами. И на этом пустыре, помню, несколько лет подряд сражались одни и те же, единственные в районе команды Кутулика и шахтерского поселка Забитуй. Спортивной организации в Кутулике тогда еще не существовало, все почти игроки учились в средней школе; то же и забитуйцы, которые, бывало, добирались до места встречи на попутных машинах, пешком, а то и на товарных поездах. Поезда в те времена таскали паровозы, и на подъеме, где они замедляли ход, футбольная команда десантом высаживалась в Кутулике. Играли, бывало, часами, до изнеможения, до темноты. Ну, вот, например, победоносная поездка кутуликской команды в Зиму. В двух словах было так. Один зиминский парнишка, который случайно оказался в Кутулике, посмотрел, как пинают мяч кутуликские форварды, попинал вместе с ними, а потом от собственного имени предложил им встречу на зиминском поле. Предложение было принято, и назавтра кутуличане сели в поезд и отправились добывать себе спортивную славу в Зиму, за девяносто километров. Ехали они без билета, и всю дорогу до самой Зимы команда вместо разминки бегала от контролеров по вагонам и по

крышам вагонов. Тот парнишка исправно ждал их в Зиме на станции, матч состоялся, и кутуличане выиграли.

Позже появились спортивное общество ,спортивные деятели, бутсы, и команда стала разъезжать на машинах. Но в районе все так же было две команды.

Я вошел на стадион и удивился. Никогда я не видел здесь столько болельщиков и никак не думал, что в Кутулике столько почитателей футбола. Они заняли небольшую трибуну, все скамейки, сидели на траве, на заборе, тучами стояли за воротами. Их было много, но еще больше меня поразило количество футболистов .По всем углам стадиона, вдоль заборов они стояли тут табор к табору, отделяясь друг от друга лишь цветом маек: сиреневые, белые, красные, желтые и т. д. Мне кажется, их было больше, чем болельщиков.

На районные соревнования съехалось что-то около пятнадцати команд, а игры продолжались три дня. Команды прибыли чуть ли не из каждого колхоза.

На поле шла игра и, надо заметить, весьма приличная игра. Сражались две колхозные команды. Команде, которая когда-то ездила в Зиму, такая игра и во сне не снилась. Я прислушался к разговорам болельщиков, разговоры оказались квалифицированные, с упоминанием новейших тактик, Сандерленда, Эйсебио. Положительно, в Кутулик пришла золотая футбольная эра.

Но тут я вспомнил городские футбольные ажиотажи, ночные бдения у телевизоров, москвичей, которые по вечерам собираются у стен стадиона «Динамо» и, сбившись в кучу, до поздней ночи, а то и до утра гудят, как отроившийся улей. Да, да, я вспомнил этих полупомешанных и от удивления перешел к размышлению.

В Кутулике теперь тоже смотрят телевизор, а значит, видели и Милан, и Сандерленд, и тоже, стало быть, на уровне. Телевизоров здесь пока еще немного, но вот узнал я, что в районной библиотеке, например, установлен телевизор. Для общего пользования. Работники библиотеки не без удовольствия рассказывают, что в дни, когда передается футбольный матч, у них бывает много посетителей. Удовольствие библиотека-

рей напоминает мне удовольствие драматических актеров, концертирующих на своих подмостках с представлениями типа «Зримой песни». Увы, в кутуликскую библиотеку в футбольные дни идут не читатели, но болельщики, ровно так же, как в драматический театр в дни «Зримой песни» устремляются отнюдь не почитатели драмы, но куда более многочисленные приверженцы эстрады и мюзик-холла.

А тут показали мне команду, которая в этом соревновании защищала честь самого Кутулика. Ребята, все молодые, интересные, окружили какую-то девушку и беседуют с нею все разом. Потом вижу — нет, не беседуют, а скорее — спорят, горячатся, а весьма строгого вида девушка горячится тоже и отчаянно жестикулирует. Затем они по одному, по двое уходят куда-то с решительным видом. Один из них проходил мимо меня, и я видел, как он сплюнул даже, и слышал, как он весьма решительным образом выразился. А девушка все что-то доказывала тем, остальным. Я решил выяснить, в чем дело.

Строгого вида девушка оказалась секретарем райкома комсомола. Она уговаривала кутуликских футболистов принять участие в состязании. Они отказывались. Природа конфликта заключалась в том, что хозяева поля не получили денег, которые они хотели получить. Приезжим командам выдали деньги на пропитание в районной чайной, это понятно. Кутуличане, проживая в самом Кутулике, столовались, естественно, дома. Но они тоже требовали деньги на пропитание. Это отдавало уже высоким футбольным классом. Хотя многие из них долго упорствовали, игра все-таки состоялась, хозяева поля проиграли и по всем правилам футбольной борьбы из дальнейших состязаний выбыли.

Болельщики, разумеется, были недовольны своей командой, но со стадиона не уходили. Были здесь и шум, и свист, и буфет с пивом, и конфликты разного рода, словом, все, что полагается. Был тут и фатальный, неизбежный почти в таких обстоятельствах дядя Вася, человек в суконных зимних ботинках, немолодой, небритый, нетрезвый, но существующий для увеселения публики. На беговую дорожку между полем и скамейками он выходил, как на манеж. Раскачиваясь и спотыкаясь отчасти по естественным при-

чинам, отчасти для того, чтобы нравиться публике, он комментировал матч, философствовал, сквернословил. Его выводили, но через некоторое время он появлялся снова. И публике он нравился, она его слушала и наблюдала за ним с удовольствием.

Кутулик на три дня погрузился в золотой футбольный бред, а финальная игра была назначена даже на четвертый день, на понедельник.

По вечерам после игр колхозные футболисты облачались в испанские штаны и большими компаниями бродили по главной улице.

Прогулка третья. Ночная

Новый Дом культуры — солидное каменное здание с большим залом, фойе, изрядным количеством комнат, в нем свободно поместился бы целый театр. Я отправился туда в первый же вечер и попал на концерт. Зал был набит битком. На сцене молодая, красиво одетая женщина исполняла народные песни. Аккомпанировали ей на баянах два парня. Пела она славно, а парни-аккомпаниаторы время от времени радостно улыбались. И я пожалел, что в эту минуту нет здесь со мной кого-нибудь чужого, нездешнего, кому я мог сейчас сказать: «Ну, каково у нас, в Кутулике?.. Вот так». Но человека такого рядом не было, и я молчал, полностью разделяя благоговейное внимание зрителей. Певица спела на «бис», раскланялась и удалилась. Потом вышел конферансье с довольно приличными манерами и объявил новую певицу с эстрадным квинтетом. «И квинтет имеется,— подумал я с удовольствием,— ничего себе, развернулись ребята».

И, действительно, на сцене появились ребята, здоровые как на подбор и все с радостными улыбками. Неужели учителя, подумал я. Или агрономы? Они ударили какой-то мотив, и на сцену быстро вышла лет тридцати пяти певица, ярчайшая блондинка, полная, в коротком платье. Она с такой отвагой изображала семнадцатилетнюю девочку, что в голове у меня мелькнуло сомнение — кутуликская ли это программа? Квинтет прибавил духу, и понеслось.

— Гуси! Гуси! — вскрикивала певица, взмахивая полными белыми руками.

— Га! Га! Га! — откликался ей весь квинтет, радостно улыбаясь.

— Есть хотите? — спрашивала она у музыкантов лукавым голосом и оборачивалась к ним в этот момент.

— Да! Да! Да! — басили музыканты.

Нет, не Кутулик, подумал я, теперь уже с некоторым облегчением.

«Чей концерт?» — спросил я соседа. «Из Читы»,— ответил он. Ага, подумал я, гастролеры. Песня мне показалась неоправданно длинной, давно уже все было ясно, а они все продолжали:

— Есть хотите?

— Конечно!

Действительно, это была разъездная читинская эстрада. Далее был жонглер, эквилибристы, чтец-декламатор и прочее. Было тут и «парня в горы зови, тяни». В Кутулике квинтета не оказалось. Оказались лишь танцы в фойе, радиола, баян. Больше ничего.

На танцы народу в клуб собирается немного, да и, правду сказать, танцы скучные. На баяне играет сам художественный руководитель Дома культуры, молодой симпатичный человек. Едва ли справедливо одного его упрекать в том, что в Кутулике нет квинтета, драмкружка и многого другого, что могло бы быть при районном клубе. Но, по-моему, есть смысл привести здесь одно, как мне кажется, весьма характерное суждение молодого художественного руководителя. Появившись в Кутулике недавно и, очевидно, совершенно справедливо требуя для себя квартиру, он, как мне рассказали, в объяснениях с начальством нажимал главным образом на то обстоятельство, что не иметь в его положении квартиры несолидно. Как видите, обычные и печально однообразные в таком деле доводы «негде жить, невозможно работать» в данном случае уступили место аргументу новому, куда более «тонкому» и «возвышенному» — несолидно. Этот аргумент, если принять во внимание, что так много не хватает повсюду квартир, чтобы в них просто-напросто жить ,аргумент с первого взгляда вроде бы комичный. Но, как подумаешь, смеяться, получается, тут вовсе нечему. Выходит, не смеяться надо, а даже наоборот — надо печалиться, что пришел такой аргумент в голову молодому симпатичному специалисту.

Но вернемся на танцы. Я думаю, что самые страстные поклонники танцев, это как раз те, кто, присутствуя на танцах, в танцах не участвуют. Встретить их можно почти всюду, есть они и в кутуликском клубе. Ростом уже немаленькие, но по-детски еще худые и угловатые, они стоят у выхода из фойе, разговаривают между собой и занимаются как бы больше всего друг другом, своей компанией, тем самым явно выказывая равнодушие к танцам. Вы там, дескать, давайте, шаркайте, протирайте сколько влезет полы, они казенные, а мы тут малость постоим, поговорим, у нас дела поважнее. На самом деле не думают они ни о чем, кроме танцев, и ничего, кроме танцев, не видят. Взгляды, которые бросают они как бы вскользь на сидящих вдоль стены девчонок ,выдают их с головы до пят. Воображение их кипит, нервы напряжены, в головах бродят угрюмые, недетские мысли. Драма, которую переживает эта компания, называется несовершеннолетие.

Бывают у них, наверное, и свои танцы — в школе, на именинах, но танцы в Доме культуры, о, это совсем другое. Это взрослые танцы. Здесь, в ярко освещенном зале, собрался народ разный: девчонки из сельхозучилища, юные, но уже довольно самостоятельные, в коротких юбках, вольно причесанные, сидящие вдоль зала чинно, неприступно, но, несомненно,— в ожидании интересных и значительных знакомств; молодые специалистки, модные, чуть чопорные, но полностью уже самостоятельные; две молодые женщины, заехавшие в Кутулик в гости, веселые, свободные, ярко накрашенные, в одинаковых белых юбках — уже окончательно самостоятельные, дачницы, как я их назвал про себя. Словом, здесь возможности, тайны, надежды и все, все, что так привлекает сюда этих ребят, смиренно толпящихся у входа. И если кто-нибудь самый отчаянный из них подойдет, наконец, к женщине и пригласит ее танцевать, и если она ему не откажет, как они будут ему завидовать и как будут скрывать свою зависть!

Они несколько раз куда-то исчезали, но к концу танцев снова собрались все у дверей. Танцевать никто из них так и не насмелился. А вот уже баянист оборвал вальс, поднялся и вдруг заиграл в бешеном темпе

фокстрот, вышибаловку, как раньше тут говорили, это означало, что танцы окончены. Подростки вышли первыми. Ну вот, подумал я, еще один вечер закончился для них разочарованием. Они, думал я, разошлись, и каждый свою тайную досаду несет сейчас домой, где родители, возможно, будут удивляться: где, интересно, сынок так долго проходил и почему он вернулся такой злой. Так думал я, но, увы, заблуждался.

Было темно, духота не проходила, и чувствовалось, что облака над головой низкие и тяжелые. Собирался дождь. Я шел в гостиницу, передо мной в темноте шли две девушки в большой компании парней. В девушках по белеющим в темноте юбкам я опознал дачниц, парни были скрыты мраком ночи. Невольно я слышал их разговоры. Судя по разговорам, молодые люди еще не были с девушками знакомы. Однако беседу они затеяли такую непринужденную, что бойкие дачницы, чувствую, дрогнули и смутились. В выражениях ребята не стесняли себя совершенно. Их виды на ближайшее будущее оказались настолько дерзкими и высказаны были так прямолинейно, что девушки замолчали и прибавили шагу. Они явно побаивались. Парни не отставали.

В это время компания оказалась под фонарем, который сиротливо покачивался на столбе против отделения милиции. Девчонки пробежали бегом, парни под фонарем остановились, и неожиданно я узнал в них тех самых подростков, которые все танцы смирно простояли у дверей.

Да, по домам они не разошлись, и переживания, которые я приписывал им в своих мыслях, на самом деле были не такими уж страшными и вовсе не тайными. Я думал об одних, эти оказались другими. Словом, драмы не вышло, вышел фарс, да и при том весьма скверный.

Я узнал, что по ночам здесь иногда пошаливают, нет, нет да кого-нибудь ограбят, а из разговоров с работниками милиции, суда и прокуратуры выяснилось, что изрядную часть хлопот суду и милиции создают молодые люди, в особенности лица рождения пятидесятого-пятьдесят четвертого годов.

При сем обращает на себя внимание то обстоятельство, что участились случаи преступлений, совершаемых

без явных на то мотивов. То есть бывает так, что воруют, например, не с целью наживы и обогащения, но больше как бы для развлечения, а хулиганят порой как-то особенно бессмысленно. Иные проступки не сразу объяснишь, и бывает, что они с трудом поддаются определению суда. В моем блокноте есть такие факты.

Здесь нашумело дело о хулиганстве, бесчинстве и воровстве, учиненных пятью черемховскими школьниками в деревне Табарсук, что находится неподалеку от Кутулика. Вот это дело вкратце. В ночь под новый, 1968 год два пятиклассника, два семиклассника и студент первого курса горного техникума из Черемхово прибыли поездом в Кутулик, а по прибытии пешком направились в деревню Табарсук. В Табарсуке они забрались в пустую школу, где учинили ряд бессмысленных безобразий, часть из которых непристойна и не подлежит описанию. Кроме того, они разбили там патефонные пластинки, разбросали и растоптали ногами приготовленные для школьного утренника новогодние завтраки. Затем ограбили дом председателя и колхозника Вязьмина и ушли в село Большая Ерма, где снова устроились в школе. В Большой Ерме они топили печь классными журналами и тетрадями.

В подробностях это новогоднее приключение удивляет не так грабежами, как цинизмом его юных участников. По сравнению с циничностью некоторых их проделок, не причинивших, кстати, никакого материального ущерба ни обществу, ни частным лицам, грабежи и воровство, то есть все материальные издержки этой истории, какими крупными бы они ни были, кажутся мне сущими пустяками.

Преступники отбывают наказание, но и по выходе их на свободу вина не будет искуплена, если виноватым не почувствует себя каждый, кто знаком с этой или другой, похожей на нее историей. Именно тут мои заметки подходят, как мне кажется, к логическому концу.

Прогулка последняя

Происшествие в Табарсуке характерно также одной любопытной деталью, которой, как мне показалось, кутуличане придают явно преувеличенное значение. На

стенах, в которых бесчинствовали хулиганы, они оставляли сакраментальную подпись: «Фантомас». И вот это обстоятельство для многих почему-то сделалось объяснением всей этой истории и чуть ли не причиной ее. Ну да, говорили, показывают детям безнравственные фильмы — и, пожалуйста вам, результаты.

Вот так получается. Легко, весело и просто. Нет сомнения, что подобная мысль — родная дочь глупости и равнодушия, и появилась она специально для успокоения совести. Если не было бы этого забавного фильма, все в Табарсуке случилось бы в точности так, как случилось, разве только на стене вместо Фантомаса хулиганы написали бы что-нибудь попроще.

Дело не в Фантомасе. Фантомас — капля в море причин, из которых являются иногда дикие, порой жутковатые следствия. Поиски ответов на вопросы — как это могло случиться и кто в этом виноват, идут, как правило, по маршруту: родители — школа — улица. Комиссия идет к родителям, от родителей в школу, из школы на улицу, а на улице, естественно, разводит руками. Тут наша комиссия сталкивается с некоей неопределенностью, которую невозможно ни оштрафовать, ни дать ей выговора, ни поставить на вид, словом, неопределенность эту, называемую иногда средой, никак нельзя привлечь к ответственности.

Нельзя? Но почему нельзя? Можно. Ведь среда — это мы сами. Мы, взятые все вместе. А если так, то разве не среда каждый из нас в отдельности? Да, выходит, среда — это то, как каждый из нас работает, ест, пьет, что каждый из нас любит и чего не любит, во что верит и чему не верит, и, значит, каждый может спросить самого себя со всей строгостью: что в моей жизни, в моих мыслях, в моих поступках есть такого, что дурно отражается на других людях?

Спросить, ответить на этот вопрос, а потом жить по-новому? Как просто! Как легко на словах и как нелегко на деле.

Да, задать себе такой вопрос — не штука, ответить на него труднее, потому что в этом случае уже надо понимать, что хорошо и что плохо. Но какая сила нужна, чтобы от ответов и вопросов перейти к действию. Какая для этого нужна совесть, какая вера в лучшее, какое чувство справедливости, словом, сколько для это-

го нужно всего того, что называем мы духовным богатством человека!
Такого, примерно, рода мыслям предавался я, уезжая из Кутулика.
У блокпоста, в конце Первомайской улицы, мы, несколько пассажиров, расселись на траве в ожидании электрички. Нас было четверо. Полная, поминутно стонущая и охающая бабка, возвращающаяся в Черемхово из гостей, две девчонки, направляющиеся в Ангарск подавать в техникум документы, и я. Было два часа дня — самая жара, все сидели молча и думали каждый о своем. Бабка одной рукой обнимала зеленое эмалированное ведро, из которого торчали луковые перья и хвосты редиски. Электричка запаздывала, ожидание становилось томительным, но тут неожиданно нас развлекли вертолеты. Они появились из-за березового перелеска и летели над полотном, прямо над нами. Сначала пролетело три, потом еще три, потом еще и так — пятнадцать вертолетов. Тени их одна за другой прыгали по крышам Первомайской улицы, и от этого казалось, что дома и сама улица тоже пришли в движение. Бабка как-то украдкой перекрестила себя, а потом совсем уже чуть заметно, одним почти движением — тройку вертолетов.
Да, продолжал я свои размышления, конечно, прежде всего человеку нужны еда, одежда и крыша над головой. Но не хлебом единым жив человек, гласит старинная истина. Истиной она была в старину, истиной она остается и по сей день. И особенное значение она, на мой взгляд, приобретает сейчас, когда крыши наши становятся поновей, еда посытнее, одежда покрасивее. Пришла электричка, и мы уехали.

ВЕЧЕР

Вечером Миша Ковча, двадцатилетний плотник, сел за стол, чтобы написать письмо отцу в село Городжив далекой Львовской области. В палатке рядом с раскаленной печкой жарко, а по углам холодно, окошки обледенели, на койках два парня спят в бушлатах.
В Усть-Илим отец прислал сыну первое письмо. А те, другие, он присылал в Братск, а еще раньше — на целину.

Отец интересовался: «Пишу, сын, до тебя письмо, в котором хочу спросить. Куда ты едешь? Чего гоняешь по земле? Чего ищешь?»

«Добрый день, тата, сестренка Надя и Катерина Алексеевна. Живу хорошо, работа идет хорошо, новостей никаких нет...»

Ручка выскальзывала из его желтых пальцев, бесчувственных от работы и морозов.

Вошел Толя, шофер, хлопнул рукавицами, разулся. Миша его не заметил. Шофер пристроил валенки на шест у печки, снял со стены гитару и развалился на своей койке.

Шофер бренчал, трещали в печке дрова, Миша писал ответ в село Городжив.

«Я работаю в бригаде товарища Притулы. Работа не тяжелая. Палаток здесь больше десяти, а мы строим новый поселок и баню строим.

Живем мы в палатке семнадцать человек. Время проходит хорошо, работаем, пока светло, а вечера проводим весело. Играем в домино, в шахматы. А то рассказываем анекдоты и вообще — кто что знает.

Морозы бывают большие. Товарищ Притула говорит нам:

— Можете сегодня не работать.

Но мы идем, и первым сам товариш Притула...»

Шофер вдруг ударил по струнам всей пятерней, резко заглушил их и бросил гитару на соседнюю койку. Гитара всхлипнула.

— Жизнь!..— сказал шофер и выругался. Миша взглянул на него бессмысленно и перевернул лист.

«В письме, что вы до меня написали, вы спрашиваете, почему я уехал из Братска. А уехал я оттуда, потому что сам попросился. Сюда ехать считается за почет и что повезло. И я так думаю.

Река здесь широкая, на середине острова, и красиво. Когда приехали, ходили на Толстый мыс, где будет строиться ГЭС. Это большая гора, и на ней стоит знамя.

Вы говорите, дома цветут сады, а здесь климат тоже хороший, и тут, может, зацветет.

Напишите мне, что вам надо. Мне здесь куплять нечего. Все у меня есть.

Сестренке Наде передайте, пусть она скажет Кате, ко-

торая очень весело уехала в Одессу, что я ее забыл. Письмо та Катя мне написать не может, на это у нее никак не хватает времени. Надя, передай ей, что я ее забыл.
Вот и все. Трудностей пока никаких нет...»
Миша закончил письмо, разделся и лег. Он сразу же уснул, чтобы через семь часов начать новый полный лишений день — один из труднейших дней начала стройки.

ГОРОД БЕЗ ОКРАИН

На Охотном ряду мне объяснили:
— Какой? Карамышевский? Вот на этом троллейбусе, на самую окраину.
Было два часа дня! Я сел в троллейбус. За окном Москва дворцов, памятников, торжественно густых людских потоков. Улица Горького, Ленинградский проспект, Беговая...
Я знаю, что такое окраина. Я месил грязь по ее кривым тесным улочкам, тусклыми осенними вечерами пробирался мимо луж, цепляясь за мокрые черные палисадники, зимой в большой снег ходил по тропинкам в настоящих деревенских сугробах. Рядом, в двадцати минутах езды на трамвае, начинался «сам город» — сверкающий огнями каменный центр. Трамвай, таким образом, курсировал из сегодня в завтра, из центра — на окраину. Я знаю ее, деревянную, многотрубную с древним месяцем в серебряном окошке.
Новохорошевское шоссе.
Улица раздвинулась, посветлела. Троллейбус обгоняют машины, груженные панелями.
— Карамышевский поселок!
Выхожу из троллейбуса, осматриваюсь. Ищу глазами окраину.
Окраины нет. Есть «сам город», Москва.
Солнце, будто демонстрируя здесь свою власть, слепит молодым снегом, сверкает большими ясными окнами домов. Дома стоят свободно. Очень свободно. Стройные, легкие, каждый в отдельности — строгие, вместе, целой улицей они выглядят праздноством простоты, воздуха и света, Это — архитектурный союз дворцов

и хижин. Союз этот выгоден, прочен, необходим. Необходим потому, что он позволяет строить быстро.

Я смотрю из окна. Рядом с загадочной матовостью штор, веселостью цветных портьер окна незаселенных квартир кажутся невыносимо пустыми. Мне захотелось увидеть новоселов. Захотелось побыть свидетелем их радости.

Я постучался в дверь наудачу. Но удача подстерегает здесь на каждом шагу.

Я попал к новоселам.

Гора книг посреди комнаты, кое-как расставленная мебель, на столе громоздится вся кухня, остро поблескивая своими эмалированными деталями. За этим же столом молодая мать кормит кашей двухлетнюю девочку. Отец перебирает книги.

Я знаю, этот счастливый беспорядок продержится в этой квартире еще дня два.

Отец — молодой токарь подшипникового завода Анатолий Авласенко. Мать — дипломантка Художественного училища имени Сурикова. Дочь зовут Катюшей. Еще вчера они жили в маленькой комнате на Кропоткинской.

Матери, конечно, хочется, чтобы в нашем разговоре участвовала Катюша. Выясняется, что новой квартирой Катюша довольна.

Солнце слабо сопротивляется липким декабрьским сумеркам, меркнет, тает, еще не спустившись за фасады домов. Я иду к троллейбусной остановке. Четыре часа. С тех пор как я сел в троллейбус на Охотном ряду, прошло два часа. В Москве за это время создано сорок четыре жилых дома.

Интересно, как будут объяснять Катюше Авласенко, что такое окраина?

Я вспомнил свою школу. Трехэтажную школу в конце города. На несколько кварталов она была единственным каменным зданием. В окружении бараков и изб она выглядела одиноким, бессильным богатырем среди торжествующих полчищ врагов.

Но в таких школах учились будущие строители. Теперь, любуясь вечерним Хорошево, я вижу, что строители выросли.

Москва становится городом без окраин. Черемушки, Хорошево, Мневники, Кузьминка, Измайлово. Ради окраин москвичи без сожаления расстаются со своими реликвиями — со старым тесным Арбатом, с шумным Кузнецким мостом.

Реликвии, которые создаем мы, дороже. Цари оставили нам кучу церквей, много памятников, меньше дворцов, десятки тысяч хижин и еще больше лачуг. В сорок первом году нам не хотели оставить ни того, ни другого, ни третьего. В сорок первом году у нас разрушали все, что мы построили за двадцать лет. Потому я знаю, что такое окраина с ее слепыми каморками, с тоскливым бряцаньем собачьих цепей за глухими крашеными воротами.

Потому я так долго любуюсь новыми кварталами в Хорошево.

Наши реликвии дороже. Наши реликвии — города без окраин. Большие солнечные города, где каждому человеку будет просторное чистое жилье. И эти, созданные нами и сбереженные нами от разрушений, а не толстокаменные хоромы и бронзовые идолы будут нашими лучшими памятниками.

О'ГЕНРИ

Вы помните ...Желтый лист упал на колени Сопи. То была визитная карточка Деда Мороза... Помните Сопи, человека без крыши, без денег, без идеалов, осенью на скамейке Мэдисон-сквера размышляющего лишь о том, как попасть в тюрьму, чтобы прозимовать в тепле и «в приятной компании». Помните, совершенные с этой целью несколько попыток воровства и хулиганства ни к чему не привели, и усталый, присмиревший, завороженный звуками хорала, Сопи вдруг решает начать новую жизнь. Тогда ни с того ни с сего Сопи хватает полисмен, и на зиму он попадает в тюрьму.

Смешно и печально.

Таков юмор высшего сорта, юмор, наделенный чувством и мыслью.

Таков рассказ «Фараон и хорал».

Таков О'Генри в лучших своих произведениях.

Иногда он, забывая о Сопи, писал румяные рождественские рассказы. Этого требовал стоящий у его писательского стола наглый редактор времен возрастающего благополучия Америки. Но весной бродяга Сопи опять появлялся в Мэдисон-сквере, и О'Генри снова встречался со своим приятелем, которого любил и за которого всегда был готов заступиться. Кстати, смешная и трагическая фигура Сопи появилась потом в фильмах раннего Чаплина.

Враг лжи, несправедливости, тупости, в литературе он видел «средство добыть хотя бы крупицы правды». И он делал это как умел. Критики обижаются на него за то, что он не создал «человеческой комедии» современной ему Америки, не поднялся до больших социальных обобщений.

Но О'Генри не обязан быть ни Свифтом, ни Бальзаком. Писать ему пришлось всего одиннадцать лет. За это время он создал 273 новеллы и один роман. Его рассказы — золотые россыпи юмористики. Пружина его рассказа — парадокс. Парадокс — повествование в диалоге, в действии. Парадокс — как точное средство мышления, как самое яркое и краткое выражение сущности нормального, обычного.

Но парадоксы не падают с неба. Их надо видеть на земле. И для этого у него был талант. В современном ему обществе истина была запрятана так глубоко и порой появлялась на поверхности таким неожиданным образом, что разглядеть ее дано было не каждому.

«Когда мы обращались к классикам, зоилы с радостью изобличали нас в плагиате. Когда мы пытались изобразить действительность, они упрекали нас в подражании Генри Джорджу, Джорджу Вашингтону, Вашингтону Ирвингу и Ирвингу Бачеллеру. Мы писали о Востоке и Западе, и они обвиняли нас в увлечении бандитизмом и Генри Джеймсом. Мы писали кровью сердца, а они бормотали что-то насчет больной печени...»

Когда он стал мастером, он решил писать одну правду. Он задумал произведение, в котором хотел описать собственную жизнь так же, как у его героев, — полную превратностей судьбы.

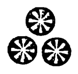
Это сделать он не успел.

Избранные и переизданные у нас его книги сразу же стали популярными.

* * *

Сегодня 100 лет со дня его рождения. 100 лет со дня рождения писателя-гуманиста, рассказчика-виртуоза, неизменного любимца читателей. И у читателей сегодня праздник.

ФЕЛЬЕТОНЫ

АТТЕСТАТ НА ПОРЯДОЧНОСТЬ

Как и во всяком расставанье, в этом есть много волнующего и трогательного. При окончании молодыми людьми того или иного учебного заведения неизбежны сентименты, торжественность, некоторая пышность. Приятно утомляют поздравления, пожелания, напутствия. Примерно месяц выпускники бывают обласканы теплыми лучами внимания, чуткости, предупредительности.

Не остаются равнодушными к выпускникам и администраторы... Молодым людям вручается лист о семнадцати пунктах. Семнадцать подписей, семнадцать тяжелых печатей, поставленных в семнадцати инстанциях, должны засвидетельствовать, что молодые люди нигде никому ничего не должны. Печати нужно поставить в трех библиотеках, на учебных кафедрах, в бухгалтерии и т. д., и т. д.

Такой аттестат порядочности, эту индульгенцию о несуществующих грехах получить нетрудно. Стоит ли уж тут сетовать о каких-то двух-трех днях, потраченных на хождение по семнадцати инстанциям?

Несмотря на все эти непредвиденные препятствия, диплом восполняет радужное настроение. И все-таки очень скверно, когда молодым специалистам не доверяют. Не верят, что советский человек, пять лет проучившийся в вузе, не утаит что-нибудь из кровного вузовского имущества.

Если даже проникнуться администраторской бдительностью, если даже войти в положение человека, стерегущего фруктовый сад от нападения садовника, если даже признать за администраторами право не доверять, то уж никак нельзя примириться с тяжелой администраторской привычкой подозревать. Здесь уже мы имеем дело с бюрократизмом, оскорбительным и воинствующим.

Согласно обходному листу студент должен побывать во всех общежитиях вуза, где запастись теми же подписями и печатями. Во всех общежитиях, независимо от того — жил ли студент лишь в одном из них или никогда ни в одном из них не жил. Спрашивается: зачем?

Был такой случай. Служащий пришел к администратору с тем, чтобы тот своей подписью подтвердил существование данного служащего (ничего удивительного, требуются иногда и такие бумаги). Администратор повертел бумагу в руках, обмакнул перо в чернильницу, но вдруг взглянул на часы и... отказался подписать. Было пять минут седьмого — рабочее время кончилось! И это не потому, что администратор боялся переработать. Нет. Эта глупейшая выходка нужна была для порядка, для соблюдения служебной дисциплины.

Мы смело отбрасываем из нашей жизни гнетущие и досадные формальности, навсегда избавляемся от мелких, необоснованных ревизией чужой совести и чужого бумажника. Мы доверяем друг другу. У нас есть магазины без продавцов, трамваи без контролеров, кинотеатры без билетеров.

А обходной лист, это бюрократообразное о семнадцати хвостах, между тем заполняется. Заполняется он выпускниками иркутских вузов, администрациям коих этот разговор с прискорбием посвящается.

ЖИВЫЕ ИСКОПАЕМЫЕ

Археолог и фельетонист имеют общее между собой то, что оба они занимаются обломками прошлого, оба вытаскивают на всеобщее обозрение диковинки разных размеров и возрастов.

Но археологу спокойнее. Он имеет дело с неподвижными свидетелями минувшего, свидетелями, навсегда лишенными способности воровать, спекулировать, распускать слухи, драться с соседями, жениться по нескольку раз, по нескольку раз обжаловать справедливое наказание и т. д. Одним словом, сложность для фельетониста состоит в том, что он имеет дело с живыми ископаемыми.

Теснимые со всех сторон нашими законами, гонимые отовсюду честными людьми, эти ископаемые мечутся, изворачиваются, скрываются и живут...

Инстинкт самосохранения тянет их с места на место, гонит в поиски снисходительного к себе отношения, в поиски свежих головотяпов.

Где ты, товарищ Пух?

Работал товарищ Пух шофером АТУ-5. Крутил товарищ Пух баранку. Крутил нехотя, без всякого энтузиазма. Хотелось Пуху работы потоньше, поинтеллектуальнее.

Есть на коршуновском рынке пустая сторожевая будка. Ходили строители мимо, не замечали ее. Но однажды, погожим сентябрьским утром, будка ожила.

— Товарищ, — слышалось тем утром из будки, — вы случайно не опаздываете на работу?

— Почему вы так думаете?

— Ваши часы не отстают случайно?.. Определенно отстают.

Потом двери сторожки распахиваются, и тот же голос объявляет:

— К вашим услугам! Молниеносный ремонт часов.

Четыре дня Пух трудился без вывески. Труд его состоял лишь в том, чтобы убедить клиента доверить ему часы. Это очень трудно. Чинить часы Пух не умеет. На пятый день на сторожке появляется вывеска: «Ремонт часов». Клиент повалил густой доверчивой толпой.

— Ваши часы никуда не годятся. Но я попробую. Тридцать два рубля.

Клиент отдает часы и деньги.

— Когда будет готово?

— Когда? Я думаю, что все будет готово двадцать шестого.

Двадцать пятого сентября Пух, сверяя время по нескольким часам, спешил к поезду, в котором и укатил из Коршунихи...

На добрую память о собственных часах клиенты получили малограмотные расписки «часового мастера».

Кот на базе

В мае 1959 года в орсе Коршуновстрой состоялся небезынтересный разговор.

Молодой человек покорнейше просил принять его на работу в орс стройки.

— Я хочу быть снабженцем, — сказал молодой человек.

Заглянули в его документы. Попробовали отказать.

— Вы же электросварщик.

— Но я хочу снабженцем, — твердил он.

Тогда ему заглянули в глаза. Они светились бескорыстием. Послушали его голос. В голосе молодого человека было столько желания, такая в нем угадывалась любовь к взвешиванию товаров и подписыванию накладных, что ему немедленно доверили базу орса.

Летом 1959 года продуктов на базе было немного, и Александр Наумович Кричмар посвятил лето созданию своей репутации.

Но вот пришла обильная осень. Засуетились снабженцы.

Глаза Александра Наумовича по-прежнему свети-

лись бескорыстием, но глазам противоречили руки — они не могли выпускать без остатка все, что проходило через них. Выдавало еще лицо, пылающее ярким круглосуточным румянцем. Это оттого, что Александр Наумович слишком часто пил. Пил, хотя отлично сознавал превосходство трезвого снабженца над пьяным.

Трезвых людей он не любил и боялся. Он знал, что трезвое окружение делало бы его слишком заметным. И старался споить всех, с кем работал. Шестнадцатилетних грузчиков орса Станислава Петрова и Юрия Рудых Александр Наумович с большой охотой снабжал спиртным прямо с базы, в кредит. Таким образом парни пили весь месяц, а в день получки Кричмар взимал с них сумму, как правило, округленную в пользу кредитора. При этом нельзя не оценить тонкости, с которой Кричмар давал. Вот, к примеру, расписка, полученная Кричмаром от бригадира Мизюкина:

«Дана Александру Наумовичу Кричмар в том, что я, Мизюкин В С., бригадир грузчиков, беру две бутылки вина для нужд базы, а поэтому прошу отложить расчет до завтра...»

Здесь налицо некоторая неловкость, некоторая натяжка, неестественность жеста. Брал Кричмар все же несравненно охотнее, чем давал. Было бы наивно полагать, что из 18 374 килограммов картофеля, списанного Кричмаром, все эти 18 374 килограмма испортились. По крайней мере, вахтер базы Павел Алексеевич Федоров, купивший лично у Кричмара два мешка картошки, кушал ее с аппетитом.

Не пропали безнадежно и все три с половиной тонны огурцов, списанных Кричмаром минувшим летом. Качество 271 килограмма таких огурцов по достоинству оценил завскладом АТС Иван Александрович Атлашкин, который приобрел их у заведующего базой и кушает, пожалуй, и сейчас.

Надо бы угостить этими овощами и Михаила Евстафьевича Макарова, председателя Железногорского поселкового Совета. Того самого Макарова, который подписывал акты о списании этих самых овощей, не глядя, не контролируя Кричмара.

Кричмар благоденствовал. Он становился загадочно

богат. За два зимних месяца, получая оклад в 370 рублей, Александр Наумович не постеснялся приобрести швейную и стиральную машины, зеркальный шифоньер, приемник «Октава» и еще ряд «мелочей». База, как видите, ни в чем ему не отказывала. Комиссия от орса и поссовета взвешиванием списанных продуктов не занималась.

После картошки и огурцов Кричмар накинулся на мандарины и капусту. Но капуста стала ему поперек горла. «Операция» этим овощем вывернула ридикюль продавца овощного магазина Таисии Федоровны Костюхиной. Костюхина заволновалась. Александр Наумович понял свою ошибку, когда она стала уже роковой. В эти дни Александр Наумович с нежностью думал о доброй, безропотной базе. Разлука с нею надвигалась, он это чувствовал.

Теперь Александр Наумович ждет суда. Больше ждать ему нечего. Вновь и вновь он думает о базе и ласковых головотяпах, которые безраздельно и бесконтрольно давали владеть ему этой базой в течение года. С благодарностью он будет их вспоминать даже тогда, когда суд удалится на совещание.

ЗИМИНСКИЙ АНЕКДОТ

Внезапно нагрянула жена. А с ней младенец сын и теща Мария Филимоновна. И они остановились в дверях. Муж Коля сидел за столом. А на столе были консервы, виноград и водка. А у окна стояла девица Маша. Коля смутился. От неожиданности. А Маша — ничего. Поздоровалась даже с Марией Филимоновной. Очень непринужденно.

Потом Коля и Маша ушли.

«Ну и что же? — скажет читатель. — Муж разлюбил жену. Бывает ведь такое. Полюбил другую. Страдал, боролся с собой. Сказал последнее «прости» и ушел. Бывает, что поделаешь. Любят, страдают, борются, уходят. Бывает, возвращаются».

Бывают комедии и драмы. Случаются трагедии.

Жанр, в котором выступил недавно рабочий Буринского леспромхоза Николай Бойко — ни драма и ни комедия. Это — анекдот. Грубый, невеселый анекдот.

Итак, Маша и Коля вышли погулять. Пусть по-

гуляют. А мы тем временем начнем эту историю сначала.

То было раннею весной. Впрочем, Колина мамаша говорит, что уже были посажены огороды. Коля привел в дом (Зима, Партизанская, 134) Тамару. Девятнадцатилетнюю. Скромную. Наивную. Она жила в селе Подгорном, там они познакомились. Коля наскоро поклялся в любви и увез девушку в Зиму.

Коля женился, но жениться ему было не впервой, и мы, может быть, придаем этому слишком большое значение. Потому перейдем прямо к семейной хронике.

Но прежде познакомимся с Феодосией Бойко, Колиной мамашей. Знакомство не из приятных, но ведь не все наши знакомства приятные. Существуют знакомства необходимые. Феодосию Бойко знать необходимо. Для того, чтобы никогда с ней не встречаться. Черное сутяжничество, хамство, стяжательство слились в ее характере, как сливаются воедино трубы канализационной системы. Оскорбить сына, отматерить ребенка, оболгать прохожего — все может эта гражданка. Прибавьте сюда еще скупость, ворожбу, «врачевание» недугов и представьте эту женщину в роли свекрови. Для невестки — это Сцилла и Харибда, два эпических чудовища, вдруг объединившиеся в одно и заговорившие на русском языке.

Скандалы пошли, как грибы. Свекровь была дьявольски изобретательна. Когда в доме затихали оскорбления и оплеухи и наступали голубые часы бесконфликтности, свекровь нервничала.

Чернее тучи она металась по комнатам и вдруг объявляла, что из буфета украдено три банки брусники. Кто украл? Не невестка ли? Нет? Посмотрим! Свекровь бежала к своей подруге, которая разгадывала сны, предсказывала насморк и конец мира. Подружки раскидывали картишки, и все становилось, как божий день, ясным.

Дома свекровь, хвативши кулаком по столу, торжественно кричала:

— Бруснику стащила бубновая дама и червонный король. Вместе с банками! Что! Отвертелись?

Так они и жили. В непрерывных скандалах Тамара ожесточилась, в доме стало темно от матерщины и зуботычин.

Молодые ушли от Феодосии Бойко на частную квартиру, но от скандалов они не ушли. Потому что Феодосия исправно их навещала. Потому что Коля и сам по себе тоже был хорош. К тому же он пил и от водки не делался лучше.

Когда у них родился сын, свекровь тут же усомнилась: Колин ли это ребенок? И заскучала, когда поняла, что ребенок Колин: не было повода для скандала. Предыдущую Колину жену она оклеветала самым грязным образом. Оклеветала и выжила из дома. Потом они получили квартиру, ту самую, в которой Коля пировал с девицей Машей.

Как-то Тамара прочитала в газете о курсах продавцов. Решила учиться (до этого она работала уборщицей). Коля согласился. Ребенка решили увезти к Тамариной матери.

Так и сделали. Тамара уехала в Залари. Вову увезла в Подгорное. И Коля остался один, совсем один.

В первое же воскресенье Тамара (она заехала за сыном и матерью) приехала навестить мужа. Мы уже знаем, что она выбрала для этого неподходящее время. Так вот, Коля и Маша погуляли и вернулись. В первом часу ночи. Сначала в дверь постучала Феодосия Бойко.

— Где мой Коля? — спросила она.

Потом появился Коля. И Маша. Можно было подумать, что они пришли сказать последнее «прости». Но Коля ничего не сказал. Он ударил Тамару по голове. И еще раз. И еще. И не сказал ни единого слова. Потом он переключился на тещу Марию Филимоновну.

Феодосия Бойко упивалась зрелищем. В эту минуту она была счастлива. Девица Маша стояла тут же. Кажется, ей было скучно. Тамара и Мария Филимоновна бежали к соседям. Феодосия ушла домой. Оставшись одни, Коля и Маша, не стали зря терять времени, они принялись носить вещи на Партизанскую, 134.

И так далее.

Через две недели состоялся новый скандал. Коля ночевал в милиции. Но утром уже разгуливал по Зиме, куражился:

— Ничего мине не будет. Посадить меня невозможно.

У него, видите ли, дядя в Ангарске милиционер. И

леспромхозовское начальство о нем хорошего мнения. Совсем парень неуязвим. Все ему можно.

Мамаша тоже отчаянная. Закуражившись, она сказала как-то Тамаре:

— Что ты думаешь, на тебе свет стоит? Женили и женить будем. Сороковую возьмем. Да не такую, как ты!

Сороковую, гражданка Бойко, не возьмете. Столько не полагается.

Но это еще цветочки. Бойко пошли дальше пошлостей и оскорблений. Хамство анекдотическое переросло в хамство разнузданное и воинствующее.

— Не от бога пол моешь! — кричала свекровь невестке. Тамара была комсомолкой, откуда ей было знать, что пол в этом доме моют от угла, где образа. За сим последовало приглашение в церковь. Тамара отказалась.

Как-то она заговорила о том, что ей надо заплатить комсомольские взносы.

— Какие еще взносы? Выбрось это дело из головы.

А Коля? А Коля оставался достойным сыном своей родительницы.

— Я не комсомолец, и тебе ни к чему, — сказал он, выхватил у Тамары из рук комсомольский билет, порвал его и сжег. Сжег в печке. Вот как поступил Коля, достойный сын своей родительницы.

— Попробуй заикнись кому-нибудь о билете, — сказал он после — Удавлю!

Коля любит энергичное это словцо. «Расскажешь — удавлю», «Не будешь со мной жить — удавлю».

Остановить надо хама. Займитесь этим, товарищи зиминцы. Займитесь, пока он не женился еще раз.

Бойтесь хамства! Хамы не перевелись. Хамы притаились. Они поняли, как опасно хамить в обществе, и расползлись по собачьим своим конурам. Они стали застенчивыми производственниками. Простыми скромными тружениками.

И остались хамами. Оглядевшись по сторонам — нет ли свидетелей, они наговорят вам мерзостей, забрызгают своей ядовитой слюной. Закрывшись на ключ, они изобьют детей, жену, оскорбят собственную мать. От нечего делать они настрочат на вас грязное анонимное письмо. Потому что они хоть и лихие люди, но предпочитают хамить безнаказанно.

Хамы расползаются по своим собачьим конурам. Но бойтесь их и там. Они издеваются над вашими знакомыми. Выявляйте хамов, тащите их на свет божий, не спускайте с них строгих ваших глаз.

Судите хамов! Не спускайте им ни одного мата, ни одного разбитого стекла.

И берегите от них детей. Ваши дети должны быть прекрасными людьми.

ЛОШАДЬ В ГАРАЖЕ

Дело под вечер, зимой, и морозец знатный. По улице Дзержинского в санях, запряженных бодрой лошадкой, ехал парень молодой.

Среди городских огней и непрерывного потока машин лошадка выглядела весьма архаично, но никто не обращал на нее внимания. Парень был пьян и лежал поперек саней. И это было уже совсем старорежимно. Но тоже оставалось без внимания.

Не спешил. Трусил слегка. Против городского рынка стал поперек дороги, а когда его попросили посторониться, отказался и забуянил.

Мимо проходили четыре дружинника: Анатолий Сосунов, Олег Калинин, Борис Киричек и Юрий Москвитин. Дружинники очень спешили, у них было срочное задание, но парень в это время развеселился уже вовсю, и к нему никто не желал подступиться. Дружинники взяли проказника за руки и повели в ГАИ, что на углу улиц Дзержинского и Литвинова. Ребята рассудили здраво: до ГАИ было сто метров, а до ближайшего отделения милиции в двадцать раз дальше. В руки инспекции надо было быстро сдать гуляку и его лошадку и продолжать свое дело.

Все очень просто.

Но жизнь сложна, и трудности возникают на ее пути неожиданно, как городские дорожные знаки. Дружинников встретил капитан ГАИ Богачук.

— Кто такие? — спросил он очень сурово. — Зачем?

Ему все объяснили, показали лошадку и веселого ездока, сказали, что очень торопятся.

— Не туда попали. Надо в Кировский отдел милиции. Туда. Забирайте лошадь и пьяного.

Ему объяснили все снова.

— У нас рейд, — сказали ему. — Надо срочно задержать двух преступников. Надо спешить.

— Забирайте лошадь, — повторял Богачук. Он оказался человеком твердым и раз принятое решение считал бесспорным, а объяснения его только раздражали. Еще больше он не любил рассуждений, расценивая их, по-видимому, как сверхурочный труд.

— Вы что не знаете, чем занимается автоинспекция? — спросил он презрительно.

— Знаем, — ответили ему, — знаем, чем занимается автоинспекция.

— Не знаете, — сказал он. — Лошадь — не наше дело.

— Но ведь могла произойти авария. С машинами. Из-за лошади. Если бы произошла, тогда это было бы ваше дело?

— Тогда наше, — согласился вдруг Богачук, — тогда наше. И давайте без разговоров — забирайте лошадь.

— Но поймите...

Капитан не понимал и все более раздражался. Он не кричал, но был дьявольски ироничен. Ирония как таковая, правда, ему малодоступна. И он нажимал в основном на интонацию. Попросту он разговаривал хамским тоном.

— А ну-ка, вы, — сказал он Сосунову, — ведите лошадь и пьяного в Кировский отдел.

— Я не могу, — ответил Сосунов. — Мы очень спешим. Кроме того, я не умею управлять лошадью.

— Ага-а! — сказал Богачук злорадно и схватил Сосунова за шиворот. — Не умеешь!

Тут же младший лейтенант ГАИ Ходорченко, сподвижник Богачука, вытолкал на улицу Москвитина.

— Идите отсюда! — сказал остальным. И выгнали остальных.

А лошадь все-таки осталась. Может быть, ее поставили в гараж.

Дружинников оскорбили и выгнали. Оскорбляли, верно, не без ума, грамотно, не сводя глаз с кодекса: все-таки дружина.

Вот и все приключеньице.

Но главное — впереди. Богачука вызвали в горком партии, и там постарались объяснить ему что к чему. Он почтительно слушал, но как только заговаривали вызванные сюда же дружинники, Богачук становил-

ся непроницаемым. Он затвердевал на глазах. Из признаков жизни в нем оставались лишь злость и высокомерие.

Этот человек не может представить себя виноватым перед тем, кому он не подчиняется. Тяжелый это человек.

Он говорил:

— Я всегда понимаю, что говорят старшие, но этим (дружинникам) я грубости не нанес. Не было... Я тридцать пять лет (повысил голос) работаю в милиции. Вызывают меня первый раз.

Вот ведь вы какой застенчивый, товарищ капитан! Ведь не первый раз вас вызывали. Во время работы в Ангарской ГАИ на партийном бюро вам был вынесен выговор за грубости и склоки.

Были еще и вот какие разговорчики. Да, ошибки есть. Да, надо бороться. Да... Но ведь какая у Богачука сложная профессия. Дело он имеет с нарушителями, преступниками, характер у него вспыльчивый, иногда как-то, знаете, невольно...

Позвольте не согласиться. Позвольте запротестовать. С нарушителями мы должны быть непримиримы. Это верно. С преступниками мы должны быть безжалостными. И это верно. Но, побеседовав с преступником и будучи в расстроенных чувствах, в том же тоне говорить с незнакомым человеком, не предложить ему стул, не выслушать его, без основания в чем-то заподозрить — не мелкое ли это хулиганство?

Если бы швеи шили черные и белые рубахи одними черными нитками или учителя по инерции ставили бы двойки шалопаям и отличникам — не привлекали бы их к ответственности? Отчего же это вам, товарищ Богачук, дозволено со всеми подряд разговаривать таким жутким тоном?

Поостерегитесь, товарищ Богачук, инерции. Зачеркните ее в себе. По инерции, между прочим, легко свернуть шею. Инерция — свойство машин и повозок. Инерция людям вредна и несвойственна. Ее воспитали в нас когда-то нехорошие люди. Зачеркните в себе остатки инерции.

А лошадь, товарищ Богачук, здесь, конечно, ни при чем. Лошадь как вид транспорта устарела. Лошадь повсеместно заменена автомобилем. Это вы, как ка-

питан ГАИ, можете лично засвидетельствовать. Лошадь заменена.

И человеческие отношения тоже заменены. Вчерашние — сегодняшними, сегодняшние заменяются завтрашними, более совершенными. Вот ведь о чем речь.

Пятьдесят лет назад на углу Арсенальской и Пестеревской был околоточный причал.

— Извозчик! Где стоишь, скотина!..

И никто этому не удивлялся, потому что это было принято по лошадиной тогдашней этике.

Похожие разговорчики на углу Дзержинской и Урицкого немыслимы.

И если сегодня в человеческих отношениях нет-нет да и проскользнет нечто лошадиное, то завтра, товарищ Богачук, вы ничего подобного не увидите, не услышите и, может быть, не сделаете сами.

Завтра вы, вежливый и доброжелательный, остановите машину и скажете бодро и приветливо:

— Добрый день! Покажите, будьте любезны, ваше удостоверение.

И извинитесь за беспокойство.

И пожелаете счастливого пути.

И улыбнетесь.

И откозыряете.

Можете не улыбаться, если это вам трудно. Но все остальное — обязательно. Этого от вас потребуют наши человеческие отношения.

И начальство потребует (это вам, Богачук, на всякий случай, для справки).

А если вы вспыльчивы неисправимо, то продайте ваш автомобиль, купите лошадь и разговаривайте с ней, как вам заблагорассудится. Все равно она ничего не поймет.

КОЕ-ЧТО ДЛЯ ИЗВЕСТНОСТИ

Хорошо хамить по телефону. Наговорил что угодно, сколько угодно и как угодно, наговорил — и остался неузнанным. Инкогнито. Черной маской. Таинственным хамом.

Ну, а если увлекся и вспылил до такой степени, что не можешь скрыть своего имени, — тогда хуже. Тогда неприятности. Тогда из хама анонимного мгновенно

превращаешься в хама явного, вспыльчивого и воинствующего.

Никто, правда, уже не сможет упрекнуть такого человека в трусости. Но это не утешает. Все равно. Хорошего здесь мало. Еще неизвестно, кто лучше из двух — тот, кто побаивается хамить, или тот, кто хамит бесстрашно, убежденно, до конца.

Но к чему этот неприятный разговор? А вот к чему. Недавно зимним вечером фельдшер Владимир Николаевич К., дежуривший в усольской «Скорой помощи», был потревожен телефонным звонком. Мать просила врача к заболевшему ребенку. Сначала все шло по правилам.

— Сколько лет? — спросил Владимир Николаевич.

— Шесть, — ответили ему.

— Что с ним?

— Температура, головная боль... Приезжайте, я боюсь ночи!

— На температуру, — ответил Владимир Николаевич, — не выезжаем. — И бросил трубку.

Оказывается, высшим в государстве медицинским начальством невыезд «Скорой помощи» на температуру разрешается. Что ж, раз высшим, значит, так положено. Из правила, впрочем, есть исключение, и та же усольская «Скорая помощь» вечерами часто, особенно к детям, выезжает и на температуру.

Словом, фельдшер К. имел право в помощи отказать, и в тот зимний вечер фельдшер этим правом воспользовался. Он бросил трубочку.

Но на этом дело не кончилось и кончиться не могло. Мать, естественно, подняла трубку во второй раз и снова стала просить о помощи.

Матери больных детей раздражительны. Фельдшеру об этом следовало бы знать. Ему, раз уж он так решил, надо бы спокойно отказывать в помощи и не нервничать. Но разговор шел на равных. Собеседники все более взвинчивались, и. естественно, Владимир Николаевич стал брать верх. Мужчина все-таки.

— Как ваша фамилия? — крикнула возмущенно мать.

— Фамилия?.. — переспросил Владимир Николаевич ядовито.

— Да! Фамилия!

— Александр Сергеевич Пушкин! — выпалил Влади-

мир Николаевич. Это было брошено с дьявольской иронией. Это было — как бич, как пощечина, как хлопок дверью. Это было торжеством над противником. Этим, как он считал, было сказано все. И он бросил трубочку.

Но и на этом дело не кончилось. На ту беду соседом женщины оказался секретарь Усольского горкома комсомола. Олег Свирин. Секретарь явился, поднял трубку и позвонил в «Скорую помощь». Женский голос ответил ему, что фельдшер К. вышел. Секретарь настаивал, и К. вынужден был взять трубку. Фельдшер остыл, привел свои нервы в порядок, разговаривал вежливо и был приглашен в горком для беседы.

В горком он не явился ни в среду, как договаривались, ни в четверг. В пятницу секретарь позвонил сослуживцам К. и просил передать фельдшеру, что по-прежнему и терпеливо его ждет. Фельдшер не появлялся.

В субботу в коридоре управления Востоктяжстрой появился очередной выпуск «Комсомольского прожектора». Под портретом К., выполненным цветными карандашами, было написано четверостишие, в котором Владимиру Николаевичу напоминали, что он не Пушкин и что было бы лучше, если бы у него прибавилось совести. Все справедливо.

И как, вы думаете, Владимир Николаевич прореагировал на комсомольскую критику? А вот как. То, что он не Пушкин, он еще допускал. С этим он еще мог согласиться. Но в остальном он считал свое поведение безупречным. Джельтменским. Рыцарским. Владимир Николаевич был возмущен до крайности. До предела. Его, оказывается, просто-напросто оклеветали. Поэтому на следующий неделе, в среду, рядом с листком «Комсомольского прожектора» появился листок Владимира Николаевича К. Он был его автором, его редактором, в своем же лице он учредил и орган этого издания. В нем он поместил свои стихи — ответ на комсомольскую критику.

Стихи эти нравятся Владимиру Николаевичу до сих пор. А стихи неважные. И наглые. Прямо сказать, нахальные стишата. В последнем четверостишии К. рифмует слово «сатира» со словом, которое позволительно употреблять лишь в художественной литературе.

Это о комсомольском-то сатирическом листке! Смело, ничего не скажешь. Это произведение, этот вопль грубияна, которому наступили на хвост, следовало бы отдать в милицию. На рецензию.

В интервью с вашим корреспондентом, которое состоялось лишь через несколько дней после происшедшего, Владимир Николаевич прочел свои шкодливые стишки без всякого стеснения, с большим творческим подъемом. Свое авторство он подтвердил не без гордости и не без удовольствия. Он ничего не понял. До сих пор он считает себя правым, обиженным, угнетенным. Встреча с героем происходила в редакции усольской городской газеты. Владимир Николаевич защищал себя с большой горячностью. Вот это интервью.

— Вы накричали на женщину, — напомнили ему.

— У этой женщины, — возразил К., — вот такой (он развел руками) рот! У нее вот такой (он выбросил вперед одну руку, а другой отметил первую у самого плеча) язык!

— Вы не пришли в горком. Вас там ждали, и вы обещали прийти.

— Почему, — закричал он в ответ, — я должен к ним ходить? Почему — не они ко мне?

— Рядом с «Комсомольским прожектором» вы приклеили стихи собственного сочинения. Они написаны непростительно грубо. Вы считаете себя правым?

— Конечно! Написал и еще напишу! Судиться могу!

В заключение Владимир Николаевич заявил, что газетных статей он не боится, что, если на то пошло, он — крестьянин и терять ему нечего. Мы очень надеемся на то, что коллектив и главный врач «Скорой помощи» Козьминых Н. Д. убедят-таки К. в том, что и у него, как бы он ни нажимал на свое пролетарское положение, есть-таки что терять. Например, человеческое достоинство, уважение общества и много других небесполезных вещей.

Разговаривать с ним было трудно, и через пятнадцать минут этот «крестьянин» сел в служебную «Победу» и укатил по делам.

Таков Владимир Николаевич. Такова его логика. Такова психология Главному врачу хамить нельзя, потому что его могут понизить в должности. Фельдшеру-«крестьянину» хамить можно, потому что его некуда

понизить. Правда, его можно перевести в нянечки, но этого делать, видимо, не следует. Представьте, что он тогда натворит, какие стихи при случае напишет.

Что греха таить, Владимир Николаевич не одинок. Есть они. Попадаются. Есть уличные, трамвайные, должностные, высоко-и низкооплачиваемые хамы. Есть, а надо, чтобы их не было. Значит, относиться к ним следует со вниманием. Надо так, чтобы безнаказанно им не сходило с рук ни одно оскорбление, ни один окрик, ни одна брошенная телефонная трубка. Надо так, чтобы ими занимались коллектив, травмай, улица. Надо их воспитывать, показывать, судить. Делать это необходимо каждый час. А если махнуть на них рукой, они зайдут далеко, и потом уже никто и никогда не убедит их в том, что они виноваты. Они будут правы — так им будет казаться.

Что касается К., неугомонного фельдшера из города Усолья-Сибирского, он твердо стоит на своем. Чего он только добивается? Может быть, популярности? Славы? Ну что ж. Мы сделали для этого все, что было в наших возможностях. Все или почти все.

ВИТИМСКИЙ ЭПИЗОД

Катер «Брест», вышедший из Бодайбо в четыре часа дня, прошел вверх по Витиму не более шестидесяти километров, когда наступила ночь. Катер направлялся за лесом, на Мую, к дальнему притоку Витима, команда торопилась, как торопятся здесь — пока навигация — все, кроме того, убывала вода и на Муе обсыхал лес. Поэтому «Брест» не останавливаясь шел ночью в темноте и утром в густом тумане, речники вели его на ощупь, ориентируясь по едва видимой стене прибрежных деревень, по памяти обходя мели. Когда встало солнце и туман от реки стал подниматься вверх, к гольцам, на левом берегу показалось село, оно мостилось на маленькой терраске между Витимом и лысой каменистой горой. Лиственницы под окнами, огороды, лодки на берегу, телеграфные столбы, несколько бараков на окраине — село как село, а под ним белое облако тумана. Я уже знаю, что здесь лесоучасток Бодайбинского леспромхоза и в селе живут в основном лесозаготовители и геологи. Есть сельсовет,

школа, больница, клуб. Знаю уже, что клуб тут неважный, школа тесноватая, столовой вовсе нет и на семьсот человек жителей — ни одного уполномоченного милиции, это я тоже знаю. Мне уже известны все невеселые и все мрачные происшествия, бывшие здесь за последние три года, заочно я знаком со всем местным начальством. Мало этого, я знаю, что вчера главный инженер Бодайбинского леспромхоза Тышкевский привез сюда письмо о неблаговидном поведении рабочего леспромхоза Гришкина и что разбирательство по этому поводу состоится сегодня.

В большом городе обыкновенно люди из одного дома, но из разных подъездов проведут всю жизнь так и не познакомившись. Здесь иначе. Если где-нибудь на Мамакане некто Василий К. женится на Марии Н., на свадьбе непременно будут присутствовать кумовья и сваты из Синюги, Муи, Бодайбо — отовсюду, а само событие будет обсуждаться по всему Витиму, на полтыщи верст. Здесь все знают всех. Знакомства здесь равносильны родственным узам. Людей на Витиме объединяют малочисленность, отдаленность, как ни странно, деревень друг от друга. И, конечно, сам Витим объединяет. И не только как средство сообщения. Витим дает людям общие дела, общие заботы, общие интересы. Витим — как гигантская деревенская улица. Вот почему о жизни села Нерпо я знал достаточно уже к тому времени, когда наш катер громыхнул на прибрежных камнях против конторы леспромхоза.

Все село нетрудно обойти за двадцать минут, оно состоит из одной улицы, не считая нескольких домов, построенных выше по речке Нерпинке. Днем лесозаготовители в тайге, геологи в тайге и те, у кого свободное время, тоже в тайге. Все мужское население — рыбаки и охотники, благо, есть где порыбачить и поохотиться. Водятся здесь и медведи, и стерлядь, и сорокакилограммовые таймени. В лесопункте производственные дела на уровне, в эти дела я не вникал, потому что еще раньше, с самого первого знакомства с Нерпо больший интерес у меня определился к тому, что принято называть бытовой стороной жизни, бытом.

А поскольку историю я расскажу неприятную, то заранее хочу оговориться. Рассказывая эту историю, я ни

в коем случае не исключаю тем самым все бывшие здесь приятные истории. Оговариваюсь, потому что знаю, что впоследствии могут найтись те, кто скажет — вот, дескать, корреспондент увидел одни только недостатки, прошел мимо успехов и достижений, сгустил краски, обобщил, очернил и т. д. Рассказывая об одном из двух, о дурном или хорошем, автор преследует необходимую для пишущего человека цель — сосредоточиться. Кроме того, пытаясь сказать обо всем сразу, автор подверг бы себя риску не сказать ничего. И, что самое важное, обращая внимание на дурное, автор надеется, что его труд не пропадет даром и хотя бы в небольшой мере будет способствовать изменениям к лучшему.

Разговор с рабочим Гришкиным был назначен на вечер, на тот час, когда Гришкин вернется с работы. Днем для беседы решили пригласить жену Гришкина Валентину, работницу детского сада. Дело в том, что родственники Валентины, которые живут в Амурской области, написали в Иркутск письмо. Родственники просили защитить Валентину и ее детей от побоев и унижений, помочь ей вместе с детьми уехать от собственного мужа. К их письму прилагалось письмо самой Валентины и ее брата, который сам побывал в Нерпо. Вот три строки из письма Валентины. Начало: «Обращается к вам с далеким скучным приветом сестра ваша Валентина...» Середина письма: «Здесь мне жаловаться некому — тайга-матушка. Мер никаких не принимают...» И конец: «Если что случится, прошу вас, не забудьте моих детей...» Из Иркутска эти письма попали в Бодайбинский горком партии, а из горкома инженеру Тышкевскому, который направлялся мимо Нерпо в Мую по делам, а по дороге должен был завернуть в Нерпо, на месте заняться этой историей с письмами и после, видимо, ответить Иркутску, что и как.

И вот уже Тышкевский, начальник лесопункта Скворцов и секретарь Нерпинской парторганизации Ревва Иван Владимирович ждут жену Гришкина в конторе лесопункта.

Ожидающие — люди деловые, видно, что к предстоящему разговору они относятся скептически, с высоты своих производственных задач. Инженер явно раздо-

садован тем, что его отвлекли от дела. Заметно, что подобные мероприятия здесь вновь, что — вот собрались, ничего не поделаешь — надо, приходится, хотя дело это пустое, бабье, ничего тут не изменишь, разве что еще хуже наделаешь.

Гришкина, женщина лет тридцати пяти, изможденная, бойкая и настороженная, подтвердила, что да, бьет, и детей бьет «как взрослых», но, когда пообещали организовать немедленный вместе с детьми отъезд, замялась, затревожилась, а через минуту объявила, что сейчас она не поедет, вот, может, осенью, в ноябре, другое дело, а сейчас — нет.

Тут присутствующие переглянулись, а кое-кто и вздохнул с облегчением. Ну вот, дескать, пожалуйста, извольте видеть, всегда так, когда приходится вмешиваться в эту самую личную жизнь. Никогда еще из этого не выходило ничего хорошего, муж и жена — одна сатана, а сунься, ты же и окажешься в дураках. Сами видите, предлагаем ей помощь, — она отказывается. Значит, ей и так неплохо...

Впрочем, последняя реплика придумана автором. В ту минуту если кто-нибудь про себя и подумал, то никак не собрался бы сказать, что Гришкиной и так неплохо. В отличие от присутствующих Гришкин готовился к этой беседе основательно, потому что под глазом у его жены был большой свежий синяк. Этим-то, выходит, отсутствующий в разговоре Гришкин и вставил свое веское слово. Если бы не синяк, то, пожалуй, разбирательство бы окончилось бы очень скоро и вовсе безболезненно. Но синяк — явление фактическое, оно внушает к делу некоторое даже уважение и требует кое-каких углублений.

— Сколь раз, Валентина, — говорил Ревва укоризненно, — сколь раз говорил и тебе: бьет — сходи в больницу, возьми справку, подай на него завление...

И по лицу, и по поведению женщины, и по ее словам видно, что жаловаться, подавать заявление она, что называется, не приучена.

Далее было так. Инженер несколько раз возобновлял разговор о немедленном ее отъезде, Ревва настаивал на излюбленном заявлении, на заявление же нажимал Скворцов, словом, мужчины требовали определенности. Но вот беда, определенности у Гришкиной, кото-

рая прожила со своим мужем одиннадцать лет здесь, в Нерпо, определенности-то у этой Гришкиной как раз и не оказалось.

Остановились на том, что она в настоящее время решительно, категорически отказывается уезжать, пообещали поговорить с мужем как следует и с женой расстались.

Тут для большей ясности и поскольку все равно встреча с Гришкиным состоялась не сразу, я приведу маленькую справку. В Нерпо, в этом небольшом сравнительно селе, в текущем году произошло три насильственных смерти. Одна по неосторожности: с похмелья была выпита зеленка вместо водки. И два убийства. Одно из них таково:: муж убил жену. Убил, как выразилась одна из жительниц Нерпо, за нетактичное поведение.

Разумеется, нет прямой связи между совершившимися убийствами и неоконченным разбирательством с четой Гришкиных. За убийства ответят те, кто убил. А те, кто не убивал, отвечать не будут. Но и нельзя, пожалуй, без внимания оставить такое простенькое рассуждение: убийцы не прилетают к нам с Марса. До того, как убить, они живут среди нас и, стало быть, среди нас становятся убийцами...

Но вернемся к Гришкину. В контору он пришел очень недовольный, раздраженный такой, а точнее сказать, явился он совсем сердитый. Что это, в самом деле? Преступлений не совершал, заявлений не поступало, чего же вы, дескать, хотите? Делать вам нечего, собрались тут, а еще начальство, солидные люди.

И точно, когда он явился, собравшиеся почувствовали себя как бы несколько виноватыми.

Зачитали письма, справедливость которых он немедленно отверг, попытались пристыдить, делали это, надо сказать, неуверенно и неумело.

Наконец кто-то из них расхрабрился.

— Бьешь жену?

Гришкин высокомерно молчал.

— Бьешь. Синяк у нее под глазом, сами видели.

— Все бывает, — уверенно сказал Гришкин, — и хорошее бывает, и плохое.

И все замолчали. Мне показалось, что эта фраза Гришкина, которую он, кстати, произносил потом много раз,

сильно на них подействовала. А ведь, действительно, подумали, по-видимому, они, все бывает. И хорошее, и плохое. Сами подумайте, чего не бывает между своими-то людьми. Вы приехали, побыли здесь день-два и, глядишь, обратно, а мы с Гришкиным здесь останемся, нас с ним жить, да. А жизнь, ведь она сложная штука, и тут уже не попишешь.

Словом, Гришкин знал, что им сказать.

А потом инженер стал просить Гришкина дать всем присутствующим слово, что он никогда больше не будет бить жену и детей. Гришкин поломался немного из приличия, но слово дал. Видно было, что это ничего ему не стоило.

— Не повторится, — сказал он запросто.

Тут догадались взять с него это обещание письменно. Он запротестовал, но когда Ревва изъявил желание помочь составить ему бумагу, Гришкин согласился.

— Так он, — тотчас сказал Ревва о Гришкине, — мужик толковый, начитанный, но вот как подопьет...

И Ревва махнул рукой, а Гришкин открыто так ухмыльнулся.

После его ухода Иван Владимирович сказал:

— Посадить мы его не можем, а так — что разговор. Откуда я знаю, что он ее бьет.

— Вы в этом еще сомневаетесь?

— Да нет, не сомневаюсь, но документально мы не знаем. Если бы она подала на него в суд, тогда — пожалуйста.

Из этих слов, как видите, ясно, что будь заявление, Иван Владимирович засадил бы Гришкина с тем же благодушием, с каким сейчас он Гришкина опекал.

На этом все закончилось. Наутро составили протокол собрания, а Гришкин написал смехотворное обещание впредь вести себя хорошо.

Назавтра, провожая меня и моего товарища, Иван Владимирович, подытожив дело Гришкина, так сказать, подвел черту:

— Все бывает. И хорошее бывает, и плохое...

Произносил он это назидательно так, нараспев, сказывал, что называется.

— Все бывает, — повторил он, и я понял, что это не просто слова, это уже мудрость, философия, отношение к жизни, стиль.

Такова история. Не такая уж страшная, но не такая уж и невинная. И вряд ли она требует каких-либо категорических выводов. Я хотел бы, чтобы она послужила поводом для размышлений.

Нерпинскому же начальству, не удержусь, скажу. Да, жизнь сложна, Иван Владимирович, она сложна, и плохо, если отношение к ней слишком простое. Попустительское. Равнодушное. Казенное. Мы, Иван Владимирович, не дети, нам много лет, пора, пора нам различать, что такое хорошо и что такое плохо. А различивши, к тому, что плохо, относиться повнимательнее. Посерьезнее. Построже.

РАССКАЗЫ

СТЕЧЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

Случай, пустяк, стечение обстоятельств иногда становятся самыми драматическими моментами в жизни человека.

Если хотите знать, какую заветную шутку сыграло стечение обстоятельств на самом заветном чувстве Катеньки Иголкиной, то садитесь в центре города на автобус, сойдите на третьей остановке, сверните на тихую безавтобусную улочку. Кажется, на правой сто-

роне вы увидите промтоварный магазин и уютно прислонившийся к нему домик с двумя окнами, в одном из которых вы, может быть, и заметите Катеньку, которую теперь горькие раздумья то и дело отвлекают от ее обыденных занятий и гонят к окну в позу грустной и нежной девицы из старинных баллад.

Немного дальше вы найдете парикмахерскую, зайдите туда, разговоритесь с парикмахером, на общительность которого всегда можно положиться, и он расскажет вам если не эту, то какую-нибудь похожую на нее историю.

Катенька Иголкина — особа счастливой наружности и той молодости, когда хочется уже быть еще чуть моложе. Катенька от полных поэтического смысла, но ничего не дающих слов «где мои семнадцать лет!» перешла к делу, в котором быстро преуспела и которое так заполнило ее душу и время.

Тем утром она возвращалась из парфюмерного магазина, где приобрела сезонный эликсир молодости. Дорогой Катенька думала о том, что ей не везет, и мечтала о счастье. В этих мечтах она залетала не выше уютной квартиры в строящемся четырехэтажном доме, мимо которого она проходила. Ей нужно было удачно выйти замуж. Неудачно она выходила уже два раза. Раз она пробовала работать, но тоже неудачно.

У своего дома, когда мысли об одиночестве стали уже невыносимо мрачными, она вдруг столкнулась с мужчиной, для которого это столкновение оказалось тоже неожиданным. Катенька кокетливо ахнула и, споткнувшись, запрыгала было с тротуара, но мужчина со вкусом поддержал ее за локоть, извинился, улыбнулся и пошел дальше. Катенька успела взглянуть ему в глаза продолжительным откровенным взглядом. Входя в свой двор, она обернулась, мужчина обернулся тоже, но имитировал безразличие, делая вид, что рассматривает что-то в окнах магазина. Он был замечательно красив, высок, недурно одет. Катенька зашла домой и в волнении присела к окну.

С четверть часа она сосредоточенно и мечтательно осматривала всех прохожих мужчин и уже было хотела отойти к своему рабочему столику, где ее ждал вновь приобретенный эликсир с многообещающим названием «Розы на щеках», как вдруг заметила ви-

новника своего возбуждения. Он двигался по другой стороне улицы грациозным прогулочным шагом и лишь скользнул («хитрец!») взглядом по Катенькиному окну, задержав его на витрине магазина. Поравнявшись с магазином, он замедлил шаги. Сообразительная Катенька поняла это как приглашение выйти на улицу. Но из деликатности и девической гордости, появившейся у нее, видимо, вследствие действия омолаживающих косметических средств, она не вышла, решив, что он еще вернется. «Такой мужчина зря бродить под окнами не будет», — подумала она и ограничилась тем, что влюбленным взглядом проследила исчезновение с поля зрения его драповой стати.

Она не ошиблась. Было время обеденных перерывов, когда он появился снова. «Забегал», — подумала Катенька, злорадствуя.

На этот раз он шел с другой стороны, остановился, немного не доходя до Катенькиного окна, и, также косвенно взглянув в его сторону, осторожно зашел в магазин. «Это уже наивно», — подумала Катенька. Потом в ней, перебивая друг друга, закопошились сложные человеческие чувства. После неравной и короткой борьбы женское благоразумие взяло верх над девической жестокостью, и Катенька решила выйти. Не теряя времени, она уселась за свой столик, и начался захватывающий процесс. Незнакомец был смугл, она решила стать блондинкой.

Но когда через полчаса она выпорхнула из дома, смуглого незнакомца на улице не было, а магазин, куда он заходил, был закрыт на обеденный перерыв. Катенька в отчаянии вернулась и заняла исходную позицию у окна.

Незаметно для добросовестных ночных сторожей кончился полный жизни, яркий, солнечный день, и улицы, просеянные от малых детей и стариков, зажили веселой вечерней жизнью горожан в возрасте от 17 до 30 лет. Катенька много перенесла за это время. Против обыкновения она провела бессонный день. Кроме того, она провела вторую его половину не отрываясь от окна. Она подивилась усидчивости царицы Тамары, которой довелось провести у окна своего замка лучшую часть своей жизни. Катенька была человеком совсем иного

характера. Ей нужно было двигаться хотя бы от окна к зеркалу и обратно.

Было уже безнадежно поздно, когда в небе вдруг вспыхнула и замерцала, интимно подмигивая, маленькая звездочка Катенькиного счастья. Тень киоска, находящегося напротив Катенькиного окна, раздвоилась, и кто-то легкими шагами стал пересекать улицу. Катенька с удовольствием узнала своего незнакомца и, думая о том, что она много уже страдала, что довольно страданий, что она выбежит сейчас и бросится к нему на шею и повиснет на ней, быстро стала одеваться.

Через три минуты, изнемогая от нежности, со слезами счастья на глазах она открыла свою дверь, но незнакомца не увидела, а услышала в соседнем дворе шум и чьей-то страстный крик: «Не уйдешь!», на который соловьиными трелями отозвался милицейский свисток. Движимая встревоженным любящим сердцем и подстрекаемая любопытством, Катенька вошла в соседний двор. В глубине его, у складов промтоварного магазина, уже собралось небольшое общество из нескольких милиционеров и двух-трех любознательных граждан. В центре этого избранного круга, Катенька увидела своего незнакомца в объятиях ночного сторожа Степана Христофоровича. Степан Христофорович обнимал его неистово нежно и крепко, и Катенька поняла, что она бессильна перед этой верной и прочной привязанностью.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ ИНТЕРМЕДИЯ

Пассажирский поезд прибыл на станцию Сачки неестественно точно, как щепетильный влюбленный на свидание, — ни минутой раньше, ни минутой позже. Был август, и перрон в одно мгновенье превратился в филиал городского рынка. Поезд атаковали торговцы жареной рыбой, огурцами, помидорами и просто луком.

Поезд стоял здесь только десять минут. Лишенные, таким образом, профессионального наслаждения поторговаться, продавцы холодной закуски сердито выкрикивали готовые уже цены.

Пассажиры, напротив, выходили веселые и бодрые. Им нравилось после безысходного лежания и сидения

прогуливаться на свежем воздухе и покупать свежие овощи.

Однако два молодых человека сошли на перрон без всяких признаков удовольствия. На их лицах менялись нерадужные цвета досады, сожаления и беспокойства. Тесный и накуренный вагон имел одно преимущество перед изобилующим солнцем, свежим воздухом и холодной закуской перроном: вагон двигался со скоростью тридцать пять километров в час, перрон оставался на месте.

Молодых людей сопровождал железнодорожный служащий Иван Карпович Пеших, который любезно указывал им дорогу к небольшому желтого железнодорожного цвета домику против первых вагонов стоящего поезда.

— Влипли? — сочувственно спросила их женщина с корзинкой дозревающих помидоров и тут же посоветовала: — Купите помидорчиков.

Молодые люди остались к этому, как и ко всему происходившему вокруг, отсутствующе-безучастными. В программу их поездки, как видно, вовсе не входило приобретение помидоров и посещение железнодорожной администрации на станции Сачки...

В вагон № 10 ревизор вошел перед станцией Сачки. Был он весел, вежлив и предупредителен. Казалось, его работа заключалась не в том, чтобы вылавливать безбилетников, а в том, чтобы убеждаться, что все пассажиры едут в этом поезде с билетами.

Такая постановка дела смутила, сбила с толку и с головой выдала двух цветущих молодых людей с верхней полки. Быстро выяснилось, что они едут без билета в первый раз, что на уплату штрафа они по неопытности не захватили денег и что, если товарищ ревизор так настаивает, они могут сойти через три остановки. Сдержанный ревизор не стал спрашивать, почему именно через три, он высадил молодых людей при первой возможности, поручив представить их станционной администрации Ивану Карповичу Пеших, который оказался в этом вагоне и который сам ехал на станцию Сачки.

Это не входило в обязанности Ивана Карповича Пеших — курьера из областного управления дороги, но он согласился. Иван Карпович был уже очень стар и

мог работать только курьером. Был он очень добр. И можно было подумать, что два здоровых парня, которых он вел по перрону, не сбегут от него только из уважения к его сединам.

— Хотите железную дорогу превратить в трамвайную линию? — строго начал он. — Ничего не выйдет. Здесь штраф посолиднее.

Молодые люди заметно осунулись. Иван Карпович заметил бедственное состояние их духа и сменил тональность:

— Что же это вы? Такие представительные и... без билета. Стыдно вам! Это мальчишка, сорванец, ума своего нету или безобразия одни на уме, ну тот — ладно, а вы? Стыдно вам!

— Стыдно, — согласился один из юношей, потупив взор.

— Еще ладно, — продолжал Иван Карпович с увлечением, — еще ладно, что не стали болтаться на подножках и бегать по вагонам, а то ведь... Вот рассказывал мне Петр Петрович, был случай недавно. Парень, тоже молодой, вроде вас, по вагонам бегал и... нет его. И все из-за какого-то билета. Да самая непутевая жизнь дороже билета хоть на край земли!

Иван Карпович многозначительно осмотрел аудиторию и остался доволен впечатлением, произведенным своими словами. Оба лица выражали скорбь по человеческой жизни, которая во много раз дороже любых железнодорожных тарифов, раскаяние в собственном легкомыслии и торжественное обещание не подвергать себя больше опасностям и штрафам.

— Нам денег не жалко, — твердо сказал один из молодых людей.

— У нас их нет, — скорбно добавил другой.

Искренность интонаций ранила доброго старика. Он посмотрел снова на мученические лица своих невольников. Эти, недавно еще цветущие юноши увядали у него на глазах.

Ему вдруг пришло на ум, что и сам он — высохший до неузнаваемости цветок, и у него только заныла берцовая кость и к горлу подступила теплая волна сентиментальности.

— Дети! — выдохнул старик. — Берегите, дети, свою молодость прежде всего! Я вот...

Иван Карпович сказал, что он не какой-нибудь деспот или формалист, что он видит: они славные ребята, что вышло нехорошо, но что все может выйти, что молодости многое прощается, что...

В конце концов Иван Карпович предложил им денег для телеграммы, пригласил пообедать с ним в буфете, «где не грех взять по маленькой» или «грех не взять».

— Людей надо понимать и жалеть, — закончил он, — люди всегда это оценят.

Все трое, растроганные и отуманенные живительными карами добра и благодарности, стояли у входа в станционный буфет. И в это время раздался паровозный сигнал. Компания замерла. Потом все трое переглянулись, и... молодые люди молча бросились к отходящему поезду. Они успели.

НА СКАМЕЙКЕ

Никто не возьмет на себя смелость утверждать, что ссоры между влюбленными необходимы. Но с тем, что ссоры эти неизбежны, согласится всякий. Влюбленные ссорятся редко и часто, на мгновение и надолго, неожиданно и заранее обдуманно. Часто, затевая ссору, влюбленные уже предвкушают сладость примирения.

Один мой приятель рассказывал, что самый лучший вечер в его жизни следовал за днем, в который он жестоко поссорился со своей возлюбленной. Они раздули ссору до бури, вырывающей из их душ любовь, и, чтобы не оскорбить друг друга, распрощались навсегда и разошлись по домам одинаково гордые и взволнованные. Поздно вечером они встретились. Она шла к нему, чтобы сказать, что она его ненавидит. С тем же спешил к ней он.

Но все, о чем здесь будет рассказано, произошло в то время, когда влюбленные ссорятся нехотя и ненадолго. Весна не любит расходиться с радостью. А был май — великолепный и достойный венец лучшего времени года.

Убрав с земли снег, растормошив заснувшую реку, весна освободила людей от теплой одежды, разбросала под ноги зеленые ковры, развешала повсюду зеленые портьеры и занавески, снизила цены на живые цветы и мертвые улыбки, — словом, распорядилась так хо-

рошо, так ловко и так заботливо, что не ценить всего этого невозможно.

Когда ласковый майский день сменяется нежным майским вечером, когда воздух, приправленный острым вечерним запахом тополей, делается чище и слышней становится музыка из ближайшего парка, когда так приятно сидеть у открытого окна, тогда не ищите ваших молодых знакомых дома. Идите в парк — туда, где в такие вечера бьется пульс городской жизни. Знакомых вы, возможно, там не найдете, зато до конца вечера не потеряете надежды встретить их среди многочисленного собрания ценителей майских вечеров.

Именно в такой вечер в парке своевременно появились Вирусов и Штучкин — два человека, равно интересных и молодых. У них приятные лица, а из их одежды можно составить один мощный щегольской костюм.

Это была подходящая компания: Вирусов любил шутить. Штучкин любил смеяться. Вирусов должен был нравиться гордой и чуть надменной осанкой. Штучкин подкупал добродушием и смешливостью. С его лица не сходил румянец отдыхающего человека. Держались они с той свободой, которую, присмотревшись, можно назвать самоуверенностью. Окаменев даже в самых академических и самых серьезных позах, эти молодые люди представляли бы собой скульптурную группу «Два шалопая». На танцплощадке они побывали лишь для того, чтобы оживить давку при входе и выходе в узкую калитку; шутили с незнакомыми людьми и свободно безо всяких предисловий заговаривали о любви со скромными и беззащитными девушками.

Живость, с которою приятели провели начало вечера, утомила их наконец, и они решили отдохнуть и покурить в каком-нибудь тихом месте. Они свернули на безлюдную аллею, от одного вида которой веяло дворянской романтикой. Казалось, пройди эту аллею до конца — и выйдешь тихим, строгим и мечтательным, как девушка без подруг. Молодые люди смиренно побрели по песчаной дорожке. Вирусов вдруг впал в бесскандальное элегическое настроение и, покопавшись в своих сведениях из школьных хрестоматий по литературе, высокомерно процитировал:

— Приют задумчивых дриад!

Штучкин хихикнул, но был назван пошляком и не-

учем. Уличив приятеля в незнании греческой мифологии, Вирусов перешел на невежество Штучкина вообще — тему более доступную и свободную, но вдруг замолчал.

На дальней скамейке сидела девушка. Любоваться можно было издали, ни один художник не отказался бы от этого сюжета: потемневшая зелень аллеи, кое-где просвечивающий сквозь нее закат и на скамейке — девушка в светлом. Все это и казалось бы созданием художника-романтика, если бы не легкий ветерок, существующий только для того, чтобы оживлять картину едва заметным движением листвы.

Вирусов был особенно растроган несложностью композиции — девушка сидела одна. Правда, на следующей скамейке расположился какой-то молодой человек, но он не вмещался в рамку этого полотна.

Молодые люди приблизились, и Штучкин тут же задал заведомо идиотский вопрос:

— Сидите, значит?

— Мне трудно вам что-нибудь возразить, — ответила девушка.

Вирусов на это тонко улыбнулся и спросил осторожно:

— Скучаете?

Девушка не ответила, а только взглянула на Вирусова, и он понял, что имел до этого смутное представление о красоте и выразительности человеческих глаз. Непостижимо красивые, они красноречиво выражали теперь равнодушие. Она перевела свой взгляд на молодого человека с соседней скамейки, потом быстро взглянула на Вирусова и Штучкина разом и едва заметно улыбнулась.

— Такая холодная улыбка в такой теплой компании, — заметил Вирусов, оживляясь и садясь на скамейку. Девушка рассмеялась чистым и ровным смехом. Тут же кощунственно раздался немелодичный смех Штучкина. Молодой человек с соседней скамейки вздрогнул, поднялся и быстро пошел в глубь аллеи. Девушка смеялась не уставая, все громче и громче. Потом вдруг сразу смолкла и спросила, сколько времени. Добродушный Штучкин убавил наступление майской ночи ровно на час и заявил, что в такое время из парка уходят только олухи, как их сосед по скамейке. Вирусов, которого сначала несколько тревожило

это соседство, сказал, что этот тип, проходя мимо, взглянул, кажется, нескромно на девушку и что, если она пожелает, его можно вернуть, чтобы заставить извиниться на французском языке, снять полуботинки и удалиться бесшумно на цыпочках. Штучкин заметил, что после он эти полуботинки может не надевать, а выбросить в кусты, где им самое подходящее место. Потом Вирусов, как умел, заговорил о прелести майских вечеров, причем в особенно белом свете старался представить позднее темное время.

Девушка возражала, смеялась, поднимала одну бровь выше другой, но когда Вирусов дошел до игривого вопроса: «Как вас зовут?», вспомнила вдруг, что ее где-то ждет подруга, вспорхнула со скамейки и запрыгала вдоль аллеи.

Приятели растерялись. Бежать за ней было бы нелепо, в чем Штучкин хотел все же убедиться, но Вирусов схватил его за пиджак и крикнул ей вслед:

— Вы бываете здесь?

— Иногда! — легкомысленно отозвалась она и растворилась в сумерках.

Домой они возвращались молча, будто не замечая друг друга. Но если бы они захотели уединиться, то не смогли бы. Они жили на одной улице, в одном доме, в одной комнате.

Приближение следующего вечера застало приятелей за хлопотливыми сборами. Вирусов решил навестить своего дядю, у которого, по его предположению, именно этим вечером должен был начаться приступ малярии. По Штучкину стосковалась его добрая тетя, о существовании которой он до сих пор так постыдно забывал. Между малярийным дядей и тоскующей тетей было общее то, что они одинаково любили модные галстуки и безупречные прически у посещающих их племянников.

Собравшись, молодые люди вышли на улицу и разошлись в противоположные стороны.

Размышляя о том, что проще всего обманывать своего друга, Вирусов свернул к парку. Скоро он был там и, придирчиво осмотрев себя в темном стекле киоска «Пиво—воды», пошел в глубь вчерашней аллеи.

Вечер был ничуть не хуже вчерашнего, декорации также великолепны. На дальней скамейке Вирусов заме-

тил светлое пятно и, лишившись вдруг своей надменной осанки, устремился к этому пятну, как безрассудный мотылек к источнику света. Пятно увеличивалось и принимало прелестные очертания, но тут Вирусов обнаружил, что девушка сидит не одна. С другой стороны выглядывали чьи-то плечи и виднелись полуботинки, по которым Вирусов вдруг узнал вчерашнего соседа по скамейке.

Удар был неожиданным и жестоким. Вирусов почувствовал себя так, как будто его облили чем-то холодным и липким. «Черт возьми! — подумал он — Неприлично показываться... засмеют, чего доброго...» И, терзаемый жестоким приступом самобичевания, Вирусов вспомнил Штучкина, и ему даже стало стыдно за то, что так бессовестно обманул своего наивного друга.

До скамейки было уже не больше десяти шагов, и Вирусову оставалось только пройти мимо, что он старался сделать как можно более бесшумно, надеясь, что его не заметят. Свой взгляд он стыдливо устремил в глубь аллеи и... усмехнулся.

С другой стороны шел Штучкин. Чувствовал он себя так же скверно, однако, по привычке, которая у него всегда брала верх над настроением, хотел было рассмеяться, но, разглядев выражение брезгливости на лице своего друга, все же раздумал.

Приятели встретились почти напротив пары, которая была теперь олицетворением любви, согласия и верности. Влюбленные сидели лицом к друг другу и чуть наклонив друг к другу головы. Молодой человек перебирал в своих руках ее пальчики. Никто не смог бы заподозрить их в том, что они ссорились вчера и могут поссориться завтра. Естественно, они были невнимательными, и потому Вирусову и Штучкину повезло — они удалились незамеченными.

СТОМАТОЛОГИЧЕСКИЙ РОМАН

Если вы беспредельно счастливы, начиная с того, что вам везет в любви, и кончая тем, что вам не жмут ваши туфли, и если кто-нибудь скажет вам, что страдания украшают и возвышают человека, не слушайте и

не верьте. Ходите с любимым человеком по дорожкам, залитым лунным светом, покупайте обувь размером больше. И не простуживайтесь, потому что у вас могут заболеть зубы.

Зубная боль — самое жестокое из человеческих страданий. Ада нет, но в каждой больнице есть дверь с табличкой «Зубной врач». Колю Ванечкина привела к этой двери только жестокая необходимость.

Коля — во всех отношениях интересный молодой человек и вполне бы мог быть героем серьезного романа.

В одно из недавно прошедших воскресений Коля проснулся и обрадовался своему пробуждению. Был он наполнен всеми мажорными сочетаниями своего возраста, и, казалось, ничто не могло его обеспокоить.

Он был убежден в этом сам, а когда почувствовал, что у него слегка ноет какой-то зуб, то не поверил этому и не обратил на это внимания.

Но прошел час, и зуб определенно заявил Коле Ванечкину о конце его физического благополучия.

Юноша не болел никогда. Он не болел даже в детстве корью и был перепуган новизной ощущений.

Он плохо и мало спал, а назавтра у него была вторая очередь к зубному врачу в ближайшей клинике.

Первым был ветхий старичок, для которого лечить что-нибудь стало уже профессией, и он никогда не опаздывал на прием.

Старичок вошел в кабинет, и его морщины легли сложными складками недоумения и недоверия. За столом вместо пожилого, хорошо знакомого врача сидела девушка.

Старик забеспокоился. Он был молод очень давно и помнил только, что в молодости он был героем. Теперь в его представлении все девушки были обязательно легкомысленны.

Но Верочка успокоила его вежливым обхождением, а продолжительным изучением его кусательных органов даже внушила ему уважение. Приемом он остался доволен и с сознанием выполненного долга покинул кабинет.

Если бы зубная боль не затмила Коле Ванечкину все светлые краски жизни, то он увидел бы, что Верочка

была молода и хороша собой, что у нее удивительные глаза и нежные очертания губ и подбородка.

Но Коля взглянул на нее, как на средство, которое должно прекратить его мучения, и торопливо уселся на стул, с нетерпением ожидая действия этого средства. Зато Верочка смотрела на Колю долго и совсем по-другому.

Коля был молод и интересен. Верочка тоже была молода и никого еще не любила. И произошло то, что, несомненно, могло бы произойти в этом случае. В свободном сердце Верочки Беседкиной Коля вместился сразу и весь, начиная с непричесанных в это утро волос и кончая нечищенными в это утро туфлями.

Верочка покраснела и стала вести себя так, словно не он, а она пришла к нему в кабинет и застенчиво ждет, когда он обратит на нее внимание.

Коля же ничего не заметил, кроме того, что «девчонка почему-то тянет», и сказал нетерпеливо:

— Посмотрите же! Вот этот зуб.

Верочка встрепенулась и, затая дыхание, осмотрела больной зуб.

Зуб этот нужно было удалить, но он занимал такое видное место, что его отсутствие было бы большим пробелом в Колиной улыбке.

И без того взволнованная Верочка пришла в смятение. «Вырвать проще всего, — завертелось у нее в голове, — вот если вылечить и сохранить ему этот зуб, а вырвать... Он уйдет и... не вернется». Этой последней своей мысли она страшно устыдилась, нашла ее отвратительной, но зуб... «зуб все-таки вылечить». И она стала лечить. Лечить зубы — это значит причинять боль. Закончив, Верочка дрожащей рукой написала рецепт и слабым голосом попросила зайти завтра. Коля ушел, но боль не проходила. Прописанные порошки были более психологическим средством, чем медицинским, и через несколько часов Коля вернулся.

— Удалить! — заявил он категорически.

— Зачем же удалить? — спросила Верочка испуганно. — Его лечить надо. Завтра можно продолжить.

— Если все дни будут походить на сегодняшний, то я не хотел бы, чтобы их было много, — упадочно сказал Коля, но согласился терпеть до завтра и, не попрощавшись, ушел.

Весь вечер он метался по комнате, а ночью тихонько подвывал соседской собаке, у которой зубы болели, видимо, неизлечимо, потому что выла она каждую ночь.

— Нужно всего три дня, — думала Верочка вместо того, чтобы спать, — ведь вылечу же я.

Утром она, смущаясь, сделала праздничную прическу. Жиденький комплимент, прошамканный по этому поводу высыхающим старичком-пациентом, не был ей неприятен.

Коля снова был вторым. Верочка, страшно робея, приступила к продолжению спасительной процедуры.

Инквизиторские звуки бормашины острой болью отзывались в сердцах обоих.

— Завтра мы закончим, наверное, — сказала Верочка неожиданно для самой себя с сожалением и грустью.

— «Наверное?» — злобно перекосил Коля и вышел, снова не попращавшись.

Быстро, почти бегом, он двигался по улице, словно хотел убежать от зубной боли.

— Куда ты так? — спросил его встретившийся приятель.

— К чертовой матери! — ответил Коля энергично.

На следующее утро прием к зубному врачу начался чуть раньше обычного.

В дверях клиники Коля обошел пунктуального старичка и первым, без вызова и без стука вошел в кабинет.

— Доброе утро, — робея, произнесла Верочка.

— Здравствуйте, — грубо ответил Коля, и, покосившись на сирень, стоящую на столе в стройной вазе, спросил нехорошим голосом:

— Цветочки?

Верочка неловко улыбнулась, приоткрыв вызывающе здоровые и красивые зубы.

— Чему вы смеетесь, — заговорил Коля, раздражаясь. — У вас сердца нет?

Верочка вздрогнула и, отвернувшись к окну, невнятно забормотала о том, что сердце у нее есть и что ноет оно сильнее тридцати двух больных зубов, что вылечить зуб пустяки, вырвать, например, и все, а...

— Что? — жутким шепотом спросил Коля, пристально всматриваясь в Верочкин затылок. — Что? — повто-

рил он голосом, рассчитанным на запугивание двух встретившихся ночью грабителей.

— Разве вы не заметили? — прошептала Верочка, повернувшись и сверкнув влажными уже глазами.

— А-а-а... — издал Коля звук, который обозначал приступ зубной боли и то, что он вдруг нашел причину своих мучений. Три дня молчаливых страданий дурно отразились на его манере разговаривать, и он стал кричать громко и с чувством:

— Вы с ума сошли! Вы шутите! Как вы могли! — И, судорожно цепляясь за край стола, он закричал полным голосом: — Палач! Чудовище!

«Чудовище», бледное и несчастное, сделало два шага и без чувств опустилось на диван.

Коля злорадно захохотал и, сопровождаемый пушечными хлопками дверных пружин, выскочил на улицу и бросился бежать в произвольном направлении.

Верочка от обморока очнулась, Колин зуб удалили кустарным способом, остальное было уже в области врачей психиатров и невропатологов.

СУМОЧКА К РЕБРУ

Рабочий день литературного консультанта Владимира Павловича Смирнова начинается с чтения рукописей. Разбор некоторых из них требует изрядных криминалистических навыков. В других — отклонение от грамматики мешает додуматься до смысла написанного. Иногда написанное вообще не имеет никакого смысла. Владимир Павлович хмурится и слегка нервничает. Часов с десяти начинают появляться авторы. По утрам любит приходить начинающий поэт Рассветов. Он раздевается и садится напротив Владимира Павловича. Рассветов страшно интеллигентен, но ходит всегда неприлично лохматым. Скептик ужасный. Даже собственные стихи он читает с пренебрежением. Пишет о полях и о деревьях, но больше о чувствах. Пишет плохо. Сначала Рассветов посылал стихи почтой и был неприятен Владимиру Павловичу как автор, но вот он стал приносить стихи сам и стал неприятен еще и как человек.

— Мелкотемье, товарищ Рассветов, и форма у вас неблестящая, — сдержанно говорит Владимир Павлович, пытаясь возвратить Рассветову стихотворение.

— Мелких тем нет. Есть мелкие авторы, — надменно говорит Рассветов.

Владимиру Павловичу хочется сказать Рассветову, что он и есть автор самый мелкий, что ему надо бросить писать и заняться поднятием тяжестей, но этого сделать нельзя, и Владимир Павлович подробно разбирает стихотворение, советует, спорит, читает лекцию по литературоведению и очень вежливо дает понять, что стихотворение не может быть напечатано. Рассветов надувается и уходит создавать художественные ценности.

Следующий — молодцеватый стриженый парень, недавно демобилизовавшийся солдат, автор романа «Три года в строю». Автор требует напечатать «хотя бы главы». Роман лежит у Владимира Павловича в самом дальнем углу стола вместе со склянкой настойки из ландыша.

— Прочитали? — звонко спрашивает стриженый парень.

— Читаю, — хмуро говорит Владимир Павлович. — Зайдите дня через два.

— Сколько можно ходить! — нахально говорит парень. — Я не потерплю бюрократического подхода к моему творчеству!

Владимир Павлович тупо смотрит на посетителя, на его богатырскую грудь, украшенную четырьмя автоматическими ручками, и ему страшно хочется достать из стола роман, рвать его на глазах у автора и выкрикивать при этом оскорбительные отзывы, но Владимир Павлович спорит, убеждает, советует читать Тургенева и грамматику.

Приходит мастер короткого газетного жанра Коля Гонорарьев. Этот долго не задерживается, но все-таки оставляет неприятное впечатление.

Потом идут другие — молодые, старые, вежливые, заносчивые, сердитые и обидчивые. Попадаются нервные.

Как-то после работы Владимир Павлович достал из стола два новых письма и хотел уже сунуть их в папку для того, чтобы прочитать дома, но машинально разорвал один конверт и вынул оттуда на редкость маленькую бумажку.

В этот день Владимир Павлович анализировал поэму Рассветова о боярышнике и был порядком утомлен.

Кроме того, демобилизованный романист назвал его Бенкендорфом. К концу дня его нервы находились, кажется, вне всякой системы.

Владимир Павлович развернул бумажку. Неведомый автор предлагал стихотворение, которое начиналось так:

Из подворотни выбрел пес лохматый
И вдруг завоил, словно не к добру.
Подкрадывался сумрак бородатый,
Подвязывая сумочку к ребру.

— Что это? — подумал Владимир Павлович, чувствуя, что ему становится не по себе. — Какую сумочку? К какому ребру?

Владимир Павлович прочел это еще раз, попробовал хихикнуть, но смех вышел таким, что он сам его испугался.

Он быстро оделся и поспешно покинул пустой кабинет. По дороге домой Владимир Павлович держался многолюдных и освещенных мест. Странное четверостишие не давало покоя. Темный коридор он прошел быстро и с таким чувством, что его вот-вот ударят по голове чем-нибудь жестким и тяжелым. Войдя в свою квартиру, он запер за собой дверь.

Жена сидела на диване и вышивала что-то болгарским крестом. Владимир Павлович заговорил шепотом:

— Маша, у нас никого нет?

— Никого. А что?

— Вот! — Владимир Павлович вынул из папки конверт и осторожно, словно это была бутыль с негашеной известью, передал его жене. — Прочти. Только... Ребенок спит? Спит? Тогда прочти... Нет-нет, не надо вслух.

— Ничего особенного, — сказала хладнокровная жена, прочитав. — «Сумрак бородатый» — хорошо, а вообще несколько туманно...

— Несколько? — перебил Владимир Павлович, нервозно вздрагивая. — Это черт знает что! «Завоил!» — какое адское слово. Все встречалось: поэтические вольности, охотничьи рассказы, шаманские могилы, но такого... Нет-нет! Это что-то жуткое... Я думаю, Эдгар По побледнел бы. А я все-таки человек рядовой, с ограниченным воображением, у меня ребенок, еще могут быть дети... Нет, я не могу! Я уйду с этой работы. Завтра

же. Сегодня же! Займусь чем-нибудь другим... Буду менять собственную тень на шагреневую кожу — спокойнее...

Жена бросила вышивание и внимательно посмотрела на мужа. Только сейчас она заметила, что Владимир Павлович бледен и необычно суетлив.

— Послушай, Маша, — сказал Владимир Павлович вкрадчиво, — тебе никогда не казалось, что на тени ты похожа на Бенкендорфа? Да-да. Я все время думал, на кого, и вот сейчас...

Перепуганная жена увела Владимира Павловича в спальню и уложила в постель. Потом она вернулась в комнату, подошла к телефону и набрала нужный номер...

Через неделю начинающий поэт Рассветов, прогуливаясь по улице с девушкой, встретил Владимира Павловича, который против обыкновения не свернул в сторону и не отвел глаз, а пошел прямо навстречу Рассветову так, что тот должен был остановиться.

— Вот что, молодой человек, — сказал Владимир Павлович не поздоровавшись. — Не ходите вы, ради бога, по редакциям и не пишите стихов. Чтобы нравиться девушкам, не обязательно писать стихи. Я вам это давно хотел сказать, но не мог. А теперь могу. У вас не то что талант, у вас здравый смысл отсутствует.

— Рехнулся! — сказал посрамленный поэт, глядя вслед уходящему Владимиру Павловичу.

Он был не прав. Владимир Павлович перешел на другую работу и был совершенно здоров.

МЕСЯЦ В ДЕРЕВНЕ, ИЛИ ГИБЕЛЬ ОДНОГО ЛИРИКА

Трагическая сцена-монолог

Сентябрь. Колхозная сушилка. Сквозь стену, требующую капитального ремонта, проглядывает осенний вечер. Вороха зерна, клейтон, бункера, совки и прочее. Работа окончена. Тихо и пусто.

Но вот из кучи мякины появляется Виктор Рассветов, студент лет двадцати. В городе он занимается сочинением стихов для своей знакомой (которая, кстати, тоже приехала в колхоз). Хочет стать поэтом, но не имеет для этого ничего, кроме маниакального желания. Ночами просиживает над экспромтами. Здесь он не

причесан и не брит, в одежде нехудожественный беспорядок.

Рассветов (стряхнув пыль с ушей). Так... Только это мне и оставалось: выспаться в мякине. Теперь еще пожевать овса и можно запрягать в фургон. (Осматривается.) Труженики ушли. Завалили, мерзавцы, мякиной и ушли. Сейчас будут танцевать под двухрядную гармонику. Как они могут! В телогрейке, в сапогах... (Ломается, паясничает.) Разрешите вас ангажировать на мазурку. Пардон, я отдавил вам ножку... Как могут!

Но главное! Она-то, она! Сегодня я видел, как она грызла кость. Урчала и чавкала, как голодный динозавр. Это она, та, около которой я боялся дышать, чтобы не сдуть, как пушинку, с которой я говорил только рифмами, чтобы не оскорбить ее слуха. Родная сестра Лауры, Беатриче, Керн, она ворует дрова и ругается с кладовщиком, который вместо междометий употребляет самые последние ругательства. Вчера она заработала два трудодня и... сколько радости, какой восторг!.. Два трудодня — праздник души, именины сердца! Тьфу! Когда я читал ей самые красивые и самые нежные свои вещи, она не улыбалась так, как улыбалась на комплимент Яшки-механизатора насчет того, что она сама завела зернопогрузчик. Где мы встречаемся! Ха-ха! Сцена на току, свидание на сушилке, мимолетная встреча вечером у пилорамы. Ха-ха-ха! (Поет на мотив фокстрота «На карнавале».) На пилора-ме под сенью ночи... (Вдруг задумывается, потом садится и переобувается. Вздыхает.) Все наводит на размышление о бренности: рваные носки, раздавленная машиной курица... Все идет прахом, все обманчиво, как моя любовь. Что здесь может вдохновить поэта? Осень, березки? По мне березки хороши, когда их не надо пилить и таскать.

Зачем меня принесло сюда! Разве я не мог достать справку, что у меня болит печень! (Долго и с нездоровым напряжением всматривается в стоящий рядом клейтон. Вдруг хватает лопату, бросается к клейтону.) Чертова машина! Разнесу в щепки! (Замахивается лопатой.) Разнесу! (Проваливается в бункер.)

ФИНСКИЙ НОЖ И ПЕРСИДСКАЯ СИРЕНЬ

Переполненный, раздираемый распрями автобус остановился, наконец, там, где высаживается большая часть пассажиров. Все отдыхающие солнечным летним воскресеньем за городом знают, сколько дерзости, сколько грубой энергии нужно для того, чтобы уехать к месту отдыха на автобусе. Но вот из автобуса выходят смущенные влюбленные, выходят семьи, счастье которых, казалось, могло быть омрачено лишь поездкой за город на автобусе, и небольшие группы приятелей-сослуживцев, приехавших сюда выпить и закусить. Гражданин лет девятнадцати сошел последним, но сделал он это не из вежливости, а случайно. Зато никто не мог бы отказать ему в красоте.

Лицо мужественное, но со следами каких-то происшествий и слишком дерзким взглядом. Одет с неподдельной небрежностью, что полностью гармонирует с его свободными манерами и развязной походкой. Вид самый независимый, но в то же время заметно, что этот человек постоянно ждет чего-то нехорошего. И действительно, он постоянно должен подозревать, опасаться, быть начеку. Этого требует его нервная профессия. Своей профессией он обязан исключительным стечениям жизненных обстоятельств и редкому воспитанию.

Пяти лет он лишился обоих родителей и был усыновлен дядей. Одинокий дядя принял племянника неохотно. Одиночество больше всего ему подходило при его образе жизни и способах приобретения средств для этой жизни. У него, например, всегда были основания внезапно покинуть насиженное место с тем, чтобы не возвращаться туда даже за своими вещами. Впрочем, вещи эти не были его собственностью, а попадали в его руки без ведома их настоящих владельцев. Он вел пьяное существование, и уважать его можно было только за преклонный возраст. К своей свободе относился ревниво, но в конце концов так скомпрометировал себя перед обществом, что мог жить только далеко, в суровом малозаселенном краю. К несчастью, этот дядя имел педагогическую жилку. Личным примером и непосредственными поучениями он воспитывал племянника по своему подобию.

Конечно, люди вырвали бы восприимчивого мальчика из лап этого воспитателя, но мальчик в силу исключительных способностей, которые в нем открыл и развил дядя, успел угодить уже в детскую трудовую колонию, откуда несколько раз бежал. Растянув эти побеги до совершеннолетия, он попал на два года в тюрьму и вышел оттуда опытным и энергичным нарушителем законности.

Разумеется, он не был счастливым. У этого человека могли быть удачи, но не могло быть счастья. Чем больше он задумывался над своей жизнью, тем чаще ему казалось, что он не любит своей профессии. Он стал замечать, что ворует и грабит безо всякого увлечения, без любви к делу. К честным людям стал приглядываться с завистью и раздражением. Особенно раздражали его студенты. Ему уже девятнадцать лет, а его жизненная перспектива тянулась длинной вереницей бутылок и упиралась во что-то темное и безнадежное. Деньги между тем имели для него цену лишь тогда, когда их у него не было. Последнее время у него не было денег.

Воровать он не любил — ему больше нравилось грабить. Ограбив кого-нибудь, он получал сознание того, что он сильнее ограбленного, каким бы честным и умным ни был последний. И все-таки ограбленному он завидовал, и, может быть, для него быть счастливым значило быть честным. Но он считал честную жизнь чем-то в высшей степени ему не свойственным и не подходящим. Тело у него было исписано эпитафиями и лирическими откровениями, которые должны были свидетельствовать о душевной обреченности и безнадежности.

Было воскресенье, граждане ехали за город отдохнуть, но его каторжная профессия, как видно, и не предполагала выходных дней.

В одном месте лес с городом соединял запущенный сад, который когда-то окружал чью-то дачу и был огорожен. Теперь забора не было, сад зарос, но остался садом, потому что там попадались акации, черемуха, сирень и кусты непривитых яблонь.

Поглощенный мрачными грабительскими мыслями, молодой человек незаметно для себя очутился в самом глухом уголке сада, где попадалась еще не истерзан-

ная любителями живых цветов сирень. Уголок этот благоухал. Но из молодого человека формировался уже алкоголик, так что запахи он чувствовал смутно. Равнодушно взглянув на пышный куст персидской сирени, он уже хотел повернуть назад, как вдруг заметил по ту сторону куста белое платье.

«Снять часики», — пришла ему в голову привычная мысль.

Оленька Белянина любила одиночество. Этот заброшенный сад привлекал ее всем: и тем, что он заброшен, и тишиной, и запахами, и еще многим, что находила в этом саду она одна. Забравшись в заросли, она читала писателей-романистов, любила Тургенева, и в ней самой было очарование Лизы Калитиной. Оленька прошла тихим ровным путем через школьные классы в студенческую аудиторию. Юность ее светла и спокойна, и все неожиданности были у ней впереди. Это была нежная, чуткая, отлично воспитанная девушка, и трудней всего она воспринимала какие-либо отклонения от нормального. Мысль быть ограбленной никогда не приходила ей в голову.

Молодой человек между тем подошел, остановился в двух шагах и стал ориентироваться. Часы ему понравились с первого взгляда, но их владельца он нашел унизительно беспомощным.

«Сразу же отдаст и будет плакать», — подумал он.

— Который час? — спросил он, вкладывая в свою интонацию большую дозу грабительского сарказма, за которым слышится, что хозяину часов, не имеющему высокоразвитого чувства времени, предоставляется возможность ответить на этот вопрос в последний раз. Но этот зловещий вопрос, который настораживал, приводил в растерянность, заставлял трусить всякого, кому он задавал его наедине, на Оленьку Белянину не произвел никакого впечатления. Это показалось ему странным. Между прочим, у Оленьки была та наружность, мимо которой нельзя пройти без зависти или без любопытства, и молодой человек неясно осознал, что ему было бы неприятно иметь такого голубоглазого врага.

— Без десяти пять, — любезно ответила она.

— Врут ваши часы, — решительно сказал молодой человек. — Снимайте их, будем чинить.

И он сделал к ней шаг, но только шаг. Его остановил ее взгляд. В глазах ограбленных им людей он привык видеть страх, осуждение, презрение. Но девушка смотрела на него весело и с любопытством. Это было ново и неожиданно и так не предусмотрено практикой, что молодой человек растерялся.

— Вы что — странствующий агент часовой мастерской? — спросила она, улыбнувшись.

— Да, я... странствующий... — пробормотал он и неловко опустился на траву.

Они молчали. Оленька с интересом продолжала его разглядывать. Этот молодой человек выглядел несколько необычно. Следы каких-то происшествий на лице придавали ему в ее глазах романтический оттенок.

— Неужели вы не нашли другого повода, чтобы заговорить со мной? — сказала она, продолжая улыбаться, и он понял, наконец, что предложение снять часы она принимает за шутку, а его считает честным человеком, и вдруг почувствовал себя во власти какого-то сложного непонятного состояния, которое делало его попытку снять часы у этой девушки попыткой страшно нелепой и несостоятельной. Она что-то говорила, что-то спрашивала, но прошла минута, прежде чем он стал понимать ее и отвечать на ее вопросы. Непосредственность была природной чертой Оленьки Беляниной. И они разговорились. Это был обычный для двух незнакомых молодых людей разговор, который состоит из шуток и отгадывания имен и рода занятий собеседников. Разумеется, этот разговор не мог быть для молодого человека приятным.

Что Оленька студентка, стало известно быстро и легко. А он...

— И уж, конечно, вы не артист, — гадала Оленька. — Вы только что так грубо и так неталантливо пытались изобразить разбойника.

— Разбойника... — повторил он, — вы видели его когда-нибудь?

— Не видела, — самоуверенно отвечала она, — но представляю его лучше, чем вы.

Он взглянул ей в глаза и улыбнулся. Может быть, потому, что в жизни ему приходилось редко улыбаться и невинная улыбка хорошо сохранилась у него с малых лет, у грабителя оказалась детская улыбка.

Было это трогательно, как грустная любовь веселого юмориста, и Оленьку такая улыбка не могла не взволновать. Кроме того, она смутно почувствовала, что где-то близко около этого разговора бьется самое важное, самое сокровенное в этом человеке. Они отвели глаза, и оба, каждый по-своему, смутились.

— Какая это книга? — нарушил он паузу и протянул за лежавшей у ее ног книгой свою руку. Обшлаг рубахи скользнул к плечу, и тут Оленька увидела на его руке непринужденно начертанную каким-то опальным художником Венеру и одну из эпитафий — яркую грубую татуировку.

— Что это? — улыбка мгновенно улетучилась с ее лица.

— А это, — сказал молодой человек чужим голосом, — наколка. Я, между прочим, разбойник и есть.

В горле пересохло, а ему захотелось вдруг говорить и говорить...

Он взглянул ей в глаза. В них были страх, осуждение, презрение.

— Вам нужны часы? — проговорила она сухо. Он молчал. Через несколько мгновений послышался шелест травы под ее ногами. Шла она или бежала, он не видел. Он сидел на земле, опустив голову и беспомощно, как подраненная ворона крылья, расставив руки.

ЦВЕТЫ И ГОДЫ

Сцена

Начало июня. Вторая половина идеально ясного дня. Уголок городского сада. Кругом — большие клумбы цветов. Пылающие астры и георгины свидетельствуют о ярком расцвете деятельности горзеленхоза. Скамейка под самым большим кустом черемухи. Место веселое и такое тенистое, что отдыхающему при тридцати градусах тепла пожилому человеку невозможно пройти мимо этой скамейки.

Такой человек появляется. Это Лев Васильевич Потапов, невысокого роста, пожилой, вытирающий пот со лба. Врачи находят Льва Васильевича здоровым, но советуют употреблять меньше жирного и мучного.

Потапов *(усаживаясь с живностью, которая ему полезна)*. Отлично, отлично... Пусть она там разговаривает, а я отдохну... Милое местечко, и сколько цветов! *(Замечает дощечки с надписями: «Цветы не рвать», «К цветам близко не подходить!*

Штраф!».) Вот обязательно такие глупости. Эти райские цветы хочется потрогать из любопытства. Интересно, на сколько оштрафуют, если нарвать букет цветов, к которым нельзя подходить близко. *(Задумывается, потом осматривается.).* Это место мне напоминает... Да, да... Здесь! Именно здесь! Здесь меня оштрафовали на десять рублей! Конечно! Со мной была Маша... Это двадцать лет назад! Черемуха разрослась, скамейка новая, скамейка лучше, а цветы все те же. Так же много, такие же яркие, такие же неприкосновенные. Ха-ха! Оштрафовали! Приятно вспомнить. *(Еще больше оживляется, что выражается яростным потиранием лысины).*

Да, были и мы рысаками! Помню, я такой молодой, застенчивый. Любить тогда для меня значило говорить нежности и делать глупости. Любил, как могут любить только поэты-лирики. Да, приятно вспомнить...

Мне тогда и покраснеть ничего не стоило. Прощались мы тогда, помню, как-то... со скрытой нежностью. А Маша, Маша! Скромная была, прямо до изумления. И такая хорошенькая!

В тот вечер я в забывчивости сорвал что-то белое и благоухающее, выдал это за камелию — и ей на грудь. Тут свисток и квитанция. Помню, милиционер откозырял, приятно улыбнулся и сказал, как будто поздравил: «Прошу прощения. Служба!» С тех пор я ничего подобного не видел. Маша сначала смутилась, а потом смеялась целый вечер... А вон и она.

Появляется Мария Сергеевна Потапова — невысокая, с убывающей полнотой и прибывающими морщинками женщина.

М а р и я С е р г е е в н а. Ты здесь? Евдокия Степановна рассказывает, что Вихляев уходит от жены к какой-то Чугиной, ты ее должен знать...

П о т а п о в: Знаю. Это сестра нашего бухгалтера.

М а р и я С е р г е е в н а. Подожди... Это такая старая...

П о т а п о в: Твоих, примерно, лет.

М а р и я С е р г е е в н а: О! Такая юная!

П о т а п о в: Маша, садись. Посмотри, Маша, это место тебе ничего не напоминает?

Мария Сергеевна. Нет, ничего. А что?

Потапов *(игриво)*. Не напоминает? Ну, так я напомню. *(Рвет цветы с клумбы.)*

Мария Сергевна *(испуганно)*. Лева! Ты с ума сошел!

Потапов. Вспомнила? *(Подает ей цветы и смеется счастливым смехом.)*

Мария Сергеевна. Что с тобой? *(Выхватывает у него цветы и, оглянувшись, бросает их в кусты.)*

Потапов *(с беспокойством)*. Неужели ты не вспоминаешь?

Мария Сергевна *(рассерженно)*. Что ты плетешь? Что это за выходка? Штрафы платить? Деньги тебе девать некуда?

Потапов. Маша!

Мария Сергеевна. Это у тебя с жиру. Захотел дурачиться — ходил бы на голове или играл в этот... в гонконг, а то выдумал — цветы рвать!

Потапов *(грустно)*. Не гонконг, а пин-понг.

Мария Сергеевна. Неважно, все равно глупость.

Потапов. Трудно представить, но когда-то ты была совсем другой, а теперь даже не в состоянии об этом вспомнить...

Мария Сергеевна. А ты всегда был таким же.

Потапов. Маша, нельзя же так...

Мимо проходит милиционер. Заметив его, Потапов издает торжествующее восклицание и бросается к клумбе, рвет цветы, но милиционер, может быть, с улыбкой уже прошел мимо и не заметил хулиганствующего Потапова. Мария Сергеевна отбирает у Потапова сорванные им цветы и забрасывает их в кусты. Потапов снова покушается на семью больших и ярких георгинов, но Мария Сергеевна удерживает его.

Потапов *(в тисках у Марии Сергеевны)*. Товарищ милиционер! *(Милиционер подходит.)*

Милиционер. Гражданка, отпустите товарища.

Мария Сергеевна *(сердито)*. Это мой муж. *(Выпускает Потапова из объятий, но удерживает за руку.)*

Потапов. Товарищ милиционер!

Милиционер. Чем обязан?

Потапов. Видите! *(Показывает на общипанную клумбу)*.

Милционер *(растерянно)*. Ну?

Потапов *(хвастливо)*. Моя работа!

Милиционер. Ну и что же?

Потапов. Как «что же»? Вы должны меня оштрафовать.

Мария Сергеевна. Он шутит. Вы не обращайте внимания. Извините, мы пойдем... *(Тянет мужа за руку, тот упирается.)*

Милиционер *(вдруг обретая обычную милицейскую строгость)*. Что значит «шутит»?

Мария Сереевна. То есть не совсем шутит. Он болен, знаете. Врачи разрешили ему гулять, но, понимаете...

Милиционер. Вам помочь отвести его домой?

Потапов. Нет. Не надо.

Мария Сергеевна. Спасибо.

Милиционер. До свидания. Вы с ним поосторожнее в общественных местах. *(Уходит.)*

Мария Сергеевна *(с яростью)*. Что с тобой?

Потапов *(устало)*. Ничего. Я только хотел напомнить тебе, что здесь двадцать лет назад у нас с тобой было первое свидание.

ДЕВИЧЬЯ ПАМЯТЬ

Альберт Дрынов, живой, модно одетый юноша, полвечера повертевшись вокруг Наденьки Накидкиной и протанцевав с ней два быстрых танца, изловчился проводить ее домой.

Танцуя с Дрыновым и принимая из его рук пальто, Наденька молчала и только несколько раз неопределенно улыбнулась, что восприимчивый Дрынов истолковал так: «Вы мне нравитесь, но я вас совсем еще не знаю».

Дорогой он выказывал все признаки скоропостижной влюбленности: старался заглянуть Наденьке в глаза, упражнял свои легкие глубокими вздохами и говорил не останавливаясь:

— ...Вообще я против танцев ничего не имею. Если на то пошло, так и Ромео с Джульеттой на танцах познакомились. Это уж так заведено... Вы знаете, мне кажется, я вас где-то видел. Серьезно. Вы, наверное, учитесь где-нибудь? В институте? Девушка с вашей внешностью может смотреть на жизнь с легкой улыбкой. Лично я для вас бы все сделал... Вам, конечно, еще и

двадцати нет. Можно сказать, возраст любви...
Не бегите так. Послушайте, вы мне серьезно нравитесь. Меня поразили ваши глаза. Мне кажется, я уже видел эти глаза... Знаете такое приятное и... возвышенное ощущение, даже мороз по шкуре идет. Я впечатлительный — я жениться могу. Вот до этого у меня никаких чувств: ни любить, ни радоваться — нехорошо даже. А сейчас в моей душе что-то вроде эпохи Возрождения, как это... э... Росинант. Да, Росинант! Я сам себя не узнаю. Вы не подумайте, что я это все так только говорю. Я гораздо серьезнее, чем вам кажется. Это я с виду только беспечный, а на самом деле у меня на душе, может быть, кошки скребут. Я чувствую, что и я могу всяких дел наделать, но знаете, мне не хватало стимула, э... предмета, который воодушевлял бы меня на что-то такое... Одним словом, я страшно рад, что встретил вас. Мне вас не хватало. Видимо, потому мне и мерещились ваши глаза. Мне сейчас даже удивительно — почему это судьба так медлила с нашей встречей... Вот мы идем с вами в первый раз, а мне кажется, что я уже сто лет здесь с вами ходил. Ваше имя...
Но тут Дрынов вспомнил, что не знает еще имени этой девушки.
— Топор! — воскликнул он с раскаянием. — До сих пор я не знаю вашего имени! Но это от волнения. Простите... как вас зовут?
— Мы с вами знакомы, — сказала девушка. Весь монолог она неопределенно улыбалась, но теперь по лицу ее скользнула убийственная насмешка.
— К-как знакомы? — удивился Дрынов.
— Да так. Вы провожали меня с танцев два месяца назад. За это время вы хорошо сохранились, если не считать, что у вас отшибло память. Прощайте. И запомните — Ренессанс, а не Росинант. Я и в тот раз вас поправляла, — проговорила она холодно и свернула вдруг в большие каменные ворота.

ШОРОХИ

Рассказ ночного сторожа

— Вам спичек? Пожалуйста. Чем я здесь занимаюсь?.. Да вот: кому спички понадобятся, кому время, кому,

может, поговорить... Садитесь, вам, я вижу, не нужно точное время.

Видите напротив магазинчик? Так вот я в нем работаю. То есть не в нем, а около него. Я — ночной сторож. Для этого у меня все данные: возраст 64 года, борода 15 сантиметров, ружье 16-й калибр.

Когда-то я работал в этом магазине продавцом, а теперь вот караулю... Но что это за работа! Мне даже немного совестно деньги получать. Еще ни разу не было ничего такого!.. Воруют-то днем! За пять лет сменилось семь продавцов.

Вот сейчас опять новый. Молодой, вертлявый такой. Все ходит по магазину, насвистывает. Не зря насвистывает! Я его насквозь вижу. Наглый. Такие мало не берут. Не могу его терпеть. Вижу, что шаромыга, но нет у меня полномочиев. Надо мной, подлец, еще издевается. «Караулишь, — говорит. — Ну карауль, карауль...» Дескать, напрасный труд. А у меня нервы сдают и курок у ружья пошаливает. Все может быть. Я его спрашиваю: «Ты зачем, голубчик, в торговлю-то подался?» А он: «Я, говорит, стал продавцом потому, что не хочу загубить молодость в очередях». Я ему: «Скоро тебя уведут? И надолго ли?» Отвечает: «Ничего, вернусь — буду сторожем». Видали его? Возьми с такого!

Вот... А ночью что ж... ночью тихо. Даже скучно както. Я уж хожу смотреть кинофильмы, есть забавные. Вот «Ночной патруль...», ну и другие. Хожу еще в суд слушать, да там все одно: растраты, разводы и хулиганство.

А насчет разбоя, так это только рассказывают. Брехня, устное, так сказать, творчество. Все, что тут было такого за пять лет, так все эти протоколы собрали и выпустили недавно книжку. Как же — читал, читал... занятно...

Ага! Уже час ночи... Этими часиками меня недавно премировали. Так я, пожалуй, сейчас лягу. Завтра рано вставать. Скамейка удобная и тулуп хороший — не жалуюсь.

А что касается шорохов — я шорохов не боюсь. В них нет ничего сверхъестественного. А сон на свежем воздухе, я вам скажу, самый крепкий и самый здоровый.

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ

У маленького деревянного домика на скамейке в позе больного художника с известной картины Карнаухова сидел молодой человек.

Поднятый воротник пальто наполовину скрывал его бледное лицо, которое выражало крайнее нетерпение и бесконечное отчаяние. В его глазах была сосредоточена грусть целого объединения начинающих поэтов-лириков. И если бы вы заглянули в эту минуту ему в душу, то вам стало бы неприятно.

Дрожащими руками молодой человек полез в карман, закурил, но тут же с отвращением отбросил папиросу. «Даже курить не могу!» — с горечью заметил он.

Ничего светлого его настроению не могло противопоставить мрачное осеннее утро. Почти задевая скелеты тополей, по небу ползли грязные лоскутки туч. В маленьких лужицах всхлипывал мелкий и нудный дождик.

«Декорации для самоубийства, — думал молодой человек. — Вот люди торопятся по своим делам, у них отличное настроение — они хорошо позавтракали, им все легко и просто. А я? Вчера и мне было весело и легко. А сегодня — ужасно! Грудь давит, будто меня сунули под гидравлический пресс. Невыносимо! А ведь я мог себя вовремя сдержать! Не сдержал. Ну и поделом — околевай теперь!.. Но что же это?»

Молодой человек в сотый раз взглянул на часы.

«Где же она? Разве можно так мучить человека? Только женщина может быть так жестока и так небрежна. Знает ли она, что такое депрессия души и тела? Нет. Женщинам это недоступно. Чтобы понять меня, надо все это почувствовать. Конечно, ее это не трогает, ей все равно. Женщины равнодушны к страданиям других, они ничего никогда не сделают, чтобы хоть чуть-чуть облегчить их, и даже наоборот — любят злорадствовать... Она не торопится, ей плевать на то, что у меня рябит в глазах и трясутся руки. Но она еще меня вспомнит! И ей еще будет неприятно! Впрочем, может быть, ей будет уже все безразлично. Нет! Это настоящая инквизиция! Кто ей дал право так издеваться! О, как тяжело! Как ужасно... Что ж, я уйду. Еще минута...»

Но здесь лицо его просветлело: он увидел ту, которую ждал с таким нетерпением. Он поднялся, облегченно вздохнул и быстро вошел в только что открытую толстой пожилой женщиной дверь под вывеской: «Пиво — воды». «Три пива!» — выкрикнул он на ходу.

КОММУНАЛЬНАЯ УСЛУГА

Работник коммунального отдела Валериан Эдуардович возвращался с заседания в двенадцатом часу ночи. Он шел по затихшей улице и придирчивым взглядом человека, благоустраивающего город, замечал, что ночью почти не видно призывающих к чистоте табличек и плакатов, что мусорные тумбы расположены несимметрично, что забор, побеленный известкой, имеет непристойный вид.

У перекрестка Валериан Эдуардович покосился на звезды, но его внезапно отвлек шум, который создала вывернувшаяся из-за поворота машина. Он метнулся в сторону, туда же завернула машина. Валериан Эдуардович бросился обратно — машина, взвизгнув, повернула за ним. Он попятился... Одна из улиц уже несколько месяцев была рассечена вдоль глубокой канавой. Неподготовленный к этому, Валериан Эдуардович испытал не только острое чувство неожиданности. Приятно, свалившись в четырехметровую яму, почувствовать себя живым и невредимым. Легкие ушибы только дополняют счастливое ощущение бытия. От сырых стен пахло сыростью. Валериан Эдуардович живо представил себя усопшим в этой яме, спина у него похолодела, он бодро вскочил и затрусил по длинному неблагоустроенному коридору.

— Там не вылезти, — вдруг услышал Валериан Эдуардович хриплый голос. Навстречу ему шел живой человек. Он приблизился, и Валериан Эдуардович при лунном свете разглядел высокого мужчину: худого и нескладного, как лошадь Дон Кихота. Запах, сопровождавший этого человека, и запах сырой земли вместе составили аромат винного погребка.

— Здравствуйте! — тепло приветствовал он долговязого мужчину. — Вы давно здесь?

— Точно не знаю, — ответил мужчина. — Который час? Валериан Эдуардович струсил.

— Уже двенадцать? Ого! Я вздремнул немного... — пояснил мужчина. Неизвестный гражданин приблизился на четыре метра к уровню моря тем же путем, что и Валериан Эдуардович, но без постороннего влияния.

— Черт подери! — говорил он. — Свернул бы здесь шею хоть один из коммунальных работников! Полгода стоит эта ловушка открытой. Зачем они ее вырыли? Ну, теперь есть материальчик... Я это так не оставлю! Я их разнесу!

— Как вы их разнесете? — осторожно спросил зардевшийся работник коммунального отдела.

— Известно, как. Для этого есть периодическая печать, — сказал тот.

— Ну вы уж и рады стараться... — пробормотал обеспокоенный Валериан Эдуардович.

— Стараться я никогда не рад, — отвечал незнакомец. — Ну постояла бы эта траншея месяц, ну второй, а то ведь как будто ждут жертв...

— Но ведь мы с вами целы и невредимы. Ведь целы же вы? — сказал Валериан Эдуардович раздражительно.

— Это что значит, падайте на здоровье, милости просим, так, что ли? — зловеще спросил неизвестный.

— А что... Радикальный способ борьбы с алкоголиками... Хи-хи. Вытрезвитель в какой-то степени...

— Но-но! Ты! Будем называть друг друга на «ты», тем более я вижу, что мы друг друга не уважаем, — рассердился собеседник.

Общее несчастье делает друзьями людей разных профессий, разных характеров, разных степеней пользования коммунальными услугами. Валериан Эдуардович и неизвестный друзьями не стали. Они ужасно друг другу не понравились, смертельно разругались.

Когда они выбрались из этой ямы, была глубокая ночь. Множеством неинвентаризованных фонариков мерцали звезды. Валериан Эдуардович оглянулся вокруг и вдруг почувствовал, что жизнь прекрасна. Он бодрой походкой взял направление к дому, обдумывая на ходу, как лучше поставить завтра вопрос о траншеях и ямах в городском отделе коммунального хозяйства, чтобы не портить настроение горожанам.

НАСТОЯЩИЙ СТУДЕНТ

Старший преподаватель Лев Борисович Фениксов подозрительно относился к аудитории, перед которой выступал с курсом лекций о новом, недавно открытом, древнем языке. Ему казалось, что большинство студентов слишком молоды и несерьезны для того, чтобы заниматься этим необходимейшим предметом.

Сам Фениксов — мужчина лет тридцати, сухощавый, серьезный, холостой, принадлежащий науке. Аудитория же на его лекциях принадлежала самой себе.

С первой же лекции Фениксов выбрал среди физиономий, казавшихся ему безразличными и беззаботными, одно строгое, вдумчивое лицо и стал читать после этого, глядя на это лицо и обращаясь только к нему.

Студент Потехин в свою очередь каждую лекцию не сводил глаз с преподавателя. Если случалось, что Потехина на занятиях не оказывалось, Фениксов беспокойным и подозрительным взглядом скользил по рядам и, сбиваясь и нервничая, всю лекцию читал, обращаясь к проходу между скамейками.

Но Потехин ходил на его лекции часто, и Фениксов говорил о нем много хорошего там, где распределяются стипендии и назревают скандалы.

— Что ни говорите, на первом курсе, по-моему, разболтанный народ. Шуточки, невнимание... и, знаете, даже неуважение к предмету и преподавателю, а я, знаете, за это буду карать... Представьте себе, я вижу там одно только внимательное лицо. Сразу видно — серьезный товарищ. На него даже приятно посмотреть. Чувствуется настоящая пытливость, уважение... Уважение совершенно необходимо. Вот он — настоящий студент. Я говорю о Потехине.

До сессии было еще далеко, и Фениксов долго бы оставался при этом мнении, если бы не один досадный недостаток Потехина.

Студент Потехин был рассеян. Он обладал уникальной способностью, занимаясь одним делом, думать о другом. Так, покупая папиросы, он думал о том, что надо бросить курить, или, отвечая на зачете, соображал о дне и часе пересдачи того же зачета. По рассеянности он, например, всю зиму проходил в осеннем пальто и «забывал» иногда пообедать.

Раз после лекции Фениксова, на которой преподаватель и студент вдоволь налюбовались друг другом, Потехин, чувствуя, что аппетит превозмогает в нем рассеянность, направился в студенческую столовую.

В столовой с подносом в руках туда-сюда сновали молодые самообслуживатели. Потехин накрыл стол, безотчетно склоняясь при этом к вегетарианству и думая о том, что этот обед неизбежно повлечет за собой ужин. Минуты две он ждал у маленького окошка тарелку с хлебом, потом получил ее и в задумчивости уселся... за чужой стол.

Даже наметанный глаз старого экзаменатора, принимавшего экзамены в разные времена и при разных освещениях, мог бы спутать эти два стола. Одинаковые, с равным количеством блюд. Накрытые на одну персону и одинаково сервированные, эти столы отличались только тем, что должно быть съедено.

Таким образом, студенту Потехину представилась возможность познакомиться со вкусом преподавателя Фениксова, к чему он без промедления приступил.

Сам Фениксов с недоумением остановился за спиной Потехина, чуть не выпустив из рук свою тарелку с хлебом.

К Потехину между тем подсел знакомый студент с другого факультета — высокий, длинноволосый пижон из тех, которые лазают через решетку в сад пить пиво. Фениксов ушел бы, если бы между поителями вдруг не начался разговор, который до того ошеломил Фениксова, что он машинально опустился на ближний стул. Разговор был о нем, и не было на свете сил, которые могли бы помешать ему все выслушать. Чтобы это не слишком походило на подслушивание, Фениксов взял ложку и стал хлебать потехинские щи.

— ...Понимаешь, с первой же лекции уставился на меня, — говорил Потехин, — и так все время. А у меня, ты знаешь, привычка смотреть в одну точку...

— У меня тоже, — признался приятель.

— Ну так я на него и глазею. Не слушаю, конечно, а так, пыль в глаза пустить... Как-никак в мою зачетку требуется его автограф...

Фениксов чуть не поперхнулся. Щи, которые заказал студент, пришлись ему не по вкусу. Они отдавали очковтирательством.

— Он читает такую чепуху, — продолжал Потехин, не замечая того, что шницель немного пережарен. — «Рцы черноокая, любишь ли мя?..» Смех! Кому это надо? Вся эта наука состоит из примечаний и оговорок. Это, дескать, еще не окончательно так, еще может быть и по-другому, я, дескать, еще об этом парочку томов состряпаю. А о чем? Мелочь какая-нибудь, чепуха!..

Фениксов побагровел, но продолжал заниматься жареными макаронами. «Немыслимо! — думал он. — Какой нахал! Ест мой обед и говорит такие вещи. Подожди...»

— А вот же — надо сдавать, — вздохнул Потехин, — взял я у девчонок лекции, читаю сорок раз по одному месту — ничего не понимаю. Он сам тоже ни черта не понимает.

У Фениксова потемнело в глазах, он залпом выпил стакан чая и вскочил со стула...

Следующие лекции он читал, потупив взор в свои конспекты. Он целиком принадлежал науке.

ГЛУПОСТИ

I

Где и когда встретились эти молодые люди, вам знать вовсе не обязательно. Важно лишь знать, что встретились они совсем недавно и теперь шли рядом по тихой городской улице.

Сентябрьский вечер был необыкновенно хорош. Весь день шел дождь, и солнце выглянуло только перед самым заходом — забежало проститься — и теперь над низкими заборами, сквозь блестящую черную листву мелькал его розовый след. По мокрому асфальту скользили недавно зажженные фонари.

— Какой вечер! Какой воздух! Я даже не знаю... Мне хочется сделать сейчас какую-нибудь глупость! — Девушка остановилась и, повернувшись к молодому человеку, продолжала шутливо и капризно: — Почему вы молчите? В такой вечер неприлично молчать. В такой вечер надо говорить красивые и возвышенные вещи.

И в самом деле, настроение у нее было, если не возвышенное, то возбужденное, отчего она, хорошенькая и без того, делалась еще привлекательней.

Никитин, так звали ее собеседника, улыбнувшись и смутившись, проговорил:

— Я не поэт, Лиля... Но если вы хотите...

По лицу Лили скользнула неуловимая улыбка. Так может говорить только влюбленный, и, точно, Никитин уже был серьезно, беспросветно влюблен.

Никитин — студент, веселый, живой юноша, светловолосый и голубоглазый. Беспечный владелец бесценных сокровищ молодости, он не гонялся еще за счастьем сам, а наступал ему на пятки нечаянно. Встречу с Лилией он считал первой удачей своей жизни, второй удачей для него было бы поцеловать ее.

Никитина нетрудно понять, стоит только увидеть эту девушку. Волосы ее могли растрогать, глаза взволновать, улыбка оживить камень и произвести впечатление даже на мрачного сотрудника бракоразводного отдела.

Улицу пересекала другая — многолюдная, шумная, с трамвайной линией и с вереницей легковых машин. Никитин свернул было на нее, но Лиля вдруг сказала:

— Не хочу сюда. Знаете, что? Сядем сейчас в трамвай и поедем куда-нибудь на окраину, в незнакомое место, там сойдем и вернемся пешком. Что, легкомысленно?!

— Не очень, — ответил Никитин. — Я предлагаю на край света.

Но на трамвайной остановке собралась толпа, численностью напоминающая скопление поганых под древним Киевом, и Никитин остановил такси, за что Лиля остановила на нем взгляд, полный признательности и внимания.

Шофер, пожилой мужчина в ученической фуражке и с сигаретой в зубах, спросил не оборачиваясь:

— Куда?

— До Дерибасовской, — сказал счастливый Никитин.

Дерибасовской в этом городе никогда не было. Шофер повернулся, взглянул на Никитина, рассмотрел улыбающуюся Лилю, но ничего не сказал и тронул машину.

— Давай за город! — пояснил Никитин.

Машина пристроилась к цепочке «Москвичей» и «Побед», медленно миновала два перекрестка, свернула на третьем и стала набирать скорость. На улицах света становилось все меньше и меньше, мимо скользнул последний огонек какой-то сторожки, и машина вы-

скочила на пустое и ровное шоссе, рассекающее темный ночной лес.

Никитин не отрываясь смотрел Лиле в лицо. Неизвестно когда появившаяся луна стремительно прыгала по верхушкам ближних деревьев, резала их темные силуэты или летела по воздуху. Лиля следила за ней, широко раскрыв глаза, с каким-то наивным вниманием, и по лицу ее то и дело бешено струились тени. Шоссе чуть свернуло в сторону, луна стала отставать. Лиля, чтобы видеть ее, невольно потянулась в сторону Никитина, и тот, не в силах уже больше выдержать, взял ее за плечи и два раза поцеловал в губы.

— Разверните машину! — звонким, срывающимся от негодования и обиды голосом скомандовала Лиля.

Шофер усмехнулся и сбавил ход.

— Вы слышали? — повторила Лиля.

— Лиля, послушайте... — тихо начал Никитин.

— Я с вами не разговариваю, — быстро перебила она, — я вас больше не знаю.

Шофер остановил машину, повернулся и, нагло подмигнув Никитину, заговорил:

— Было у меня несколько таких случаев, так некоторые девочки пешком отсюда, извините за выражение, топали...

— Ах, вот как! Откройте дверцу!

И Лиля, вдруг всхлипнув, попыталась открыть замкнутую с ее стороны дверцу.

— Разворачивайся! — грубо приказал Никитин.

— Пропустите меня. Я сойду, — сказала Лиля, обращаясь к Никитину. Хотя в глазах у нее светились слезы, она сказала это гордо и надменно. Но машина уже разворачивалась, а Никитин сидел не шевелясь и глядел прямо перед собой.

Обратную дорогу весь экипаж хранил мрачное молчание, если не считать того, что Никитин указывал дорогу до Лилиного дома.

Выйдя из машины, Лиля молча направилась во двор. Никитин бросился за ней.

— Эй, парень! А заплатить! — испуганно залопотал шофер.

— Жди здесь! — крикнул Никитин. Он догнал Лилю и очутился в классической позиции влюбленного — между возлюбленной и дверью.

— Пустите меня,— сказала Лиля строго.— Вы ужасный человек Мы едва еще знакомы, и вы... Пустите меня, я не хочу вас видеть.

— Не пущу,— заявил Никитин с отчаянием,— не пущу до тех пор, пока вы не скажете, что не сердитесь.

— Идите, вас ждет шофер,— сухо отвечала Лиля.

— Он будет ждать до тех пор, пока вы не скажете, что не сердитесь на меня,— запальчиво сказал Никитин.

— В таком случае вы будете разорены...

Диалог затянулся на полтора часа. Никитин говорил о том, что не хотел обидеть Лилю, что все вышло помимо его воли, объяснился между прочим в любви и продолжал «осаду крепости» с соответствующими случаю отчаянием и упорством. Лиля говорила о том, что еще никто в жизни с ней так не обращался и что она, наверное, никогда не простит Никитину эту грубость, а себе глупость и легкомыслие, с которыми она села в машину. Два раза в воротах появлялся шофер, кричал: «Эй, парень!» — и, неслышно ругаясь, исчезал. Появившись в третий раз, он крикнул: «Не меньше полбумаги»,— и погрозил пальцем.

— Идите, идите,— все еще насмешливо сказала Лиля.— Вы пустите себя по миру, а потом будете обвинять меня...

— Вам не надоело? — кипятился Никитин.— При чем здесь шофер и его такси? Я могу оплатить в таком случае самолет. Ясно это вам? Вы мерзнете — это другое дело. Скажите, что вы простили мне... и я уйду.

— Хорошо. Я все скажу завтра вечером.

И она насмешливо добавила:

— Только не приезжайте, пожалуйста, на такси. Таким образом можно вырвать даже признание в любви.

— До свиданья!

— До свиданья! — послышалось уже за дверью.

Шофер нетерпеливо прохаживался вдоль машины.

— Едем ко мне... или лучше к моим друзьям. Там расплатимся,— весело сказал Никитин и, с силой захлопнув дверцу, добавил: — Погоняй!

Назавтра было воскресенье, и Лиля с утра ушла гостить к своей тете, которая жила на окраине города. Там, помогая поливать капустные грядки, Лиля со всеми подробностями описала вчерашний вечер.

— Нахал,— заключила добродушная Надежда Иванов-

на,— самый натуральный нахал. Неделю как знаком с девушкой — и уже такие штуки...

Надежда Ивановна была женщиной пожилой, одинокой и доброй. Больше всего на свете она любила племянницу. чай с малиновым вареньем и разговоры о нравственности

— Таких, милая, гнать надо,— продолжала она.— Он случайно не Эдик? Мне почему-то кажется, что все Эдики ходят в узких штанах и все — негодяи. Ты, Лиля, будь начеку, ты совсем еще ребенок. Ты можешь наделать массу глупостей...

После обеда Лиля уснула на большой, как стол для игры в пинг-понг, кровати Надежды Ивановны. Ей приснился вчерашний водитель такси. Он пришел к крыльцу ее дома с букетом цветов и, смущенно улыбаясь, бормотал какие-то нежности. Лиля проснулась и рассмеялась. Тотчас же в спальню вошла Надежда Ивановна.

— Ты уже не спишь? Ну, давай пить чай. И пригласим парня...

— Какого еще парня?

— А вон во дворе колет дрова. Тут недалеко живет студент. После обеда приходит и говорит: «Это вам, кажется, требуется дровосек?» Как же: мне давно требуется — привезли два кубометра чурок, кому у меня их колоть? Парень скромный, хороший, не какой-нибудь Эдик. Сколько, спрашиваю, за работу. Не знаю, говорит, сколько дадите. Я человек гуманный, мне бы, говорит, порезвиться. И вот уже часа три резвится.

Они вышли в другую комнату, окна которой выходили во двор.

Посреди двора, без рубахи стоял Никитин и махал тяжелым колуном. На его широких загорелых плечах играли солнечные зайчики.

Лиля вспыхнула и спряталась за Надежду Ивановну.

— Вот парень! Не то что катают там всякие на такси,— не унималась старуха.

— Не надо его звать пить чай,— еле слышно сказала Лиля.

— Как знаешь,— проговорила Надежда Ивановна и ушла в кухню. Прислонившись к подоконнику, Лиля продолжала смотреть во двор...

Вечером Никитин и Лиля снова бродили по красивым

и тихим улицам города. О вчерашнем они почему-то не разговаривали, и только, прощаясь, Никитин спросил:

— Вы простили мне вчерашнее?

— Я простила тебя, — сказала Лиля тихо, — и боюсь, что, если это повторится, прощу еще...

РЕВНОСТЬ

Она некрасива. Я знаю это лучше других. Не сразу найдешь другое такое же круглое лицо и такие бесцветные глаза. Короткая прическа на ее голове выглядит тяжелым увечьем. Она неумна. Об этом говорят ее постоянный испуганно-вопросительный взгляд и могучее отвращение к толстым книгам и серьезным разговорам. Шутки обижают ее, а смеется она обычно без всякой причины Самые искренние ее мысли — это мысли, которые она высказывает нечаянно. При всем при этом она заносчива. Она уверена, что по жизни ее должны пронести на руках.

Она капризна, мелочна, злопамятна и т. д., и т. д. И то, что я хожу с ней под руку, дарю цветы и не могу прожить без нее ни одного вечера, жестокая печальная нелепость. Мне двадцать четыре года, я самый настоящий инженер-электрик, не пишу стихов, не толкаюсь за билетами на концерты заезжих теноров, — скажите, почему мне досталась такая жалкая, мальчишеская роль?

Наше знакомство, это роковое недоразумение, состоялось только потому, что однажды, желая насолить своему недругу, я проводил ее из театра вместо него. Дорогой она без конца трещала о нем, и я решил проводить ее еще раз. Не знаю, как это произошло, но незаметно для себя я с головы до ног был опутан ревностью. Самой, что называется, глухой и слепой.

Когда мы остаемся одни, мне с ней скучно. Мы молчим или занимаемся каждый своим делом. Я читаю или курю и думаю, она часами сидит на кушетке и, я уверен, часами ни о чем не думает. И молчит, молчит. А если что-нибудь скажет, то это будет такая глупость, что мне становится неловко, хочется уйти.

Но вот она поднимается с кушетки и, тряхнув своей мужской прической, говорит:

— Как я хочу танцевать! Пойдем сегодня на вечер.
И с этого мгновения она в моих глазах преображается. Слова ее становятся умными и многозначительными, глаза темными и бездонными, голос изумительным.
— Не пойдем, ни за что не пойдем, — твержу я. Но мы идем, и я говорю ей самые нежные слова, на которые способен.
В зале я ловлю каждый ее взгляд, каждое слово, слежу за каждым ее движением. «Кого она увидела? Кому улыбнулась? Кто этот красивый парень? Неужели он подойдет сюда?» Бывает, что он подходит, и она, улыбаясь самой прекрасной улыбкой на свете, просит у меня разрешения потанцевать, и самый ненавистный мне человек опускает свою руку на ее талию, и они исчезают в толпе. И тогда у меня кружится голова, пылает лицо, сердце вот-вот взорвется. Мне хочется расшвырять танцующих, вырвать ее из рук партнера, схватить ее и бежать с ней куда-нибудь далеко от этого множества глаз, улыбок и лиц...

КОНЕЦ РОМАНА

Вокзала никакого нет, потому что нет еще города. Есть обыкновенная станция — маленькая, деревянная, выкрашенная в желтый цвет. В зале ожидания всего три скамейки. На одной из них устроились две бойкие старушки с корзинами, на другой спит, свесив ноги и одной рукой касаясь пола, здоровенный дядя в телогрейке.
На третьей скамейке сидит девушка в синем плаще, хорошенькая, с большими серьезными глазами. В этих глазах — беспокойство и даже страдание. Ничего удивительного, если она вот-вот заплачет. Рядом сидит, развалившись и закинув ногу на ногу, широкоплечий парень. Надвинутая на лоб серая кепи бросает тень на его глаза. Хорошо видно только большой правильный нос и крупные расслабленные губы. Тяжелые руки брошены на скамейку. Такая поза существует специально для выражения усталости, небрежности и равнодушия. У его ног стоит громоздкий черный чемодан.
— Николай, ты не уедешь сегодня... Слышишь, не

уедешь, — шепчет девушка, боязливо касаясь его руки.
— Почему я должен ехать завтра?
— Ни завтра, ни послезавтра ты не должен уезжать.
В ее голосе и просьба, и требование, и надежда. Он поднимает воротник, встает, берет чемодан.
— Выйдем отсюда.
Под ногами похрустывает лист облетевших тополей, с рельсов брызжут холодные лунные искры, дальше, за платформами и кустарником, чернеется зубчатый горизонт лесистой сопки. И вся тихая голубая осенняя ночь полна ожидания и беспокойства.
— Может быть, ты все-таки поедешь со мной?
— Нет, не могу. И ты не должен уезжать... Я перестану тебя любить. Я люблю тебя здесь... умного, сильного. А ты... Если ты уедешь, я не смогу тебя любить...
Он усмехается.
— Какая ты еще девочка... Ну что ж, оставайся. Конечно, оставайся. И вот что... Поговорим откровенно. Я хочу, чтобы ты поняла, что ничего не теряешь. Для тебя даже хорошо, что я сматываюсь... Мы с тобой разные, как сосна и береза. Ты вся какая-то голубая, розовая и.... глупая. Поговорим откровенно. Я с тобой никогда не говорил откровенно. Я обманывал тебя. Виноват, конечно... впрочем, все мы друг перед другом виноваты... Сейчас, на прощанье, я хочу признаться тебе в том, что я люблю себя. Люблю самого себя — и это самая искренняя моя привязанность. Мне нравится заботиться о себе, окружать себя вниманием, удобствами. Здесь мне мешают этим заниматься. И мне надоело. Меня не устраивает это ваше дурацкое «будет». Квартира будет, театр будет, город будет! Когда, я спрашиваю? Я сейчас молод, понимаешь, мне это все сейчас надо.
А она твердит:
— Ты говоришь неправду... Ты так не думаешь. Ведь ты приехал сюда...
— Сюда я приехал заработать, ну и... из любопытства. Денег здесь приличных нет, любопытство мое удовлетворено. Магнитная гора меня больше не притягивает. Счастливо вам оставаться, фанатики, романтики! Мошку, грязь и морозы я оставляю в ваше распоряжение. С собой я увожу только нежную память о них.
Мимо тащатся две старушки с корзинами. Громко зе-

вая, проходит дядя в телогрейке. Пришел поезд.

— Ну вот, карета подана. Прощай, и если навсегда, то навсегда прощай, как сказал один хромой старик. Он писал упадочнические стихи, много ездил, но нигде не прописывался.

Он делает к ней шаг и замолкает. Луна не в состоянии скрыть ее бледности, дрожат губы, влажные глаза блестят... Все вместе это — боль, горе, смятение. Он берет ее за плечи и быстро, ласково, настойчиво говорит:

— Ты поедешь со мной! Сейчас же! Будь умницей... Если ты любишь меня — ты поедешь. И не надо больше глупостей про воздушный замок у магнитной горы. Подумай, чтобы быть счастливым, не обязательно строить новый город. Есть много готовых городов. Ну?..

Поезд вздрагивает и медленно ползет вдоль перрона.

— Нет... я не могу, — шепчет она.

Его лицо становится жестким и надменным.

— Тогда прощай, — говорит он и вскакивает в тамбур. Раскрытую дверь тамбура тотчас же заслоняет толстая фигура женщины-проводницы.

— Укатил соколик, — взвизгивает проводница, — ищи, девка, другого.

Быстро прогорел красный огонек последнего вагона, и вот уже замирает стук колес. И сразу делается невыносимо тихо. Слышно, как бьется сердце.

К луне крадется тяжелая черная туча. Становится темно. Девушка идет от станции в гору, туда, где светятся окна поселка. Шаги сиротливо шуршат по сухой траве. В открытых глазах слезы, и сквозь их пелену растут и заполняют весь взгляд сплошным неясным заревом огни будущего города.

УСПЕХ

На этот раз мне предстояло сыграть негодяя. По ходу действия я должен был отказаться от матери, спекулировать шикарным бельем, клеветать, двурушничать, вскрыть два сейфа и обмануть нескольких девушек. В конце пьесы за мной приходило сразу три милиционера. Мой герой был такой мерзавец, что я сам сомневался в его правдоподобии. Но меня марьяжили на эпизодических ролях, а тут наконец дали

солидную роль. Режиссер долго ко мне присматривался и вдруг сказал: «Из вас, по-моему, выйдет незаурядный подлец». И вот — роль моя!
Кому не нужен успех? Артистам он нужен в особенности. Без него артист чахнет, становится завистником и интриганом. Мне же, молодому, начинающему, успех нужен как воздух.

За два дня до премьеры я ходил по комнате и твердил свою роль. В двенадцатом часу пришла Машенька, наш декоратор. Она слушала меня за дверью и вбежала в мою комнату, смеясь и аплодируя.

— Браво! Браво! Ты бесподобен! Ты страшен! Браво... Только, знаешь, слишком уж... Твой герой — такое чудовище, что как-то... Бывают ли такие в жизни? Вечно тебе дают черт знает что! То проезжий, то прохожий, то хулиган, то пижон, а теперь — что-то умопомрачительное... Но хватит. Собирайся, тебе надо проветриться.

Глядя на Машеньку, на ее поблескивающие глаза, веселые лучистые волосы, слушая ее щебетание, я забываю все заботы и думаю только о том, как я счастлив. Машенька — моя невеста.

— И вот что! Приехала мама. Не отвиливай. Ты должен с ней познакомиться. Она хочет тебя видеть. Так что, живо!

Я не сопротивлялся. Был отличный день, и мне самому хотелось прогуляться по городу. Я надел галстук, прихватил пальто, шляпу, и мы выбежали на улицу. Ночью падал снег, но к обеду он почернел и подтаял. Было тепло, и, хотя был ноябрь, все очень походило на весну. Я бережно держал Машенькин локоть, и не все ли равно — осень ли это была, весна ли — я был счастлив. Хотелось выкинуть что-нибудь легкомысленное и веселое.

— Ты будешь вежлив, — говорила Машенька, — старайся показаться солидным, рассудительным. Тебе это ничего не стоит — ты артист. Что-нибудь соври.

— Как! Еще одна роль? И, кажется, роль скромного, заведомо положительного молодого человека. Машенька, пожалей меня, я этого не репетировал.

Я уже представлял себе все неизбежные неловкости, заминки, паузы, как вдруг меня осенило.. «Сыграю-ка я перед мамашей своего негодяя, — подумал я, — а по-

том объяснюсь. Будет весело, непринужденно, заодно прорепетирую и посмотрю, как оно — на свежего человека».

Я был доволен своей выдумкой, и мне заранее стало смешно. В таком настроении я предстал перед Машенькиной мамашей.

И вот я и Варвара Семеновна сидим друг перед другом в небольшой светлой комнатке, завешанной и заставленной этюдами.

— Смотри же, — шепнула мне Машенька, — я хочу, чтобы ты ей понравился. — И убежала на кухню.

Мамаша — еще нестарая миловидная женщина, похожая, впрочем, на гусыню. Длинная шея, узкие плечи, белая блузка и строгое, даже надменное выражение лица. Минуту мы молчали. Я бы давно уж смутился, но не таков мой герой.

— Я очень рада, что мы познакомились, — сказала, наконец, мамаша.

— Да, — отвечаю я, — это не лишнее.

И снова молчание. Слышно только, как Машенька бренчит на кухне кастрюлями. «Начну, — решил я, — ошарашу сразу».

Я откинулся на спинку стула, закинул ногу на ногу и начал:

— Мы, Варвара Семеновна, люди умные и не будем играть втемную. Я женюсь на вашей дочери. Не надо истерик, слез, восторгов тоже не надо. Обойдемся без междометий, восклицаний и прочих изъявлений чувств. Экономьте нервы... Вопросов вы мне тоже не задавайте. Я все сам объясню. Вы хотите знать, кто я такой. Вы, конечно, слышали, что меня считают здесь... как бы это вам сказать... непорядочным человеком. Это пустяки. Мне завидуют. Завидуют моему умению жить.

— Артистам всегда завидуют, — сказала вдруг мамаша.

К моему изумлению, на ее лице не было смущения. Строгость вдруг сползла с ее губ, а приподнятые брови означали лишь легкое удивление и любопытство.

— Да, я артист, — продолжал я, — почему бы не быть артистом, если за это неплохо платят? Но я могу быть и бухгалтером, и швейцаром в ресторане, и директором бани — только заплатите мне больше... Конечно, получать и дурак может. Я такой человек, что мне никогда никто не даст, если я сам не возьму.

Но сам я возьму обязательно. Зачем я женюсь на вашей дочери? Ваша дочь мне, конечно, нравится. Она... ничего себе... шик, экстра, прима. Но дело не в этом... Я нагло зевнул и искоса взглянул на мамашу. Мамаша сидела смирно. Она не собиралась падать в обморок, закатывать истерику и даже не перебивала меня. Мне показалось, что смотрит она на меня внимательно, с теплотой. Такие глаза бывают у доброго учителя, когда он смотрит на способного малыша. «Странно, — подумал я, — ее, видимо, ничем не прошибешь».

— Дело, разумеется, не в том, что я не могу жить без вашей дочери. Я могу без нее жить. Мы знакомы всего две недели, но этого вполне достаточно для того, чтобы почувствовать взаимную... выгоду. Машенька будет жить роскошно, модой будет заправлять. С другой стороны, мне необходима связь с культурными людьми... с запросами. Сейчас я и сам артист, но, как только мы поженимся, я уйду из театра. В театре не развернешься. Я перейду в какое-нибудь солидное учреждение с дебетом-кредитом. Например, в комиссионный магазин — на простор.

«Почему она меня не выгонит? — недоумевал я.

— Я выкладываю вам все начистоту, потому что я уверен, что вы умная женщина и любите свою дочь. Нравлюсь я вам или не нравлюсь — это не имеет никакого значения. Машенька от меня никуда не денется. Я хотел, чтобы вы поняли, что ваша дочь находится в крепких руках.

Я помолчал, прошелся по комнате и сказал, гадко ухмыляясь:

— Между прочим, у нас с Машенькой все зашло очень далеко.. Вы можете нас поздравить чисто формально... постфактум, так сказать, — вы меня понимаете...

Мамаша не побледнела, не вскочила, не затопала ногами, а странное дело, она улыбалась. «Бревно — не женщина... Ну, я тебя доканаю!» — обозлился я.

— Мне сейчас нужны деньги, — продолжал я как можно нахальнее, — для одного дельца. И вы мне их дадите... Если вы мне откажете, я могу не жениться на вашей дочери. Очень свободно... Я ведь все могу. После этих слов я ждал чего угодно, только не того,

что произошло. Я не поверил своим ушам. Мамаша спросила меня голосом, полным внимания и предупредительности.

— Сколько вам надо?

— Тысячу, — сказал я в замешательстве: я уже не мог больше играть.

— Конечно, я вас выручу, — улыбаясь, сказала она и засеменила в другую комнату. Вошла Машенька.

— Обед готов... Что такое ты ей говорил? Она в восторге от тебя. «Это, говорит, то, что тебе надо. С таким мужем, говорит, сто лет жить можно. Он — прелесть. Но скажи ему, чтобы он был осторожнее. Он, говорит, молод, горяч». Так чем же ты ее очаровал?

В глубокой задумчивости я опустился на стул. «Да, это успех», — думал я, с тревогой вглядываясь в невинные Машенькины глаза.

СВИДАНИЕ

Сценка из нерыцарских времен

Майский день. Тихая городская улочка. В тени двухэтажного дома сидит сапожник, последний из кустарей-одиночек. Это бородатый благообразный старичок с задатками интеллигентности, трезвый, в хорошем настроении. Перед ним табуретка, инструменты — все в образцовом порядке.

К нему подходит молодой человек в сером пиджаке и обуженных в мастерской брюках — студент средней обеспеченности.

Студент. Здравствуйте!

Сапожник. Добрый день!

Студент. Изнываете без работы?

Сапожник. Прячусь от жары. В моих башмаках нет такой роскошной вентиляции...

Студент *(усаживаясь на табурет и снимая ботинки)*. Досадная случайность. Привычка ходить не глядя под ноги... Эти штиблеты должны жить во что бы то ни стало.

Сапожник. Ты хочешь сказать: во что бы это тебе ни стоило? *(Осматривает штиблеты.)* Операция рискованная...

Студент *(поспешно и категорически)*. Десять рублей.

Сапожник. Сколько?

Студент. Десять. И то из сострадания к безработным хирургам.

Сапожник. Тридцать рублей. Из сочувствия к городскому порядку.

Студент. Только десять.

Сапожник. Тогда давай своим ботинкам порошки — по три раза в сутки... И потом, мне кажется, я чинил эти штиблеты кому-то другому.

Студент. Но-но!

Сапожник. Пришить, подбить, поставить набойки — тридцать рублей!

Студент. Ну, хорошо... Среднее арифметическое между десятью и тридцатью — двадцать рублей. Чините, черт с вами! Но условие: как можно быстрее. Промедление смертельно.

Сапожник. Что ж, давай. Я воспитан по-старому.

Студент. Что-то мне сдается, что вы, папаша, сидите на чужом месте.

Сапожник (*принимаясь за работу*). Почему это на чужом? Место самое мое. Где еще сидеть шестидесятилетнему пенсионеру, изнывающему от скуки жизни? Здесь светит солнце, ходят люди... Гляди, девушки-то, девушки-то так и шьют, так и шьют!

Проходящая мимо девушка, коротко подстриженная и модно одетая, вдруг вскрикивает и приседает на тротуар.

Девушка (*с отчаянием*). Каблук! (*Осматривается.*) Сапожник! Как удачно!

Сапожник (*любезно*). Очень удачно!

Девушка (*подходя, поглядывая на часы*). Оторвался каблук, прибейте, пожалуйста.

Студент. Вы видите, мастер занят.

Девушка. Но надеюсь, вы уступите. Мне ужасно некогда.

Студент. Мне тоже некогда.

Девушка. Но войдите в положение.

Сапожник (*девушке*). Разрешите вашу модель...

Студент. Ни в коем случае! Я опаздываю.

Девушка. Вы не имеете права... Мастер согласен.

Студент. Зато я не согласен. Присядьте... то есть вам придется постоять.

Девушка. Благодарю... Поймите, меня ждут...

Студент. Очень рад за вас... (*Смотрит на часы.*) Поторопитесь, патриарх.

Девушка (*смотрит на часы, нервничает*). Я не говорю

уж о благородстве, но элементарная вежливость, порядочность...

Студент. Вежливым и предупредительным с вами будет тот, к кому вы торопитесь. Он, и никто другой. Я же не вижу в этом никакого смысла. Другое дело, если бы вы мне понравились...

Девушка. Ну, знаете ли! Вы, вы... *(Нервничает, ломает руки. Тихо.)* Ну хорошо... Я прошу вас, вы понимаете, прошу... Я даже признаюсь вам... мне нельзя опоздать. Решается судьба, от этих минут зависит счастье...

Студент. Не нервничайте. Мое счастье, может быть, тоже зависит от этого вот гвоздя. А почему вы думаете, что ваше счастье лучше моего? *(Сапожнику.)* Скажите, патриарх, сколько вам лет? Вы, наверное, успели уже заметить, что взаимоотношение полов состоит из предрассудков и заблуждений. Оттого, что какой-то болван тысячелетие назад взял манеру бренчать под окнами капризной особы на гитаре, прикладывать руку к сердцу и прочее, я должен сейчас уступать во всем каждой женщине. И, заметьте, женщины уже не ждут проявления чуткости, томно закатив глаза, а требуют, кричат и грозят судом. Не уступите в автобусе места — и вас назовут невежей, хамом и кем угодно. *(Смотрит на часы.)* Вот, скажем, вы. Вы пристаете ко мне с нелепым требованием: «Уступите мне свое счастье!» С какой стати! Я не могу, не имею возможности быть чутким и нежным со всеми девушками, починяющими обувь у частников. Не нервничайте. Вас ждет феодал с гитарой. Вы, я полагаю, понравитесь ему и без каблука. Спешите — вейте из него веревки, гните в бараний рог. Но при чем здесь я?

Девушка *(сапожнику)*. Прибейте этому молодому человеку язык.

Студент. Вам нечем будет за это заплатить. *(Смотрит на часы.)* Поторопитесь, патриарх! Осталась минута!

Сапожник. Дети, разве можно заходить так далеко с самого начала?

Девушка. Для таких нахалов не бывает начала.

Студент. Вы хамеете на глазах...

Девушка *(вспыхивая).* Нет это вы — хам! *(Сапожнику.)* Сколько минут ходьбы до памятника Крылову?

Студент *(с ужасом).* Крылову?

Сапожник. Пять, не больше.

Девушка *(смотрит на часы).* Опоздала! *(Всхлипывая.)* Вы... Вы самый наглый хам...

Студент *(бледнея).* Вы... Вы — Лиля?..

Девушка *(нервно).* Что! Так это вы.. Ха-ха-ха! Чудесно! Ха-ха-ха... Прощайте! Не смейте звонить! *(Быстро уходит.)*

Сапожник. В чем дело? Обувайся, беги за ней...

Студент *(бормочет).* Девушка с нежным голосом... Гордая любовь... Первая встреча...

Сапожник *(краснея от любопытства).* В чем дело?

Студент *(кричит).* В чем дело! В чем дело! Дело в том, что свидание состоялось. Первое свидание! Три месяца я упивался этим голосом, боялся дышать в телефонную трубку. Почти признался в любви, боготворил... Гордая и таинственная... Едва вымолил свидание...

Сапожник. Хе-хе... Феодал рвет струны...

Студент. Молчи, старый пират! Черт посадил тебя сюда! Разрешают же частные лавочки!

НА ПЬЕДЕСТАЛЕ

В конце Пригорской улицы происшествие. На высокой каменной стене строящегося дома стоит человек, жестикулирует и что-то говорит. Прохожие останавливаются и волей-неволей увеличивают собравшуюся уже у стены толпу.

— Что там?

— Наверное, мальчишка.

Но это не мальчишка. Это Семен Васильевич Жучкин, разнорабочий, увольняемый с разных работ за пьянство. На пятнадцатиметровую стену его загнал пьяный кураж.

Трезвый Жучкин — хмурый, замкнутый человек, заговаривающий лишь для того, чтобы ругаться и грубить. Ругаясь много и охотно, он вспоминает чужих матерей чаще, чем это делают сами чужие. Все остальное время Жучкин зловеще молчит. И, видимо,

чтобы не угнетать общество своим тяжелым характером, он избегает быть трезвым. Хмелеет он быстро, и вместе с опьянением к нему приходят непринужденность и какая-то маниакальная общительность. Инстинкт самоохранения тянет его к незнакомым людям; тогда он с меньшим риском может навязываться в друзья, наживать врагов и вызывать участие в своей оплакиваемой пьяными слезами судьбе. Ему все равно: жаловаться, плакать, упрекать или угрожать — лишь бы быть все время на глазах у людей. Эта болезненная потребность в обществе так велика, что, кажется, такой человек бросил бы пить, если б всякий раз после выпивки оставлять его одного. На этот раз он в ударе. При его фантазии каменная стена в людном месте — для него седьмое небо. Он сознает, что это кульминация, что ему никогда уже не собрать столько людей, заинтересованных его судьбой. Стоит он, придерживаясь одной рукой за торчащий из стены железный прут, с пьяной грацией и претензией на монументальность.

— Чего собрались? —говорит он надменно. — Не видели пьяного пролетария? Смотрите!

И он слегка надрывает на своей груди рубаху.

— Чего ржете, цыплята желторотые, — обращается он к двум молодым людям. — Что, смешно?

— Ты зачем туда залез? Ведь пьяный же, свалишься. Слезай! — говорит толстый дядя с портфелем.

— Смеются! — продолжал Жучкин. — Я их защищал, когда... когда их еще не было. Сражался... болезнь получил, а они зубы скалят... и-ых!

На самом деле Жучкин никогда нигде не сражался, если не считать, что был бит однажды бутылкой по голове.

Жена дяди с портфелем, полная чувствительная женщина, суетится и тараторит:

— Что же это он упасть может, он ведь пьяненький. Мужчины, что же вы стоите, мужчины!

— Слезай, слышишь, слезь! Свалишься, дурак, — басят мужчины.

— Свалюсь, — дрогнувшим голосом говорит Жучкин.

На молодых людей, снова собравшихся было рассмеяться, шикают и выговаривают: «Все бы зубоскалили, тут, может быть, трагедия...

— Свалюсь! — торжественно и плаксиво повторяет Жучкин. — Что мне! Боролся, ничего не щадил... смеются... свалюсь... А ну, расступись!

Внизу смятение. Женщины разбегаются.

— Бежите! — упивается Жучкин. — В свидетели не хотите!

— Довели человека! — раздается из толпы глухой анонимный голос.

— Мужчины! — восклицает жена дяди с портфелем. Происшествие так захватило ее, что она раскраснелась, похорошела и, может быть, даже помолодела. — Человек может погибнуть!

Молодые люди направляются к стене, к деревянному трапу. Но Жучкин кричит:

— Куда ползете? Не подходи — сразу прыгну!

Молодые люди отступают.

— А ну, спускайся! — строго командует подошедший милиционер. — Спускайся живо, а то...

— Послушайте, так нельзя, — набрасывается на милиционера супруга дяди с портфелем. — Он ведь бросится... так нельзя. Нужно учитывать состояние... Вы бесчеловечны. Его надо убедить.

— Надо убедить, — нагло повторяет Жучкин. — Они привыкли тут...

Милиционер, молодой, еще недавно застенчивый парень, приходит в растерянность и недоумение. И Жучкина убеждают. А он несколько раз порывается низвергнуться вниз, дорывает на себе рубаху, хнычет, воет, рычит...

В это время к стене приближается старшина милиции Василий Васильевич Милых. Жучкина он знает давно и хорошо знаком с его повадками.

— Прыгай! Давай прыгай! Ну! — кричит Милых. Заметив его, Жучкин втягивает голову в плечи, запахивается в рубашку, ежится и исчезает с авансцены.

— Да разве он прыгнет! — говорит Милых с сожалением.

Через минуту Жучкин внизу. Теперь его можно хорошо рассмотреть. Вблизи вид у него жалкий, трусливый, как у шкодливого кота, которого хозяйка не кормит, а только бьет. Он бормочет:

— Я, Василь Васильевич, ничего такого... это я так... проветриться.

— Мы тебя провентилируем,— обещает Милых и вдруг обращается к жене дяди с портфелем: — Гражданка, пройдите, пожалуйста... для освидетельствования хулиганского акта.
— Нам, знаете ли, некогда... Извините, возьмите кого-нибудь другого, — старается увильнуть женщина.
— Ничего. Это ненадолго. Пройдемте, пройдемте, — настаивает Милых и, обращаясь к Жучкину, цедит сквозь зубы: — Обрати внимание, порядочным людям неприятно с тобой идти.
Жена дяди с портфелем морщится, пожимает плечами и, ничего не поделаешь, идет вслед за Жучкиным и милиционером. К ней пристраивается недовольный муж.
— Хулиганов ведут,— говорит кто-то на улице.

СУГРОБЫ

Ни куста, ни пригорка, даже телеграфных столбов нет рядом. Только море снега, заунывно ровное, мертвое море. Узкая синяя дорога оцепенела, и кажется, что она никуда не приведет. Дорогу освещает маленькая тусклая луна. Озябшая, жалкая, она, кажется, ждет не дождется конца своего дежурства. А там, где сливаются небо и снег, — мрак. Попадите в такое место, пройдитесь по этой дороге ночью, и вы поймете, что такое одиночество. Резкий, неестественно громкий скрип собственных шагов будто подгоняет Верочку Фролову, учительницу, идет она быстро, почти бежит. Время от времени она оглядывается, дорога вязнет во мгле, и Верочке кажется жутким предположение вернуться, оказаться там, где она только что прошла.
Но и мороз, и волки, и три километра впереди — все это чепуха...
У Веры Андреевны горе. Ее обманули. Она долго не верила, что ее обманывали, но сегодня на станции, куда она приходила его встречать, она поняла все. В каждом письме он обещал приехать к Новому году. Правда, писем не было уже давно, но кто мог запретить Верочке надеяться. Теперь все кончено. «Дурочка, дурочка, — ругала она себя, — давно надо было понять. Таких, как ты, — много, и они там, рядом... Зачем ему куда-то ездить...» Особенно обидно ей стано-

вилось, когда она вспоминала, как он полгода назад провожал ее сюда, в Степановку. Ссора, нежности, уговоры, — все, что было тогда на перроне, все это, оказывается, обман. Нежных чувств хватило только на три письма...

Где-то в стороне послышались собачий лай и треск движка колхозной электростанции, дорога свернула туда, и через полчаса Верочка шла уже мимо первых домов Степановки.

Никто в деревне не спит, везде горит свет, но на улице пусто. Из большого дома с тополем-призраком над крышей кто-то вышел. В дверь вырвались нестройные голоса, над которыми взвился один пронзительно радостный, женский: ...Парней так много халастых...» — и снова тихо. Верочка вспомнила, что в этом доме живет ее ученик Коля Лохов, смешной большеголовый мальчик, у которого вторую четверть двойка по арифметике.

От крыльца клуба, украшенного еловыми ветками, ярко освещенного, отделилась фигура. Громко скрипя бурками, фигура приблизилась, и Верочка узнала счетовода Федю. Разглядев, что Верочка проходит мимо, Федя загородил ей дорогу.

— Вот, пожалуйста, только вышел, стою, курю — и вы... Это, можно сказать, судьба. Зайдите, Вера Андреевна. Что характерно, танцы начались, музыка, общество культурное.

Федя — модник. Недавно он ездил в город и купил там черную папаху. Во всем колхозе существует только две пары бурок, у председателя и у Феди. Федя это сознает и носит их с достоинством, только по праздникам и выходным дням.

— Зайдемте, честное слово, — пристает Федя.

— Нет-нет, Федя, иди веселись. Я домой.

— Дружки мои все уже напились, а я вот... весь вечер искал вас. Если не секрет, где вы были, Вера Андреевна?

— Ходила на свидание. Прощай, Федя.

Через дом от клуба — небольшая деревянная школа. Светится только одно окно. Это не спит Михаил Зарипович, школьный сторож, грустно-старый, давно одинокий. Верочка живет тут же, в школьной пристройке.

В своей комнатке, не раздеваясь, она садится у теплой голландки и долго смотрит в серебряные окна. На столе бутылка вина, две лучистые рюмки. Двенадцатый час. «Наверное, он сейчас в белой сорочке, в красивом галстуке, кого-то слушает, кому-то улыбается. Где он сейчас? Мало ли где... Город большой... а я маленькая... Позвать кого-нибудь... Зарипыча позвать?»

Верочка сбегала и пригласила сторожа.

— Вы один, и я одна,— сказала она,— встретим Новый год вместе.

— Кому новый, а кому, может, последний, — сказал старик, но, конечно, согласился. Через пять минут он явился, чинно разделся, пригладил бороду и сел прямо к столу.

— Чего же ты одна? — спросил старик, наблюдая за Верочкой ласковым внимательным взглядом. — В клуб тебе надо. Федор тут цельный вечер крутился. Все интересовался.

— При чем тут Федор? Обманули меня, Михаил Зарипович. Обещали приехать сегодня и обманули.

— Как же так?

— Да так...

Зарипыч сочувственно насупился, Верочка не выдержала, прерываясь и всхлипывая, она рассказала старику о своем несчастье. Тот слушал, переспрашивал, выпил рюмку, налил другую.

— Так ведь нельзя, может, было приехать, — сказал он.

— Я не верю, что нельзя было. Не утешайте меня, я и вам не верю.

Верочка отвернулась от стола, положила руку на спинку стула, уронила на руки голову и затихла. Зарипычу стало ее жалко. Как успокоить человека, он знал хорошо, потому что сам он нуждался в утешении.

— Чего убиваться? — начал он строго.— Со всяким бывает. Бывает и проходит. И у тебя пройдет. Еще, гляди... свидитесь... А куды вы денетесь? Звезды, к примеру взять, над вами одни и те же... Куды денетесь. Старик увлекся и стал рассказывать про свою жизнь.

Когда он взглянул на часы, было уже без двух минут двенадцать. Верочка молчала. Зарипыч забеспокоился.

— Андреевна! — позвал он. Она не ответила. Зарипыч поднялся и заглянул ей в лицо.
— Вот тебе раз! Спит девка-то... Господи, чокнуться будет не с кем!
Она в самом деле спала.Светлая прядь шевелилась на щеке от ровного дыхания. Неизвестно, что снилось Верочке, — она улыбалась. Старик хотел разбудить ее, но раздумал.
— Ишь ты какая...— пробормотал он,— намаялась... Пущай спит, что уж...
Старик долго смотрел Верочке в лицо, потом, будто спохватившись, выпил рюмку, покосился на часы, оделся и тихо вышел.
Мгла рассеялась, луна, в матовом венчике, пронзительно яркая, висела почти над головой, появились звезды. У калитки маячил уже подвыпивший Федя.
— А, лунатик! Все крутишь тут... Ну-ну. Ишь, вырядился... А не мерзнешь ты в этим колпаке, а? Не холодно тебе?..
— Вы, Михаил Зарипович, старый человек, а то бы я из вас за такие слова что-нибудь сделал такое... Ни один инженер по чертежам не собрал бы. Но я относительно не этого... Вера Андреевна в настоящий момент чем занимается?
— Дурак ты, Федька. Спит она.
— Как это спит? Девушка грустит, а вам все «спит». Никаких вы тонкостей не понимаете.
— Спит, говорю... Спит, и только.
Старик вздохнул, запахнулся в полушубок и пошел прочь.

ИСПОВЕДЬ НАЧИНАЮЩЕГО

Психологический этюд

Коридор редакции. По коридору туда и обратно ходит, напевая драматическую тему из второго действия «Риголетто», молодой человек в черном костюме с бледным лицом. Испачканные в чернилах руки он заложил за спину и нервно шевелит там большим пальцем.
Молодой человек. Ля-ля, ля-ля, ля-ля, ля-ля, ля-ля, ля-ля; ля-ля. (Вздрагивая и останавливаясь.) Не знаю, как я кончу, но начал я плохо... (Снова ходит.) Я про-

клинаю тот день и тот час, когда впервые сел писать рассказы, мне ненавистны те люди, которые говорили мне, что у меня получается, сколько раз я пытался бросить... (Останавливается.) Но легко сказать «бросить писать!». (Распаляясь.) Можно избавиться от тысячи дурных привычек и приобрести две тысячи хороших, можно стать вежливым, чутким, бескорыстным, можно бросить курить, пить, можно бросить наконец жену, детей, но — бросить писать?! Человек, раз напечатавший где-нибудь рассказ или стихотворение, уже никогда не остановится писать. Это невозможно, так же, как невозможно дураку перестать валять дурака!

Если б вы знали, как много я пишу! Честное слово, я не могу равнодушно видеть чистую бумагу, сейчас же у меня появляется какой-то зуд и непобедимое желание исписать эту бумагу, исчеркать. На моем столе безобразие от начатых и незаконченных рукописей. И вы думаете, я выбрасываю всю эту чепуху? Не-ет! (Усмехаясь.) Я аккуратно складываю все в стол в тайной надежде, что когда-нибудь эти бумаги схватит дрожащая рука исследователя.

Знаете, я болен. Пока я не сплю, меня беспрерывно сосет необъяснимое беспокойство, словно в кармане у меня билет на какое-то прекрасное единственное представление, а время уходит, уходит, и билет пропадает... По ночам мне снятся запутанные сюжеты... и, знаете, я скажу вам больше: для меня и жизнь моя — черновик. Да-да! Черновик, исчерканный, запутанный, черновик, в котором не разберется ни одна душа на свете.

(Несколько раз проходит туда и обратно. Грустно.) А обивать пороги редакций, вы думаете, легко и весело? Придешь к иному редактору, принесешь рассказ, а он эдак сквозь зубы: «Ну, что скажете?» Будто я пришел занимать деньги или украсть пресс-папье с его стола. (Останавливается у двери с табличкой «Редактор».)

Вот сейчас за этой дверью решается, будет ли напечатан мой новый рассказишко или нет. Конечно, я надеюсь, но скорей всего его не возьмут. Мне кажется, что рассказ я писал вяло, с постыдным равнодушием к своим героям. Там героиня у меня смеется, а

когда я писал это место, я засыпал с ручкой в руках. (Снова ходит.)

Говоря откровенно, вдохновения никакого вообще нет. Вдохновение выдумали поэты, чтобы пустить пыль в глаза. Гонорар и тщеславие — вот единственные двигатели творчества. Не верите? Прочитайте... э... впрочем, не скажу кого, вы можете передать мои слова... Не вошедши в литературу, рано впутываться в литературные интриги. (Останавливается у той же двери.) Пойду узнаю, как рассказ. Впрочем, мне кажется, что войти надо немного погодя. Почему? (Усмехается.) И раньше, пока я не занимался поэмами, у меня были некоторые странности. Мои родные и знакомые смеялись над ними или беспокоились. Теперь же никто не замечает этих странностей, все мне прощают и ждут, видимо, от меня чего угодно. (Помолчав.) И правда, все может быть. Я ничему не удивлюсь и сам, кажется, на все готов.

(Выходит. Его нет минуты две. Появляется. В лице перемена. Прячет улыбку. Помолчал. Несколько раз прошелся.) Да... (Небрежно.) А вы знаете, рассказец-то мой взяли. Редактор говорит: «Талантливо растете». Заметьте, это сказал человек, которому льстить мне не имеет никакого смысла. Впрочем, я и без него знаю, что я талантлив. (Смутившись всего на секунду). Согласитесь, что пишущий должен быть несколько самонадеян, иначе критик задавит в нем автора.

Так вот в воскресенье в газете будет мой рассказ, полюбопытствуйте. Я сталкиваю там два характера — игра света и тени, в духе Рембрандта. Поинтересуйтесь. Там будет подписано: Лев Коровин. (С достоинством.) Это я.

Последний рассказ я писал с увлечением. Там у меня героиня плачет и, представьте себе, когда я писал это место, я плакал тоже. И вы, может быть, заплачете. (Бравируя.) Так вы поинтересуйтесь, не пожалеете. (Уходит, насвистывая балладу герцога: «Постоянство, тяжелые цепи постоянства...»)

ЭНДШПИЛЬ

Над территорией дома отдыха висит свирепое послеобеденное солнце. Жарища. Сосны потускнели, их зе-

лень не лоснится своим здоровым, молодым блеском. Ветви берез совсем сникли, свернулись и похожи сейчас на потрепанные веники.

Отдыхающие, полураздетые, прикрывая головы газетными колпаками, спасаются от глухоты и зноя бегством на озеро, в рощу. Любая из комнат деревянного корпуса представляет собой пекло, душегубку, орудие пытки. Никому не придет в голову в этот час искать кого-нибудь в комнатах.

Но тем не менее корпус не пуст. В девятой комнате бухгалтер Козьмин и столяр Крикунов распивают бутылку «можжевеловой», в семнадцатой комнате, кажется, кто-то спит, а в коридоре на подоконнике играют в шахматы администратор Ильин и студент Сомов. «Можжевеловая» и сон в такую жару — тяжело, противопоказано. Но то и другое в данном случае слабость, страсть, потребность организмов. Другое дело шахматы. Можно с шахматной доской пойти на воздух, куда-нибудь в тень, к воде. Но Ильину и Сомову взбрело в головы играть именно здесь и, изнывая от жары, поминутно прикладываясь к стоящему в коридоре бачку с водой, они тянут свою партию.

— Федор Акимыч, я вижу, вам жарко. Вы плюньте — идите купаться. На ничью я согласен. Идите, честное слово, мне совестно даже...

— А вы?

— Вы на меня внимания не обращайте. Я сгоняю вес... И вообще не люблю себя распускать. Угнетаю, извините, свою плоть.

Сомов парень с манерами, с небрежностью в голосе и движениях. Он то застегивает, то растегивает свою темно-красную рубаху. Рубаха модная, уже поношенная, слегка залитая дорогим вином. Его партнер мужчина лет тридцати пяти, высокий, с заметной внешностью. Имеет красивый, вкрадчивый баритон.

— Искупаться не мешало бы. Но тащиться до озера... Лень. Убейте меня, лень!

Студент, обыгрывая Ильина, который из настольных игр более всего преуспел в преферансе, деликатно зевнул и спросил:

— Ну как, Федор Акимыч, вы не жалеете еще, что приехали сюда? Скучно ведь, а?

Ильин сочувственно поморщился.

— Да, пожалуй, скучно... Ну ничего. У всех у нас есть здесь занятие: разлениться, поправиться килограммов на пять и года на два помолодеть.
— Э! Мне все это ни к чему...
— Вот вам и скучно.
— Вам шах, Федор Акимыч... Да, уж полнеть-то в домах отдыха принято. Почти каждый считает долгом чести поправиться. Возвращается потом домой — кичится. Неприлично даже — будто бы люди приезжают специально отъедаться. Еще туда-сюда пожилым и ответственным. Но девушкам-то!. Заплывут, обленятся... Безобразие, как хотите! Вот та... как она... Вербова, по-моему, имеет такую тенденцию... Кстати, как вам она, Федор Акимыч?
Ильин отвечал нехотя, стараясь не отрывать мыслей от доски:
— Вербова... Вербова. Ах да! Вербова! Это белокурая, все в ситцах щеголяет? Да как вам сказать... Хорошенькая. Колоритная даже... так сказать, в определенном жанре.. Но ничего особенного я не вижу. Она както слишком, знаете... Мне кажется, в ней есть что-то не очень... что-то отталкивающее... впрочем, я не знаю. У вас, конечно, имеется по этому поводу свое мнение.
— Да-да, — обрадовался Сомов, — именно что-то отталкивающее. Я тоже сразу это заметил. И ведь далеко не красавица, а? А заметили, как держится? Как прима-балерина. Понимаете? Утром выходим из столовой, она впереди идет. Ну шутки тут, конечно, намеки, аллегории... специально. Она, видите ли, повела плечиком — вот так... и свернула в сторону. А ей надо было прямо идти. Понимаете? Терпеть не могу заносчивых женщин. Это ведь вредное явление. Парадокс. И потом у нее глаза, кажется, зеленые, вы заметили?
— Нет. Знаете, меня такие мало интересуют. Не люблю таких.. Объявляю шах.
Сомов закинул ногу на ногу и заговорил опять:
— Во внешности этой самой Вербовой все как-то, я бы сказал, утрировано. Приятно, конечно, когда нос чуть вздернут. Чуть! Ведь приятно, Федор Акимыч? А у ней это слишком. Как у куклы.
— А вы представьте ее через двадцать лет! Старухой преставьте. Ужас. Того и гляди, сядет на метлу — и.. фьють! Или дерево грызть... Ха-ха-ха!

— Да! Вчера, когда все собрались здесь поболтать, она два часа просидела в библиотеке! Скажите, что женщине там так долго делать!

— Учиться! С ее внешностью — учиться. Это единственный выход...

Партия между тем приближалась к концу. Партия выходила неблестящая. Но партнеры были друг другом чрезвычайно довольны и невольно улыбались, как это делают люди, вдруг почувствовавшие к друг другу уважение.

— Она, я слышал, диссертацию пишет. Надо же!

— Ну, для женшины это последнее дело.

В эту самую минуту дверь семнадцатой комнаты отворилась, и в коридоре появилась Вербова, веселая и вызывающе хорошенькая.

Партнеры изменились в лице и почему-то оба вскочили на ноги.

— Вот, пожалуйста, — сказал студент, — взгляните... Я подойду к ней сейчас и скажу что-нибудь... дерзость какую-нибудь.

И он направился было к ней. Но Ильин схватил его за руку.

— Нет; это я скажу ей дерзость.

Вербова тем временем замкнула свою комнату и побежала по кородиру. Заметив Сомова и Ильина, она улыбнулась.

— Шахматы! В такую погоду! Вы чудаки.

— А вы... — начал Сомов.

— А я иду кататься на лодке.

— Возьмите с собой меня, — вдруг сказал Ильин, — я гребу, как пират.

— О! Я взяла бы вас, но меня там ждут.

Она взглянула на часы.

— Уже лодка взята. Счастливо!

И она помахала сумочкой.

— Вы, Федор Акимыч, шулер, — сказал Сомов после ее ухода.

— Мальчишка! — прошипел Ильин, собирая шахматы.

И они расстались с тем, чтобы уже больше никогда не встречаться.

ТОПОЛЯ

Я видел ее только раз. Может быть, потому я люблю ее всю жизнь.

Совсем такой же, как сейчас, был вечер. Такой же пронзительно синий воздух, так же сверкали вмерзшие в лужи огни фонарей, эти же самые тополя — корявые черные гиганты, навсегда увязшие в синеве. Старая садовая решетка и сам сад — темные пятна сосен, серые паутины берез, незаметные акации, немая улочка. И над всем этим — тополя.

Тогда я был беззаботный студент, сейчас мне сорок три. А тополя все те же, и, кажется, никогда они не могли быть тонкокожими, бледно-зелеными саженцами. Тот же от них запах — сладкая, прилипчивая горечь. Только ветерок — и ноздри раздуваются от этого запаха и непонятно сильно стучит сердце.

Я был беззаботный студент. Голова кружилась от весны, от молодости, от удач. Я не гонялся тогда за счастьем, а наступал ему на пятки нечаянно, как наступаю сейчас на эти лужицы.

В тот вечер я шел к своей невесте. Ничто не мешало мне считать себя счастливым. И только в запахе тополей, в их торжественных фигурах было предчувствие чего-то необыкновенного. И необыкновенное случилось. Она быстро шла навстречу. Она не остановилась, не замедлила шага. Она промелькнула мимо. Но я видел ее улыбку! Видел! И вижу сейчас. Улыбка говорила: «Как странно! Я предчувствовала, что я сейчас тебя встречу... Как странно. Но меня ждут. Я спешу...»

«Куда!» — закричал я беззвучно. «Куда!» — кричали тополя.

Но она не слышала, и синь, вот эта мутнеющая синь, затянула ее.

А сейчас под этими тополями я бреду домой, к жене, к десятилетнему сыну. Женился я по любви, моя жена умная, красивая, добрая женщина. Я люблю сына, люблю жену, не могу представить себя без них.

Но все летит к черту, когда приходят эти жуткие весенние вечера. Крадучись, как вор, непреодолимо, как лунатик, я прихожу сюда и шатаюсь здесь, под этими тополями. Здесь, именно здесь, когда таким вот безумно синим сделался воздух и так торжествен-

но застыли тополя — она быстро шла навстречу. Я видел ее! Я видел похожие на этот вечер глаза! Я видел ее улыбку!

Такая тоска! Такая тоска! Где-то в груди боль, острая, страшная, вечная боль. Хочется закричать, хочется заплакать. Такая тоска!

И потому хочется закричать и заплакать, хочется потому, что я ее никогда не видел. Ее не было. Были и есть только тополя.

СТУДЕНТ

Молодые листья на ветру трещат, металлически блестят на солнце. На окно ползет пышное белогрудое облако, ветер рвет из него прозрачные, легкие, как бабьи косынки, клочки и несет их вперед. В бездонную голубую пропасть.

— Молодой человек! Вам не кажется, что вы присутствуете на лекции? Да, да, вы — у окна. Вы, именно вы! Надо встать. Я спрашиваю: вы где находитесь?

— На лекции.

— Слышали ли вы, о чем я только что говорил?

— Нет.

— А когда-нибудь вы об этом слышали?

— Не знаю.

— Товарищи, сколько раз вам повторять: я на свои лекции ходить никого не принуждаю. Неужели это так трудно усвоить? Вы, молодой человек, свободны... Нет, нет! Можете идти. Идите, идите! Не смею задерживать. До свиданья!

Он сбежал по лестнице, быстро прошел прохладный сумеречный коридор, толчком распахнул дверь и на мгновение ослеп от резкого майского солнца.

День не жаркий, ветер ровный, бодрый, с запахом реки и черемух, без конца идут быстрые плотные тени. Напротив в сквере струится зеленый поток березовой листвы, за ней качается серебряная челка фонтана. Ветер бросает струи воды мимо каменной чаши, далеко на асфальт стелется белый водяной дым, под ним визжат, носятся голоногие девчонки.

Студент перешел улицу, в лотке у сонного небритого дяди купил сигарет и побрел вдоль сквера, лениво ступая на черную узорчатую тень чугунной ограды.

Он уже забыл про лекцию, про психоватого доцента. С самого утра в голове сидело одно и то же — строчки своего вчерашнего письма: «...Поклонников у вас много, но люблю вас один я. Для того, чтобы вы мне поверили, я сделаю все. Что дальше — решаете вы, но это свидание неизбежно».

Он не спешил. Доцент позаботился о том, чтобы он не спешил. Но лучше бы он торопился — тогда не исчезла бы та шальная самоуверенность, которая пришла к нему на лекции, у окна.

На набережной немноголюдно. Молоденькая мать катит по улице синюю коляску. У воды, будто лунатики, туда и обратно ходят, трещат рулетками рыбаки.

Он спустился к самой воде, присел на бетонную ступеньку.

Река несется навстречу облакам, темная у того берега, здесь, под ногами, неправдоподобно прозрачная. С той стороны уютно-зеленое предместье, обросшее садами и аллеями, сползает к реке желтыми тропинками улиц «Люблю вас один я... Это, видимо, глупо и, кажется, сентиментально. А что делать? Любовь — не моя затея... Она — знаменитость, — вот в чем дело... Черт дернул ее быть артисткой, да еще знаменитой! Все было бы проще. И эта записка не казалась бы глупой. А что делать? Надо встретиться. Надо сказать слова, которые не скажет ей никто, кроме меня.

Река слепит солнцем, сияет голубизной. И шумят над головой молодые тополя. Но река — сама собой, ты — сам собой...

Она пришла. Она остановилась в десяти шагах яркая, беспощадно красивая.

Она не одна. Рядом высокий в белом. Он безучастен, он смущен. Он прикуривает папиросу, дает понять, что явился сюда помимо воли и ему все это ни к чему.

Студент поднялся. Может быть, подниматься было рано. Может, надо было подождать, когда они подойдут ближе.

— Это, конечно, вы. Явились, значит. Очень приятно.

Она разглядывает его в упор, подробно, с откровенным пренебрежением.

— Слава богу, вы, я вижу, человек взрослый и кое-что, видимо, поймете... Вы пишете, что готовы на все. Вот что, молодой человек. Сделайте вы мне две услуги. Во-

первых, не ходите больше в первый ряд — вы меня раздражаете. Во-вторых, не присылайте мне ваших сочинений. Они мне не нужны. Написали одну записку — хватит... Зачем же четыре?

— Ну-ну, пустяки. Зачем же так резко? Кто из нас не писал посланий? — Высокий показал зубы, сочувственно подмигнул.

— Нет! С меня хватит разных дурацких писем. Они мне надоели! Молодому человеку надо дать понять, что его письма не приведут ни к чему, кроме скандала.

— Ну, это лишнее. Молодой человек, не придавайте этому большого значения. Она актриса трагическая, ничего не поделаешь. К тому же сегодня она не в духе.

Надо крикнуть, надо выругаться, надо разбить эту фальшивую улыбку. Но руки скрутила противная, гипнотизирующая слабость. В голове шум тополей. Он взглянул ей в глаза — вот они, совсем рядом, злые, чудесные, — и деревянным, унизительно чужим голосом произнес:

— Все это забавно... Но вы меня с кем-то путаете. Я вам писем не писал... Все это очень забавно...

Он видел только, как дрогнули ее брови. Слышал уже за спиной ее голос...

Потом он ходил по горячим пыльным тротуарам, пересекал веселые скверы, стоял на мосту и снова шагал по серым улицам, завороженный тоской, стыдом и отчаянием.

«...Что делать? Все изменилось. Все совсем изменилось... Что-то надо делать, какая-то сила настойчиво и дерзко стучала в висках: что-то надо делать.

Вечером, когда он снова оказался у реки, он почувствовал себя непонятно. На том берегу была уже темнота. Деревья и крыши торчали сплошным черным частоколом. Над ним, между рваными синими тучами, опоясанными малиновыми лентами, зияли бледно-зеленые просветы, ошеломляюще обыкновенные, виденные на закате тысячу раз, минутные и вечные следы прошедших дней. Внизу в заливе плескались три лодки. Парни без устали махали веслами, слышался счастливый визг. Одна из лодок наткнулась на малиновую дорожку заката, дорожка оборвалась, по всей по ней прошла сверкающая дрожь. И все это ему неожиданно показалось неотделимым от его тоски.

Нагрянула вдруг жажда пережить такую же пустую визгливую радость, хотелось без конца видеть этот минутный малиновый свет, оказаться на том берегу, в темноте, легким и быстрым шагать в гору мимо сада, задевая висками прохладные черные ветки.

Он жадно всматривался в огни, вспыхивающие на том берегу, ежился от холодка реки и думал и чувствовал. Через час он вошел в маленькую комнату на окраине. Глянул в окно, в глубокую, невысказанную ночь, сел к столу и, не отрываясь, черкая, комкая и выбрасывая листы, писал.

Кончил он утром. Встал, распахнул окно, с мучительным наслаждением вдохнул пахучую утреннюю сырость, сделал по комнате два шага и, не раздеваясь, рухнул на жесткую узкую кровать.

Ветер тихо постукивал раскрытыми оконными створками и смахнул со стола несколько исписанных энергическим почерком драгоценных листов.

СТАНЦИЯ ТАЙШЕТ

Мы бежали от заката. По синим холмам он гнался за нами, в кровь рассекая свои розовые колени. Он ловил нас в свои малиновые сети. Он бросил нам вдогонку своих рыжих собак. От его яростной нежности мы бежали в темную летнюю ночь.

В нашем купе — дым и разговоры о женщинах. Ночь прильнула к нашему окну, и мы ждем чего-то от ее черной неизвестности.

Говорит Сема, задумчивый солдат:

— Они любят таких, какие валяются у них в ногах и гоняются за ними с ножами.

— Надо спать, — говорит Витька, медлительный, самоуверенный Геркулес. Он сидит у окна, он скрестил на груди руки, к стене откинул голову. Под гимнастеркой каменеют тоскующие его бицепсы.

— Пашка пятый час травит, — говорит Сема. На средней полке он стучит своим костлявым телом.

— Надо спать, — говорит Витька, но не двигается.

— Я говорю, Пашка какой способный. Слышь, студент, сколько прошло?

В купе едут два сержанта и один рядовой. Они ве-

зут с собой звонкое слово «дембиль». Они возвращаются домой.
Я еду с ними шестые сутки. Я пил с ними водку, я говорил с ними о любви. Мы обожжены одним закатом.
— Прошло четыре часа двадцать минут, — говорю я.
— Видал! — говорит Сема с восхищением. — Профессор. Павел-то!
Они служили в одном взводе. Но Сема не знал, что Пашка может говорить четыре часа подряд.
Пашка Белокопытов стоит в тамбуре с девчонкой по имени Валя. Он стоит с ней пятый час. Она вошла в вагон, когда исчезло солнце и вспыхнул на западе этот красный, нестерпимо красный закат. Тогда Пашка остановил его в коридоре.
— Пятый час травит, — говорит Сема, завистливо.
— Бесполезно, — говорит Витька и тянет с каменных плеч гимнастерку.
Пашка едет к Семе в деревню. Об этом они договорились давно. Семнадцать месяцев назад, осенью, на марше. Сема сказал тогда: «Как в Сочи. В баню тебя свожу, наденем белые рубахи. Как в Сочи». Они обдумали все там, на марше. Витька шел тогда впереди, и он спросил: «У тебя, случаем, нет третьей белой рубахи?» — «У меня их как раз три», — ответил Сема. «Не ври, — сказал Витька, — ни черта у тебя нету! Ни одной! И не нойте здесь под ухом!» И сентябрьская дорога жирно зачавкала под сапогами, грязные, как дорога, облака тащились над самой головой. И серая Витькина спина качалась перед глазами. Впереди неожиданно запевала закричал песню. И эту песню взвод поволок по грязной сентябрьской дороге. Тогда они поссорились.
Теперь ночь липнет к окну, и дикие зеленоглазые полустанки отскакивают с нашего пути. Витька заедет к Семе. И наденет белую рубаху. Сема написал матери, чтобы запасла. Три белые рубахи.
— Белоснежные, — говорит Сема, — с запонками — по всей форме.
Неожиданно, как пожар, возникла на нашем пути станция Тайшет. Ночь отпрянула от окна и остановилась под тополями.
На перроне мы увидели Пашку. Девчонку он держал за руки, будто на афише. У ног их валялись чемоданы.

Пашка что-то говорил. Она слушала и вытягивала шею испуганно и беспомощно, как птенец, выпавший из гнезда. Потом Пашка перестал говорить и взял ее за плечи. Мимо бежали, запинаясь за чемоданы.

— Витя, ты посмотри, сейчас Паша целоваться будет, — сказал Сема.

— Бесполезно, — сказал Витька и лег на нижнюю полку.

А Пашка не целовался, Пашка застыл, как на афише. Тогда мы открыли окно, и Сема крикнул:

— Давай! Целуй — не успеешь!

Пашка махнул рукой и отвернулся от вагона. Девчонки Вали из-за его спины не стало видно вовсе.

— Дава-ай! — закричали из других окон. Там ехали солдаты. — Помочь тебе, что ли?

Пашка нагнулся, и мы увидели ее голову — подснежник на выгоревшей поляне.

— Ура-а-а! — заревели солдаты.

Пашка поднял чемодан, усадил на него девчонку и бросился к вагону.

Девчонка Валя сидела на чемодане. Она ждала. Ждали мы. И ночь, застывшая над тополями, ждала, что будет дальше.

Пашка вбежал и, растопырив руки, заметался по купе. Он искал чемодан.

— Ты что, Павел? — сказал Сема и положил на чемодан руку.

— Все! Приехал я, ребята! — сказал Пашка и засмеялся и вырвал чемодан.

— Чокнулся, — сказал Витька.

— Приехал! — повторил Пашка, глупо улыбаясь.

— Где тебя ждать? — спросил Сема. — В Чите догонишь?

— Ждать, не ждать, — сказал Пашка с той же улыбкой, — простите, ребята, письмо напишу.

Поезд тронулся, Пашка взглянул на нас дико и бросился целоваться.

— Письмо, — бормотал он, — напишу...

Он расцеловал Витьку, схватил Сему, тяжело и громко чмокнул его в нос, в щеку, в подбородок и выскочил в тамбур.

— Письмо напиши! — злобно крикнул Сема.

И станция Тайшет, воспоминание о закате, гасла на западе.
— Вот так,— сказал Витька и сплюнул.
Ночь сомкнулась за нами. Из ее темноты на нас глянуло вдруг сто тысяч разлук и сто тысяч встреч. И колеса стучали свою столетнюю песню. Колеса, стучали на великой Сибирской магистрали, вынесшей на своем просмоленном горбу новейшую историю.
— Правильный его поступок? — сказал Сема, подступая ко мне и свирепо прищуриваясь. — Правильный?
Я не отвечаю, и мы ложимся.
Завтра в десять вечера я приеду. Завтра в десять вечера раскаленный добела закат остановится за моей спиной. Я засыпаю и, засыпая, слышу голос:
— Пашка-то, а?.. Даже не выпили!.. Друг был...
Сема выругался. И мы уснули. Мы, сбежавшие от заката.

СОЛНЦЕ В АИСТОВОМ ГНЕЗДЕ

Что думает человек, который не видел ни одного живого слона, никогда не ездил в поезде, ни разу не был в театре? Что думает он, сидя на крыльце сельского клуба нежным майским вечером? Чувствует ли он себя несчастным? Ничуть.
Он сидит на крыльце вполне счастливый, весь наполненный любопытством и удивлением прекрасным этим миром. Он готов поверить чему угодно, готов что угодно понять. Знакомый мир кончается за дальними вербами, пыльная дорога через поле ведет прямо к чудесам и открытиям.
Он подставляет теплым лучам свою белобрысую голову и ждет, не закатится ли солнце в аистово гнездо.
Он сидел здесь вчера. И вчера он ждал этого чуда. Но солнце прокатилось над полем и село где-то в дальнем лесу. Может быть, сегодня оно сядет в гнездо?
Вчера он спросил:
— В гнезде солнцу будет тесно?
Ему ответили:
— Дурак! Иди вымой руки.
Ему ответили:
— Солнце далеко. Оно никогда не сядет в аистово гнездо.

Ему ответили:
— Солнце само по себе, земля сама по себе. Если бы солнце село на землю, то все сгорело бы. Понял?
Он понял, но ему очень хотелось верить, что солнце может сесть в аистово гнездо. И он надеялся, что когда-нибудь это случится.
Так сидит он на крыльце в ожидании необыкновенного, не похожего на все то, что он видел.
Когда солнце подожгло аистово жилище, к клубу подкатила машина. Витька поскакал к ней. Набежали такие же, как он, засверкали желтыми пятками.
Тихим этим вечером чуда ждали все кормапайковские ребятишки: в село приезжал театр.
Машина попятилась к крыльцу, открыли борт. Из кузова появились фанерный дом, потом складной стог сена, забор, печка, прожекторы, целлофан, живописный сучок, лестница и многое другое. В конце на крыльцо шлепнулась свернутая в рулон лунная ночь. Все это унесли на сцену и закрыли занавес...
Через полчаса на пыльную дорогу выскочил красный автобус. Приехали артисты. Они покурили, взглянули на рыжий закат и исчезли на сцене.
С полей приходили зрители. Пришли девчонки из Новоельников, на машине приехали из Драготыни. Из совхоза механизатор Сашка прикатил на мотоцикле.
Небо темнело, невидимые, реяли в воздухе жуки. За клубом на траве механизаторы перестали различать масти карт.
Это был час тоски и обиды всей босоногой публики. Витька узнал, что в клуб его не пустят, отправят спать. Но скажите, разве можно спать, когда через дорогу совершается чудо? В дырку в занавесе Витька подсмотрел нарисованную на стене луну. Он слышал на сцене таинственный, как крик ночной птицы, стук. Мог ли он теперь не увидеть всего остального?
Открыли двери. Вошли и сели в первом ряду десятиклассницы.
В их руках цвели черемуховые ветви.
Артисты тем временем метались в комнатушке за сценой: гримируются, с испуганными лицами бубнят роли.
Когда все было готово, вдруг погас свет. В зале было тихо, но артисты нервничали. Появился моторист и

объявил, что амперметр показывает не в ту сторону. Началось исследование проводки.

— Если что, — разглаживая приклеенные усы, сказал Лобановский, режисер и исполнитель главной роли, — покажем при керосинке.

— А лунная ночь? Она же пропадает, — испугался зав. постановочной частью.

— А грим? А нюансы? — зароптали исполнительницы женских ролей.

Тогда несколько слов сказал Иван Григорьевич Велюга, учитель и артист народного театра.

— В вашем возрасте, — сказал он и пыхнул трубкой, на мгновение в темноте серебряными искрами сверкнули его седые волосы, — в вашем возрасте я играл преимущественно при керосиновых лампах.

А в зале было тихо. В зале терпеливо ждали начала. Зрители просидели в темноте полтора часа. Никто не ушел спать. Любопытно было в этом переполненном бревенчатом театре вспомнить разговоры о том, что театр отживает свой век.

В половине одиннадцатого Витька сбежал со своей постели и через минуту занял место у окна, среди таких же, как он, готовых зареветь от любопытства зрителей. Витька прильнул к стене клуба. В зале было темно, а на сцене он увидел необыкновенный стог, необыкновенного человека, необыкновенное ружье. Человек вел себя необыкновенно. Все это было освещено необыкновенным ядовито-синим светом. И Витькино сердце запрыгало от предчувствия чуда.

Солнце село в аистово гнездо.

Шло второе действие. Витька и его друзья попали в зал. Завороженные, они сидели на полу у самой сцены. Зал смеялся, зал сердился. Что же будет с этим пройдохой Левоном? Что сделает Лушка? Левон ловчит, запирается, строчит доносы. Лушка не знает, что делать.

— Бросай ты его! — вдруг советуют ей из средних рядов. — Ну его, сопатого, мучиться с ним!

Припертый со всех сторон, Левон исправляется.

В середине последнего действия опять погас свет. Тут же кто-то осветил сцену электрическим фонариком.

Потом появился второй фонарик. Потом третий. Поучительную эту историю о несознательном колхозни-

ке Левоне закончили при свете электрических фонариков.
Ночь заковала в безмолвие хаты и ивы над хатами. В небе над черной землей застыл строгий месяц и замерли чистые звезды — самые совершенные декорации в самом большом, самом прекрасном, самом правдивом театре. В клубе открылись двери, переборы гармоники проткнули тишину. Запели, загалдели, ударили в бубен.
— Звезды приклеены к небу? — спросил Витька, пожиратель чудес. Он не спал.

МОЯ ЛЮБОВЬ

Пять лет назад на перроне маленькой станции я прощался с любимой девушкой. Мне было тогда восемнадцать лет, и я ехал в город учиться.
Единственный пассажирский поезд останавливался на этой станции глубокой ночью. И это было так кстати. Мы сидели на моем громоздком чемодане и говорили о будущем. О том, что мы будем любить друг друга всю жизнь, что я буду приезжать, что в разлуке будем писать письма, а через пять лет, окончив институт, я вернусь в наше село, и мы будем вместе. Повторяю, мне было тогда восемнадцать лет, и все то, что мы друг другу обещали, казалось мне нашим будущим.
Начиная со школьного возраста, я постоянно был в кого-нибудь влюблен. Когда из шестого класса уехала вдруг моя соседка по парте, я впал в задумчивость и остался в шестом классе на второй год. Потом я последовательно был влюблен в преподавательницу истории, пионервожатую и в двух своих одноклассниц. По-настоящему я влюбился тотчас же, как пришло время. Это была Вера, та самая девушка, которая, не спросившись дома, ночью ушла на станцию провожать меня. Ей оставалось учиться в школе еще год, она собиралась стать учительницей и через пять лет непременно работать в своей школе.
О том, что мы друг друга любим, мы говорили тогда в первый раз и говорили потому, что мы расставались. Пришел поезд. Мы поцеловались, и Вера заплакала, уткнувшись головой в мое плечо и всхлипывая сов-

сем как моя десятилетняя сестренка. Я взял ее за плечи, поднял голову и долго смотрел ей в лицо. Прямые светлые волосы, нос чуть большой и чуть в веснушках, мокрые серые глаза, жалкая улыбка... Я не знал тогда, красива ли она.

Поезд тронулся. Я поцеловал Веру еще раз, вскочил в тамбур, вошел в вагон, сел лицом к окну и просидел так всю ночь. «Ты не забудешь меня!» — вспоминались мне ее слова и лицо. Она повторила это несколько раз, и трудно было понять, кого она убеждала в том, что я ее не забуду — себя или меня. «Разве возможно забыть!» — думал я в отчаянии...

И забыл. Забыл легко и быстро. Я попал в компанию веселую, шумную и безалаберную. Институт мне показался большим скоплением бойких молодых людей и легкомысленных девушек, у меня закружилась голова, и уже через две недели было назначено свидание с некоей Лидой. Лида в самом деле оказалась такой легкомысленной, что в нее трудно было как следует влюбиться. Через месяц мы разошлись в разные стороны, шутя и посмеиваясь. Потом была Эля, потом ее подруга Катя.

Я изменился. Завел себе усы-шнурочки, выучился танцевать и, выбиваясь из своих студенческих возможностей, волочился за модой. Одним словом, внешне я сделался то, что называется «стиляга». Вообще-то я уверен, что стиляг никаких нет. Есть модники, шалопаи, жулики, нахалы, есть мальчики, которым невтерпеж быть взрослыми и быть мужчинами, а стиляг нет. Отрицание авторитетов, желание пожить в свое удовольствие, перепродажа модных вещей — все это, конечно, не оригинально, не ново и сводится в конце концов к мелкому хулиганству. А все эти ценители и коллекционеры плохой эстрадной музыки, разные Бобы Бондаренко и Джоны Сапожниковы — это же только смешно и пошло. Впрочем, многие из поклонников гнусного саксофона в восторге от этой музыки и не признают никакой другой только потому, что спекулируют ею по воскресным дням на толкучках.

Конечно, я далек был от увлечения напоминать собой lovelas, но меня все это тогда забавляло, а главное, это нравилось девушкам, которым хотел нравиться я. Шутя и посмеиваясь, я знакомился и забывал свои

знакомства четыре года. Бывало, сижу где-нибудь в саду, жду девушку и скучаю. И мне нравилось, что я скучаю, что я могу встать и уйти, не дождавшись этой девушки, а завтра назначить здесь же свидание кому-нибудь другому. Мне нравилось интриговать, водить за нос, пускаться в рискованные приключения и выходить из воды сухим и со свободным сердцем.

Кончилась моя учеба в институте. Товарищи мои почти все переженились и стали уже мне не товарищи. Я по-прежнему балансировал между флиртом и низкопробными романами и был доволен собой. И вдруг мне стало грустно и беспокойно. Я сделался задумчив, все чаще уклонялся от выпивок и стал уединяться. Как-то я вспомнил Веру, но вспомнил с грустной усмешкой, как что-то трогательное, смешное и безвозвратное. Скука взялась за меня основательно, и я решил жениться.

Я бросил свои ловеласовские повадки и стал ухаживать за Лизой, строгой, умной и милой девушкой, с которой познакомился в театре. Лиза была красива, я привык к ней, и иногда мне казалось, что я люблю ее, но я чувствовал, что в то же самое время я готов к чему-нибудь новому. Через полгода у нас было все решено: я кончу институт, и мы поженимся. Лиза кончала музыкальное училище, но со мной собиралась ехать куда угодно.

И вот я получил диплом агронома и назначение, разумеется, в село. Направление оказалось именно в то село, откуда я уехал пять лет назад. Лиза еще сдавала экзамены, и устраиваться я поехал один.

Ночью в вагоне мне не спалось. За окном набегали и исчезали огни станций и мелькали встречные поезда. Я сел у окна и раздумался. На вокзале меня провожала Лиза, но мне не было грустно от того, что мы расстаемся. «Я не люблю ее», — подумал я. Потом я вспоминал своих прежних знакомых, и, странное дело, ни одну из них я не мог вспомнить как следует, я не мог ясно представить ни одного лица, ни одного значительного слова, ни одного запоминающегося пустяка. И я понял, что молодость моя проходит мимо счастья — мимо тех радостей и печалей, которые дает человеку одна любовь. «Как известно, — подумал я, — для души и сердца прошли эти пять лет...» И я вдруг ясно вспом-

нил свой отъезд в город, маленькую станцию, Веру и её милое, заплаканное лицо. «Как было хорошо, и как все это сейчас далеко от меня... Где теперь Вера? Если бы люди выполняли все свои обещания и клятвы, то она должна сейчас ждать меня в том селе», — я усмехнулся и, опустив голову на руки, стал засыпать.

Был звонкий майский полдень, я спустился с железнодорожной насыпи и пошел к селу маленькой черной тропинкой. Кругом было столько света, воздуха и зелени, было так хорошо, что хотелось упасть в высокую пахучую траву и пролежать в ней как можно дольше, ни о чем не думая, ничего не вспоминая.

Я прошел половину длинной улицы села, никто мне не попадался. И только у другого конца улицы двери нового двухэтажного дома вдруг распахнулись, и оттуда вырвался целый ручей белоголовых ребятишек. Я остановился и смотрел на них, пока они не выбежали из школы все и их радостный галдеж не удалился по обе стороны улицы. Потом из школы вышла девушка, легко сбежала по белым ступенькам и быстро пошла в мою сторону. Неожиданность, растерянность, радость — все, что я испытал в эту минуту, можно только испытать и совсем невозможно представить. Это была Вера. Она остановилась передо мной, долго на меня смотрела и, проговорив: «Ты не забыл меня...», — бросилась ко мне на грудь. Вот и все.

Потом мы бродили за селом по лугу, пили шампанское в ее квартире, и, когда она была на уроках, я с нетерпением ждал ее в шумной учительской. Я смотрел на нее, слушал ее голос, и мне казалось нелепым и диким то, что я мог ее забывать. Я понял, что я не смог полюбить ни Лизу, ни всех остальных, которые будто причудились мне в плохом сне только потому, что все они не похожи на Веру, и потому, что любил я всегда только ее одну. Я не оспариваю ни опыта, ни мудрости, ни правоты тех, кто утверждает, что любовь к одному человеку не может быть беспрерывной и беспредельной, но я твердо убежден, что моей единственной любви хватит на всю мою жизнь. Мне стыдно. Я так виноват перед Верой, перед своей любовью. Но Вере я ничего не рассказываю. Я боюсь оскорбить нашу любовь, и я прощаю себе эту трусость. Моя любовь искупает мою вину.

Я едва смог поехать в город, чтобы объясниться Лизой, которая уже собиралась ко мне приехать. Входя в ее дом, я услышал фортепьяно. Лиза играла Шопена. Я вошел в комнату. Она сидела ко мне спиной и не заметила моего прихода. Я тихо уселся у двери и стал слушать. Раньше я не любил Шопена, его музыку я считал слишком сложной и сентиментальной. Но теперь я был заворожен... И тут, слушая Лизу, я думал о Вере и о своей любви. И мне казалось, что это тонкое и глубокое чувство, которым жила и входила в душу музыка, — мое чувство, и мне захотелось вдруг видеть Веру и говорить ей что-нибудь красивое и нежное... Лиза кончила, мы поздоровались, и я объяснился. В тот же день я уехал. Лиза любила меня, и я оставил ее в ужасном состоянии. Не знаю, прав ли я. Знаю только, что я счастлив.

ЛИСТОК ИЗ АЛЬБОМА

— Чем бы вас занять? — сказал мой новый знакомый Евгений Сергеевич Потерин, морща лоб и обшаривая свою комнату пренебрежительным взглядом. — Вот хоть это, — он сунул мне в руки небрежно выдернутую из этажерки штуковину в бархатном переплете и пошел к двери. — Взгляните пока. Глупейшая вещь, женская литература. Сам никогда до конца не смотрел. Я сейчас вернусь.

Евгений Сергеевич пошел за пивом. Его жена Таисия Григорьевна хлопотала на кухне. Таисии Григорьевне лет тридцать пять, но ее красота еще очевидна. И меня удивили ее грустные глаза — редкость и неожиданность у хорошенькой женщины.

В моих руках оказался альбом со стихами. Как полагается, он был напичкан нежной лирикой, начиная с пылкого Катулла и кончая Степаном Щипачевым. Я нехотя полистал.

Последней страницей альбома оказался вклеенный в него небольшой листок, исписанный мелким почерком. Когда-то измятый, теперь тщательно выровненный, скленный из двух частей, выцветший, этот листок заинтересовал меня своей интимностью.

«Я не могу больше любить так мучительно и так униженно. Мне трудно видеть тебя и ждать от тебя вся-

кую минуту признания в том, что ты меня не любишь. Прощай. Будь счастлива — у тебя для этого есть все и нет больше того нищего, при котором неудобно дарить свою любовь кому-нибудь другому.

Прощай! В конце мая сходи за город, туда, где мы были год назад и где с тобой были еще твои сомнения, со мной — мои надежды. Взгляни, как тают белые цветы, вздохни и все забудь».

Я с любопытством перечитал все это еще раз.

— Ха-ха. Не поверите — это я написал, — вдруг раздался у меня за спиной голос вернувшегося Потерина.

Я взглянул на него с удивлением. Всегда насмешливый, далекий от разных нежностей, Потерин олицетворял собой здравый смысл.

— Что, не похожу на Вертера? Ха-ха-ха!.. А ведь было, было... — продолжал Потерин, разливая пиво. — Хотите расскажу? Обед еще не скоро. Эй, живее там! — крикнул он жене, которая на кухне приятно побрякивала посудой. — Пейте пока пиво. Свежее, из персональной, можно сказать, бочки... Так вот... Послушайте: поучительно, а главное — беспримерно глупо... Начался этот водевиль, когда мне было девятнадцать лет. Конечно, в девятнадцать лет всем положено любить и страдать, но я любил и страдал не как все. Я смотрел на всех своих знакомых влюбленных критически, с такой демонической усмешкой. Мне казалось, что они любят не так, как надо, опошляют любовь, делают из этого праздника человеческих чувств серые, скучные будни и все в таком духе. Про себя составил я что-то вроде идеала любви и решил его осуществить.

А кто, вы скажите мне, имеет ясное представление о том, какой в этом должен быть идеал? Вообще, кто может верно и категорически судить о любви? Сколько соображающих людей, столько и взглядов, и мнений. И о любви судят особенно необъективно.

Ну, а мое представление о любви состояло, конечно, сплошь из иллюзий. И вот появилась «она». Я был страшно придирчив, но она понравилась мне сразу. Красивая, юная, нежная. Чиста, как снег в семи километрах от города.

О своей внешности я был самого неопределенного мнения, а между тем был недурен. Кроме того, щелкая

соловьем, оригинальничал, острил, — одним словом, был способен нравиться.

Началось, как обычно, время будто бы случайных встреч, сомнений, догадок, желания видеть друг друга во сне и сразу после сна... Мы познакомились, и я стал думать о ней от свидания до свидания. Разумеется, на свидании я тоже думал о ней. Когда я сказал, что люблю ее, это было уже так очевидно, что признание мое оказалось только формальностью. Она же была романтиком и ничего, конечно, не знала и ничего не могла мне сказать. Впрочем, она говорила что-то о товарищеском отношении, но при чем тут товарищеское отношение?

Любить тогда для меня значило говорить нежности и делать глупости. Мало того, я боготворил ее, возводил в степень, семенил вокруг нее мелким бесом и рассыпался перед ней мелким бисером.

А это-то и гибельно. Я ей нравился, но как только она убедилась в том, что я люблю ее и в доску постоянен, она стала относиться ко мне все небрежнее. Сердиться я на нее не мог — у меня только портилось настроение. Сначала она ссорилась охотно и весело, находя в этом удовольствие сытой кошки, заигрывающей с затравленной мышью, но потом ссоры стали жесткими и злыми, дольше длились и с трудом прекращались моими усилиями.

Я весь, мои дела, мои убеждения зависели от ее настроения. У самой у нее не было ни убеждений, ни мыслей — один только характер. Характер скверный. В ее голове ничего интересного, кроме капризов, не было; правда, капризы эти всегда поражали своей виртуозностью. Исполнение ее любого желания — это то, что неизбежно должно быть — как зимой снег. Даже когда она любила меня, она могла бы меня поменять на леденец, если бы очень его захотела.

И глупее всего то, что меня все эти каприччиозы восхищали, приводили в какой-то идиотский трепет. Я так захлебывался от восторга, так млел от обожания, что даже теперь еще совестно.

Больше года она водила меня за нос, потом ей это надоело, и она прогнала меня.

Я вбил себе в голову, что я замечательно несчастлив, писал нежные и грустные стихи, стал худеть и по-

думывать о самоубийстве. Несколько раз я встречался с ней под разными предлогами, писал унизительные письма вроде этого листка и окончательно ей надоел. В последнюю из таких встреч она сказала мне: «Все кончено. На следующее свидание приглашу милиционера».

Никогда не забуду этого вечера. Разговор происходил во дворе ее дома. Я пресмыкался и просил ее выслушать меня.

Если вы когда-нибудь были идиотом, то знаете, как может женщина унизить человека. Она вообразила себе, что ей противно находиться со мной лишнюю минуту, и хлопнула дверью. Противно! Сразу же я услышал за дверью смех. Смеялись она и ее подруга. Смех этот страшно резанул по моей психике, и тут я почувствовал, что из моей души вдруг выпала какая-то большая деталь.

Не помню, как я удалился со двора.

Неопределенное время я просидел на скамейке в пустом сквере, а когда поднялся, то почувствовал, что любовь моя кончилась.

Она вытравила во мне «всю пылкость, все страсти души» и прочие глупости. Она воспитала во мне юмористическое отношение к женщине. На следующий день я написал ей: «Если нравится быть жестокой — вешайте собак или распределяйте стипендию» — что-то в таком духе.

Сам себе я сказал: «В твоей любви не было радостей — в твоей жизни не должно быть скуки. Скука недопустима». И зажил весело и беззаботно, как это возможно студенту средней обеспеченности. Замелькали разные лица, но я в них уже не всматривался. Я любил и пользовался взаимностью, но любил уже без всяких идеалов, без замираний в сердце и всего такого прочего. И вот...

В комнату вошла Таисия Григорьевна, постлала скатерть и стала накрывать на стол. Потерин, будто не замечая ее, продолжал, солидно отпивая из кружки, которую я периодически наполнял:

— Вы никогда не встречали учебника женской логики? Нет такого? А почему? Такой учебник мог бы написать любой бухгалтер в перерыве между составлением двух отчетов. Ничего нет проще: все шиво-

рот-навыворот — и только. Женщины сами распространяют слух о том, что их логика непостижима. На самом деле их поступки и мысли прямолинейны, как телеграфный столб.

Так вот, когда я уже откровенно зубоскалил над возвышенными чувствами, верностью и голубиным счастьем, она вдруг пришла ко мне и принесла мне свою любовь, раскаяние, покорность, слезы и желание не разлучаться.

И вы знаете... Я женился на ней. Да, да, не удивляйтесь — это Таисия Григорьевна. Как это вышло, не знаю, но только хорошо сознавал и сознаю, что я ее тогда не любил... Да... Женился, может быть, из мести, а может быть, из уважения к своим юношеским заблуждениям. Страшно глупо. Она, кажется, любит меня и теперь. Мне безразлично, скандалов я не устраиваю, я только ограничиваю ее во внимании ко мне. Характер ее изменился до неузнаваемости, и, знаете, она отлично готовит обед. Вы сейчас в этом убедитесь.

За обедом он вдруг спросил Таисию Григорьевну:

— Я как-то все забываю поинтересоваться... Ты счастлива со мной?

Таисия Григорьевна вздрогнула и, глядя на меня и неловко улыбаясь, проговорила:

— Евгений Сергеевич всегда шутит так неожиданно...

— Счастлива, тебя спрашиваю, или нет? — беззастенчиво повторил Потерин.

Таисия Григорьевна перестала улыбаться и опустила глаза.

— Разумеется, я счастлива, — сказала она.

ПОСЛЕДНЯЯ ПРОСЬБА

Николай Николаевич Смирнов был уверен, что до следующей весны он не доживет.

— Скоро умру, — говорил он, вздыхая и виновато поглядывая на свою дочь Лидию Николаевну, которая убирала его комнату.

— Что ты! Живи до ста лет, — машинально отзывалась Лидия Николаевна, стирая пыль с книжного шкафа.

До ста лет оставалось не так уж много.

В начале осени Николай Николаевич почувствовал, что ходить он уже вовсе не может.

Только крайняя беспомощность и совершенная безнадежность порождают желание умереть. Вконец одряхлевший, совсем бессильный, Николай Николаевич имел и надежду, и жгучее, как у юноши, желание, чтобы надежда эта оправдалась. Ему хотелось дожить до весны. Хотелось еще раз увидеть на столе цветущую сирень, услышать весенних птиц, ему хотелось в зеленый рай — в березовую рощу, которая начиналась почти сразу от окна его комнаты.

Но за окном березы прогорели бледным пламенем осеннего заката, а скоро пришел и сразу взбесился лютый зимний месяц декабрь. Чьей-то одинокой, брошенной душой взвыли ошалелые метели, вселяя в сердце тоску по ласковым весенним дням.

Николай Николаевич и его дочь жили вдвоем. Муж Лидии Николаевны умер, а дети, которые все уже были взрослыми, жили разными семьями и в разных местах. Николай Николаевич знал, что, когда он умрет, Лидия Николаевна уедет к своему старшему сыну.

Вечерами Лидия Николаевна садилась на край кровати и спрашивала, не хочет ли чего отец. Николай Николаевич отвечал, что ничего не надо, что надо бы давно умереть, говорил, что он замучил ее, но что терпеть ей осталось совсем уже немного. Лидия Николаевна сердилась и всхлипывала. Тогда Николай Николаевич делал слабое движение своими почти обескровленными руками, Лидия Николаевна осторожно опускала голову к его груди и тихо плакала, и у Николая Николаевича разбегались по морщинам две-три пресные старческие слезы.

Бывали врачи, но Николай Николаевич был уверен, что они не лечат его, а только делают вид, что лечат. «Вы знаете, и я знаю: старость неизлечима», — говорил он им.

Раз к нему заходил сын Сергей. Сергей Николаевич был очень серьезный и очень занятой человек. Часто приходить он не мог.

Он пришел поздно вечером, с папкой под мышкой, не разделся, а только снял шляпу и смял ее в своих сильных руках.

Перед его уходом Николай Николаевич расхрабрился на шутку, которая, в сущности, было вовсе не шуткой.
— Не хочу умирать зимой, — сказал он. — Хочется покинуть этот мир в цвету, чтобы оставить о нем хорошее впечатление.
— Ты еще молодец. Мы с тобой еще на уток пойдем, — улыбнувшись, сказал Сергей, но Николаю Николаевичу показалось, что говорил он это вяло и бесчувственно...

Николай Николаевич возненавидел зиму за то, что зимой хорошо только здоровым и сильным, за то, что зимой нельзя открыть окно, за то, наконец, что зима так долго тянется. Ему стало казаться, что не старость, а зима отняла у него все и оставила одни только воспоминания, которые тоже отнимают силы, но от которых становится грустно и хорошо.

Но Николай Николаевич так и не мог привыкнуть жить одними только воспоминаниями. Он ждал весны.

И весна пришла. Николай Николаевич давно уже следил за большой сосновой веткой, которая заглядывала в окно его комнаты. И вот солнечным мартовским полднем ветка сбросила с себя белую, великолепную, но, правда, давно уже дырявую шапку.

Николай Николаевич попросил устраивать его в кресле и подолгу просиживал теперь у окна.

За окном зима одну за другой сдавала свои позиции.

Сначала почернели натоптанные прохожими тропинки через рощу, потом стали появляться желтые пятна проталин, и наконец вся земля предстала перед глазами такой, какой застал ее первый снег...

— Как хорошо! — сказала Лидия Николаевна, в первый раз открывая окно, когда роща уже чуть повеселела издалека еще незаметной зеленью.

Но в душе Николая Николаевича не было той радости, какую он ожидал с приходом весны. То, что он ждал, пришло, но это оказалось не тем, чего он хотел. Он хотел жить.

«Пройдет весна, — думал он, — высохнут цветы, а жизнь будет продолжаться. И она хороша всегда и везде: и в цветущем саду, и на занесенной метелью дороге, и даже у окна в кресле, с которого нельзя подняться...»

У большой старой березы почти каждый вечер встреча-

лись девушка и молодой человек, по-видимому, влюбленные.

Николай Николаевич любил наблюдать эти встречи, привык к ним, думал о них. Почти каждый вечер он говорил Лидии Николаевне: «Лида, посади меня к окну, я опаздываю на свидание»,— и смотрел в рощу до тех пор, пока сумерки не съедали и рощу, и две фигуры у старой березы. Они ему даже иногда так и снились: девушка сидела, прислонившись к стволу березы, а молодой человек стоял, упершись головой в толстый сук и держась за него обеими руками, и смотрел на девушку.

Но как-то Николай Николаевич заметил, что молодые люди вдруг стали посещать рощу в разное время. По всем признакам это была ссора.

«Какие глупые и какие счастливые, — думал Николай Николаевич. — Они страдают, ходят в разное время в одну и ту же рощу, но они молоды, и... звезды над ними одни и те же».

В первый душный день, перед первой грозой, старость и болезни обступили постель Николая Николаевича, протягивая к нему свои костлявые руки. Николай Николаевич задыхался.

— Лида,— сказал он, с трудом отыскав среди тяжелых видений бледное лицо дочери, — позови Сережу... Сейчас же... в последний раз...

Ударил гром, и за окном началась бешеная пляска стихий. Порывы ветра гулко разбивали об оконное стекло тяжелые струи воды. Роща стонала, выла, всхлипывала. У Николая Николаевича стучало в висках, но дышать стало легче.

А когда гроза кончилась, Николай Николаевич почувствовал себя так хорошо, так легко, что вдруг сел в постели и бодрым голосом потребовал:

— К окну!

Испуганная Лидия Николаевна запротестовала.

— В кресло! — повторил Николай Николаевич твердо.— И открой окно настежь. Я здоров, и мне кажется, что я молод.

Он сидел у окна улыбаясь, и, действительно, на душе у него было так радостно и спокойно, будто ему двадцать лет и он только что помирился с любимой девушкой.

Прошедшая гроза — праздник всего зеленого мира. Солнце еще не закатилось, и необсохшая роща ликовала в пронизывающих ее лучах. Николай Николаевич видел, как у ближних деревьев вздрагивали нижние листья от падающих с мокрой листвы капель.

У старой березы стоял молодой человек. Николай Николаевич взглянул на часы, которые давно уже велел поставить на подоконник. Молодой человек должен был скоро уйти, а через полчаса должна прийти девушка.

Скоро вошел запыхавшийся и растревоженный Сергей.

— Отец! Ну, как ты? — спросил он, быстро приближаясь к креслу. Отец и сын поцеловались.

— Я звал тебя, Сережа... — спокойно заговорил Николай Николаевич. — Мне кажется, я... — Николай Николаевич замолчал, повернулся лицом к окну и несколько мгновений глядел в рощу.

Когда он снова посмотрел на сына, Сергея Николаевича удивил необычный, давно уже не появлявшийся живой и веселый взгляд отца. Николай Николаевич тихо сказал:

— Сережа, ты видишь вон там, в роще, парня? У большой березы. Иди и скажи ему, чтобы он задержался там на полчаса... — И, глядя на недоуменное лицо Сергея Николаевича, продолжал: — Да, да. Сходи и скажи ему, что это очень нужно. Пусть подождет.

— Отец... — начал обеспокоенный Сергей Николаевич.

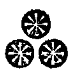
— Нет, нет... Я в своем уме, — перебил Николай Николаевич. — Сходи... я прошу тебя... иди, иди...

Пожимая плечами и оглядываясь, Сергей Николаевич вышел из комнаты.

Окно было открыто настежь, и комнату заполнял неповторимый запах обновленной грозой березовой рощи.

Николай Николаевич сидел в кресле, слегка склонившись в сторону. Черты лица его застыли в спокойном, осмысленном движении.

Вернувшийся Сергей не сразу понял, что Николай Николаевич умер.

РАННИЙ ВАМПИЛОВ

«Талант загадочен», «загадка Вампилова» — так нередко пытаются объяснить писатели и критики неожиданный взлет интереса к Александру Вампилову, драматургия которого не просто заняла заметное место в современном литературном процессе, но и обозначила собою явление, именуемое «театром Вампилова».

К разгадке таланта лучше всего и надежнее, чем по другим координатам, идти от раннего творчества писателя, от истоков, питающих талант, от его корней.

Александр Вампилов — потомственный интеллигент. Воспитываясь в провинции, он в то же время с детства имел возможность приобщиться к жизни и к сокровищам культуры, чтимым в семье неизменно и последовательно.

Мать Александра Анастасия Прокопьевна Копылова и отец Валентин Никитич Вампилов встретились на учительских путях-перепутьях и поселились на постоянное жительство в Кутулике.

«Деревянный, пыльный,— вспоминает о родном поселке А. Вампилов,— с огородами, со стадом частных коров, но с гостиницей, милицией и стадионом, Кутулик от деревни отстал и к городу не пристал. Словом, райцентр с головы до пят.

Райцентр, похожий на все райцентры России, но на всю Россию все-таки один-единственный».

В военные годы Кутулик так же, как и вся Сибирь, стал пристанищем для многих эвакуированных. В доме Вампиловых часто бывала «бабушка Шагалова», волжанка, много и искусно рассказывающая о жизни. По свидетельству Анастасии Прокопьевны, Александр жалел, что не записал ее рассказы.

Семья лишилась отца в год рождения Александра, но Саша знал о нем многое. Это был образованный человек, хотя университетское обучение ему и не удалось завершить. Он был страстным пропагандистом литературы. В 1937 году, когда родился четвертый ребенок, он дал ему имя в честь великого Пушкина, столетие со дня смерти которого кутуликская средняя школа отмечала широко. Оставшись без мужа с четырьмя детьми, Анастасия Прокопьевна проработала многие годы в школе завучем. Бабушка Александра Африкановна Копылова была поклонницей русской классики и любовь к ней привила внуку с детства. Поэтому впоследствии, когда молодежь увлекалась только что переведенными в конце 50-х годов ро-

манами Э. Ремарка, а позднее Э. Хемингуэя, М. Пруста, Р. Олдингтона, он все это жадно читал, но любимыми писателями и учителями оставались для него Гоголь и Чехов.

Саша с детства научился любить и понимать природу, и справедливо отмечено, что был он в своем мироощущении пантеистом. Пейзаж в его произведениях не просто ликующий, яркий, динамичный, он — образ мироощущенческий, философичный. Так, осмысление многочисленных проблем его родного поселка освещено идеей безграничной любви к своей «малой родине»: «Нет, что и говорить, нигде на свете небо не бывает таким ясным, и нигде, если долгая непогода, оно не томит так своей безысходностью. Травы пахнут здесь сильней, чем где-либо, и нигде и никогда я не видал дороги заманчивей этой вот, что по дальней горе вьется среди берез и пашен...»

Так остро видеть, ощущать и любить мир и людей может лишь человек, щедро одаренный и гармоничный. Природа и в самом деле любит гармонию. Она одарила Александра всесторонне. Его [illegible] как музыкально одаренного человека. Он с увлечением играл на сцене школьного театра, превосходно читал, а точнее, разыгрывал роли своих пьес перед самой различной аудиторией — в кругу друзей и на художественных советах театров. Его совместная работа с иркутским режиссером В. Симоновским над спектаклем «Старший сын» была истинно творческим содружеством, обеспечившим многолетний успех постановки и ее долгую сценическую жизнь. В беседах с актерами Александр говорил: «Вот напишу новую пьесу и поставлю ее сам!»

Приобщение к творчеству падает на детские годы, когда будущий драматург постигал богатства поэтической классики. Он знал и любил Тютчева, Есенина, вовсе не популярного в годы его детства. Пробовал писать стихи. В студенческие годы активно включился в работу литературного объединения и обратил на себя внимание юмористическими рассказами. Печатать их стал в иркутских газетах, а вскоре после окончания вуза, в 1961 году, издал в Иркутске первую книгу рассказов «Стечение обстоятельств».

Героями ранних рассказов стали молодые современники будущего драматурга, по преимуществу его студенческие собратья, это было самым знакомым, близким, непридуманным. И форма как бы сама себя обрела: забавные истории, анекдотические ситуации. Обращает на себя внимание эстетическая установка автора на всемогущество и всевластие случая: «Случай, пустяк, стечение обстоятельств иногда становятся самыми драматическими моментами в жизни человека». Откуда пришло к молодому автору это представление о власти случая в тревожной судьбе человека? Из жизни оно или из книг, это умозаключение?

Двадцатилетний Вампилов, конечно же, был знаком с литературными интерпретациями воли случая. Но примечательно и другое: желание сотворить случай! Поэт Петр Реутский вспоминает, как однажды при денежном затруднении Александр Вампилов спросил: а что если крикнуть людям с балкона — дайте сто рублей взаймы! Дадут или нет? И в 1962 году появ-

ляется одноактная пьеса «Двадцать минут с ангелом», где воспроизводится эта ситуация.

Идея власти случая использована Вампиловым в его ранних рассказах творчески и самостоятельно. Собственно, в ней впервые выразился его драматургический способ мышления: герой, оказавшись во власти обстоятельств, начинает вести себя «нетипично», выявляя свою подлинную сущность.

Сценка-монолог «Месяц в деревне, или гибель одного лирика» — одна из первых публикаций Вампилова. Повествуя о студенческой жизни в колхозе на уборке урожая, молодой автор наполняет рассказ веселым и печальным юмором. Герой-лирик не может принять сердцем прозы человеческого поведения. На его глазах любимая, на которую «боялся дышать», преображается в грубоватое существо. «Все обманчиво, как моя любовь»,— думает Рассветов и хватается за лопату, чтобы разнести клейтон. Подлинная грусть автора едва пробивается сквозь поток шутливых наблюдений над жизнью, но она присутствует почти во всех деталях интерьера и поведения. Осенний вечер «проглядывает сквозь стену, требующую капитального ремонта», одежды Рассветова в «нехудожественном беспорядке», «труженики» полей ушли, не заметив того, что завалили мякиной человека. Рассветов проваливается в бункер, и это смешно, но названа сценка все-таки «трагической». В «Свидании», «сценке из нерыцарских времен», студент, три месяца упивавшийся нежным голосом в телефонной трубке, добивается свидания, чтобы жестоко разочароваться. Герой рассказа «Финский нож и персидская сирень» шел грабить, но, пораженный простодушием жертвы, совершенно потерян. Разнорабочий Жучкин из рассказа «На пьедестале» куражится на высокой стене, с которой может свалиться каждую минуту. «Зрители», прохожие, то сочувствуют распоясавшемуся молодцу, то осуждают — в зависимости от обстоятельств. Герой рассказа «Успех» решил поразить будущую тещу сыгранной им ролью подлеца, но оказалось, что именно в таком виде он и пришелся ей по вкусу. Эти «смешные» истории не очень смешны. Они в любую минуту могут стать «самыми драматическими моментами в жизни человека».

Фокусом сценического действия становится грусть по несовершенству человеческих отношений. Автор видит, как хрупки и капризны чувства, как велика сила пошлости, как опасен обывательский быт. Испытывая героя волею случая, анекдотической или даже фантастической ситуацией, автор апеллирует к уму и совести читателя, понимающего, как много в мире зависит от его повседневных поступков Ими определяется нравственный климат общества. Ранние рассказы Вампилова поражают отсутствием стилевой приподнятости и ориентацией на речевую стихию народа. В рассказах, составивших книгу «Стечение обстоятельств», установка на героя, который сам рассказывает о себе, становится главной. Ироническая дистанция между героями и автором становится формой выявления нравственной сути человека. Ирония в рассказах А. Вампилова — качество стилевое, основополагающее. Она разлита во

всем: в деталях портрета, интерьера, в способах выражения мысли.

Ранний Вампилов лиричен. Лирическое чувство и состояние чаще всего проступает в отношении к миру живой природы. Но пейзаж в его рассказах отнюдь не декоративен. Описания природы и ее ощущение героем — важный компонент действия, иногда это сюжетная канва, а чаще всего средство выявления духовного состояния человека. Обозначение времени года в начале или в конце рассказа никогда не остается проходной деталью. Избранное автором состояние мира непременно соотнесено с состоянием души. И мы, читатели, даже не всматриваясь особо в описания природы, чувствуем подлинность и психологическую наполненность пейзажа.

Интересен в этом плане более поздний рассказ «Станция Тайшет». Повествование о первой любви, охватившей все существо демобилизованного солдата Пашки Белокопытова, выражено в описании заката, сопровождающего мчащийся на запад поезд. Реакция человека на природу — важный компонент художественного мышления Вампилова. Самым «заблудшим» из героев писатель оставляет надежду на очищение в храме природы. Глухи к гармонии мира лишь откровенные дельцы, циники и негодяи, «носороги», как именует их писатель в одном из писем конца 60-х годов.

«Малые жанры» — рассказ, очерк — не исчезли из творчества зрелого Вампилова. Эти трудные формы искусства совершенствовались, наполнялись новым содержанием. Но от первых до последних опытов непреложным оставалось ярко выраженное личностное отношение писателя к жизни. По рассказам и очеркам Вампилова можно восстановить историю его душевной жизни, его гражданское становление.

Ряд рассказов Вампилова тематически предваряет «Утиную охоту», убеждает в том, что тема этой пьесы вызревала во всю его короткую жизнь. Человек поверяется в них уже не столько анекдотической ситуацией, сколько повседневным, прозаическим течением событий, вдруг обнаруживающих в героях нечто неожиданное, парадоксально несоответствующее их былому естеству.

Поэтический мир Вампилова, любовь к театру, родившаяся в детские годы, отразились в одном из ранних автобиографических рассказов «Солнце в аистовом гнезде». Пронзительная точность детских ощущений, откорректированных взрослым человеком, усиливает мягкую, лирическую окраску повествования. Пожиратель чудес Витька так очарован представлением на сельской сцене, что готов отождествить вымышленный мир с реальным. Этому не помешали ни трудности со светом, ни то, что представление пришлось смотреть сначала тайком через оконное стекло, а потом, когда увлеченные взрослые перестали контролировать поведение детей, сидя «на полу у самой сцены». Не здесь ли, в сельской глуши, в возрасте, когда не доводилось еще видеть «ни одного живого слона», и родился будущий драматург, влюбленный в театр, в его «необыкновенный мир».

Рассказ создан почти одновременно с одноактной пьесой «Дом

окнами в поле». К этому времени Вампилов был уже автором книги «Стечение обстоятельств», участником сборников «Принцы уходят из сказок», «Ветер странствий» и автором одноактной пьесы «Двадцать минут с ангелом», лежавшей на письменном столе в рукописи.

Поэтому повествователь в рассказе «Солнце в аистовом гнезде» — достаточно знакомый с проблемами театра человек. Его голос не раз прорывает поток детских воспоминаний то саркастическим, то мягким ироническим комментарием.

Освоение действительности в малых жанрах Вампилова связано с выявлением сложной диалектики бытия, в котором добро подчас теснится грубой прозой жизни, духовная недостаточность, окостенелость сознания, пошлость существуют и нередко торжествуют благодаря равнодушию. Не случайно в очерке «Прогулки по Кутулику», одном из последних, об этом сказано с определенностью и страстью: «Разве не среда — каждый из нас, в отдельности? Да, выходит, среда — это то, как каждый из нас работает, ест, пьет, что каждый из нас любит и чего не любит, во что верит и чему не верит, и, значит, каждый может спросить самого себя со всей строгостью: что в моей жизни, в моих мыслях, в моих поступках есть такого, что дурно отражается на других людях?

Спросить, ответить на этот вопрос, а потом жить по-новому. Как просто! Как легко на словах и как нелегко на деле». Очерк «Прогулки по Кутулику» представляет собой необычную форму путешествия и возвращения памятью к тому, что было и что есть на «малой родине» писателя. Для очеркового повествования здесь не столько конкретных фактов, высекающих проблему, сколько замет сердца и его тревог.

Прогулка первая, по улицам родного поселка, «сентиментальная», и последняя, что привела снова на Первомайскую улицу, окрашены одной заботой: о духовном мире человека. «Не хлебом единым» он жив — эта истина приобретает для писателя особенное значение, когда он замечает: «крыши домов становятся поновей, еда посытнее, одежда покрасивее».

Вместе с героем рассказа «Солнце в аистовом гнезде» писатель считает, что «самые совершенные декорации в самом большом, прекрасном, самом правдивом театре» можно найти лишь в жизни. Так прослеживается путь писателя к традициям подлинной народной культуры, к пониманию многозначности и объемности устного слова, к нереализованному богатству одной из самых распространенных форм устного творчества — анекдоту. Ранние опыты драматурга в использовании этого жанра интересны и неповторимы. В них начинает совершаться процесс слияния мысли художника с народным самосознанием. Умело используется и народная лирическая песня. Она будет присутствовать в его пьесах то в чистом виде, то переосмысленная героем, но всегда важная и обозначающая душевное состояние человека. В одноактной пьесе «Дом окнами в поле» хор девушек за сценой определил характер едва намечающихся, хрупких связей героев. В пьесе «Старший сын» цинично попирающий все нормы человеческого общежития Сильва на свой лад напевает песни: «Ехали на тройке» и «Ах, дети, дети»,

чтобы потешиться над собственной неудачей, а заодно и помешать случайному «другу» извлечь выгоду для себя в сложившихся обстоятельствах. Комедия «Двадцать минут с ангелом» завершается пением старинной, ставшей народной песни «Глухой неведомой тайгою», и в этом финале острее всего звучит трагикомичность предлагаемой художником ситуации.

При постановке спектакля «Прошлым летом в Чулимске» даже серьезные, вдумчивые режиссеры почему-то считают возможным отбросить важный аккомпанемент — исполнение Дергачевым народной лирической песни «Это было давно, лет пятнадцать назад». Драматург не случайно соотнес историю Шаманова, рассказываемую Кашкиной, с незамысловатым исполнением этой песни. Глубокий и важный подтекст этой сцены направлен на выявление социальной сути характеров молодого еще следователя и уже потертого жизнью фронтовика. В финале пьесы, где разыгрывается драма Валентины, исполнение этой песни уже уставшим к концу дня Дергачевым очень важно для психологического наполнения характеров и спектакля в целом.

В конце 60-х годов в Иркутске гастролировал московский молодежный театр «Скоморох». Посетив спектакли, Вампилов восхищением отмечал: «Вот наши корни, вот на чем надо учиться». Уже первая одноактная пьеса «Двадцать минут с ангелом», написанная сразу после выхода книги «Стечение обстоятельств», в 1962 году, свидетельствует о том, какое значение придавал автор зрелищности представления, его динамичности и тому, чтобы мысль писателя не шла впереди героев, а вытекала из предлагаемых обстоятельств и саморазоблачающих реплик. Наблюдается своеобразная интерпретация широко бытующего в фольклоре мотива самоистязания, мученичества героя, граничащего с юродством. Ситуация «опознания» личности героя, в которой выстраивается действие, также указывает на традиции раешных, уличных представлений, в которых герой поначалу выступает не в своей роли.

Традиции «скоморошьего театра», как об этом справедливо пишет А. М. Горький в статье «О пьесах», прерваны у нас давно. Напоминая, что лучшие пьесы Запада созданы на основе опыта народных мастеров, он подчеркивает, как велики потери русской и советской драматургии, не освоившей в должной мере опыт уличных лицедеев. Настойчивое, сознательное тяготение к народно-сказочной традиции лежит в основе театра А. Вампилова.

Событием в жизни драматурга была публикация в 1964 году одноактной пьесы «Дом окнами в поле». Это была первая пьеса, опубликованная в столичном журнале. «Театр» рекомендовал ее народным коллективам. По ней поставлены радио- и телепостановки. Ст. Рассадин, включившийся в полемику «Как живешь, комедия», пишет: «Смотрю по ТВ раннюю пьесу Вампилова «Дом окнами в поле» (между прочим, сомнительная дань памяти писателя — публиковать полудетские опыты). Два прекрасных актера играют бесхитростный водевиль так, будто их герои прошли крестный путь до «Чулимска» и «Утиной охо-

ты», и не рассчитанный на такое сюжетик трещит под тяжестью мощного психологизма»[1].

Критик не заметил в «полудетском опыте» определенной смелости решений. А. Вампилов отбросил традиционное для той поры представление об острой конфликтной ситуации как основе драмы (в борьбе с рецидивами теории «бесконфликтности» это было важным), заменил его вроде бы пустяковым случаем: человек, отъезжая, прощается со знакомыми.

Сценическое действие развертывается не как цепь занимательных событий, а как тщательно маскируемый обеими сторонами психологический поединок. Идет вроде бы обычный разговор, подслушанный автором случайно. Но как искусно схватывает в нем писатель самые главные черты характера, как легко и весело ведет зрителя к серьезным проблемам, возникающим исподволь, ненавязчиво! В сцеплении реплик не только забавная игра слов, но и скрытая ирония, глубокая печаль, едва скрываемая досада.

Начинающий драматург по-своему понимал назначение ремарки. Уже в ранних одноактных пьесах ее суть направлена не на выявление деталей интерьера или сценического поведения, а в глубь характера. Описание опрятной комнаты Астафьевой, в которой нашли себе место и ковер с оленем, и картинки из журнала «Огонек», и белый халат у входной двери, указание на то, что это — комната одинокой женщины, бесценны для режиссера, выявляющего психологический конфликт, а не комедийную ситуацию. Описание внешности Третьякова, человека «симпатичного», но «толстоватого и медлительного», точно соотнесено с его поведением на сцене. А вот еще одна любопытная деталь, отмеченная в ремарке: «Перебирая белье, она с некоторой грустью задерживает в руках рубашку. Думает в это время, вероятно, о том, что время, в сущности, летит так быстро...» И это «вероятно», и непроявленность раздумий — как их реализовать в сценическом воплощении характера? Драматург может очертить состояние героя догадкой, актер и режиссер должны воплотить ее, очевидно, всей суммой слагаемых: выразительностью интерьера, пантомимы, действием, мимикой. Очевидно одно: эта ремарка — не проходная. Прощание-встреча героев не просто комична, в ней заключено будущее персонажей. Его суть хотя и намечена в комических ситуациях, но подчеркнута и заострена в ремарке. В драматургии А. Вампилова ремарке отведено существенное место, и игнорировать ее смысл — значит обеднить действие. Когда на сцене вместо зеленого сада Золотуева нагромождены леса конструкций, когда вместо сопок, покрытых елями, соснами и лиственницами, зритель видит в Чулимске неотесанные доски чайной и примитивный забор, утрачивается не только поэзия жизни, такая существенная в мироощущении драматурга, но и зрелищность его театра. Если в спектакле нет живописной дачи Золотуева, значит, абстрактной и невыразительной становится идея Колесова о зеленой лужайке — символе вечной гармонии мира.

---

[1] Рассадин Ст. Сколько лет госпоже Простаковой? — Лит. 1979, 6 июня.

И без палисадника, охраняемого Валентиной, как без сопок, покрытых лесом, не передать поэзии чувств и гаммы красок, важных для всего спектакля. Увлечение режиссеров абстрактными приемами, как и заземленный реализм, противопоказаны театру Вампилова, в основе которого не только правда чувств, но и праздничный карнавал жизни. Понимая, как важна зрелищность театра, красочность представления, он смело соединял обыденность, будничность жизни с яркими, густыми красками мира. Так было уже в его ранних опытах, в его юношеских рассказах и сценках, события которых всегда прочно увязаны с миром природы.

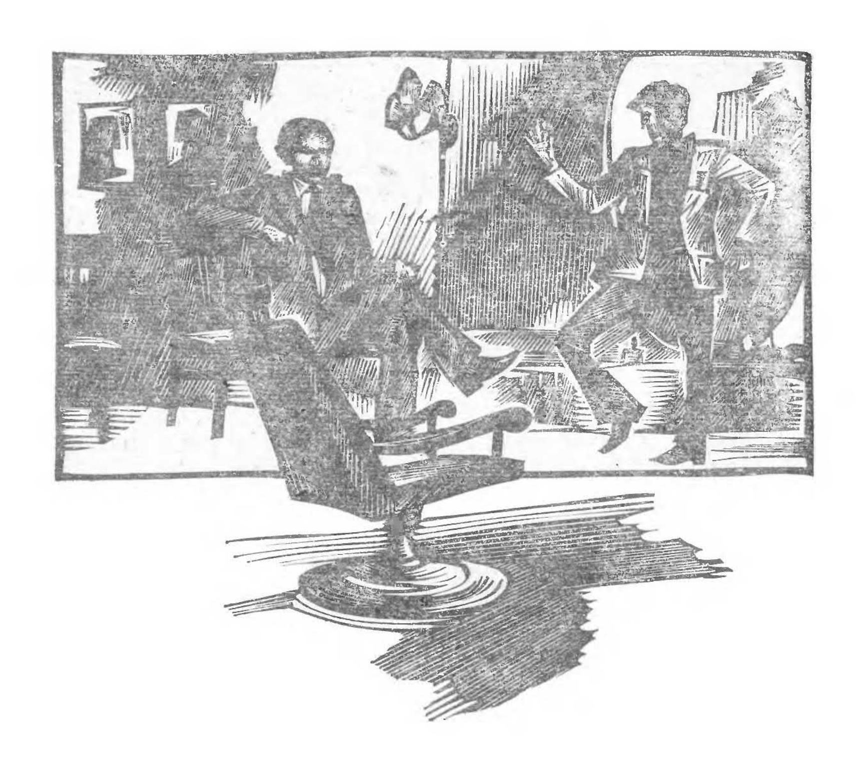
Герои Вампилова одинаково испытываются на прочность в густой атмосфере быта. В свою очередь, быт — студенческий, гостиничный, квартирный — заключает в себе эпические элементы именно потому, что расширяется в общежитии людей до мира всеобъемлющего.

Обратившись в начале своего творческого пути к малым жанрам, Александр Вампилов не только позволил читателю проследить, как формировался его талант, но и оставил свежие, яркие, лирические, трагедийные и возвышенные по мироощущению произведения.

Надежда Тендитник

ПОСЛЕДНИЕ СТРАНИЦЫ

НЕСРАВНЕННЫЙ НАКОНЕЧНИКОВ

Водевиль в двух действиях с прологом и эпилогом

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Старая парикмахерская в большом городе. Небольшая комната, часть которой занавешена портьерой. Три рабочих кресла, зеркала, у дверей вешалка, рядом столик для газет и два стула для ожидающих очереди клиентов.

Летний день, послеобеденный час. Дверь на улицу распахнута настежь. Где-то поблизости крутят монотонную эстрадную мелодию.

В одном из кресел развалился простодушного вида молодой человек в белой куртке. Это мастер заведения Наконечников. Разморенный жарой и вынужденным бездельем, время

от времени позевывая, он перелистывает тонкую книжицу с цветными картинками.

В эту минуту появляется Дутов, мужчина лет шестидесяти, тучный, лысеющий, вытирающий пот со лба и шеи.

Дутов. Добрый день.

Наконечников. А-а... Николаю Иванычу — привет.

Дутов. Жара какая, а?.. Градусов, думаю, под сорок.

Наконечников. Не меньше...

Дутов. Уф... (*Усаживается на стул.*) Листья на деревьях свернулись. Что делается, а?

Наконечников. Не говорите...

Небольшая пауза.

Будем бриться? (*Указывает на кресло.*) Прошу.

Дутов. Ой погоди. Дай хоть отдышаться... Дальше так пойдет, и без грибов останемся.

Наконечников. Вполне возможно...

Пауза. Наконечников снова перелистывает книжку.

Дутов. Ну? Как живете?.. Новости какие?

Наконечников. Новости?.. Да ничего такого. Все по-старому...

Снова молчат. Потом Наконечников показывает Дутову одну из страниц своей книжки.

Гляньте. Лев поссорился с крокодилом.

Дутов. Ну?

Наконечников. Началась у них драка.

Дутов. Ну?

Наконечников. Кто из них победил, как вы считаете?

Дутов. Что? К чему ты?

Наконечников. Лев напал на крокодила. Началась у них битва.

Дутов. Ну и что?

Наконечников. Кто, по-вашему, победил? Лев или крокодил?

Дутов. Г-м... Ну лев.

Наконечников. Лев?

Дутов. Конечно, лев.

Наконечников (*тоном превосходства*). Однако победил крокодил.

Дутов. Неужели?

Наконечников. Факт. (*Поднимается, бросает книжку, налаживает бритье.*)

Дутов *(пересаживается в кресло)*. А где твоя напарница?.. Где Раиса Петровна?

Наконечников. В гастроном ушла. За сосисками. *(Усаживает Дутова поудобней.)* Головку повыше... Вот так... *(Начинает бритье.)*

Дутов *(не сразу)*. Крокодил, говоришь?

Наконечников. Он, Николай Иваныч, крокодил.

Дутов. Скажи-ка... Но ведь лев посильнее будет. Среди зверей лев все-таки фигура.

Наконечников. Согласен, Николай Иваныч. Лев — царь зверей. Однако победил крокодил.

Дутов. Удивительно...

Наконечников. Но факт. Победил крокодил.

Пауза. Наконечников работает.

Компрессик, Николай Иваныч? Помогает от жары.

Дутов. Давай. Раз помогает.

Наконечников делает компресс.

Наконечников. Чем освежить? «Шипром», как обычно?

Дутов. Давай.

Наконечников. А вот «Полет». *(Показывает флакон.)* Новый. Помягче будет.

Дутов. Давай «Полет».

Наконечников прыскает одеколоном, орудует полотенцем. Закончил работу.

Наконечников. Ну как?.. Полегче стало?

Дутов Вроде бы да. Благодарю. *(Расплачивается.)* Уважил. Омолодил.

Наконечников. Всегда к вашим услугам.

Дутов *(поднялся, заглянул в зеркало)*. Как же мне теперь молодому-то, куда ж пойти?

Наконечников. Как куда? К дамам, Николай Иваныч. А то куда?

Дутов. К дамам, говоришь?.. А что? Можно и к дамам. Ничего еще. Не жара бы, так я бы... Кое-что я еще могу. А ты думал? И выпить могу. И спеть. И сплясать, как бывало... Резюме, правда, уже не подведу.

Наконечников *(оживился)*. Прибедняетесь, Николай Иванович.

Дутов *(развел руками)*. Врать не люблю.

Оба смеются.

Но ты, слышь, Миша. Женщинам ты ни гу-гу. Ни одной. Раисе Петровне — тоже. Молчок. Военная тайна.

Наконечников. Могила.

Дутов. Счастливо, Миша. *(Уходит, в дверях останавливается.)* А все-таки, стало быть, крокодил?

Наконечников. Факт, Николай Иваныч. Победил крокодил.

Дутов. Чудеса, да и только. *(Уходит.)*

После его ухода Наконечников снова пытается читать, но клюет носом и вскоре погружается в сон. Музыка неожиданно усиливается, на улице послышались шум и голоса. Наконечников не реагирует ни на то, ни на другое. Шум и голоса приближаются, и в парикмахерскую вбегает Эдуардов, длинноволосый молодой человек в клетчатом костюме. Он бросается к раковине, хватает стакан, набирает воды, жадно пьет, после чего устремляется к выходу, но на пороге останавливается, поворачивает обратно и скрывается за портьерой. Там он опрокидывает какую-то посудину — раздается грохот, и Наконечников просыпается.

В это мгновение в парикмахерской появляется Незнакомка — молодая женщина привлекательной наружности, одетая по последней моде. Ее появление неожиданно, неординарно, и сонный Наконечников смотрит на нее с изумлением. Она осматривается и в изнеможении опускается на стул — рядом с Наконечниковым.

Шум и голоса на улице, достигнув предела, теперь удаляются, затихают.

И музыка снова умолкла.

Незнакомка. Воды...

Наконечников не двигается и молчит, преодолевая барьер между сном и действительностью.

Дайте воды!

Наконечников не шевелится.

Вы глухой?

Наконечников в ответ что-то промычал.

Немой?.. Контуженный?

Наконечников *(наконец очнулся)*. Никак нет...

Незнакомка. Тогда дайте мне воды.

Наконечников осторожно, как бы боясь спугнуть гостью, поднимается и подает ей стакан с водой. Та пьет большими глотками.

Еще.

Наконечников *(повинуется)*. Сейчас...

Он окончательно проснулся.

Незнакомка. Еще.

Третий стакан с водой он подает ей уже не без галантности.

Кроме вас есть тут кто-нибудь еще?

Наконечников. Здесь?.. Как видите.

Незнакомка. Никого?

Наконечников. А в чем дело?

Незнакомка. Я спрашиваю: есть тут кто-нибудь кроме вас?

Наконечников. Никого... Абсолютно.

Незнакомка. Это правда?.. А там? *(Показывает на портьеру.)* Нет там никого?

Наконечников. Ни души!

Незнакомка. Вы уверены?

Наконечников *(приосанился.)* Не волнуйтесь. Я здесь один.

Небольшая пауза. Наконечников подходит к Незнакомке.

(Интимно.) Мы абсолютно одни.

Незнакомка *(усмехнулась).* Что вы этим хотите сказать?

Наконечников *(не замечая ее усмешки, подмигивая).* «В этом зале пустом мы танцуем вдвоем...»

Незнакомка *(холодно).* Прекратите. *(Поднялась.)* Вы меня не так поняли. Я ищу совсем другого человека.

Наконечников *(растерянно).* Да?.. *(Не сразу.)* Но я... мне показалось, что вы хотели со мной поговорить...

Незнакомка *(с пренебрежением).* Я — с вами?.. Да ничего подобного!

Она выходит на улицу, но в это время за портьерой раздается тот же грохот. Эдуардов чертыхается. Незнакомка мигом возвращается в парикмахерскую и, отстранив рукой и без того униженного Наконечникова, подходит к портьере, приоткрывает ее и обнаруживает там Эдуардова с тазом в руках. При виде его Незнакомка преображается. Из надменной самоуверенной женщины она превращается в робкую неуклюжую просительницу.

Извините... Простите за беспокойство...

Эдуардов *(с досадой).* Что вам угодно? *(Оставил таз и вышел из прикрытия.)*

Незнакомка. Простите, но разве вы меня не узнаете?

Эдуардов (*грубо*). Первый раз вижу.

Незнакомка. Но как же... Мы ехали с вами в одном такси...

Эдуардов. Не помню.

Незнакомка (*краснея*). Вместе шли по улице...

Эдуардов. Не знаю...

Незнакомка. Я проводила вас до гостиницы...

Эдуардов. Меня всегда кто-нибудь провожает.

Незнакомка. Вы меня поблагодарили...

Эдуардов. Я человек вежливый, но я вас не помню. Извините. (*Наконечникову.*) Шеф, можно у вас напиться?

Наконечников молчит. Он снова в изумлении. Эдуардов пьет.

Незнакомка (*жалобно*). Вы подарили мне трамвайный билет. Вот он... (*Достает из сумки трамвайный билет.*)

Эдуардов. Могу подарить еще один. (*Полез в карман, достал оттуда горсть трамвайных билетов.*) Сколько угодно. Я раздаю их пачками. Каждый день.

Незнакомка. Вы сделали мне комплимент. Вы сказали, что я похожа на...

Эдуардов (*устало*). На Софи Лорен. Ладно. Я вас узнал.

Незнакомка просияла.

(*Строго.*) Узнал. Но с тех пор, как мы виделись, вы сильно изменились.

Незнакомка. Как?.. Мы виделись с вами вчера!

Эдуардов. Все равно. Вы очень изменились.

Незнакомка растерялась, съежилась, увяла.

Ладно, чего вы хотите?

Незнакомка (*жалобно*). Вы сами знаете...

Эдуардов (*сухо*). Когда?

Незнакомка. Сегодня!

Эдуардов. Невозможно.

Незнакомка. Прошу вас!

Эдуардов. Ничего не выйдет.

Незнакомка. Завтра!

Эдуардов. То же самое.

Незнакомка. В четверг!

Эдуардов. Навряд ли. Но вернее всего: нет.

Незнакомка. А вдруг! Умоляю вас, возьмите мой телефон! *(Протягивает ему бумажку.)*

Эдуардов *(жестом отвергает ее телефон)*. Я вам не позвоню. Забуду. *(Милостиво.)* Возьмите мой. *(Достает блокнот, пишет.)* Позвоните в среду. Но учтите, я ничего вам не обещаю. У меня люди на люстрах висят.

Незнакомка. Я надоела вам, простите...

Эдуардов вырывает из блокнота листок, отдает его Незнакомке. Та принимает его с благоговением. Наконечников наблюдает за ними с раскрытым ртом.

Благодарю вас...

Эдуардов *(сухо)*. До свидания. *(Наконечникову.)* Вы свободны, шеф?.. Я хотел бы побриться. *(Усаживается в кресло.)*

Незнакомка. До свидания!.. Я буду надеяться... *(Удаляется почти счастливая.)*

Эдуардов. Слава богу, отвязалась. *(Поднялся с кресла.)* Бриться я не собираюсь... Что такое, шеф? Почему вы так на меня смотрите?

Наконечников *(вышел из оцепенения)*. Слушай, парень... Ты в своем уме или нет?

Эдуардов. А что такое?

Наконечников. Нет, ты соображаешь, что ты делаешь?

Эдуардов. Да что такое?

Наконечников. «Что такое?» Такая женщина к тебе клеится, а ты что?

Эдуардов. А-а... *(Рассмеялся.)* Ну, шеф, вы преувеличиваете. Эта женщина обыкновенная.

Наконечников. Она? Обыкновенная?.. Ну даешь ты... Смотри, пробросаешься такими кусками.

Эдуардов *(махнул рукой)*. Надоели... Эта еще ничего, скромная. Ты других не видел. Такие, брат, попадаются экземпляры... Хищницы. *(Томно.)* Когда-нибудь они разорвут меня на части...

Эдуардов подходит к двери, выглядывает на улицу. Оттуда в это время снова доносятся голоса.

Наконечников. Слушай, парень... Ты кто такой?

Эдуардов. А ты не знаешь? *(Рассмеялся.)* Ну слава богу, встретил нормального человека. Будем знакомы.

Он протянул Наконечникову руку, тот ее пожал.

Эдуардов... Вадим.

Наконечников. Наконечников... Кто ты, серьезно?.. Космонавт ты, что ли?.. Нет?..

Эдуардов. Послушай! Ты хорошо сохранился — раз ты не знаешь Вадима Эдуардова.

Наконечников. Где ж ты работаешь?

Эдуардов. Везде... Госконцерт — слышал такую организацию?

Наконечников *(не сразу)*. Артист, что ли?

Эдуардов. В сообразительности тебе тоже не откажешь.

Наконечников. Артист, значит... А кого ты, допустим, изображаешь?

Эдуардов. Никого.

Наконечников. Тогда какой же ты артист?

Эдуардов. Я пою.

Наконечников. А-а... *(Не сразу.)* Арии поешь?

Эдуардов. Песни.

Наконечников. Песни?.. И все?

Эдуардов. Ну это, брат, у кого как получается.

Наконечников *(не сразу)*. А как ты зарабатываешь?

Эдуардов. Неплохо.

Наконечников. Сотни три имеешь?

Эдуардов. Имею.

Наконечников. А может, четыре?

Эдуардов. Может, и четыре.

Наконечников. А может, и больше?

Эдуардов. А может, и больше.

Наконечников *(не сразу)*. Долго учился?

Эдуардов. Чему учился?

Наконечников. Да вот — песни петь?

Эдуардов. Я не учился. Но я, брат, особый случай. Другие выходят из консерватории.

Наконечников. Х-м... А почему для тебя такое исключение?

Эдуардов. Да так. Талант, говорят.

С улицы снова раздаются голоса и гомон толпы. Эдуардов подходит к двери и выглядывает на улицу. Шум толпы приближается.

(С досадой.) Неужели эта дура сказала им, что я здесь!.. *(Наконечникову.)* Это поклонники. Черт бы

их побрал!.. Если что, я опять спрячусь. А пока мы закроем дверь. Идет? *(Закрывает дверь.)* Думаешь, им нужны автографы? Как бы не так. Они требуют, чтобы я провел их на концерт. Бесплатно. Или — чтобы я пил с ними водку.

Наконечников. Гляжу, везет тебе... *(Не сразу.)* Слушай, а как его определяют, талант? Кто его определяет?

Эдуардов. Как «кто»? Специалисты определяют... Вот ты мне спой что-нибудь, а я тебе скажу, есть у тебя талант или нет.

Наконечников. У меня? *(Не сразу.)* Ты это серьезно?

Эдуардов *(усмехаясь незаметно)*. А почему несерьезно? Ты сам сказал, что ты поешь. Вот и спой. А я послушаю.

Наконечников *(он не замечает, что над ним подсмеиваются)*. А чего? Могу спеть... А ты определишь, точно?

Эдуардов. Не пой, если не веришь. Мне-то что? *(Не сразу.)* Ну? Будешь петь?

Наконечников прокашлялся, молчит.

Ну что?

Наконечников *(мается)*. Дак ведь это... Чудно както — ни с того ни с сего...

Эдуардов *(подначивает)*. А ты как думал? Давай, давай. Пользуйся случаем. А вдруг у тебя талант.

Наконечников *(не сразу)*. Чего спеть-то?

Эдуардов. Это уж твое дело.

Наконечников. Может, «Тройку»?

Эдуардов. Как хочешь.

Наконечников. Или «Рябину»?

Эдуардов. Все равно. Но лучше что-нибудь поживей, потемпераментней.

Наконечников *(молчит, потом вдруг начинает петь фальшиво и нелепо)*.

Бирюзовы да златы колечики,
Эх, да раскатились по лужку...

Эдуардов, с трудом подавляя смех, стучит по спинке стула, как по барабану.

Ты ушла, и твои плечики
Скрылися в ночную мглу!
Пой-звени, гитара семиструнная,
Разгони ты грусть-тоску-печаль,
Эх, ты, жизнь моя цыганская,
Ничего теперь не жаль.

Хватит?

Эдуардов. Да. Вполне достаточно.

Наконечников. Ну что?

Эдуардов. Неплохо, но... как бы тебе сказать...

Наконечников. Говори, как есть.

Эдуардов. Хорошо. Будем откровенны. Голоса у тебя нет...

Наконечников. Ясно.

Эдуардов. Что «ясно»? Голоса у тебя нет, но на эстраде он и не всегда нужен.

Наконечников. Да?

Эдуардов. Держаться ты не умеешь, вкуса никакого. Стоит тебе запеть на улице, и тебя обязательно заберут в милицию. Но и это не беда: твои манеры можно выдать за непосредственность... Пойдем дальше. Местами ты не поешь, а воешь, как голодный пес, и хрипишь, как будто бы тебя давят.

Наконечников. Ладно. Я тебя понял.

Эдуардов. Что ты понял? Как раз это, возможно, и есть твоя сильная сторона, твой, так сказать, шарм. Не знаю. Воешь ты, конечно, примитивно, но в твоем хрипе, по-моему, есть что-то своеобразное. Именно на него ты мог бы рассчитывать, если бы у тебя было бы хоть немного слуха.

Наконечников *(неожиданно)*. А без слуха нельзя?

Эдуардов. Нельзя, к сожалению. Сейчас сочиняют такие мелодии — запомнить их никакого слуха не хватает. Так что извини, но певца из тебя не выйдет. *(Открыл дверь и снова выглянул на улицу, вернулся.)* Но ты не грусти. Может, у тебя какой другой талант.

Наконечников. Думаешь?

Эдуардов. Ну кто тебя знает? *(Осматривает Наконечникова с головы до ног.)* Так... Парень ты видный... Не изболел... Шарниры в порядке?

Наконечников. Чего?

Эдуардов. Суставы, мышцы, ступни... Ноги целы?

Наконечников. Да в норме вроде бы... Не жалуюсь.

Эдуардов. Пляшешь?

Наконечников. Бывает...

Эдуардов. А ну сбацай.

Наконечников. А что, и такая есть профессия?

Эдуардов. А ты как думал? Та же эстрада. Давай.

Наконечников. А что именно?

Эдуардов. Не знаю. Болеро, паде-труа, вальс-чечетка — выбирай по своему вкусу.

Наконечников. Вальс-чечетка.

Эдуардов. Так. Вкус у тебя неиспорченный. Шуруй. *(Напевает ему, отстукивает такт.)* Ну! Не заставляй себя ждать!

Наконечников пляшет вальс-чечетку. По ходу сбрасывает куртку, затем руки держит строго по швам. Пляшет довольно долго.

Чаще!.. Чаще! *(Увеличивает темп.)* Дерзай!

Наконечников не выдерживает темпа, сбивается и останавливается.

Все?

Наконечников падает в кресло. Тяжело дышит.

Ну что ж... совсем неплохо. Своеобразно... Но для узкого круга. Боюсь, что широкая публика тебя не поймет.

Наконечников. Воды... Воды подай...

Эдуардов *(подает ему воды, с сочувствием)*. Устал?

Наконечников. Запалился.

Эдуардов. Тяжело, конечно, с непривычки... М-да... Пожалуй, это мы с тобой зря затеяли. Похоже, этим делом надо заниматься систематически, с самого детства. *(Не сразу.)* Тебе сколько лет?

Наконечников показывает на пальцах.

Так... Видишь, время, можно сказать, упущено.. Давно ты в парикмахерской?

Наконечников показывает три пальца.

Три года... Надоело?

Наконечников Как сказать?.. Сначала ничего. Потом так-сяк... *(Тяжело дышит.)* Сейчас — не знаю... Короче: надоело... *(Не сразу.)* Что делать? Куда податься?

Эдуардов. Женат?

Наконечников кивает.

Уже хуже... Давно женат?

Наконечников. Три года... Осел здесь после армии.

Эдуардов. А откуда родом?

Наконечников. Родом деревенский.

Эдуардов. Это заметно... Дети есть?

Наконечников. Двое.

Эдуардов. М-да... Чем тебе помочь — даже и не знаю. *(Не сразу.)* Спортивную карьеру ты, считай, тоже прозевал... Слушай, ты стихи писал?

Наконечников. Было дело.

Эдуардов. Прочти... Помнишь наизусть?

Наконечников. Не-е... Да какие там стихи? Так что-то, один раз написал, к празднику...

Эдуардов. К празднику?.. Ну что ж. Направление у тебя здоровое... Может, тебе литературой заняться?

Наконечников. Да что ты. У меня всего семь классов...

Эдуардов. Это неважно. Даже наоборот: пойдешь от жизни... Ну, со стихами сейчас непросто, поэтов тьма, ты можешь не выдержать конкуренции. Так. Роман тебе не по зубам, прямо скажем... Что там у нас остается? Драматургия... А что? Пожалуй, это идея! Я в газете вчера читал: в театрах репертуарный голод, драматургия отстает, пьес никто не пишет. А? Что ты на это скажешь?

Наконечников. Что такое драматургия?

Эдуардов. Привет! Ты бывал хоть раз в театре?

Наконечников. Был.

Эдуардов. Что ты там видел?

Наконечников. Постановку... Какую — не помню...

Эдуардов. Что такое постановка?

Наконечников молчит.

Ну хорошо. На сцене ты видел актеров. Что они там делают?

Наконечников. Показывают...

Эдуардов. Что показывают?

Наконечников. Ходят, разговаривают... Один все молчал, а потом говорит: дальше, говорит, так жить нельзя, вы, говорит, не люди, а тушканчики,

скучно, говорит. Я вас, говорит, в тюрьму пересажу и сам с вами сяду.

Эдуардов. Так. Это драма.

Наконечников. А другую видел, так там все больше смехом. И мужик веселый. Жену, говорит, вы у меня, конечно, отбили, сына, конечно, тоже увели, есть у вас, говорит, и другие недостатки, но теперь, говорит, дело прошлое, и в целом, говорит, вы все же люди неплохие. Поэтому, говорит, давайте все вместе будем веселиться.

Эдуардов. А это комедия. И придумал все это и написал — автор, писатель, он же драматург — понятно тебе?

Наконечников *(вдруг)*. А чего тут не понять?

Эдуардов. Вот и попробуй. Вдруг — талант.

Наконечников. А как за это платят?

Эдуардов. Платят хорошо. Кроме того — слава, почет и уважение... Но предупреждаю: написать — это полдела, главное — пробиться. Тут, конечно, тебе не повредили бы связи, знакомства...

Наконечников. Погоди, у меня есть знакомый. В театре.

Эдуардов. Парикмахер?

Наконечников. Директор.

Эдуардов. Сам директор?

Наконечников. Он у меня бреется. Уже третий год.

Эдуардов. Да?.. Что ж, для начала это совсем неплохо. Ты подаешь надежды. *(Выглянув на улицу.)* Ушли... *(Подходит к Наконечникову.)* Давай прощаться, я пошел...

Наконечников. Погоди... А как их писать — пьесы-то?

Эдуардов. Здравствуйте, приехали! *(Смеется.)* Берешь бумагу, ручку, садишься, пишешь название. Дальше — действующие лица. Ну и пошел. Пишешь: «Катя». Ставишь точку. Потом — что эта Катя говорит. Потом «Петя». Снова точка и что этот Петя той Кате отвечает. Например. Катя: Петя, ты куда собрался? Петя: До свидания, дорогая Катя, я уезжаю. Катя: Как так, Петя? Ты уезжаешь, а как же я? Разве ты меня не любишь? Почему, отвечает Петя, я тебя люблю, но у меня

уже билет в кармане. И так далее. И пошел, и пошел. *(Подает Наконечникову руку.)* Ну! Желаю тебе. Дерзай. Приеду в следующий раз — чтобы ты пригласил меня на свою премьеру.

Наконечников. Что такое премьера?

Эдуардов. Первое представление. Желаю тебе — еще раз. *(Идет к двери.)*

Наконечников. Постой!

Эдуардов останавливается.

Про что мне писать?

Эдуардов. А уж это тебе лучше знать. Возьми какой-нибудь случай интересный — может, из своей жизни, а нет, так что-нибудь придумай. Но смотри, ври, да знай меру. Чтоб на правду было похоже, понял?.. Все. Желаю успеха. *(Уходит.)*

Оставшись один, Наконечников погружается в глубокое размышление. Через некоторое время на улице раздается шум толпы, который приближается к самым дверям парикмахерской. Наконечников подходит к двери.

Наконечников *(неожиданно, тоном Эдуардова)*. Что вам угодно?

Голос из толпы. Вы не видели Эдуардова?

Наконечников *(небрежно)*. Вадима?.. Он только что ушел. А что вам угодно? Если автограф, то пожалуйста, могу дать. Но предупреждаю, водку я с вами пить не буду.

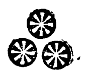
Голос из толпы. А кто вы такой?

Наконечников. Михаил Наконечников. Драматург. Не знаете такого?

Из толпы доносятся смех и голоса: «Кто такой Наконечников?» «Такого мы не знаем». «Первый раз видим».

Голос из толпы. Первый раз слышим.

Наконечников. Ну ничего. Еще услышите.

О ВАМПИЛОВЕ

Воспоминания и размышления

ВАЛЕНТИН РАСПУТИН

В поэзии Николай Рубцов, в прозе Василий Шукшин, в драматургии Александр Вампилов... — кажется, самую душу и самую надежду почти в единовременье потеряла с этими именами российская литература... И, кажется, сама совесть навсегда осталась с ними в литературе...

Народ наш на удивление чуток к таланту; едва ли где-нибудь еще, у другого какого народа можно отыскать подобную чуткость. У нашего читателя (если говорить о литературе) она связана чуть ли не с личной надеждой; он относится к таланту не как к явлению, явившемуся и существующему независимо от него, — нет, он чаял и ждал, он словно бы часть доли своей отдал для его рождения, и он дождался. Талант еще и не признан, он только набирает силу, ничто вслух не отличает его покуда от неталанта, но читатель какими-то неведомыми токами и подводными течениями уже знает о нем и жадно ловит каждое его слово, отыскивая податливым, необыкновенно развитым к ней сердцем истину о себе самом и о своем времени, ту святую и нелукавую истину, без которой, как без труда, человек в здоровье и нравственности существовать не может.

И потеря таланта, гибель его воспринимается нашим читателем и зрителем как личная трагедия. Мы забываем, к сожалению, что он, талант, вобрав в себя художественный дар многих и многих людей, наделенный, казалось бы, огромным сердцем добра и понимания, для собственной жизни имеет это сердце в одном экземпляре и обычных размеров — да и то с самого начала больное болью тех же многих и многих людей.

Сердце Александра Вампилова не выдержало всего в нескольких метрах от берега, к которому он плыл, после того как, натолкнувшись на скрытый под байкальской водой топляк, перевернулась лодка...

О Вампилове теперь пишут много и охотно; критики, перебивая друг друга, спорят о его героях и говорят настолько разное, что появилось даже выражение «восторженное непонимание Вампилова». Непонимание это идет от предпосылок искусства, а не от предпосылок жизни, с которыми всякий раз начинал творить свое искусство Вампилов. Его герои вечерами выходят на сцену чуть ли не каждого большого театра страны, и его же герои, не всегда ведая, что это они и есть, смотрят на себя из зала и смеются... Впрочем, не только смеются, этого было бы слишком мало: Вампилов писал

пьесы отнюдь не для того, чтобы зритель со спокойной душой отдыхал в театре, он не признавал искусства, создаваемого для отдохновения. Зритель, приходя в театр на Вампилова, невольно попадает под нелегкое нравственное испытание, своего рода исповедь — его, зрителя, исповедь, в которую он, один раньше, другой позже, так или иначе вовлекается еще во время спектакля и которая долго продолжается после спектакля,— в этом незаменимая, но удивительная сила и тихая страсть его таланта. И когда говорят о «театре Вампилова», следует, очевидно, иметь в виду не только то, что предлагается зрителю, но и то, что случается с ним, сторону глубокого психологического воздействия его пьес, которую театральная условность словно бы даже еще и увеличивает, а не снижает. К тому же вампиловские пьесы, похоже, сами диктуют свою постановку и не допускают разночтений.

Вместе с Вампиловым в театр пришли искренность и доброта — чувства давние, как хлеб, и, как хлеб же, необходимые для нашего существования и для искусства. Нельзя сказать, что их не было до него — были, конечно, но не в той, очевидно, убедительности и близости к зрителю; до последнего предела раскрылась перед нами наивная и чистая душа Сарафанова в «Старшем сыне» и стоном застонала, уверяя старую истину: «все люди — братья», которая в повседневности часто превращается почти в смешной парадокс. Вышла на сцену Валентина («Прошлым летом в Чулимске»), и невольно отступило перед ней все низкое и грязное — вышла не просто героиня, несущая в себе черты добродетели, вышла сама страдающая добродетель. Слабые, незащищенные и не умеющие защититься перед прозой жизни люди, но посмотрите, какая стойкая, какая полная внутренняя убежденность у них в главных и святых законах человеческого существования. И в слезах, и в отчаянии не перестанут они веровать, как фанатики в лучшую человеческую сущность, не замечая, как слепые, сущности худшей. Можно гадать, что будет с Валентиной дальше, там, за границами пьесы, как сложится ее судьба в житейском смысле, но в том, что веры она не изменит и в добродетели своей не ослабнет и не сдастся, сомневаться нельзя. Эту уверенность Вампилов оставляет в нас без всяких оговорок.

Казалось бы, и в рассказах, и в пьесах (и даже в газетных очерках, когда Вампилов работал в газете) — старые, знакомые истины. Он не пытался выдумывать новые, их нет, он ставил лишь их в нынешние условия, и они начинали звучать поновому. Вечные, как день и ночь, нетускнеющие, нестареющие темы искусства, которые никогда не перестанут волновать человечество, — жизнь и смерть, любовь и ненависть, счастье и горе, совесть и долг. Каждое новое время привносит в эти понятия свои отличительные признаки, они-то и метят время, но сами эти понятия при всей их сложности и хрупкости остаются неизменными. Любить одним человеком другого значило тысячу лет назад то же самое, что и теперь. Но как любить? Что несет в себе это первое и самое чувствительное чувство? Чем оно обогащает? Что заставляет терять? На-

сколько оно долговечно? Пока будет жив хоть один человек, он станет любить и ненавидеть по-своему, он будет бояться и желать смерти, как никто до него не боялся ее и не звал.

Истины старые, но вечные, не знающие во времени ни морального, ни физического износа. У Вампилова они имеют еще и ту важную особенность, что получают в каждом читателе и зрителе некое личное, собственное озарение. Как, каким образом удается ему внушить каждому из нас, что это относится именно к нам (к нам, — стало быть, ко мне), в первую очередь касается нас и обращено именно к нашим чувствам, остается загадкой, но прямое обращение, с одной стороны, и личный отзыв, личное соучастие, с другой, тут налицо. И не один из нас, выйдя из театра или прочитав пьесу, ловит себя на детском и наивном желании превратиться в того же, скажем, старшего сына Сарафанова, чтобы помочь этому доброму, до старости сохранившему светлую душу человеку в нашей сложной и донельзя запутанной жизни. Искусство может только мечтать о подобном его восприятии.

Кажется, главный вопрос, который постоянно задает Вампилов: останешься ли ты, человек, человеком? Сумеешь ли ты превозмочь всё то лживое и недоброе, что уготовано тебе во многих житейских испытаниях, где трудно различимы даже и противоположности — любовь и измена, страсть и равнодушие, искренность и фальшь, благо и порабощение... Тут нельзя не вспомнить Зилова, который, не имея сил сопротивляться, позволил, чтобы все первые названия перешли в нем во вторые...

Но, читая Вампилова, снова и снова с надеждой возвращаешься к старому убеждению Достоевского: «Мир спасет красота».

ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВ

Довольно долго житейский Саня и драматург Александр Вампилов трудно соединялись у меня в одном человеке. Впервые мы встретились в номере гостиницы «Сибирь», в июне 1965 года, когда в Иркутске проездом был В. Ф. Тендряков; во второй раз — осенью того же года на берегу Ангары, у костра; и наконец — в Иркутском драматическом театре, на репетиции «Прощания в июне».

Скромный, молчаливый, даже, как показалось мне, слишком застенчивый — в гостиничном номере у Тендрякова; ребячливый, озорной, в доску свойский — на берегу Ангары; необычайно серьезный, педантичный и придирчиво-въедливый — на репетиции. Вампилов в трех лицах, тремя гранями своей сложной натуры. Однако по тому, что я заметил на репетиции: как мгновенно прекращали перепалку режиссер и актеры, едва он начинал говорить, — я многое понял о человеке, с которым недавно хлебал ушицу из одного ведра.

Можно подобрать сто эпитетов: талантливый, умный, добрый, насмешливый, гордый, веселый, напористый, азартный и так

далее, в том числе и другие, соответствующие каким-то таким его качествам, которые нельзя назвать добродетельными, но все эти эпитеты не раскроют его так, как он раскрыл себя сам в своих пьесах. Своим отношением к героям и выбором проблем, его волновавших, он создал и свой собственный образ — человека чуткого, мягкого, сочувствующего людям, достойным сочувствия, и строгого, порой жесткого, со злыми и жестокими. Он и здесь, в пьесах, был двуедин: с персонажами, ему близкими, дорогими — Саня, а с персонажами, жизненную философию которых не принимал, — Александр.

Он знал о своем редком даре драматурга и, когда его хвалили, усмехался, словно опытный ювелир, по звуку понимающий, какой металл предлагают. Вообще он не любил монологов, чаще обходился словцом, замечанием, как правило, метким, беззлобным, не задевающим самолюбия, а лишь отмечающим нечто любопытное, забавное. Были у него любимые фразы, которые никогда не надоедали ему: «зато мы делаем ракеты», «жениться надо ездить на бульдозере», «ушел за пивом и в редакцию не вернулся». Повторяя их, он всякий раз испытывал удовольствие, видимо, от эффекта приложения избитого оборота к новой ситуации. Смеха это не вызывало, но улыбку — обязательно. В этом, в улыбке разных оттенков, и был его особый, вампиловский стиль.

Он жил подвижно, открыто, с азартом человека, не желающего отставать или быть кем-то обойденным в любом деле, за которое брался, будь то рыбалка, приготовление шашлыков или написание пьес. Спортивный дух был в нем силен, однако направлен был не вовне, а внутрь. Строгий Александр чутко следил за тем, чтобы бесшабашный Саня не взял верх в творческих делах. Он подавлял в себе импульсивность, поэтому иной раз казался чуточку угловатым. Но сдерживающее, контролирующее не всегда брало верх, и тогда его бурный темперамент раскрывался во всей полноте.

Не думаю, что в пору литературного отрочества Сане недоставало дружеской теплоты, искренней открытости, участия — о таком единодушном приятии, каким пользовался Саня, можно было только мечтать. Сложности в отношениях пришли несколько позднее, вместе с творческой и гражданской зрелостью...

В идеале жизнь каждого человека стоит того, чтобы ее подробно изучали, а уроки собирали бы в общечеловеческую книгу «Как жить». Тем более стоит этого жизнь художника. Художник — поэт, живописец, актер, музыкант — обладает особой восприимчивостью к миру, к его радостям и скорби, к его улыбке, смеху, к грусти и плачу. Очень непосредственной реакцией на окружающий мир обладал Александр Вампилов. Настоящего художника отличает еще и высокая ранимость. Вампилов был раним в квадрате: первого порядка ранимость давала внутренний импульс таланту художника, в результате чего появились на свет «Провинциальные анекдоты», «Старший сын», «Утиная охота», «Прошлым летом в Чулимске»; ранимость, так сказать, наведенная была результатом непонимания его художнической боли, его искренности.

Сначала не поняли «Утиную охоту», затем еще более не поняли «Прошлым летом в Чулимске»...

Рассказать о всех моих встречах с Вампиловым так же невозможно, как невозможно пересказать день за днем семь лет жизни. Память хранит даже самое, казалось бы, незначительное: встретились в Доме писателей, на улице, возле «Молодежки» (так мы называли газету «Советская молодежь»), перекинулись словом, вместе подъехали на машине, шумной компанией неутомимых спорщиков пировали на берегу Ангары. Поток жизни — цепочка встреч, которые были бы вполне заурядными, если бы не освещались тревожным светом будущей трагедии.

Знакомство, поначалу настороженность ко мне, к моей сдержанности, к моему инженерному практицизму, какие-то шероховатости, преодоление их, взаимная симпатия, начинающаяся дружба — движение по спирали и вверх — вот как представляются мне наши отношения с Вампиловым. Помню непрерывно растущий интерес к его личности, к его образу мыслей, к его человеческой сути и при этом — постоянное ощущение его таланта, обжигающей энергии, открытости, почти исповедальной искренности.

Вспоминаю лето 1967 года. Монтерский пункт на двадцать третьем километре по Байкальскому тракту. В двухстах шагах от асфальтированной дороги Иркутск—Листвянка, рядом с небольшой электрической подстанцией бревенчатый дом на две квартиры. В одной жил штатный монтер Иннокентий Андреевич Таборов, человек бывалый, очень своеобразный, со своей жизненной философией, о которой стоило бы как-нибудь рассказать особо; в другой — мы, четверо иркутских литераторов: А. Вампилов, Д. Сергеев, В. Шугаев и я, на все лето получившие благодаря исключительной доброте и расположению ко всем нам главного инженера Иркутскэнерго, ныне покойного Льва Ефремовича Небрата, великолепную, временно пустующую квартиру с видом на лесную просеку и высоковольтную линию. Две комнатки и кухня — о чем еще можно было мечтать! Таборов, страдавший туберкулезом, держал штук шесть-семь ульев, так что медом мы были обеспечены, за хлебом и молоком ходили дружной ватагой вдоль крутого берега одного из многочисленных заливов Иркутского моря. Воду для питья брали из холодного чистого ключа, до которого надо было идти по тропе сквозь густой лес, усыпанный в ту пору клещами. Маленький рыженький собачонок Бобка, прибившийся к нашей компании, ежедневно набирал по десять-пятнадцать впившихся в морду клещей, и мы по очереди врачевали беднягу. Нас клещи почему-то не трогали, видимо, их отпугивал наш рьяный твическй дух.

Вампилов в то время работал над «Утиной охотой». Он сидел перед окном за самодельным столом, сколоченным из грубых досок и накрытым газетами. За окном неназойливо гудели трансформаторы, на проводах чернели какие-то задумчивые птицы, названий которых никто из нас не знал, но они были нам симпатичны, потому что хотя и видели все вокруг, но всегда помалкивали. Вампилов часто выходил на крыльцо, по-

долгу стоял, глядя на лес, на просеку, убегавшую в синюю даль к Байкалу. «А нет ли чего-нибудь такого на берегу Байкала? — спрашивал он, обводя широким жестом подстанцию, ЛЭП, монтерский пункт. — Вот там бы окопаться!» Многие годы он вынашивал мечту купить на берегу Байкала домишко, какую-нибудь развалюху, чтобы можно было хоть летом приезжать и жить там месяц-другой. И только через пять лет, за месяц до гибели, мечта его почти осуществилась: «домишко» был присмотрен в порту Байкал, где уже обзавелись «дачами» многие иркутские литераторы. Назначили время переезда — весна будущего года, но... жить ему в этом доме не пришлось.

Пьеса продвигалась медленно. Помню, поначалу я сильно удивлялся тому, что за день работы у Вампилова на листочке прибавлялись всего одна-две реплики. Судя по тому, как часто вставал он из-за стола и надолго исчезал в лесу или на просеке, можно было заключить, что пьесу он сначала «проигрывал» в уме и по мере продумывания записывал на бумаге. О том, что именно так и работал Вампилов, свидетельствует и первая картина водевиля «Несравненный Наконечников» — то, что осталось на столе в порту Байкал...

Как-то без меня (я был в городе, в то время работал в Иркутском филиале ВАМИ) на подстанцию нагрянули гости — авторалли «Владивосток—Москва», три замызганные, в усмерть загнанные машины с жизнерадостным экипажем комсомольцев-путешественников.

К сожалению, в тот день я не смог вырваться из города, приехал лишь на следующий вечер, когда пыль под колесами их машин уже осела. На просеке, на буром обожженном солнцем бугорке сидел Вампилов, понуро опустив голову, с букетиком цветов.

— После автонабега землепроходцев, — невесело прокомментировал он свое состояние и с мучительной гримасой понюхал букетик. — Говорят, природа очищает... Ты привез молоко, хлеб, колбасу. В радиаторе у тебя вода, а в баке — бензин, — в полной безнадежности заключил он.

Я лишь развел руками. Откуда было знать? Ведь мы дружно объявили на подстанции сухой закон.

— Ты не обидишься, если я тебе кое-что скажу? — спросил он. Он был человек деликатный, и мне беспокоиться было нечего. Я, разумеется, готов был выслушать все, даже самые резкие слова, снисходя к его явно неблестящему самочувствию.

— Ты слишком много ездишь, старик, надо больше ходить пешком, или, на худой случай, сидеть, как я, или лежать, как они. — Он мотнул лохматой своей головой в сторону дома. — А то ты все ездишь, ездишь и оказываешься в выгодном положении, это не по-товарищески.

Шутливо оправдываясь, я сказал, что я за рулем, при технике, обеспечиваю надежную связь с «большой землей». Он по обыкновению помолчал, как бы взвешивая услышанное, и со вздохом сказал:

— Это тот самый случай, когда техника приносит двойной

вред: когда не надо, она привозит, а когда надо, не привозит. Юмор не покидал его никогда.

Дни нашей жизни на подстанции были безоблачны в прямом и в переносном смысле этого слова. Работали с утра до позднего вечера, хозяйственные обязанности исполняли весело, дружно, как добрые братья, которым нечего делить и не из-за чего ссориться. Это была поистине золотая пора, по крайней мере, мне она вспоминается со сладкой щемотой в сердце, как вспоминаются светлые дни юности, когда ты еще здоров, полон сил и все у тебя идет ладно. Густой смолистый запах леса, стрекот кузнечиков на просеке, гудение трансформаторов, вкус сотового меда, лукавые мудрствования Таборова по вечерам, лесная малина с куста, первые маслята, удивительно ласковая собачка приволье, ветер, яркое солнце — все это осталось в сердце и живет неразрывно с памятью о Сане Вампилове.

Потом вдруг все разом развалилось. Шугаев повздорил с Таборовым и уехал первым. Таборов заболел, и его увезли в город. Зарядили нудные дожди, наползли сырые туманы, отключилось освещение на подстанции стало холодно, промозгло — настроение работать пропало, и мы вернулись в Иркутск. Долгие годы меня подспудно мучило ощущение жестокой пронзительности перехода от безоблачного счастья к серой обыденности...

Вспоминаю второе июня 1972 года. С утра накрапывал дождь, и мы боялись, что книжный базар сорвется. Но к полудню вышло солнце, стало припекать, за книжными лотками без навесов было по-настоящему жарко. Улица Урицкого была запружена людьми. Гвоздь программы — альманах «Сибирь». Над улицей трепыхалось белое полотнище — «ДЕНЬ АЛЬМАНАХА «СИБИРЬ». За лотками вместо обычных продавцов — авторы альманаха: А. Вампилов, В. Жемчужников, С. Иоффе, В. Распутин, Б. Ротенфельд, Д. Сергеев, М. Сергеев и другие наши товарищи по перу. Торговля шла на удивление бойко. Тут же, прямо в толкотне и сутолоке, экспромтом даваемые интервью, стремительные диспуты, взаимный обмен шутками и мыслями всерьез. Из милицейской «Волги» через динамики разносился над толпой внушительный голос нашего критика Жени Раппопорта: «Альманах «Ангара» переименован в «Сибирь»! В этом тоже приметы времени. Покупайте наш альманах, в нем вы найдете произведения, о которых скоро заговорит весь мир!»

Успехом, насколько помню, пользовались все. И конечно, молодой смуглый человек с густой черной шевелюрой и веселыми искрящимися глазами, шутливо призывавший покупать его пьесы. Саня продавал четвертый номер «Ангары» за 1970 год, где была напечатана комедия «Двадцать минут с ангелом». Женя Раппопорт вещал истину, а казалось, что он слегка перегибает ради рекламы.

Когда все было закончено и мы помогли работникам книжного магазина убрать лотки и остатки непроданных книг, Саня прокомментировал это событие так, как мог это сделать только он: «Побольше бы таких собраний, говорили рабо-

чие, расходясь по домам». Еще одна его любимая фраза, почерпнутая из бездонного газетного источника.

Мы шли по улице Ленина. Впереди, на углу, где поворачивали трамваи, громоздился мой дом. Нам надо было серьезно поговорить о пьесе, и я пригласил Саню к себе.

Помню, дома никого не оказалось, и мы, засучив рукава, принялись за стряпню. Нашлось и вино — как-никак мы удачно поторговали и по древнему обычаю имели право осушить по стаканчику. За стол мы сели часа в четыре дня, а ушел Саня от меня в половине третьего ночи.

О чем мы говорили в тот долгий, незаметно промелькнувший вечер? Прежде всего — о его последней пьесе «Прошлым летом в Чулимске». Я был составителем и редактором альманаха «Сибирь», в котором эта пьеса, принятая редколлегией, была набрана для второго номера. Поговорить нам было о чем, если вспомнить, какие страсти разгорелись вокруг пьесы. На мой взгляд, это была отличная пьеса, светлая, добрая, написанная с вампиловской пронзительной силой. Всем нам, я имею в виду редколлегию альманаха, хотелось, чтобы пьеса увидела свет именно в нашем альманахе, ибо это стало уже традицией, которой мы гордились: все главные пьесы Вампилова начинали свою дорогу в шумную театральную жизнь со страниц альманаха. Да просто потому, наконец, что это была великолепная пьеса! Но, увы, на ее пути встали непредвиденные трудности, которые в то время казались непреодолимыми.

Вампилов сидел на тахте, опершись подбородком о стиснутый кулак. После долгого раздумья он сказал:

— Слушай, неужели не ясно, о чем пьеса? Так обидно! И потом, ведь я написал Товстоногову, что пьеса принята. Они уже разворачивают репетиции. Выходит, я трепач?

Утром, до книжного базара, мы с Марком Сергеевым были в обкоме партии и договорились с секретарем обкома Е. Н. Антипиным о проведении повторной, расширенной редколлегии по пьесе. Редколлегия была намечена на двадцать восьмое июня, ждать надо было еще двадцать пять дней, а пока... пока я мог только подарить Вампилову типографский оттиск пьесы, чтобы он послал его Товстоногову в знак того, что пьеса действительно принята редколлегией. Не знаю, послал он верстку Георгию Александровичу или нет. Во всяком случае, настроение у него улучшилось, и он стал рассказывать о своей работе над водевилем «Несравненный Наконечников». Судя по всему, Вампилов намеревался выразить в нем свое понимание искусства и в присущей его таланту сатирической манере изобразить то фальшивое, плоское и пустое, что еще, увы, присутствует в мире искусства. Говорил он сдержанно, неторопливо, тщательно выбирая слова, как будто перешагивал с кочки на кочку по тряскому месту. «Развенчание через возвышение до абсурда», — помнится, сказал он.

Потом он стал рассказывать о следующем своем замысле — о трагедии, в центре которой была бы женщина, в трудных условиях предвоенной и военной поры утратившая способность любить. «Боюсь, — сказал он задумчиво, — как бы не съе-

хать на «Гадюку» Алексея Толстого». Я заметил, что опасность такая очевидна, темы очень близкие. Он уточнил: опасность в близости первоосновы — в обоих случаях берется человеческая суть при воздействии на нее слишком больших сил извне. Размышляя, он возразил себе: впрочем, человеческая суть неисчерпаема все зависит от конкретных исторических условий, в которых развивается драма. И тогда он поведал, как потрясла его судьба одной женщины, которую на многие годы разлучили с детьми и которая потом, после долгих лет вынужденного отсутствия, встретившись с ними, уже взрослыми людьми, ждавшими ее с благоговением, не испытала к ним ни малейшего материнского чувства. Помнится, именно тогда он сказал, что по сути никакой он не драматург, а журналист, ибо для него важнее всего жизненный факт. И так как в тоне его явно проскользнули нотки огорчения, я сказал, что в таком случае можно считать журналистами и Шекспира, и Бальзака, и Толстого, и Чехова. Он усмехнулся, отметив несоответствие себя ряду, который я выстроил, и с еле уловимой усмешкой, которую можно было бы определить как «поблескивание глаз», сказал: «Думаю, старик, что время от времени надо приземлять себя, иначе это сделают другие, а это, сам понимаешь, уже не то».

Тогда я был еще так наивен, что упорно делал попытки написать киносценарий — было множество сюжетов, заготовок, планов. Об одном из таких замыслов, кстати комедийном, я и рассказал Сане. Он внимательно выслушал и, засунув руки в карманы, начал вышагивать вокруг стола, морщась от необходимости говорить неприятное хозяину дома. И в то же время по его лицу блуждала так хорошо знакомая мне полуулыбка, точнее, лишь отблеск той усмешки, что таилась где-то в глубине, от осознания им забавности ситуации: он приглашен в дом, накормлен, напоен и теперь, разумеется, должен хвалить то, что намеревался сочинить хозяин. Возможно, полуулыбка была сигналом рождающейся юморески. Мне же в тот момент стало ясно, что замысел мой плох, очень плох, и я, не мудрствуя лукаво, сказал, что вдруг понял все сам, можно не высказываться. Он искренне обрадовался. А ведь и действительно случилось чудо: еще минуту назад мой замысел казался мне вполне приличным, но вот стоило только пересказать его и увидеть эту блуждающую улыбку Вампилова, как сразу, словно по волшебству, стала видна несостоятельность сюжета. Саня рассмеялся сказал, что такое с ним тоже бывает. И вообще очень трудно отбиваться от пустых сюжетцев — «их много, а я один, приходится некоторым выдергивать ноги и выбрасывать в форточку, чтобы снова не прибежали. А то прут без зазрения совести, как нахальные людишки, между тем серьезные и глубокие скромно стоят в сторонке и ждут».

Еще раньше он как-то высказывался о первой моей повести, хвалил ее, а теперь заговорил о «Большом Дрозде», новой повести, которую недавно прочел в рукописи и от которой был далеко не в восторге. Особенно сетовал он на то обстоятельство, что слишком много там было болезней и смертей.

Я защищался, как мог, говорил об ответственности, о чувстве долга перед людьми и так далее. Саня терпеливо выслушал, подумал и сказал, упрямо склонив голову: «Все это материал для публицистики, а для повести нужно другое». Он взял рукопись, быстро отыскал то место в повести, где инженер-физик Катя Васильева в больнице рассказывает врачу Вирясову про астрономический коллапс, и прочел бесстрастным голосом, каким обычно читал свои пьесы: «Проходит вечность, мы видим свет той звезды, думаем, что она живет, а ее нет — она умерла... Мы умираем, но наша мысль, дух, как этот мерцающий свет, уходит вперед, в вечность, грядущим поколениям. Ах, как мне становится грустно!.. Я так хочу жить!»

— Вот о чем твоя повесть, — сказал он, — а не об авариях и облучениях.

Это было удивительно верно, и впоследствии я много работал над повестью, возвращался к ней даже после первого издания, памятуя об этом нашем ночном разговоре. Именно его толкование повести убедило меня, в конце концов, пойти на такую чрезвычайную перемену, как «оживление» героини в последнем варианте.

В начале июля, вскоре после расширенной редколлегии альманаха «Сибирь», я встретил Саню возле кинотеатра «Гигант», на том бойком месте, где чаще всего и можно было встретить иркутского литератора, мчавшегося в одном из трех направлений, как между вершинами треугольника: «Восточно-Сибирская правда», «Советская молодежь», Восточно-Сибирское книжное издательство. Вампилов недавно вернулся из Красноярска, где участвовал в репетициях «Прощания в июне». Он уже знал о заседании редколлегии, о долгом и трудном разговоре по его пьесе, о столь неожиданном для всех нас и странном выступлении В. Шугаева, которое по сути и решило исход спора не в пользу пьесы. Саня был удручен — и тем, что публикация пьесы откладывается на неопределенный срок, и тем, что администрация Иркутского ЦБТИ высказала в официальном порядке недовольство «Утиной охотой», решив, что пьеса нацелена против них, и страшной усталостью, и бессонницей, и наконец тем, что Сандро—Александр Товстоногов — не сможет приехать на Байкал...

Я сказал, что мы не отступимся, будем отстаивать свою точку зрения, напишем, если надо будет, в Москву, потребуем отзыв компетентного специалиста. Саня устало покачал головой, — нет, ничего этого делать не надо, он собирается еще поработать над концом пьесы, ему кажется, что в самой последней картине есть некоторая угловатость в решении Шаманова выступить в суде. Он сказал, что хочет, в принципе ничего не меняя, сказать о том же самом, но в иных выражениях. Я с раздражением возразил, сказав, что это сущий пустяк, такую правку наверняка можно сделать и во время репетиции. Саня был непреклонен, лицо его как-то непривычно для меня затвердело, и мне показалось, что мы сейчас поссоримся. Однако он внезапно предложил сплавать с ним и с Па-

куловым на лодке по Байкалу — дней на десять. Я был измотан заботами в альманахе и собственной своей литературной работой, к тому же соблазн проехаться по Байкалу на лодке был так велик, что я немедленно согласился.

Забавным был выезд наш из Иркутска. С половины шестого утра Саня, Ольга, их дочка Леночка и я два часа чинно сидели в порту возле Иркутской ГЭС, ждали теплохода. Наконец объявили об отмене всех утренних рейсов из-за тумана в верховьях Ангары. Мы с Саней стали делать отчаянные попытки раздобыть машину до Листвянки, тщетно обзвонили всех знакомых, имеющих машины, обращались и в инстанции, наконец, на всякий случай, для очистки совести, решили позвонить в свой собственный Союз писателей и — внезапный успех: машину дали, катим в Листвянку! Прямо из машины бегом загрузились в стоящий у пристани теплоход, устроились на корме, вытащили бутылки свежего пива, но Саня, почувствовав что-то неладное, вдруг понесся куда-то по теплоходу, обратно прибежал с вытаращенными глазами: «Они в Иркутск!» Мы схватили вещи и полетели напролом, расталкивая пассажиров. Мы пронеслись по трапу под соответствующие возгласы и дружный хохот всего теплохода — ведь только что наша могучая группка точно таким же галопом загружалась на теплоход. Хороши бы мы были, не сообрази Саня узнать, куда направляется теплоход: только что проделали семьдесят пять километров на автомобиле, чтобы тотчас двинуть в обратный путь по Ангаре.

Не успели мы разобраться с вещами, пересчитать, не забыли ли что-нибудь на теплоходе, как Саня снова исчез. Через пять минут раздался его зов с конца пристани. Оказывается, он уже договорился с каким-то подвернувшимся лодочником насчет переправы.

Дул баргузин, море штормило. С северо-востока наискось к истоку Ангары гнало ветром волну с белыми барашками. Наш лихой лодочник небрежно закинул в лодку вещички, придержал ныряющую корму, пока мы рассаживались среди рюкзаков и канистр, и, оттолкнувшись, сразу, с прыжка врубил мотор на полные обороты. Мы потарахтели от Листвянки в порт Байкал по пенящимся барашкам волнующегося моря. Лодка черпала бортом, и в корму захлестывало все чаще. Ольга огромными своими серыми глазищами пугливо показывала Сане на такую близкую, черную, уже ангарскую воду, но Саня насмешливо кивал на лодочника, дескать, видишь же, человеку хоть бы хны, значит, все в норме. Леночка, сидевшая рядом с Ольгой, казалась невозмутимой.

Потом два дня мы гоняли чаи у Пакулова, ждали погоды, а дождь все не утихал. Я сомневался, надо ли выходить в дождь и в такой сильный ветер. К тому же тринадцатое число. Пакулов, у которого рыбалка была всегда удачной и здесь, в порту Байкал, тоже не очень-то рвался. Но Саня был как мотор — его тянуло, гнало на просторы Байкала: не этот Байкал, который он видел отсюда, с берега, а тот, в синей дымке, необъятный, далекий, неизведанный — вот какой Байкал манил его! И все те десять дней, что мы неутомимо, бросками, шли

вдоль берега до северной оконечности острова Ольхон и обратно, Саня, казалось, ни на минуту не мог расслабиться, притормозить в себе этот мощно работающий маховик. Его гнала безостановочно какая-то неведомая сила, и ни одно место на побережье, где мы останавливались, как бы прекрасно оно ни было, не могло удержать его более чем несколько часов.

На обратном пути, уже где-то недалеко от Голоустного, нас прихватил шторм, причем двойной: с утра ударил баргузин, северо-восточный ветер, и мы спрятались в бухточке под скалами, а после обеда налетел култук — тоже сильный, только южный ветер. Бухта неплохо защитила нас от баргузина, но когда задул култук, мы полезли на скалы: сухой осталась узенькая полоска песка метра полтора шириной. Лодку пришлось вытягивать на камни и привязывать к валунам Надо сказать, что ветры на Байкале весьма коварны, они дуют по переменке, и если ты вошел в бухту, которая хорошо защищает от баргузина, то это еще не значит, что ты укрылся, потому что едва утихнет баргузин, может тут же ударить култук или, не дай бог, сарма и тебя выбьет из этой бухты, как пробку из бутылки. Мы попали именно в такую бухту.

На берегу полно было сухих, выбеленных Байкалом, ветром и солнцем бревен. Они валялись среди глыб, хвороста и щепы, как кости огромных животных. И Пакулов, и Саня были большими мастаками разводить костры, и вскоре у самой кромки прибойного наката заполыхал великолепнейший костер из трех ловко уложенных друг возле друга бревен. У самых скал мы натянули брезентовый полог палатки, получился отражатель, который отбрасывал тепло костра на место ночлега.

Ночевали мы прямо на песке, укрывшись кожаным днищем палатки, как общим одеялом. Кешка (с нами плавала эта маленькая умнейшая собачка Пакулова) примостился у нас в ногах, поближе к огню. Сначала мы по очереди вставали, сдвигали прогоревшие бревна, но потом стало лень выбираться из-под теплого укрытия. Костер прогорел, над нами во всю ширь и яркость раскрылось ночное небо. Такая ясность бывает только вдали от города. Было полное безветрие. Байкал, раскачанный дневными ветрами, могуче ревел. На мысах бухты ухали разбивающиеся в пыль валы, потрескивал костер, и время от времени местами звезды мутнели, затягивались вздымавшимся от бревен дымом.

В ту ночь мы говорили о звездах, вернее, обо всем на свете, но разговор наш освещался звездами, и мы невольно то и дело возвращались к ним, как к исходной первооснове бытия.

Еще мы говорили о Достоевском. Саня знал его великолепно, хотя и любил, как он выразился, «холодной любовью». Ему был ближе Чехов, но Чехов был ему ясен, и, видимо, поэтому он говорил о нем меньше. В Достоевском он искал что-то свое, может быть, примеривался к чему-то. Помню, как-то в Доме писателей в Иркутске, на встрече с чилийскими коммунис-

тами, он вдруг произнес целую речь о Достоевском. Никто, разумеется, не записывал наших выступлений, запомнилось лишь впечатление поиска, экспромта, своеобразной работы вампиловской мысли, напоминающей вязание сложного узора, узелок к узелку.

Звезды, Достоевский, бог — вот ход наших мыслей в ту яркую штормовую ночь на Байкале. Вампилов верил не в бога, он верил в человека, в разум, в доброту, в движение к свободе и чистоте. Он был против насилия. В трогательном упорстве обесчещенной Валентины открылся нам пронзительный оптимизм Александра Вампилова.

Расстался я с Саней на берегу Ангары в порту Байкал двадцать второго июля.

Восемнадцатого августа утром в Доме творчества в Дубултах я получил телеграмму: «17 августа трагически погиб Александр Вампилов». Подписана она была Распутиным и Д. Сергеевым. В тот же день я вылетел в Иркутск. Под Москвой горели торфяники, горькая мгла застилала землю. В Иркутске моросил дождь, было холодно, тускло, траурно.

ЕЛЕНА ЯКУШКИНА

В конце декабря 1964 года, вечером, часов в семь, в комнату литчасти театра на Малой Бронной вошел молодой человек в меховой шапке и спросил: «Здесь литчасть?» В комнате было полутемно, горела только настольная лампа, и потому лицо вошедшего было трудно разглядеть:

— Видите ли, — сказал он, — я вот написал пьесу.

— Проходите, пожалуйста, садитесь.

Он подошел к столу, снял шапку и сел в кресло. У него было совсем детское лицо, слегка вьющиеся темные волосы и глаза, которые сразу привлекали внимание.

— Вы живете в Москве?

— Нет, в Иркутске, — ответил он. — Был здесь на семинаре одноактных пьес.

— А где вы остановились?

— Мы с товарищем живем за городом, сторожим дачу одного классика.

Он говорил совершенно серьезно, а глаза улыбались. Он был очень скромным, абсолютно естественным и ни на кого не похожим.

— Вы сможете прийти завтра, во второй половине дня? Я прочту вашу пьесу.

— Конечно, — сказал он, — я приду.

Фамилия молодого автора была Вампилов, звали его Александр, пьеса называлась «Ночь в июне» (один из вариантов «Прощания в июне»).

Так началось мое знакомство с Сашей Вампиловым, началась наша дружба, которая продолжалась без малого восемь лет. Это были напряженные и сложные годы его жизни. За это время он написал почти все свои пьесы, учился два года на высших литературных курсах, часто летал из Иркутска в

Москву и обратно. Летать он не очень любил и как-то сказал: «Вы заметили, что когда люди выходят из самолета, они всегда улыбаются... с облегчением. По-видимому, человеку не свойственно летать. Он не птица». И когда было время — ездил поездом, но очень редко.

Живя в Москве, он каждый день приходил в театр им. М. Н. Ермоловой, куда «мы с ним перешли» летом 1965 года.

Кабинет литчасти был довольно длинной, но очень узенькой комнатой с непомерно высоким потолком. Саша прозвал эту комнату «пеналом» и настойчиво предлагал устроить антресоли «для работы с авторами». «Там можно укрываться от графоманов, которые вас замучили», — говорил он.

Часто он приходил с друзьями-иркутянами, молодыми писателями и драматургами. И тогда «пенал» превращался в «наше сибирское землячество» (я сама родилась в Томске), центром которого был Саша. У него было удивительно высокое понятие о дружбе, о долге перед товарищами, о тех обязательствах, которые она налагает. Как всегда, он не декларировал это, а только действовал и поступал согласно своим убеждениям. Он всегда заботился о друзьях, стремился им помочь. Часто приносил рассказы и повести друзей и просил их прочитать. «Вы слишком строги, — говорил Саша, — он человек способный, только слишком рано почувствовал себя литератором». Или: «Рассказ не плох, вот увидите, как он следующий напишет», и редко ошибался. Но к себе он не знал снисхождения. Так, над пьесой «Прощание в июне» он работал несколько лет и сделал несколько вариантов. Только в 1965 году я читала три варианта этой пьесы, причем менялось и название.

В 1970 году он сделал четвертый вариант пьесы, который, как он говорил, «не стыдно теперь показать столичному театру», тот самый, который был поставлен театром им. Станиславского в 1972 году.

Пьеса «Старший сын» (первоначальное название «Предместье») тоже имела несколько вариантов, хотя, кроме двух вариантов, в остальных не было кардинальных изменений.

И «Валентина» (первоначальное название пьесы «Прошлым летом в Чулимске»), над которой он начал работать еще в 1969 году, тоже обрела окончательный вариант лишь в апреле 1971 года.

А ведь в письме от 21 ноября 1969 года он писал мне: «Новая пьеса («Валентина» — в двух действиях) наполовину написана набело, второй акт (вчерне) надеюсь закончить буквально в три недели. В душе и мысленно эта история уже разыграна, дело теперь за словами и за точностью, что получается, хочется по своему обыкновению похвастаться, но воздержусь. Скажу только, что в этой работе придерживаюсь уровня «Охоты» — пока, а там авось, этот уровень и перемахну. Вот и прихвастнул, потому как сравнивать эти вещи не мое дело».

Требовательность к себе и стремление к точности рождали внутреннюю необходимость снова и снова возвращаться к написанному. Приведу только один пример. Это было в последний его приезд в Москву весной 1972 года. Мы сидели

вдвоем в «пенале», я сказала ему: «Смотри, Саня, я нашла «Воронью рощу» (один из многочисленных вариантов первого провинциального анекдота) и протянула ему пьесу. Он взял ее и хотел разорвать пополам. Я выхватила у него рукопись. Мы даже поспорили, а потом он засмеялся и сказал: «Ладно, пусть лежит у вас в «архиве», только никому не показывайте».

«Архивом» он называл шкаф, где лежали разные варианты «Старшего сына», первый вариант «Валентины» и другие его пьесы.

Любопытно, что даже опубликованные свои пьесы он всегда тщательно правил перед тем, как подарить. Он садился к столу, чтобы надписать книжку или журнал (а надписи эти часто были прелестны своей шутливой вампиловской интонацией) и вдруг замолкал, листая страницы и что-то вписывая в текст.

В этих кратких заметках я не могу подробно останавливаться на том, как он работал над своими пьесами — это тема специального исследования. Скажу только, что, выслушав какое-либо замечание или мнение, он всегда задумывался, а потом говорил: «Надо подумать», но всегда через какое-то время возвращался к этому разговору, каким бы незначительным ни было замечание. Для него в драматургии ничто не могло быть случайным или проходным. Каждое слово как бы имело свой вкус, вес и даже цвет, а главное — не могло быть заменено никаким другим.

Очень много времени и сил уходило в те годы на то, что мы называли «пробиванием» его пьес на сцены московских театров. Дело это было сложным и «колотиться», как говорил Саша, приходилось много: «Вы там сильно не расстраивайтесь и не берите все на себя, — с обычной своей дружеской заботой и теплотой,— пусть (режиссеры) больше упираются...»

Сейчас, когда столько слов уже написано и сказано о его блестящем таланте, удивительной скромности, душевной щедрости, хочется вернуться к тем годам, к тому уже отдаленному от нас времени, когда он жил, писал свои удивительные пьесы, трудился неустанно и упорно, иногда приходил в отчаяние и снова обретал надежду, что его пьесы будут поставлены и поняты его современниками.

Он был прирожденным драматургом, что означает особый и редкий дар «драматургического видения мира», острого и точного восприятия явлений, людей, событий в их сочетании, развитии, конфликтности, доходящей до кульминации, и неизбежной, иногда совершенно неожиданной развязки. Даже рассказывая о чем-нибудь, о каком-нибудь событии, происшествии или факте, он строил свой рассказ драматургически: активная экспозиция, точность развития описываемого события, кульминация и финальная точка, вызывающая у слушателей бурную реакцию своей неожиданностью, юмором, а иногда и драматизмом.

Он был молод, но удивительно хорошо знал людей и жизнь, которую наблюдал непрестанно, сосредоточенно и серьезно.

Точность своих наблюдений он точно выражал и в характерах своих героев. Он писал только правду, настоящую правду жизни и человеческих характеров.

В одном из своих очерков, написанных в 60-е годы, Вампилов изложил свой взгляд на те серьезные задачи, которые стоят перед писателем: «...Большой интерес у меня определился к тому, что принято называть бытовой стороной жизни, бытом. А поскольку историю я расскажу неприятную, то заранее хочу оговориться. Рассказывая эту историю, я ни в коем случае не исключаю тем самым все бывшие здесь приятные истории. Оговариваюсь, потому что знаю, что впоследствии могут найтись те, кто скажет, вот, дескать, корреспондент увидел одни только недостатки, прошел мимо успехов и достижений, сгустил краски, обобщил, очернил и т. д. Рассказывая об одном из двух, о дурном или о хорошем, автор преследует необходимую для пишущего человека цель — сосредоточиться. Кроме того, пытаясь сказать обо всем сразу, автор подверг бы себя риску не сказать ничего.

И, что самое важное, обращая внимание на дурное, автор надеется, что его труд не пропадет даром и хотя бы в небольшой мере будет способствовать изменениям к лучшему».

Не случайно этот очерк, «Витимский эпизод», заканчивается следующими словами: «Нерпинскому же начальству, не удержусь, скажу. Да, жизнь сложна, Иван Владимирович, она сложна, и плохо, если отношение к ней слишком простое. Попустительское. Равнодушное. Казенное. Мы, Иван Владимирович, не дети, нам много лет, пора нам различать, что такое хорошо и что такое плохо. А различивши, к тому, что плохо, относиться повнимательнее. Посерьезнее. Построже».

Но эта внимательность, серьезность и строгость Вампилова-драматурга, его активное стремление раскрывать правду жизни во всей ее сложности и многообразии воспринимались некоторыми как «пессимизм», «акцентирование темных сторон жизни» и даже — жестокость.

«Итак, суммированные замечания,— совершенно справедливо писал Вампилов 21 сентября 1969 года.— Что именно хотят от автора? Да сущие пустяки!

1. Чтобы пьеса ни с чего не начиналась.
2. Чтобы пьеса ничем не заканчивалась.

Другими словами — никакой пьесы от автора не требуется».

И с тем же горьким юмором добавлял, уже в другом письме, по этому же поводу: «Да ладно, ладно, никто не заставлял меня писать пьесы, и слава богу, не поздно еще на это дело плюнуть. Есть у меня такая возможность».

Но это мрачное настроение никогда не было длительным. Человек волевой, верящий в здравый смысл, он продолжал работать.

«Я начал третью трагикомедию, мне кажется, что она будет не только моей лучшей, мне кажется, она будет хорошей пьесой. Работаю потому, что только работа в какой-то мере оправдывает мои домогательства», — писал он в начале работы над «Утиной охотой».

«Валентину» я привезу готовую, — писал он 2 марта 1971 го-

да, — а новой работы я так и не начинал, все обдумываю и бросаюсь от одного сюжета к другому. Это даже кризис какой-то».

Мне кажется, что он очень любил своих героев, но, как бы выполняя завет Чехова, никогда не говорил об этом вслух. И вообще редко употреблял превосходную степень. Это, как он сказал бы сам, был не его «жанр».

Вот что он писал 21 ноября 1969 года о совместной работе с Иркутским драматическим театром над постановкой пьесы «Старший сын»: «Итак, голос из провинции. Последний месяц новая пьеса у меня почти не сдвинулась с места, так как все это время я затратил на подготовку (вместе с театром) спектакля «Старший сын». Раньше я видел свои спектакли («Прощание в июне»), но до сих пор никогда не участвовал в работе над ними от и до, в этом психоватом и изнурительном деле, и признаюсь вам, хотя и потерял месяц, я не жалею об этом. В это дело я не только втянулся, но и увлекся им, а сейчас, когда все уже закончено, мне, представьте себе, даже грустно как-то...» И дальше: «Теперь я более понимаю вашу приверженность театру, где в тяжелом воздухе интриг и администрирования носятся все же и надежда и поэзия. (Чувствуете, каким я слогом хватанул? Это от избытка чувств.)»

Думая о Саше Вампилове, я всегда вспоминаю эти два слова: «надежда и поэзия», которыми были отмечены все его пьесы и вся его короткая жизнь.

В народе говорят: «человек жив, пока жива память о нем». Верю, что еще многие и многие поколения читателей и зрителей будут так же, как и мы, его современники, радоваться и печалиться вместе с героями его произведений, исполненных надежды, поэзии и глубокой любви к людям.

ИЛЛИРИЯ ГРАКОВА

Мне казалось, я давно знаю Вампилова — так часто я слышала о нем. Молодые иркутские писатели, бывавшие в моем доме, как-то очень тепло и уважительно отзывались о Вампилове и о его произведениях. Вероятно, воображение нарисовало по этим рассказам совсем иной образ, потому что, когда мы впервые с ним встретились в конце шестидесятых годов, помню, я была несколько удивлена его обыкновенностью, что ли. Глубина, яркость и своеобразие этого человека открывались собеседнику не сразу. Разговор тогда, как водится, коснулся литературы, театра. Саня ничего не говорил о своих пьесах, больше рассуждал о Бунине, которым в ту пору, видимо, был увлечен. Было даже странно — он знал, что я работаю в издательстве «Искусство», занимаюсь драматургией и, казалось бы, вполне естественно для молодого автора воспользоваться таким удобным случаем, чтобы поговорить о своих пьесах. Но Саня не просил меня прочитать их. Наоборот, когда позже я сама предложила ему это, он не выказал особого желания. Лишь спустя какое-то время он принес мне «Утиную охоту» и «Двадцать минут с ангелом». По правде говоря, меня не

привела в восторг перспектива начинать в издательстве разговор о знакомстве с творчеством Вампилова именно с этих пьес.

— Может, у тебя есть еще что-то? — спрашивала я.

— Да нет, разве что «Прощание в июне», но она уже была напечатана в журнале «Театр».

Возможно, на том и закончился бы этот этап наших переговоров, если бы мне случайно не попал в руки альманах «Ангара» с опубликованным в нем «Предместьем».

— Вот с этой пьесы и можно начинать о тебе разговор,— сказала я Сане.

— Нет, там многое надо менять, — ответил он. — Я сейчас переделываю пьесу, скоро пришлю тебе новый вариант...

И действительно, вскоре он прислал мне этот новый вариант, получивший название «Старший сын».

Пьеса в издательстве понравилась, и мы подумывали о том, чтобы издать ее вместе с «Прощанием в июне». Но оказалось, что и этой своей пьесой Вампилов был недоволен. В ответ на мое предложение он писал: «Прощание в июне» я еще не переделал, но на всякий случай сообщаю тебе, что вскоре переделаю «Прощание» и вторую часть «Анекдотов» («Двадцать минут с ангелом»)». Он вернулся к этой пьесе, когда театр им. Станиславского начал над ней работу. Саня работал над текстом пьесы вместе с молодым в ту пору режиссером Александром Товстоноговым, Работали они много и напряженно. Иногда далеко за полночь у меня раздавался телефонный звонок и в трубке звучал негромкий, чуть глуховатый по телефону голос: «Лиля, добрый вечер. Это Вампилов тебя беспокоит. Мы вот тут с Сандро только что закончили работать...» Саня все еще не был доволен «Прощанием в июне». Он был удивительно чуток к театру, его природе, умел «видеть» актера. Помню, в этот период мы с ним как-то разговорились о распределении ролей в его пьесе. Саню не очень устраивал актер, назначенный на роль Колесова.

— Есть там у них в театре один актер, Бочкарев, вот он бы сыграл Колесова... — сказал он.

— Ну так поговори с режиссером, — посоветовала я.

— Да надо...

Я не знаю, состоялся ли разговор в театре, знаю лишь, что на сдаче-прогоне спектакля в июле 1972 г. в Красноярске, куда театр выезжал на гастроли, Колесова играл не тот актер, которого Сане хотелось бы видеть. Но на московской премьере «Прощания в июне» в ноябре, где автор уже не присутствовал, роль Колесова сыграл Василий Бочкарев. Сыграл с таким точным пониманием характера героя, с таким проникновением в авторский текст, что, сидя в зале, я невольно подумала о том, как прав был Вампилов в своем выборе.

Уже после того, как мы закончили работу над текстом «Старшего сына», в ноябре 1969 г. Саня написал мне: «Тут в Иркутске я участвовал в подготовке спектакля. В тексте появились изменения, по объему незначительные, но весьма существенные по смыслу. Например, хорошо бы одну страничку вставить, одну сократить, несколько реплик убрать, несколь-

ко вставить Поздно или еще есть время? Можно ли исправить все это в верстке?..» И позже, в декабре: «Текст будем править обязательно, нового там только одна первая страница, остальное — правка и сокращения». Работа над текстом продолжалась и во время репетиций пьесы в театре им. Ермоловой.

Я не знаю откуда возникло мнение, будто Вампилов писал сразу набело. Ведь известны три (печатных!) различных варианта «Прощания в июне», два, также печатных, варианта «Старшего сына». «Прошлым летом в Чулимске» также существовало три варианта. Первый раз он сказал мне: «Вот написал новую пьесу, прочти, но только сама, никому пока ее не показывай, я буду над ней еще работать». И действительно, вскоре он прислал новый вариант пьесы, вызвавший у нас с ним большие споры относительно финала, в котором Валентина кончала самоубийством, и относительно образа Валентины вообще. И лишь по поводу третьего варианта, того, который сейчас известен, он писал в октябре 1971 г.: «Высылаю тебе «Валентину». Теперь, думаю, можно показать ее начальству». Был ли он окончательно удовлетворен своей «Валентиной»? Не уверена. Вероятно, собирался еще, как обычно, вносить какие-то изменения, «по объему незначительные, но весьма существенные по смыслу», потому что, когда я, по его приезде сказала, что в целом пьеса нам нравится, но у нас есть кое-какие замечания, надо бы встретиться и обговорить, Саня ответил:

— Вот приеду в сентябре — тогда... Что-то можно еще доделать. Но только — немного, — полуутвердительно-полувопросительно сказал он. Будь он уверен в обратном, подобный разговор не состоялся бы. Там, где Саня был уверен, что должно быть так, а не иначе, он стоял насмерть.

Вспоминаю такой случай. У нас в издательстве шла его пьеса «История с метранпажем». Редактор, человек энергичный и напористый, горячо доказывал свою точку зрения, предлагая какие-то изменения. Саня слушал, помалкивал, и когда редактору казалось, что он уже убедил автора, тот поднимал глаза и негромко говорил:

— Хорошо. Но знаешь... давай оставим как было.

Я сама при этом разговоре не присутствовала, но когда я позже пересказала это Сане, он засмеялся:

— Да, было такое. Но неужели это так выглядело со стороны? Иногда в разговорах или в воспоминаниях о Вампилове слышишь: он твердо отстаивал свое мнение, если был в чем-то убежден, спорил. И создается иной раз впечатление, особенно у тех кто его не знал, что Вампилов с пеной у рта доказывал свою правоту. Возможно, когда-то и так бывало, хотя я лично не очень-то представляю себе Вампилова в роли яростного спорщика. Мне кажется гораздо более вампиловским описанный мною эпизод. Саня, будучи человеком чрезвычайно деликатным, умел выслушивать чужое мнение и с уважением относиться к нему, даже если оно и не совпадало с его собственным. Но и переубедить его в чем-либо было не просто. Его спокойное «давай оставим как было» звучало так убежденно,

что становилось ясно — это не каприз, не минутное настроение, это — вера в свою правоту.

Саня умел очень хорошо слушать собеседника — спокойно, не перебивая, чуть опустив голову. В какие-то мгновения он вскидывал глаза, и тогда они вдруг казались светлыми — от мелькавшего в них удивления или заинтересованности. Он вообще сохранил поразительную способность удивляться — людям, их поступкам, словам. В нем жила какая-то детская наивность — как люди могут так поступать, как они могут говорить такое, как могут они обманывать? Кто-то обещал прочитать пьесу — и не прочел, обещал передать ее в театр — и не передал, обещал позвонить — и не позвонил. Не так уж гладко, как известно, складывались его отношения с театрами. Всюду одно и то же — вроде бы «да», но вроде бы и «нет». Театры все еще приглядывались к Вампилову. Он вел переговоры с театром им Станиславского и театром им. Маяковского, со МХАТом и с театром им. Горького, с «Современником» и с театром им. Ермоловой. То есть фактически почти со всеми театрами, позже поставившими его пьесы.

Казалось, можно было потерять веру в людей, озлобиться, обидеться на весь мир, но Саня скорее удивлялся и пытался понять. Иногда лишь в его словах, реже в письмах, проскальзывала легкая горечь. Так, он писал мне в августе 1970 г. об одном из московских театров: «У меня впечатление, что завлит на меня махнула рукой и мои пьесы со стола переложила на окно, где у ней форменная братская могила неизвестных авторов».

Раздражение, злость, вероятно, вообще относились к категории чувств, для него не приемлемых. Как-то раз он сказал: «Надо быть добрее к людям», а ведь это был период, когда у него все так не складывалось в жизни.

Мы тогда уже работали с ним над пьесой «Прошлым летом в Чулимске», которая первоначально называлась «Валентина». Название Сане нравилось, и он был очень огорчен, когда появилась пьеса Михаила Рощина «Валентин и Валентина». Дня два-три он не мог найти подходящего названия. Наконец забежал в редакцию: «Я, кажется, нашел...» Зачеркнул на титульном листке слово «Валентина» и написал — «Прошлым летом в Чулимске». Мне название не понравилось, что-то подобное встречалось уже не раз, и я сказала об этом Сане. «Давай оставим пока так, — сказал он. И оживился. — Ты только послушай — в Чу-лимске... У Салынского в «Марии» — Излучинск, а у меня Чулимск. Откуда в Сибири Излучинск? Чулимск, Потеряиха, Табарсук — вот это наши, сибирские названия». Но, видимо, и он не вполне был доволен, потому что в конце разговора все же сказал: «Оставим пока как рабочее название. Может, что-то еще придет... Вот приеду в сентябре — тогда и решим окончательно. И вообще, пора уже думать о сборнике», — пошутил он.

Мы действительно тогда уже думали о сборнике, оговаривали, какие варинты пьес возьмем. Я задала вопрос об «Утиной охоте».

Там я ничего менять не буду.

— А ты давно ее читал? — спросила я.
— Давно,— несколько удивился Саня.
— Ну хорошо, вот в сентябре вместе и почитаем, тогда поговорим... Может, ты и сам захочешь там что-то сделать. — Мы многое в тот год откладывали на сентябрь, которому так и не суждено было состояться... Я задала Сане в том разговоре об «Утиной охоте» только один вопрос:
— Как ты считаешь, как автор, меняется Зилов в конце пьесы или остается прежним?
Саня коротко помолчал, словно раздумывая, а потом как-то даже удивленно посмотрел на меня.
— Я считаю — меняется...
Сейчас я думаю, быть может, Сане еще и потому хотелось издать сборник, что он чувствовал — все эти пьесы составляют какой-то определенный, как бы законченный этап в его творчестве. В одном из наших последних разговоров он сказал:
— Все, что я написал до сих пор, — это юность. Сейчас мне хочется писать по-другому и о другом. Я вот тут задумал комедию, почти водевиль, о парикмахере, который стал драматургом.
Он не слишком-то подробно рассказывал мне о пьесе «Несравненный Наконечников», помню только в его изложении задуманный им финал.
— Представляешь, герой после всех своих мытарств бежит из театра, он ничего этого уже не хочет, бежит через зрительный зал, а за ним бежит режиссер, который все же надумал ставить его пьесу...
— Хочешь поделиться своим богатым опытом общения с театрами? — спросила я.
— Да уж, есть о чем порассказать, — засмеялся Саня.
К сожалению. мы никогда не узнаем, о чем именно хотел он еще рассказать...

АЛЕКСАНДР ШТЕЙН

ЧТО ЕСТЬ ДРАМАТУРГИЯ?

Дубулты, 1971 год. Ранней, мягкой, на редкость для Прибалтики солнечной весной под Ригой, в местечке Дубулты, на семинаре молодых драматургов Российской Федерации. Несколько московских драматургов, с незаметной, но, увы, необратимой закономерностью превратившиеся не в «старших», а в «старейших». Обучаем молодых нашему ремеслу. Или делаем вид, что обучаем, ибо обучить ему — все равно что извлечь из алхимической средневековой реторты чистое золото. Ну ладно — делимся опытом.
Вышел с одним из молодых, Александром Вампиловым, на балкон последнего, девятого этажа нового писательского дома. Кормим чаек хлебными крошками.
Слева река Лиелупе, за нею дальние и геометрически аккуратные зеленые луга, пасутся чинные, равнодушные коровы, и это все походило бы на фламандские пасторали, не мешай «Метеор» на подводных крыльях, промчавшийся по Лиелупе.

Следим за полетом чаек.
В лесочке, из-за которого они так красиво взмывают, — остроконечно-готический шпиль лютеранской церкви — кирхи.
Здешние места назывались некогда по-другому. Латвийское название переделали на немецкий лад — «Майори» стало «Майоренгофом».
Не странно ли — именно с Майоренгофом и, более того, как раз вон с той кирхой связаны мои среднеазиатские семейные предания, их драматическая страница...
— Да, это драматургия, — негромко говорит Вампилов, внимательнейше выслушав мой рассказ, бросая чайкам хлебные крошки, поглядывая на остроконечный шпиль лютеранской церкви, торчащий в прибрежном леску.
А я вглядываюсь в Вампилова и думаю о том, что и он сам, Саша Вампилов, — драматургия.
Странное смуглое лицо, жесткие черные волосы, упрямые монгольские скулы, беглая, скупая улыбка, речь тоже скупая, негромкая.
Потом, когда случится непоправимое, скажет Розов: «У него было детское лицо, застенчивость в разговоре и какая-то загадка в глазах. Впрочем, талант всегда загадочен».
Тогда, в Дубултах, был вампиловский день. Читали вслух его «Провинциальные анекдоты» всему семинару, говорили о других его пьесах. «Провинциальные анекдоты» покорили.
Как и «Утиная охота».
Всем, и «учителям» и «ученикам», очевидно стало — из далекой сибирской глубинки пришел своей, нехоженой тропой в большую драматургию большой Талант. Да, с большой буквы. Явился драматург, удивительно убежденный в своем праве на самое таинственное письмо на свете — сценическое.
Не всем, даже в высокой степени одаренным прозаикам, поэтам, очеркистам, дано ощутить, как бы в самих пальцах, секрет такого письма, без коего написать великолепнейшие диалоги в лицах можно, можно даже и пьесу написать для чтения. Но едва ли — для театра.
Вампилову было дано.
Исключения лишь подтверждают правило.
Сценический талант Александра Вампилова был по-настоящему недюжинным. В нем было нечто и от чеховской сценической сложной простоты, нечто от гоголевской сатирической химеры, нечто от Салтыкова-Щедрина...
Но и отличное от Чехова, от Гоголя, от Салтыкова-Щедрина — свое, молодое, современное, вампиловское...

АЛЕКСЕЙ СИМУКОВ

Первый раз я встретился с Сашей Вампиловым на семинаре драматургов, пишущих для телевидения, зимой 1962 года в Малеевке под Москвой. Состав его участников был довольно пестрый: были здесь и профессионалы молодого тогда еще телевидения, и люди, совсем к нему непричастные, в том числе и я, хоть приглашен был на семинар одним из руководителей.

При распределении участников семинара Вампилов оказался в моей группе. Как сибиряк, он вызвал у меня интерес некоего ожидания, так как все, связанное с Сибирью, настраивало меня на встречу с чем-то особенным, ярким, приманчивым.

Приехал он на семинар с одноактной пьесой. Названия ее я не помню, потому что сразу его забраковал, предложив другое, которое прочно закрепилось за ней. Я имею в виду пьесу, входящую ныне в дилогию «Провинциальные анекдоты» под названием «Двадцать минут с ангелом».

Пьеса мне сразу понравилась, хотя по сравнению с нынешней редакцией она сильно отличалась как размером, так и составом действующих лиц. Проще будет сказать, что в процессе дальнейшей работы она была начисто переписана Сашей, хотя основная ее мысль о том, что, оказывается, нелегко делать людям добро бескорыстно, просто по доброте души, — уже тогда была ярко в ней заявлена.

Думаю, что решительной переделке пьесы в немалой степени способствовала моя попытка предложить ее журналу «Художественная самодеятельность», где я был членом редколлегии. Я потерпел тогда сокрушительное поражение, и ряд высказываний по поводу пьесы, имевших характер почти анекдотический, несомненно, лег в основу нового варианта.

Самое смешное, что наибольшей несообразностью пьесы моим товарищам по редколлегии показалось основное ее положение — возможность бескорыстного добра без всякого за него ответного возмещения, то есть именно то, ради чего она была написана. Товарищи выступали горячо, убежденно, обвиняя автора в незнании жизни, в неправдоподобии выбранного сюжета, не замечая, какую невеселую картину своих собственных убеждений они при этом рисуют.

Высказывания эти, конечно, повлияли на Сашу. На главный вопрос, ответа на который добивались члены редколлегии (почему так охотно откликнулся на просьбу двух совсем ему незнакомых людей случайно проходивший мимо агроном Лопатин), Саша решил ответить.

С точки зрения драматургической выдумки задачу свою он выполнил блестяще, найдя убедительную причину, почему теперь уже не Лопатину, а Хомутову так хотелось расстаться со своими деньгами, которые жгли ему руки. Однако история вины Хомутова, пусть отлично придуманная, заставляла несколько отойти в сторону великолепную обнаженность философской проблемы в прежней редакции пьесы. Совершенно случайно у меня сохранился первый ее вариант со следами авторской правки. Действующих лиц было всего четверо: два тунеядца — Несудимов и Белоштан, хороший человек Лопатин и Надежда Филипповна — квартирохозяйка. Финалом пьесы явилось мучительное раздумье двух дружков, — по-видимому, уже навсегда лишившее их покоя: что же все-таки имел в виду Лопатин, предлагая им деньги, если он не преследовал каких-то своих личных целей? Мысль эта, встревожившая ничем дотоле не омраченное миропонимание двух тунеядцев, должна была, очевидно, привести их к предположению, что за пределами уютного, обжитого ими мира, где происходит

традиционный обмен ценностями — ты мне, я тебе, — существует иной мир — бескорыстных человеческих отношений. Поверят ли в него два дружка, станут ли они ему сопричастны — автор не уточнял, но сама проблема была выражена в пьесе с предельной силой, с обезоруживающей простотой ситуации.

Встреча с драматургом Вампиловым была для меня некиим открытием, связанным с моим отношением к так называемой философской пьесе. Мне казалось, что чем глубже философская суть драматического произведения, тем больше оно лишается своей театральной занимательности, переходя ближе к жанру драмы для чтения (исключение я делал только для Шекспира). Александр Вампилов предстал передо мною одним из очень немногих советских драматургов, легко, непринужденно, вполне для себя органично соединяя философскую глубину своих пьес с ослепительно яркой, чисто театральной формой, которой у нас принято почему-то слегка стыдиться (условность драмы как жанра и ее возможности в этом направлении у нас полностью далеко еще не раскрыты).

Думая об этом, я не перестаю жалеть, что не спросил у Саши экземпляра первого варианта пьесы для тех же «Провинциальных анекдотов», имея в виду их вторую часть, замененную впоследствии «Метранпажем», который мне кажется значительно слабее. Героем пьесы, о которой я до сих пор вспоминаю, был пожилой капитан речного буксира, остановившийся в той же гостинице, где происходит действие «Двадцати минут с ангелом». Он попадает в водоворот совершенно непредвиденных событий, в их числе встреча с женщиной, которую он, в силу возникших обстоятельств, вынужден выдавать за свою жену, в то время как ее любовник выдает себя за ее брата...С таким завидным знанием жизни создавал драматург самые невероятные фарсовые ситуации для своего героя, бросая его из огня в полымя, заставляя нас в то же время влюбиться в него — такого смешного и одновременно трогательного... «Мольер!» — повторял я про себя, когда Саша читал мне эту пьесу. Где она, что с ней — не знаю...

Наши дружеские отношения с Сашей, начавшиеся на телевизионном семинаре, продолжались и упрочнялись за время пребывания Саши на Высших литературных курсах при Литинституте, где он был в моем семинаре. К этому времени относится, в сущности, наиболее активный период творческой деятельности Вампилова. Им были написаны три пьесы — «Прощание в июне», «Старший сын» и «Утиная охота». «Прощанию в июне» повезло поначалу больше остальных вампиловских пьес. Она была напечатана в специальном номере журнала «Театр» (1966, № 8), где были представлены пьесы нескольких молодых драматургов, и кое-где начала ставиться. Как дорогая память, хранится у меня оттиск пьесы с посвящением мне. Там говорится о «первом блине», появление которого он связывал с моей помощью, считая себя моим учеником — слова, для меня крайне лестные и сейчас неповторимо грустные...

Дни у каждого из нас шли тогда, полные забот и всяческих

препятствий, которые мы, в меру сил, преодолевали. Не обделила ими судьба и Сашу. Борьба эта воспринималась нами нормально, житейски, хотя нередко очень чувствительно била по карману. Но кто из русских писателей не плакался на денежные затруднения?

Недавно, роясь у себя в письменном столе в поисках какого-то гвоздя, я нашел в самом дальнем углу ящика полускомканный конверт с письмом, оказавшимся Сашиным посланием мне, связанным с нашими хлопотами по выпуску в свет пьесы «Предместье», которая потом стала называться «Старший сын». Мог ли я подумать, получив тогда письмо Саши и сунув его в стол, что через двадцать лет с благоговением, как живое свидетельство тех лет, будет рассматривать его молодая женщина из ГДР, театровед, специально приехавшая в Москву за материалами для диссертации о творчестве теперь уже всемирно известного советского драматурга Александра Вампилова?

Письмо было вызвано крайней его озабоченностью судьбой пьесы «Предместье».

Дело же обстояло так: с молодым драматургом, уже заявившим о себе в «Прощании в июне», Министерством культуры СССР был заключен договор на новую пьесу. Когда же она была написана (это было «Предместье»), дальнейшее ее продвижение нежданно застопорилось. Один из ответственных работников министерства, большой добрый человек, мужественный воин в дни Великой Отечественной войны, был поражен жестокостью, как он выразился, основной ситуации пьесы. На все мои попытки как-то смягчить его позицию он неизменно отвечал — как же Бусыгин говорит, что он сын Сарафанова, когда он на самом деле не его сын? В пылу защиты Сашиной пьесы мне казалось, что говорить подобное — верх непонимания пьесы. И лишь потом я понял, что даже в абсолютно не приемлемой для тебя критике нужно уметь найти зерно здравого смысла. Но об этом позже. Пока же я безуспешно сражался, чем и было вызвано Сашино письмо.

Вот что он написал: «Дорогой Алексей Дмитриевич! Решился побеспокоить вас по случаю, который мне кажется чрезвычайным. После нашей работы, которая длилась почти полгода и почти беспрерывно, когда явился наконец утвержденный вами конец, я, уверенный, что все позади, глубоко вздохнул и уехал в Иркутск, чтобы здесь без волнения, в тиши дождаться этих злополучных, необходимых мне денег».

Далее Саша пишет, что, позвонив в министерство, он узнал о затруднениях с пьесой. Пытаясь обосновать свою точку зрения, Саша через меня захотел воздействовать на вышеупомянутого товарища. «...Ему кажется сомнительной завязка пьесы — то, что Бусыгин выдает себя за сына Сарафанова... Кажется, этот поступок представляется ему жестоким. Почему? Ведь, во-первых, в самом начале (когда ему кажется, что Сарафанов отправился прелюбодействовать) он (Бусыгин) и не думает о встрече с ним, он уклоняется от этой встречи, а, встретившись не обманывает Сарафанова просто так, из злого хулиганства, а скорее поступает как моралист в некотором

роде. Почему бы этому (отцу) слегка не пострадать за того (отца Бусыгина)? Во-вторых, обманув Сарафанова, он все время тяготится этим обманом, и не только потому, что — Нина, но и перед Сарафановым у него прямо-таки угрызения совести. Впоследствии, когда положение мнимого сына сменяется положением любимого брата — центральной ситуацией пьесы, обман Бусыгина поворачивается против него, он приобретает новый смысл и, на мой взгляд, выглядит совсем уже безобидным. где же во всем этом жестокость? Алексей Дмитриевич! Вы нянчили обе пьесы, вы всегда были ко мне добры. Заступитесь!»

Я пытался, сколько мог, воздействовать на своего строгого коллегу, но ни его, ни другого начальника, ведавшего театрами, мне не дано было убедить. Как мне говорили, окончательно дело погубила моя неосторожная фраза о тонкости вампиловской драматургии, которая доступна не каждому — что делать, ошибся...

Да, так поначалу было — увы. Но бросить в них камнем за это сейчас вряд ли разумно. Что такое талант, если разобрать? Наверное — способность нести людям что-то принципиально новое, какой бы области это ни касалось. Естественный же драматизм положения состоит в том, что мы, как правило, не склонны сразу осваивать новое, мы просто не в силах это сделать — такова наша природа, к новому нам нужно привыкать, иначе какая же это будет новизна? А пока идет процесс этого освоения, ничего не поделаешь — талант, страдай!

Допустим, в будущем наше коммунистическое общество сможет добиться предельного сжатия этих неизбежных сроков — пока же будем скромны и не станем себя выделять, ссылаясь на наш гуманистический, передовой строй. Такое положение с Вампиловым тогда существовало.

Приходя в министерство за новостями, Саша появлялся у нас, на Неглинной, обычно в сопровождении какого-нибудь товарища, державшегося всегда в почтительном отдалении, так как и на таком расстоянии чувствовалось легкое дуновение хлебного вина, которым не пренебрегал при случае и Саша, — это даже шло к нему, тем более что в любых своих проявлениях Саша был безукоризненно изящен и сдержан.

Желая упрочить связи Вампилова с руководством, я решил устроить встречу Саши со своим старшим товарищем, о котором я уже говорил. Я знал, как благосклонно тот относится к молодежи, и рассчитывал на огромное Сашино обаяние. Он охотно откликнулся на мою просьбу о встрече — ему самому интересно было взглянуть на молодого человека, о котором уже шли разговоры как об обещающем драматурге. «Введение во храм» состоялось во второй половине 1967 года. Саша в это время был на втором курсе Высших литературных курсов, заканчивал пьесу «Утиная охота». Я подвел Вампилова под «благословение» шефа. Высокий, как я уже говорил, добрый человек ласково встретил Сашу. С высоты своего немалого роста он с искренним доброжелательством взирал на невысокого юношу, представшего перед ним. Поскольку время

было предпраздничное и вся страна готовилась к встрече общенародного праздника — пятидесятилетию Великой Октябрьской революции, вполне естествен был вопрос, с которым он обратился к Саше: каким творческим взносом готовится он отметить такую священную для каждого человека дату?. Какую сторону нашей жизни он стремится увековечить, чтобы в общий фонд праздничных достижений вложить и свой подарок? Саша ответил на вопрос какой-то общей фразой. Потом наступила маленькая пауза, и я увидел на лице Саши столь знакомую мне полуулыбку, добрую, чуть насмешливую, одновременно подчеркнутую дымкой какой-то задумчивой грусти. И я понял, что в эту минуту из нас троих самым взрослым был он — по сравнению с нами, великовозрастными дядями, совсем еще мальчик! В выражении Сашиного лица, в его мудрой, всепонимающей улыбке было как бы снисхождение к нам, к нашим, в общем-то, близоруким расчетам, словно Саша хотел нам сказать — магии дат для искусства не существует, как бы значительны они ни были. Будто сквозь свой «магический кристалл» он видел время, когда «Утиная охота», как и прочие его творения, с трудом проникшие на наши сцены, пусть не к пятидесятой, так к шестидесятой и к семидесятой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции наверняка будут подлинным праздничным подарком своему народу станут нашей национальной гордостью... Постепенно «Прощание в июне» и «Предместье» стали появляться на сценах областных центров. Театры получали разрешение на постановку в своих местных организациях, но ни Москва, ни Ленинград пока не откликнулись на появление на небосклоне отечественной драматургии новой звезды.

Первым нарушил молчание ленинградский режисер Ефим Падве, поставивший у себя, в областном театре, «Старшего сына». Этому событию предшествовала поездка Саши в Калинин на спектакль «Сына». Вернулся он оттуда несколько растерянным. Его смутила нарочитая театральность постановки, чего он, по сути своей пьесы, никак не предполагал. Когда Падве сообщил Саше по телефону о желании поставить его пьесу, тот осторожно осведомился — не будет ли повторена эта, не принятая им, условность трактовки? На это Падве, по словам Саши, бодро заверил его: «Нет, нет, все будет как в жизни,— и после секундной паузы добавил,— вплоть до абсурда». Мы с Сашей немало посмеялись тогда над подобным заверением — абсурдизма нам не хватало ко всему прочему, но когда Саша поехал в Ленинград, он убедился, что все в порядке, спектакль получился прекрасный, с полным пониманием авторской драматургии, то есть сложным соединением реализма с долей некоторой фантасмагоричности, что присутствует во всех пьесах Вампилова. Этот спектакль и открыл столичный счет вампиловских премьер.

А что же Москва? Как говорится, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается...

Верные паладины творчества Вампилова в Москве, завлит театра Ермоловой Елена Якушкина и ставший там главным режиссером Владимир Андреев, стали «пробивать» «Старшего

сына» в Московском управлении культуры. И снова тот же вопрос: на каком основании Бусыгин заявляет, что он сын Сарафанова, когда он не сын Сарафанова? Мы часто встречались с Сашей в это время, стараясь найти какую-то зацепку в пьесе, которая умилостивила бы наших начальников — столь строгих ревнителей логики в драме. В отчаянном желании раз и навсегда ликвидировать эту проблему в «Старшем сыне» я задумался над тем самым куском, где Бусыгин и Сильва встречаются с Васенькой и где Бусыгин достаточно нагло объявляет, что он сын Сарафанова. И тут мне показалось, что мой милый начальник министерского управления не так уж был неправ и что Сашины ссылки на «идейность» этого заявления не очень-то прочны. Я посоветовал Саше попробовать — не стоит ли сделать так, чтобы после выспренной фразы Бусыгина Васеньке о том, что человек человеку брат и что вот этот брат, голодный и холодный, стучится в дверь с надеждой, что его пригреют, примитивный Сильва, которому хочется поскорее выпить, переводит эту фразу на конкретный язык родственных отношений, к великому изумлению не только Васеньки, но и самого Бусыгина. Психологически это было бы оправданней и раз навсегда сняло бы роковой вопрос — почему сын, когда он не сын? Саша принял мое предложение, переделал кусок, включил в канонический текст, но... даже такой героический акт не произвел должного впечатления... Единственным удовлетворением для меня было то, что эта существенная поправка вошла во все последующие издания пьес Вампилова, во все спектакли, но для Саши неудача в то время была особенно горька...

Однако театр, если он чего-либо действительно хочет, в конце концов одолевает все преграды! Олегу Ефремову понадобилось шесть лет, вплоть до своего восшествия на престол главного режиссера МХАТа, чтобы поставить полюбившуюся ему пьесу Михаила Рощина «Старый Новый год». Добился своего и театр Ермоловой — благодаря, как я уже сказал, упорству и настойчивости Якушкиной и Андреева, который сделал театр Вампилова своей художественной программой. Среди прочих спектаклей по пьесам Вампилова он великолепно поставил и «Прошлым летом в Чулимске»...

Раздумываешь — где секрет такого, теперь уже всемирного успеха вампиловского театра, в чем же содержится так называемая «загадка Вампилова», как модно теперь выражаться? Ведь в ряду поисков сверхсовременной театральной выразительности его пьесы, казалось бы, традиционны, в них все, как говорится, на месте, люди внешне понятны, приметы жизни — достоверны... Но не присутствует ли и здесь, в его творениях, все та же полуулыбка, всегда несколько отрешенная от того, что происходит ежеминутно, проникающая за пределы видимого нами, обнажая гораздо большее, чем нашим взорам доступно? Все, как в жизни, вплоть до абсурда... Нет, не вплоть, а через него — к высшим постижениям Человеческого... И не является ли эта вампиловская улыбка еще одним отражением легенды о «загадочной славянской душе», что так стойко продолжает бытовать в Европе, легенде, помноженной теперь на

суеверное изумление феноменом советской жизни, с точки зрения европейского мещанина, насквозь дестабильной? Именно через эту внешнюю кажущуюся ему дестабильность всемирный обыватель не в силах проникнуть в великую суть нашего бытия, нацеленного на мировое Завтра, чтобы оценить постоянные, немалые жертвы, которые мы во имя этого Завтра, несущего миру мир, ежечасно приносим...

Я пытаюсь отбросить уже ставшие почти легендарными напластования, которые связаны с его именем, стараясь представить Сашу таким, каким я его знал. Меня всегда поражал его взгляд, которым он как бы насквозь прошивал людей — все с той же полуулыбкой, чуть насмешливой, чуть стеснительной... Разные люди обсуждали его произведения, говорили ему умные слова, он вежливо слушал, помалкивал и все смотрел, смотрел... И те, кто был ему внутренне чужд, постепенно замолкали, терялись и расставались с Сашей странно смятенные... Нередко мне приходилось в то время — Саша учился тогда на Высших литературных курсах — слышать слова, произносимые даже с какой-то обидой: «Ваш Вампилов!» Видимо, что-то уж очень свое, самобытное, непреклонно отстаиваемое пробивалось сквозь его милую скромную внешность.

— О-о, этот Вампиров! — говорил Александр Трифонович Твардовский, захаживая к Саше на огонек в дачном писательском поселке на Пахре, где Саша зимовал на даче Бориса Костюковского. В сознательное изменение фамилии Саши Твардовский, по-видимому, вкладывал какой-то особый пронзающий смысл... Рассказывая о встречах с Твардовским в те зимние вечера, Саша восхищался глубиной поистине пророческих откровений этого огромного русского художника, которыми он делился с Сашей и его друзьями, говоря о великой гуманистической миссии русской литературы...

Дружилось нам с Сашей хорошо. Для меня и для всей моей семьи Саша был всегда желанным гостем. Хорошо нам было с ним и за лафитничком зелена вина в нашей тесной кухне, и когда Саша выходил на люди, брал гитару и играл... Играл он поразительно. Обычно он импровизировал что-то свое, но играл сказочно музыкально — такой игры я ни у кого не слышал... А как он пел — особенно «Утро туманное», да и другие хорошие песни...

Вспоминаю: Саша частенько предлагал: «Давайте напишем с вами одноактную пьесу!» Я смеялся — действительно, зачем обязательно вдвоем? Саша настаивал — и мне это было приятно. Я понимал, что таким несколько неожиданным способом драматург Вампилов, мой друг, выражает свою симпатию ко мне. Любая чрезмерность в проявлении чувств была Саше органически чужда. Он обладал редкой способностью снимать пафос с любой ситуации, никого не обижая при этом, всегда с неподражаемым вампиловским юмором. Одно уже это свойство обеспечивало ему непрерываемое лидерство в молодежных компаниях.

Помню: идем мы с ним как-то по Кузнецкому мосту. Я горячо убеждаю Сашу (я тогда был его педагогом), что человек

всегда должен ставить перед собой пусть небольшую, но вполне конкретную цель. Для наглядности я, в пылу доказательства, даже показал двумя пальцами, какой может быть размер этой цели. Взглянув на Сашу, чтобы проверить, насколько дошел до него мой призыв, я изумился — в глазах Саши плясали бесенята. Он с нескрываемым удовольствием смотрел на меня — и тут только я оценил юмор ситуации: стремясь непроизвольным жестом подкрепить свою мысль, я не заметил, как мои два пальца, большой и указательный, намечая примерную величину цели, довольно точно определили уровень ста граммов в стакане с живительной влагой. Я захохотал, Саша ко мне присоединился. Мы тут же решили претворить мою мысль, выраженную столь наглядно, в конкретное действие, двинулись в ближайший ресторан и продолжили нашу беседу о целях, которые нам предстояло достичь, закрепляя свои рассуждения традиционным, освещенным веками способом...
Весной семьдесят второго года, встретив Сашу на улице Горького и условившись с ним о встрече через месяц, мог ли я предположить, что больше никогда его не увижу...
Плачь, муза, плачь...

ДИНА ШВАРЦ

Если бы знать, что ему доведется прожить так мало, наверное, каждый из нас вел бы счет встречам с ним — с Александром Вампиловым, с Сашей, с Саней... Встреч было, увы, не так уж и много. Он жил в Иркутске, мы — в Ленинграде. Чаще бывал в Москве, там у него появились друзья и главный московский друг — Елена Леонидовна Якушкина, а через нее завязалась дружба с Ермоловским театром, с Владимиром Андреевым и многими другими. Москва узнала его раньше, но поставил раньше все-таки Ленинград...
Помню первую встречу — Саша пришел в театр на Фонтанке, пришел просто так, на огонек, без звонка. Пьесы у него не было. Первая многоактная пьеса — «Прощание в июне» — была напечатана в журнале «Театр» в 1966 году. Мы говорили о том, что эта пьеса не подходит Большому драматическому театру. Разговор был бы ничем не примечателен, если бы не одно обстоятельство: сам автор приводил наиболее убедительные аргументы против постановки этой пьесы в БДТ. Должна признаться, что в то время я не понимала всей масштабности личности Александра Вампилова. Однако при всем моем прохладном отношении к «Прощанию в июне» я все-таки понимала, что ко мне пришел драматург, человек, понимающий, что такое театр, умеющий писать диалоги и не боящийся остроты жизни. Он обещал прислать в театр свою следующую пьесу, если найдет ее подходящей для БДТ. Но следующую пьесу Вампилова мне довелось увидеть уже на сцене — в Театре драмы и комедии на Литейном. Это была комедия «Старший сын», или, как она прежде называлась, «Предместье». Ее поставил молодой режиссер Ефим Падве. Спектакль был весьма успешный. Лично меня пьеса поразила своей пронзительной искрен-

ностью, душевной открытостью, высоким мастерством построения сюжета. В этой пьесе уже наличествовала тайна, волнующая неповторимость человеческих отношений, огромный нравственный потенциал. «Маленький человек» с его наивностью, чистотой, с его духовностью приближал эту пьесу к тенденциям великой русской литературы. После «Старшего сына» и первая его пьеса «Прощание в июне» вдруг осветилась для меня новым светом, все лучшее в ней стало осязаемо, важно, герой стал значительным, а недостатки пьесы — несущественными. Произошло чудо открытия большого драматурга — случай, не так уж частый в нашей практике. Вскоре после премьеры «Старшего сына» Вампилов привез в БДТ свою новую пьесу — «Провинциальные анекдоты», два маленьких шедевра. Он считал, что эта пьеса подходит к устремлениям БДТ, и не ошибся. В 1970 году при нашем театре была открыта Малая сцена, и «Анекдоты» были единодушно приняты к постановке. С автором был заключен договор. С этого момента началось наше содружество. Он уезжал, приезжал, мелькал, но не мельтешил, не суетился, всегда оставался сдержанным, чуть ироничным к своим частым перелетам. Однажды он привез альманах «Ангара», где была напечатана его уникальная «Утиная охота», при этом он стал говорить не об этой пьесе, на которую потратил много сил и времени, а о том, что в Иркутске он не одинок, что там много ребят, которые его понимают и к тому же хорошо пишут. «Запомните, — говорил он мне, — запомните это имя: Валентин Распутин. Хорошенько запомните...» Каждая встреча с Вампиловым все больше раскрывала его с человеческой стороны, он нам нравился, мы его хвалили, он молча усмехался или отделывался какой-нибудь шуткой.

«Провинциальные анекдоты» были приняты, начались репетиции. В этот период, зимой 1971—1972 годов, Саша особенно часто наведывался в театр, бывал на репетициях. В пьесе были заняты в основном молодые актеры. Очень скоро артисты перешли с Сашей на «ты», он стал для них своим парнем, споры и разговоры о жизни продолжались и после репетиций. Надо сказать, что никаких недоумений или вопросов по содержанию пьеса не вызвала. Напротив, актеры как-то сразу поняли и приняли замысел автора, хотя он был не таким и простым, как могло показаться с первого взгляда. Наверное, это был самый вампиловский спектакль, потому что, как мне кажется, были отринуты все театральные ассоциации, актеры работали как бы с самой жизнью, все более проникаясь чувством причастности к этой истории, где экспедитор и шофер встретились с «ангелом» — агрономом. Наконец, участие автора в репетициях, где были заняты артисты скромные, без званий, определило серьезный и непредвзятый подход к произведению. В те редкие моменты, когда эта серьезность нарушалась, Вампилов показывал свой характер.

Помню, на одной из репетиций актер, игравший Камаева в «Случае с метранпажем», к своей реплике «Камаев» (так он представлялся незнакомым людям) добавил слово «преподаватель». Это было уместно и очень смешно, внесло новую

краску в характеристику этого бездельника и альфонса. Смеялись исполнители, смеялся Вампилов. Чуть позднее с присущей ему деликатной щепетильностью Саша попросил разрешения у артиста внести удачное слово в пьесу. Другие артисты, заразившись духом импровизации, стали выкрикивать, перебивая друг друга, свои реплики-предложения. Саша тщательно, по порядку записал все предложения, раскрыл пьесу, углубился в текст, проверяя, подходят ли предложенные реплики его замыслу, потом поднял голову и сказал как-то очень спокойно, веско, с достоинством: «Реплик не будет». После некоторого замешательства репетиция была продолжена. В своем «Сане» актеры вдруг увидели писателя Вампилова, строгого, требовательного, взвешивающего каждое слово мастера-драматурга. Позднее, в процессе репетиций Вампилов все-таки кое-что изменил, но изменения делал, следуя законам художественной правды, а не под минутным очарованием удачной импровизации. Вариант, созданный в БДТ, был впоследствии напечатан в сборнике издательства «Искусство».

Вампилов знал себе цену как писателю-драматургу, но никогда не важничал, избегал разговоров о собственной персоне. Я помню лишь один случай, когда мы заговорили на эту щепетильную для него тему. «Да, меня не ставят, но это пока,— сказал он и, помолчав, добавил, иронично улыбаясь: — Будут ставить, куда они денутся. Замыслов у меня много, я должен жить долго-долго...» В одном из писем Саша благодарил Г. А. Товстоногова за то, что Георгий Александрович написал о нем в «Литературной газете» (Г. А. Товстоногов писал о том, как редко среди людей, пишущих пьесы, встречаются подлинные драматурги, что это особый дар — писать действие, создавать мир в конфликтах видимых и невидимых, и назвал два имени — Володина и Вампилова). Благодарил в своей манере, облекая растроганность в шутливую форму: «Пусть теперь некоторые попробуют сказать, что нет такого сочинителя пьес. Им никто не поверит...»

Когда он принес в театр пьесу «Прошлым летом в Чулимске» (тогда она еще называлась «Валентина»), Г. А. Товстоногову показалось, что во второй половине пьесы у героини проскальзывают интонации сентиментальные, жалеющие самое себя, что противоречило мужественной тональности всей пьесы. Саша выслушал это замечание и обещал подумать — не спорил, не соглашался, а лишь принял к сведению. Через две недели он прислал в театр новый вариант, где было вычеркнуто всего две реплики. Товстоногова этот вариант полностью устроил. Оказалось, что несколько лишних слов решали все дело. Саша вообще не считал свою работу над «Чулимском» вполне законченной. Он продолжал думать, уточнять сложнейшие внутренние ходы пьесы, искал наиболее выразительные слова. В письме от 12 июня 1972 года он писал: «Пришлю вам новую последнюю страницу «Чулимска». По сути, там, разумеется, ничего не изменится, просто мне пришло в голову, что самый-самый конец (финал) можно сделать точнее и естественнее по форме». Увы, этой страницы нет ни у меня, ни у кого-либо еще. И трудно угадать, что именно хотел он изменить, потому что при всей простоте и ясности драматургической

фактуры Александр Вампилов, как никто другой, был неожиданным в каждом драматургическом повороте, в каждом проявлении человеческого характера. Наверное, эта неожиданность при безупречной логичности и есть признак большого таланта.

Уже много позднее, после трагической гибели Вампилова, начиная репетиции «Чулимска», Г. А. Товстоногов обратился к артистам со словами: «Ему было всего 35 лет, но он знал и понимал жизнь, как мудрец. И если мы хотим, чтобы наш «Чулимск» был достоин памяти Александра Вампилова, мы должны проделать огромную работу, погрузившись в жизнь далекого от нас таежного поселка. И прежде, чем искать общечеловеческое в характерах и столкновениях людей, необходимо ощутить их реальность, их плоть и кровь, их непохожесть на всех остальных людей в мире, их точную социальную и нравственную природу.

Отнесемся к этой современной пьесе, как к классике, она достойна этого».

Премьера пьесы «Прошлым летом в Чулимске» состоялась 1 марта 1974 года. На этот раз рядом не было автора, самого строгого, тонкого и самого доброжелательного критика постановки. Но на премьере «Анекдотов» 30 марта 1972 года Вампилов был рядом. Он присутствовал и на обсуждении спектакля, когда художественный совет театра собрался в полном составе «защищать» спектакль. Лавров, Лебедев, Стржельчик, Юрский и другие ведущие артисты нашего театра взволнованно говорили о пьесе, о спектакле, о работе своих молодых товарищей. Саша был счастлив.

На банкете после премьеры мы все объяснялись ему в любви — самым прямым текстом. Он знал, что это искренне и что любовь наша была еще выше, чем это можно было выразить в словах. Его полюбили как талантливого человека с открытым сердцем, умной улыбкой, ясными глазами, как сына, брата, друга...

Во время одного из приездов в Ленинград, уже после премьеры «Анекдотов», Вампилов сказал, что ему предлагают написать сценарий для студии «Ленфильм». Я его поздравила и сказала, что это замечательно — означает признание, кроме того, интересно, ново. Вскоре позвонила редактор «Ленфильма» Светлана Пономаренко: «Вампилов не хочет подписывать договор. Это — скандал. Директор подписал, все ждут, а он заупрямился. Поговори с ним». Я услышала мрачный голос Вампилова: «Я не знаю, чего они хотят. Я это не умею — писать сценарии. Я драматург, пишу пьесы, это совсем другое...» Я стала его убеждать: «Вы подпишите договор, возьмите аванс, а потом, когда увидите, что вместо сценария у вас получается пьеса, так им и скажите. Пьеса пойдет, вернете аванс. А вдруг получится сценарий?» — «Ладно»,— сказал Саша. При этом ему почему-то стало весело, он смеялся в трубку.

После 17 августа — образовалась пустота. Помню траурный сбор труппы — минута молчания, слезы, тишина...

ГЕОРГИЙ ТОВСТОНОГОВ

В Ленинградском театре драмы и комедии показывали премьеру спектакля «Свидание в предместье». Рядом со мной в кресле оказался смуглый темноволосый молодой человек с чуть раскосыми глазами. Его поведение удивило меня — он до такой степени не отзывался на происходящее на сцене, что я с грустью подумал: какая нетеатральная публика приходит подчас в театр.

В антракте мне представили его как автора пьесы:

— Александр Вампилов, драматург из Иркутска...

Однако подлинное наше знакомство состоялось позже, когда в БДТ началась работа над пьесой «Провинциальные анекдоты». В ту пору он часто бывал в театре и как-то удивительно просто, что не так уж часто случается с молодыми драматургами, нашел контакт со всеми нами. В его «авторском» отношении к своей работе подкупала одна особенность — он абсолютно был лишен всякой категоричности, императивной требовательности к соблюдению «буквы» своих произведений. Пытаясь убедить в чем-то театр, он обращался к нам не с позиции автора, а как бы перевоплощаясь в зрителя, и уже от его лица предлагал задуматься над тем, что, по его мнению, требовало иного подхода, иного решения.

Вместе с тем ему было присуще прекрасное сочетание чувства собственного достоинства, веры в себя и скромности. Поэтому к нему невозможно было не прислушаться, даже и не всегда с ним соглашаясь. Замечания он делал в своей особой тональности — всегда иносказательно, с намеком.

Сейчас, возвращаясь мысленно к своей работе над пьесой «Прошлым летом в Чулимске», я могу утверждать, что в основе нашего отношения к пьесе Вампилова лежало безграничное, безукоснительное доверие ко всему, что он делал. Уже тогда, в пору только начавшегося знакомства с его драматургией, мы в полной мере отдавали себе отчет в том, что имеем дело с большим художником. Это походило на работу с классикой, когда за любой деталью обнаруживаешь глубокий внутренний смысл. Прочтение с актерами, через актеров влекло за собой серию открытий — это опять радость, которую приносит встреча с большой литературой.

Вампилову было дано удивительное чувство театра, особый дар театрального мышления, когда театр понимается как действо. Природа его драматургии в ее несочиненности, органичности — конфликт возникает из самой логики поведения столкнувшихся характеров. Его герои, словно выпущенные на волю, начинают двигаться по законам, как будто бы от автора не зависящим. Вместе с тем в его пьесах, при всей узнаваемости происходящего, возникает особый вампиловский мир, со всей определенностью обозначенный художником. Именно это — отсутствие авторской преднамеренности, сочетание собственного видения с точностью жизненных наблюдений — отличает искусство Вампилова.

Нет художника без своего ощущения художественности. У Вампилова она рождалась из гармонического единения сочного густого быта и поэтической сказочности. Соотнести это

сложно — но без этого почти невозможно воплотить его драматургию на сцене. Сложность здесь — в точно найденном отношении. Ставить Вампилова как бытописателя — не понять в нем чего-то главного, воплотить только через поэтическое — лишить его драматургию ее суровой реалистической основы...

«Прошлым летом в Чулимске» — едва ли не самая поэтичная из его пьес. Поэзия в ней вырастает почти до символа. Точная обрисованность быта органично сплавлена с высоким трагическим звучанием. Нас привлекли в драме ее нравственный максимализм, бескомпромиссность чувств, поистине чеховская требовательность к человеку и такая же щемящая за него боль.

Саша ждал нашего спектакля и не раз, очевидно, мысленно возвращался к пьесе. В одном из последних писем в театр он обещал прислать заново переписанную страницу «Чулимска»...

АРКАДИЙ КАЦ

...Почему мы выбрали «Утиную охоту», почему мы боролись за нее? Потому что, на мой взгляд, это лучшая советская пьеса всех послевоенных лет, просто удивительная, необычайная по силе, по правде своей, по тому, как написана. Первое впечатление такое, что создана она человеком, который вроде бы совсем не знал законов театра: в одной обертке все сразу — и комедия, и фарс, и трагедия, все смешано, все переплетено — как в жизни. И в этом вот переплетении, в этой жизни происходит саморазрушение не какого-нибудь заведомого негодяя, а обыкновенного человека — в сущности, доброго, умного, интересного, совестливого когда-то... Исследование, воспроизведение этого процесса саморазрушения и привлекало нас.

Кому-то может показаться странным, что театр увлекся таким отрицательным героем, как Зилов. Но ведь и положительное можно утверждать через отрицание...

Хочу еще вот что заметить: я говорю сейчас об одной из пьес Вампилова, которых, к сожалению, осталось очень немного. Но в сущности, речь идет не об отдельных пьесах, а о целом театре Вампилова — это явление в нашей культурной жизни, официально, так сказать, уже зафиксированное нашими критиками, и, я думаю, оно еще долго будет привлекать режиссеров...

ОЛЕГ ЕФРЕМОВ

Наша сцена сегодня живет во многом под знаком Вампилова. Мы пытаемся осваивать его идеи, развивать принципы его драм, открытых им человеческих характеров и проблем. Это освоение идет разными путями. Жизнь автора «Утиной охоты», оборванная на взлете, иногда становится поводом для всякого рода домыслов, кликушества и восторгов запоздалой любви. Так уж не раз бывало в отечественной литературе. Мне кажется, что возникает определенная угроза и наследию

Вампилова, живому и общественно значимому началу, которое в нем содержится. Я думаю, что в случае Вампилова (равно как и в случае того же Шукшина) нам хорошо бы почаще вспоминать пушкинские строчки из «Бориса Годунова» — «они любить умеют только мертвых». Вспоминать их затем, чтобы любить живых, попытаться исторически серьезно и ответственно оценить существо тех идей, с которыми обратился к нам Вампилов.

Любая настоящая пьеса заключает в себе некое нравственное предложение людям. Это не будет звучать банальностью, если вспомнить, сколько пьес-имитаций идет на наших сценах. Вроде все «как у людей», сюжет придуман остро, диалог строится бойко, театральных эффектов достаточно, а пьесы нет. Потому что нет главного — своего выстраданного отношения к жизни. Возникает почти как у Щедрина — «наличие отсутствия». И хотя автор пьесы скрыт за персонажами, это «наличие отсутствия» лезет изо всех щелей.

Вампилов удивляет не словами, не острыми репликами, не эффектами. Он поражает своим «присутствием». Он мыслит сценой, его речь прозрачна, а парадоксы насквозь жизненны. Он писал жизнь бесстрашно, проникал в те ее слои, куда другие опасались даже заглянуть. Корни его художественной системы уходят в глубь русской культуры, прежде всего к Чехову, к несравненной способности автора «Иванова» видеть людей, а не «ангелов, подлецов и шутов».

Предложение, с которым Вампилов к нам обратился, сразу расслышано и понято не было. Его боль, его гнев, его исповедь были поставлены под сомнение, казались провинциальной экзотикой. Мы не почувствовали, что каждая его строка, как соком, пропитана сознанием какой-то высшей цели, которую он хотел утвердить в людских отношениях. За «объективнейшей» формой драмы скрывались подчас мучительные личные вопросы, в которых, как это бывает в подлинном искусстве, выражалось время.

Для того чтобы драматург явился на свет, люди театра должны обладать зоркостью не только к формальной новизне, которая всегда очевидна. Надо, чтобы не притуплялась наша нравственная отзывчивость на сокрытое в пьесе «предложение», даже если оно нас вначале отталкивает и настораживает. Вид истины очень часто оказывается неприглядным и неприятным, как зрелище новорожденного младенца. Но это — истина, и она должна войти в мир.

Мы прозрели не сразу. Неловко вспоминать, как я предлагал Саше Вампилову для более быстрого прохождения «Утиной охоты» провести ее по разряду «пьес национальных авторов». Он немедленно отказался и, наверное, был уязвлен. Он считал себя русским писателем, был кровно связан с русской литературой, и любая снисходительность ему была не нужна.

Пьесы Вампилова в 60-е годы в «Современнике» у многих не вызвали интереса. Играли Розова, Володина, мечтали уже о «Гамлете», а «завтрашнего» драматурга — просмотрели. Специально это отмечаю, потому что очень распространено мнение, что пьесам Вампилова мешали только некоторые не в меру

ретивые чиновники. К сожалению, мешали и стереотипно устроенные наши собственные мозги, наше, художников театра, сознание того, что все истины уже известны.

Стандартность театрального мышления сильнее всего сказалась в истории с «Утиной охотой». Наши отношения с лучшей пьесой Вампилова — поучительный урок. Когда пьеса была напечатана, возникло долгое молчание. У критиков не нашлось ни одного слова, чтобы объяснить природу появления такого персонажа, как Зилов. Тогда на сцену пришел Чешков, и все охотно и вполне справедливо занялись дискуссией о характере «делового человека». Странный и «безнравственный» герой «Утиной охоты», предложенный обществу для осмысления, даже не был принят в расчет. Его, Зилова, психологический опыт казался какой-то чудовищной аномалией. Потом, когда стала нарастать посмертная слава Вампилова, начались сложные и пространные объяснения и разъяснения «загадки Зилова» и «тайны Вампилова». Нет, я совсем не против сложных толкований и разгадок, тем более что возникли в ответ вампиловскому образу целый ряд прекрасных статей, рожденных энергией общественной мысли, получившей серьезную духовную пищу. Но когда все дело стали сводить к «загадке» и «тайне», которую писатель унес с собой в воды Байкала, когда стали многозначительно поджимать губы и обращать очи долу, становилось как-то не по себе. Флер загадочности стал скрывать конкретный и, по-моему, классически ясный социальный и нравственный смысл вампиловского «предложения», с которым он явился в «Утиной охоте». Это предложение совсем не сводилось к обличению и осмеянию Зилова, в котором каждый непредубежденный читатель и зритель чувствует мощную авторскую симпатию и сострадание. На условиях обличительной сатиры мы, пожалуй, могли бы примириться с этой трудной пьесой и ее героем, и такой выход не раз предлагали. Суть же дела, мне кажется, заключалась в том, что Вампилов писал своего героя без всяких иронических кавычек, в том самом высоком значении понятия «герой», которое вкладывали в него большие русские писатели. Когда-то Лермонтов, предвосхищая некоторые читательские эмоции, разъяснял название романа «Герой нашего времени». Он писал о том, что людей долго кормили сладостями, что от этих сладостей у них может испортиться желудок. «Нужны горькие лекарства, нужны горькие истины».

Зилов и есть такое «горькое лекарство», которое, как выяснилось, нужно и нам, людям совершенно иного времени. Нужно для того, чтобы нравственно очиститься, содрогнуться от зрелища духовного опустошения человека, очень на нас похожего, совсем не изверга и не подонка.

Такие фигуры, как вампиловский герой, не «сочиняются», не «подмечаются» только. Они рождаются из собственной крови художника, затрагивают весь его личный опыт, весь душевный состав. Может быть, поэтому у меня родилось желание не только поставить пьесу на сцене Художественного театра, но и сыграть в ней героя. Сыграть, по возможности, лирически, исповедально, как обращение к моему поколению. Мне казалось важным, чтобы зрители с полной ясностью поняли,

что Зилов — это боль Вампилова, боль, рожденная угрозой нравственного опустошения, потери идеалов, без которых жизнь человека совершенно обессмысливается.

Меня упрекали за то, что персонажи «Утиной охоты» в спектакле «овзрослены», что в пьесе решаются проблемы более молодых людей, судьбы которых могут еще сложиться поразному. Бесспорно, все это так, и найдутся театры (их и сейчас уже множество), которые будут играть пьесу в точном соответствии с буквой автора, где актеры будут ровесниками тех, что написаны драматургом. Но я ставил «Утиную охоту» как пьесу, написанную о моем поколении, о его историческом опыте, который так же был и опытом самого Вампилова. Позднее пьесу будут ставить как классику, «вчитывая» в нее новые проблемы, но для меня эта пьеса слишком интимно и неразрывно связана именно с теми людьми, которые сегодня играют ее на мхатовской сцене. «Овзросление» в данном случае делает пьесу, на мой взгляд, более, что ли, едкой, более драматичной.

Другим важным вопросом драматургии Вампилова является вопрос о природе его театральности. Часто его пьесы видят и решают на подмостках как серию остроумных парадоксов и анекдотов, развивающихся как бы параллельно и независимо от жизни. По-видимому, это ошибка. Театральность той же «Утиной охоты» насквозь пропитана реальной жизнью. Фантазия Вампилова была исключительной, его тяга к острой форме, нестандартной ситуации, незатасканному приему очевидна. И все же я воспринимаю его пьесу, каждый ее внутренний поворот не через «прием». Я чувствую здесь совершенно реальные, обжигающие, узнаваемые события. Может быть, поэтому я позволил себе переакцентировать или даже опустить некоторые моменты пьесы, в частности и пролог, в котором проснувшийся после пьяного скандала Зилов начинает вспоминать свою жизнь. Некоторые критики считают, что, сняв этот пролог, мы потеряли «точку отсчета». Мне-то все же кажется, что прием «воспоминаний» как раз мельчит содержание пьесы, предвосхищает и делает театрально условным ее драматизм. Этот пролог делает пьесу статичной, лишает внутреннего развития. Все оказывается ясным с самого начала. Пьеса Вампилова не относится к разряду тех произведений, которые насквозь и глубинно организованы воспоминанием героя (как, например, «Смерть коммивояжера»). Если сюжет «Утиной охоты» рожден воспоминанием героя, то не могут возникнуть сцены, в которых Зилов не участвует, а такие сцены в пьесе есть. В конечном же счете важно было одно: я хотел прочитать «Утиную охоту» не как драму воспоминаний проснувшегося алкоголика, но как цепь совершенно реальных, здесь и сию минуту происходящих событий, неудержимо приводящих Зилова к финальной катастрофе. Только этим стремлением жизненно обосновать сюжет объясняется редакция пьесы на мхатовской сцене.

Любая постановка такой пьесы, как «Утиная охота», связана с определенным прочтением ее тем или иным художником, у которого есть свое отношение не только к героям, но и к тем жизненным проблемам, которые за ними стоят. Наше дело —

не ремесло старательных копиистов. Попытки обрубить режиссерам возможность своей трактовки от имени канонизированной пьесы так же смешны и далеки от искусства, как и не столь давние попытки некоторых критиков (и часто именно тех, кто сегодня охраняет каждую строчку «Утиной охоты») отлучить Вампилова от советской драматургии. Мы ведем серьезный диалог с Вампиловым, и наше уважение к нему должно быть не формальным.

Сегодня мне показалось существенным заново осмыслить финал «Утиной охоты». И опять-таки не ради спора самого по себе, а по внутренне важным для меня как человека и художника основаниям. У Вампилова Зилов последней своей репликой — согласием идти с официантом Димой на утиную охоту — уничтожается окончательно. Полным спокойствием после отчаянного душевного вопля, после попытки самоубийства, жутким спокойствием и готовностью убивать он приравнен к Диме, к хладнокровному убийце с маской добродетели на лице. Я прекрасно сознавал остроту и силу такого «опережающего» финала. И все же опустил финальную точку, чтобы возникло многоточие открытого трагического конца. Мое актерское, человеческое чувство не могло смириться с полным превращением героя Такой человек, как Зилов, может захлебнуться тоской, может потерять веру в людей, в целесообразность жизни, но он не может стать Димой, охотником, убийцей. Это все же люди разных социальных пород. Тут другая кровь. Мне хотелось открытым финалом вызвать в зрителе трагическое напряжение, если хотите, нравственное содрогание, то самое, которое испытывает Зилов в конце спектакля, в пустынно-бесприютном пространстве сцены, под этим самым целлофановым мешком, где свалены елки и струятся потоки воды.

Не нам судить о том что получилось и не получилось в спектакле. Я уверен только в одном: «Утиная охота» — подлинно мхатовская пьеса. Ее автор мог бесстрашно смотреть в глаза жизни, умел заглянуть в такие «закоулки» человеческой души, которые заново открывают нам нас самих. Художественному театру, его актерам надо было пройти через эту пьесу, пережить ее нравственный заряд, почувствовать мощь искусства, способного на таком уровне откровенности и глубины разговаривать со зрителем.

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВ

Если вы знаете шведский, финский или датский языки, перелистайте подшивки этих газет, и вы еще раз удостоверитесь, что Вампилов понятен не только нам, что сегодня его любят не только в столице нашей необъятной Родины. Неповторимый талант не шагает, а шествует по сценам мира и, как справедливо сказал один иркутский критик, «борется за человеческие сердца». Действительно, по-разному можно было относиться к творчеству Вампилова, а так это и было, если бы не рождался феномен понимания, что Вампилов желал этому

миру только добра. И если театр призван формировать человечность, то Вампилов первым из первых талантливо и смело формировал человечность, утверждал человеческое достоинство и продолжает делать это и сегодня. И это прекрасно!

Когда я сидел на премьере спектакля «Прошлым летом в Чулимске» в Финляндии, я думал, какое бы было счастье, если бы Саша видел, как люди, рожденные его талантом, ходят по сценам уже не только иркутским и московским, как они дороги и понятны людям других национальностей. Его нет, а творчество его существует и будет существовать, и театры ставят и будут ставить его пьесы, и не однажды еще возникнет «Прощание в июне», и снова повторится «Старший сын», и обязательно будут тосковать и надеяться люди «Прошлым летом в Чулимске», и «Утиная охота» скажет свое слово в полный голос, потому что это необходимо времени. Это должно быть и это будет!

ВИКТОР РОЗОВ

«Чтобы добиться признания надо или уехать, или умереть»,— говорит персонаж ранней пьесы Вампилова «Дом окнами в поле».

Пророческая фраза. Они нередко встречаются у писателей, а особенно у поэтов. «...И мнится, очередь за мной...» — предчувствовал Пушкин незадолго до гибели. «Может быть, и мне пора в дорогу бренные пожитки собирать», — Есенин. И совсем не за горами был день, когда он покончил с собой. А у Маяковского от обратного: «И в пролет не брошусь, и не выпью яда, и курок не смогу над виском нажать». Нажал.

Едва Вампилов ушел из жизни, как пьесы его буквально ринулись на сцену. Найдется ли в стране театр, который не поставил хотя бы одну из пьес Вампилова? Надеюсь, нет. А вскоре они перелетели границы вначале социалистических стран, а потом Западной Европы, Азии, Америки. Несколько лет назад я был в ГДР, в Берлине, на фестивале театров страны и свидетельствую: самый сердечный и горячий прием имел спектакль карлмарксштадтского театра «Прошлым летом в Чулимске».

Вампилов — настоящий художник, истинный драматург. Под настоящим художником я понимаю автора, который пишет в четырех измерениях. В материальном мире мы знаем три измерения: линия, плоскость, объем. Иногда так и говорят о пьесе: прямолинейная или плоская. Значит, плохая. Когда же скажут: «Довольно объемная», — уже хорошо.

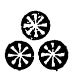
Но произведение искусства отличается от реального материального мира еще и тем, что оно имеет четвертое измерение. И именно оно, это четвертое измерение, — непременный признак искусства. Нет его в драме, прозе, поэзии — они не художественные, даже если и написаны умело, даже если с мастерством. Творчество и есть выход в четвертое измерение.

Пьесы Вампилова тем и удивили нас, когда были обнародованы, что они четырехмерны. Именно оттого они манят к себе,

их хочется ставить, играть. Однако при большом успехе спектаклей, поставленных по вампиловским пьесам, я почти не видел полного раскрытия. Спектакли были примитивнее пьес, в лучшем случае проще. Успех шел за счет сюжета, характеров, языка, которые у Вампилова всегда и даже каждый в отдельности, бесспорно, хороши. Но сущность, именно особость его четвертого измерения отсутствовала. Недаром и появились сейчас театрально-критические статьи о «загадке Вампилова». Мне думается, загадка эта заключается в том, что почти каждая пьеса Вампилова начинается как водевиль и даже фарс, а затем стремительно достигает предельного драматического напряжения. Театрам удается водевильная сторона, драматическая же всегда сглажена, полусерьезна. Театр как бы теряется перед пьесой, в которой есть лед и пламень, они играют среднее — воду. Хорошо еще, если горячую воду.

Из тех спектаклей, которые я видел, исключение могу сделать для постановки «Утиной охоты» в Рижском русском драматическом театре, где я почувствовал истинного Вампилова, ахнул и содрогнулся в финале, и отчасти «Прошлым летом в Чулимске» в театре имени Ермоловой в Москве, хотя этот спектакль попроще.

Пьесы Вампилова еще не открыты. Есть выражение «крепкий орешек». Да, художественное произведение находится в скорлупе, нередко не сразу раскусишь, поломаешь зубки, прежде чем доберешься до сладкого и ни с чем не сравнимого ядрышка. Но что же, это не беда автора, а его судьба. Явится какой-нибудь молодой режиссер, прочтет пьесы Вампилова незамутненными «свежими очами», поймет их и откроет всем нам.

ПРИМЕЧАНИЯ

В этой книге собрано почти все, что было написано Александром Вампиловым за его недолгую жизнь. Предыдущие издания включали либо одни пьесы (Старший сын, Иркутск, 1977), либо одни рассказы (Стечение обстоятельств, Иркутск, 1961), либо пьесы с некоторыми рассказами (Избранное, М., 1975), либо одни очерки (Билет на Усть-Илим, М., 1979). Здесь же собраны и пьесы, вплоть до последней, незаконченной, и рассказы, и очерки, и фельетоны, которые писал Александр Вампилов в пору своей журналистской работы. Кроме того, помещены статьи и воспоминания писателей, режиссеров, критиков: Валентина Распутина, Олега Ефремова, Геннадия Николаева, Алексея Симукова, Виктора Розова и других.
Первое место в книге предоставлено пьесам, а потом уже идут очерки, фельетоны и рассказы, хотя хронологически все было наоборот. Но пьесы даны вначале, и это справедливо, потому что они — высшее достижение Александра Вампилова и, конечно, по уровню и значению превосходят все другое, что было создано им за пятнадцать лет литературной работы. Начало ее обозначено первыми рассказами, опубликованными в 1958 г., когда А. Вампилову было двадцать лет, а завершение — неоконченной пьесой «Несравненный Наконечников», первая картина которой опубликована уже после гибели драматурга в в сентябре 1972 г.

Первые литературные опыты Вампилова-студента печатались в иркутских газетах: «Ленинские заветы», «Иркутский университет», «Советская молодежь». Когда, продолжая учиться на пятом курсе университета, Вампилов был принят в редакцию областной молодежной газеты (30 октября 1959), он был уже автором почти пятнадцати опубликованных рассказов и сцен. Тем не менее будущего драматурга зачислили, как гласит приказ, «на должность стенографиста с месячным испытательным стажем и оплатой согласно штатному расписанию — 500 рублей в месяц» (в старом исчислении. — Б. Р.). По свидетельству той же книги приказов, в этом же году, только немного раньше, в редакцию приняли и Валентина Распутина — на должность библиотекаря. Правда, и Вампилов, и Распутин этих должностей не исполняли, занимались журналистскими делами — просто других вакансий не было...
Работая в газете, Александр Вампилов продолжал писать рассказы и сцены. И в декабре 1962 г. ему был предоставлен

отпуск «в связи с творческой командировкой в Москву на семинар драматургов-одноактников...»

Первые опыты Александра Вампилова были встречены благожелательно. В статье «Когда спорят друзья» (14 мая 1959) газета «Советская молодежь» писала: «В процессе совещания (молодых авторов. — Б. Р.) выяснилось, что среди творческой молодежи немало способных прозаиков, рукописи которых после некоторой доработки можно рекомендовать к опубликованию... Это юмористические рассказы студента университета А. Санина...» Санин — литературный псевдоним писателя, которым он часто пользовался в начале своей работы. Под этим псевдонимом вышел и его первый небольшой сборник «Стечение обстоятельств».

Конечно, между ранними, «санинскими» страницами и пьесами Александра Вампилова — дистанция огромного размера. Между тем и они интересны. Не просто сами по себе, не только как начало литературного развития, литературной судьбы. При внимательном рассмотрении в этих первых, отнюдь еще не мастерских, рассказах и сценах обнаруживаются драматические ситуации и сюжеты, которые потом в ином уже, трансформированном виде перенеслись в пьесы. В «Утиной охоте», например, Вера, одна из героинь, продавщица, называет всех своих поклонников «аликами» — они все для нее одинаковы. Но еще в рассказе «Глупости», написанном в 1959 г., Надежда Павловна, «женщина пожилая, одинокая и добрая», всех напористых и беззастенчивых молодых людей называет «Эдиками», и ей «кажется, что все Эдики ходят в узких штанах и все — негодяи...» В той же «Утиной охоте» Зилов и Галина вспоминают молодость, свои счастливые дни — Галина помнит и цветы, и звезды, и старую церковь, в которой они хотели обвенчаться, и все слова того необыкновенного, волшебного вечера — Зилов не помнит, забыл. Но еще в сцене «Цветы и годы» — тот же разлом: муж вспоминает свою отчаянную, бесшабашную отважную любовь, но жена уже не помнит и даже боится ее. А сцена была написана в 1958 году...

Очерки и фельетоны собранные в данной книге, относятся, в основном, к тому времени, когда Вампилов работал в газете «Советская молодежь» (1959 — начало 1964 г.). Однако и позднее он продолжал публиковать очерки и фельетоны. Так, один из лучших очерков «Прогулки по Кутулику» Вампилов написал спустя четыре года после того, как оставил газету.

Первые его пьесы — одноактные — тоже были написаны во время работы в газете. Всего Александр Вампилов написал три одноактные и четыре многоактные пьесы, начал пятую, но она осталась незаконченной.

ПЬЕСЫ

ДОМ ОКНАМИ В ПОЛЕ

Впервые опубликована в журнале «Театр» (1964, № 11). Вошла в «Избранное» Александра Вампилова (М.: Искусство, 1975). По пьесе поставлены радио- и телеспектакль.

ПРОЩАНИЕ В ИЮНЕ

Первая многоактная пьеса Александра Вампилова. Написана в 1964 г. Первоначальное название, о котором драматург говорил своим товарищам, — «Ярмарка». Были и другие варианты названия и самой пьесы. Под названием «Прощание в июне» впервые опубликована в альманахе «Ангара» (1966, № 1).

Впервые пьеса поставлена в театрах Вологды, Клайпеды, Грозного, Кустаная, Улан-Удэ, Новомосковска. Потом шла во многих других городах страны, а также за рубежом — в Польше, Венгрии, ГДР Болгарии и других странах.

Печатается по «Избранному».

СТАРШИЙ СЫН

Пьеса написана в 1965 г. Первоначальное название (обозначенное, например, в отрывке, напечатанном в иркутской газете «Советская молодежь» 30 мая 1965 г.) — «Женихи». Под названием «Предместье» опубликована в альманахе «Ангара» (1968, № 2). Впервые поставлена в Иркутском драматическом театре имени Н. П. Охлопкова в ноябре 1969 г. (режиссер В. Симоновский).

Из всех пьес Александра Вампилова «Старший сын» наиболее часто привлекает внимание наших театров. В сезоне 1975—1976 гг., например, пьеса шла сразу в 52 театрах страны. В 1976 г. был снят телевизионный фильм «Старший сын» (режиссер Виталий Мельников, в роли Сарафанова — Евгений Леонов). Пьеса идет за рубежом — в Чехословакии, Венгрии, Болгарии и других странах.

Печатается по «Избранному».

УТИНАЯ ОХОТА

По мнению многих критиков, лучшая пьеса Александра Вампилова. Уже в рецензии на первую постановку отмечалось: «В этой пьесе сказано так много и сказано так, что ее следует определить как яркое явление советского театра». Американский театральный критик Ричард Ко, оценивая постановку в вашингтонском театре «Арина стейдж», замечал, что Вампилов «пишет в традиции Достоевского о беспокойном, самому себе вредящем герое, злоключения и характер которого представляются специфически русскими...»

«Утиная охота» закончена в 1968 г. Опубликована в альманахе «Ангара» (1970, № 6), впервые поставлена в Рижском театре русской драмы в октябре 1976 г. (режиссер А. Кац), затем в Ленинграде (театр им. Ленинского комсомола), в Москве (МХАТ и театр им. Ермоловой) и других городах страны, а также за рубежом — в Югославии, Венгрии, Финляндии, США. ФРГ и других странах.

Печатается по «Избранному».

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ АНЕКДОТЫ

Вначале Александр Вампилов написал две одноактные пьесы — «Двадцать минут с ангелом» и «История с метранпажем». Первая (в самом начальном, весьма отличном от последующих

варианте) была написана в 1962 г., а опубликована в 1970 г. в альманахе «Ангара» (№ 4). «История с метранпажем» вышла отдельным изданием в 1971 г. (М., Искусство). Затем драматург объединил эти одноактные пьесы в «Провинциальные анекдоты». Под названием «Два анекдота» пьеса впервые была поставлена в Ленинграде, в Большом драматическом театре им. Горького (режиссер А. Товстоногов). Потом ее поставили в других городах и за рубежом — в Чехословакии, Югославии, ГДР, Венгрии, Болгарии, Финляндии, Англии, США, ФРГ, Франции и других странах.
Печатается по «Избранному».

ПРОШЛЫМ ЛЕТОМ В ЧУЛИМСКЕ

Пьеса закончена в начале 1971 г. Опубликована в альманахе «Ангара» (1972, № 6), уже после гибели драматурга. Впервые поставлена в театрах Тбилиси, Кирова, Фрунзе, Вильнюса, потом в других городах страны и за рубежом — в Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Англии, Норвегии, Финляндии, Швеции, США, ФРГ и других странах. Польская газета «Голос рабочего» (Лодзь) писала 14 апреля 1976 г.: «Советский драматург Александр Вампилов успел создать на своем коротком веку лишь пять театральных пьес, но получил благодаря им широкую известность не только в своей стране. Его пьесы по своей литературной сущности продолжают традиции великих русских писателей, материалом же для них служит жизненный опыт современного человека, они, плоть родной земли, говорят нестереотипную правду о человеческой жизни в конкретном месте и времени».
Печатается по отдельному изданию, вышедшему в издательстве «Искусство» в 1974 г.

РАННИЕ СТРАНИЦЫ

Очерки и статьи

МЕЧТА В ПУТИ

Впервые опубликовано в иркутской газете «Советская молодежь» 12 ноября 1959 г. Входит в сборник «Белые города» (М., Современник, 1979).

ТИХИЙ УГОЛОК

Впервые опубликовано в газете «Советская молодежь» 19 янв. 1960 г. Входит в сборник «Белые города».

ОТ ГОРИЗОНТА К ГОРИЗОНТУ

Впервые опубликовано в газете «Советская молодежь» 26 апр. 1960 г. Входит в сборник «Белые города».

ВЕСНА БЫВАЕТ ВСЮДУ

Впервые опубликовано в газете «Советская молодежь» 8 марта 1960 г. Входит в сборник «Белые города».

ПОЕЗД ИДЕТ НА ЗАПАД

Впервые опубликовано в газете «Советская молодежь» 7 авг. 1960 г. Входит в сборник «Белые города».

Я С ВАМИ, ЛЮДИ

Впервые опубликовано в газете «Советская молодежь» 27 авг. 1960 г. Входит в сборник «Белые города».

ВЕСЕЛАЯ ТАНЬКА

Впервые опубликовано в газете «Советская молодежь» 18 февр. 1961 г. Входит в сборник «Белые города».

ПРИНИМАЙ, СЕРЕБРЯНЫЙ КОНВЕЙЕР!

Впервые опубликовано в газете «Советская молодежь» 28 июня 1961 г. Входит в сборник «Белые города».

ДЕНЬ-НОЧЬ, ДЕНЬ-НОЧЬ...

Впервые опубликовано в газете «Советская молодежь» 4 сент. 1962 г. Входит в сборник «Белые города».

НА ПУТИ К ЧУНСКОМУ СОКРОВИЩУ

Опубликовано в газете «Советская молодежь» в двух номерах — 31 окт. и 4 ноября 1962 г.

КОЛУМБЫ ПРИШЛИ ПО СНЕГУ

Впервые опубликовано в газете «Советская молодежь» 3 марта 1963 г. Входит в сборники «Билет на Усть-Илим» (М., Сов. Россия, 1979) и «Белые города».

ДОРОГА

Впервые опубликовано в газете «Советская молодежь» 5 марта 1963 г. Входит в сборники «Билет на Усть-Илим» и «Белые города».

ПРОЛОГ

Впервые опубликовано в газете «Советская молодежь» 15 мая 1963 г. Печатается по коллективному сборнику «Принцы уходят из сказок» (Иркутск, 1964). Входит в сборник «Билет на Усть-Илим» и «Белые города».

ПЛЮС-МИНУС РЕКОНСТРУКЦИЯ

Опубликовано в газете «Советская молодежь» 13 июня 1963 г.

ГОЛУБЫЕ ТЕНИ ОБЛАКОВ

Очерк написан совместно с В. Шугаевым. Впервые опубликован в газете «Советская молодежь» в четырех номерах — 7, 10, 14, 31 июля 1963 г. Вошел в сборники «Билет на Усть-Илим» и «Белые города».

БИЛЕТ НА УСТЬ-ИЛИМ

Впервые опубликовано в газете «Советская молодежь» 10 авг. 1963 г. Печатается по книге «Принцы уходят из сказок». Входит в сборники «Билет на Усть-Илим» и «Белые города».

БЕЛЫЕ ГОРОДА

Впервые опубликовано в газете «Советская молодежь» 25 сент. 1963 г. Печатается по книге «Принцы уходят из сказок». Входит в сборники «Билет на Усть-Илим» и «Белые города».

АНГАРСКИЕ НЕФТЯНИКИ НА ФИНИШНОЙ ПРЯМОЙ

Впервые опубликовано в газете «Советская молодежь» 20 ноября 1963 г. Входит в сборник «Белые города» под названием «На финишной прямой».

КАК ТАМ НАШИ АКАЦИИ?

Впервые опубликовано в газете «Советская молодежь» 27 июля 1965 г. Входит в сборники «Билет на «Усть-Илим» и «Белые города».

ПРОГУЛКИ ПО КУТУЛИКУ

Впервые опубликовано в газете «Советская молодежь» в двух номерах — 15 и 17 авг. 1968 г. Входит в сборники «Билет на Усть-Илим» и «Белые города».

ВЕЧЕР

Печатается по книге «Принцы уходят из сказок». Входит в сборники «Билет на Усть-Илим» и «Белые города».

ГОРОД БЕЗ ОКРАИН

Печатается впервые по рукописи, хранящейся у матери драматурга Анастасии Прокопьевны Копыловой-Вампиловой. Очевидно, репортаж написан в 1962 г., когда Вампилов учился в Москве на журналистских курсах Центральной комсомольской школы и выполнял одно из учебных заданий.

О'ГЕНРИ

За подписью «А. Санин» опубликовано в газете «Советская молодежь» 11 сент. 1962 г. Заметка посвящена столетию со дня рождения знаменитого американского писателя, произведения которого, судя по всему, Вампилов хорошо знал и ценил.

Фельетоны

АТТЕСТАТ НА ПОРЯДОЧНОСТЬ

Опубликован в газете «Советская молодежь» 12 июля 1960 г.

ЖИВЫЕ ИСКОПАЕМЫЕ

Опубликован в газете «Советская молодежь» 8 окт. 1960 г.

ЗИМИНСКИЙ АНЕКДОТ

Впервые опубликован в газете «Советская молодежь» 22 ноября 1962 г. Входит в сборник «Белые города».

ЛОШАДЬ В ГАРАЖЕ

Опубликован в газете «Советская молодежь» 2 дек. 1962 г.

КОЕ-ЧТО ДЛЯ ИЗВЕСТНОСТИ

Опубликован в газете «Советская молодежь» 13 января 1965 г.

ВИТИМСКИЙ ЭПИЗОД

Впервые опубликован в газете «Советская молодежь» 1 сент. 1966 г. Входит в сборник «Белые города».

Рассказы

СТЕЧЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

Печатается по одноименному сборнику. Впервые под псевдонимом А. Санин рассказ опубликован в газете «Иркутский университет» 4 апр. 1958 г. Вошел в «Избранное» и сборник «Белые города».

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ ИНТЕРМЕДИЯ

За подписью «А. Санин, студент» опубликован в газете «Советская молодежь» 13 июня 1958 г.

НА СКАМЕЙКЕ

Печатается по сборнику «Стечение обстоятельств». Впервые под названием «Девушка на скамейке» опубликован в иркутской газете «Ленинские заветы» 15 и 17 июня 1958 г. под псевдонимом А Санин. Вошел в «Избранное» и сб. «Белые города».

СТОМАТОЛОГИЧЕСКИЙ РОМАН

Под псевдонимом А. Санин впервые опубликован в газете «Иркутский университет» 27 июня 1958 г. Вошел в «Избранное» и сборник «Белые города».

СУМОЧКА К РЕБРУ

Печатается по сборнику «Стечение обстоятельств». Впервые опубликован под всевдонимом А. Санин в газете «Советская молодежь» 22 февр. 1959 г. Вошел в «Избранное» и сборник «Белые города».

МЕСЯЦ В ДЕРЕВНЕ, ИЛИ ГИБЕЛЬ ОДНОГО ЛИРИКА

Под псевдонимом А. Санин впервые опубликован в газете «Иркутский университет» 10 окт. 1958 г. Вошел в «Избранное» и сборник «Белые города».

ФИНСКИЙ НОЖ И ПЕРСИДСКАЯ СИРЕНЬ

Печатается по сборнику «Стечение обстоятельств». Впервые под названием «Персидская сирень» опубликован в газете «Иркутский университет» 1 ноября 1958 г. за подписью «А. Санин». Вошел в «Избранное» и сборник «Белые города».

ЦВЕТЫ И ГОДЫ. СЦЕНА

За подписью «А. Вампилов, студент госуниверситета» опубликована в газете «Советская молодежь» 6 ноября 1958 г.

ДЕВИЧЬЯ ПАМЯТЬ

Печатается по сборнику «Стечение обстоятельств». Впервые за подписью «А. Санин» опубликован в газете «Советская молодежь» 2 дек. 1958 г. Вошел в «Избранное» и сборник «Белые города».

ШОРОХИ. РАССКАЗ НОЧНОГО СТОРОЖА

Под псевдонимом А. Санин опубликован в газете «Иркутский университет» 27 дек. 1958 г.

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ

Печатается по сборнику «Стечение обстоятельств». Вариант рассказа «Лужи в декабре», напечатанного за подписью «А. Санин» в газете «Иркутский университет» 27 дек. 1958 г. Вошел в «Избранное» и сборник «Белые города».

КОММУНАЛЬНАЯ УСЛУГА

За подписью «А. Санин» опубликован в газете «Советская молодежь» 28 дек. 1958 г.

НАСТОЯЩИЙ СТУДЕНТ

Опубликован под псевдонимом А. Санин в иркутской газете «Ленинские заветы» 12 апр. 1959 г.

ГЛУПОСТИ

Под псевдонимом А. Санин опубликован в иркутской газете «Ленинские заветы» 30 авг. 1959 г. Существует вариант этого рассказа под названием «Однажды вечером».

РЕВНОСТЬ

Опубликован в газете «Советская молодежь» 12 марта 1960 г, за подписью «А. Санин».

КОНЕЦ РОМАНА

Впервые опубликован в газете «Советская молодежь» 25 окт. 1960 г. Очевидно, рассказ написан после знакомства с молодым, только начинавшимся северным городом Железногорском, где Вампилов бывал неоднократно по командировкам газеты. Вошел в сборник «Белые города».

УСПЕХ

Печатается по сборнику «Стечение обстоятельств» Впервые опубликован 23 ноября 1960 г. в газете «Советская молодежь». Вошел в «Избранное»

СВИДАНИЕ. СЦЕНКА ИЗ НЕРЫЦАРСКИХ ВРЕМЕН

Печатается по сборнику «Стечение обстоятельств». Вошла в «Избранное» (где ошибочно указывается, что «сценка публикуется впервые по рукописи») и сборник «Белые города».

НА ПЬЕДЕСТАЛЕ

Печатается по сборнику «Стечение обстоятельств». Вошла в «Избранное» и сборник «Белые города».

СУГРОБЫ

Печатается по коллективному сборнику «Ветер странствий» (Иркутск, 1964). Впервые под названием «В сугробах» опубликован в газете «Советская молодежь» 1 янв. 1961 г. за подписью «А. Санин». Вошел в «Избранное» и сборник «Белые города».

ИСПОВЕДЬ НАЧИНАЮЩЕГО. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЭТЮД

Впервые под псевдонимом А. Санин опубликован в газете «Советская молодежь» 9 апр. 1961 г. Вошел в сборник «Белые города».

ЭНДШПИЛЬ

Под псевдонимом А. Санин впервые опубликован в газете «Советская молодежь» 13 мая 1961 г. Вошел в сборник «Белые города».

ТОПОЛЯ

Опубликован в газете «Советская молодежь» 11 июня 1961 г. под псевдонимом А. Санин.

СТУДЕНТ

За подписью «А. Санин» впервые опубликован в газете «Советская молодежь» 23 сент. 1961 г. Вошел в сборник «Белые города».

СТАНЦИЯ ТАЙШЕТ

Печатается по сборнику «Ветер странствий». Впервые под псевдонимом А. Санин опубликован в газете «Советская молодежь» 25 июля 1962 г. Вошел в «Избранное» и сборник «Белые города».

СОЛНЦЕ В АИСТОВОМ ГНЕЗДЕ

Печатается по сборнику «Ветер странствий». Впервые опубликован под псевдонимом А. Санин в газете «Советская молодежь» 8 сент. 1963 г. Вошел в «Избранное» и сборник «Белые города».

МОЯ ЛЮБОВЬ

Рассказ публикуется впервые по рукописи, хранящейся у В. Молчановой.

ЛИСТОК ИЗ АЛЬБОМА

Рассказ написан в самом начале 60-х гг. Опубликован уже после смерти Александра Вампилова в еженедельнике «Литературная Россия» 14 мая 1976 г. Вошел в сборник «Белые города».

ПОСЛЕДНЯЯ ПРОСЬБА

Рассказ написан в самом начале 60-х гг. Впервые опубликован в еженедельнике «Литературная Россия» 14 мая 1976 г. Вошел в сборник «Белые города».

ПОСЛЕДНИЕ СТРАНИЦЫ

НЕСРАВНЕННЫЙ НАКОНЕЧНИКОВ

Последняя, незаконченная пьеса Александра Вампилова. Первая картина была опубликована после гибели драматурга в газете «Советская молодежь» 23 сент. 1972 г.

Б. Ротенфельд

О Вампилове

Валентин Распутин — писатель. Статья — предисловие к сборнику пьес А. Вампилова «Старший сын» (Иркутск, 1977).

Геннадий Николаев — писатель. Очерк из журнала «Звезда» (1980 № 6).

Елена Якушкина — заведующая литературной частью Московского театра им. М. Н. Ермоловой. Статья написана для данной книги.

Иллирия Гракова — редактор издательства «Искусство». Статья написана для данной книги.

Александр Штейн — драматург. Отрывок из книги «Второй антракт».

Алексей Симуков — драматург. Статья написана для данной книги.

Дина Шварц — заведующая литературной частью Ленинградского Большого драматического театра им. М. Горького. Статья написана для данной книги.

Георгий Товстоногов — народный артист СССР главный режиссер Ленинградского Большого драматического театра им. М. Горького. Статья из журнала «Театр» (1977, № 12).

Аркадий Кац — народный артист Латвийской ССР, главный режиссер Рижского театра русской драмы. Из интервью, опубликованного в газете «Советская молодежь» 6 янв. 1979 г.

Олег Ефремов — народный артист СССР, главный режиссер Московского художественного академического театра им. М. Горького. Статья написана для данной книги.

Владимир Андреев — народный артист РСФСР, главный режиссер Московского театра им. М. Н. Ермоловой. Из выступления на вечере в Центральном Доме литераторов, посвященном сорокалетию со дня рождения А. Вампилова.

Виктор Розов — драматург. Статья написана для данной книги.

СОДЕРЖАНИЕ

АЛЕКСАНДР ВАЛЕНТИНОВИЧ ВАМПИЛОВ

ДОМ ОКНАМИ В ПОЛЕ

Составители *А. П. Вампилова-Копылова* и *Л. В. Иоффе*.
Редактор *Л. В. Иоффе*
Художник *А. И. Аносов*
Художественный редактор *Е. Г. Касьянов*
Технический редактор *А. В. Пономарева*.
Корректор *Г. Ф. Клешнина*

ИБ № 560
Сдано в набор 14.04.81. Подписано в печать 21.10.81. НЕ 08956. Формат 84×108 1/32. Бум. тип. № 3. Гарнитура журнальная. Высокая печать. Усл. печ. л. 33,6+0,1 вкл. Уч. изд. л. 35,25+0,4 вкл. Тираж 100 000 экз. (1-й завод 1—50 000 экз.). Заказ 1874. Цена 2 р. 40 коп.
Восточно-Сибирское книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 664011, Иркутск, Горького, 36а.
Типография издательства «Восточно-Сибирская правда», 664009, Иркутск, Советская, 109.

ИРКУТСК 1981